ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ (ВОЕННОЙ ИСТОРИИ) ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

УНИВЕРСИТЕТ ТУРОН (Узбекистан),
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА ЗАПАДНЫХ ЯЗЫКОВ

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ «СООБЩЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

БЕЛГОРОДСКИЙ ДИАЛОГ – 2026: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ

Сборник материалов
XVIII Международного молодежного научного форума,
посвященного 150-летию НИУ «БелГУ»,
году единства народов России и Десятилетию науки и инноваций

ЭПИЦЕНТР

Белгород 2026

УДК 94:80
ББК 63.3(2)+80
Б 43

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Педагогического института НИУ «БелГУ» (протокол № 6 от 03.07.2026)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор *К.К. Ли*

Члены редколлегии:
С.В. Евтушенко, В.С. Морщинский, А.С. Титова, П.А. Чересюк

Рецензенты:

Г.Ю. Мальцева, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и русской литературы;

О.А. Смоленская, доцент, кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии и управления
ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова»

Б 43 **Белгородский диалог – 2026: Проблемы истории и филологии :** сборник материалов XVIII Международного молодежного научного форума / отв. ред. К.К. Ли. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2026. − 426 с.

ISBN 978-5-6056850-1-2

Сборник материалов XVIII Международного молодежного научного форума «Белгородский диалог – 2026: проблемы истории и филологии» включает в себя работы молодых исследователей по различным проблемам истории и филологии и реализует идею взаимосвязи языка, текста и исторической памяти. Первый раздел охватывает вопросы, связанные с историей античности, эллинизма, Византии, археологией Причерноморья и Восточной Европы, историй России от древнейших времен до современности, историей Белгородчины. Во втором разделе рассматривается широкий круг проблем стилистики, ономастики, литературоведения, поэтики русской и мировой литературы. В структуру сборника включены материалы, посвященные методике преподавания исторических и филологических дисциплин.

Материалы сборника ориентированы на специалистов в области филологии, истории, учителей, а также будут интересны широкой аудитории.

УДК 94:80
ББК 63.3(2)+80

ISBN 978-5-6056850-1-2

© НИУ «БелГУ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ИСТОРИЯ.....10
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ, ЭЛЛИНИЗМА ДРЕВНЕГО РИМА И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ.....10
Е.А Аверкиева ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЕРАКЛА В ЗАРУБЕЖНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX В. КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОСТИ.....10
М.С. Богомолов «Я БЫ ПРЕДПОЧЕЛ БЫТЬ С ЧЕШСКОЙ КРЕСТЬЯНКОЙ, ЧЕМ С НЕМЕЦКОЙ КОРОЛЕВОЙ»: ОБРАЗ НЕМЦЕВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....12
А.А. Борзенкова ФЕНОМЕНЫ ЖИВОТНОГО МИРА В «ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО» КВИНТА КУРЦИЯ РУФА.....15
А.А. Забаренко СВИДЕТЕЛЬСТВО ИОСИФА ФЛАВИЯ ОБ ИИСУСЕ ХРИСТЕ.....17
Р.А. Иванченко МАРКИОНОВ КАНОН И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ БИБЛЕЙСКОГО КАНОНА.....20
М.А. Литвяк КИПРСКИЙ КУРИОН И ЕГО ОСНОВАНИЕ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И МИФОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ.....22
В.П. Маслов ИДЕОЛОГЕМА «AETERNITAS ROMAE» В ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ЛАТИНСКИХ ИСТОЧНИКАХ.....25
В.К. Мацнев ПРОЕКТ ПЛАТОНОПОЛИСА В КОНТЕКСТЕ «ГАЛЛИЕНОВА РЕНЕССАНСА».....27
А.В. Мозжегорова ДЕМЕТРА В КОМЕДИЯХ АРИСТОФАНА.....30
Ю.В. Некрасова «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ» ПЛУТАРХА КАК МАНИФЕСТ ГРЕЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.....33
В.А. Подорванов КЕСАРИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ИРОДА I.....35
С.А. Семенихина ТРУД РАБОВ В «ИЛИАДЕ» И «ОДИССЕЕ».....38
А.В. Сергиенко ТРУСОСТЬ В СОЧИНЕНИИ ПЛУТАРХА «СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ».....41
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ. РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ.....44
Е.О. Губернаторова БАЛЬБУРА В ГОРНОЙ ЛИКИИ: МАЛЫЙ ГОРОД РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ.....44
И.С. Дударевский ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОККУЛЬТИЗМА ВИЗАНТИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ВКЛАД Н.Д. БАРАБАНОВА.....45
Р.А. Ермолович ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ КАК ФАКТОР ВИЗАНТИНИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ФРИГИИ.....48
А.А. Жиленкова ПАМЯТНИКИ ГОРОДА СИДЕ В РИМСКО-РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ.....51
А.Р. Ильязова, Е.А. Ковтун СОБОР СВЯТОЙ СОФИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ КАК ВЕРШИНА ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ.....54
Е.Н. Катаржнова ОБРАЗЫ АНТИЧНЫХ БОГОВ В «ПОХВАЛЕ ГЛУПОСТИ»: САТИРА ИЛИ ФИЛОСОФСКАЯ АЛЛЕГОРИЯ?.....58
А.В. Колий БИНБИР-КИЛИСЕ: ВИЗАНТИЙСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ШКОЛА В КАМЕНИСТОЙ ПУСТЫНЕ.....60
А.Н. Колтунов РАЗВИТИЕ ГОРОДА НАИСС В РИМСКО-РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД.....63
М.А. Масленникова ДОМ ДИОНИСА: МОЗАИЧНОЕ ИСКУССТВО ПАФОСА.....65
И.А. Муртазин ЭЛЕФТЕРНА НА КРИТЕ В РИМСКИЙ И РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОДЫ.....68
М.А. Руднева ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ В ТРУДЕ «ЗАВОЕВАНИЕ ЕГИПТА, АЛ-МАГРИБА И АЛ-АНДАЛУСА».....70
Е.С. Федулова РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД ТИСДРА В АФРИКЕ И ЕГО ПАМЯТНИКИ.....73
Е.В. Черникова СЕМАНТИКА АРХИТЕКТУРНЫХ МЕТАФОР В «ЭКФРАСИСЕ СВЯТОЙ СОФИИ» ПАВЛА СИЛЕНЦИАРИЯ: ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО К ДУХОВНОМУ.....76

Ю.С. Шапоренко ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПАНОПОЛЯ В III–VI ВВ. ... 78
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ... 82
Л.Х. Алиева СВЯЗЬ РИМСКОЙ ВОЕННОЙ ТРАДИЦИИ И КУЛЬТА АФРОДИТЫ АНАДИОМЕНЫ В КРЫМУ: АНАЛИЗ БРОНЗОВОЙ ДЕКОРАЦИИ ИЗ ГУРЗУФСКОГО СЕДЛА ... 82
К.Н. Антипов К ВОПРОСУ О УРНОРВЫХ КРЕМАЦИЯХ ВАРНУТСКОЙ ДОЛИНЫ КРЫМА .. 85
А.С. Коровина СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОХОДОВ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В III-II ВВ. ДО Н.Э.: СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМЫ ВЗИМАНИЯ ... 87
С.С. Титов КУЛЬТ БОГИНИ ПЛОДОРОДИЯ У ГОТОВ III-IV ВВ. ... 89
АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ... 92
М.А. Гончаров, А.В. Лайко 3D-СКАНИРОВАНИЕ КАК МЕТОДИКА ФИКСАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ: ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КАЧЕСТВО ЦИФРОВОЙ МОДЕЛИ ... 92
С.А. Коваль ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ... 95
П.С. Рузмикина ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК «СТОЛБОВОЙ»: К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ ... 97
Е.А. Шебанов К МОРФОЛОГИЧЕСКИМ ОСОБЕННОСТЯМ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ РОМЕНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ... 100
А.С. Щербинин ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В АНГЛО АМЕРИКАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ: ИНТЕГРАЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КОМПЬЮТЕРНЫХ МЕТОДОВ В 1960-1980-Х ГОДАХ ... 103
ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО НАЧАЛА XVIII ВЕКА ... 107
К.В. Краплин ОБРАЗ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА В ПАМЯТНИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕРАЛЬДИКИ ... 111
В.С. Малышева, О.Е. Черникова ХРИСТИАНСКАЯ ЖЕРТВЕННОСТЬ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ПРИНЦИПА НАСЛЕДОВАНИЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО СТОЛА В XI В.: НА ПРИМЕРЕ БОРИСА И ГЛЕБА ... 114
С.К. Овчинников ВЛИЯНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО ... 117
С.А. Скочек ВЛИЯНИЕ ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ XI-XII ВВ. ... 120
Е.О. Трибуль АФОНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИКОНОПИСНОГО КАНОНА НА РУСИ НА ПРИМЕРЕ ИКОН ТИПА ОДИГИТРИЯ ... 122
С.А. Шевченко ВОПЛОЩЕНИЕ ПОДВИГОВ НЕБЕСНОГО ПОКРОВИТЕЛЯ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА В НАГРАДНОЙ СИСТЕМЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ ... 125
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ ... 129
Р.С. Белолипецкий ИСТОРИКИ ПЕКИНСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О ВЫХОДЦАХ ИЗ РОССИИ НА СЛУЖБЕ ДИНАСТИИ ЮАНЬ ... 129
Е.Е. Волчкова МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА БАЛ: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА ... 132
И.О. Глухих РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКИХ ЗЕМЛЯЧЕСТВ КАК ФАКТОРА СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX В. ... 134
Е.Е. Денисова РОЛЬ И.И. БЕЦКОГО В СОЗДАНИИ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ) ... 137
Н.А. Клышнюк ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СЕКТАНТСТВА В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: АНАЛИЗ ДАННЫХ «ОБЗОРОВ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ» ... 140
А.Р. Красноперова ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА ХРАМОВ-ПАМЯТНИКОВ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА НА ПРИМЕРЕ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ ... 142
А.М. Курилко ФОРМЫ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАЛЕРИСТИКЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф.А. ГОЛОВИНА ... 146
А.С. Кутоманов ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНСКОЙ ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ВОРОНЕЖСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ) ... 150
Ю.И. Погорелова ДВОРЯНКИ-ФАБРИКАНТКИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ... 152

Ю.Р. Санина ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ПОКУШЕНИЯМ НА АЛЕКСАНДРА II В РОССИЙСКОЙ ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ (1866-1881 ГГ.) 154
Е.Д. Слостина КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ КУРАТОРСТВО ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 157
М.А. Удалова ПРОФИЛАКТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ И ВЕДЕНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СЕМЬЕ АЛЕКСАНДРА II и АЛЕКСАНДРА III 160
В.О. Цыгулёва ОПЫТ ЖЕНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 163
Я.Г. Черкашина СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСТВА В.О. ШЕРВУДА И Н.В. СУЛТАНОВА В КОНТЕКСТЕ «РУССКОГО СТИЛЯ» ЭПОХИ АЛЕКСАНДРА III 166
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ. ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 170
Д.В. Воронова ФОРМЫ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛГОРОДСКОГО КРАЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПУБЛИКАЦИЯХ, ХРАНЯЩИХСЯ В БИБЛИОТЕКЕ ГАНИБО 170
А.П. Косенко ВОИНСКИЙ И ТРУДОВОЙ ПУТЬ МОЕГО ПРАДЕДА: НЕРАЗРЫВНАЯ СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ 174
Е. В. Лузин МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЯПОНСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВЕТСКУЮ СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО САХАЛИНА (1945-1955 ГГ.) 177
К.Р. Фесенко СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЁЖИ 181
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЯ БЕЛГОРОДЧИНЫ И ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ 184
И.А. Зверев ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МБОУ "СОШ № 1 С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИМЕНИ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ РОМАНОВОЙ" Г. НОВЫЙ ОСКОЛ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (1905-2025 ГГ.) 184
Д.А. Сухенко ЗАДАЧИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТАНКОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ХОДЕ БИТВЫ НА КУРСКОЙ ДУГЕ (1943 г.) И СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РФ НА УКРАИНЕ (2022-2026 гг.): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 187
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ 191
В.С. Аулова ПРИМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ДОЛЖНОСТНОЙ ИНСТРУКЦИИ ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ 191
А.С. Белюченко ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С УПРАВЛЕНЧЕСКИМИ ДОКУМЕНТАМИ В АДМИНИСТРАЦИИ НИКИТОВСКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА «КРАСНОГВАРДЕЙСКИЙ РАЙОН» БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ 193
В.Ю. Беседина РОЛЬ ИНСТРУКЦИИ ПО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ В СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ 196
Е.О. Булаткина ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ИСХОДЯЩЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ В ЧДОУ «ПРАВОСЛАВНЫЙ Д/С «ПОКРОВСКИЙ» 199
А.В. Богодист ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ДОГОВОРНОЙ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ В ДЕПАРТАМЕНТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НИУ «БЕЛГУ» 201
Е.Е. Гапеева СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБМЕНА ДАННЫМИ МЕЖДУ ВЕДОМСТВАМИ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА 203
А.В. Гусарова ВИДОВОЙ СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ И РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В МБОУ «СОШ № 2 Г. СТРОИТЕЛЬ» ЯКОВЛЕВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА 206
С.А. Дубровская СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ 208
Е.С. Ишкова ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С КАДРОВЫМИ ДОКУМЕНТАМИ В ООО «ДОЛИНА СЕМЯН БЕЛГОРОД»: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ 210

А.А. Ковалева РИСКИ И ПРЕИМУЩЕСТВА ВНЕДРЕНИЯ ЧАТ-БОТОВ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ В РАБОТУ С ГРАЖДАНАМИ 213
А.С. Костина ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С ДОКУМЕНТАМИ В МБУК «ЦБС №2» ГУБКИНСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА 215
Е.А. Локтионова ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ДОКУМЕНТАМИ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ В УПРАВЛЕНИИ КУЛЬТУРЫ, МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И СПОРТА АДМИНИСТРАЦИИ РОВЕНЬСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ И ЕЁ ОСОБЕННОСТИ 217
Е.Н. Мельник ВЕДЕНИЕ КАДРОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ООО «РУССКИЙ ДОМ КАНЦЕЛЯРИИ»: АНАЛИЗ СЛОЖИВШЕЙСЯ ПРАКТИКИ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ 219
В.В. Прийменко ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ РАВНОЗНАЧНЫМИ БУМАЖНЫМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ И КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 222
Д.С. Распопова НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ АТТЕСТАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ 224
К.А. Савченкова ВИДОВОЙ СОСТАВ ДОКУМЕНТОВ В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ЯКОВЛЕВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА 226
Д.А. Семыкина ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ВХОДЯЩИМИ ДОКУМЕНТАМИ В ООО «РАКЕТА»..... 230
А.А. Слынько ПРОБЛЕМЫ ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ ВНЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ООО «АПК «ПРОМАГРО»)..... 232
А.Е. Слюсарева ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ СЛУЖБЫ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ: КОМПЕТЕНЦИИ, ОБУЧЕНИЕ, МОТИВАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ..... 235
С.В. Степаненко ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОМАНДОЙ ПРОЕКТА 239
Е.Ю. Тамбасова ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ВХОДЯЩЕЙ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ В ООО «ЛАРИСА»..... 242
Н.В. Тарасова ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО..... 243
А.С. Тельнова КАДРОВОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: АНАЛИЗ И РАЗРАБОТКА ИНСТРУКЦИИ ПО КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАЦИИ БОЛЬШАНСКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ 245
С.Р. Тихомирова ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ МАГИСТРАНТОВ-ДОКУМЕНТОВЕДОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА..... 248
А.С. Цунаева СПЕЦИФИКА РАБОТЫ С ДОКУМЕНТАМИ В ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ..... 250
Т.И. Юрченко ОТ СТРУКТУРЫ К ДОКУМЕНТООБОРОТУ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ОРГПРОЕКТИРОВАНИЯ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ..... 253
Ю.Д. Яковенко РАЗРАБОТКА БАЗЫ ДАННЫХ ДЛЯ УЧЕТА И УПРАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫМИ АРХИВНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ В АРХИВНОМ ОТДЕЛЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ РАБОТЫ И АРХИВНОГО ДЕЛА АДМИНИСТРАЦИИ НОВООСКОЛЬСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА 256
КРУГЛЫЙ СТОЛ «МЕЖДУ ЦЕНТРОМ И ПЕРИФЕРИЕЙ» 258
К.Э. Гингуляк ПУБЛИЧНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ «ДОКТРИНЫ РЕЙГАНА» В РЕЧАХ ПРЕЗИДЕНТА И РЕАКЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ 258
И.А. Казаков ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО НАРРАТИВА В ЭПОХУ Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА 261
А.В. Пуляев ОЦЕНКА ПРИЧИН И СУЩНОСТИ ПОЛИТИКИ РУСОФОБИИ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ В КОНЦЕ 1990-Х ГОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 264
Ю.С. Саленик ВЕЛИКОБРИТАНИЯ КАК УЧАСТНИК В ВОЙНЕ В ИРАКЕ 2003 ГОДА 267

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ 269
О.А. Александров КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ЭПОХИ АЛЕКСАНДРА I В ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 269
Раздел 2. **ФИЛОЛОГИЯ**. **ДИСКУРСИВНЫЕ УСЛОВИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИЧЕСКОЙ АУРЫ СЛОВА** 273
О.Г. Абент ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ТЕКСТА КАК КЛЮЧ К ПОСТИЖЕНИЮ ЦЕННОСТНЫХ СМЫСЛОВ 273
А.А. Беззубенко ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «КОСМЕТИКА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 275
А.А. Тарасова ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ИДИОСТИЛЕВОЙ МАРКЕР В РАННИХ РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА 280
СЛОВО В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА 284
В.А. Бугрова ЭКСПЛИЦИТНЫЕ СИГНАЛЫ ПОДТЕКСТОВОСТИ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА 284
В.А. Вараксина СРАВНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В. ВЕРЕСАЕВА 286
А.С. Квитко ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПОВЕСТИ «ПАЛАТА №6» А.П. ЧЕХОВА 289
Е.М. Кудрявцев ЭПИТЕТЫ В ПОЭЗИИ ЛАНЫ ЯСНОВОЙ 294
К.В. Литвинова ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА В СТРУКТУРЕ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» 297
ТЕКСТ В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ФУНКЦИОНАЛЬНОМ И КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТАХ 301
А.Я.А. Аль-Тамими ЦИТАТЫ ИЗ КОРАНА В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ: СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ 301
Е.С. Блажиевская МЕТАФОРА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ И РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОСИСТЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКИ) 304
Р.А. Голотовская ИМЯ *ФЕТ* КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА) 306
В.В. Зубкова ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ: ОТ ШИРОКОГО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА К УЗКОСПЕЦИАЛЬНОЙ ФИКСАЦИИ 308
З.В. Кузнецова ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА БАСНИ И.А. КРЫЛОВА «ВОРОНА И ЛИСИЦА» В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ (НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ У СТУДЕНТОВ ИЗ КИТАЯ) 311
М.К. Мироненко ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ОППОЗИЦИИ «СВОЁ – ЧУЖОЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ А.И. КУПРИНА 314
Ю.А. Степаненко ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦВЕТОВЫХ ЭПИТЕТОВ В ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКЕ А.А. БЛОКА И Н.С. ГУМИЛЕВА: ОТ ЦВЕТА К ОБРАЗУ 317
ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИЯ СЛОВА И ТЕКСТА 320
Л.М. Варданян ЛЕКСЕМА «ЮБКА» И ЕЕ ДЕРИВАТЫ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ 320
А.П. Уренкова РЕПРЕЗЕНТАНТЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО СЛОВАРЯ МОДЫ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ 323
В.В. Хачатурова КОНЦЕПТ «ВРАГ»: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И КУЛЬТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ 325
А.И. Чистилина СИМВОЛИКА «НИЖНИХ» СОМАТИЗМОВ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ 327
ЛИНГВИСТИКА И СТИЛИСТИКА ТЕКСТА 331
И.О. Лифинцева ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ТЕКСТА 331
А.И. Радомская СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КОЛОРАТИВОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ С.А. ЕСЕНИНА 1918-1922 гг. 334
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ОНОМАСТИКИ 337
Е.Е. Литвиненко ИСТОРИЗМЫ В ПОВЕСТЯХ Н. В. ГОГОЛЯ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И ИХ РОЛЬ В ВОССОЗДАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ 337

Ш.Б. Шадыева ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ» 341
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ 344
Ю.В. Быкова ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН» 344
ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ IX-XXI ВЕКОВ 347
Д.Г. Курусь ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ОТ УТОПИИ К АНТИУТОПИИ В ТВОРЧЕСТВЕ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ 347
С.В. Ларкина СКАЗОЧНЫЙ КОД РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОТ ЖИТИЙНОГО ЧУДА К НРАВСТВЕННОЙ МЕТАФОРЕ (ПО «ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ» ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА И «АЛЕНЬКОМУ ЦВЕТОЧКУ» С.Т. АКСАКОВА) 349
ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА РУССКОЙ КЛАСИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА 352
К.Л. Закирченко ОБРАЗ ПОЭТА В СБОРНИКЕ СТИХОВ Е.А. БАРАТЫНСКОГО «СУМЕРКИ» 352
В.В. Звонков САТАНА МИЛЬТОНА И ДЕМОН ЛЕРМОНТОВА: К ТИПОЛОГИИ ОБРАЗОВ 355
Э.Е. Литвинова ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЧУТКОСТЬ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» 359
Е.Н. Свиридова ТРАДИЦИИ ИСПОВЕДАЛЬНОГО ЖАНРА И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПОЭТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 362
Е.А. Шелухина ХРОНОТОП «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» В РОМАННОЙ ТРИЛОГИИ И.А. ГОНЧАРОВА 364
Т.И. Юрченко ОБРАЗЫ «НОВЫХ ЛЮДЕЙ» В РОМАНЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» 366
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА 369
Д.А. Губина ЭТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ФЭНТЕЗИ Д. ЕМЦА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ СЕРИИ «МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ») 369
О.М. Прохорова ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ДЕТСТВА В ПОЭЗИИ XX ВЕКА 371
В.В. Хоркина ПРАВОСЛАВНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Н. КРУПИНА 374
МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕМЫ, ИДЕИ, ОБРАЗЫ **377**
Д.П. Игонина ПОТЕРЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И АБСУРД БЫТИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОБО АБЭ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ЧУЖОЕ ЛИЦО», «ЧЕЛОВЕК-ЯЩИК») 377
А.А. Чучерова ОБРАЗ РУСАЛОЧКИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГАНСА ХРИСТИАНА АНДЕРСЕНА 380
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ 386
К.Н. Адонина РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗБОРА 386
А.С. Белых СИСТЕМА РАБОТЫ НАД МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРОЙ СЛОВА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ 389
У.С. Борзунова МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ 393
П.Г. Королёва СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УУД НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 6 КЛАССЕ С ПОМОЩЬЮ ИНТЕРАКТИВНОЙ ИГРЫ-ПУТЕШЕСТВИЯ «УДИВИТЕЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ» 395
М.А. Куриленко ОРФОЭПИЯ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 398
С.С. Маслова ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ 402
А.И. Панютчева ОБРАЗЫ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ И КАМНЕЙ В АСПЕКТЕ АНАЛИЗА СИМВОЛИСТКОЙ ПОЭЗИИ В.Я. БРЮСОВА 404

А. А. Фирсанова АНАЛИЗ ФРАГМЕНТОВ РОМАНА-ЭПОПЕИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ 407
В.В. Хоркина, А.И. Панютчева, Т.И. Юрченко МЕТОДИЧЕСКАЯ КОПИЛКА УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.Н. КРУПИНА) 410
М.А. Шепеленко РОЛЬ МОРФЕМАТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СУФФИКСОВ С ПОСТОЯННЫМ НАПИСАНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ СУФФИКОВ -*ЧИВ-/-ЛИВ-*) 413
ФИЛОЛОГИЯ ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ.....416
П.В. Сидельникова ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОНЯТИЯ «ОСЕНЬ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «НИВЫ СЖАТЫ, РОЩИ ГОЛЫ…») 416
А.С. Скубанович ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА В КИММЕРИЙСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ М. А. ВОЛОШИНА.....418
А.А. Сычева КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ В.В. МАЯКОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ «СТИХОВ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ») 421
Д.А. Шаталова РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ 423

Раздел 1. ИСТОРИЯ
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ, ЭЛЛИНИЗМА ДРЕВНЕГО РИМА И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

УДК 94(3):008

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЕРАКЛА В ЗАРУБЕЖНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX В. КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОСТИ

Е.А. Аверкиева
Научный руководитель – к. пед. н., доц. А.М. Болгова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1730906@bsuedu.ru

Одной из наиболее популярных и устойчивых мифологических фигур в мировой культуре является Геракл. Его образ привлекал множество творцов и исследователей, поскольку еще в сочинениях Еврипида он был представлен в разных воплощениях: «подневольного работника», «блестящего победителя» и «подвижника»[1], что изначально дает подспорье для изображения объемной фигуры.

Д.В. Колосов предлагает культурно–психологический анализ образа Геракла, выделяя в нём четыре аспекта: архетипический, мифологический, культовый (божественный) и возможный исторический[2].

Как архетип Геракл собирает в себе все атрибуты героя, что еще более создает интерес к его личности. Следует отметить, что XX век, в связи с переживаемыми в мире потрясениями, становится временем серьезного возвращения к античному наследию и его переосмыслению.

В сборнике рассказов Агаты Кристи «Подвиги Геракла» (1947) Эркюль Пуаро расследует дела, вдохновленные древнегреческими мифами о Геракле. Мифологические сюжеты служат здесь не просто основой для рассказов, но и способом ироничного переосмысления и художественной интерпретации, где Пуаро предстает в роли современного «Геракла», решающего сложные задачи.

Сборник состоит из пролога и двенадцати рассказов, объединенных фигурой знаменитого сыщика[3]. Эркюль Пуаро решает перед уходом на покой принять всего двенадцать дел, каждое из которых должно символически соответствовать одному из двенадцати подвигов античного героя.

Сборник примечателен ироничным отношением к главному герою. Уже само имя Эркюль является французским вариантом имени Геракла, создавая параллели между персонажами. Но несмотря на данную параллель, Пуаро не восхищается личностью героя, а наоборот противопоставляет:

«Взять хоть этого Геракла – ничего себе герой! Здоровенный детина недалекого ума с преступными наклонностями!»[4]

Кристи сознательно противопоставляет мощь и физическую силу мифологического Геракла интеллектуальным способностям своего сыщика, который одерживает победу над преступниками благодаря уму, а не грубой силе.

В этом произведении Пуаро рассматривается как современная версия Геракла. Агата Кристи переосмысливает классические мифы, заменяя физическую силу интеллектом, а сражения с чудовищами ─ расследованиями преступлений. Таким

[1] *Анненский И.Ф.* Миф и трагедия Геракла. – СПб., 1906. – С. 422.
[2] *Колосов Д.В.* Четыре аспекта фигуры эпического героя на примере образа Геракла // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2015. №2. – С. 96.
[3] *Нестер Н.В.* Интерпретация образа Геракла в сборнике А. Кристи «Подвиги Геракла» // Science and Education: Modern Time. 2023. № 2. – С. 490.
[4] *Кристи А.* Подвиги Геракла. – М., 2000. – С. 11.

образом, она сохраняет структуру мифологического сюжета, но наполняет его новым содержанием и меняет общий тон повествования, создавая ремифологизацию.

Другой характер носит образ Геракла в произведениях Хайнера Мюллера, он отражен в драме «Геракл 5» (1964). Мюллер взял за основу своей пьесы пятый подвиг (очищение Авгиевых конюшен). Античный миф повествует о том, как Геракл проломил в двух местах каменную стену, окружавшую конюшни, а затем повернул ближайшие реки Алфей и Пеней, или Мений, так, чтобы их потоки устремились через скотный двор, начисто вымыли его и понеслись дальше, смывая навоз с загонов для овец и с пастбищ в долине[1]. Пьеса Мюллера частично опирается на античную традицию, но сознательно упрощает и деканонизирует модель древнегреческой трагедии. Она состоит из двух актов. В первой части (прологе) двое фиванцев просят Геракла совершить пятый подвиг, очистить Авгиевы конюшни и избавить Фивы от грязи и разложения. Во второй части Геракл очищает город, убивает Авгия и получает обещанный трофей.

Развитие образа Геракла в интерпретации Мюллера определяется проблематизацией его субъектности. Геракл Мюллера – это раб системы государственного управления. Герой-полубог не может избавиться от власти фиванцев над его волей, изменить собственную судьбу без достаточной мотивации, но он же оказывается единственным, кто способен изменить привычный традиционный уклад, преобразовать Хаос в Космос[2].

Персонаж переживает экзистенциальную драму: начав с осознания своей подчинённости социально-экономическим условиям, он приходит к полной потере идентичности, завершающейся безумием[3]. В драме «Геракл 5» героя разрушает как социалистическая, так и капиталистическая модель общества, тем самым Мюллер делает перенос на современные для него социально–политические отношения.

Линию политизированной реинтерпретации образа Геракла продолжает британский поэт и драматург Тони Харрисон. Его пьеса «Труженики Геракла» («The Labourers of Herakles», 1995) переносит историю Геракла в политическую среду конца XX в. Харрисон включает в повествование отсылки к геноциду и этническим чисткам в Боснийской войне, обозначенным в подзаголовке пьесы как «моральное безумие современного Геракла». В этой пьесе Геракл служит одновременно фигурой, олицетворяющей смерть и войну в целом, и предупреждением против повторения человечеством своих разрушительных ошибок. Характерной особенностью творческого метода Харрисона является коллажная техника, с помощью которой он собирает и сопоставляет образы и тексты, связанные с Гераклом, Фринихом, Боснийской войной и многим другим[4].

В результате Геракл у Харрисона – фрагментарный образ, который создан из противоречивых представлений о герое, где древние и современные, элитарные и популярные репрезентации героя сосуществуют в напряжённом диалоге. Это свидетельствует о том, что в конце XX века образ Геракла окончательно утрачивает свою целостность и однозначность, становясь полем для культурной и политической рефлексии.

В западной культуре 2-й половины XX в. одним из наиболее занимательных и доминирующих направлений становится постмодернизм, для которого характерно

---

[1] *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. – Екатеринбург, 2005. – С. 640.

[2] *Биктимиров В.Э.* Особенности интерпретации античного мифа о Геракле в драмах Х. Мюллера и П. Хакса // Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность – современность. – М., 2018. – С. 167.

[3] *Фролова А.С.* Концепция образа Геракла в творческой практике Хайнера Мюллера // Вестник Ивановского государственного университета. 2024. Вып. 2. – С. 31.

[4] *Hodkinson O.* The Moral Madness of the Modern Herakles: Collage and Fragments in Tony Harrison's The Labourers of Herakles and the Harrison Archive // Hercules Performed: The Hero on Stage from the Enlightenment to the Early Twenty-First Century. – Leiden: Brill, 2024. – P. 85–86.

обращение к античным образам[1]. Так, в постмодернистской французской научной фантастике миф о Геракле выступает как воплощение архетипа трансцендентного человечества, символизирующего возможность преодоления естественных ограничений через трансформацию человеческой природы.

Согласно мифу, Геракл, будучи полубогом, вынужден исполнять божественные поручения. Ключевым моментом его пути становится добровольное восхождение на костёр: страдая от последствий отравления из-за туники, подаренной женой, он уничтожает свою смертную оболочку[2]. Эта трансцендентная метаморфоза знаменует апофеоз, при котором герой обретает божественный статус и доступ к жизни Бессмертных.

Таким образом, трансформация образа Геракла в зарубежной художественной литературе XX в. представляет собой процесс, отражающий ключевые культурные и интеллектуальные сдвиги эпохи. От ироничного детективного переосмысления у Агаты Кристи, где физическая сила уступает место интеллекту, до политизированной деконструкции в немецкой драматургии Хайнера Мюллера, где герой становится жертвой социальных и идеологических механизмов, и политически ангажированного образа «труженика» у Харрисона.

В XX веке образ античного героя был деконструирован и лишен однозначного героического ореол, таким образом, превратившись в отражение новой эпохи.

THE TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF HERCULES IN FOREIGN FICTION OF THE TWENTIETH CENTURY AS A MANIFESTATION OF THE RECEPTION OF ANTIQUITY

E.A. Averkieva
Belgorod State National Research University

The article analyzes the transformation of the image of Hercules in foreign literature of the 20th century on the example of the works of A. Christie, H. Muller and T. Harrison. The author shows how the ancient hero is reinterpreted through irony, intellectualization, socio-political criticism and fragmentation, losing its integral heroic aura.

Keywords: Antiquity, Hercules, reception, literature.

УДК 94(437)+94(430)

«Я БЫ ПРЕДПОЧЕЛ БЫТЬ С ЧЕШСКОЙ КРЕСТЬЯНКОЙ, ЧЕМ С НЕМЕЦКОЙ КОРОЛЕВОЙ»[3]: ОБРАЗ НЕМЦЕВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М.С. Богомолов
Н. рук. – д. и. н., проф. М.В. Дмитриев
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
msbogomolov@edu.hse.ru

Имагологические исследования получили распространение во второй половине XX века. Многие изыскания базировались на “межцивилизационных” образах. То есть это исследования, например, восприятия мусульманами западноевропейцев и наоборот, как книга Эдварда Саида[4]. Или же репрезентация России западноевропейцами и наоборот,

[1] *Болгова А.М.* Античные основы в истории европейской культуры. – Белгород, 2022. – С. 521.
[2] *Храбскова Д.М., Томичева И.В.* Мифы и идеи трасгумнизма в научной фантастике Франции эпохи посмодерна // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2023. № 1. — С. 71.
[3] Перевод этого фрагмента и последующих цитат из Далимиловой хроники – мой.
[4] *Said E.W.* Orientalism / Said E.W. – New York: A Division of Random House, 1979. – 369 p.

как, например, книга Ларри Вульфа[1]. Помимо этого, тематика восприятия власти особенно распространилась в отечественной науке в том числе и в первой четверти XXI века[2].

В этой же работе будут рассматриваться взаимоотношения двух народов, которых связывает долгая история – чехов и немцев. Чешская идентичность во многом строится на противостоянии крупному соседу, который долгое время был доминирующим в отношениях двух стран. В первую очередь, это Гуситские войны, которые хоть и характеризуются религиозным противостоянием, все же стали символом борьбы чешского народа за независимость. Это проявляется, в частности, и в произведениях многих авторов XIX и XX века. Например, одна из книг чешского писателя Алоиса Йирасека полностью посвящена эпохе Гуситских войн, где прослеживаются сюжеты, связанные с национальной борьбой чехов[3]. В XX веке высказывались теории, что в эпоху гусизма сформировался "протонационализм". Этим вопросом занимались как чешские[4], так и отечественные[5] исследователи. Однако предпосылки к формированию негативного отношения к немцам появились еще до этого.

Взаимоотношения двух народов, как можно заметить, комплексны. Германия и немцы сыграли существенную роль в истории Чехии. И за долгий период должен был сформироваться образ немцев. Поэтому возникает ряд вопросов, а каким этот образ был? Видели ли они в них колонизаторов, поработителей и захватчиков или защитников, сеньоров и товарищей по оружию? И в контексте этой работы будет рассматриваться более ранний период истории Чехии.

Первым источником является хроника Козьмы Пражского. Она имеет множество проблем, в частности и для этого исследования, так как не изобилует описанием отношения чехов к немцам. К тому же, автор часто может быть субъективным в своих суждениях, учитывая его лояльность Пржемысловичам. Тем не менее, из его описаний взаимоотношения немецких королей и чешских князей можно сделать определенные выводы.

Так, например, при описании детства одного из наследников трона Ольджриха он пишет следующее: "Ольджих был помещен при дворе императора Генриха, чтобы познать нрав, коварство и язык немцев"[6]. При этом оригинальный текст содержит слово "astutia"[7], что различными словарями переводится как "хитрость", "коварство", "замысел" и "изворотливость"[8]. То есть достаточно сложно понять, что конкретно имеет в виду Козьма. То ли изучить замыслы двора императора, то ли действительно познать коварство и хитрость немцев.

Так как Козьма был близок к правящей династии, он, вероятно, видел, что Богемия является скорее вассалом Германии, что немцы смотрели на них сверху, о чем свидетельствует и следующий фрагмент: "Ибо он знал врожденную надменность немцев, спесь, с которой они всегда смотрят на славян и на славянский язык"[9]. К этому стоит добавить и то, что долгое время славянам не было позволено становиться епископами –

---

[1] *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.

[2] *Бойцов М.А.* Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010. – 384 с.

[3] *Jirásek A.* Mezi proudy: ve čtyřech svazcích – V Praze: Nakladatel J. Otto Knihtiskárna, 1897. – Svazek III. – 534 s.

[4] *Kaminsky H.* La Révolution Hussite: Une Anomalie Historique, by František Šmahel. – Speculum 61, no. 3, 1986. – pp. 704-706.

[5] *Мельников Г.П.* Этническое самосознание чехов и национальные проблемы в Чехии в гуситскую эпоху (конец XIV века – 1471 г.) // Этническое самосознание славян в XV столетии. – М.: Наука, 1995. – С. 77-113.

[6] *Козьма Пражский.* Чешская хроника / Перевод с лат. Г. Э. Санчука – Москва: Академия наук СССР, 1962. – С. 79.

[7] *Cosmas Pragensis.* Die Chronik der Böhmen des Cosmos von Prag // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series. T. II / B. Bretholz (Hrsg.). – Berlin, 1923. – S. 61.

[8] *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь: Около 50 000 слов. – 2-е переработ. и дол. изд. – Москва: Русский язык, 1976. – С. 109.; Мусселиус, В. В. Русско-латинский словарь – Санкт-Петербург : Издание К. Л. Риккера., 1891. – С. 113, 123, 146.

[9] *Козьма Пражский.* Чешская хроника… – С. 91.

даже в Праге[1]. Поэтому явное негативное отношение к немцам у Козьмы не было безосновательным. Можно сказать, что эта неприязнь была взаимной. И при этом возникала не только у летописца, но и у князей: “...он приказал, чтобы сколько бы ни нашлось людей немецкого происхождения — все, будь то богатые, бедные или странники, были высланы в течение трех дней из Чехии. Спитигнев не разрешил остаться даже своей матери — Юдифи, дочери Оттона”[2].

Хроника заканчивает описание XII веком, но уже создает определенное представление об образе немцев не только у хрониста, но и в правящих кругах в целом. Конечно, необходимо учитывать, что автор писал хронику в начале XII века и, вероятно, переносил взгляд своего времени на X-XI века. Однако из действий Спытигнева II, который изгнал немцев, что происходило в середине XI века, можно сделать вывод, что антагонизм двух народов точно имел место к этому времени. Сложно сказать точно, чем это вызвано – то ли немцы все еще видели в славянах варваров-язычников, то ли из-за того, что чехи для них были побежденным народом и вассалом, то бишь ниже в иерархии. Но этот антагонизм продолжится и далее – в XIII и XIV веках.

Следующим источником является Далимилова хроника. Она изобилует как патриотическими высказываниями автора, так и его отношением к немцам. Настоящее произведение интересно именно своей живостью и тем, как мыслил и что думал автор.

Далимил более открыто выражает свою нелюбовь к немцам в сравнении с Козьмой. Так, например, при описании похода Генриха III, Козьма называет короля саксов Экхарда весьма благоразумным[3]. Описание самой битвы скорее нейтральное, и Козьма, судя по всему, был удивлен победой чехов[4]. Далимил же описывает битву с большим воодушевлением: “Они идут, чтобы хлеб наш отобрать без права. Если не хотите, чтоб жен ваших забрали немцы, то держитесь вместе”[5]. То есть хоть Козьма видит причину похода не совсем легитимной – нарушались законы, установленные еще Пипином[6], но вполне обоснованной – забрать долю награбленного чехами в Польше. Но Далимилу же видится этот поход исключительно грабительским и без какой-либо правовой подоплеки – хронист напрямую говорит, что немцы пришли грабить без права на это.

Более того, Далимил говорит, что “из цезаря кровь вместо молока потечет”[7]. Во многих агиографических произведениях можно прочесть, что у святого вместо крови текло молоко, как, например, в Житии мученика Антиоха Севастийского[8]. Этой фразой Далимил, вероятно, пытается напасть на представление императора как о “божественной” фигуре, тем самым ставя под сомнение и его легитимность и приравнивая его к обычным людям.

При этом в отличие от Козьмы, Далимил использует более конкретные эпитеты при описании немцев. Слово “chytrého” или в именительном падеже “chytrý”, которое используется в отношении Пражского епископа немецкого происхождения Экхарда[9], может переводиться как “хитрый”, так и “остроумный” и “льстивый”[10]. Учитывая, что Козьма пишет о нем весьма положительно[11], здесь Далимил, как ни странно, доброжелательно характеризует немца. Однако позже все равно хронист пишет, что “от немцев получить можно лишь лесть”[12].

---

[1] Там же. С. 66.
[2] Там же. С. 122.
[3] Там же. С. 114.
[4] Там же. С. 116.
[5] *Dalimil Meziříčský.* Rýmovaná kronika česká tak rečeného Dalimila / upravil Josef Jireček. – nakládem Matice České: Prag, 1878. – S. 77.
[6] *Козьма Пражский.* Чешская хроника… – С. 113.
[7] *Dalimil Meziříčský.* Rýmovaná kronika česká tak rečeného Dalimila… – S. 75.
[8] *Димитрий Ростовский (Туптало).* Страдание святого мученика Антиоха [Электронный ресурс] // Азбука Веры. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/602 (дата обращения: 18.04.2026).
[9] *Dalimil Meziříčský.* Rýmovaná kronika česká tak rečeného Dalimila… – S. 77.
[10] *Gebauer J.* Slovník staročeský. – V Praze: nákladem České grafické společnosti Unie, 1903. – S. 579.
[11] *Козьма Пражский.* Чешская хроника… – С. 93.
[12] *Dalimil Meziříčský.* Rýmovaná kronika česká tak rečeného Dalimila… – S. 84.

Далимил, как указано в названии работы, в своей иерархии ставил чешскую крестьянку выше немецкой королевы[1]. Объясняет он это тем, что немка будет учить ребенка исключительно немецкому языку и немецким манерам. Более того, он призывает говорить на немецком в Германии, а в Чехии на чешском[2].

В другой фабуле, связанной с избранием епископа, Далимил пишет следующее: “Не стоит брата очернять, не хотим немцам епископство уступать. Твой брат немцев из страны выгнал: и уж не знаем, как в тебя немецкая жилка прокралась”[3]. Здесь Далимил, скорее всего, выражает недовольство тем, что папство не допускает славян к епископскому сану.

И схожих фрагментов, где Далимил уничижительно пишет о немцах, немало. Конечно, есть и сюжет, где хронист даже воодушевленно говорит о взаимосвязях чешского и немецкого правителей, а именно при коронации Вратислава II[4]. Однако на протяжении всего текста видно отношение хрониста к соседнему народу. И даже у Козьмы Пражского, несмотря на более нейтральный стиль, по-прежнему прослеживается негативное отношение к немцам. Они видятся по большей мере льстивыми, хитрыми захватчиками, хотя ни Далимил, ни тем более Козьма не отрицают мощи императора и его оружия.

Отдельный интерес вызывают фрагменты с недовольством засильем немцев и немецкого языка. Несколько позже на схожие проблемы сетовал и Ян Гус, что означает: проблема эта возникла не при нем, но задолго до него.

Таким образом, несмотря на то что Священная Римская империя оказывала серьезное влияние на Чехию, при этом позже встроив ее в свою систему после коронации чешского правителя, в Богемии сохранялся антагонизм к немцам. Они по-прежнему виделись как “колонизаторы” и иноземцы, даже несмотря на общую веру и подчиняясь в итоге императору.

«I WOULD RATHER BE WITH A CZECH PEASANT WOMAN THAN WITH A GERMAN QUEEN»: THE IMAGE OF GERMANS IN MEDIEVAL CZECH LITERATURE

M.S. Bogomolov
Higher School of Economics

This article examines the image of the Germans from the point of view of the Czech chroniclers of the Middle Ages. Through the analysis of sources, the author demonstrates that the antagonism between Germans and Czechs arose before the Hussite Wars. It arose almost from the very beginning of the existence of the Czech state and developed throughout the Middle Ages. The author concludes that Czech historians of the XI-XIV centuries saw the Germans as colonists and invaders.

Keywords: Czech principality, imagology, Czech literature, Czech-German relations.

УДК 94.37

ФЕНОМЕНЫ ЖИВОТНОГО МИРА В «ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО» КВИНТА КУРЦИЯ РУФА

А.А. Борзенкова
Н. рук. – к. и. н., доц. Е.А. Семичева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
angelinaborzenkova@yandex.ru

В современном информационном обществе религия остается одним из ключевых факторов в формировании ценностных ориентиров и установок каждого человека. Под понятием «религия» исследователи подразумевают специфическую форму осознания

[1] Ibid. S. 71.
[2] Ibid.
[3] Ibid. S. 84.
[4] Ibid. S. 83-84.

мира, обусловленную верой в существование сверхъестественных сил[1]. Центральное место в религиозных воззрениях индивида занимает концепция чуда, которая, в свою очередь, уходит своими корнями в глубокую древность.

Изучение различных феноменов чудесного в мировоззрении древних невозможно без обращения к историческому прошлому, где особый интерес, на наш взгляд, вызывает римский период принципата. Религиозные взгляды римлян отражены в письменных источниках эпохи, среди которых в рамках исследуемой проблемы показательным представляется «История Александра Великого»[2] Квинта Курция Руфа.

Целью нашей статьи является выявление представлений древних о животном мире посредством анализа выдающегося сочинения римского автора. В основу работы положен комплексный подход к анализу источника, а также применены общенаучные методы.

Анализ фундаментального труда Квинта Курция Руфа показывает, что в представлении римского автора феномены животного мира связаны с вмешательством потусторонних сил, которые оказывали непосредственное воздействие не только на развитие и исход будущих событий, но и на результат боевых операций. Важно подчеркнуть, что в системе взглядов Курция различные представители фауны выступали в качестве божественных посланников, указывающих на действия и решения в сфере военного искусства[3]. Так, античный автор пишет, что в период штурма финикийского г. Тира (332 г. до н.э.) «вдруг морское чудовище необычайной величины <…> всплыло <…> от укреплений города» (Curt. IV. IV. 3). Квинт Курций Руф считал, что такое явление указывало на благоприятный исход для греческого полководца в этом сражении (Curt. IV. IV. 3; IX. IX. 22). Как отмечает В. Лиотсакис, данное знамение вселило уверенность в силах и укрепило боевой дух войска Александра Великого, в результате чего армия построила дамбу до восточного побережья Средиземного моря, что, в свою очередь, могло стать одним из факторов, повлиявшим на успешное завершение македонским правителем этой кампании[4].

Предвестниками исхода боевых операций выступали также различные птицы, в частности, вороны. Так, Курций Руф сообщает, что во время осады г. Газы (332 г. до н.э.) пролетавший мимо Александра Великого ворон оборонил кусок земли, державший в когтях, на голову македонского правителя, что было интерпретировано как символ падения филистимского города (Curt. IV. VI. 11). По свидетельству римского автора, прорицатель Аристандр, известивший Александра Великого о данном знамении, убедил его не вступать в сражение в тот день ввиду возможной гибели, вследствие чего знаменитый полководец, доверившись предсказателю, отдал приказ об отступлении, что, в свою очередь, могло повлиять на успех для македонского царя в сражении (Curt. IV. VI. 11-13).

Кроме того, римский историк сообщает, что за священное предзнаменование победы для греческого полководца в сражении при Гавгамелах (331 г. до н.э.) был принят паривший над головой Александра Великого орел (Curt. IV. XV. 26). По свидетельству Курция Руфа, данное явление оказало воодушевляющее воздействие на моральный дух воинов македонского правителя, в результате чего армия Александра разгромила войско противника и обратила его в бегство (Curt. IV. XV. 27-32).

Британский исследователь И.С. Гилхус указывает, что в сознании древних различные представители царства животных выступали в роли посредников во

---

[1] *Сова С.А., Кулакова Б.Э.* Религия в современном обществе // Евразийский союз ученых. – 2014. – № 8. – С. 169.

[2] *Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского / Под ред. В.С. Соколова. – М., 1993. – 464 с.; *Q. Curtius Rufus.* Life and exploits of Alexander the Great. – London, 1860. – 385 p.; *Q. Curtius Rufus.* The Life of Alexander the Great. – London, 1880. – 418 p.; *Q. Curtius Rufus.* Alexander the Great. – USA, 2015. – 114 p.

[3] *Liotsakis V.* Beloved of the Gods, Son of the Gods, Rival of the Gods: Alexander and the Rhetoric of Religion in Plutarch, Arrian and Curtius Rufus // Rhetoric and Religion in Ancient Greece and Rome / A. Papaioannou, A. Serafim, K. Demetriou. – Berlin, 2021. – P. 199.

[4] *Liotsakis V.* Op. cit. – P. 200.

взаимодействии с миром сверхъестественных сил, именно поэтому они считались носителями божественной воли. Методы предсказаний, основанные на систематическом наблюдении за передвижением и поведением живых существ, носили не только общественный характер, но и становились частью политической жизни[1]. Как утверждает ученый, такие практики дивинации приобретали государственное значение в период военных столкновений, когда римское войско оказывалось в уязвимом положении на территории противника. Античный автор полагал, что посредством гаданий по деяниям различных представителей животного мира решения военачальников в ходе того или иного сражения приобретали силу убеждения и способствовали благоприятному результату в битвах[2].

Подводя итог представлений римлян о животном мире в тексте Квинта Курция Руфа, можно утверждать, что данные феномены связаны с вмешательством потусторонних сил, которые оказывали непосредственное влияние на развитие и исход будущих событий, а также на результат боевых операций. Выделим, что в системе взглядов Курция, различные представители фауны играли роль божественных посланников, указывающих на действия и решения в военной сфере, в частности, в период штурма г. Тира и г. Газы, а также во время битвы при Гавгамелах. Как указывают исследователи, в сознании древних живые существа выступали в качестве третьей стороны во взаимодействии с миром сверхъестественных сил и считались носителями воли богов, именно поэтому данного рода способы дивинации приобретали не только общественное, но и государственное значение. По мнению римского историка, посредством гаданий по поведению различных представителей царства животных решения полководцев в ходе какого-либо военного столкновения приобретали силу убеждения и способствовали благоприятному исходу в кампаниях.

ANIMAL PHENOMENA IN THE HISTORY OF ALEXANDER THE GREAT BY QUINTUS CURTIS RUFUS

A.A. Borzenkova
Belgorod State National Research University

This article analyzes animal phenomena in Quintus Curtius Rufus's «History of Alexander the Great». The article focuses on the Roman author's attitude toward the intervention of mysterious beings within the context of religious tradition. The author concludes that, according to the ancient author, divination by the behavior of various animals lent persuasive power to commanders' decisions on the battlefield and contributed to the successful completion of their military operations.

Keywords: phenomena, animal world, Quintus Curtius Rufus, antiquity.

УДК 94(37).07

СВИДЕТЕЛЬСТВО ИОСИФА ФЛАВИЯ ОБ ИИСУСЕ ХРИСТЕ

А.А. Забаренко
Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1729757@bsuedu.ru

Текст «Иудейских древностей» Иосифа обладает исключительной ценностью, поскольку содержит два прямых упоминания об Иисусе из Назарета. Первое из них, расположенное в XX книге (Ant. XX. 200), повествует о побитии камнями «Иакова, брата

[1] *Gilhus I.S.* Animals, Gods and Humans: Changing Attitudes to Animals in Greek, Roman, and Early Christian Ideas. – London, 2006. – P. 26.
[2] Ibid. – P. 27.

Иисуса, именуемого Христом» и признаётся подавляющим большинством ученых аутентичным[1].

Особую важность представляет свидетельство Оригена, который в «Комментарии на Евангелие от Матфея» (Comment. In Matth. X. 17) приводит этот отрывок и замечает: «...и удивительно то, что, не признав Иисуса нашего Христом, он тем не менее засвидетельствовал такую праведность Иакова...». Такое замечание доказывает, что в его время в тексте Флавия отсутствовали те христологические убеждения, которые видны в Testimonium Flavianum. Ориген читал у Иосифа Флавия свидетельство о Христе с противоположным, антихристианским содержанием. К тому же, в этом фрагменте Флавий не пишет ничего, чего не мог бы написать правоверный фарисей, каким он и был[2].

Второе же (Ant. XVIII. 63-64), представляет собой развернутую характеристику Иисуса ивызывает ожесточенные споры. Э. Уили справедливо называет этот отрывок самым цитируемым древним текстом после Библии[3]. В современной историографии сложился консенсус, согласно которому Testimonium Flavianum не является ни полностью подлинным, ни тотальной подделкой, но представляет собой результат частичной христианской интерполяции. Наиболее последовательно эту позицию отстаивает Дж. П. Мейер, выделяя три христианские вставки, удаление которых позволяет восстановить нейтральный текст Флавия[4].

Этот текст ставит перед историками трудноразрешимую дилемму. Иосиф Флавий, как известно из его автобиографии (Vita), был правомерным иудеем и фарисеем, который никогда не переходил в христианство. Совершенно невозможно представить, чтобы он написал: «...То был Христос», или подтвердил Воскресение как свершившийся исторический факт. Как заметил еще Фотий, патриарх Константинопольский, такое свидетельство о Христе «естественно может вызвать сомнение в принадлежности его идеи Иосифу, а не православному христианину»[5]. Сомнения в подлинности свидетельства также были высказаны в 1592 г. Лукасом Озиандером в труде «Epitomes Historiae Ecclesiasticae».

Сторонники тотальной подделки утверждают, что всё упоминание от первого до последнего слова было вставлено христианским переписчиком. Наиболее часто в качестве такого фальсификатора называют Евсевия Кесарийского, который одним из первых цитирует Testimonium Flavianum в своих трудах – «Церковной истории» (I. 11) и «Доказательстве в пользу Евангелия» (III. 5). Аргументами в пользу этой гипотезы служат: стилистическое несоответствие лексики (использование слова «эллины» в нехарактерном для Флавия смысле), нарушение нарративного ритма главы (рассказ о бедствиях, постигших иудеев при Пилате, прерывается панегириком Иисусу), а также молчание ранних Отцов Церкви II-III вв. – ни Иустин Мученик, ни Тертуллиан, ни Климент Александрийский, активно полемизировавшие с иудеями и язычниками, не цитируют этого «убийственного» для оппонентов аргумента.

Бенедикт Низе, один из наиболее авторитетных издателей текста Иосифа Флавия, сформулировал аргументы против подлинности с предельной ясностью: «...ибо написан христианином, плохо согласуется с последующим, стиль чужд Иосифу, не признается древнейшими христианскими писателями, в первую очередь Оригеном».

В последние годы гипотеза о Евсевии как авторе интерполяции подверглась серьезной критике. Т. Шмидт в своей монографии детально анализирует цитатную

---

[1] *Schmidt T.C.* Josephus and Jesus: New Evidence for the One Called Christ. – Oxford, 2025. – P. 231.

[2] История древнего мира. Том3: Упадокдревнихобществ/ подред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. – М., 1989. – С. 156-157.

[3] *Whealey A.* Josephus on Jesus: The Testimonium Flavianum Controversy from Late Antiquity to Modern Times. – New York, 2003. – P. 5.

[4] *Meier J.P.* A Marginal Jew: Rethinking the Historical Jesus. Vol. 1. – NewYork, 1991. – P. 336-337.

[5] *Муретов М.Д.* К критике свидетельства Иосифа Флавия о Христе // Богословский вестник. Т. 2. № 9. – М.,1903. – С. 77-87.

практику Евсевия и приходит к выводу, что он был исключительно точен в своих цитатах и является маловероятным кандидатом на роль фальсификатора-интерполятора[1].

Ключевым событием в истории изучения свидетельства стала публикация в 1971 г. израильским профессором Шломо Пинесом арабской версии этого отрывка, обнаруженной в «Книге титулов» мелькитского епископа Агапия Манбиджского. Агапий, живший в исламском окружении и не зависевший от византийской церковной цензуры, приводит текст Флавия в иной, куда более сдержанной версии. Его версия снимает практически все противоречия, присущие стандартному греческому тексту. Здесь нет категорического утверждения «Он был Христом» и чуда Воскресения как объективного факта, а есть лишь рассказ учеников о том, что «он явился им» и осторожное «...полагают, что он был Мессией».

Андреас Й. Кёстенбергер отмечает, что отсутствие в арабской версии Testimonium Flavianum характерной христианской терминологии при одновременном сохранении ключевых повествовательных элементов служит весомым текстологическим аргументом в пользу того, что дошедший до нас греческий текст подвергся вторичной интерполяции[2].

Вопрос о времени внесения христианских интерполяций в текст «свидетельства» остаётся также предметом оживлённой дискуссии, в рамках которой ряд исследователей относит данную редактуру к периоду между Оригеном и Евсевием.

Цви Барас полагает, что интерполяция Testimonium Flavianum была произведена ещё до того, как текст попал в поле зрения Евсевия Кесарийского. Исследователь исходит из того, что Ориген, по-видимому, был знаком с оригинальной версией «свидетельства», которая не содержала негативных характеристик Иисуса – в противном случае александрийский богослов, известный своей полемической активностью, несомненно, отреагировал бы на них. На этом основании Барис датирует внесение христологических дополнений промежутком между временем деятельности Оригена и появлением сочинений Евсевия[3].

Сходной позиции придерживается и Пол Л. Мейер, который, сопоставляя цитату Евсевия с арабской версией «свидетельства» X века, принадлежащей Агапию Манбиджскому, приходит к выводу о том, что христианская интерполяция греческого текста должна была возникнуть задолго до Евсевия[4]. Аналогичным образом Роберт Э. Ван Вурст указывает, что наиболее вероятным временем появления интерполяции является период между Оригеном и Евсевием[5].

Следует отметить, что еще до открытия рукописи Агапия в советской исторической науке высказывались сомнения в правильности теории мифичности Иисуса. Нельзя забывать, что еще Ф. Энгельс критиковал Бруно Бауэра, одного из основателей мифологической школы и критиков исторического Иисуса, за то, что у последнего «...исчезает всякая историческая почва для новозаветных сказаний о Иисусе и его учениках»[6].

Таким образом, комплексный анализ источников и историографии позволяет заключить, что за вычетом позднейших христианских вставок в тексте Иосифа Флавия сохраняется историческое ядро. Оно подтверждает существование Иисуса из Назарета, его репутацию мудрого учителя, казнь при Понтии Пилате и продолжение движения его последователей, известных как христиане. Свидетельство Флавия остаётся одним из

---

[1] *Schmidt T.C.* Josephus and Jesus. – P. 215-230.

[2] *Kostenberger, Andreas J.; Kellum, L. Scott; Quarles, Charles L.* The Cradle, the Cross, and the Crown: An Introduction to the New Testament //The Journal of the School of Religious Studies. 2009. – P. 109.

[3] *Baras, Zvi.* The Testimonium Flavianum and the Martyrdom of James// Josephus, Judaism and Christianity – Leiden, 1987. – P. 340.

[4] *Maier, Paul L.* Eusebius: The Church History. – Michigan, 2007. – P. 336-337.

[5] *Van Voorst, Robert E.* Jesus Outside the New Testament: An Introduction to the Ancient Evidence. – Leiden,2000. – P. 97.

[6] *Свенцицкая И. С.* От общины к церкви // Раннее христианство: страницы истории. – М., 1987. – С. 62-65.

важнейших нехристианских источников I века, независимо удостоверяющих историчность центральной фигуры христианской традиции.

THE TESTIMONY OF JOSEPHUS FLAVIUSABOUT JESUS CHRIST

A.A. Zabarenko
Belgorod State National Research University

This article examines the famous passage from the «Jewish Antiquities» by Josephus Flavius, known as TestimoniumFlavianum. Attention is paid to the manuscript tradition, the analysis of the Arabic version of Agapius of Manbij, and the problem of textual interpolation. It is concluded that, apart from later Christian revisions, Flavius text contains an authentic core that confirms the historicity of Jesus of Nazareth.

Keywords: Josephus Flavius, TestimoniumFlavianum, Historical Jesus, Jewish Antiquities, interpolation.

УДК 94(495)

МАРКИОНОВ КАНОН И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ БИБЛЕЙСКОГО КАНОНА

Р.А. Иванченко
Н. рук. – д. ист. н, проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1730937@bsuedu.ru

Маркион Синопский был ересиархом и религиозным деятелем II в., основавшим в 144 г. собственную церковь, чья теология существенно отличалась от других христианских церквей. Маркион считал, что материальный мир был создан «несовершенным Богом», которого он отождествлял с Богом Иудеев и считал Иисуса Христа посланником высшего всеблагого трансцендентного бога. Поэтому Маркион решительно отвергал Ветхий Завет, противопоставляя его Новому Завету[1]. А из всех апостолов, он признавал только Павла, считая, что он единственный, кто правильно понял миссию Иисуса Христа[2].

В историю Маркион вошел и как первый, кто предпринял попытку создать канон Священного Писания. Однако его канон существенно отличался от современного. Маркион не включил Ветхий Завет в свой вариант Священного Писания. В его канон входили сокращенная версия Евангелия от Луки и 10 посланий Павла (все входящие в современный новозаветный канон кроме посланий Титу и Тимофею).

Ересиарх считал, что он не искажает тексты, а лишь восстанавливает их первоначальный вариант «очищая их от иудейских вставок»[3]. Об этом свидетельствует Ириней Лионский. В своем труде «Против ересей», он пишет: «он искажал Евангелие от Луки, устраняя все, что написано о рождестве Господа, и многое из учения и речей Господа» и «Подобным образом он урезал и послания апостола Павла» (Iren., Adv. haer. 1. 27. 2).

Таким образом текст Евангелия от Луки был лишен описания рождения, детства и воскрешения Иисуса, и начинается с Лк 3:1: «В пятнадцатый год правления Тиберия кесаря».

---

[1] *Хосроев А.Л.* «Другое благовествование». II. Христианские гностики II-III вв.: их вера и сочинения. – СПб.: Контраст, 2016. – С. 186-188.
[2] *Хеллер С.* Гностицизм. — М.: Касталия, 2013. – С. 132.
[3] *Мецгер Б.М.* Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011. – С. 92.

В посланиях Павла Маркион вырезал все, что считал искажением учения Павла. Таким образом, в Послании к Галатам место 3:16—4:6 было удалено из-за упоминания Авраама; а 2 Фес 1:6-8 — потому, что Бог не мог иметь ничего общего с наказанием.

Причина, по которой он избрал именно Евангелие от Луки, точно не ясна, возможно, причина кроется в том, что Лука был единственным сподвижником Павла[1]. О том, что Лука был важен для общины маркионитов, сообщает Тертуллиан: «У Маркиона таинство христианской религии берет начало от ученичества Луки» (Adv. Marc. IV. 3. 1). Также Тертуллиан сообщает, что Маркион отверг остальные евангелия, «которые имеют хождения под именем апостолов или апостольских мужей». Причиной отказа от этих текстов Тертуллиан называет влияние на Маркиона текста Гал 2. 11-14, в котором Павел обвиняет других апостолов в том, что «они поступают неправильно по отношению к истине евангелия» (Adv. Marc. IV. 3. 2). Порядок, в котором были расположены Послания Павла в каноне Маркиона, отличался от современного: Гал, 1 и 2 Кор, Римл, 1 и 2 Фес, Ефес, Кол, Флм, Флп[2].

Если же говорить о влиянии, которое оказал Маркионов канон, то следует отметить, что в современной науке, много противоположных мнений на этот счет. Так, ряд исследователей, в частности, Маркус Винсент, написавший монографию «Датировка евангелий», полагал, что все синоптические евангелия были заимствованы из Маркионова Евангелия, которое он датировал 140 годом. Следовательно, датировать синоптические Евангелия, по его мнению, стоит не ранее чем второй половиной II в.[3]

Основными аргументами сторонников данной теории является отсутствие упоминаний текстов Евангелий в Посланиях Павла и отсутствие прямого упоминания в текстах отцов церкви цитат из Евангелий (согласно этой теории, предполагается, что цитаты, которые считаются взятыми из канонических Евангелий, были на самом деле добавлены позже к Евангелию Маркиона). Исходя из этой версии, можно было бы заключать, что не будь Евангелия Маркиона (входившего в маркионов канон), то и канона Нового завета не было бы в современном виде, следовательно — влияние маркионова канона фундаментально[4]. Однако следует сделать оговорку: данная теория на данный момент не получила широкого распространения в научном сообществе, о чем сообщают и ее сторонники[5].

Большинство исследователей придерживается более умеренных позиций. Они не считают, что его канон стал отправной точкой для создания современного Библейского канона. Скорее Маркионов канон был серьезным вызовом для ортодоксальной церкви, который лишь ускорил процесс появления ее собственного канона[6]. Это связано с тем, что его учение больше, чем другие гностические системы, похоже на ортодоксальное христианство. А исследователь гностицизма Ганс Йонас и вовсе называет Маркиона «христианским» гностиком, и именно это сходство воспринималось ортодоксальными христианами как угроза[7].

Так в его церкви практиковалось крещение водой, помазание елеем, общины организовывались епископами, пресвитерами и диаконами во главе, а его общины были распространены по всей Римской империи[8].

---

[1] *Мецгер Б.М.* Указ соч. – С. 92.

[2] *Хосроев А.Л.* Указ соч. – С. 191.

[3] *Чекрыгин О.В., Надеина Д.А.* О датировке синоптических евангелий в свете малоизвестных фактов // Вестник науки. 2024. №3 (72). – С. 459.

[4] *Чекрыгин О.В., Надеина Д.А.* Проблема датировки синоптических евангелий и ее влияние на реконструкцию образа исторического Иисуса // Философия и культура. 2025. №10. – С. 76-77.

[5] *Чекрыгин О.В., Надеина Д.А.* Указ. соч. С. 458-459.

[6] *Мецгер Б.М.* Указ соч. – С. 98-99.

[7] *Йонас Г.* Гностицизм. – СПб., 1998. — С. 145.

[8] Маркион // Христианство: Энциклопедический словарь в 3 т.: Т 2 / Ред. кол. С.С. Аверинцев и др. – М.: Большая Росс. энциклопедия, 1995. – С. 90.

Стоит также отметить, что теология Маркиона была проще чем у других гностиков, и вообще часто встречается мнение, что Маркион и вовсе не был гностиком. В его учении не было сложной космологии, присущей гностическим системам, а основой спасения была вера, а не «гнозис», что еще сильнее делало его учение похожим на ортодоксальное христианство[1]. Именно поэтому отцы церкви видели в маркионизме большую угрозу для ортодоксального христианства.

Стоит отдельно отметить, что отвержение Маркионом Ветхого Завета вынудило отцов церкви прояснить вопрос о соотношении Ветхого и Нового заветов и в противовес идеям Маркиона подчеркнуть, что в обоих заветах действует один и тот же Бог, а сам Иисус Христос является мессией, предсказанным еще в Ветхом Завете[2].

MARKION'S CANON AND ITS INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE BIBLICAL CANON

R.A. Ivanchenko
Belgorod State National Research University

This article is devoted to the analysis of the Marcion canon. In particular, the reasons why it was compiled, the texts included in it and their differences from modern versions. The article also cites the testimonies of the church fathers regarding the Marcion Canon. Special attention is paid to the influence of the Marcion Canon on the formation of the modern biblical canon.

Keywords: Marcion, Gnosticism, Canon, Gospel, Heresiology

УДК 94(564.3)

КИПРСКИЙ КУРИОН И ЕГО ОСНОВАНИЕ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И МИФОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

М.А. Литвяк
Научный руководитель – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1475036@bsuedu.ru

Город Курион (Курий) располагался на юге острова, на морском побережье со скалистой возвышенностью[3], в устье реки Курис, которая вытекала из горного массива Троодос, а затем спускалась к южному побережью Кипра[4]. В распоряжении Куриона находился морской порт, который исполнял роль места отправления из Кипра в Грецию.

Курион изначально являлся одним из десяти «городов-царств» острова. Он имел достаточный вес для того, чтобы получить в свое распоряжение отдельный монетный двор[5]. Вероятнее всего, Курион был важным и развитым культурным центром, в котором производилась керамика, отличная от остальной кипрской керамики[6].

В период с 750–475 гг. до н.э. Курион находился под властью Ассирийской державы, однако зависимость от другого государства не помешала ему сохранить статус значимого и влиятельного города Кипра[7].

---

[1] *Йонас Г.* Указ соч. – С. 146.
[2] *Рогатенюк И.Ю.* Маркион Синопский и вопрос соотношения Ветхого и Нового Заветов // Христианское чтение. 2019. №3. – С. 123.
[3] *Коровина А.К., Сидорова Н.А.* Города Кипра. – М.: Искусство, 1973. – С. 68.
[4] *Smith J.S.* Seals, Scripts, and Politics at Late Bronze Age Kourion // American journal of Archaeology. – 2012. – Т. 116. – №. 1 – С. 45.
[5] *Kagan J.* The Archaic and early Classical coinage of Kourion // Cahiers du Centre d'Études Chypriotes. – 1999. – Т. 29. – №. 1. – P. 35.
[6] *Daniel J.F.* The Achaeans at Kourion // The Achaeans at Kourion. University Museum Bulletin. – 1940. – Vol. 8. – No 1. – P. 9.
[7] *Манохин Я.В.* К истории Курийской епископии // Ноябрьские встречи—XIII. Материалы международной научной конференции. – Минск, 2019. – С. 160.

В III в. до н.э. город перешел под контроль египетской династии Птолемеев, а в 58 г. до н.э. в составе малоазийской провинции Киликии был присоединен к Римской империи. Есть сведения полагать, что при римлянах Курион находился в процветающем состоянии и развивался благодаря успешной торговле с другими территориями Римской империи[1].

Что касаемо основания города, то Геродот отмечает следующее: «Между тем, когда остальные киприоты [храбро] сражались, Стесенор, тиран Курия, с довольно большим отрядом изменнически покинул поле битвы (как говорят, эти курийцы были аргосскими поселенцами) (Herod., Hist. V.113). Становится понятно, что город Курион был основан аргосцами, которые переселились на Кипр.

Страбон, в своем труде зафиксировал: «Потом следует мыс Куриада в виде полуострова, до которого от Фронов 700 стадий. Затем — город Курий с корабельной стоянкой, основанный аргивянами» (Strabo, XIV 6.3).

Проанализировав немногочисленные письменные источники, мы приходим к выводу о том, что Геродот и Страбон не противоречат друг другу и оба сходятся во мнении о том, что Курион был основан аргивянами/аргосцами — т.е. населением, которое изначально проживало в Аргосе — одном из крупнейших греческих полисов, экономических центров, активном участнике военно-политической жизни античной Эллады[2].

Джон Дэниэл отмечает, что Курион был основан ахейскими колонистами, которые переселились на остров Кипр в первую волну микенской экспансии в XIV в. до н.э.[3]

Возможно, время от времени появлялись новые группы переселенцев, которые усиливали греческий элемент на острове. Вторая волна ахейцев прибыла на Кипр в результате вторжения дорийцев в Грецию. Они пришли не как завоеватели, а мирно поселились среди своих сородичей, которые уже обосновались на острове[4].

Если совместить сведения об основании, которые известны по материалам письменной традиции и материальной культуре, то можно предположить, что эти сведения связаны между собой и не имеют, на первый взгляд, ярких противоречий.

Ахейцы, которые по замечанию Д. Дэниэла, поселились на Кипре и основали Курион, вполне могли проживать на Аргосе, а затем быть вытеснены с Аргоса другими древнегреческими племенами, в частности дорийцами. Согласно исследованию А.И. Тюменева, ахейцы, после прихода дорийцев, в поисках новых территорий для жизни, через Аркадию отправились на север Пелопонесса, в свою очередь вытеснив оттуда ионийцев. Часть ахейцев не осталась на постоянной основе в Пелопоннесе, а мигрировала дальше, в основной массе — на интересующий нас остров Кипр[5].

Немногочисленная античная письменная традиция, называя основателями Куриона аргосских переселенцев, могла зафиксировать воспоминания населения о реальной колонизации Кипра ахейцами и основании ими Куриона.

Обратим внимание на важную деталь: представленные античные авторы, говоря об основании города, не обращаются к мифологии, в их работах нет отсылок к конкретной легендарной личности или какому-либо мифологическому сюжету.

Привязку Куриона к мифологическому герою-основателю можно наблюдать у более позднего автора — ученого, философа и писателя VI в. Стефана Византийского. Он сообщает, что Курион был основан сыном Кинира Курионом (Stephan. Byzant., Ethnica, s.v. Kourion)[6].

---

[1] Там же.

[2] *Венидиктова Е.А.* Политическое развитие Аргоса в архаический и классический периоды / Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Казань, 2010. – С. 3.

[3] *Daniel J.F.* Op. cit. – P. 12.

[4] Ibid. – P. 12–13.

[5] *Тюменев А.И.* К вопросу об этногенезе греческого народа. Очерк II. Следы первоначального распределения греческих племен в диалектах позднейшего времени и вопрос о языке надписей микенского времени) // Вестник древней истории. 1954. № 4 (50). – С. 41–42.

[6] *Ersin H.* Revaluing Roman Cyprus. Local Identity on an Island in Antiquity. – Oxford, 2021.– P. 100.

Курион не является знаменитым и известным персонажем античной мифологии. Зато довольно известным мифическим персонажем был его отец — Кинир, личность которого была очень значимой как в истории Кипра, так и в истории Пафоса. Он известен и как основатель Пафоса (по одной из версий), и как легендарный первый царь Кипра, и как главный жрец богини Афродиты.

Отсутствие более детального раскрытия личности героя-основателя мифологией может означать, по мнению Г.Р. Цецхладзе, тот факт, что связь Куриона с основанием исследуемого города была именно местной легендой[1].

Если предание об основании Куриона сыном Кинира было продуктом местного мифотворчества, то можно предположить, что Курион отдавал приоритет налаживанию внутренних связей с Пафосом и одним из способов достижения своих целей избрал привязку к пафоской мифологии через личность Кинира.

Другая версия интерпретации Куриона как сына Кинира и основателя одноимённого города представлена Х. Эрсином. Так, исследователь считает, что легендарное предание о родстве Куриона с Киниром и его ответственности за создание города является отражением того, что посторонние территории, находящиеся за пределами Кипра, воспринимали Пафос и Курион как города, которые были связаны друг с другом через общую местную мифологию[2].

Как отмечает Ф.Ф. Зелинский, логично, что каждый город был кем-то основан и в греческом понимании должен был иметь своего героя-основателя. Если произошло так, что традиция не сохранила сведения о личности этого героя-основателя, то автоматически предполагалось, что название города и было именем его основателя, т.е. они были идентичны[3]. Курион вписывается в данную традицию.

Таким образом, сведения античной мифологии об основании Куриона крайне немногочисленны. На данный момент известна одна легендарная версия, согласно которой Курион был основан сыном Кинира Курионом. В противовес мифологическому сюжету существуют памятники античной литературы, в которых основание Куриона связано с аргосцами. В этом направлении важно замечание Н.Н. Болгова и его соавторов о том, что нет причин считать сведения из литературных произведений и материальных памятников об основании Куриона недостоверными. По мнению исследователей, независимо от того, кем эти сведения зафиксированы, местной ли традицией или посторонними наблюдателями, они все равно указывают на приоритет внутренней связи Куриона с мифологией Пафоса и внешним контактам преимущественно с Аргосом[4].

THE CYPRUS CURION AND ITS FOUNDATION BASED ON ARCHAEOLOGICAL AND MYTHOLOGICAL DATA

M.A. Litvyak
Belgorod State National Research University

The article attempts to analyze the process of founding Kourion based on archaeological and mythological data. It is noted that the information about the founding of Kourion in ancient mythology is extremely limited. The article concludes that if the legend of Kourion being founded by the son of Kinyras was a product of local myth-making, it can be assumed that Kourion prioritized establishing internal connections with Paphos and chose to link itself to Paphos mythology through the figure of Kinyras as a means of achieving its goals.

Keywords: Kurion, Cyprus, ancient mythology, Kinir, archaeology

[1] Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. V.1 / Ed. by G.R. Tsetskhladze. – Leiden; Boston, 2006. – C. 81.
[2] *Ersin H.* Op. cit. – P. 101.
[3] *Зелинский Ф.Ф.* История античных религий. Т. I-III. – СПб., 2014. – С. 92–93.
[4] *Болгов Н.Н., Болгова А.М., Денисова И.В.* Древний и византийский Кипр. – Белгород, 2023. – С. 137.

УДК 94

ИДЕОЛОГЕМА «AETERNITAS ROMAE» В ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ЛАТИНСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В.П. Маслов
Н. рук. – д. и. н., доц. Е.В. Литовченко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1862768@bsuedu.ru

Исследование идеологемы «Aeternitas Romae» имеет особую значимость в контексте современных процессов глобализации и трансформации государственных институтов. Концепция вечности Римской империи позволяет осмыслить механизмы формирования имперской идеологии и ее влияние на общественное сознание.

Данное исследование актуально по нескольким направлениям:

Во-первых, концепция позволяет изучать механизмы формирования коллективной памяти, национальной и имперской идентичности. Рим как «вечный город» становится метафорой преемственности и непрерывности исторического процесса.

Во-вторых, хоть анализ идеологемы «вечности Рима» в современной историографии характеризуется достаточно высокой степенью изученности, подходы и акценты различаются. Также, в рамках пополнения пула переводов позднеантичных авторов, тематика обновляется новыми гипотезами и тезисами, находящими свое подтверждение в сравнительном анализе с исторической реальностью того периода.

Сама идея «Вечного Рима» зародилась в античности и активно развивалась в разные исторические периоды. Впервые Рим назвал «вечным городом» поэт Альбий Тибулл в I в. до н.э. В эпоху принципата эта идея стала инструментом политической пропаганды. Императоры стремились легитимировать свою власть, переплетая культ Рима с культом правителя. Рим провозглашался «градом вечным» и «градом последним», что отражало эсхатологические настроения и представление о достижении вершины человеческого развития[1].

В позднеантичный период, несмотря на политический кризис и падение Рима, концепция «вечности» сохраняла свою значимость. Она давала ощущение стабильности и порядка на фоне коллапса империи, оставаясь важным элементом языческой и христианской ментальностей[2].

В контексте позднеантичного дискурса «Римская история» Аммиана Марцеллина занимает уникальное место, представляя собой попытку синтеза классической римской традиции и новых реалий IV в. Ключевым элементом конструирования политической реальности у Аммиана выступает переосмысление биологической метафоры развития государства, которая в его тексте тесно переплетается с идеологемой «Aeternitas Romae» (Amm. Marc. XIV. VI)[3].

Традиционная для античной историографии аналогия между историей Рима и этапами человеческой жизни у Аммиана претерпевала существенную трансформацию. Если у его предшественников «старость» Рима часто ассоциировалась с упадком и близостью конца, то Аммиан наделял этот период иным аксиологическим значением. В Книге XIV он описывал Рим как живой организм, прошедший стадии детства, юности и зрелости. Однако, достигнув «седин», Рим не умирает. Аммиан вводил концепт

[1] Терновая Л.О. Геополитическое прочтение наследия Римской империи // Обозреватель. – 2014. – № 8 (295). – С. 109.
[2] Коптев А.В. Princeps et dominus: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи // Древнее право. – 1996. – № 1. – С. 184.
[3] Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. – М., 2005. – С. 15.

«почтенной старости». В его интерпретации старость Рима – это не немощь, а состояние высшего авторитета и онтологической стабильности (Amm. Marc. XIV. VI)[1].

Для Аммиана вечность Рима была неразрывно связана с его сакральным статусом. В тексте Город представал не просто как административный центр, а как «святилище или храм всего мира». Эта пространственная метафора позволила автору утверждать идею вечности: пока стоит Рим – стоит и миропорядок (Amm. Marc. XVII. IV)[2].

Если для Аммиана Марцеллина в IV в. «вечность» Рима была аксиомой, подкрепленной величием нерушимой архитектуры, то для позднеантичного поэта Клавдия Рутилия Намациана она являлась актом веры и интеллектуального сопротивления. Его поэма «О своем возвращении», написанная около 416 г. – спустя всего шесть лет после взятия Рима готами Алариха, – знаменовала собой переход идеологемы из категории политической констатации в категорию метафизического пророчества (Cl. Rut. Nam. L)[3].

Рутилий Намациан вносил в исследование «Aeternitas Romae» важнейший элемент – концепт постоянного возрождения. Наблюдая руины италийских вилл и разорение дорог, поэт парадоксальным образом утверждал, что именно способность Рима восстанавливаться после катастроф являлась истинным свидетельством его бессмертия (Rut. Nam. CXXXV)[4].

Рутилий Намациан также сформулировал пространственную концепцию Рима, которая у Аммиана лишь намечалась в образе «святилища». Для Рутилия Рим – был не просто географической точкой, а универсальной цивилизационной матрицей, объединившей человечество (Rut. Nam. LX)[5].

Эта формула являет собой высшую точку развития имперского универсализма. Если Град стал тождественен Миру, то его исчезновение онтологически невозможно, пока существует сама природа.

Исследование текста Рутилия позволяет увидеть в идеологеме «Aeternitas Romae» инструмент открытой полемики с наступающим христианским провиденциализмом. В то время как христианские мыслители того периода трактовали падение Рима замыслом Бога и временностью земных царств, поэт-традиционалист противопоставляет этому незыблемость римского права и доблести. Для него разрушение прежнего мира бессильно перед величием Города, что превращает идеологему вечности в экзистенциальный фундамент, позволяющий сохранять идентичность в условиях крушения материального мира Поздней Античности.

Важная веха в развитии идеологемы «Aeternitas Romae» связана с творчеством Аврелия Августина. В своем фундаментальном труде «О граде Божьем», написанном как прямой ответ на потрясение 410 г., мыслитель осуществлял глубокую деконструкцию классического римского универсализма, предлагая принципиально иную систему координат.

В отличие от языческих авторов, Августин лишал земной Рим статуса онтологической вечности. Он подвергнул критическому переосмыслению поэтическое пророчество Вергилия о «беспредельной империи», утверждая, что ни одно земное государство не может претендовать на вечность по своей природе. Для Августина Рим – это «земной град», который, как и любой живой организм, подвержен закону рождения и неизбежного тления (Aur. Aug. De civ. XLV)[6].

Однако Августин не просто отрицал вечность Рима, он осуществлял смысловую инверсию идеологемы. Автор вписывал историю империи в рамки божественного

[1] Там же
[2] Аммиан Марцеллин. Римская история... – С. 115.
[3] Смыка О.В. Клавдий Рутилий Намациан: Возвращение на родину // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2014. – № 3. – С. 151.
[4] Там же. – С. 153.
[5] Смыка О.В. Указ. соч. – С. 152.
[6] Блаженный Августин. О Граде Божием. XIV–XXII / под ред. И.А. Савкина, С.И. Еремеева. – СПб., 1998. – С. 294.

провиденциализма. С точки зрения Августина, господство Римской империи не являлось самоцелью или признаком ее онтологической вечности; оно представляло собой временный результат Божественного попущения, дарованный римлянам как земное воздаяние за их гражданские доблести и служащий назидательным примером для граждан Града Небесного (Ibid. XIII; XXVI)[1].

Он признавал римскую доблесть, отмечая, что Бог даровал римлянам земную славу и обширную власть в награду за их преданность земному отечеству, чтобы они послужили прообразом и примером для граждан Небесного Отечества (Aur. Aug. Hipp. II)[2].

Таким образом, идеологема «Aeternitas Romae» в Поздней Античности перестает быть исключительно инструментом политической пропаганды и превращается в сложную интеллектуальную конструкцию. Она служила механизмом сохранения культурной идентичности в условиях распада государственных структур и обеспечила преемственность римского наследия, которое в трансформированном виде легло в основу европейской цивилизационной модели. Подмена физической вечности вечностью смысловой позволила образу Рима сохраниться в массовом сознании даже после фактического падения Западной Римской империи.

Исследование эволюции идеологемы «Aeternitas Romae» представляется весьма перспективным: планируется рассмотреть сочинения ряда позднеантичных авторов, языческих и христианских, с целью классификации их подходов к данному концепту и получения результатов анализа, позволяющих раскрыть весь диапазон умонастроений позднеантичного общества, ощущения реальности интеллектуальной элитой и способов выражения ими динамики мировидения. В целом, это поможет реконструировать целостную картину духовной жизни Поздней Античности.

THE IDEOLOGEME OF «AETERNITAS ROMAE» IN LATE ANTIQUE LATIN SOURCES

V.P. Maslov
Belgorod State National Research University

This article explores the evolution of the «Aeternitas Romae» ideologeme in 4th–5th century Latin sources. Analyzing works by Ammianus Marcellinus, Rutilius Namatianus, and Augustine, the author examines how Rome's «eternity» transitioned from political propaganda to a metaphysical construct. The study highlights how biological metaphors and Christian providentialism enabled the Roman identity to survive the Empire's material collapse, establishing a symbolic foundation for European civilization.

Keywords: Late Antiquity, Aeternitas Romae, ideologeme, Latin sources.

УДК 94(37).07:141.131

ПРОЕКТ ПЛАТОНОПОЛИСА В КОНТЕКСТЕ «ГАЛЛИЕНОВА РЕНЕССАНСА»

В. К. Мацнев
Н. рук. – д. и. н., проф. Н. Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1848304@bsuedu.ru

Понятие «галлиенов ренессанс» вошло в историографию для описания кратковременного, но яркого всплеска классицизирующих тенденций в искусстве III века. Обычно его рассматривают в рамках истории художественных стилей и нумизматики, тогда как социально-философская составляющая этого феномена остается на периферии внимания. Между тем именно в правление Галлиена в Риме разворачивается деятельность Плотина – философа, чье учение определило развитие позднеантичной философской мысли. Как заметил М. Эдвардс, «это было не самое удачное время для литературы, поскольку, если мы сделаем исключение для исторических трудов Геродиана, почти все,

[1] Там же. – С. 367; 345.
[2] Там же. – С. 52.

что сохранилось от периода между 250 и 290 годами, – это философия. Возможно, не случайно, что большинство произведений, которые можно датировать, относятся к царствованию Галлиена»[1]. Данная статья представляет возможные связи между императором Галлиеном и веяниями кружка Плотина, разворачивающимися на фоне «галлиенова ренессанса», а также показывает, что проект Платонополиса может служить точкой пересечения римского неоплатонизма и власти, но, что еще более вероятно – является загадкой, поддающейся различным интерпретациям.

Г. Мэтью, анализируя переход от классического мира к постклассическому, выделил три симптоматичных явления III века: триумф культа Sol Invictus, оформление неоплатонизма и появление нового императорского портретного искусства[2]. Как отмечает В.Е. Сусленков, в это время происходит «нарушение нормы» в скульптуре, что отражает глубинные культурные сдвиги[3] – изменение понимания личности в её взаимоотношении с божественным. Э. Брейе подчёркивал, что эпоха Галлиена – это время краха прежних «догматических» учений просвещённой римской публики (стоицизма и эпикуреизма) и вторжения восточных культов; греко-римская цивилизованность становится уделом очень узкого круга лиц[4]. Именно в этой среде и возникает неоплатонизм как особое религиозно-философское учение.

Император Галлиен, происходивший из сенаторской знати, покровительствовал риторам и поэтам, сам сочинял стихи и, что особенно показательно, был посвящён в Элевсинские мистерии, что говорит о нем как об эллинофиле[5].

Плотин прибыл в Рим около 244/245 г. и вскоре приобрёл учеников из числа аристократов; его преподавание в столице продолжалось более двадцати лет. Император Галлиен и его жена Салонина, возможно, посещали его лекции[6]. На этом основании можно предположить колоссальную ценность философской школы в интеллектуальном пространстве.

В то же время правление Галлиена было отмечено острым конфликтом с Сенатом. Проведённая около 262 г. военная реформа (так называемый эдикт Галлиена) запретила сенаторам занимать командные должности в армии, что было воспринято как оскорбление сословия[7]. Как показывает Ю.Б. Циркин, этот эдикт вызвал устойчивую ненависть сенаторов к императору, вылившуюся после его гибели в кровавые расправы над его родственниками и сторонниками[8]. В эшелонах власти царила напряжённая обстановка, и любая вольность императора воспринималась с недоверием.

Хотя философию Плотина часто характеризуют как «эскапистскую», это мнение является необоснованным: «Если ты соединился с Ним и достаточно с ним общался, расскажи другим, если можешь, что есть вышний союз. Или же, если считаешь общественную деятельность недостойной тебя, оставайся в горнем мире, если хочешь. Таково будет поведение того, кто много видел» (Plot. Enn. VI 9. 7). Таким образом, Плотин обосновал саму идею политического.

Узнать о попытке реализации этой идеи помогает «Жизнь Плотина» Порфирия. Согласно этому тексту:

---

[1] *Edwards M.J.* Neoplatonic Saints: The Lives of Plotinus and Proclus by Their Students. – Liverpool, 2000. – P. 25.

[2] *Mathew G.* The Character of the Gallienic Renaissance // Journal of Roman Studies. – 1943. – Vol. 33 (1–2). – P. 65.

[3] *Сусленков В.Е.* Неклассические / Антиклассические приемы в искусстве римского портрета III в. и логика развития императорского культа // Искусство византийского мира. Индивидуальность в художественном творчестве: Сборник статей в честь О.С. Поповой. – М., 2021. – С. 545.

[4] *Брейе Э.* Философия Плотина / Пер. с фр. А. Гагонина. – СПб., 2012. – С. 94.

[5] *Галанин Р. Б., Курбатов А. Г., Минак В. С.* Политическая теология на римских монетах (случай Галлиена) // Визуальная теология. – 2025. – Т. 7. № 2. – С. 368–369.

[6] *García, J. T.* Espiritualidad y retrato en la época de Constantino [The spirituality and the portrait in the time of Constantine] // HYPNOS. – 2016. – Vol. 37, № 2. – P. 188.

[7] *Циркин Ю. Б.* Галлиен и сенат // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. –№1 (23). – С. 57.

[8] Там же. С. 58.

«В большом почете он был и у императора Галлиена, и у супруги его Салонины. Благосклонностью их он хотел воспользоваться вот для чего: был, говорят, в Кампании некогда город философов, впоследствии разрушенный, его-то он и просил восстановить и подарить ему окрестную землю, чтобы жили в городе по законам Платона, и название город носил Платонополь; в этом городе он и сам обещал поселиться со своими учениками. И такое желание очень легко могло исполниться, если бы не воспрепятствовали этому некоторые императорские советники, то ли из зависти, то ли из мести, то ли из каких других недобрых побуждений» (Porphyr. Vita Plot. 12).

В проекте речь шла не о маленькой общине, а о целом городе, который должен был жить по «Законам» Платона. П. Адо замечает, что в этом Плотин, видимо, пытался реализовать политическую часть учения Платона, о которой в своих сочинениях он практически не упоминает. Возможно, образцом служили южноитальянские пифагорейские общины VI–V вв. до н. э., а также современные Плотину монастыри эссенов – примеры совместной созерцательной жизни, привлекавшие многих интеллектуалов поздней античности (например, св. Августин в «Исповеди» рассуждает о подобном «фаланстере» («Исповедь», VI 14, 24))[1].

Однако почему проект провалился? Дж. М. Рист предлагает отказаться от интерпретаций, видящих в Платонополисе часть широкого плана эллинизации Империи. Он указывает на отсутствие данных, что сам Галлиен активно поддерживал эту идею; напротив, Плотин был известен благодаря связям с сенаторами, а интересы Сената и императора часто не сходились. Более того, в источнике Порфирий употребил слово «удалиться» (ἀναχωρεῖν), что некоторые исследователи интерпретируют как основание «философского монастыря». Но Плотин стремился основать именно город, а не общину духовидцев, и практическая реализация выглядела крайне сложной: ветераны римской армии, которые должны были стать гражданами города, едва ли согласились бы жить по платоновским законам[2]. М. Эдвардс также указывает, что Порфирий, возможно, ошибся, приняв за проект Платонополиса удаление Плотина в имение под Минтурнами, или же Галлиен к тому времени просто не имел ресурсов для подобного предприятия и рад был не финансировать это[3].

В свете исследования Ю. Б. Циркина можно предположить такой логичный фактор: противодействие придворных слоев, о котором пишет Порфирий, скорее всего, исходило из сенаторской среды. А те самые «недобрые побуждения» могли быть вызваны раздражением Сената против императора. Сложная динамика внутри элиты, расколотой реформами, делала любой проект, связанный с именем императора, потенциально опасным для него.

Как видно, школа Плотина в Риме объединяла не только философов-профессионалов (Амелий, Порфирий), но и представителей высшего общества. Их присутствие в школе делало неоплатонизм частью повседневной жизни римской знати.

Х.Т. Гарсия показывает, что идеи Плотина оказали влияние на современное ему искусство, в частности на скульптурный портрет. В эпоху Галлиена появляется новый тип изображения с акцентом на глазах, устремлённых ввысь, – черта, которую он связывает с плотиновским пониманием красоты как сияния умопостигаемого света[4]. Возможно, этот художественный язык формировался при участии учеников-аристократов, заказывавших свои портреты. Этот пример важен не сам по себе, а как свидетельство более общего процесса: «галлиенов ренессанс» создал среду, в которой философские идеи получили шанс на воплощение. Применительно к Платонополису это означало попытку перевести умозрение в политическую реальность, но как именно мог выглядеть этот проект и

[1] *Адо П.* Плотин, или Простота взгляда / Пер. с фр. Е. Штофф. – М., 1991. – С. 111.
[2] *Рист Дж. М.* Плотин: путь к реальности / Пер. с англ. Е.В. Афонасина, И.В. Берестова. – СПб., 2005. – С. 23-24.
[3] *Edwards M.J.* Op. cit. P. 84.
[4] *García, J. T.* Op. cit. P. 202.

насколько далеко зашла его подготовка, мы не знаем – никаких свидетельств, помимо абзаца из сочинения Порфирия, не сохранилось.

Показательно, что Римская школа неоплатонизма прекратила существование именно на Порфирие – человеке, заставшем «галлиенов ренессанс», с угасанием которого исчезла и сама предпосылка существования Римской школы неоплатонизма и подобных философско-политических экспериментов.

«Галлиенов ренессанс» создал уникальные условия для процветания плотиновской философии в Риме. Он позволил Плотину рассматривать возможность практической реализации платоновских политических идей. Проект Платонополиса знаменует собой очередной виток синтеза античной философии и власти. Его провал был обусловлен не только практическими трудностями, но и распрями внутри правящих элит. Отношения кружка Плотина с Галлиеном, властными структурами и культурным сообществом Рима раскрывают многогранное переплетение философии, политики и культуры III века. При этом мы располагаем лишь интерпретациями некоторой связи императора и философа, тогда как единственным историческим источником, подтверждающим сам факт их взаимодействия, служит краткий пассаж его ученика – Порфирия, и вокруг этого фрагмента выстраиваются различные исследовательские версии.

THE PLATONOPOLIS PROJECT IN THE CONTEXT OF THE «GALLIENIC RENAISSANCE»

V. K. Matsnev
Belgorod State National Research University

This article examines the relationship between Emperor Gallienus and the philosopher Plotinus, focusing on the unrealized project of Platonopolis as a symbolic intersection of philosophical ambition and imperial patronage. While direct evidence of their collaboration remains limited, the case of Platonopolis reveals the complex interplay between Neoplatonism, senatorial opposition, and the cultural politics of the Gallienic Renaissance.

Keywords: Gallienic Renaissance, Plotinus, Neoplatonism, Platonopolis, Roman Senate

УДК 94.37

ДЕМЕТРА В КОМЕДИЯХ АРИСТОФАНА

А.В. Мозжегорова
Н. рук. – к. и. н., доцент Е.А. Семичева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1729719@bsuedu.ru

Религия есть особая форма осознания мира, обусловленная верой в сверхъестественное, включающая в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов, культовых действий и объединение людей в организации[1]. Изучение религиозных культов, включая античные, таких, как культ Деметры в греческой традиции, остается актуальным направлением научных исследований. Это связано не только с историческим интересом к древним цивилизациям, но и с тем, что религиозные практики и мифология оказывают глубокое влияние на формирование культурных, социальных и даже политических процессов. В условиях современного мира, где глобализация и межкультурное взаимодействие становятся все более интенсивными, понимание религиозных традиций помогает лучше осмыслить истоки многих современных явлений.

В Древней Греции богиню Деметру почитали как главную кормилицу, дающую урожай и благополучие. Её культ включал в себя таинственные обряды, например, Элевсинские мистерии и Фесмофории. Изучение культа Деметры в древнегреческом

[1] *Попова Р.М.* Религия в современном мире и ее будущее // Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. – Якутск, 2014 – С. 138.

обществе классического периода традиционно сосредоточено на анализе эпиграфических и археологических источников, а также гимнической поэзии (Гомеров гимн «К Деметре», гимны Каллимаха). Однако особый пласт источников составляют аттические комедии V в. до н. э. Аристофан, древнегреческий комедиограф, запечатлел в своих произведениях уникальный синтез сакрального и обыденного, присущий почитанию Деметры.

Проблема исследования заключается в сложности отделения реальных черт культа от художественного вымысла. Тем не менее, именно комедийный жанр, в силу ориентированности на массовую аудиторию, сохранил для нас те аспекты религиозной практики, которые оставались «невидимыми» для закрытых мистериальных текстов.

Цель исследования – выявить, как Аристофан в своих комедиях трансформирует традиционный образ Деметры и её обряды, превращая их из чисто аграрных и женских ритуалов в инструмент политической жизни Афин.

В значительном объеме работ, посвященных заявленной теме, в интересующем нас контексте стоит выделить труды М. Нильсона[1], В. Буркерта[2], М.В. Скржинской[3]. В статье были применены сравнительно-исторический метод, а также общенаучные методы.

В комедии «Лягушки» (405 г. до н. э.) обращение к Деметре вписано в контекст традиционного хора мистов – участников Элевсинских мистерий. Аристофан воспроизводит архаичный пласт почитания богини как подательницы урожая и материнского благополучия. Хор, возглавляющий процессию, прославляет богиню в следующих строках:

«Затяните теперь особливую песнь, возвеличьте владычицу жатвы,
Нашу матерь Деметру – в высоких словах величавое имя почтите!»
(Aristoph. Ran. 380)[4].

В данном эпизоде акцент сделан на архаической функции Деметры как «Матери-жатвы» (Сито). Важно отметить, что Аристофан не вводит здесь эзотерического знания мистерий, а апеллирует к общеизвестному и социально значимому образу. Как подчеркивает М.В. Скржинская, целью мистерий было почитание богинь и соприкосновение с тайнами плодородия, но для комедиографа важнее показать это как фактор общественного единения[5].

Однако в контексте всей пьесы этот призыв обретает дополнительную смысловую нагрузку. «Лягушки» были поставлены в критический для Афин момент, после гибели флота в битве при Аргинусах, поэтому обращение к Деметре здесь выступает не просто как религиозный акт, но и как напоминание об основах полисного благополучия, которые ставятся под угрозу политическими распрями. Таким образом, Аристофан превращает культ Деметры в идею, от которой зависит благополучие всего государства.

Наиболее яркий материал для анализа содержит комедия «Женщины на празднике Фесмофорий» (411 г. до н. э.). В этом произведении Аристофан обращается к одному из древнейших и наиболее закрытых женских культов в честь Деметры и Персефоны. Согласно исследованиям М. Нильсона, саму Деметру называли Thesmophoros («Устроительницей» или законодательницей»), что связывало земледелие с основами цивилизованной жизни и повиновением законам[6].

Аристофан совершает удивительную трансформацию: традиционные женские обряды плодородия он представляет в виде политического института. Это особенно ярко проявляется в сцене, где женщины собираются на праздник, который обретает черты народного собрания (экклесии):

---

[1] *Нильсон М.* Греческая народная религия / Пер. с англ. С. Клементьева. – СПб., 1998. – 218 с.
[2] *Буркерт В.* Греческая религия. Архаика и классика / Пер. с нем. М.Витковской и В. Витковского. – СПб., 2004. – 584 с.
[3] *Скржинская М.В*. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. –СПб., 2010. – 464 с.
[4] Аристофан. Комедии. В 2-х т. Т. 2. / Пер. с древнегреч. В. Ярхо. – М., 1983. – 520 с.
[5] *Скржинская М.В.* Указ. соч. С. 101.
[6] *Нильсон М*. Указ. соч. С. 34.

«Скорей, поторопись!
На храме Фесмофор
Знак вывешен уже. В собранье он зовет»

(Aristoph. Thesm. 276-277)

Далее Аристофан вкладывает в уста женщин молитву, которая пародирует официальные государственные декреты:

«...чтобы наше теперешнее собрание и совещание
были проведены хорошо и прекрасно на
большую пользу Афинского государства
и к нашему счастью...»

(Aristoph. Thesm. 300-310)

Аристофан не просто высмеивает женщин, присваивающих себе мужские политические функции. Он демонстрирует глубинный синтез, свойственный афинскому религиозному сознанию V-IV вв. до н. э.: культ Деметры, оставаясь аграрным, выполнял важную социальную функцию легитимации гражданского коллектива.

Драматург подчеркивает замкнутость и исключительность этого культа, что отражало реальную практику Фесмофорий. Как следует из текста, участие в празднике было запрещено рабыням:

«Послушать вволю? Ты, фракиянка, ступай!
Нельзя рабыням с нами здесь присутствовать.»

(Aristoph. Thesm. 294-295)

Это указание перекликается с данными Псевдо-Демосфена о том, что право проводить эти обряды принадлежало определенным знатным родам[1]. Таким образом, в комедии Аристофана религиозная практика предстает не только как архаический ритуал, но и как инструмент социальной регламентации.

Аристофан активно использует традиционные атрибуты Деметры (хлеб, факелы, корзины) как значимые символы. В сцене из «Женщин на празднике Фесмофорий» факельное освещение ритуала контрастирует с «хлебными» аргументами в споре о государственном управлении:

«Ты полюбуйся, как здесь факелы горят
И дым от них столбом уходит плавно вверх.
...Поставь корзину здесь, рабыня, и подай
Мне хлеб: богиням в жертву я его воздам!»

(Aristoph. Thesm. 280-289)

Как отмечает В. Буркерт, в культе Деметры особую роль играли закрытые корзины (kiste) и веялки (liknon), содержимое которых было известно только посвященным[2]. Аристофан, не раскрывая сакрального содержания, переносит акцент на внешнюю сторону – демонстрацию даров земли. Хлеб здесь выступает двойным символом: с одной стороны, это жертва богине, с другой –материальная основа существования полиса.

В отличие от торжественных гимнов, где факел Деметры символизирует поиск дочери и свет знания[3], у Аристофана этот атрибут становится частью бытовой, а затем и политической сцены.

Проведенный анализ показывает, что комедии Аристофана являются ценнейшим источником для изучения культа Деметры в классический период. Если Гомеров гимн или «Мифологическая библиотека» Аполлодора представляют мифологическую и ритуальную основу культа, то Аристофан фиксирует его бытовую сторону.

Таким образом, исследование образа Деметры в комедиях Аристофана позволяет перейти от рассмотрения богини исключительно как хтонического или аграрного

---

[1] Псевдо-Демосфен. Речь против Неэры / Пер. с греч. А. И. Доватура. // Вестник древней истории. – 1953. – № 4.
[2] *Буркерт В*. Указ. соч. С. 181.
[3] Там же. С. 265.

божества к пониманию её роли как важнейшего элемента гражданской и социальной идентичности афинян.

DEMETER IN ARISTOPHANES' COMEDIES

A.V. Mozhegorova
Belgorod State National Research University

The article is about how the goddess Demeter and her rituals are shown in the comedies of Aristophanes. The new thing in this study is that it shows how Aristophanes turns women's farming rituals into something that looks like a government meeting.

Keywords: Demeter, Aristophanes, Eleusinian Mysteries, Thesmophoria, ancient Greek comedy, cult.

УДК 94(37)

«ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ» ПЛУТАРХА КАК МАНИФЕСТ ГРЕЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Ю.В. Некрасова
Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1721454@bsuedu.ru

Труды Плутарха Херонейского (46-120 гг.) традиционно считаются наиболее ярким проявлением культурного феномена, известного в историографии как Греческое Возрождение. Этот период охватывал I-II века и характеризовался беспрецедентным процветанием греческой культуры, литературы и философии при римском политическом правлении[1]. Греческие области были преобразованы в римские провинции, происходили изменения в культуре: были возрождены древние ритуалы, переосмыслены школы классической философии, созданы риторические и исторические труды, восхваляющие классическое и эллинистическое прошлое.

Уже в молодые годы Плутарх начал писать обнаруживающие разносторонность трактаты, ныне объединенные под названием «Moralia» — «Нравственные сочинения»[2].

А.Ф. Лосев пишет, что для Плутарха главной целью является возрождение греческой культуры и искусства, важность использовать старые знания и традиции для улучшения характера и морального состояния обычных людей. Плутарх верил, что обращение к классическим текстам и идеям помогает людям стать лучше и свободнее[3]. Эта идея заключается в том, что старые знания могут изменить жизнь к лучшему. Она и стала основой всех работ Плутарха, особенно его мыслей о политике.

Плутарх был греком из беотийского города Херонея. Он смог стать частью высшего общества Рима и остаться жрецом в храме в Дельфах. Его взгляды и поведение были необычными, что сформировало у него особое мировоззрение. В своей работе «Плутарх и античная биография» С.С. Аверинцев подробно рассмотрел, как Плутарх представлял сам себя и как его можно лучше понять, изучая его произведения в контексте того времени.

Этот трактат был адресован молодому политику Менемаху, который представил подробный план действий для греческой элиты. Плутарх писал: «…ты просишь наставлений о государственных делах, полагаю, что отвечать отказом было бы с моей стороны вовсе неприлично…» (гл. 1). За практическими советами кроется глубокая философская основа – учение о добродетели, восходящее к платонической традиции.

[1] *Гиленсон Б.А.* История античной литературы: Древняя Греция. – М., 2001. – С. 384.
[2] История греческой литературы / под ред. С.И. Соболевского. Т. 3. – М., 1960. – С. 170-171.
[3] *Лосев А.Ф.* Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н.э. – М.: МГУ, 1979. – С. 42.

Как заметил С.С. Аверинцев, «Для того чтобы уяснить себе писательскую позицию того или иного автора, необходимо иметь в виду его жизненную позицию»[1]. И для Плутарха эта позиция становится особенно важной. Его литературная деятельность неразрывно связана с его социальным и нравственным выбором.

Ключевой вопрос «Наставлений» Плутарха: как греческим политикам сохранить свое достоинство и эффективно служить городам, находящимся под властью Рима? Его ответ таков: это стратегия «морального сопротивления».

В главе 17-й он говорит главе Греции: «Это не копье, что владычит над землями, не древние Сарды, не держава лидийцев. Попроще надо шить хламиду, не забывать о преторе, стоя на месте для ораторов, и не возлагать непомерных горделивых упований на свой венок, видя римский сапог над головой». Образ «римских сапог» стал ключевой метафорой. Мировоззрение Плутарха сочетает в себе «полное смирение и оптимизм по поводу судьбы». Власть Рима над Грецией есть, но он надеется, что эллинизм возродится в условиях Римской империи.

В главе 19-й Плутарх излагает ключевые принципы: «Но как бы ни приходилось нам заботиться, чтобы родина наша была послушна высшей власти, нет нужды прибавлять к этому еще и унижение. Когда нога в оковах, нечего надевать цепь на шею; а именно так поступают иные, обращаясь к наместникам по любому поводу и без повода и делая несвободу нашу позорной …уничтожая всякую гражданскую жизнь собственной запуганностью, робостью и полнейшей несостоятельностью». Здесь Плутарх умело проводит различие между неизбежным политическим повиновением («ноги в цепях») и спонтанным самоуничижением («цепи на шее»). Если первое — это объективная реальность римского мира, то второе — это выбор греков в римском мире. Их политика заключается в том, чтобы решить, хотят ли они сохранить полис или стать пустым местом.

Из этого подхода вытекает определенная программа. Плутарх предлагает греческой элите не сопротивляться Риму, но не раствориться в имперском правительстве и не забыть свою родину. Он описал три направления деятельности:

Во-первых, использовать доступные политические инструменты. В 10-й главе он перечисляет их: «Остаются всенародные суды и посольства к императору, для которых тоже нужен человек, соединяющий горячность и решительность с умом». Традиционные формы политической активности (военное командование, формирование союзов, свержение тиранов) ушли в прошлое, но политическая деятельность никуда не исчезла, она просто изменила свои формы.

Во-вторых, восстановление обычаев. В той же 10-й главе: «Можно привлечь к себе внимание, выступив восстановителем добрых, но забытых обычаев, каких немало было у наших городов, или искоренителем порочных привычек, распространившихся на позор или во вред городу». Это очень важно для понимания возрождения греческой культуры и искусства. Возрождение традиций рассматривается не как бегство от античности или прошлого, а как неотложная политическая задача.

В-третьих, защита города от внешних и внутренних угроз. В главе 19-й Плутарх призывает политиков готовиться к самым трудным испытаниям: «если город падает и находится в опасности, необходимо прийти ему на помощь, словно пускаемый, наконец, в дело священный якорь, и выказать среди самых больших опасностей неустрашимость речи».

Особого внимания заслуживает переосмысление Плутархом понятия «слава». По его словам, в новых условиях известность приобретается не военными заслугами, а другими действиями: «…хорошо вести важное судебное дело, верно защищать слабого против влиятельного противника, неустрашимо выступить за правду против нестерпимого

[1] *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография. – М., 1973. – С. 47.

тирана» (гл. 10). Это смещение акцента с военного мужества на гражданское было необходимо для адаптации политической этики Греции к реалиям империи.

Плутарх не идеализировал греков или римлян. Согласно его точке зрения, его критика в основном направлена на феномен разрушения полиса изнутри. В главе 26 он сурово осуждает корыстолюбие: «... отложи, восходя на [ораторскую кафедру], всякое корыстолюбие и сребролюбие, этот недуг души».

В главе 32 он дает удивительно трезвую оценку положения греческого полиса: «Но для того, чтобы иметь мир, города в наше время не имеют ни малейшей нужды в государственных людях, ибо всяческая война, будь то с эллинами или с варварами, отбежала от нас и скрылась из виду. Что до свободы, ее у городов столько, сколько дают им владыки, и больше, пожалуй, было бы не на пользу».

Плутарх признавал римский мир реальностью и призывал к внутреннему возрождению. В отсутствие войн и ограниченной свободы политики должны «внушать живущим совместно единомыслие и дружбу» (гл. 32). Плутарх защищал систему городов-государств, религию и повседневные добродетели от критики и реформ.

«Наставление о государственных делах» – это идеологический план, который включает в себя признание римской власти, отказ от иллюзии независимости, уделение внимания внутренней жизни полиса, использование влияния для защиты интересов, морального совершенствования и формирования новой элиты.

Благодаря Плутарху этот план оказался осуществимым, и он показал, что Греция может стать слугой Рима и сохранить эллинистический образ жизни, ценности и добродетели.

Лично он воплотил эту программу в своей жизни, не покинул родную Херонею, использовал свои родственные связи, чтобы защитить ее, сочетал жречество в Дельфах с римским гражданством и писал биографии греческих героев римского периода.

PLUTARCH'S POLITICAL INSTRUCTIONS AS A MANIFESTO OF THE GREEK REVIVAL

Yu.V. Nekrasova
Belgorod State National Research University

This article is devoted to the analysis of Plutarch's treatise «Instructions on State Affairs» («Political Instructions») as a program text reflecting the essence of the Greek Renaissance in the 2nd century AD. Based on the textual analysis of «Instructions», it is shown how Plutarch formulated the ethics of «dignified obedience», combining loyalty to Rome with internal autonomy, traditional institutions and maintaining the moral dignity of the polis.

Keywords: Plutarch, «Instructions on State Affairs», Greek Renaissance, cultural identity, polis.

УДК 94.37

КЕСАРИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ИРОДА I

В.А. Подорванов
Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1721584@bsuedu.ru

Кесария Приморская — древний город с богатой историей, берущий свое начало в эллинистический период. Построенные ряды укреплений на палестинском побережье при Стратоне I, а именно башня, которую назвали в его честь, стали фундаментом будущего города.

Первое письменное упоминание «Башни Стратона» относится к III веку до н.э. в одном из фрагментов итинерария, дорожного дневника Зенона.

В первые годы правления Ирода I в Иудее не было крупной гавани[1]. Царь на протяжении 20 лет использовал уже существующие морские порты на окраинах своего царства, Птолемаиду и Аскалон[2]. Всё могло бы так и остаться, ведь строительство нового порта не входило в первоочередные планы Ирода I, а желание закончить проект квалифицированно заставляло бы царя постоянно откладывать его реализацию ещё дольше, чем строительство Иерусалима[3].

Одна из возможных причин, заставивших пересмотреть планы Ирода I и начать предпринимать действия в этом направлении — засуха и голод, поразившие Иудею в 20-е годы до н.э[4]. В это время Ироду пришлось отправлять в Египет личные сокровища, которые переплавляли в монеты для оплаты поставок зерна (Ios. Flav. Antiq., XV, 9, 2). Именно тогда он понял, что экономическая безопасность царства зависит от хорошей гавани и удобно расположенных складов[5].

Для строительства своего морского порта Ирод I выбрал уже упомянутую выше Башню Стратона, которая в своё время была выдающимся сооружением. Однако землетрясение 31 года до н.э. либо полностью разрушило здание, либо сильно его повредило.

Согласно сохранившемуся источнику — «Иудейские древности», автором которого является Иосиф Флавий, у нас есть точная дата основания и строительства города. Город был достроен в 28 год правления Ирода, вероятно, 10 год до н.э. (Ios. Flav. Antiq., XVI, 5, 1), хотя не исключено, что официальная церемония основания была проведена в 13 году до н.э., чтобы совпасть с пятидесятым днем рождения Августа. Строительство длилось либо 10, либо 12 лет, то есть началось либо в 22, либо в 20 году до н.э.[6]

Ирод I построил город, используя «белый камень», так Иосиф Флавий обычно называл мрамор, украсил город роскошными дворцами и различными общественными зданиями (Ios. Flav. Antiq., XV, 9, 6).

Самой главной достопримечательностью города был порт, о котором Иосиф Флавий оставил подробнейшее описание. Гавань, представлявшая собой внутри отличную стоянку и двойной ряд пристаней (Ios. Flav. Antiq., XV, 9, 6), была одна из крупнейших гаваней Римской империи[7]. Желая изменить характер местности, царь назначил для гавани настолько обширное пространство, что тут могли укрыться целые большие флотилии.

При въезде в гавань с левой стороны возвышалась огромная башня, построенная на прочном основании, чтобы противостоять напору волн, а с правой стороны были поставлены, как раз напротив башни, два огромных и соединенных между собою каменных столба.

Кругом всей гавани тянулись дома из белого мрамора; среди них воздымался холм, на котором стоял храм в честь Августа. Храм этот был виден еще издали с моря; в нем находились две статуи: одна, изображавшая Рим, другая — самого Цезаря. Вследствие красоты и дороговизны материалов сам город получил название Кесарии (Ios. Flav. Antiq., XV, 9, 6).

Ирод построил в городе каменный театр, а на южной стороне гавани воздвиг амфитеатр. Амфитеатр имеет U-образную форму, арена составляла около 300 м в длину и 50,5 м в ширину. Места для зрителей располагались в двенадцати рядах и вмещали около

[1] *Roller, Duane W.* The Building Program of Herod the Great. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 133.
[2] Ibid. P. 134.
[3] Ibid.
[4] Ibid.
[5] Ibid.
[6] Ibid. P. 135.
[7] Ibid.

10000 человек[1]. Стартовые ворота (карцеры) окружали арену с северной стороны. Размеры и наличие стартовых ворот указывают на то, что сооружение служило ипподромом. Однако местные жители называли его «большим стадионом» или просто «стадионом» Кесарии[2]. В данном сооружении проходили различные состязания и игры.

В описании игр, устроенных в Кесарии в честь Августа и приуроченных к открытию нового города, Иосиф Флавий подробно рассказывает о различных состязаниях и представлениях: был устроен грандиозный праздник в честь Августа с самыми пышными церемониями. Ирод объявил конкурс по музыке и спортивным состязаниям и подготовил множество гладиаторов и диких зверей, а также устроил скачки (Ios. Flav. Antiq., XVI, 5, 1).

Сам Август и Агриппа часто отмечали, что размеры владений Ирода не соответствовали его великодушию, ибо он заслуживал быть царем Сирии и Египта (Ios. Flav. Antiq., XVI, 5, 1).

Ирод был убеждённым приверженцем греко-римской цивилизации. Греческие интеллектуалы, которыми он окружил себя, подтверждали этот факт[3]. Власть Ирода и её легитимизация были неразрывно связаны с Римом. Поэтому царь, не колеблясь, называл основные залы в своём дворце в честь Цезаря и Агриппы, возводил храмы в честь Августа. Он желал добиться сближения с язычниками своих владений, демонстрируя им и Риму, что гегемония еврейского царя не представляет собой угрозы для их культурного, религиозного или физического существования. Таким образом, Ирод приступил к реализации амбициозной программы, направленной на завоевание их лояльности и доверия[4].

Сам город Кесария был назван в честь Августа. У многих, кто был связан с архитектурным делом, это название ассоциировалось с Кесареоном – новаторскими сооружениями, построенными Юлием Цезарем в Александрии и Антиохии[5]. Таким образом, косвенно Ирод оказывал почести Цезарю, который даровал римское гражданство отцу Ирода, что облегчило будущему правителю путь к успеху.

Кесария являлась неотъемлемой частью огромной системы безопасности Ирода. Укрепления были обусловлены экономической и политической важностью города. Порт Кесарии обеспечил экономическое процветание палестинской глубинки. Город стремительно развивался, были налажены связи со многими городами Египта, финикийского побережья, Малой Азии и запада до Рима и Испании[6].

В завершение мы можем сделать вывод, что Кесария Приморская являлась важнейшим инструментом в политике Ирода I. Строительство собственной гавани решило проблему экономической зависимости от соседних портов. Храм, построенный в честь Августа, статуи Рима и Цезаря служили демонстрацией уважения и верности Риму. Эллинизированная инфраструктура, а также название самого города «Кесария», способствовали завоеванию лояльности языческого населения. Ирод I использовал градостроительство как одно из средств легитимизации своей власти, это всё позволяло иудейскому царю удерживать трон в сложных условиях римского владычества и внутренней оппозиции.

[1] *Patrich, Oseph.* Herod's Hippodrome-Stadium at Caesarea and The Games Conducted Therein // What Athens has to do with Jerusalem. Essays on Classical, Jewish, and Early Christian Art and Archaeology. In Honor of Gideon Foerster. Leuven, 2002. P. 3.
[2] *Patrich O.* Op. cit. P. 3.
[3] Levine L. Caesaria under Roman Rule. Leiden, 1975. P. 18.
[4] Ibid. P. 18.
[5] Roller, Duane W. Op. cit. P. 134.
[6] Levine L. Op. cit. P. 17.

CAESAREA AS A POLITICAL INSTRUMENT OF THE POWER OF HEROD I'S CONSTRUCTION PROGRAM

V.A. Podorvanov
Belgorod State National Research University

The article considers Caesarea Primorskaya as a political tool within the framework of the construction program of Herod I. The reasons for choosing the «Straton Tower» to create the largest port are analyzed, emphasizing the economic and ideological motivation of the tsar. Special attention is paid to how Herod, through architecture, the name (in honor of Caesar) and public spectacles, demonstrated loyalty to Rome and sought to gain the trust of the pagan population. It is concluded that Caesarea served not only as an economic and political center, but also as an important element of the security system and legitimization of Herod's power in the eyes of the Greco-Roman world.

Keywords: Herod I, Caesarea, Josephus, architecture, amphitheater.

УДК 94.38

ТРУД РАБОВ В «ИЛИАДЕ» И «ОДИССЕЕ»

С. А. Семенихина
Н. рук. – к. истор. н., доц. Е. А. Семичева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1729795@bsuedu.ru

Рабство – одно из древнейших явлений в истории человечества. В гомеровскую эпоху оно уже играло заметную роль в социальной и экономической жизни. Несмотря на архаичность и неразвитость рабовладельческих институтов, рабы присутствовали во всех сферах быта: от сельского труда до обслуживания знати.

Общество, изображённое в поэмах Гомера, уже знало рабство как форму зависимости[1]. Его возникновение знаменовало собой коренной перелом в общественном устройстве, в отношениях между людьми, в восприятии земли и собственности. Становление рабства связано с распадом родового строя, формированием частной собственности, социальной и имущественной дифференциацией.

Целью данной статьи является анализ повседневности рабского бытия в «Илиаде» и «Одиссее». Основные методы исследования включают анализ, сравнение и классификацию.

Поэмы «Илиада» и «Одиссея», несмотря на эпический жанр и мифологизацию сюжета, позволяют воссоздать отдельные черты повседневной жизни рабов и отношения к ним свободных граждан. Однако важно помнить, что они отражают не современность поэта, а идеализированное прошлое – так называемый «мир героев». Тем не менее, реалистические детали, касающиеся труда, происхождения и статуса рабов, позволяют проследить ранние стадии становления рабовладения как социального института.

Особый интерес представляет терминологический аспект[2]. Исследователи, такие как А. А. Валлон и В. Вестерман, уделяли внимание различным терминам, обозначавшим рабов: *δούλος, οἰκέτης, λάτρις, θεράπων, ἄμφιπολος, πρόπολος*. Валлон также ошибочно включает сюда *θῆτες* – свободных, но экономически зависимых людей. Он кратко упоминает также *σώμα* и *ἀνδράποδον*, не давая их историко-филологической интерпретации[3].

Рабство в гомеровскую эпоху представляло собой начальную форму зависимости – переходную стадию от домашнего, патриархального рабства к институциональному[4]. Оно

[1] *Сергеев В. С.* История Древней Греции. – Москва, 2025. – С. 99.
[2] *Ленцман Я.* О древнегреческих терминах, обозначающих рабов // Вестник древней истории. – 1951. – Выпуск № 2 С. 48.
[3] *Валлон А. А.* История рабства в античном мире в 2 т. Т. 1. Рабство в Греции. – 2-е изд., стер. – Москва, 2025. – С. 67.
[4] *Сергеев В. С.* Указ. Соч. – С. 100.

ещё не стало основой общественного производства, не имело юридически чёткого оформления, однако уже наблюдаются зачатки социальной стратификации и управления рабским трудом.

Основной формой зависимости было именно домашнее рабство: рабы исполняли функции слуг и работников в хозяйствах басилеев. Среди них встречаются повара, виночерпии, конюхи, пастухи, ремесленники, управляющие хозяйством.

Источниками рабства в гомеровскую и последующую эпохи были главным образом война и пиратство[1]. Военные действия приносили пленников – мужчин, женщин и детей. В «Илиаде» Андромаха, жена Гектора, в скорби предвидит свою будущую участь:

«Быстро отсюда их всех увезут в кораблях быстролётных,
С ними со всеми – меня. И сам ты, о сын мой, за мною
Следом пойдёшь, чтобы нам неподобную делать работу,
Для господина стараясь свирепого».

(Hom. Il. XXIV. 732–734).

Пиратство, напротив, обеспечивало более стабильный приток рабов. Морские набеги, зачастую маскировавшиеся под торговлю, были обычным делом в Эгейском мире. В одном из рассказов Одиссея приводится такой эпизод:

«Люди в надменности духа, отваге своей отдаваясь,
Ринулись с вышек вперёд, прекрасные нивы египтян
Опустошили, с собой увели их супруг и младенцев».

(Hom. Od. XIV. 262–264).

Рабов поставляли также из других регионов: Фракии, Малой Азии, Сирии, Египта. Восточные рабы ценились особенно высоко – как покорные и пригодные к работе в доме и мастерских[2].

Рабский рынок был местом унижения: людей осматривали, щупали, проверяли зубы, продавая их как вещь[3]. Некоторые греческие полисы, включая Афины, облагали работорговлю налогами и поддерживали её на государственном уровне.

В поэмах также отражён процесс дифференциации труда среди рабов: упоминаются коровники, свинари, пахари и даже «начальники рабов». Это свидетельствует об усложнении организации труда и первых признаках отхода от патриархальной модели, особенно в крупных домохозяйствах.
Несмотря на то, что в основе отношений сохранялся патриархальный характер, рабство оставалось системой несвободы. В «Одиссее» Гомер устами героя формулирует важную мысль о психологическом состоянии раба:

«Если власти хозяина раб над собой не чует,
Всякая вмиг у него пропадает охота трудиться.
Лишь половину цены оставляет широкоглядящий
Зевс человеку, который на рабские дни осуждён им».

(Hom. Od. XVII. 320-323).

Здесь выражено представление о том, что раб, лишённый свободы и отчуждённый от результатов своего труда, теряет внутреннюю мотивацию. Отсюда проистекает низкая продуктивность, необходимость принуждения и надзора[4]. В сельском хозяйстве, виноградарстве и скотоводстве труд рабов применялся в ограниченных масштабах, что отличает гомеровскую систему от развитого классического рабства[5]. Хотя сохраняется личная привязанность, например, к Эвмею, свинопасу и верному слуге Одиссея, наряду с этим в поэмах описаны сцены крайнего насилия над другими рабами:

«Так на канате они голова с головою повисли,

[1] *Валлон А. А.* Указ. Соч. – С. 69.
[2] *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев VII–V вв. до н.э., Москва, 1971. – С. 127.
[3] *Лосев А. Ф.* Указ. Соч. – С. 236.
[4] *Лосев А. Ф.* Гомер. – Москва, 1960. – С. 234.
[5] *Щербенко М. Ю.* Поэмы Гомера как источник о созидательном труде и отношении к нему эллинов того времени // Вестник ННГУ. 2009. №3. – С. 185.

Петлями шеи стянули, чтоб умерли жалкою смертью.
Ноги подёргались их, но недолго, всего лишь мгновенье...
Уши и нос отрубили ему беспощадною медью,
Вырвали срам, чтоб сырым его бросить на пищу собакам».

(Hom. Od. XXII. 462–477).

Такие сцены подчеркивают, что, несмотря на патриархальность уклада, раб оставался объектом насилия и произвола. Его тело и жизнь принадлежали хозяину, а наказание могло быть публичным и демонстративным.

Повседневная жизнь рабов включала тяжёлый труд, страх наказания и полное отсутствие перспектив на свободу. Женщины-рабыни трудились в домашних мастерских, при гинекеях, создавая ткани – тонкие, прочные, нередко богато украшенные, что соответствовало вкусам знати, ориентированной на восточную роскошь[1]. Также они мололи зерно, обслуживали хозяев. В «Одиссее» описывается сцена из дома Алкиноя:

«В доме его пятьдесят находилося женщин-невольниц:
Те золотое зерно жерновами мололи ручными,
Пряжу пряли другие и ткани прекрасные ткали,
Тесно одна близ другой, как высокого тополя листья».

(Hom. Od. VII. 104–107).

Этот эпизод подчёркивает массовость и однообразие труда рабынь, его рутинность и механичность. В другом месте говорится:

«...Двенадцать трудилось на мельницах женщин, готовя
Ячную к хлебу муку и пшеничную – мозг человека...
Спали другие, окончив работу, а эта, слабее
Всех остальных, лишь одна продолжала всё время работать».

(Hom. Od. XX. 106–110).

Мужчины-рабы чаще выполняли тяжёлую физическую работу. Один из женихов Пенелопы упоминает подёнщика, согласного работать за еду и одежду:

«Он бы рвал для забора терновник, деревья сажал молодые...
Только бы пища была у него и одежда для тела».

(Hom. Od. XVIII. 357–361).

Таким образом, повседневная жизнь рабов в гомеровскую эпоху характеризовалась множеством противоречий. Рабство в «Илиаде» и «Одиссее» ещё не носило черт развитой системы, основанной на экономической эксплуатации: оно тесно переплеталось с личной зависимостью, военными обстоятельствами и патриархальными нормами. Основными источниками рабов были плен и покупка, при этом обращение с ними зависело от воли господина и могло варьироваться от жестокого обращения до относительной благосклонности. Рабы выполняли разноплановые обязанности: мужчины – преимущественно хозяйственные и ремесленные, женщины – домостроительные и обслуживающие, включая участие в обрядах и сопровождение госпожи.

Отношение свободных граждан к рабам отличалось утилитарностью: рабы рассматривались как «говорящие орудия», но в ряде случаев проявлялось и сочувствие, и уважение – особенно к тем, кто был предан, стар, трудолюбив или проявлял мудрость. Тем не менее рабы оставались вне политической и социальной жизни, не имели прав, а их судьба зависела исключительно от воли хозяина. Таким образом, в гомеровском обществе раб воспринимался не как личность, а как функция, инструмент, включённый в хозяйственный и социальный уклад.

Изучение гомеровских поэм позволяет сделать вывод о начальной стадии формирования рабства, в которой ещё сохраняются остатки родовых отношений, но уже проступают черты институционализированной зависимости. Это придаёт особое значение

[1] *Валлон А. А.* Указ. Соч. – С. 68.

анализу гомеровских текстов как важнейшего источника для понимания истоков и эволюции рабства в греческом обществе.

SLAVE LABOR IN THE ILIAD AND THE ODYSSEY

S. A. Semenikhina
Belgorod State National Research University

The article examines slavery in the Homeric epics, the «Iliad» and the «Odyssey», focusing on the everyday life of slaves and their role in early Greek society. It analyzes slavery as a transitional form of dependence connected with the decline of tribal relations, the emergence of private property, and social stratification. The study considers the main sources of slavery, such as war and piracy, as well as the spheres of slave labor in household and economic activities. Particular attention is paid to the contradictory nature of slavery, combining patriarchal elements with violence and coercion. The article concludes that Homeric society reflects an early stage in the formation of slavery as a social institution.

Keywords: slavery, Homer, Iliad, Odyssey, ancient Greece, social structure, everyday life.

УДК 94.37

ТРУСОСТЬ В СОЧИНЕНИИ ПЛУТАРХА «СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ»

А.В. Сергиенко
Н. рук. – к. и. н., доцент. Е.А. Семичева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1729801@bsu.eduru

В настоящее время остро стоит вопрос о том, какими качествами должен обладать человек, который может назвать себя достойным гражданином своей страны. И.А. Лавров упоминает, что в современном обществе народный герой играет значительную роль в благополучном существовании социума: становится идеалом для подражания, транслирует социально одобряемые нормы и ценности. Отсутствие героев в общественном сознании может быть индикатором социальной аномии – состояния общества, которому свойственны дезорганизация социальных норм и институтов, отсутствие четких норм поведения[1].

Однако следует изучать не только позитивные проявления, но и их антиподы, поскольку такая дихотомия позволяет более глубоко анализировать явление. Изучение действий известных личностей в труде Плутарха позволит выявить, как в греческой традиции определялся трусливый человек, и как его оценивает общество.

«Сравнительные жизнеописания» – работа древнегреческого философа и биографа Плутарха, написанная в I-II веках н.э. и состоящая из 23 парных биографий известных греков и римлян. С.С. Аверинцев считает: чтобы предложить читателю нравственные образцы для подражания, нужно было создать новый тип биографии. Ни биография как фактографическая справка или свод сплетен, ни биографически построенное похвальное слово, исключающее не только критику, но и внимание к психологии, для такой функции не были пригодны. Перед Плутархом стояла задача: разработать биографию как моралистико-психологический этюд[2].

В моральной системе Плутарха, где высшей ценностью выступает доблесть, трусость предстает не просто личностным недостатком, а является фундаментальным пороком, разрушающим основу гражданского и полисного бытия. Автор исследует это

[1] Лавров И.А., Крыштановская О.А. Государство и общество: взгляд на героев и доблести. – Томск, 2024. – №508. – С. 4.
[2]Аверинцев С.С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 296.

качество через его конкретные, зачастую катастрофические проявления в судьбах исторических лиц, демонстрируя, как этот изъян способен сломить человека.

Ярким примером служит описание, данное биографом Дионисию Старшему: «И вообще он был до такой степени недоверчив и подозрителен…» «…*Вот как труслив* был человек, негодовавший, когда Платон не пожелал признать его самым мужественным на свете, *и от трусости душа его была полна неисчислимых пороков»* (Plutarch, Parallel Lives, XXII, 9)[1]. По мнению Плутарха, данный фрагмент иллюстрирует, как трусость порождает не только недоверчивость и подозрительность, но и жестокость, делая человека рабом собственных страхов.

Трусость, проявленная в передаче своих обязанностей, предстает тягчайшим из пороков государственного мужа, поскольку она представляет собой не пассивную слабость, а сознательный выбор в пользу гражданского самоустранения, который оборачивается двойным поражением – нравственным для себя и стратегическим для полиса. Это наглядно демонстрирует оценка поступка афинского стратега Никия. В период столкновения со спартанским войском на острове Сфактерии, когда настроение армии было весьма отрицательным, политический противник Никия – Клеон сумел перевести общественное мнение афинян на свою сторону. Это привело к тому, что он передал управление войском своим противникам: «…Никию это событие принесло дурную славу. *Добровольно, из трусости*, отказаться от командования и дать своему врагу возможность совершить столь блестящий подвиг было в глазах афинян хуже и позорнее, чем бросить щит» (Plutarch, Parallel Lives, XIV, 8).

Э.В. Рунг упоминает, что греки понимали под предательством «в широком смысле» – любые действия, направленные во вред своему родному полису. В этой связи предательством греки могли считать и уклонение от военной службы, неудачную военную кампанию, проведенную стратегом, или же поражение в битве[2]. Никий свою битву проиграл и был осуждён народом.

С.Я. Лурье указывает, что описанное Плутархом состояние паники в войске исторически достоверно, однако его морализаторский подход заставляет винить в катастрофе прежде всего нравственные изъяны Никия, тогда как афинская экспедиция столкнулась с комплексом объективных военно-политических трудностей[3].

Подобная модель поведения, при которой личный страх превалирует над долгом и публичными обязательствами, получает у Плутарха последовательное раскрытие. Иллюстрацией служит анализ действий афинского оратора и политика Демосфена, который в ключевой момент противостояния с Македонией ведёт себя как трус: «Вплоть до этого времени Демосфен держал себя, как подобало храброму и благородному человеку, но в битве не совершил ничего прекрасного, ничего, что бы отвечало его же собственным речам, напротив – *оставил свое место в строю и самым позорным образом бежал, бросив* оружие и не постыдившись» (Plutarch, Parallel Lives, XIX, 20).

По словам ряда авторов: «Система афинского воспитания готовила юношей к важнейшему состязанию, к войне. Кому нужны такие воины, которые не переносят жажды и пыли, трепещут при виде крови, готовы умереть прежде, чем их коснется оружие[4]». Поведение Никия и Демосфена служит классической иллюстрацией нарушения базовых принципов античной воинской этики, воспитывающихся системой полисного воспитания.

Однако проявления военного малодушия Плутарх считает свойственными не только грекам. Тот же аспект трусости биограф выявляет и при анализе действий командования

---

[1] Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах / Пер. С.П. Маркиша. – Москва, 1994. – С. 467.

[2] Рунг Э.В. Προδοτία: феномен предательства в классической Греции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 2. – С. 47–55.

[3] Лурье С.Я. История Греции / под общ. ред. Э.Д. Фролова. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 339.

[4] Головнева Е.В., Головнева Н.А., Синдикова Г.М. История развития образования, воспитания и педагогической мысли в античную эпоху // История и педагогика естествознания. – 2020 – №2. – С. 11.

персидской армии. Приоритет личного спасения над выполнением обязанностей выражается в оставлении флота и подчиненных: «…Миндар и Фарнабаз пытались помочь своим, но тоже были разбиты; Миндар пал, отчаянно сопротивляясь, а Фарнабаз *бежал*» (Plutarch, Parallel Lives, VI, 28). Отсутствие морального приговора в описании бегства Фарнабаза не означает, что Плутарх безразличен к поступку полководца. Оценка формируется через контраст с гибелью Миндара, который отчаянно сопротивлялся, а также через само понятие бегства.

Одним из ключевых аспектов трусости в моральной системе Плутарха является предательство, которое в его понимании выходит за рамки простого малодушия и приобретает характер осознанного вероломства. В жизнеописании Красса Плутарх описывает поведение некого Андромаха из Карр: «Но обо всем узнал Андромах, из них самый вероломный, – Красс не только открыл ему тайну, но и доверил быть проводником в пути. Таким образом, ничто не укрылось от парфян: Андромах *осведомлял их о каждом шаге римлян*» (Plutarch, Parallel Lives, XIV, 2).

По словам Э.В. Рунга под предательством «в узком смысле», греки имели в виду целый ряд конкретных действий, направленных на сотрудничество с врагом, – переход на сторону неприятеля или сдачу противнику своего родного города[1].

Плутарх подвергает критическому анализу не только индивидуальные, но и массовые проявления трусости, укоренённые в структурах власти и социальных привилегиях. В качестве примера он приводит состояние конницы Ахейского союза, где фиксируется системное на уровне управления пренебрежение воинским долгом и честью: «…Всадники, которых он принял от своего предшественника, являлись с плохими лошаденками, какие им попадались, когда случался поход, или же *вовсе уклонялись от походов, посылая вместо себя других*, все были совершенно незнакомы с делом *и трусливы*; власти неизменно смотрели на это сквозь пальцы, потому что у ахейцев всадники были людьми очень влиятельными» (Plutarch, Parallel Lives, X, 7).

Таким образом, в сочинении Плутарха «Сравнительные жизнеописания» порок не сводится к единичным проявлениям слабости, а предстаёт более сложным феноменом, разрушающим как личность, так и государство.

В ходе исследования были выявлены такие формы трусости, как патологическая подозрительность, добровольное устранение от командования, бегство с поля боя, осознанное предательство и уклонение от воинских обязанностей. Трусость носит как личный, так и массовый характер, а ее оценка античным автором зависит от степени осознанности поступка, социального статуса и тяжести последствий. Путём изображения катастрофических последствий порока Плутарх выполняет воспитательную задачу: через негативные образы он помогает читателю постичь ценность доблести.

COWARDICE IN THE WORK OF PLUTARCH «PARALLEL LIVES»

A.V. Sergienko
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the analysis of manifestations of cowardice among warriors in Plutarch's «Parallel Lives». The author examines various examples of cowardly behavior described by the ancient biographer – from the pathological suspicion of tyrants and the flight of strategists to the mass evasion of military duty among the aristocracy. The analysis concludes that in Plutarch's moral system, cowardice is portrayed as a fundamental vice that destroys both the individual and the state, standing in stark opposition to the ideals of military valor cultivated by the Greek polis tradition.

Keywords: Plutarch, Parallel Lives, cowardice, warriors, antiquity, military ethics.

[1] Рунг Э. В. Προδοσια: феномен предательства в классической Греции // Вестник ННГУ. –2016. – №2. – С. 47-55.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ. РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ

УДК 94(495)

БАЛЬБУРА В ГОРНОЙ ЛИКИИ: МАЛЫЙ ГОРОД РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ

Е.О. Губернаторова
Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1729818@bsuedu.ru

Город на севере Ликии – Бальбура, вероятно, был основан в первой половине II века до н.э. в ходе смешения местных народов.

Бальбура, известная сегодня как Чолкайиги, находится в горной местности северной Ликии, вблизи нынешнего Дирмила (Алтиньялы). В древние времена этот город, расположенный на высоте около 1500 м, был самым высокогорным городом в регионе[1].

Бальбура в римское время была полноправным членом Ликийского союза — важным политическим и административным центром в горной части Ликии. В византийский период она стала центром епископии, что говорит о сохранении её административной и религиозной значимости.

Это место было впервые исследовано в 1988 г. экспедицией под руководством Дж. Коудтона, материалы которой свидетельствуют о довольно продолжительном заселении городища[2].

Бальбура в римское время, расположенная к юго-востоку от Кабалитиды принадлежала территории Бальбуры в правление Септимия Севера[3], была городом-метрополией, в чьё территориальное подчинение входила пентакомия (объединение пяти деревень) Тириайон. Это указывает на административную значимость Бальбуры в Горной Ликии.

На склонах, примыкающих к акрополю, в пределах террас, где находятся основные городские сооружения, несанкционированные археологические раскопки выявили угол, образованный двумя стенами: одна из них, вытянутая перпендикулярно оси север-юг, повторяет естественный рельеф основания холма акрополя, очерчивая, предположительно, верхний уровень террасового пространства. Вторая стена, ориентированная по оси запад-восток, вероятно, представляет собой продолжение главной городской артерии, уходящей на восток[4].

Из этого можно установить, что Бальбура имела типичную эллинистическо-римскую планировку с акрополем, террасными монументальными сооружениями и широкими мощёными улицами. Это не просто деревня, а благоустроенный малый город с развитой архитектурой.

На оборотной стороне одной из монет Бальбуры изображён пшеничный колос. Археологические разведки обнаружили в окрестностях города несколько небольших сельских поселений, расположенных поблизости от пахотных угодий. Тяжёлые каменные грузила от виноградных прессов и вырубленные в скале ёмкости свидетельствуют о виноделии.

Кроме того, в одной из надписей упоминаются рыночные смотрители (агораномы), которые следили за порядком на городских рынках и регулировали цены на зерно, не

---

[1] *Bier L.* The Upper Theatre at Balboura // Anatolian Studies. 44. 1994. – P. 27–46.
[2] *Momigliano N., Greaves A., Hodos T., Aksoy B., Brown A., Kibaroğlu M., Carter T.* Settlement history and material culture in southwest Turkey: report on the 2008—2010 survey at Çaltılar Höyük (northern Lycia) // Anatolian Studies. 61. 2011. – P. 62-63.
[3] *Naour, Christian.* Nouvelles Inscriptions De Balboura // Ancient Society, vol. 9. 1978. — P. 165–167.
[4] Ibid.

допуская их чрезмерного роста[1]. Из этого следует, что экономика Бальбуры базировалась на земледелии и регулируемой рыночной торговле. Наличие агораномов свидетельствует о развитой городской инфраструктуре и самоуправлении, характерных для полиса.

В эпоху Римской империи город вышел за свои старые крепостные границы. В 74–76 годах здесь построили водопровод и фонтан, а примерно в то же время появились и общественные бани.

Нижняя часть города сформировалась на ровном участке к востоку от подножия акрополя. К середине II века через этот район проложили парадную улицу, вдоль которой стояли статуи и почётные памятники. Вымощенная агора была окружена портиками (стоями), а в начале III века её дополнили монументальными воротами с тремя арками.

Второй городской театр, находившийся в нижней части Бальбуры, так и остался недостроенным.

О религиозной жизни Бальбуры известно главным образом благодаря многочисленным скальным вотивным рельефам. Среди наиболее почитаемых божеств — триада вооружённых мужчин, именуемая надписями «Дикие боги» (Theoi Agrioi), а также Диоскуры, Какасб (местный аналог Геракла), Артемида Лагбена и Зевс.

Рельефы, как правило, объединены в группы и встречаются в нескольких загородных святилищах. Имена тех, кто их посвящал, зачастую имеют местное, а не греческое происхождение. Также в Бальбуре в римское время проводились игры — Мелеагрии[2], что вызывает особый интерес относительно его общественной жизни, учитывая отдаленное расположение города в горах.

В самом городе и его окрестностях сохранились остатки пяти ранневизантийских церквей[3]. Наличие пяти ранневизантийских церквей подтверждает её роль как епископского центра в ранневизантийский период. Данный город в ранневизантийское время являлся епархией и входил в состав митрополии Мир Ликийских.

BALBURA IN MOUNTAIN LYCIA: A SMALL CITY OF THE ROMAN-BYZANTINE TIME

E.O. Gubernatorova
Belgorod State National Research University

Balbura is one of the two major ancient cities in the research area, which existed at least since the Roman period and was part of northern Lycia. During the Roman era, Balbura was a full member of the Lycian League, an important political and administrative center in the mountainous region of Lycia. Balbura had the official status of a polis within the Lycian League under the Romans, and during the Byzantine period, it became the center of a bishopric.

Keywords: Lycia, Balboura, the Roman Empire, policy.

УДК 93.85

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОККУЛЬТИЗМА ВИЗАНТИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ВКЛАД Н.Д. БАРАБАНОВА

И.С. Дударевский
Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ilya.dudarevskij@mail.ru

Византийская империя с ее богатым культурным и религиозным наследием всегда привлекала внимание исследователей. Однако наряду с изучением ее государственности, церкви и искусства часто оставалась в тени одна из наиболее интригующих и сложных

[1] *Smith T.J.* Balboura (Antiquity) // Encyclopaedia of the Hellenic World. Vol. I: Asia Minor. EU Project, 2001. – P. 2-3.
[2] *Milner N.P.* Victors in the Meleagria and the Balbouran Elite // Anatolian Studies. 41. 1991. — P. 23-62.
[3] Ibid.

сфер ее духовной жизни – оккультизм. Магические практики, астрологические предсказания, алхимия – эти аспекты византийской культуры –
зачастую воспринимаются как маргинальные, на самом деле глубоко укоренены в её мировоззрении.

Именно в этом контексте особое значение приобретает исследовательский вклад отечественного ученого Николая Дмитриевича Барабанова. Основная тематика его работ была посвящена византийской церкви, но и большое количество статей было направлено на изучение оккультизма Византии и его сосуществования с христианством и церковью. Работы Барабанова составляют основу изучения неортодоксальных византийских практик в современной отечественной историографии.

Николай Дмитриевич Барабанов — выдающийся российский византинист и историк церкви. Родился в 1956 г. в Свердловске в семье военного. С отличием окончил Уральский госуниверситет в 1978 г., став учеником основателя уральской школы византиноведения М.Я. Сюзюмова. Владел 8 языками, включая латынь и древнегреческий.

С 1981 г. связал жизнь с Волгоградским государственным университетом, пройдя путь от ассистента до доцента. Также Н.Д. Барабанов являлся сооснователем и многолетним проректором Царицынского православного университета в течение около 25 лет. Внес фундаментальный вклад в развитие духовного образования в регионе.

Является автором 115 работ по истории Византии и православия. Был главным редактором знаковых научных серий, например, «Мир Православия» и организатором первой международной конференции византинистов в Волгограде (2015).

За заслуги перед церковью и наукой награжден орденом Святителя Макария (III степени)[1].

В отечественной историографии тема оккультизма Византии не так глубоко рассматривается, как в зарубежной. Поэтому работы Николая Дмитриевича являются очень ценными для нашей науки.

Первой работой Н.Д. Барабанова, посвященной магии, стала статья под названием «Магия и Церковь в поздней Византии», опубликованная в 1992 г.[2] В ней делается акцент на оккультизм и отношение византийской церкви к нему, в отличие от более ранних работ историка, где неортодоксальные практики лишь упоминаются.

Начиная с 2000-х годов в работах Николая Дмитриевича все больше делается акцент на языческих практиках в их совмещении с христианством. Одна из таких работ «Византийская церковь в борьбе с употреблением амулетов», опубликованная в 2007 г.[3] Автор опирался на книгу Э. Уоллиса Баджа «Амулеты и суеверия»[4], но не только. Работа Барабанова посвящена изучению противостояния Византийской церкви использованию амулетов в христианской среде. В статье отмечается, что употребление талисманов и амулетов было универсальным явлением, характерным для многих этносов и культур, включая христианскую среду Византии. Церковь стремилась искоренить этот элемент языческого наследия, так как он противоречил её догматам. Проблема осложнялась тем, что византийское христианство усваивалось массами не только в форме высокого богословия, но и включало элементы «народного» или «приходского» православия, которое складывалось из сочетания архаических традиций с христианскими нормами и обрядами.

Среди богословов и церковных деятелей ранневизантийского времени, осуждавших употребление амулетов с языческими мотивами, упоминаются св. Иоанн Златоуст и св.

---

[1] Памяти Николая Дмитриевича Барабанова // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – № 3. – С. 256-257.

[2] *Барабанов Н.Д.* Магия и Церковь в поздней Византии // Доклады межвузовской научно-теоретической конференции. Камчат. гос. пед. ин-т. – Петропавловск Камчатский, 1992. – С. 65–66.

[3] *Барабанов Н.Д.* Византийская церковь в борьбе с употреблением амулетов // Вспомогательные исторические дисциплины. – 2007. – № 30. – С. 100–110.

[4] *Уоллис Бадж Э.* Амулеты и суеверия. – М., 2001. – 383 с.

Афанасий Александрийский[1]. В статье рассматривается вопрос о том, почему, несмотря на усилия церкви, амулеты сохраняли популярность в народной среде. Это исследование показывает, как уживались христианская церковь, со своими нормами, и народные верования в обществе.

Еще одна из интересных работ Николая Дмитриевича Барабанова — это «Византийская народная мантика: клидон», опубликованная в 2011 г.[2] Автор исследования опирается на описание Феодора Вальсамона, с привлечением этнографического материала, античных источников и церковных текстов.

В работе подробно анализируется изменение античной практики клидономантии в христианскую эпоху. Н.Д. Барабанов показывает, как языческий ритуал, основанный на получении откровений через голос, был адаптирован к христианскому контексту.

Мантика представлена как универсальный компонент религиозной культуры, сохранившийся несмотря на противодействие церкви. Особое внимание уделяется празднику Рождества Иоанна Предтечи (Иван Купала), где ритуал клидона получил наибольшее распространение.

Клидон — это форма мантики (гадания), при которой откровение получали через внутренний или сверхъестественный голос. В античной традиции слово клидон означало ответ на интересующий вопрос или указание на будущее, которое могло исходить от чужого человека или голоса[3].

В заключении автор делает вывод о том, что клидон стал результатом сложного процесса народного религиозного творчества, где древние традиции органично вписались в христианский контекст, создав уникальный феномен народной мантики.

Таким образом, научное наследие Николая Дмитриевича Барабанова представляет собой важный вклад в изучение малоисследованной области византийской истории и культуры, открывает новые горизонты для дальнейших исследований в этой сфере. Также важно ознакомиться с его другими работами, касающимися тематики византийского оккультизма, например «Благочестивые заклания. Традиция публичных жертвоприношений в византийском приходском православии»[4], «Византийские филактерии»[5], «Костры святого Иоанна. Огонь в культовых практиках византийцев»[6], «От Гилу до вурдалаков. Демонология и приходское православие в Византии»[7].

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE OCCULT OF BYZANTIUM: N.D. BARABANOV'S RESEARCH CONTRIBUTION

I.S. Dudarevskiy
Belgorod State National Research University

The article examines the contribution of the Russian Byzantinist N.D. Barabanov to the study of the occult practices of Byzantium. The study focuses on the analysis of his works on the interaction of ecclesiastical and heterodox practices in Byzantine society. Special attention is paid to the study of such phenomena as the use of amulets and manticus.

Keywords: Byzantium, occultism, N.D. Barabanov, church history, folk religion, Christianity.

[1] *Барабанов Н.Д.* Византийская церковь в борьбе с употреблением амулетов. – С. 103.
[2] *Барабанов Н.Д.* Византийская народная мантика: клидон // Античная древность и средние века. – 2011. – №40 – С. 288-301.
[3] Там же. – С. 291-292.
[4] *Барабанов Н.Д.* Благочестивые заклания. Традиция публичных жертвоприношений в византийском приходском православии // Византийский временник. 2004. №63 (88). – С. 89-113.
[5] *Барабанов Н.Д.* Византийские филактерии. Специфика арсенала // Античная древность и средние века. – 2002. – №33. – С. 214-227.
[6] *Барабанов Н.Д.* Костры святого Иоанна. Огонь в культовых практиках византийцев // Мир Византии. Проблемы истории Церкви, армии и общества. – Волгоград, 2011. – С. 65-79.
[7] *Барабанов Н.Д.* От Гилу до вурдалаков. Демонология и приходское православие в Византии // Средневековое православие от прихода до патриархата. – Волгоград, 1998. – С. 81-97.

УДК 94 (392)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ КАК ФАКТОР ВИЗАНТИНИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ФРИГИИ

Р.А. Ермолович
Н. рук. – д. и. н., профессор Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ermolovichro@mail.ru

Позднеантичные города во многом претерпевали трансформацию, процесс которой можно обозначить как византинизация, суть которой – изменения фундаментальных основ города, их функций, что привело к удалению его античного характера при сохранении общей структуры[1].

Это не могло не коснуться городов Фригии, на примере которых можно проследить черты рассматриваемых сдвигов в плане материальной культуры. Так, в первую очередь, стоит упомянуть строительство ***церковных сооружений***, появление которых обусловлено активной христианизацией региона[2].

Появляются места паломничества, каковым в случае Фригии выступают Колоссы, которые, согласно христианской традиции, стали местом чуда, совершенного архистратигом Михаилом. Вполне вероятно расположение в черте города храма, но на данный момент систематических раскопок города не производится[3].

Большинство храмов, построенных в период поздней античности на территории Фригии, по своему типу относятся к классическим базиликам, распространенным в целом в данное время в Малой Азии[4]. Пример наиболее крупного и важного христианского храма в Лаодикее свидетельствует также о воспроизводстве духовенства, объединяя функции жилой и непосредственно базиликальной постройки[5].

Рядом с рассматриваемым собором располагался ранее античный языческий храм, переделанный в церковный архив, что выступает примером тенденции, характерной в целом для региона и его памятников, утративших значение ввиду отсутствия потребности в их функционале, иллюстрацией чего может быть данное сооружение, некогда являвшееся культовым[6].

---

[1] Наиболее полную характеристику процесса византинизации позднеантичного города см.: *Болгов Н.Н.* Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. – 2023. – Т. 1. – С. 199-219.

[2] Внешними признаками чего выступает вытеснение языческих кварталов, сопровождаемое активным разрушением храмов и осквернением культовых статуй: *Şimşek C.* Urban Planning of Laodikeia on the Lykos in the Light of New Evidence // Landscape and History in the Lykos Valley: Laodikeia and Hierapolis in Phrygia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P.15; *Şimşek C.* Laodikeia in the late antiquity // The Lykos Valley and Neighbourhood in Late Antiquity. – Istanbul: Yayinlari, 2018. – P. 91-94.

[3] Подробнее о совершенном чуде см.: Воспоминание чуда святого Архистратига Михаила в Хонех // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского в 12 кн., 2 кн. доп. Т. I: Сентябрь. — М.: Ковчег, 2010. — С. 154-163; Сами же работы на месте Колосс начались относительно недавно и ограничены археологической разведкой: *Yener B., Ulusoy P.* Kolossai Antik Kenti ve Territoryumu 2021 Yili Arkeolojik Yüzey Araştirmalari (1. Sezon) // 42. Uluslararası Kazı, Araştırma ve Arkeometri Sempozyumu. 38. Araştirma Sonuçlari Toplantisi. Cilt 1. — Ankara, 2023. — P. 215-228; *Yener B., Ulusoy P.* Kolossai Antik Kenti ve Territoryumu 2022 Yili Arkeolojik Yüzey Araştirmalari (2. Sezon) // 43. Uluslararası Kazı, Araştırma ve Arkeometri Sempozyumu. 39. Araştirma Sonuçlari Toplantisi. Cilt 1. — Ankara, 2024. — P. 299-312.

[4] На данный момент не существует единой по региону классификации памятников периода по отдельным типам сооружений, в том числе, по христианским храмам. Однако такая попытка была предпринята в отношении Лаодикеи: *Şimşek C.* The Ancient City of Laodicea (Introduction Guide-English). – Denizli, 2010.

[5] *Şimşek C.* Laodikeia Kilisesi. Sondaj Buluntulari. Hellenistik Dönem Seramiği. Laodikeia Çalişmalari 6. – Istanbul: Yayinlari. 2021. – P. 5.

[6] *Şimşek C.* The Ancient City of Laodicea... – P. 11.

Необходимо упомянуть, что такие значимые базилики представляли собой катализатор, закреплявший новую веру и создававший условия для её дальнейшего распространения, вытесняя вокруг себя языческие кварталы за пределы города[1].

Помимо реорганизации функций тех или иных сооружений, хорошо прослеживается и вовсе их разрушение и дальнейшее использование полученных в результате этого строительных материалов при возведении новых, более необходимых построек, что получило название сполий[2].

Так можно заметить, что при возведении церкви гиерапольского мартирия святого Филиппа, где покоились останки апостола, принявшего здесь мученическую смерть, использовались фрагменты античных мраморных саркофагов[3].

При этом мартирий примечателен и сам по себе, поскольку находится высоко в травертиновых скалах на трех платформах, нижнюю из которых, помимо лестницы для процессий, занимало христианское кладбище, что также служит особенностью материальной культуры периода, поскольку такие некрополи заменяют античные языческие[4].

Кроме обозначенных тенденций позднеантичные здания, храмы в большей степени, сохраняют формы античного искусства, среди которых, в первую очередь, мозаики в стиле opus sectile (складывание изображения из больших секционных частей) и opus tessellatum (использование маленьких плиточек – тессер), изображающие в основном геометрические и растительные мотивы. К тому же под полами новых построек могли находиться нижние слои старых, сохранявшие секционные мозаики[5].

Вместе с тем конец IV – начало V вв. (время правления императоров Феодосия и Аркадия) был обозначен появлением новых ***оборонительных сооружений***, требование которых диктовалось переменчивыми условиями внешних вторжений при разделенной империи[6].

В отношении городской застройки стены и ворота являлись ограничителем улиц. Укрепления прилегали, например, к улице Фронтина в Гиераполе – главной в городе. Она же, в свою очередь, была расположена таким образом, чтобы к ней можно было делать пристройки, что проявилось в вероятном гиерапольском кастроне – ещё одном типе фортификационных сооружений ранневизантийского времени (топографическую карту Гиераполя см. рис. 1)[7].

При этом укрепить абсолютно всю жилую территорию не представлялось возможным ввиду недостатка строительных материалов, даже после разрушения ненужных построек, что приводило к тому, что некоторые части города были окружены

---

[1] *Şimşek C.* Urban Planning of Laodikeia on the Lykos... – P. 15-16.

[2] В 2021 г. итальянской миссией, работающей на территории Гиераполя, был составлен каталог заимствованных строительных блоков в позднеантичных постройках: *Ismaelli T., Scardozzi G., Bozza S., Ungaro R.* Monumenti “in search of location”: il contributo dello studio dei blocchi reimpiegati nelle Mura Bizantine alla conoscenza della città di epoca imperiale e protobizantina // Hierapolis di Frigia. Le attività delle campagne di scavo e restauro 2012-2015. – Istanbul, 2021. – P. 101-168.

[3] *Ahrens S., Brilli M., Piera Caggia M.* Marble Sarcophagi from the St Philip Church of Hierapolis and The North-East Necropolis: Archaeometric Characterization and Marble Provenance Identification // Ancient Quarries and Building Sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and other cities in south-western Anatolia: archaeology, archaeometry, conservation. – Bari: Edipuglia, 2016. – P. 259-276.

[4] *Ahrens S., Brandt R.* Excavations in the North-East Necropolis of Hierapolis 2007-2011 // Hierapolis Di Frigia. Le attivitàdelle champagne di scavo e restauro. — Istanbul, 2016. — P. 395-414.

[5] *Caggia M.P.* The Marbles of the Church of St Philip in Hierapolis. Phases of Construction and Opus Sectile Flooring // Ancient Quarries and Building Sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and other cities in south-western Anatolia: archaeology, archaeometry, conservation. – Bari: Edipuglia. 2016. – P. 473; *Şimşek C., Bayram F.* Central Church and Its Surrounding Ruins // 10. Yılında Laodikeia (2003–2013 Yılları) / Laodikeia Çalışmaları 3. – İstanbul, 2014. – P. 287–290.

[6] *Şimşek C.* Urban Planning of Laodikeia on the Lykos... – P. 5.

[7] *Arthur P.* Hierapolis of Phrygia: The Drawn-Out Demise of an Anatolian City // Vrbes Extinctae. Archaeologies of Abandoned Classical Towns. – Farnham: Ashgate. 2012. – P. 283.

стенами частично или же вовсе забрасывались, а это говорит также о некоторой степени уплотнения городского пространства[1].

В целом наблюдаются попытки соотнести оборонительные сооружения с естественными преградами, чтобы повысить эффективность защиты, что было вполне закономерным решением, пример которого можно наблюдать на топографических планах Гиераполя, где видно, что стены в северной части города примыкают к травертиновым скалам. К тому же, с этими целями близ стен отсутствовали высокие постройки [2].

Ворота скорее были типовыми для данного периода. По примеру Феодосиевых стен Константинополя по сторонам возводились башни прямоугольной формы, что соответствует примеру ворот Лаодикеи и Гиераполя, возведенных в это время[3].

С целью укомплектования доступного пространства некоторые сооружения могли примыкать непосредственно к данным стенам, что мы наблюдаем в случае нимфея в том же Гиераполе[4].

Таким образом, необходимо отметить, что городская застройка претерпевает ряд изменений, что выразилось в появлении новых типов сооружений, разрушении старых. Однако это не означало резкий обрыв связей и новый тип материальной культуры, скорее эти изменения являлись трансформацией в связи с ещё сохраняющимися элементами античного градостроения – переходом к тому, что впоследствии можно будет назвать медиевализацией, произошедшей уже в VII веке.

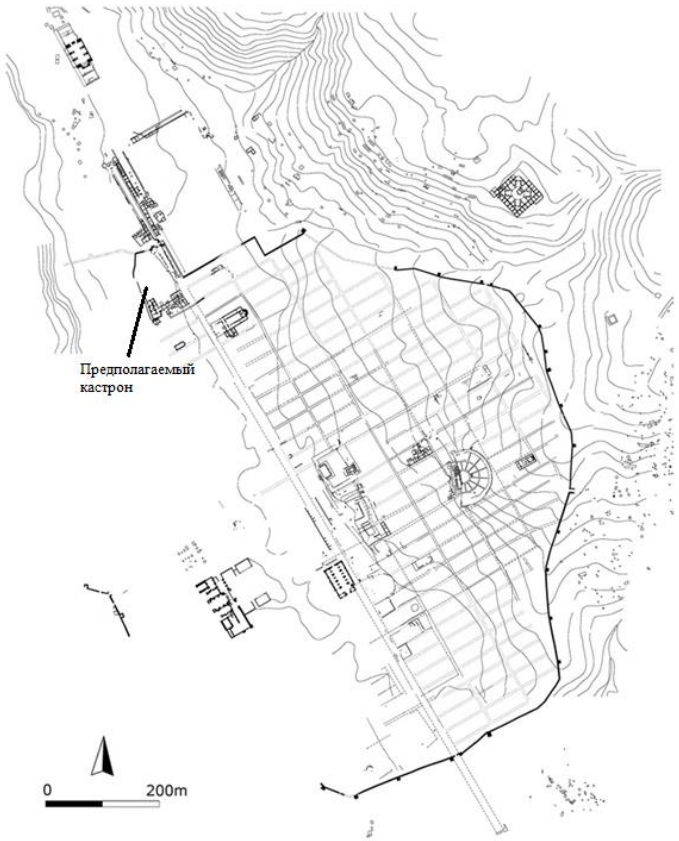

Рис. Топографический план Гиераполя

[1] *Болгов Н.Н.* Указ. соч. – С. 206.
[2] *Ismaelli T., Scardozzi G., Bozza S., Ungaro R.* Op. cit. – P. 42.
[3] *Jacobs I.* Gates in Late Antiquity in The Eastern Mediterranean // Babesch: Bulletin Antieke Beschaving 2009. № 84. — P. 197-213.
[4] *Ismaelli T., Scardozzi G., Bozza S., Ungaro R.* Op. cit.

URBAN TRANSFORMATION AS A FACTOR OF BYZANTINIZATION ON THE EXAMPLE OF PHRYGIA

R.A. Ermolovich

Belgorod National Research University

The article provides an analysis of the trends characteristic of the material culture of the central Asia Minor region of Phrygia in the period of Late antiquity. The processes of Byzantinization and, consequently, Christianization led to the emergence of a number of new types of structures. Church monuments and their main features are considered, and the martyrium is mentioned as a separate type of such structures found in Hierapolis in Phrygia, but it is an extremely valuable evidence of material culture due to its significance and unusual structure. Special attention is paid to another large block – defensive structures, the appearance of which is in many ways a feature of the Early Byzantine period specifically, since previously there was no need for their construction. There are also individual trends, such as the active use of spolias and the preservation of ancient art forms. The conclusion provides an answer to the question of whether the late Antique material culture is a new type or is it just a process of transformation on the way to the medievalization of the city.

Keywords: Phrygia, Byzantinization, Christianization, material culture, Laodicea, Hierapolis.

УДК 94(495)

ПАМЯТНИКИ ГОРОДА СИДЕ В РИМСКО-РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ

А.А. Жиленкова

Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

1840575@bsuedu.ru

Архитектурный облик города Сиде в позднеантичный период представляет собой сложный синтез наследия предыдущих эпох. Информативными в этом отношении являются общественные, религиозные и фортификационные сооружения, позволяющие проследить преобразование жизни города. Сиде (Сида) – главный город и порт древней Памфилии, расположен на побережье Средиземного моря к западу от устья реки Манавгат, на юго-западе Малой Азии[1].

Прежде всего стоит остановиться на театре Сиде, являющимся сердцем города. Построен театр примерно в середине II века, расположен в самой узкой части полуострова[2]. Вмещал театр более 15 000 зрителей и по своей структуре являлся типично римским, состоящим из трёх основных частей: зрительная часть (cavea), полукруглой орхестры и сценического здания, перед которым происходило действие[3].

Главная архитектурная особенность театра заключается в том, что он не вырезан в склоне холма, как типичные греческие театры, а более чем наполовину является самостоятельным сооружением. Его массивная конструкция опирается на систему сводов, арок и внутренних галерей, что сближает его с римскими амфитеатрами. Диаметр зрительского пространства достигает около 119 м. Зрительная часть разделена на два яруса, каждый примерно по 29 рядов, между которыми проходит горизонтальный проход (diazoma). Сектора разделены радиальными лестницами, обеспечивающими доступ зрителей к местам[4].

С инженерной точки зрения театр представляет собой сложную многоуровневую систему. Внешняя часть оформлена аркадами (около 23 арок), а внутри находятся коридоры, лестницы и вспомогательные помещения. Несущие конструкции выполнены в

[1] Сиде [Электронный ресурс] // Encyclopaedia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/place/Side-Turkey (дата обращения: 11.04.2026).

[2] The Ancient Theatre Archive. Side (modern Eski, Turkey) [Электронный ресурс] // The Ancient Theatre Archive. URL: https://ancienttheatrearchive.com/theatre/side-modern-eski-turkey/ (дата обращения: 11.04.2026).

[3] *Mansel A.M.* Die Ruinen von Side / Deutsches Archäologisches Institut. Abteietung Istanbul. – Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1963. – S. 122.

[4] Ibid. S. 123.

виде сводов и мощных опор, что позволило создать устойчивое и вместительное сооружение. Сценическое здание (scaenae frons) было двухэтажным и богато украшенным, с колоннами, нишами и декоративными элементами, образуя единый архитектурный ансамбль с зрительской частью[1].

Дополнительно театр имел инженерные элементы, такие как система креплений для натяжения тента (velum), защищавшего зрителей от солнца. В более поздний период сооружение претерпело изменения: орхестра была превращена в арену для гладиаторских боёв, для чего возвели дополнительную стену, отделяющую её от зрителей. В византийское время театр утратил первоначальную функцию и использовался как религиозное пространство, где были добавлены новые архитектурные элементы[2].

К театру примыкает не менее важный архитектурный объект – агора. Современные исследования рассматривают эту связку как функционально интегрированный урбанистический комплекс, в котором агора и театр выступали взаимодополняющими элементами публичной жизни: агора обеспечивала повседневную экономическую и административную активность, а театр – массовые собрания и культурно-политические события[3].

Архитектурно агора имела близкую к квадратной планировку (65,5 х 65,7 м) и представляла собой открытый внутренний двор, окружённый со всех сторон колоннадами (stoai). Эти колоннады создавали непрерывный крытый периметр, защищавший посетителей от солнца и осадков, а также организовывали движение внутри пространства. За колоннадами располагались торговые помещения (tabernae), которые формировали функциональный коммерческий пояс агоры. Такой тип планировки соответствует стандартам римской городской архитектуры Малой Азии, где общественные пространства проектировались как структурированные и регулируемые зоны активности[4].

Центральным архитектурным элементом комплекса являлся храм Тихе, расположенный в середине площади. Он был выполнен в форме круглого толоса (tholos) с колоннадой коринфского ордера, установленной на ступенчатом стилобате. Этот храм выполнял не только религиозную функцию, но и имел символическое значение, отражая идею покровительства города и его благополучия. Наличие такого сооружения в центре торгового пространства подчёркивает характерную для римской Малой Азии интеграцию сакрального и экономического в пределах одного архитектурного ансамбля[5].

Особого внимания заслуживают храмовые комплексы. Храмы Афины и Аполлона представляют собой ключевой элемент сакральной топографии города. В современной археологической литературе этот ансамбль рассматривается как единая сакральная зона мыса, сформированная в эллинистическую эпоху и монументально переоформленная в период Римской империи I–II вв., когда город достиг наивысшего экономического и архитектурного расцвета. Его положение на краю скального обрыва над Средиземным морем определяет не только архитектурную композицию, но и идеологическую функцию храмов как визуального маркера города с моря[6].

Храм Аполлона является наиболее сохранившимся элементом комплекса и датируется преимущественно серединой II века, эпохой Антонинов, что подтверждается стилистическим анализом коринфского ордера и сравнением с аналогичными памятниками римской Малой Азии.

Храм представляет собой периптер на высоком стилобате, ориентированный строго в сторону моря. Архитектурные обмеры фиксируют размеры основания порядка 17х30 м,

---

[1] Ibid. S. 136.
[2] Ibid. S. 140.
[3] *Öztekin V.* Side Agora-Tiyatro Kompleksi: Yüksek lisans tezi. – Eskişehir, 2017. — P. 67.
[4] *Öztekin V.* Side C1 Street Square in the Light of Archaeological and Epigraphic Findings // Gephyra (Anadolu University) [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.37091/Gephyra (дата обращения: 11.04.2026).
[5] *Kılıç M.* The Cults of Nemeseis and Tyche at Smyrna // Belleten. 2014. Vol. 78, № 283. — P. 833–854.
[6] *Alanyalı H.S.* Side'nin Roma Dönemi Pantheonu // Anadolu–Anatolia, 37. 2011. — P. 76.

что соответствует стандартным пропорциям восточно-римских храмов имперского периода. Шестиколонный фасад и одиннадцати или двенадцатиколонные продольные стороны отражают каноническую схему римского храмового строительства. Колонны высотой около 8–9 м выполнены из мрамора; капители демонстрируют характерную для местных мастерских II в. глубокую пластическую проработку аканфа.

Храм Афины, расположенный западнее храма Аполлона, отличается меньшими размерами (примерно 13–14 х 20–22 м по реконструкции стилобата) и, вероятно, более ранним происхождением, восходящим к позднеэллинистическому периоду с последующей римской перестройкой[1].

Храм также принадлежал к периптерному типу, предположительно с шестиколонным фасадом, однако его архитектурная реконструкция затруднена из-за интенсивного использования сполий в поздней античности и византийский период[2].

Археологические раскопки, начатые А.М. Манселем и продолженные современными экспедициями Турецкого министерства культуры, выявили сложную стратиграфию комплекса: эллинистическое основание, римскую монументализацию II века и позднеантичное разрушение с последующим разбором конструкций[3]. В результате оба храма оказываются частью единого сакрального ансамбля, формирующего визуально цельный морской фасад города.

С архитектурной точки зрения комплекс демонстрирует типичную для римских восточных провинций систему: высокий стилобат, коринфский ордер, симметричная планировка и ориентация на ключевые визуальные оси. Однако функциональная дифференциация очевидна: храм Афины связан с внутренним полисным порядком, тогда как храм Аполлона формирует внешний имперский образ города как морского и торгового центра[4].

Гостей города приветствует Нимфейон, посвящённый богиням вод и источников[5]. Он имел трёхъярусное здание, однако в наши дни сохранились лишь два уровня, так как третий этаж был утрачен. Его размеры действительно впечатляют: ширина составляет примерно 35 м, глубина – около 5 м, а первоначальная высота достигала 15–20 м.

Фасад сооружения выполнен в традициях римской архитектуры и богато декорирован коринфскими колоннами, арками и нишами, в которых ранее размещались статуи нимф, богов и мифологических персонажей. Центральным элементом является полукруглая экседра с арочным оформлением и обрамляющими колоннами, а по бокам расположены симметричные крылья с колоннадами.

Вода в фонтане двигалась каскадно, переходя с верхнего уровня на нижние через скульптуры и рельефные элементы, создавая эффект многоступенчатого водопада. В строительстве использовались местные известняк и мрамор, а декоративное оформление включало богатые рельефы с мифологическими сценами (например, с участием Диониса и Аполлона), а также растительные и орнаментальные фризы.

Перед сооружением находился большой бассейн для сбора воды, окружённый ступенями для подхода. Сегодня руины включают восстановленные колонны, арки и остатки стен, а также разбросанные археологические фрагменты, такие как капители и части статуй. В целом фонтан отличается симметрией и монументальностью, являясь характерным примером римских нимфейонов, широко распространённых в античных городах[6].

---

[1] Temple of Athena restored after centuries // Hürriyet Daily News. – 03.10.2024. – URL: https://www.hurriyetdailynews.com/temple-of-athena-restored-after-centuries-201194 (дата обращения: 11.04.2026).

[2] *Mansel A.M.* Die Ruinen von Side. – P. 82.

[3] *Mansel A.M.* Side Kazıları Raporları. – Ankara, s.a. — P. 11.

[4] Daily Sabah. Türkiye’s iconic Athena, Apollo temples undergo restoration [Электронный ресурс]. 2024. – URL: https://www.dailysabah.com/turkiye/turkiyes-iconic-athena-apollo-temples-undergo-restoration/news (дата обращения: 12.04.2026).

[5] *Mansel A.M.* Die Ruinen von Side. – P. 53.

[6] Нимфейон в Сиде [Электронный ресурс]. 2024. — https://ermakvagus.com/Asia/Turkey/nimpheum-side-rus.html (дата обращения: 12.04.2026).

Фортификационная система Сиде представляет собой не просто оборонительные сооружения, а сложный и продуманный архитектурный комплекс, органично вписанный в структуру античного города. В её состав входили сухопутные стены, а также главные и восточные ворота, образующие единую и функционально связанную систему укреплений. Долгое время исследователи склонялись к тому, что эти стены имеют эллинистическое происхождение, однако новейшие археологические данные заставили пересмотреть устоявшиеся представления. Как показал стратиграфический анализ, строительство укреплений относится к римскому периоду – вероятнее всего, к концу I в., когда Сиде переживал этап масштабного градостроительного обновления.

Особый интерес вызывает поэтапный характер формирования оборонительной линии: так, главные ворота изначально существовали как самостоятельное архитектурное сооружение и лишь впоследствии были интегрированы в общую систему стен посредством дополнительной связующей конструкции.

Важно подчеркнуть, что стены Сиде выполняли не только утилитарную защитную функцию, но и играли значимую роль в организации городского пространства. Они были тесно связаны с общей планировкой города и его ключевыми общественными сооружениями, такими как театр и агора, становясь неотъемлемой частью единого архитектурного ансамбля[1].

Архитектурный облик Сиде в позднеантичный период характеризуется сочетанием римских градостроительных принципов и их последующей трансформацией в византийскую эпоху. Ключевые общественные, сакральные и фортификационные сооружения формируют взаимосвязанную систему, отражающую как функциональную организацию городской среды, так и её идеологическое наполнение. Сохранение традиционных архитектурных форм при их адаптации к новым условиям свидетельствует о преемственности и постепенной эволюции городского пространства.

MONUMENTS OF THE LATE ANTIQUE CITY OF SIDE IN THE ROMAN AND EARLY BYZANTINE PERIOD

A.A. Zhilenkova
Belgorod State National Research University

The text examines the architectural development of Side in the Late Antique period, focusing on major public, sacred, and defensive structures. It highlights the combination of Roman building traditions with their transformation in the Byzantine era. The analysis shows that these monuments form an interconnected urban system reflecting both functional organization and symbolic meaning of the city. The continuity of architectural forms alongside gradual adaptation to new historical conditions demonstrates the evolution of the urban landscape.

Keywords: Side, Late Antiquity, architecture, Roman tradition, Byzantine transformation, urban planning.

УДК 94(37).07

СОБОР СВЯТОЙ СОФИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ КАК ВЕРШИНА ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

А.Р. Ильязова, Е.А. Ковтун
Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1717792@bsuedu.ru

Собор святой Софии в Константинополе (совр. Турция, г. Стамбул) является одним из наиболее выдающихся памятников мировой архитектуры и ключевым символом

[1] *Lohner-Urban U.* Focus on Fortifications: Southern Asia Minor [Электронный ресурс] / Austrian Science Fund (FWF). – URL: https://www.fwf.ac.at/en/research-radar/10.55776/P36402 (дата обращения: 12.04.2026).

византийской цивилизации[1]. Построенный в 532-537 гг. при императоре Юстиниане I, он стал результатом многовекового развития архитектурной мысли и воплощением религиозно-философских представлений эпохи. Храм представляет собой уникальный синтез различных архитектурных типов, а также отражает глубокую связь между архитектурой, богослужением и идеологией Византийской империи[2].

Исторические предпосылки создания собора связаны с процессами, которые происходили в Римской империи в IV в. После переноса столицы в Константинополь императором Константином Великим центр политической и духовной жизни переместился на Восток[3]. Важнейшим фактором стало издание Миланского эдикта в 313 г.[4], провозгласившего свободу христианской религии, что привело к активному храмовому строительству[5].

Уже в IV-V вв. на месте будущей св. Софии существовала великая церковь – кафедральный собор Константинополя, где совершалась литургия и формировались богослужебные традиции. Первая церковь была освящена в 360 г. при императоре Констанции II, однако в 404 г. она сгорела во время народных волнений. Восстановленный храм был вновь освящён в 415 г. при императоре Феодосии II и просуществовал до восстания «Ника!»[6].

Это крупное восстание 532 г. против императора Юстиниана I, вызванное налоговым гнётом и недовольством политикой власти, известное по трудам Прокопия Кесарийского, Иоанна Малалы, Павла Силенциария, Иоанну Зонаре[7] и по Пасхальной хронике; привело к тому, что храм был уничтожен пожаром[8]. После этого Юстиниан приказал возвести новый храм на новом фундаменте и в принципиально ином архитектурном стиле.

Создание нынешнего Собора св. Софии стало возможным благодаря длительному развитию византийской архитектуры, которая в IV-VI вв. прошла этап интенсивного формирования. В этот период складываются основные типы храмов: базилика, центрические сооружения и купольные здания[9]. Базилика представляла собой продольное здание с выделенным центральным нефом, центрические постройки имели круглый или многоугольный план, а купольные конструкции стали важнейшим достижением византийского зодчества. Именно сочетание этих элементов привело к появлению принципиально нового типа храма.

Собор св. Софии стал наиболее совершенным воплощением этого синтеза. Он сочетает в себе продольную структуру базилики с центрической композицией, что позволяет объединить направленность движения и пространственную целостность[10]. По сути, храм представляет собой сложную систему, где центральное пространство организовано вокруг купола, а боковые нефы и галереи дополняют его, создавая многоуровневую структуру.

---

[1] *Дурылин С.* Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании. М., 1915. С. 43.

[2] *Кондаков Н.П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886.

[3] *Дьяконов А.В.* Собор Святой Софии как синтез типов византийской храмовой архитектуры и образец византийской строительной культуры IV–VI веков // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2012. № 10. С. 96.

[4] *Павлов В.И.* Византийская цивилизация и христианская правовая традиция в современном политико-правовом контексте (к 1700-летию Миланского эдикта) // Пространство и время. 2014. № 4(18). С. 123.

[5] *Дьяконов А.В.* Ук. соч. С. 97.

[6] *Чекалова А.А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб., 1997.

[7] *Зайковская О.С.* Флавий Велизарий: дискуссионные вопросы историографии // Via in tempore. История. Политология. 2023. № 3. С. 591.

[8] *Грищук П.В.* Архитектурное пространство Великой церкви до пожара 532 года: к вопросу о совершении литургии в Константинополе в IV–V вв. // Христианские чтения. 2023. № 3. С. 192.

[9] *Дьяконов А.В.* Ук. соч. С. 98.

[10] *Удальцова З.В*. (ред.). Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 588.

Ключевым элементом архитектуры является купол диаметром около 32 м, расположенный на высоте почти 40 м. Он перекрывает центральный неф и является не только конструктивным, но и идейным центром здания (в византийской традиции купол символизирует небо)[1]. Использование купола стало возможным благодаря применению сложной системы арок и переходных конструкций, позволивших разместить круглую форму на квадратном основании – это важнейшее достижение византийской архитектурной мысли[2].

Рис. 1. Собор Святой Софии в Константинополе –
наиболее значительный памятник ранневизантийской архитектуры[3].

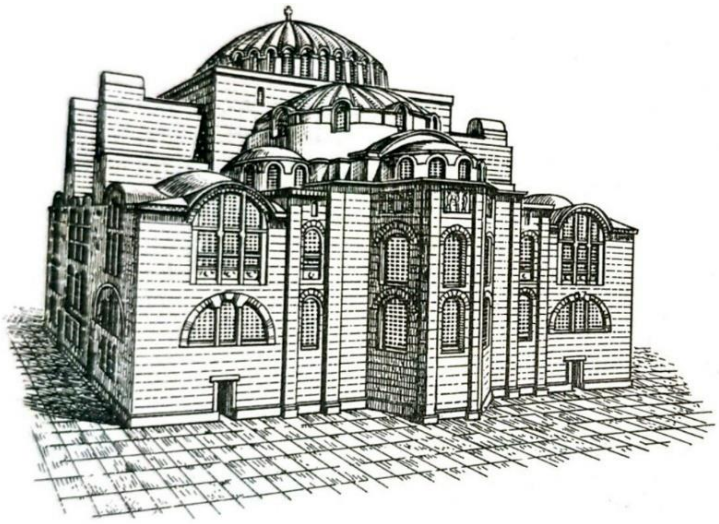

Рис. 2. Храм св. Софии. VI в. Реконструкция[4].

[1] Там же. С. 587.
[2] *Дьяконов А.В.* Ук. соч. С. 99.
[3] *Баранов В.А., Витковская Л.А.* История архитектуры и строительной техники. Архитектура средних веков. Владивосток, 2015. С. 8.
[4] *Курбатов Г.Л.* История Византии. От античности к средневековью. М., 1984. С. 58.

Рис. 3. Храм св. Софии. Внутренний вид[1].

Особое внимание в Соборе св. Софии уделено внутреннему пространству. В отличие от античной архитектуры, где важную роль играла внешняя пластика, здесь основное значение приобретает интерьер. Пространство храма организовано таким образом, что создаётся ощущение непрерывности и бесконечного движения. Это достигается за счёт системы арок, полукуполов и криволинейных поверхностей, которые направляют взгляд вверх и вглубь. В результате возникает особый эффект, при котором архитектура воздействует не только на зрение, но и на внутреннее состояние человека[2].

Ощущение этого состояния выразил Прокопий Кесарийский: «Всякий раз как кто-нибудь входит в этот храм, чтобы помолиться, он сразу понимает, что не человеческим могуществом или искусством, но божьим соизволением завершено такое дело» (De aedif. I. 1, 61).

Он же, описывая внешний облик и общее впечатление от храма, отмечал: «Этот храм представлял чудесное зрелище, — для смотревших на него он казался исключительным, для слышавших о нём — совершенно невероятным. В высоту он поднимается как будто до неба, и, как корабль на высоких волнах моря, он выделяется среди других строений, как бы склоняясь над остальным городом, украшая его как составная его часть, сам украшается им, так как, будучи его частью и входя в его состав, он настолько выдаётся над ним, что с него можно видеть весь город, как на ладони» (De aedif. I. 1, 27).

Не менее важным является связь архитектуры с литургией. Пространство Великой церкви формировалось с учетом богослужебных требований, включая размещение духовенства, движение процессий и участие верующих в службе. Изучение архитектуры невозможно без анализа литургической практики, поскольку именно она во многом определяет её планировку и структуру[3].

Собор св. Софии имел также важное символическое значение. Он воспринимался как образ мироздания, где храм выступает как «идеальный мир», созданный Богом для человека. Одновременно он являлся выражением могущества Византийской империи и демонстрацией власти императора, который выступал как покровитель Церкви [4].

Влияние св. Софии на последующее развитие архитектуры было огромным. Она стала образцом для формирования крестово-купольной системы, которая получила широкое распространение в Византии и в других странах. Архитектурные принципы,

[1] Там же. С. 59.
[2] *Удальцова З.В*. Ук. соч. С. 588.
[3] *Грищук П.В.* Ук. соч. С. 193.
[4] *Удальцова З.В*. Ук. соч. С. 587.

реализованные в этом храме, оказали значительное влияние на развитие православного зодчества, включая архитектуру Древней Руси [1].

Таким образом, Собор св. Софии представляет собой уникальный памятник, в котором соединились достижения античной традиции, восточной культуры и христианской идеологии[2]. Его значение сохраняется и в настоящее время, поскольку он остаётся одним из главных символов мировой архитектуры и христианской цивилизации[3]. Храм имеет важнейшее значение и для современной Турции[4].

HAGIA SOPHIA IN CONSTANTINOPLE AS THE PINNACLE OF BYZANTINE ARCHITECTURE

A.R. Ilyazova, E.A. Kovtun
Belgorod State National Research University

The Hagia Sophia in Constantinople, built in the 6th century, is an outstanding monument of world architecture and a symbol of Byzantine civilization. It represents a synthesis of architectural types and embodies the religious and philosophical ideas of its era. The unique interior space of the cathedral, achieved through the use of a dome structure, creates a sense of infinity and inspiration.

Keywords: Hagia Sophia, architecture, basilica.

УДК 94

ОБРАЗЫ АНТИЧНЫХ БОГОВ В «ПОХВАЛЕ ГЛУПОСТИ»: САТИРА ИЛИ ФИЛОСОФСКАЯ АЛЛЕГОРИЯ?

Е.Н. Катаржнова
Н. рук. – к. пед. н., доц. А.М. Болгова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1731101@bsuedu.ru

Эразм Роттердамский – ученый-богослов, писатель эпохи Ренессанса[5], известный по сатирическому произведению «Похвала Глупости»[6]. Сам жанр шуточной «похвалы» восходит к поздней античности и широко использовался гуманистами эпохи Возрождения, одним из которых был Эразм[7], что привлекает внимание общества к выдающимся достижениям античной цивилизации при прочтении — трудам древнегреческих и римских авторов (Гомера, Сократа, Платона, Аристотеля и других)[8].

Цель данной статьи – определить, какую функцию выполняют образы античных богов в «Похвале глупости» — служат ли они инструментом сатиры (в духе Лукиана) или несут философско-аллегорическую нагрузку?

В «Похвале Глупости» Эразма Роттердамского встречается множество образов античных богов, на нескольких примерах можно проследить какой смысл в них закладывает Эразм. Начнем с Плутоса, который известен по мифологии как бог богатств[9]; в «Похвале Глупости» он выступает отцом Мории, описываясь как «единственный и подлинный отец богов и людей»[10], затмевая самого Юпитера. Объявив Плутоса отцом

[1] *Дьяконов А.В.* Ук. соч. С. 96.
[2] См.: *свящ. Григорий Евтушенко*. Храм святой Софии в Константинополе. СПб., 2008.
[3] *Вагнер Г.К.* Византийский храм как образ мира // Византийский временник. Т. 47. 1986. С. 163-181.
[4] *Смирнов В.Д. Турецкие* легенды о святой Софии и других византийских древностях. СПб., 1998.
[5] Новая философская энциклопедия. Т. 4. – М., 2010. – С. 452.
[6] *Лалуев В.Я.* Вклад немецкого гуманиста Эразма Роттердамского в науку, культуру и образование эпохи Возрождения (опыт историко-культурологического анализа) // Вестник СГУПС: гуманитарные науки. 2025. № 1(24). – С. 61.
[7] Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. — М., 1989. — С. 13.
[8] *Лалуев В.Я.* Ук. соч. — С. 62.
[9] Словарь античности / сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне. – М.: Прогресс, 1989. – С. 440.
[10] Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. — С. 36.

всего и вся, Эразм показывает: разбогатев, человек отбрасывает веру в закон, мудрость и самих богов.

На примере Юпитера автор хочет высмеять саму его суть, а именно, что Юпитер, «откладывая молнии и обличье титана», покоряется «привычному желанию делать детей»[1]. Так сатира обнажает лицемерие власти, за маской величия скрывающее те же плотские слабости.

Пирующий Олимп демонстрирует, что глупость есть даже среди небожителей: «Каких только шуток не откалывает этот деревянный затейник Приап? На какие выдумки не пускается вороватый Меркурий?»[2] — восклицает Глупость. «Даже сам хромоногий Вулкан валяет дурака на пирах у богов... Пан какой-нибудь безвкусной и грубой песенкой вызывает всеобщий смех»[3].

Из этой же главы предстаёт Мом, бог критики[4], изгнанный с Олимпа именно за то, что «своей воркотнёй нарушал блаженство богов» — метафора вытеснения разума лестью при любом дворе.

Таким образом, отбор богов у Эразма определён не эрудицией ради эрудиции, а тремя устойчивыми функциями: онтологической (пороки как основа мироздания), полемической (опровержение схоластического идеала мудрости) и сатирической (разоблачение лицемерия власти и Церкви через олимпийский «театр глупцов»).

При совместном издании переводов Лукиана Томасом Мором и Эразмом Роттердамским в 1506 г. они рассматривали его как школу свободомыслия, видя в иронии к суевериям инструмент освобождения от предрассудков. Благодаря влиянию Лукиана Эразм Роттердамский использует множество его приемов в «Похвале глупости», где встречаются отголоски сатирических диалогов греческого сатирика II в. Именно лукиановская традиция насмешки над любыми догмами и суевериями через форму сатирического диалога была творчески воссоздана Эразмом в «Похвале Глупости».

Догматы стоицизма были противоположным образом использованы Эразмом в своей «Похвале Глупости». Стоики учили, что разум должен полностью преобладать над страстями, а мудрец достигает добродетели, подавляя иррациональные эмоции. Они — приверженцы идеи о том, что страсти на самом деле являются оценочными суждениями, причём страсть определяется ими как чрезмерный импульс, не подвластный разуму[5].

Эразм переворачивает эту идею: Глупость — дочь Плутоса и Юности, вскормленная Пьянством и Невежеством, заявляет, что именно страсти, а не разум делают жизнь возможной, а сами боги не могут обойтись без неё: «даже стоики не могут стать отцами без её помощи»[6] — тем самым через образы античных богов Эразм высмеивает стоический идеал бесстрастного мудреца как нежизнеспособный[7].

По мысли М.В. Феллера, стоицизм провозглашал торжество разума как «λόγος — слова-произведения», способного упорядочить человеческую жизнь[8]. Именно эту претензию разума на власть над жизнью Эразм и делает мишенью своей сатиры через образ богов, которые сами подчинены Глупости.

Таким образом, в «Похвале глупости» образы античных богов выполняют двойную функцию. С одной стороны, Эразм, следуя Лукиану, использует их для острой сатиры: Плутос объявлен отцом всего сущего — это насмешка над властью денег; Юпитер показан как лицемерный владыка; пирующий Олимп и изгнанный Мом разоблачают глупость, царящую даже среди небожителей.

---

[1] Там же. — С. 39.
[2] Там же.
[3] Там же. — С. 47.
[4] Словарь античности. – С. 361.
[5] *Седли Д.* Стоицизм // Энциклопедия философии. — М., 1998. — С. 1.
[6] Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. — С. 39.
[7] Там же. — С. 40.
[8] *Феллер М.В.* Стоицизм: философия как искусность // Вестник ПАГС. 2014. № 1. — С. 138.

С другой стороны, в полемике со стоиками Эразм не просто высмеивает, а выстраивает философскую аллегорию: Глупость оказывается не пороком, а необходимой природной силой, без которой невозможны ни жизнь, ни счастье, ни даже продолжение рода.

Автор выступает против подавления эмоций чрезмерным рационализмом, подчёркивая важность баланса между разумом и чувствами. При этом он призывает читателей к саморефлексии, осознанию собственной причастности к высмеиваемой глупости и, через это осознание, к личной ответственности и подражанию Христу как пути к преобразованию общества[1].

IMAGES OF ANCIENT GODS IN THE PRAISE OF STUPIDITY: SATIRE OR PHILOSOPHICAL ALLEGORY?

E. N. Katarzhnova
Belgorod State National Research University

E. Rotterdam is a scholar of theology, a writer known for his satirical work «Praise of Stupidity». The genre of comic «praise» dates to late antiquity and was widely used by Renaissance humanists, one of whom was Rotterdam. this draws attention when reading the society to the outstanding achievements of ancient civilization — the works of ancient Greek and Roman authors (Homer, Socrates, Plato, Aristotle, and others).

Keywords: Erasmus of Rotterdam, Praise of Stupidity, satire.

УДК 94(495)

БИНБИР-КИЛИСЕ: ВИЗАНТИЙСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ШКОЛА В КАМЕНИСТОЙ ПУСТЫНЕ

А. В. Колий
Н. рук. – д. и. н., проф. Н. Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1840414@bsu.edu.ru

Бинбир-Килисе (тур. «Binbirkilise» – «тысяча и одна церковь») представляет собой уникальную группу древних поселений у горы Карадаг, расположенную в 80 км к юго-востоку от Коньи, на территории исторической Ликаонии (современный ил Караман, Турция)[2].

Ликаония, где расположен Бинбир-Килисе, представляла собой степную и холмистую область Центральной Анатолии, которая служила своеобразным «архитектурным мостиком» между константинопольской традицией и сирийско-армянскими строительными школами[3]. Древнее название основного поселения комплекса – Бората (современный Маденшехир) – идентифицируется как место епископской кафедры, которая существовала с IV по XII в., тогда как второе поселение, Деглер, расположенное на возвышенности, выполняло функции убежища и оборонительного центра[4].

---

[1] *Potgieter R.* In Praise of Folly: A cursory review and appreciation five centuries later // In die Skriflig / In Luce Verbi. 49(1). 2015. — P. 3.

[2] *Беляев Л. А.* Бинбир-килисе // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М., 2009. – Т. 5. – С. 216-217.

[3] *Виноградов А. Ю.* Ликаония // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М., 2020. – Т. XLI. – С. 55. *Болгов Н. Н., Болгова А. М.* Ранневизантийская Ликаония — «забытый угол» между Озерным краем и Тавром // Altera Roma: римское наследие и судьбы византийской цивилизации. ТД XXIV Всероссийской научной сессии византинистов. — М.; Нижний Новгород, 2025. — С. 13-16.

[4] *Виноградов А. Ю.* Очерки архитектуры Византии и Кавказа. – М., 2023. – С. 241.

Между указанными поселениями расположено большое количество храмов, которые относятся к ранневизантийскому времени. Большинство храмов Бинбир-Килисе представляют собой каменные сводчатые базилики с боковыми нефами и нертексами; встречаются также центрические постройки, включая небольшой купольный октагон с четырьмя выступами-рукавами (храм № 8 по нумерации ранних исследователей), типологически близкий мартирию, описанному свт. Григорием Нисским в конце IV в. в Ниссе (Каппадокия)[1].

Характерной чертой архитектуры Бинбир-Килисе является замена классических колонн массивными каменными столпами, что позволяло перекрывать нефы не деревянными балками, а каменными сводами – решение было обусловлено как местными строительными традициями, так и необходимостью обеспечения устойчивости конструкций в сейсмически активной зоне[2]. Эта особенность сближает ликаонские памятники с сирийской и армянской архитектурой, где также широко распространены подковообразные проёмы, однотипное устройство колонных нефов и апсид.

Скульптурный декор храмов Бинбир-Килисе крайне сдержан: он сводится преимущественно к простым резным балкам; декоративные кирпичные кладки редки и ограничены дверными и оконными проёмами[3]. Эта простота, однако, обманчива: поскольку почти все здания сохранили следы штукатурки на стенах, можно предположить, что их интерьеры были богато расписаны фресками, подобно скальным церквям Каппадокии[4].

Провинциальное зодчество часто демонстрирует большую консервативность в выборе материалов и конструктивных решений, чем столичная архитектура, что объясняется экономическим фактором и устойчивостью местных строительных традиций[5]. В Бинбир-Килисе это проявляется в преобладании местного камня, использовании упрощённых форм арок и сводов, а также в адаптации византийских канонов к условиям каменистой, засушливой местности[6].

Церкви Маденшехира возводились уже в V-VI вв., на что указывают их планировочные решения; признаки более поздней фазы развития комплекса, которая включала значительные перестройки, свидетельствующие о том, что поселение продолжало функционировать до начала VII в., после чего, в связи с арабскими вторжениями, большая часть населения переместилась в укреплённый Деглер[7]. С середины IX в. Маденшехир был вновь заселён и развивался вплоть до турецкого вторжения в конце XI в.[8].

На Деглере, в свою очередь, доминируют более поздние типы зданий – купольные базилики, храмы типа вписанного креста и постройки с галереями, а также усовершенствованная строительная техника, которая включала декоративные кирпичные кладки, аркатуру и ниши[9]. При этом образцы планов, типологически принадлежащих либо к ранневизантийскому (IV-VI вв.), либо к средневизантийскому (XI-XIII вв.) периодам, здесь пока не обнаружены, что указывает на относительную хронологическую компактность основного строительного этапа.

Провинциальная архитектура способна адаптироваться к новым местным условиям, экономическим возможностям и функциональным требованиям. Бинбир-Килисе является ярким примером такой адаптации: здесь византийские каноны базиликального и

---

[1] *Беляев Л. А.* Бинбир-килисе. – С. 216-217.
[2] Культура Византии. IV – первая половина VII в. / Отв. Ред. З. В. Удальцова. – М., 1984. – С. 581.
[3] Там же.
[4] *Беляев Л. А.* Бинбир-килисе. – С. 216-217.
[5] *Оустерхаут Р.* Византийские строители / Пер. Л. А. Беляев; ред. И комм. Л. А. Беляев, Г. Ю. Ивакин. – Киев; М., 2005. – С. 24.
[6] Культура Византии. IV – первая половина VII в. – С. 581.
[7] *Беляев Л. А.* Бинбир-килисе. – С. 216-217.
[8] Там же.
[9] Там же.

центрического храмостроения трансформируются под влиянием местных материалов, климата и культурных контактов с соседними регионами – Сирией, Арменией, Каппадокией.

Можно заметить, что храмы Византийской Ликаонии, в том числе Бинбир-Килисе, демонстрируют синтез Константинополя и восточных традиций, проявляющийся в сочетании продольно-осевой композиции с элементами центральности, а также в использовании полихромной кладки и арочных поясов, заимствованных из сирийской практики[1]. Этот синтез свидетельствует об активном участии Ликаонской архитектуры в формировании общего византийского архитектурного языка.

Историография подчеркивает, что Малая Азия и особенно ее центральные регионы, такие как Ликаония, были областью интенсивного культурного обмена, где византийская христианская традиция взаимодействовала с дохристианскими и нехристианскими элементами, и это нашло отражение в архитектуре[2]. Бинбир-Килисе, расположенный в «каменистой пустыне», воплощает эту динамику: суровость ландшафта и ограниченные ресурсы стимулировали развитие экономических, но выразительных архитектурных решений, которые стали характерной чертой местной школы.

Бинбир-Килисе остаётся важным объектом для изучения провинциальной архитектуры Византии, поскольку ее памятники позволяют нам проследить эволюцию строительных техник, типологических решений и декоративных техник в условиях периферии империи. В провинциальных центрах часто сохранялись архаичные формы, исчезнувшие в столице, что делает такие комплексы незаменимыми для реконструкции общей картины развития византийского зодчества[3].

Таким образом, архитектурный комплекс Бинбир-Килисе является замечательным примером провинциальной архитектуры Византии, в которой каноны столицы церковного строительства были преобразованы под влиянием местных традиций, сурового ландшафта и культурных контактов с Сирией, Арменией и Каппадокией. Сочетание массивных каменных столбов, сводчатых потолков и узких украшений свидетельствует о динамическом развитии периферийной архитектуры в контексте экономической и сейсмической специфики региона.

Изучение Ликаонских памятников позволяет нам проследить эволюцию византийских строительных техник и оценить роль провинциальных центров в формировании общего византийского архитектурного языка, что делает Бинбир-Килисе незаменимым источником для реконструкции истории христианской архитектуры Малой Азии.

BINBIR-KILISE: BYZANTINE ARCHITECTURAL SCHOOL IN THE STONE DESERT

A.V. Koliy
Belgorod State National Research University

The article examines the architectural complex of Binbir-Kilis in historical Lycaonia as an outstanding example of provincial Byzantine architecture. It analyzes the structural and typological features of the 5th-12th century churches, which demonstrate the synthesis of Constantinopolitan canons with Syrian-Armenian and Cappadocian traditions. Special attention is paid to the adaptation of construction solutions to local materials and seismic conditions, as well as the role of the complex in shaping the general Byzantine architectural language.

Keywords: Binbir-Kilise, Byzantine architecture, provincial architecture, Lycaonia, temple construction, and cultural synthesis.

[1] *Виноградов А. Ю.* Ликаония. – С. 58.

[2] Виноградов А. Ю. Храмовая архитектура византийского Востока IX-XII вв. [Электронный ресурс] // Византийская архитектура: курс лекций. – URL: https://magisteria.ru/byzantine-architecture/byzantine-east (дата обращения: 9.04.2026).

[3] Брунов Н. И. Ранневизантийская архитектура. Архитектура в провинциях империи [Электронный ресурс] // Всеобщая история архитектуры. Том 3. Архитектура Восточной Европы. Средние века / под ред. Ю. С. Яралова. – URL: https://middleages.totalarch.com/universal_history_of_architecture/byzantium/early/provinces (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 94(398.7)

РАЗВИТИЕ ГОРОДА НАИСС В РИМСКО-РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

А.Н. Колтунов
Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
koltunovartemij@ya.ru

Город Наисс (Ниш) находился в долине реки Нишава (Navissos), в центральной части верхней Мёзии (Moesia Superior), в районе Дардании. Был завоеван римлянами в период войны в Дардании 75-73 гг. до н.э., но вплоть до принципата Октавиана и заложенной дороги Via Militaris этот город был типичным поселением для римских легионов[1].

Если в начале I в. до н.э. там располагались изолированные вспомогательные легионы, то с течением времени и урбанизацией римской границы на этой территории появились постоянные поселения с крепостными сооружениями римских легионеров из состава III Скифского легиона и V Македонского, и хотя конкретных письменных доказательств их присутствия в тот период в Нише нет, но стоит заметить, что при подавлении Паннонского восстания 6-9 гг. н.э. эти легионы пришли на помощь основным войскам с Марком Цециной Севером с востока, что и позволяет сделать вывод о поселении легиона в городе до 6 г.[2]

Но с экспансионистской политикой Рима возникала всё большая необходимость контролировать внутреннюю территорию Балканского Подунавья, на которой проживали нелояльные Риму местные племена. Для этого и была построена новая дорожная сеть, которая проходила по балканскому лимесу, а затем уходила на юг и юго-восток полуострова, к Фессалоникам и Константинополю. В эпоху принципата дорога имела в первую очередь военное значение, так как все города, основанные в районах добычи металлов, были построены на достаточном удалении от основной магистрали и спустя более чем столетие[3].

В районе неподалеку от Ниша была построена инфраструктура для добычи и вывоза металла, крупнейшие месторождения находились на месте современной деревни Равна (Timacum Minus) и города Михайловграда (Montana). Первое из них контролировалось VII Клавдиевым легионом и частями вспомогательных войск, второе месторождение находилось под охраной различных легионов, с особыми функциями[4].

Ниш был адаптирован римлянами под военное поселение (castrum), что и отражает изначальную функцию города. Общая площадь укрепленного города составляла порядка 20 га. В центральной части города находились форум, базилика и храм Юноны. Археологические данные свидетельствуют также о наличии подземных сводчатых помещений под форумом, что может свидетельствовать о развитой системе хранения продуктов или иных товаров.

Активное развитие город получил во времена правления Марка Аврелия (161-180 гг.). При нем город получает статус муниципия, на это же время приходится пик добычи полезных руд в окрестностях Ниша, на территории рудников в Дардании (metalla Dardanica) и окрестностях Ульпиана (metalla Ulpiana). В этих рудниках добывали серебро,

---

[1] *Saim R.* The Provincial at Rome: And, Rome and the Balkans 80BC – AD14. – Exeter: University of Exeter Press, 1999. – P. 207.

[2] *Petrović, Vladimir P.* Pre-Roman and Roman Dardalia Historical and Geographical Considerations // Balcanica. № XXXVII. – Belgrade, 2007. — P. 8.

[3] *Petrović V.P.* L'interprétation scientifique de Tabula Peutingeriana: Le cas de la route romaine Lissus−Naissus−Ratiaria // Balkan Studies. № 48. 2013. — P. 8.

[4] *Негин А.Е.* Вооружение римской армии эпохи принципата: экономические, технологические и организационные аспекты производства и снабжения // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2014. – № 4. – С. 56.

железо, медь, золото и цинк[1]. К концу его правления в городе уже были построены общественные термы, проведены подземные акведуки, берущие воду из родников, а также была построена канализационная система[2].

Внутри города предположительно был построен военный госпиталь, в южной части города, об этом косвенно свидетельствует наличие памятника военному врачу Клавдию Магну, датированного 202 г. Данный памятник логичен с военной точки зрения, к середине III века город становится одним из основных укрепленных рубежей Римского лимеса на территории Балкан. В непосредственной близости к крепостным стенам находились ремесленно-торговые кварталы (tabernae). В северо-западной части города также был обнаружен роскошный дом, в котором были исследованы пять богато украшенных комнат[3].

По сообщениям Аммиана Марцеллина, город был хорошо укреплен крепостными стенами, а его гарнизон ни разу не проиграл осаду и не сдался готам (Amm. Marc. XXI, 22, 1). Данные римского историка относятся к осаде города 268 г., во время которой готы попытались захватить город. Но эту информацию следует принять с поправкой на почти полное уничтожение внутренней территории, об этом свидетельствует 15 см сгоревшего слоя, обнаруженного при раскопках внутри крепостных стен[4]. В 269 г. Клавдий II уничтожил здесь варваров, за что впоследствии получил прозвище Готский[5]. Ниш являлся кратчайшим маршрутом для преодоления расстояния из центра империи к Малой Азии, что, несомненно, обуславливало защищенность данного промежуточного пункта[6].

Вплоть до начала IV в. в городе сосуществовали несколько религий, в том числе и христианство. С изданием Миланского эдикта монотеизм был закреплен на законодательном уровне, что позволяло развивать религиозную архитектуру города и всесторонне поддерживать верующих, о чем говорит построение новых базилик, кладбищенских церквей. В середине IV в. Ниш становится епископским центром империи, об этом свидетельствует упоминание 6 епископов, участвовавших во вселенских соборах; также известно, что пасхальная литургия 344 г. проходила именно в Нише[7].

Кроме издания Эдикта 313 г. Константин развивал город, в котором сам родился, и иными способами. При нем была построена вилла в пригороде Ниша — Медиане; по археологическим данным были сделаны выводы о том, что внутри виллы были размещены военные казармы и мастерские. Константин также появлялся в городе как по государственным делам, так и для отдыха, визиты были регулярными в период с 319 по 327 гг., но не продолжительными, по сезонам, но даже такие незатяжные поездки, несомненно, влияли на статус города[8].

Порядка века город жил без войн и развивался. Но события середины IV в. всколыхнули всю империю, и Ниш в том числе. Юлиан, готовившийся к военному противостоянию с армией Констанция II, укрепляет крепостные стены Ниша и организовывает центр принятия решений в городе, в котором он и встретил новость о смерти Констанция II (Amm. Marc. XXI, 12, 1).

---

[1] *Popović I.* Constantine the Great and the Edict of Milan 313. The Birth of Christianity in the Roman Provinces on the Soil of Serbia. – Belgrade, 2013. – P. 21.

[2] *Popović I.* Op. cit. – P. 78.

[3] *Jeremić G.* Naissus – a Roman and early Byzantine city // Roman Limes and Cities in the Territory of Serbia. – Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, Archaeological Institute, 2018. – P. 185.

[4] *Jeremić G., Čerškov T.* Topography of Roman and Late Roman Niš (Naissus). Archaeological traces in the area of the modern city center. – Beograd, 2025. – P. 167.

[5] *Popović I.* Op. cit. – P. 24.

[6] *Ljubomirović I.V.* Naissus: a review of political and economic circumstances in the city from the 1st to the 5th century // Collection of papers of the faculty of philosophy. Vol. 49, № 3. 2019. – P. 215.

[7] *Jeremić G., Filipović A.* Traces of early Christianity in Naissus // Acta XVI Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae: Romae (22-28.9.2013): Costantino e i costantinidi l'innovazione costantiniana, le sue radici e i suoi sviluppi. Pars II / Curatela scientifica O. Brandt, V. Fiocchi Nicolai; Cura editoriale O. Brandt, G. Castiglia. – [S.l.], 2016. – P. 1744.

[8] *Млађеновић М.Ж.* Три Константинова града // Лесковачки зборник. № 62. 2022. — P. 38.

После смерти Юлиана Отступника город не теряет своего значения, в нем Валентиниан I и его соправитель Валент собирают римские легионы и важных людей на административных позициях империи и начинают разделять зоны контроля (Amm. Marc. XXVI, 5, 1).

Но в 443 г. Атилла и его гунны уничтожили всё население Ниша, а сам город подвергли разрушению. Так Приск Панийский писал о посещении города: «Прибыв в Наисс, мы нашли этот город безлюдным и разрушенным неприятелями … весь берег был покрыт костями убитых» (Prisc. Pan. fr. 8).

И несмотря на дальнейшие попытки восстановить город со стороны Юстиниана, былого значения Ниш вернуть уже не смог, хотя и являлся частью архиепископства Юстинианы Примы.

DEVELOPMENT OF THE CITY OF NAISSUS IN THE ROMAN AND EARLY BYZANTINE PERIOD

A.N. Koltunov
Belgorod State National Research University

The article examines the history of Naissus (modern Niš) from the Roman conquest to its destruction by the Huns in 443 CE. It analyzes the military-strategic importance of the city on the Via Militaris, its urbanization under Marcus Aurelius, its role in mining, as well as the development of Christianity and its transformation into an episcopal center under Constantine the Great. Based on archaeological and written sources, the stages of the city's rise and decline are shown.

Keywords: Naissus, Moesia Superior, Roman limes, Via Militaris, Late Antiquity.

УДК 94

ДОМ ДИОНИСА: МОЗАИЧНОЕ ИСКУССТВО ПАФОСА

М.А. Масленникова
Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1729726@bsuedu.ru

В 58 г. до н.э. Кипр стал римским владением и был включен в состав провинции Киликия. В последний период гражданских войн Антоний передал остров Клеопатре (до 31 г. до н.э.). В 22 г. до н.э. Кипр стал сенатской провинцией.

Правление римлян стало для Кипра временем мира и активного строительства. Для Пафоса это время стало периодом наивысшего расцвета. Город приобрёл классический римский облик: улицы с колоннадами, вдоль которых теснились ремесленные лавки, а также крупные городские усадьбы.

Существовало два города, носивших название Пафос. Первый, известный как Палео Пафос, находился на юго-западе острова, вблизи скалы Петра-ту-Ромиу, почитавшейся как место рождения богини Афродиты, ныне известен как поселения Куклия. Второй, Неа Пафос (также Като Пафос), был расположен примерно в 60 стадиях (около 11 км) к северо-западу от старого города. Именно на месте Неа Пафоса впоследствии вырос современный город Пафос.

Неа Пафос[1], изучением которого только начинает заниматься отечественная историография, – известен рядом крупных городских усадеб первых веков н.э. с сохранившимися мозаичными комплексами – Дом Диониса, Дом Тезея, Дом Эона, Дом Орфея, существовавшими до сер. IV в.

[1] *Болгов Н.Н., Болгова А.М.* Город Пафос на Кипре в римское время // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: История. Политология. – 2019. – Т. 46. №3. – Белгород, 2019. – С. 412-419.

Дом Диониса – яркий показатель богатства Пафоса. Это огромный комплекс, датируемый 2-й пол. II в. и, вероятно, принадлежавший очень состоятельному гражданину или чиновнику. Свое название дом получил из-за частого появления этого бога на мозаичных полах. Само здание включало более 40 комнат и занимало целый квартал площадью больше двух тысяч квадратных метров. До наших дней оно почти не сохранилось, от него остались в основном фундаменты стен, тем не менее, их достаточно, чтобы составить представление об его планировке[1].

Мозаики покрывали полы как минимум пятнадцати комнат[2], площадью более 500 квадратных метров. Они отличаются высоким совершенством исполнения, вероятно, они были созданы одной группой мастеров, о чём свидетельствует стилистическая близость отдельных композиций. Тессеры мозаик выполнены из местного известняка, мрамора, других натуральных камней и стекла, благодаря чему достигается богатая цветовая палитра[3].

Примечательно, что, несмотря на чрезвычайное богатство и разнообразие мотивов мозаик, во многих помещениях полы украшены лишь мозаиками с геометрическими узорами, а в более уединенных комнатах, в том числе спальнях, полы выложены мелкой галькой.

А комнаты и помещения, которые были открыты для посетителей и гостей устланы мозаиками.

Зал «Времена года» хранит одну из самых значимых напольных мозаик виллы. Это изображение цепляет не только техническим мастерством, но и глубоким смыслом. В его основе лежат две главные опоры бытия – Время и Пространство. В центре композиции находится Мать-Земля как символ природы и пространства, а вокруг неё расположены четыре Времени года, олицетворяющие время. У каждого сезона своя деталь: у Осени венок из листьев, у Весны – из цветов, у Лета – из пшеничных колосьев, а рядом с головой Зимы изображён кувшин с льющейся водой. Промежутки между фигурами заполнены изображениями животных, птиц, корзин с фруктами и растений. Вместе они создают ощущение живого, непрерывного круговорота жизни. Мозаика напоминает простую, но важную истину: всё в мире существует в единстве времени и пространства, а человек – естественная часть этого вечного процесса[4].

Внешняя рамка мозаики также включает две таблички, одна из которых содержит надпись ΧΑΙΡΕ («радуйся»), а другая ΚΑΙ ΣΥ («ты тоже»). И то, и другое является формой пожелания доброго предзнаменования, связанного с входом или выходом из дома[5].

Мозаика «Триумф Диониса» расположена на видном месте у входа в главный зал для приемов, триклиний. Мозаика иллюстрирует триумфальное возвращение Диониса из похода в Индию.

В Пафосе Дионис и его основная группа находятся в центре мозаики, в отличие от более традиционного расположения, при котором бог идет последним или первой процессией[6]. Бог восседает на колеснице, на нем венок из листьев плюща, а в руках тирс, длинное копье, покрытое листьями плюща и увенчанное сосновой шишкой.

Колесницу запрягли двумя пантерами, бразды которых удерживает Силен – старейший член свиты, тоже с тирсом в руке. Рядом изображён хвостатый сатир с бурдюком вина. Среди других фигур – Пан с посохом и щитом, две вакханки, индийский раб и музыканты, возвещающие о приближении Диониса. Композиция выполнена на

---

[1] *Сидорова Н.А., Коровина Н.А.* Города Кипра. – М., 1973. – С. 56.
[2] *Kondoleon C.* Domestic and Divine: Roman Mosaics in the House of Dionysos. – Ithaca, London, 1995. – P. 4.
[3] Ibid. – P. 26.
[4] *Элиадис Г.С.* Вилла Диониса. Вилла мозаик в Новом Пафосе / пер. О.В. Почагиной. – 1998. – С. 18.
[5] *Daszewski W.A., Michaelidis D.* Guide to the Paphos Mosaics. – Cyprus, 2009. – P. 20.
[6] *Kondoleon C.* Op. cit. – P. 192-193.

белом фоне в традициях римской мозаики: фигуры стоят на тёмных линиях, символизирующих землю, а рама имитирует деревянные бруски[1].

Большой зал Дома Диониса окружен четырьмя панелями мозаик, сюжеты которых взяты из греческой мифологии. На первой изображены Пирам и Фисба, на второй – Дионис, Икарий и Акме, на третьей – Посейдон и Амимона, а на четвертой – Аполлон и Дафна[2].

Данный зал представляет собой выдающийся образец мозаичного искусства. Их характерными чертами являются разнообразие, яркость цветов, отражение эмоций на лицах персонажей, динамика движений рук[3].

Самая большая панель представляет историю бога Диониса и Икария. Икарий оказал гостеприимство Дионису, и бог в ответ научил его выращивать виноградную лозу и делать вино. Однако он предупредил его, чтобы он хорошо спрятал вино, иначе его семью постигнут несчастья. К сожалению, Икарий не послушал совет Диониса и, возвращаясь домой, предложил нескольким пастухам, проходившим мимо, немного своего напитка. Пастухи опьянели и, решив, что их отравили, напали на Икария и убили его[4].

Сцена на мозаике – это момент непосредственно перед трагедией. В центре Икарий, держащий поводья запряжённой волами повозки, груженной шкурами животных и вином.

С левой стороны сам бог Дионис, он держит в руках гроздь винограда. Кажется, он предлагает его нимфе Акме, которая сидит напротив него и пьет вино из чаши. А справа два пьяных пастуха, обозначенных надписью «первые пьющие вино». Они как бы символизируют зло, к которому приводит неправильное употребление вина. Это лишь гипотеза, но такая интерпретация символична, поскольку данную мозаику нужно было пересечь, прежде чем войти в столовую[5].

Все эти мозаики были рассчитаны на то, чтобы их рассматривали в движении, с обычного человеческого роста. Именно это определило их художественные особенности: пропорции и даже позы фигур часто строились так, будто они разворачиваются к зрителю с разных сторон, но при этом вся композиция оставалась цельной и подчинялась плоскости пола[6].

Таким образом, мозаичные ансамбли Дома Диониса в Неа Пафосе выходят далеко за рамки декоративного убранства римской городской виллы, представляя собой сложный визуальный код, в котором органично сплелись античное мировоззрение, социальная самопрезентация элиты и эстетические идеалы. Благодаря синтезу греческой мифологической традиции, римских композиционных канонов и ремесленного мастерства, эти памятники стали уникальным свидетельством культурной преемственности и интеллектуальной жизни Кипра.

THE HOUSE OF DIONYSUS: THE MOSAIC ART OF PAPHOS

M.A. Maslennikova
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the House of Dionysus in Nea Paphos (Cyprus), an outstanding monument of the Roman period that testifies to the city's flourishing in the 2nd century CE. The focus is on the villa's mosaic complexes, which reflect the high social status of its owner and the skill of ancient artists. The mosaics combine Greek mythological subjects with Roman artistic canons and carry deep symbolic meaning. These works of art not only served a decorative function but also acted as a visual code embodying the worldview and values of ancient society.

Keywords: House of Dionysus, Paphos, mosaics, Cyprus, ancient art.

[1] *Daszewski W.A., Michaelidis D.* Op. cit. – P. 26.
[2] *Christodoulides Ch.* Paphos: History, Archaeology, Mythology: A Traveller's Guide to Places of Interest. – Nicosia, 2010. – P. 41.
[3] *Элиадис Г.С.* Указ. соч. – С. 29.
[4] *Daszewski W.A., Michaelidis D.* Op. cit. – P. 40.
[5] Ibid. – P. 40.
[6] *Кувшинова Е.Н.* Особенности композиционного построения античных мозаик Пафоса // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 3. – СПб., 2001. – С. 140.

УДК 94(495)

ЭЛЕФТЕРНА НА КРИТЕ В РИМСКИЙ И РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОДЫ

И.А. Муртазин
Н. рук. — д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1731095@bsuedu.ru

Элефтерна является одним из древних крупных городов на территории Крита. Располагалась она в центральной части острова, на северо-западе предгорий горы Ида, между современными поселениями – Принесом и Анахурдометопом. Остатки древнего города разбросаны по двум небольшим холмам: на Пирге в восточной части[1] и Ниси на западе, которую делит река на северные и южные области. Элефтерна играла большую роль в торговой деятельности региона. При этом, город располагался не рядом с морем, а в глубине острова. В свою очередь, можно предполагать, что город занимал достаточно большую площадь, доходя даже до побережья[2]. Тем не менее, Элефтерна использовала два порта, которые в последующем стали прибрежными деревнями — Панорм и Ставроменос[3].

В историографии Элефтерна, как и остальные важные города Крита: Гортина и Кносс, является достаточно изученной[4], а также систематически раскопанной, по сравнению с другими объектами[5]. Самые ранние исследования города начинаются ещё в 1928 г., а постоянные работы идут с 1985 г. силами Критского университета и продолжаются по сей день[6].

Многие исследователи, в частности, греческий археолог Петрос Темелис, в одном из своих трудов выделил Элефтерну как достаточно процветающий и большой город, начиная с железного века и заканчивая византийским временем[7]. Такое предположение не случайно. Во-первых, как уже было сказано выше, город изучен хорошо, по сравнению с другими полисами, на которых проходят только спасательные работы. Вдобавок, большая часть крупных находок – сооружений, относится именно ранневизантийскому периоду[8]. Из этого же вытекает и второй пункт — большое количество сведений о культурных и бытовых реалиях эпохи находят именно в Элефтерне. Это же позволяет провести детальный анализ уровня жизни населения, торговли и ремесленного потенциала.

Теперь же стоит выделить письменные свидетельства о Элефтерне. К сожалению, описания событий, которые происходили в римское и ранневизантийское время на Крите, практически нет. Существуют лишь некоторые свидетельства в географических работах, а также в труде Иерокла «Синекдем», где есть только упоминание о существовании Элефтерны[9]. Более поздние работы, такие как Tabula Peutingeriana, воспроизводят карту Римской империи с 335 по 366 гг. Там же можно найти Элефтерну как один из городов

[1] *Karambinis M.* The cities of Crete under Roman rule (1st–3rd centuries AD) // Journal of Greek Archaeology. 7. 2022. P. 250.
[2] *Francis J.E.* What's so rural about the landscape of Roman Crete? // Comparative issues in the archeology of the Roman rural landscape site classification between survey, excavation and historical categories. Portsmouth, 2012. P. 97.
[3] *Tsigonaki C.* Les villes crétoises aux VIIe et VIIIe siècles: l'apport des recherches archéologiques à Eleutherna // SAIA Annuario. LXXXV, Serie III. 2007. P. 268.
[4] *Gallimore S.* Ch. An island economy: Ierapetra and Crete in the Roman empire. Diss. New York, 2011. P. 50.
[5] *Tsigonaki C., Sarris A.* Recapturing the Dynamics of the Early Byzantine Settlements in Crete: Old Problems − New Interpretations through an Interdisciplinary Approach // LAC 2014 Proceedings. VU E-Publishing, 2014. P. 6.
[6] Ibid. P. 251.
[7] Ibid. P. 96.
[8] *Moles A.* The past 15 years of archaeological work on Roman and Byzantine Crete // Archaeological Reports. 69, 2022-2023. P. 88.
[9] *Tsigonaki C., Sarris A.* Recapturing the Dynamics of the Early Byzantine Settlements in Crete: Old Problems − New Interpretations through an Interdisciplinary Approach // LAC 2014 Proceedings. VU E-Publishing, 2014. P. 4.

Крита[1]. Таким образом, имеются лишь скудные свидетельства в письменных источниках, не позволяющие детально изучить город. Большую роль играет эпиграфика.

В период римского владычества Элефтерна, как уже состоявшийся полис, обретает статус римской колонии, как и находящийся недалеко от него Кносс. Это даёт понять, что в город переселялись римские ветераны-легионеры[2], а также начинался процесс романизации. При этом, город несколько сократил свою площадь. Западная часть холма Ниси была заброшена. Но при этом город продолжал оставаться процветающим[3]. Оставались функционирующими общественные здания. Создавалась новая система подачи воды, а также акведуки и жилые дома. Важным примером высокого уровня римского строительства являются общественные бани, построенные в эпоху империи, но прослужившие до византийского периода.

В IV – 1-ю пол. V в. на всём Крите происходит волна землетрясений. В свою очередь, это приводит к упадку всех городов острова, включая и Элефтерну. Сведения о последствиях подземных толчков находят при археологических работах. Так было выявлено сокращение полиса в 365 г., за достаточно короткое время[4]. Также были обнаружены разрушенные жилые дома[5]. Впрочем, во 2-й половине V в. начинается расцвет жизни на острове, что в свою очередь, приводит к строительству новых сооружений. Большая часть построек в Элефтерне относится именно к ранневизантийскому периоду[6]. Поэтому это даёт археологам подробно понять историю города с IV по VII вв.

В процессе раскопок были обнаружены четыре базилики в восточной части. Одну из них датировали V веком, она была построенная епископом Ефратом в честь Архангела Михаила[7]. Также практически в каждом секторе города находят большое количество керамических изделий, относящихся к IV-VII вв. Достаточно важно отметить, что на акрополе Элефтерны изучены остатки укреплений, датированные вплоть до начала арабских нашествий. Оборонительный комплекс позволяет привести аргументацию о назревшей опасности для города, в данном случае от арабов, а также о новом историческом этапе города.

Экономический потенциал Элефтерны был связан с несколькими вещами. Самым важным и, по сути, действительным, являлось существование животноводства, сельского хозяйства и лесозаготовок[8]. Также подтверждаются сведения и о присутствии пчеловодства в городе по имеющимся найденным специальным керамическим горшкам в секторах I и II. Особую роль в Элефтерне стала играть производство гончарных изделий, которые превратились неотъемлемую часть торговой деятельности. Были обнаружены печи для обжига I-II вв.[9], а также амфоры, производимые с римского времени и заканчивая концом ранней Византии.

---

[1] *Tsigonaki C.* Les villes crétoises aux VIIe et VIIIe siècles: l'apport des recherches archéologiques à Eleutherna // SAIA Annuario. LXXXV, Serie III, 2007. P. 268.

[2] Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне; редкол.: В.И. Кузищин и др. М.: Прогресс, 1989. С. 279.

[3] *Karambinis M.* The cities of Crete under Roman rule (1st–3rd centuries AD) // Journal of Greek Archaeology 7, 2022. P. 251.

[4] *Sweetman R.J.* The Mosaics of Roman Crete. Art, Archeology and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 13.

[5] *Zanini E.* Macro-economy, Micro-ecology, and the Fate of Urbanized Landscape in Late Antique and Early Byzantine Crete // Change and Resilience. The Occupation of Mediterranean Islands in Late Antiquity. Oxbow; Philadelphia 2019 P. 142.

[6] *Yangaki A.G.* A beekeeper's kit of the First Byzantine period in Eleutherna (Crete) // Journal of Greek Archaeology. 7. 2022. P. 298.

[7] *Brokalakis Y.* Bronze vessels from late Roman and early Byzantine Eleutherna on Crete // Antiquite Tardive. 13. 2005. P. 37.

[8] *Tsigonaki C., Sarris A.* Recapturing the Dynamics of the Early Byzantine Settlements in Crete: Old Problems − New Interpretations through an Interdisciplinary Approach // LAC 2014 Proceedings. VU E-Publishing, 2014. P. 4.

[9] *Sweetman R.J.* The Mosaics of Roman Crete. Art, Archeology and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 31.

Торговля между близлежащими поселениями и более дальними местами Средиземного моря велась широко. Внутренняя торговля позволяла Элефтерне иметь связи с наиболее важными городами Крита. Благодаря удобному расположению между западной частью и центром острова, Элефтерна соединяет экономически важные артерии. При этом, играет важную роль и дорога, связывающая город с Гортиной[1]. Многие изделия в Элефтерне относятся к разным территориям римской ойкумены. Например, италийская сигиллата, привозимая на продажу.

Важным источником являются и эпиграфические свидетельства. Основным из них является надпись Тонния, который принадлежал к торговым семьям играл важную роль в экономике римской Элефтерны[2].

Экспортными товарами в другие части уже Византийской империи у Элефтерны были круглые амфоры. Их находят в Константинополе, а также в других областях империи (Пелопоннесе, Мелосе и в Италии)[3]. При этом на территорию современного Крыма также поступали критские амфоры. При раскопках на Боспоре, в районе Тиритаке были найдены остатки керамики, привозимой из Элефтерны, датируемой VI веком[4].

В итоге можно сказать, что Элефтерна представляла важный критский город в римский, а также и в ранневизантийский период. Археологические работы позволяют понять степень развития урбанистики, а также оценить уровень торговли с античным миром. Это даёт более детальное понимание места и роли одного из самых важных городов Крита в его истории в указанные периоды.

ELEUTHERNA IN CRETE DURING THE ROMAN AND EARLY BYZANTINE PERIODS

I.A. Murtazin
Belgorod State National Research University

This paper provides a brief analysis of Eleftherna from the Ist to the VIIst century. It provides information based on archaeological findings that have been conducted since 1985 to the present day. Additionally, it highlights the economic significance of Eleftherna and its impact on the island and the ancient world.

Keywords: Eleftherna, archaeology, Crete, polis, city.

УДК 94

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ В ТРУДЕ «ЗАВОЕВАНИЕ ЕГИПТА, АЛ-МАГРИБА И АЛ-АНДАЛУСА»

М.А. Руднева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
rudneva@bsuedu.ru

Александрия Египетская в ранневизантийское время оставалась одним из крупнейших городов Восточного Средиземноморья, важным центром экономической системы, обеспечивающим связи Египта с регионами Восточной Римской империи и за её пределами.

Изучение проблемы трансформации городов Восточного Средиземноморья представляет собой одну из наиболее значимых научных проблем в изучении

[1] *Tsigonaki C.* Les villes crétoises aux VIIe et VIIIe siècles: l'apport des recherches archéologiques à Eleutherna // SAIA Annuario. LXXXV, Serie III, 2007. P. 268.
[2] *Karambinis M.* The cities of Crete under Roman rule (1st–3rd centuries AD) // Journal of Greek Archaeology 7, 2022. P. 252
[3] Leontsini M. The Byzantine and arab navies in the south Aegean and Crete: shipping, mobility and transport (7th - 9th с.) // Greaco-arabica XII, 2017. P. 222
[4] *Смокотина А. В.* Ранневизантийские критские амфоры в городах Боспоре и Тиритаке // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2019. – № 24. – С. 162-163.

ранневизантийского времени[1] и требует детального исследования источниковой базы. В данном свете, расширению представлений о процессе трансформации городской топографии способствует привлечение источников разного происхождения, которые доселе не привлекали особого внимания.

Большой информативностью обладает написанный в период, последовавший за завоеванием Египта и Александрии, исторический труд[2] «Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса», созданный ‘Абд ар-Рахманом ибн ‘Абд ал-Хакамом (IX в.). Определение особенностей освещения процесса трансформации исторической топографии Александрии в данном источнике представляет собой важный этап в детализации представлений о специфике исторического развития города.

‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Хакам ал-Кураши (ок. 802 / 803 – 871 гг.) – арабский египетский историк, автор одного из наиболее обширных исторических сочинений, созданных в Египте после арабского завоевания. Историк имел египетское происхождение[3]. Его труд «Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса» был передан в переложении ученого ‘Али б. ал-Хасана ибн Кудайда[4]. Различные интерпретации текстов рукописей труда Ибн ‘Абд ал-Хакама передавались до XII в. в различных произведениях арабской письменной традиции. В 1985 г. был опубликован перевод труда на русский язык[5]. При написании труда автор пользовался широким кругом источников; в основном он привлекал свидетельства, изложенные в устной форме.

Значительное внимание проблемам отражения истории Александрии и процессу арабского завоевания уделили А.Д. Батлер и П.М. Фрейзер[6], О.Г. Большаков[7], К. Хаас[8] и др.

В начале повествования представлена информация о пограничном округе Александрия» (здесь и далее цит. по изданию С.Б. Певзнера; ал-Хакам. С. 18). Данный округ формально считался отдельной административной единицей, в которую назначался правитель «Египта и Александрии». Регион в IX в. считался пограничным, поскольку мог подвергнуться нападению с моря со стороны Восточной Римской империи[9]. В труде присутствует информация, о том, что завоеватель Египта арабский полководец ‘Амр ибн аль-‘Ас оценивал правление Египтом как равное халифату (ал-Хакам. С. 211).

В источнике присутствует несколько описаний основания и последующего развития Александрии. Автор приводит информацию о строительстве города Александром Македонским, его именем город был назван «ал-Искандарией» (ал-Хакам. С. 57). В другом фрагменте встречается название ал-Каум (ал-Хакам. С. 148). Далее информация об основании Александрии повторяется в сопровождении пророческого сюжета (ал-Хакам.

---

[1] *Болгов Н.Н.* Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. – 2023. – Т. 1. – С. 199–219; *он же:* Пути византинизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье // Byzantinotaurica: Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе: Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–28 сентября 2023 г. / Под ред. *С.П. Карпова, М.В. Грацианского, С.Г. Бочарова*. – СПб., 2023. – С. 10–15, и др.

[2] *Ладынин И.А.* К реконструкции первоначального сюжета о нашествии на Египет Навуходоносора II (по данным античных и средневековых нарративов) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2025. № 2(88). – С. 5–17.

[3] *Чубаров Д.А*. К вопросу о появлении франков в арабских источниках (VIII – IX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 234–246.

[4] *Певзнер С.Б.* Предисловие // *‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Хакам.* Завоевания Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса // Пер. с араб., пред. и примеч. *С.Б. Певзнера*; Отв. ред. *Л.Е. Куббель.* – М., 1985. – С. 3–16.

[5] *‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Хакам.* Завоевания Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб., пред. и примеч. *С.Б. Певзнера*; Отв. ред. *Л.Е. Куббель*. – М., 1985. – 440 с.

[6] *Butler A.J., Fraser P.M*. The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion. – Oxford, 1978. – 563 p.

[7] *Большаков О.Г.* История Халифата. В 4 т. Т. I. Ислам в Аравии (570 – 633). – М., 2000. – 312 с.

[8] *Haas C.* Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict. – Baltimore; London, 1997. – 494 p.

[9] *Певзнер С.Б.* Примечания // ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Хакам. Завоевания Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб., пред. и примеч. С.Б. Певзнера; Отв. ред. Л.Е. Куббель. – М., 1985. – С. 355.

С. 58–59). В источнике содержится пространный фрагмент (ал-Хакам. С. 60–62), повествующий о градостроительной политике фараонов, Птолемеев, римских и арабских правителях города. «Не было ни одного царя, чтобы у него не было // там постройки» (ал-Хакам. С. 61). В другом фрагменте автор источника излагает информацию о динамике исторического развития города в образной форме: «Александрию строили триста лет, жили в ней триста лет, и триста лет она разрушалась» (ал-Хакам. С. 62). Здесь же упоминается невероятный блеск, создаваемый белизной мраморных строений. Особо стоит отметить указание на наличие периода семидесятилетнего запустения города (Там же).

Описывая частное путешествие ʻАмра из Иерусалима в Александрию, предшествующее завоевательным походам, источник указывает, что в городе его поразили «благоустроенность, множество жителей и те богатства и добро, которые в ней были» (ал-Хакам. С. 75).

Общая структура топографии Александрии характеризуется как трёхчастная: «Александрия – это три города [прилегающие] один к другому». Далее приводится конкретное указание на расположение и название этих частей города: «Манна – это место маяка и то, что рядом с ним, Александрия – это место главного города – и Накита» (ал-Хакам. С. 61). У каждого «города есть стена» и, кроме того, «вокруг трёх городов» стена, окружающая их (Там же). Описывая попытку византийцев отбить Александрию у арабов, высадившись в городе, автор отметил, что у Александрии были мощные стены, которые ʻАмр поклялся разрушить в случае успешного исхода борьбы (ал-Хакам. С. 193). Само же ключевое сражение свершилось вне стен города – возле Никийуса (ал-Хакам. С. 193–194, 195). После неудачной битвы византийцы, преследуемые арабами, пытались спастись в Александрии, но потерпели неудачу, и на месте, где ʻАмр приказал остановить кровопролитие была построена мечеть Масджид ар-Рахма (ал-Хакам. С. 194). После победы ʻАмр исполнил свою клятву, разрушив стены города полностью (Там же). Поводом к нарушению договора выступил вопрос выплаты налогов, объем которых приводится в сравнении с размерами здания церкви, которым невозможно было бы оценить объем выплат (ал-Хакам. С. 194).

В источнике также присутствует косвенная информация о том, что город понёс значительные разрушения в ходе осады и военных действий. В одном из фрагментов труда присутствует информация о четырех колоннах развалин Александрии, которые были использованы для украшения арабами банного комплекса в (ал-Хакам. С. 154). В другом – город сравнивается с равниной (ал-Хакам. С. 250).

В труде зафиксирована информация «о месте собраний, возвышавшемся над морем» (ал-Хакам. С. 65), куда прибыл Хатиб с письмом, содержащим послание для «ал-Макаукиса» – правителя Александрии (ал-Хакам. С. 64).

Передается фрагмент послания ʻАмра к ʻУмару, отправленного после завоевания Александрии: «получил там четыре тысячи садов с четырьмя тысячами бань, сорок тысяч иудеев, подлежащих джизйи, четыре тысячи увеселительных мест для царей» (ал-Хакам. С. 102). Наряду с упоминанием большого числа иудеев указано, что после вступления в город арабов из него выехали семьдесят тысяч иудеев (ал-Хакам. С. 103). Согласно выводам исследователей, подобный отчет является явным преувеличением. Тем не менее, он содержит также примечательную деталь в виде повышенного интереса арабов к системе городского водоснабжения. В одном из эпизодов приводятся сведения о том, что арабам пришлось, будучи отрезанными от основных сил, скрываться необычным способом: «они стали искать убежища в жаровых трубах их бань» (ал-Хакам. С. 98). В другом фрагменте приводятся сведения о наличии в Александрии двенадцати бань с «жаровыми трубами», каждая из которых вмещала «тысячу помещений» (ал-Хакам. С. 103).

Наряду с характеристикой топографической картины и объектами инфраструктуры, источник содержит информацию о изменениях в этноконфессиональной картине города, преимущественно включая упоминания христианских (ал-Хакам. С. 93, С. 101) и исламских религиозных сооружений (ал-Хакам. С. 61).

Таким образом, несмотря на то что данные источника не являются точными, труд отражает динамику развития городской топографии Александрии в ранневизантийское время и влияние на неё арабского завоевания. В источнике содержатся указания на конкретные объекты топографии и количественные показатели, которые, несмотря на явно завышенный характер, позволяют получить информацию о характере исторического развития города в исследуемое время.

FEATURES OF THE COVERAGE OF THE DEVELOPMENT OF THE HISTORICAL TOPOGRAPHY OF ALEXANDRIA IN THE EARLY BYZANTINE PERIOD IN THE WORK «THE CONQUEST OF EGYPT AND NORTH AFRICA AND AL-ANDALUS»

M.A. Rudneva
Belgorod National Research University

This article analyzes the representation of the process of topographic transformation in Alexandria during the early Byzantine period in the work «The Conquest of Egypt and North Africa and al-Andalus». The author of this historical work, Ibn ‘Abd al-Haqam, is a leading Egyptian historian of the 9th century. The source describes the influence of the Arab conquest on the city's topography.

Keywords: Late Antiquity; Early Byzantium; Roman Empire; Alexandria; Egypt; conflict, city.

УДК 94(495)

РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД ТИСДРА В АФРИКЕ И ЕГО ПАМЯТНИКИ

Е.С. Федулова
Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1848311@bsuedu.ru

В Северной Африке сохранилось немало памятников римско-византийского периода, иногда включающего целые городские комплексы. Одним из ярких памятников является Тисдра (совр. Эль-Джем) – торговый город на востоке Туниса. Происхождение города неизвестно, но, вероятно, он уже существовал в доримское время. Основан как римский город в 46 г. до н.э.

Он оставался незначительным oppidum liberum на протяжении большей части I в. н.э., но его процветание, обусловленное расположением в центре огромного района выращивания оливок, быстро возросло во II в.

Великолепно сохранившийся амфитеатр, впечатляющий свидетель процветания города, является самым известным общественным зданием римской Северной Африки. Его размеры огромны, он вмещал не менее 25000 зрителей. От остального города сохранилось немного, так как городище застроено современным городом. Это более 10 частных домов, многие из которых очень просторные и почти все украшены фигурной мозаикой.

Название Тисдра звучит непривычно. Местоположение римского города было бы трудно определить, а из-за отсутствия надписей и каких-либо записей, относящихся к амфитеатру, его разрушенные окрестности, возможно, остались бы загадкой[1].

Первое письменное упоминание о Тисдре относится к 46 г. до н.э., когда Юлий Цезарь наложил на жителей штраф зерном. Однако, учитывая бедственное положение города, Цезарь смягчил наказание[2].

Согласно «Истории Августов», в правление императора Максимина Фракийца проконсулом Африки был назначен Гордиан – пожилой, но высокообразованный сенатор (SHA Gord. VII.1). Налоговый чиновник Максимина грабил местных жителей. Когда

[1] *Graham, Alexander*. Roman Africa an outline of the history of the Roman occupation of North Africa. — London, 1902. — P. 228.
[2] Ibid. — P. 229.

Гордиан попытался обуздать его, чиновник пригрозил ему смертью. Африканцы убили этого чиновника (SHA Gord. VII.2).

Затем некий Маврикий на поле близ города Тисдры обратился к народу с речью, призвав принять меры против «бешеного человека — Максимина» и провозгласить императором проконсула Гордиана (SHA Gord. VIII.1–3). Жители нашли Гордиана разбиравшим судебные дела. Когда на него набросили порфиру, он упал, но был поднят, несмотря на сопротивление (SHA Gord. VIII.5). Молодые люди сбросили статуи Максимина, разбили его изображения, а Гордиана назвали Африканским (SHA Gord. IX.3). После этого они с царственной пышностью отправились с новым императором в Карфаген.

Хотя значительная часть римского города Тисдры скрыта под современной застройкой, археологические исследования позволяют реконструировать его планировку и основные памятники. Город занимал большую территорию – от 150 до 200 га. Местонахождение города чётко обозначено неровной поверхностью земли вокруг амфитеатра и находками в последние годы нескольких надгробных камней[1].

Главная достопримечательность Тисдры – его грандиозный амфитеатр. Точная дата его возведения остаётся предметом споров. Традиционно строительство связывают с правлением Гордиана I (238 г.). Императорская казна могла выделить средства на строительство арены для многократных игр[2]. Сооружение имеет эллиптическую форму: его большая ось достигает 148 м, малая — 122 м, а высота фасада составляет 26 м. Арена амфитеатра имеет размеры 65х39 м. Вместимость оценивается исследователями по-разному — от 25–30 до 35 и даже 60 тысяч зрителей. По этому показателю он уступал только римскому Колизею и, возможно, амфитеатру в Капуе. Амфитеатр поднимается на высоту примерно 36,5 м[3].

Интересно, что автор «Истории Августов» ни словом не упоминает этот амфитеатр, хотя подробно описывает провозглашение Гордиана I в Тисдре. Монеты эпохи Гордианов также не проясняют ситуацию: на одной из известных монет с надписью Gordiani Aug. изображён трёхъярусный амфитеатр с колоссом, но он, скорее всего, относится к Флавиеву амфитеатру в Риме (Колизею), а не к Эль-Джему[4].

Подобно акведуку Карфагена, этот памятник в Тисдре является живым свидетельством силы императорской воли. В карьерах Суллекта, примерно в 20 милях от города, имелось много превосходного качества камня, и, судя по всему, использовался именно этот камень. Какие приспособления использовались для перевозки десятков тысяч огромных блоков тёсаного камня на такое расстояние, мы не имеем возможности узнать.

Как и все другие великие амфитеатры империи, расположение амфитеатра в Тисдре не представляет особенностей: снаружи обычные открытые аркады, каждая из которых представляет собой полный ордер. Первый и третий ярусы — коринфского ордера, а второй — композитного. Сохранилась лишь часть внутренней стены верхнего этажа. Было два главных входа, один из которых полностью разрушен. Внутренняя часть пострадала больше, чем внешняя, отчасти из-за использования здания как крепости, но главным образом из-за выборки камня в средние века. Ещё в XIX в. некоторые части сидений и пандусов, должно быть, оставались нетронутыми[5].

Что касается самого сооружения, есть много признаков того, что оно строилось с большой быстротой с расчётом на использование для какого-то особого случая. Почти каждый камень имеет треугольное отверстие для подъёмной скобы на внешней поверхности, что показывает, что подъём блоков на место был важнее, чем внешний вид

[1] Ibid. — P. 229.
[2] Ibid.
[3] Ibid. — P. 230.
[4] Ibid.
[5] Ibid.

работы. Есть признаки намерения вырезать замковые камни нижней аркады, но только два из них обработаны: один представляет голову льва, другой — бюст женщины, причём причёска выполнена в моде того периода. Три яруса аркад, по-видимому, были завершены, за исключением, возможно, карниза, но нет никаких признаков того, что какие-либо облицовочные блоки аттика были закреплены на месте.

Поверхность камня отличная, а своды по всему периметру, выполненные из более мелких блоков, достойны изучения. Камни не везде хорошо подогнаны, вероятно, из-за быстрого выполнения работ, и поэтому растворные швы, особенно в коридорах, толще, чем обычно встречается в лучших образцах римской кладки[1].

Помимо амфитеатра выдающимся памятником является villa Africa, названная так по мозаичному изображению богини Африки – покровительницы африканских провинций. Фрагменты этой виллы были перенесены в Археологический музей Эль-Джема[2]. Олицетворением Африки стала женщина с головой, увенчанной шлемом в виде маски слона. По эллинистической традиции так иногда передавали образ Египта или его столицы Александрии. Подобные изображения мы встречаем на помпейской фреске Дома Мелеагра из Национального археологического музея Неаполя, на мозаиках II в. в Городском музее Катании (Сицилия) и Археологическом музее Эль-Джема[3].

Среди других находок можно отметить мозаику с Анубисом и двумя увенчанными мистами (календарный цикл, месяц ноябрь)[4].

Тисдра обладала всеми атрибутами благоустроенного римского города. Водоснабжение города было устроено с учётом местных условий: вода развозилась по домам, без сомнения, за плату[5].

На сельской территории города распознается сеть прямых дорог, следы плантаций оливок, временная ирригационная сеть с участками водопроводов, фрагментами акведуков и отдельными небольшими водохранилищами[6]. То есть, Тисдра представляет собой пример хорошо организованного античного аграрно-городского ландшафта, где человеческая деятельность преобразовала аридную равнину в процветающий экономический центр.

Город в полной мере сохранялся в совокупности своих общественных и частных сооружений до конца византийской власти и арабского завоевания (VII в.).

Первым европейским путешественником, обратившим внимание на грандиозный амфитеатр Тисдры, был Томас Шоу, который путешествовал здесь в 1730–1738 гг. Примерно 30 лет спустя Джеймс Брюс, вероятно, первым сделал рисунок амфитеатра. Тем не менее, до начала XX в. этот амфитеатр практически не упоминался авторами, которые писали о монументальном римском зодчестве или даже специально об амфитеатрах. Упоминались подобные памятники в Риме, Арле, Ниме, Помпеях и Пуле[7].

Таким образом, Тисдра – это живое свидетельство того, как римская цивилизация укоренилась на африканской почве, переработав местные традиции и создав самобытную культуру. Грандиозный амфитеатр, роскошные виллы с мозаиками, развитая городская инфраструктура — всё это говорит о высоком уровне жизни и благосостоянии жителей на протяжении ряда веков.

---

[1] Ibid. — P. 231.
[2] *Поршнев В.П.* Садово-парковое искусство римской Африки // Вестник СПбГИК. 2024. №3. – С. 68.
[3] *Данилов Е.А.* Античные персонификации Африки // Метаморфозы истории. 2013. №4. – С. 140-141.
[4] *Пантелеев А.Д.* Маски в мистериальных культах эпохи римской империи // Труды Исторического факультета СПбГУ. 2015. №23. – С. 123.
[5] *Жюльен Ш.-А*. История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко. – М., 1961. Т. 1. – С. 201.
[6] *Чичагов В.П.* Антропогенный аридный рельеф // Вестник ИКИАТ. 2012. №1. – С. 118.
[7] *Graham A.* Op. cit. — P. 230.

THE ROMAN-BYZANTINE CITY OF THYSDRUS IN AFRICA AND ITS MONUMENTS

E.S. Fedulova
Belgorod State National Research University

This article is devoted to the Roman-Byzantine city of Thysdrus (modern-day El Jem in Tunisia), one of the best-preserved ancient centers of North Africa. It examines the city's history and its key role in the events of 238 AD—the proclamation of Emperor Gordian I. Particular attention is given to architectural monuments: the third-largest amphitheater in the Roman Empire, residential villas with mosaics, a water supply system, and cisterns.

Keywords: Thysdrus, El Jem, Roman Africa, amphitheater, Gordian I, Roman-Byzantine city, ancient architecture, North African archaeology.

УДК 94(495)

СЕМАНТИКА АРХИТЕКТУРНЫХ МЕТАФОР В «ЭКФРАСИСЕ СВЯТОЙ СОФИИ» ПАВЛА СИЛЕНЦИАРИЯ: ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО К ДУХОВНОМУ

Е.В. Черникова
Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553444@bsu.edu.ru

В контексте византийской литературной традиции экфрасис выступает как особый жанр, в котором архитектурное описание становится инструментом философско-религиозного дискурса. Именно поэтому описание материальной составляющей помогает исследовать и духовный аспект. Экфрасис помогает ответить на вопрос, каким глубоким символическим значением наделялся каждый элемент храмового пространства, который описывался на страницах произведения.

«Экфрасис храма Святой Софии» Павла Силенциария является уникальным памятником византийской литературы. Данное произведение было впервые торжественно зачитано через несколько дней после второго освящения храма 24 декабря 562 г. Скорее всего, это произошло 6 января 563 г., сначала в императорском дворце, а затем в патриархии[1].

Экфрасис представляет собой не просто техническое описание архитектурного храма, как может показаться на первый взгляд, а сложный поэтический текст, в котором гимн императору Юстиниану переплетается с богословским осмыслением сакрального пространства.

Стоит несколько слов посвятить автору «Экфрасиса храма Святой Софии» – Павлу Силенциарию. Он является одной из центральных фигур в истории ранневизантийской литературы. Помимо данного экфрасиса у автора есть еще одно произведение в таком же жанре – «Описание амвона». Павел Силенциарий известен также как автор 80 сохранившихся эпиграмм разного жанра (надгробных, любовных и посвятительских), а также большого стихотворения «На Пифийские горячие источники»[2].

«Экфрасис Святой Софии» имеет сложную, но четкую и симметричную композицию. После двух ямбических вступлений автор приступает к основной части, но не сразу переходит к описанию постройки, а излагает для начала предысторию. И только после этого Павел Силенциарий обращается к описанию, которое отчетливо делится на две части: описание архитектуры и описание декора.

Хорошо известно, что Павел Силенциарий писал свои экфрасисы под влиянием поэта V века Нонна Панолитанского, однако это влияние проявляется лишь в области метрики и стиля. Саму структуру поэм Павла Силенциария никак нельзя назвать

[1] *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб., 2004. – С. 64.
[2] Византийский словарь: в 2 т. / [С. Ю. Акишин и др.]; сост. и общ. ред. К.А. Филатова. – СПб., 2011. – Т. 2: М–Я. – С. 138.

традиционной, равно как и их содержание. Исследователи подчеркивают, что византийские источники о Святой Софии, включая сочинение Павла Силенциария, позволяют не только реконструировать утраченные элементы архитектуры и декора, но и восстановить художественный замысел всей постройки, а также исследовать символическую интерпретацию и эстетическое переживание архитектурных форм в сознании византийцев[1].

Центральное место в метафорической системе Павла Силенциария занимает образ света. На протяжении всего произведения автор упоминает его: и во время описания самого храма, и во время описания декора. Описывая ночное освещение храма, поэт восклицает:

«...Об освещенье вечернем. Поистине мог бы сказать ты, / Будто ночной Фаэтон озаряет святилище храма»[2].

Этот образ, восходящий к мифологическому сюжету о сыне Гелиоса, едва не сжегшем землю, подвергается в поэме радикальному переосмыслению: «ночной Фаэтон» Павла Силенциария представляет собой метафору рукотворного света, исходящего от бесчисленных светильников, лампад и паникадил, которые не сжигают и не разрушают, а преображают материю храма. Однако чаще всего образ света встречается без метафор:

«...Узкий проход для движенья людей, зажигающих пламя, / Светом он полон, сверкает блистанием крон островерхих».

Свет становится той дематериализующей субстанцией, которая делает камень проницаемым для взгляда, а золото мозаик – источником немеркнущего сияния. Этот эффект имеет прямую аналогию в архитектурном решении самого храма: исследователи отмечают необыкновенную наполненность Святой Софии светом благодаря тонкости стен, обилию окон, использованию полированной мраморной облицовки и золотой смальты, что создает иррациональный пространственный образ, передающий впечатление Божественного присутствия. Световая метафора текста Павла Силенциария оказывается неотделимой от богослужебного действа, частью которого она является.

Следующая группа архитектурных метафор связана с описанием пола и облицовки стен, выполненных из полихромного мрамора. Павел Силенциарий вводит образ мраморного луга, усеянного всевозможными цветами, и риторически вопрошает, кто способен воспеть эту красоту, даже владея полнозвучными напевами Гомера[3].

В данном отрывке античный поэтический инструментарий служит для описания христианской полихромии, при этом метафора луга имеет глубокое символическое значение. Для украшения храма были использованы плиты разноцветного мрамора – фригийского розового, египетского пурпурного, лаконского зеленого, ливийского голубого. Они были привезены в Константинополь со всей империи и, согласно замыслу Юстиниана, должны были явить зримый образ вселенского характера христианской державы. Метафора луга позволяет преодолеть дискретность этих геологических пород: разнородные камни собираются в органическое единство, «произрастающее» под сводами храма. Разные части света, представленные в материале мраморных облицовок, утрачивают свою географическую чужеродность, будучи собранными в доме Бога, что становится метафорой преображения природы благодатью.

Особого внимания заслуживает семантика купола в поэме Павла Силенциария. Поэт пишет:

---

[1] *Александрова Т.Л.* «Экфрасис св. Софии» Павла Силенциария и предшествующая поэтическая традиция // Studia Litterarum. – 2019. – Т. 4, № 1. – С. 72.

[2] *Виноградов А.Ю., Захарова А.В., Черноглазов Д.А.* Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. – СПб., 2018. – С. 216.

[3] *Александрова Т.Л.* Павел Силенциарий. Экфрасис Святой Софии. Экфрасис амвона. Введение, перевод с древнегреческого и комментарии Т.Л. Александровой // Вестник древней истории. 2019. Т. 79, вып. 2. – С. 510.

«Свод вырастает иной и окружность свою расширяет / Воздух ее надувает, она ж устремилась к вершине...»[1].

Тем самым Павел Силенциарий выражает удивление, что огромная каменная конструкция не давит на подпружные арки, а словно парит в воздухе. Автор фиксирует это впечатление в метафоре парения: купол кажется не опирающимся на твердое основание, а золотым полушарием, ниспускающимся с небес[2]. Эта метафора переворачивает классическое античное представление о тектонике: тяжелая каменная масса перестает восприниматься как результат давления вверх и видится как нисходящее с небес легкое покрывало.

Помимо вышеперечисленного, немаловажную роль в метафорическом строе поэмы играет образ золота. Описывая алтарную преграду, мозаики свода или драгоценную утварь, Павел Силенциарий подчеркивает не столько стоимость материала, сколько его способность отражать и умножать свет. Золото тессер создает эффект златоструйного луча, который, отражаясь от золотых поверхностей, попадает на лица молящихся. Происходит взаимообмен: человек созерцает красоту храма, а храм через свет вглядывается в человека, озаряя его изнутри.

Таким образом, исходя из вышесказанного, следует отметить, что семантический анализ архитектурных метафор в экфрасисе Святой Софии позволяет глубже понять особенности византийского мировоззрения, в котром архитектурное пространство воспринималось как носитель глубоких религиозных и философских смыслов. Текст Павла Силенциария демонстрирует уникальный пример того, как материальное описание храма становится основой для создания сложной системы духовных метафор.

SEMANTICS OF ARCHITECTURAL METAPHORS IN PAUL THE SILENTIARY'S «EKPH RASIS OF HAGIA SOPHIA»: FROM THE MATERIAL TO THE SPIRITUAL

E.V. Chernikova
Belgorod State National Research University

The article analyzes the semantics of architectural metaphors in Paul the Silentiary’s Ekphrasis of Hagia Sophia (563 AD). The study examines the imagery of light, marble decoration, and the dome, which serve as a bridge between the material and spiritual realms. The poetic metaphors reveal the theological dimension of architecture, transforming the church into a visible representation of the celestial hierarchy.

Keywords: Paul the Silentiary, Byzantine ekphrasis, Hagia Sophia of Constantinople, architectural metaphor, semantics of light, symbolism of the temple.

УДК 94(32)"652/04"

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПАНОПОЛЯ В III–VI ВВ.

Ю.С. Шапоренко
Н. рук. – д. и. н., проф. Н.Н. Болгов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1719369@bsuedu.ru

Панополь (совр. Ахмим), столица IX верхнеегипетского нома, расположенная на восточном берегу Нила примерно в 450 км к югу от Каира, являлся одним из крупнейших городов Фиваиды в позднеримский период[3]. Его административная эволюция в III–VI веках служит ярким примером постепенной интеграции египетских городских

[1] *Виноградов А.Ю., Захарова А.В., Черноглазов Д.А.* Ук. соч. – С. 218.
[2] Павел Силенциарий. Экфрасис храма Святой Софии / пер. Л. Блуменау // Византийская литература. – М., 1974. – С. 52.
[3] *Bagnall R.S.* Egypt in Late Antiquity. – Princeton, 1993. – P. 99–100.

общин в общеимперскую муниципальную систему при сохранении уникальных черт, унаследованных от эллинистического прошлого и местных традиций[1].

В I–II веках Панополь, как и другие номовые столицы, не имел статуса греческого полиса. Управление осуществлялось через систему почётных магистратур (гимнасиарха, экзегета, космета, агоранома, евтиниарха, архиерея), которые занимали представители эллинизированной землевладельческой элиты под надзором назначаемого из Александрии стратега нома. К концу II века эти обязанности стали фактически принудительными, однако сохраняли престиж и оставались привилегией богатейших семей. Важным промежуточным звеном стала корпорация бывших и действующих магистратов, засвидетельствованная в Панополе в переписке стратега Аполлинария (P.BeattyPanop. 1.120, 160, 243, 276, 381, 384)[2].

Переломным моментом стал 201 год, когда император Септимий Север даровал метрополиям право иметь булэ, то есть городской совет. Для Панополя это означало юридическое признание в качестве полиса наравне с Александрией, Навкратисом, Птолемаидой и Антинуполем. Введение совета создало формально оформленный «булевтический класс»: отныне городская элита не только управляла внутренними делами, но и несла колоссальную фискальную ответственность за сбор налогов в номе, покрывая недоимки из собственных средств[3], при формальном самоуправлении.

Панопольский совет демонстрировал ряд уникальных черт, отличавших его от Оксиринха или Гермополя. Председатель совета здесь именовался проэдром, а не пританом; этот титул зафиксирован в P.Got. 7 уже в середине III века, тогда как в других метрополиях он появляется лишь после 300 года.

Ещё более удивительно существование архипритана, упомянутого в топографическом списке зданий P.Berl.Bork. (A IV 25) начала IV века[4]. Наличие архипритана предполагает коллегию пританов, что характерно для классических греческих полисов, но не для египетских после 201 года. Исследователи связывают этот феномен с сохранением κοινὸν τῶν ἀρχόντων («совета правителей») параллельно с булэ как минимум до конца III века и с влиянием соседней Птолемаиды, греческого полиса, основанного Птолемеем I Сотером[5].

Уникальной была и система ротации проедра: в папирусе P.Panop. 19 verso (около 342 г.) упоминается поставка папируса ὑπὲρ φυλῆς προεδρίας, что означает ежегодное выдвижение главы одной из фил, то есть территориальных подразделений города. В Панополе известно не менее четырёх фил, хотя точное их число не установлено[6].

Административно город делился на амфоды, кварталы с номерной системой. В каждом амфоде действовал амфодограмматевс, секретарь, отвечавший за регистры населения и имущества. В отличие от других городов, где эта должность исчезла в III веке, в Панополе амфодограмматевсы упоминаются ещё в P.Berl.Bork. (XII 32, A II 20) наряду с новыми чиновниками, что свидетельствует о консерватизме местной администрации[7].

Совет Панополя отвечал за назначение магистратов и литургов, городские финансы, содержание общественных зданий (гимнасия, театра, бань, комастерия), организацию священных игр, включая Панэллинские игры в честь Персея, учреждённые в 264 г. (P.Oxy.

---

[1] *Bowman A.K., Rathbone D.* Cities and Administration in Roman Egypt // Journal of Roman Studies. 82. 1992. – P. 122.

[2] *Geens K.* Panopolis: A Nome Capital in Egypt in the Roman and Byzantine Period (ca. AD 200-600). – Leuven, 2007. – P. 150–151.

[3] *Bowman A.K.* The Town Councils of Roman Egypt. – Toronto, 1971. – P. 22.

[4] *Drecoll C.* Die Liturgien im römischen Kaiserreich des 3. und 4. Jh. n. Chr. – Stuttgart, 1997. – S. 292–293.

[5] *Borkowski Z.* Une description topographique des immeubles à Panopolis. – Warsaw, 1975. – P. 25.

[6] *Geens K.* Op. cit. – P. 154.

[7] *Husson G.* Oikia. Le vocabulaire de la maison privée en Égypte d’après les papyrus grecs. – Paris, 1983. – P. 85–86.

XXVII 2476). Однако главной обязанностью, превращавшей членство в совете в тяжёлое бремя, был сбор налогов.

Булевты назначали ситологов, практоров, апайтетов, а при недоборе сами покрывали недостачу, что вело к разорению многих семей. Конфликтный потенциал этой системы ярко проявился во время подготовки к визиту императора Диоклетиана в Панополь в 298 г. Папирусы P.BeattyPanop. 1 сохранили переписку стратега Аполлинария с советом во главе с проэдром Аврелием Плутогеном. Стратег неоднократно обвинял совет в саботаже и нежелании назначать экстраординарных литургов для обеспечения императорской свиты. Плутоген, по словам Аполлинария, проигнорировал несколько приказов, а совет вместо назначения коллегиальных апайтетов распределил обязанности по отдельным продуктам, чтобы распылить бремя между большим числом людей (P.BeattyPanop. 1.234, 267). Только после обращения к эпитропу Нижней Фиваиды совет уступил[1].

Реформы Диоклетиана (конец III – начало IV в.) привели к появлению новых должностных лиц с номовой ответственностью, подотчётных центру. Около 302 г. вводится должность логиста (curator civitatis), заменившего стратега в качестве главного исполнительного чиновника города и нома. Вскоре появляется экзактор (exactor civitatis), впервые засвидетельствованный в Панополе около 314 г. (P.Panop. 23,1). В документах этого периода ещё сохраняется двойное именование «стратег, он же экзактор», но к 329 г. утверждается единый латинский титул; известны экзакторы Гесихий и Серен (P.Panop. 29,1; 30,1; 31A,12)[2]. Экзактор отвечал за сбор налогов и контроль за литургиями.

Третьим новым чиновником стал синдик, или экдик (defensor civitatis), юридический представитель совета, постепенно получивший судебные полномочия. В Панополе известен экдик Флавий Паниск, участвовавший в процессе против Пасноса, сына Алопека (P.Panop. 30,25; 36).

Полицейские функции перешли к иренархам (трое из них упомянуты в P.Berl.Bork. VIII 1, IX 33, X 32, XI 15), а затем к рипариям. Система пагов, введённая после 307/308 г., заменила старые топархии: препосит пага из числа булевтов назначал комархов и контролировал деревенских чиновников, что значительно усилило власть метрополии над сельской округой[3].

В течение IV века традиционные магистратуры постепенно исчезают: агораном и евтиниарх не упоминаются после 307 г., архиерей – после 309 г., экзегет – после 330 г., космет – после 347 г., гимнасиарх – после 415 г. Это связано как с христианизацией и упадком языческих культов, так и с административной централизацией, лишавшей старые должности реальной власти.

Однако в Панополе магистратуры сохранялись дольше, чем во многих других городах: в списке P.Berl.Bork. (около 315–330 гг.) фигурируют семь гимнасиархов, экзегет, космет, два архиерея, агораном. Сам совет продолжал функционировать, но его самостоятельность была сведена к минимуму. К середине IV в. булевтический класс пришёл в упадок из-за налогового бремени и бегства куриалов. Последнее надёжное свидетельство о совете Панополя относится к 371 г. (P.Lips. 45, 46, 59, 60)[4].

В V–VI вв. городское управление окончательно переходит к новым институтам. Епископ, ранее занимавшийся только церковными делами, становится реальным лидером общины, контролируя выборы чиновников, благотворительность, ремонт стен и выступая посредником между населением и имперской администрацией. Известны имена панопольских епископов: Артемидор (участник собора в Тире 335 г.), Арей, Серапион,

---

[1] *Bagnall R.S.* Op. cit. – P. 159–160.

[2] *Lallemand J.* L’administration civile de l’Égypte de l’avènement de Dioclétien à la création du diocèse (284–382). – Bruxelles, 1964. – P. 213.

[3] Ibid.

[4] *Frakes R.M.* Late Roman Social Justice and the Origin of the Defensor Civitatis // The Classical Journal. 89. 1994. – P. 347–348.

Сабин (сопровождал Кирилла Александрийского на Эфесский собор 431 г.) и Фиваммон (VI в.). Параллельно возникает должность пагарха, назначаемого императором или префектом крупного землевладельца, ответственного за сбор налогов в номе и располагавшего полицейскими силами. Совет как институт исчезает, хотя отдельные булевты ещё упоминаются в документах VI в.[1]

Таким образом, эволюция управления позднеантичного Панополя отражает общие тенденции поздней Римской империи при сохранении ярких местных особенностей: длительное бытование архаичных институтов (архипритан, амфодограмматей), уникальная ротация проэдра по филам. Эти черты, вероятно, объясняются близостью к греческой Птолемаиде и стремлением элиты подчеркнуть эллинскую идентичность. Вместе с тем Панополь полностью участвовал в диоклетиановских реформах и к концу VI в., как и вся Фиваида, стал частью новой административной реальности, где власть принадлежала церковной иерархии и крупным землевладельцам.

THE EVOLUTION OF THE MUNICIPAL GOVERNMENT OF PANOPOLIS IN THE 3rd–6th CENTURIES AD

Yu.S. Shaporenko
Belgorod State National Research University

The article traces the transformation of the municipal administration of Panopolis (Akhmim) in Late Antiquity. It examines the transition from Hellenistic magistracies to the boule introduced under Septimius Severus. Special attention is paid to unique local features, such as the rotation of the proedrus by phylai and the survival of the archiprytanis. The study analyzes the fiscal burden of the curial class, the impact of Diocletian's reforms, and the emergence of new officials (logistes, exactor, defensor). It is shown that in the 5th–6th centuries the council gave way to bishops and pagarchs, while Panopolis retained certain archaic institutions considerably longer than other Egyptian metropoleis.

Keywords: Panopolis, municipal administration, boule, Late Antiquity, Roman Egypt.

[1] *Worp K.A.* A Checklist of Bishops in Byzantine Egypt (AD 325 – c. 750) // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 100. 1994. – P. 283–284.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

УДК 94(3)

СВЯЗЬ РИМСКОЙ ВОЕННОЙ ТРАДИЦИИ И КУЛЬТА АФРОДИТЫ АНАДИОМЕНЫ В КРЫМУ: АНАЛИЗ БРОНЗОВОЙ ДЕКОРАЦИИ ИЗ ГУРЗУФСКОГО СЕДЛА

Л.Х. Алиева
Научный руководитель – д. и. н., проф. С.В. Ярцев
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
lejla.alieva.2002@bk.ru

Святилище у перевала Гурзуфское Седло, исследованное экспедициями под руководством Н.Г. Новиченковой, относится к числу наиболее нормативных культовых памятников Горного Крыма[1]. Его стратиграфия фиксирует два основных горизонта: ранний период VII-IV вв. до н.э. и поздний период с конца II в. до н.э. по II в. н.э.[2] Именно в поздний период, особенно в 30-20-е гг. I в. до н.э. – первой половине I в. н.э., на святилище формируется сложный ритуальный комплекс, включающий культовые площадки для сожжений, зольник, жертвенные ямки и дуговидные ограждения из камня[3].

Характерной особенностью этого горизонта является массовое присутствие предметов, связанных с римским присутствием. Помимо фрагментов кольчуг (всего 892 фрагмента и 380 звеньев, из которых два фрагмента содержат декоративные вставки из бронзовых звеньев), здесь обнаружены навершия signa (воинских значков), шпоры, детали поясных гарнитур и, что немало важно, монеты римских императоров Августа и Тиберия, а также боспорских царей Аспурга, Гипепирии и Митридата VIII[4]. Эта нумизматическая серия позволяет достаточно точно датировать пик ритуальной активности временем непосредственно после римской интервенции в Боспорское царство, когда согласно Тациту (Ann., XII, 17), несколько римских кораблей потерпели крушение у берегов Таврики, а их экипажи были перебиты местными племенами. В этом контексте бронзовая накладка Афродиты, определенная Н.Г. Новиченковой как застежка от шкатулки (pyxis), приобретает не только художественное, но и историко-культурное значение.

Бронзовая антропоморфная фигурка из святилища Гурзуфское Седло изображает женское божество, воспроизводящее иконографическую схему capillus comere – жеста придерживания или причесывания волос руками[5]. Данная моторика является формальным маркером иконографического типа Venus Anadyomene, что переводится как «Афродита, выходящая из морской пены»[6].

В античной письменной традиции фиксируется, что иконографический тип «рождающейся из морской пены» получил классическую репрезентацию в несохранившемся живописном произведении Апеллеса. Согласно описанию Плиния Старшего, данный образ представлял собой Афродиту, выходящую из морских вод и выжимающей волосы; именно это полотно носило в античности именование Анадиомена (Plin. HN. XXXV). Согласно Афинею, сюжетный источник данного образа восходит к

[1] *Новиченкова Н.Г.* Святилище біля перевалу Гурзуфське Сідло // Археологія. – Київ, 1993. – № 1. – С. 54.
[2] *Там же.* – С. 58-59.
[3] *Новиченкова М.В.* Римская кольчуга Lorica Hamata I в. до н.э. – I в. н.э. из ритуального комплекса святилища у перевала Гурзуфское Седло // Боспорские исследования. – Симферополь, 2012. – Вып. XXV. – С. 274.
[4] *Новиченкова Н.Г.* Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло // Вестник древней истории. – Москва, 1998. – № 2. – С. 55-57.
[5] *Новиченкова Н.Г.* Святилище біля перевалу Гурзуфське Сідло // Археологія. – Київ, 1993. – № 1. – С. 62.
[6] *Кругликова И.Т.* Античная археология. – Москва, 1984. – С. 113.

ритуальным практикам гетеры Фрины, которая во время Элевсинских мистерий обнаженной входила в морские воды, распуская волосы (*Ath. Deipn.,* XIII, 590).

Каналы трансляции данного иконографического канона в Северное Причерноморье реконструируются по совокупности археологических и историко-культурных данных. Основным вектором распространения выступила коропластика, активно развивавшаяся в I-II в. н.э. в мастерских Апулии, и представлявшая собой одну из локальных модификаций широко распространенного в римское время типа «Афродиты из раковины»[1]. Для территории Северного Причерноморья значимым является не столько конкретный апулийский тип, сколько сам принцип трансляции иконографических схем через посредство римской коропластической традиции. Механизмом распространения выступали: 1) массовое производство терракотовых статуэток в греко-римских провинциальных мастерских; 2) перемещение римского воинского контингента; 3) функционирование системы торговых путей, связывавших малоазийские и причерноморские центры.

На территории Боспора и Херсонеса Таврического в римский период встречаются терракотовые и бронзовые изображения Афродиты, часть которых демонстрирует иконографические черты, восходящие к типу Anadyomene[2]. Наиболее показательной является находка 1998 г. на городище Нимфей. Статуэтка, ныне хранящаяся в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике, типологически близка к гурзуфскому экземпляру[3]. Сохранность нимфейского артефакта оценивается как фрагментарная, тем не менее, иконографическая схема поддается реконструкции: волосы, вероятно, были уложены прядями ото лба к затылку; верхние конечности подняты и широко разведены в стороны, удерживая пряди волос на весу[4]. Датировка нимфейской статуэтки – вторая половина I-II вв. н.э.[5] При этом, в отличие от апулийских образцов, причерноморские находки, как правило, более миниатюрны и нередко обладают утилитарной функцией. Гурзуфская бронзовая фигурка, сочетающая образ Анадиомены с функциональным значением застежки от шкатулки, органично вписывается в эту провинциально-римскую традицию, демонстрируя, однако, локальную специфику: исполнение не в терракоте, а в бронзе, что указывает на более высокий социальный статус вотива или заказчика.

Наиболее информативным для понимания смысловой связи между культом Афродиты и военной традицией является характер депозиции предметов вооружения. Фрагменты римской кольчуги были найдены не в виде целого доспеха, а в состоянии, которое М.В. Новиченкова квалифицирует как «ритуальное разрушение»: отдельные фрагменты скручены в трубку, сложены в несколько раз, имеют следы рубленых краев[6]. Причем анализ типов плетения позволяет предположить, что в жертву было принесено несколько разных кольчуг, а не одна[7]. Эта связь становится объяснимой при обращении к «морской» функции богини. Афродита в ипостаси Euploia и Pontia выступала покровительницей мореплавателей. Для римского военного флота, базировавшегося в Херсонесе и совершавшего каботажные плавания вдоль южного берега Крыма, горный перевал Гурзуфское Седло мог служить ориентиром. Однако, учитывая высоту, сам перевал не мог использоваться как гавань. Вероятно, святилище функционировало как

---

[1] *Higgins R.A.* Greek Terracottas. – London: Methuen, 1967. – Pp. 127-128.

[2] *Шевченко А.В.* Культ Афродиты в античном Херсонесе (по данным коропластики) // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 7-8.

[3] Мировое наследие: каталог выставки. – 2016. – С. 187, 323. – № 189.

[4] Материалы Нимфейской экспедиции (МНЭ). – 2003. – С. 17, 21. – № 65. – Фото VII, 12.

[5] *Там же.* – С. 17, 21.

[6] *Новиченкова М.В.* Римская кольчуга Lorica Hamata I в. до н.э. – I в. н.э. из ритуального комплекса святилища у перевала Гурзуфское Седло // Боспорские исследования. – Симферополь, 2012. – Вып. XXV. – С. 279-280.

[7] *Там же.* – С. 281.

«обетная станция» – место, где моряки, пережившие шторм или военный конфликт, поднимались в горы для принесения благодарственной жертвы[1].

Фигурка Афродиты как элемент женской туалетной шкатулки вносит в этот комплекс и гендерный аспект. Подобные элементы чаще встречаются в женских погребениях[2]. Не исключено, что бронзовая фигурка изначально являлось элементом женской шкатулки, которая могла быть передана римскому военнослужащему в качестве апотропеического дара – символа любовной связи, оберега на удачу или памяти. Данное предположение косвенно подтверждается археологическими прецедентами бытования «женских» предметов в воинских контекстах[3] и характером культа Афродиты как покровительницы мореплавания, что было особенно актуально для моряков эскадры. В таком случае рассматриваемая фигурка попадает в сакральное пространство святилища не в качестве трофейного элемента, а как осознанный вотивный дар самого воина, принесенный божеству в знак признательности за дарованное спасение. При этом сам предмет, вероятно, продолжал хранить память о своей земной «дарительнице». Прямых свидетельств в пользу подобной реконструкции на сегодняшний день не выявлено, тем не менее она не выступает в противоречие с известной на данный момент совокупностью историко-культурных фактов.

Следовательно, бронзовая статуэтка Афродиты Анадиомены из урочища Гурзуфское Седло представляет собой не изолированный артефакт, а ключ к воссозданию сложной системы взаимодействия римской воинской традиции и локальный культов в Таврике. Будучи частью женской шкатулки, она фиксирует присутствии «женского» начала в военном контексте, а ее обнаружение в святилище вместе с ритуально поврежденным римским вооружением указывает на синкретический характер вотивных практик, в рамках которых функция Афродиты, как покровительницы мореплавателей, сочеталась с воинскими обетами. Предлагаемая гипотеза о передаче шкатулки с накладкой в виде богини в качестве оберега, призванного приносить удачу, хотя и не подкреплена прямыми письменными источниками, наиболее полно и непротиворечиво объясняет совокупность имеющихся археологических, иконографических и контекстуальных данных.

THE CONNECTION BETWEEN ROMAN MILITARY TRADITION AND THE CULT OF APHRODITE ANADYOMENE IN CRIMEA: AN ANALYSIS OF A BRONZE DECORATION FROM GURZUF SADDLE

L.H. Alieva
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the analysis of a bronze clasp featuring Aphrodite Anadyomene, discovered during excavations of a sanctuary at the Gurzuf Saddle pass. The site functioned from the 7th–6th centuries BC to the late Middle Ages, with its most intensive period of use occurring around the turn of the era — the 1st century BC to the 1st century AD. During this chronological period, the sanctuary exhibits a pronounced binary nature in its archaeological assemblage: on the one hand, an exceptionally high concentration of Roman military equipment items has been recorded; on the other hand, a rich array of votive objects, including gold, silver, and bronze anthropomorphic and zoomorphic depictions from the Greco-Roman pantheon.

Key words: Gurzuf Saddle, classical archaeology, Aphrodite Anadyomene, Taurica.

[1] *Novichenkova M.V.* A Roman Republican Openwork Belt Plate from a Sanctuary Gurzufskoe Sedlo: the parallels to Castillejo finds // Journal of Ancient History and Archaeology. – Cluj-Napoca, 2020. – Vol. 7. – No. 2.
[2] *Труфанов А.А.* Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма I-IV вв. н. э. // История и археология Крыма. – Вып. XII. – 2020
[3] *Allason-Jones L., Miket R. The Catalogue of Small Finds from South Shields Roman Fort*. – Newcastle upon Tyne, 1984. – Pp. 68-91.

УДК 94(3)

К ВОПРОСУ О УРНОРВЫХ КРЕМАЦИЯХ ВАРНУТСКОЙ ДОЛИНЫ КРЫМА

К.Н. Антипов
Научный руководитель – д. и. н., доц. С.В. Ярцев
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Kirillantipovn@gmail.com

В современном историческом и археологическом сообществе активно обсуждаются вопросы, связанные с недавно обнаруженными урновыми погребениями в Юго-Западном Крыму. С течением времени количество выявленных памятников данного типа неуклонно растёт[1]. Одними из подобных объектов стали поля урновых кремаций, обнаруженные в Байдарской (2014 г.) и Варнутской (2015 г.) долинах Крыма под руководством Олега Яковлевича Савели. Если погребения в Байдарской долине уже стали предметом научных исследований и получили определённое освещение в литературе, то материалы из Варнутской долины до настоящего времени оставались практически не изученными.

Весной 2015 года под руководством О.Я. Савели была проведена археологическая разведка в Варнутской долине Крыма, в районе села Гончарное (бывшее Варнутка). Могильник был обнаружен на высоте 423-430 м над уровнем моря, в 1 км от указанного населённого пункта. Данный археологический объект ранее не был известен: его признаки были выявлены по следам хищнических раскопок. Вблизи этих следов был заложен разведочный шурф размером 2х2 м. В ходе расчистки шурфа было установлено, что развалы сосудов (погребальных урн с кремированными останками) перекрыты плитняковой «вымосткой». Основная масса погребений представляла собой неупорядоченные, налегающие друг на друга развалы фрагментов керамики, тёмного грунта с мелкими обломками костей (со следами каления и без них), а также предметами личного убранства[2].

В развале раздавленных и фрагментированных амфор и лепной посуды было ориентировочно зафиксировано около 26 сосудов. Погребальный инвентарь, перемешанный с грунтом и пережжёнными костными останками, включал фрагменты мегарской чаши, прясло, оселок, фрагмент свинцовой скобы для ремонта сосудов, бронзовые ременные пряжки, заколку, серьгу, оплавленные фрагменты бронзовых браслетов и колец, бусины из горного хрусталя и поделочного камня, бусы из прозрачного, почти бесцветного стекла с внутренней позолотой, а также бусины из глухого цветного стекла разных размеров и оттенков (многие из них – оплавленные, фрагментированные или сплавленные между собой, плохой сохранности)[3].

Помимо работ на могильнике было проведено визуальное обследование склона Кая-Таш: в 65 м к юго-востоку от шурфа, на переломе гребня высоты к обрывистому южному склону, обнаружены фрагменты стенок амфор и лепных нелощёных сосудов, щепочки костей со следами каления, бусинка глухого белого стекла и мелкие оплавыши бронзы. Ниже по склону от могильника выявлены две ямки с кремацией; при зачистке этих ям найдены мелкие фрагменты красноглиняной и лепной керамики, мелкие костные останки и фрагмент бронзового предмета. Площадь обследованной территории составила свыше 1 кв. км. Границы археологического объекта не определены ввиду отсутствия внешних признаков могильника, а подъёмный материал встречается локально и

[1] *Зайцев Ю.П.* Некрополи Крымского Барбарикума I-IV вв. н.э.// Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи. – Симферополь: Институт археологии Российской академии наук, 2022. – С. 102-122.
[2] *Савеля О.Я., Савеля Д.Ю.* Поля погребальных урн в горах юго-западного Крыма (по материалам разведок 2014-2015 гг. В Байдарской и Варнутской долинах) // Херсонесский сборник. – 2018. – № 19. – С. 271-273.
[3] *Там же.*

небольшими скоплениями, что затрудняет точную локализацию и оценку масштабов памятника[1].

Результаты археологических разведок показывают, что трупосожжения совершались на стороне: очищенный прах с предметами убранства и подношениями помещался в урны – преимущественно в амфоры южно-понтийских центров (Гераклеи и Синопы) I в. до н. э. – I-II вв. н. э., часть из которых имеет следы ремонта. Рядом с развалами урн найдены фрагменты лепных горшков, мисок и тонкостенных сосудов для заупокойной пищи; лепная керамика схожа с местной крымской керамикой первых веков н. э. Урны размещались в глинистом грунте по оси север-юг (с отклонениями) и перекрывались камнем, глиной или грунтом; контуры ямок не прослежены, часто встречаются нарушения погребений, что соотносится с могильником у села Передовое (Байдарская долина, 2014 г.)[2].

Однако для того, чтобы проследить взаимосвязь между памятниками в Байдарской и Варнутской долине Крыма необходимо рассмотреть вышеуказанные памятники в сравнении. Так, при детальном изучении могильника у села Передовое было обнаружено не менее 16 раздавленных амфор-урн I в. до н. э. – I–II вв. н. э. Гераклейского и Синопского производства. Внутри урн зафиксированы пережжённые костные останки, фрагменты бронзовых изделий, в том числе бронзовый браслет с шишечками, а также трёхлопастный наконечник стрелы, попадание в погребение которого остаётся неясным. Кроме того, обнаружены фрагменты тонкостенных красноглиняных сосудов и черепки лепной керамики, предположительно местного производства[3]. Погребения располагались на глубине 0,15-0,5 м., при этом кремация совершалась вне места захоронения[4].

Также в двух километрах от села Передовое, в Байдарской долине, в конце августа 2015 года по следам хищнических раскопок был обнаружен могильник Муловский. В ходе исследования были заложены три разведочных шурфа: два размером 2х2 м. и один размером 2х1 м. В могильнике найдены урны-амфоры, которые, согласно типологии С. Ю. Внукова, относятся ко второй половине II в. до н. э. – I-II вв. н. э. и происходят из Колхидских, Синопских и пока не установленных причерноморских центров производства. Содержимое амфор в целом соответствует находкам из могильника у села Передовое, что позволяет предположить принадлежность обоих могильников к единой культурной группе[5].

Полученные данные указывают на сходство погребального инвентаря и обрядов в полях урновых кремаций Варнутской и Байдарской долин. Это даёт основание заключить, что на рубеже эр Варнутская и Байдарская долины, соединённые Перовским перевалом, населяла единая группа людей.

Если принять во внимание гипотезу о позднезарубинецком происхождении захоронений у села Передовое[6] и распространить её на Варнутскую долину, а также если опираться на теорию о том, что представители позднезарубинецкой культуры были поселены римлянами на данную территории для защиты стратегического сухопутного пути из Херсонеса в Харакс[7], то можно заключить, что в случае реализации подобных мер

---

[1] *Там же.* – С. 272-273.
[2] *Там же.* – С. 273.
[3] *Нессель В. А.* Керамический комплекс могильника у села Гончарное в юго-западном Крыму // Херсонесский сборник. – 2018. – № 19. – С. 220-221.
[4] *Там же.* – С. 269.
[5] *Там же.* – С. 269-271.
[6] *Антипов К.Н.* Проблема исследований урновых погребений в Байдарской долине Крыма //. На берегах Понта Эвксинского в древности и средневековье – 2024. Проблемы взаимовлияния культур: Материалы I Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием. – Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2024. – С. 101-103.
[7] *Антипов К.Н.* К вопросу о безопасности сухопутного пути из Херсонеса в Харакс // Классическая и византийская традиция. 2024: сборник материалов XVIII международной научной конференции. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2024. – С. 127-130.

римской администрацией переселенцам, вероятно, была бы отведена вся территория Варнутской и Байдарской долин: оставлять Варнутскую долину под контролем местного населения представлялось бы весьма неоправданным решением с точки зрения военного дела.

Осев на новой территории, переселенцы, по-видимому, ассимилировали часть местного населения либо вступили с ним в тесный культурный контакт. На это указывает присутствие местной керамики в рассматриваемых могильниках[1].

Таким образом, археологические данные подтверждают тождественность населения Варнутской и Байдарской долин в период с I в. до н. э. по I-II вв. н. э. Вместе с тем для углубления понимания историко-культурных процессов в регионе необходимы дальнейшие археологические исследования, в том числе с целью предотвращения дальнейшего разорения уникальных археологических памятников в результате деятельности «чёрных копателей».

ON THE ISSUE OF URN CREMATIONS IN THE VARNUT VALLEY OF CRIMEA

K.N. Antipov
Tolstoy Tula State Pedagogical University.

In the article, the author touches on the results of archaeological studies of urn burials in the Varnut and Baydar valleys of Southwestern Crimea. The finds of about 26 funerary urns of the 1st century BC – I-II centuries AD, mainly amphorae from the southern Pontic centers, as well as various funerary implements – bronze ornaments, beads of various types, fragments of a Megarian bowl, molded ceramics and other objects are analyzed. A comparative analysis of funeral rites and implements from the Varnut and Baydar valleys revealed their similarities, which suggests that a single group of people lived in these regions at the turn of the era, probably the settlers of the Late Sarubinets culture The author draws a conclusion about the likely cultural interaction of migrants with the local population and emphasizes the need for further research to better understand historical and cultural processes and protect monuments from further looting.

Key words: Baydar valley, Varnut valley, urn burials, Zarubinets culture.

УДК 904

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОХОДОВ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В III-II ВВ. ДО Н.Э.: СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМЫ ВЗИМАНИЯ

А.С. Коровина
Научный руководитель – к. и. н., доцент С.Н. Прокопенко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
alya.korovina.03@mail.ru

Как и во многих античных государствах в Боспорском царстве имелась своя система государственных доходов, которая базировалась на нескольких источниках. Такими источниками, например, были аграрное производство, торговля и эксплуатация подвластных территорий.

Все взымаемые средства контролировались преимущественно правящей верхушкой, которая затем и распределяла эти средства[2].

Одним из способов пополнения государственной казны было получение доходов от экспорта зерна. Не раз уже упоминалось, что хлебная продукция была одним из главных экспортных товаров на Боспоре. Известно, что еще в IV вв. до н.э. при ЛевконеIна Афины

[1] Указ. Соч. *Нессель В.А.* – С. 220-221.
[2] *Остапенко С.Н.* Экономические отношения на Боспоре VI–II вв. до н.э. // Дис. … канд. ист. наук. – Москва, 2021. − С. 22.

ежегодно поставлялось примерно 400 тыс. медимнов зерна[1]. Прибыль от поставок формировалась за счет разницы между себестоимостью продукции и ценой, которая имелась при продаже на внешний рынок.С наступлением денежного кризиса III в. до н.э. объемы экспорта существенно снизились. Эксперты выделяют несколько причин, которые привели к сокращению торговли хлебом в Боспорском царстве. Во-первых, Боспор не мог соперничать с более дешевым зерном, поступающим из Египта[2]. Во-вторых, повлияли военные конфликты и политические потрясения, а также демографические изменения среди варварских племен Северного Причерноморья[3]. Кроме того, в регионе произошли значительные климатические изменения[4].

В III-II веках до н.э. торговые связи с Афинами ослабевают, и их место занимает Родос, а затем и Малая Азия. Об этом свидетельствуют находки терракотовых фигурок, винных и оливковых амфор, а также глиняных сосудов[5].

К концу II века до н.э. контакты Северного Причерноморья с Афинами ослабевают и в итоге полностью прекращаются[6].

То есть, можно отметить, что в период III-IIдо н.э. доход государства от экспортной торговли постепенно сокращается, но не перестает быть источником пополнения.

Следующим источником государственных доходов стоит отметить торговые пошлины, которые взимались с купцов, занимавшихся экспортом хлебной продукции. По исследованиям ученых с вывозимого хлеба собиралось 1/30 от стоимости вывозимой продукции[7].

Для некоторых территорий, с которыми Боспор вел торговлю, власти устанавливали льготные пошлины. Так, например, поставки продукции в Митилену облагались пошлиной в 11/9 % стоимости груза, если в денежном эквиваленте эта стоимость достигала 10 талантов. В случае если таких показателей не было, размер пошлины увеличивался до 12/3% стоимости груза[8].

Сбор дани с подвластных территорий Боспорского государства в свою очередь также являлся важным источником дохода. Землевладельцы, в том числе зависимые общины «царской хоры», выплачивали дань натурой, то есть зерном и продукцией сельского хозяйства[9].

Другим не менее важным источником пополнения государственной казны, были эргастерии. Боспорские цари имели собственные эргастерии (ремесленные мастерские с использованием рабского труда), с которых доход поступал в казну. Данные эргастерии занимались преимущественно выпуском кровельной черепицы. О том, что эти мастерские принадлежали царской власти, свидетельствуют клейма на черепице, выпускавшейся в III в. до н.э. Они содержали не только указание на царскую эргастерию, но и включали в себя династические эмблемы в виде дельфина и трезубца[10].

---

[1]*Виноградов Ю.А.* Некоторые современные тенденции в изучении экономики Боспорского государства в IV в. до н.э. // Античный мир и археология. – 2010. – Вып. 14. – С. 309; Репина Е.В. Экспорт Боспора VI – первой трети III в. до н.э. (по материалам письменных источников) // Научные ведомости. – 2013. – Вып. 22 (165). − С. 6; *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – Москва, 1953. – С. 8;

[2]*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. – Москва, Ленинград, 1949. – С. 76-77.

[3]*Виноградов, Ю.А.* Боспор Киммерийский. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 289-290.

[4]Stolba V.F. Monetary crises in the earle Hellenistic poleis of Olbia, Chersonesos and Pantikapaion. A reassessment // XIII Congreso Intern. De Numismatica. Actas. – Madrid, 2005. – Vol. I. – Pp. 398.

[5] *Блаватский В.Д.* Античная археология Северного Причерноморья. – Москва, 1961. – С. 64.

[6]*Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н.э. – Москва, 1963. – С. 164

[7]*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. – Москва, Ленинград, 1949. – С. 81.

[8] *Там же.* – С 83.

[9] *Там же.* – С. 62. Остапенко С.Н. Экономические отношения на Боспоре VI–II вв. до н.э. // Дис. … канд. ист. наук. – Москва, 2021.− С. 22.

[10] *Там же.* – С. 55

Равным образом и чеканка монет являлась важным источником дохода государства. Боспорская денежная система представляла собой систему смешенного типа, которая объединяла в себе «локальную», то есть закрытую и открытую модели денежного обращения. Закрытая система имела достаточно преимуществ, она давала возможность завышать стоимость собственной монеты и взимать проценты за обменные операции с иностранной валютой[1].В денежном обращении использовались кизикины (иностранная волюта) для торговли на внутреннем и внешнем рынке. Для международной торговли применялись собственные золотые статеры, а также серебряные и медные монеты, которые предназначались исключительно для торговых отношений внутри государства[2].

Таким образом, чеканка позволяла контролировать денежное обращение и получать с этого доход.

Что касается налогообложения, то на Боспоре на прямую и косвенно взимался только один налог – эйсфора, в котором сочетались элементы прогрессивного и пропорционального налогообложения[3].

Таким образом, механизм взимания доходов представлял собой следующее: натуральный сбор, когда землевладельцы платили подать натурой; таможенный контроль, который представлял собой взимание пошлин с вывозимых товаров; управление царской хорой; налогообложение и монетарный механизм.

Подводя итог всему вышеуказанному, можно отметить, что структура и механизм взимания денежных средств в пользу государства в III-IIвв. до н.э., представляли собой сложный процесс, который позволял получать прибыль из разных источников. Однако стоит отметить, что имеющаяся информация по данной проблеме достаточно ограничена, что требует дополнительных археологических и исторических исследований.

THE STATE REVENUE SYSTEM OF THE BOSPORAN KINGDOM IN THE 3RD AND 2ND CENTURIES BC: STRUCTURE AND COLLECTION MECHANISMS

A.S. Korovina
Belgorod State National Research University

The article examines the system of state revenues in the Bosporan Kingdom in the 3rd and 2nd centuries BC. Special attention is paid to the sources of revenue, such as trade, the exploitation of subordinate territories, and agricultural production. The article describes the main mechanisms for collecting revenues, including the collection of tribute and export duties. It is noted that grain exports and trade with other territories were important sources of revenue.

Keywords: Income, tribute, Bosporus, duties.

УДК 936

КУЛЬТ БОГИНИ ПЛОДОРОДИЯ У ГОТОВ III-IV ВВ.

С.С. Титов
Научный руководитель – д. и. н., проф. С.В. Ярцев
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
sergejtitov477@gmail.com

По свидетельству Тацита, в I веке нашей эры семь северогерманских племен поклонялись богине Нертус. Идол стоял в священной роще «на острове среди Океана», а когда богиня намеревалась посетить людей, повозку запрягали коровами и провозили в сопровождении жреца, вероятно, по территориям, занимаемым племенами, отправляющими данный культ. В эти дни собирают урожай, прекращают все конфликты,

[1]*Остапенко С.Н.* Экономические отношения на Боспоре VI–II вв. до н.э. // Дис. … канд. ист. наук. – Москва, 2021. − С. 16
[2]*Остапенко С.Н.* Некоторые аспекты денежного обращения на БоспореVI-IIIвв. до н.э.// Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. − № 4 (58). − С. 120.
[3]*Остапенко С.Н.* Экономические отношения на Боспоре VI–II вв. до н.э. // Дис. … канд. ист. наук. – Москва, 2021. − С. 22.

а также запирают все металлические изделия на замки. После ритуального шествия, богиня возвращается на место. Рабы проводят омовение, а затем умерщвляются через утопление в озере (Tac. Germ. 40). Тацит называет Нертус «Матерью-землёй» – именем, которое было понятно римскому читателю[1]. Основываясь на этом, Клаус фон Зе утверждал, что у Тацита не было достоверных сведений о Нертус, кроме имени, и что его сообщение основано на культе Magna Mater («Великой матери») в Риме[2]. Ульям П. Ривз оппонирует фон Зе, считая различия между культами в Риме и Германии слишком существенными, а попытки отождествить их объясняются поверхностным анализом. Во-первых, Тацит именует богиню как Terra Mater, а не Magna Mater. Мать-землю римляне тоже знали, но ее обряды были совсем иными. Во-вторых, пришедший с Востока культ Кибелы, принятый в Риме, был, по словам автора, слишком упадочным, а ее шествия не были такими мирными, как шествия Нерты у германцев[3]. Действительно, сообщение о процессии Тита Лукреция Кара значительно отличается от описанного Тацитом шествия Нертус: колесница запряжена дикими львами, вместо жреца евнухи-галлы, одетые в экзотические одежды (Lucr. 2.598-660). Вероятнее всего, все-таки, Тацит действительно писал о реальном обряде, а не просто экстраполировал римскую практику на германцев.

Кроме того, истинность свидетельства Тацита подтверждается данными археологии. Например, в Дейбьерге (Ютландия) были найдены две маленькие ритуальные повозки (каждая размером 1х1,75 метров), относящиеся к в I веку до нашей эры[4], которые также могли быть использованы для «шествия» Нертус. Кроме того, ряд более поздних письменных источников подтверждает существование данного культа. Так, в Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам[5] говорится об идоле бога Фрейра, которому услуживала молодая женщина, позволившая Гуннару вместе с ней сопровождать идол «в поездке по пирам, когда он отправится по стране улучшать урожай» (однако, в отличие от свидетельства Тацита, повозка Фрейра была запряжена лошадью). Интересно, что Гуннар, переодетый во Фрейра не желал, чтобы ему приносили в жертву людей.

Таким образом, можно предварительно заключить следующее. Во-первых, различия в обрядах ритуальных шествий германской Terra Mater и римской Magna Mater опровергают возможность фальсификации свидетельств Тацитом. Во-вторых, что менее очевидно, археологические находки, поздний скандинавский эпос, а также позднеантичные свидетельства Созомена, о которых будет сказано ниже, дают основания полагать, что культ Нертус (или, возможно, парных богов мужского и женского пола, по аналогии с Фрейром и Фрейей) имеет общегерманское происхождение и общегерманское значение.

Что же касается готов, то письменные источники однозначно фиксируют у этого народа культ, аналогичный описанному Тацитом. Ермий Созомен, написавший свой труд в середине V века, пишет о том, что готов-христиан при Атанарихе выявляли тем, что заставляли приносить жертвы идолу, который подвозили к домам на повозке. Это сообщение крайне похоже на то, о чем свидетельствует Тацит.

К сожалению, на данный момент нет свидетельств о находках повозок в ареале черняховской культуры, подобных повозкам из Дейбьерга. Объясняется это, очевидно, плохой сохранностью органики, а также тем, что подобные находки обнаруживаются, как правило, случайно.

С.В. Ярцев и А.А. Масленников считают, что ингумация у варваров Северной Европы появилась именно под влиянием расцвета культа плодородия, который, в свою

---

[1] «…Nerthum, id est Terram matrem…» (Tac. Germ. 40)

[2] *McKinnell J.* Meeting the Other in Norse Myth and Legend. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – Pp. 51.

[3] *Reaves W.P.* Odin's Wife: Mother Earth in Germanic Mythology. – [б.м.]: [б.и.], 2018. – Pp. 50-51.

[4] *Davidson H.R.E.* Pagan Scandinavia. – London: Thames & Hudson, 1967. – Pp. 67, 74.

[5] *Гуревич Е.А.* Мифологический и литературный контекст «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам» // Одиссей: человек в истории. 2006: Феодализм перед судом историков / гл. ред. А.Я. Гуревич. – Москва: Наука, 2006. – С. 390-401.

очередь, получил популярность из-за изменившихся с III века до н.э. в худшую сторону природно-климатических условий; с этим же авторы связывают отсутствие оружия в погребениях отождествляемых с готами культур[1]. Вероятно, культ богини плодородия, получивший широкое распространение как «инструмент» в борьбе с природой, со временем оказался настолько силен, что его главный принцип – отказ от оружия – проник в погребальную сферу. Это превратило ритуальный временный запрет в постоянную культурную норму – не брать оружие с собой в последний путь. Именно так можно объяснить, что, несмотря на продвижение готов в результате их миграций на юг, на территорию плодороднейших черноземных почв, а также не взирая на их военизированную экономику, несмотря на большую потребность в помощи воинственных богов, готы сохранили табу на помещение оружия в погребения. Вероятно, та климатическая катастрофа, заставившая готов начать миграцию, отразилась на их духовной культуре столь сильно, что изначально прагматичная цель умилостивления богини земли, закрепилась в духовной жизни и сохранилась не взирая на плодородные почвы Ойума.

Отсутствие табу на оружие в погребениях у других германцев, также, предположительно, отпускающих этот культ, объясняется особенностью готской истории. Большинство германцев остались на своем месте или двигались к границам империи. Столкновения с римлянами создало потребность в богах, покровительствовавших воинам, что привело к тому, что оружие – один из главных атрибутов мужского погребения. Готы, в свою очередь, в III в. н.э. начинают масштабную миграцию на юг, в Причерноморье. Эта миграция – следствие той же климатической катастрофы. Но в отличие от оседлых германцев, готы надолго сохранили память о кризисе как о травме, заставившей их покинуть земли предков. Культ плодородия, как «спасший» их в критический момент, становится сверхсакральным и консервируется в наиболее радикальной форме. Миграция и последующая изоляция в черноморских степях, среди народов с иными погребальными традициями, способствовали гипертрофированной консервации древнего запрета. Отказ от оружия в могиле превратился в ключевой этномаркер, который сохранялся даже после переселения в земли Ойума. Позднее свидетельство Созомена подтверждает, что ритуальная повозка – центральный элемент культа – продолжала использоваться у готов, тогда как у других германцев она исчезла из источников.

THE CULT OF THE FERTILITY GODDESS AMONG THE GOTHS OF THE 3RD-4TH CENTURIES

S.S. Titov
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

In Tacitus's work On the Origin and Location of the Germans, written in the 1st century AD, there is an intriguing account of a fertility goddess worshipped in northwestern Germany. Her name is Nerthus. In this article, the author argues that this cult, which held pan-Germanic significance, was also inherent to the Goths, and that it exerted a considerable influence on the burial rites of this people. The deterioration of the climatic situation in Europe contributed to the expansion of the fertility goddess cult. In the author's opinion, it was precisely under the influence of this cult that weapons disappeared from Gothic burials.

Keywords: Goths, Nerthus, fertility cult, Germanic religion

[1] *Ярцев С.В., Масленников А.А.* К вопросу об изменении религиозных представлений варваров северной европы в римское время // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История Политология Экономика Информатика. 2012. – № 19. – С. 17-22.

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

УДК 902.4

3D-СКАНИРОВАНИЕ КАК МЕТОДИКА ФИКСАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ: ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КАЧЕСТВО ЦИФРОВОЙ МОДЕЛИ

М.А. Гончаров, А.В. Лайко
Научный руководитель – к. и. н., доц. В.А. Сарапулкин
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1848731@bsuedu.ru, 1643251@bsuedu.ru

С каждым годом трёхмерное моделирование в археологии применяется всё шире. Но на практике многие исследователи сталкиваются с трудностями, поскольку детальных методик, которые были бы специально разработаны для археологических материалов и учитывали их особенности, пока не хватает.

Лазерные сканеры, независимо от принципа действия: времяпролетного, фазового или триангуляционного, используют пучки лазера для измерения расстояния между сканером и объектом, создавая облако точек. Некоторые 3D-сканеры предлагают также гибридные световые и лазерные режимы, которые объединяют точность лазера и пригодность для различных поверхностей с возможностью захвата световых текстур[1]. Существует несколько типов данных, используемых разными сканерами для создания моделей объектов.

Лазерные сканеры измеряют расстояние от станции сканирования до объекта, полученные данные имеют обозначение TLS. Это означает, что непрямое отражение, – когда лазерный луч отражается от двух поверхностей прежде, чем достигнет сканера, – может привести к ошибке в вычислении координат. Кроме того, некоторые материалы могут случайно вызывать отклонение луча. В результате полученная поверхность лишена гладкости, что затрудняет различение деталей. Часть рельефа едва видна и кажется менее глубокой, чем на самом деле. Однако после создания проекционной сетки на основе этого облака точек стало возможным извлечь больше деталей с помощью настроек освещения на основе трассировки лучей[2].

Данные SfM (структуры из движения). В используемой в данном примере реализации (Agisoft Metashape) процедура сначала создаёт разреженное облако точек, затем плотное облако точек, которое служит основой для сеточной модели. Это даёт хорошо отображённую поверхность, но с заметным поверхностным шумом, который, однако, не перекрывает рельеф объекта. Шум является результатом алгоритма триангуляции, применяемого для реконструкции поверхностей. Рельеф характеризуется глубоким, сильно выраженным рисунком, но края слегка искажены возникающим поверхностным шумом триангуляции. Детали хорошо подчёркнуты. Уровень детализации, которого удаётся достичь, выше, чем при TLS[3].

Данные RTI (интерактивной визуализации отражений) характеризуются высокой детализацией и низким уровнем шума поверхности в виде её неровностей. Поскольку это растровые данные, у них нет проблем, связанных с сеточными алгоритмами. Рельеф виден очень хорошо, не преувеличен; его края регулярны, имеют правильную глубину, соответствующую человеческому восприятию глубины на изображениях. Хорошо

1 *Williams R., Thompson T., Orr C., Taylor G.* Developing a 3D strategy: Pipelines and recommendations for 3D structured light scanning of archaeological artefacts // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. 2024. –
Vol. 33. – URL:10.1016/j.daach.2024.e00338.

2 *Palonka, R., B. Zych, J. Śliwa, D. Niemiec, and P. Lewińska.* “Use of Various 2D to 3D Techniques for Documenting and Unveiling the Information From European Medieval and Renaissance Tombstones and Native American Rock Art.” Archaeometry68, 2026. – no. 1. – Pp. 107-119. – URL: https://doi.org/10.1111/arcm.70034.

3 *Palonka R.* Указ. Соч.

очерченные детали с чёткой глубиной не перерисовываются и не искажаются в процессе обработки. Единственный недостаток – отсутствие цифровой 3D-формы, непосредственно получаемой в результате процедуры[1].

Фотограмметрия является жизнеспособной альтернативой лазерному сканированию. Как и 3D-сканеры, фотограмметрия предполагает создание составной 3D-модели из набора 2D-фотографий. Фотограмметрия более доступна, поскольку не требует специального сканирующего оборудования, и при этом позволяет достичь отличной детализации текстур. Однако она может сталкиваться с теми же проблемами, что и 3D-сканеры[2].

Объекты диаметром около 2,5 см и меньше значительно более чувствительны к изменениям освещения и характеристикам сканирующего оборудования. В целом 3D-модели всех объектов требуют высокой точности и аккуратности, чтобы должным образом передавать надписи. Важный аспект, который следует учитывать при попытке получить модели: они, по существу, имеют два преобладающих измерения. Поскольку в первую очередь методика направлена на реконструкцию их общей 3D-формы, а не на создание 2.5D-моделей, края должны быть получены с особой тщательностью, обеспечивая идеальную область перекрытия между изображениями для фотограмметрического процесса[3].

Colwill и Chapman обнаружили, что фотограмметрия также испытывает трудности с моделированием объектов, имеющих чёрные и сильно отражающие части. Кроме того, фотограмметрия не даёт истинного 3D-изображения из-за неточного захвата морфологических деталей, особенно если пользователь не обладает значительным опытом в достижении необходимых деталей, масштабирования и привязок между изображениями. Глубина и 3D-топография, достигаемые в фотограмметрии, могут быть искажены углами камеры, освещением, расстояниями между масштабом и объектом, а также уплощением физического объекта в 2D-плоскость изображения. Фотограмметрия также требует значительного времени для создания качественных моделей, тогда как 3D-сканирование быстро создаёт точные геометрические данные. Несмотря на эти проблемы, фотограмметрия имеет существенные преимущества в доступности, поскольку требует стандартного фотооборудования, а не 3D-сканеров, и может достичь высокого качества текстур и топографии, достаточного для взаимодействия с общественностью[4].

Исходя из представленных вариантов сканирования, можно сделать вывод, что различные виды сканирования применяются в зависимости от поставленных археологом задач, а проблемы с их использованием присутствуют на всех этапах работы. В процессе эксперимента в камеральной лаборатории мы также не обошлись без трудностей. При использовании лазерного 3D-сканера мы столкнулись со следующими проблемами:

Специфика объекта. Исследования показывают, чем меньше объект и чем больше у него мелких деталей, тем выше риск геометрических искажений. Также сильно влияют материал и характер поверхности. Говоря конкретно о керамическом материале, большое влияние на результат сканирования оказала форма объекта – к каждому случаю необходим индивидуальный подход. Пытаться привести всё к единому нормативу ошибочно. Однако если объекты имеют схожую форму, можно выявить методику, основываясь на экспериментах.

Оборудование и настройки. Ключевым фактором является правильная предварительная настройка оборудования. Рекомендуется тестировать такие параметры,

---

[1] *Там же.*

[2] *Williams R.* Указ. Соч.

[3] *Lastilla L., Ravanelli R., Ferrara S.* 3D high-quality modeling of small and complex archaeological inscribed objects: relevant issues and proposed methodology // The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. 2019. – Vol. XLII-2/W11. – Pp. 699-706. – URL: DOI: 10.5194/isprs-archives-XLII-2-W11-699-2019.

[4] *Williams R.* Указ. Соч.

как яркость и выдержка, на каждом новом объекте. Тип используемого источника света в сканере также критически важен для качества конечной модели. В нашем эксперименте мы выявили, что для маленьких объектов достаточно одного источника света в виде кольцевой напольной светодиодной лампы с нейтральным светом. Однако в ходе работы были использованы и другие источники света, которые засвечивали объект. Настройка оборудования не вызвала трудностей благодаря удобному интерфейсу программного обеспечения. Основной проблемой стала потеря сканером особенностей формы керамического объекта. Решение этой проблемы лежит в создании дополнительных форм рядом с объектом для упрощения захвата формы керамики; в дальнейшем лишние объекты удаляются путём обрезки, доступной в программе.

Цветопередача – один из самых сложных аспектов. В 3D-моделях, полученных со сканеров, цветовая информация часто не соответствует высоким стандартам фотографии. Улучшение цветовой информации – открытая проблема. Мы также с ней столкнулись, но благодаря опыту работы со сканером и программным обеспечение успешно решили её за счёт дополнительной калибровки в редакторе программы.

Обработка полученных данных – это этап, который способен как заметно улучшить итоговую модель, так и, напротив, испортить её. К примеру, процедура субдискретизации, то есть уменьшения густоты облака точек призвана облегчить работу с данными, но применять её следует осторожно: из-за неё можно потерять точность геометрии. От того, как пройдёт этот этап, сильно зависит и размер конечного файла, и то, насколько правильно модель передаст форму предмета. В ходе нашего эксперимента мы, наоборот, старались зафиксировать как можно больше деталей объекта, чтобы точнее воспроизвести геометрию керамики. Расплатой стало увеличение времени обработки каждого фрагмента и серьёзная нагрузка на компьютер – программа даже несколько раз неожиданно закрывалась. Правда, нельзя исключить, что дело тут в недостаточно мощном оборудовании, так что надёжных выводов на основании только этих сбоев сделать пока не получится. Говоря в общем о проблеме, пока единственным решением мы видим улучшение оборудования и проведение повторных работ с редактором для выявления более универсального количества точек без потери качества, но с сохранением геометрии объекта.

В ходе работы были выявлены и структурированы ключевые факторы, влияющие на качество 3D-моделей археологических объектов: специфика формы и материала, настройки оборудования, условия освещения, цветопередача и постобработка данных. Экспериментально подтверждено, что учёт этих факторов позволяет существенно сократить время сканирования одного фрагмента керамики с 15-30 до 5-10 минут в зависимости от сложности объекта. В контексте работы с массовым керамическим материалом это ускоряет документирование коллекций и создаёт основу для обучения новых специалистов на основе формализованной методики сканирования.

3D SCANNING AS A METHOD OF RECORDING ARCHAEOLOGICAL FINDINGS: FACTORS AFFECTING THE QUALITY OF A DIGITAL MODEL

M.A. Goncharov, A.V. Layko
Belgorod State National Research University

This paper evaluates 3D scanning techniques (TLS, SfM, RTI, photogrammetry) for documenting archaeological objects and identifies key factors affecting digital model quality. Experimental scanning of ceramic fragments shows that object morphology, material properties, equipment settings, illumination, color reproduction, and post-processing significantly influence geometric accuracy and detail. Proper optimization of these factors reduces scanning time per fragment from 15-30 to 5-10 minutes. The findings provide a practical basis for efficient documentation of mass ceramic collections and specialist training.

Key words: 3D scanning, archaeology, ceramic artifacts, digital model.

УДК 904+94(3)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

С.А. Коваль
Научный руководитель – к.и. н., доц. В.А. Сарапулкин
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1848342@bsuedu.ru

Скифский, или скифо-сибирский, звериный стиль VIII – начала III в. до н.э. – особое художественное направление в древнем прикладном зооморфном искусстве, характеризующееся отображением некоего набора животных персонажей в строго определенных позах и композициях, с использованием особых приемов моделирования деталей[1].

История изучения скифского звериного стиля, как и любых других древностей, началась, прежде всего с их сбора и коллекционирования. Так, наиболее известным и крупным собранием артефактов звериного стиля скифов является «Сибирская коллекция» XVIII в., созданная по указу Петра I. Своим указом император запретил работы «бугровщиков» – черных копателей того времени, а все найденные артефакты изымались и передавались в столицу. Коллекция включает около 250 артефактов. Позднее, уже во второй половине XIX- начале XX вв., трудами Ивана Егоровича Забелина[2] и Николая Ивановича Веселовского[3] были раскопаны Чертомлыцкий курган и курган Солоха соответственно, подробно представлены описания артефактов, точно описана стратиграфия.

Начало исследованиям скифо-сибирского звериного стиля как феномена было положено в 1910-1920-х годах трудами Бориса Владимировича Фармаковского, Михаила Ивановича Ростовцева и Григория Иосифовича Боровки.[4] Данные ученые одними из первых обособили скифский звериный стиль от прочих направлений зооморфного искусства, утвердили географию распространения. Центральной проблемой трёх исследований поставлена происхождение звериного стиля скифов. Изучив археологический материал трёх культур: Греческой колонии Ольвия, скифских памятников Северного Причерноморья, а также курганов Северного Кавказа Фармаковский[5] приходит к выводу о том, что зооморфное искусство скифов- результат переработки древнеионийского искусства. Иную точку зрения излагает Ростовцев[6] – по его мнению, скифский звериный стиль имеет по большей части доперсидские и персидские корни, а также влияние искусства Центральной Азии. В свою очередь, Боровка[7], автор первой монографии по скифскому искусству, являлся приверженцем Южносибирской теории происхождения скифского звериного стиля, утверждая, что он позаимствован из неолитических культур Алтая и Южной Сибири, а первичные материалы для зооморфного искусства- дерево и кость.

В послевоенный период изучение скифского звериного стиля значительно расширилось за счёт активного пополнения коллекций новым археологическим материалом. В целом, в отечественной науке сложилось несколько основных направлений

---

[1] *Канторович А.Р.* Исследования скифского звериного стиля в трудах Г.А. Федорова-Давыдова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2014. – № 3. –С. 104.
[2] *Забелин И.Е.* Скифские могилы. Чертомлыцкий курган // Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. – Москва, 1865—1867. – Т. 1. – С. 56-93.
[3] *Веселович Н.И., Манцевич А.П.* Курган Солоха. – Ленинград, 1987.
[4] *Канторович А.Р.* Исследования скифского звериного стиля в трудах Г.А. Федорова-Давыдова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2014. – № 3. – С.105.
[5] *Фармаковский Б.В.* Архаический период в России // Материалы по археологии России. – Петроград, 1914. – Вып. 34. – С. 29-37.
[6] *Rostovtzeff M.* The animal style in South Russia and China. – Princeton; New York, 1929.
[7] *Borovka G.* Scythian Art. London, 1928.

исследований, посвящённых данной тематике. Во-первых, продолжилось выявление корней звериного стиля. Михаил Илларионович Артамонов[1] утверждает о значительных переднеазиатских влияниях искусства древних цивилизаций: Урарту, Ассирии, полученных в результате военных походов скифов в VII в. до н.э. Борис Николаевич Граков[2] отрицает силу влияний извне, и указывает, что звериный стиль-результат эволюции художественных традиций племен бронзового века Северного Причерноморья. Во-вторых, впервые началась дискуссия о семантике образов звериного стиля. В данном направлении особо выделяются два подхода: Дмитрия Сергеевича Раевского[3] и Германа Алексеевича Федорова-Давыдова[4]. Раевский считал стиль «визуальным фольклором» и знаковой системой, цель которой- отражение мифологии скифов. Ему же принадлежит идея о трёхчленной модели мира, отражением верхней части которой являются образы птиц, срединной-копытные, нижней-хищные звери. Федоров-Давыдов, в свою очередь, является представителем теории «оживления вещи». Согласно данной концепции, скифы верили в то, что нанесение изображений животного на оружие улучшает качество вооружения, а элементы стиля, нанесённые на элементы конской упряжи, позволят животному передвигаться быстрее. В-третьих, начинается изучение локальных вариантов скифского звериного стиля. Наиболее преуспели в данной области Сергей Иванович Руденко[5], руководитель раскопок курганов Горного Алтая, на основании которых была выделена пазырыкская археологическая культура скифо-сибирского мира, Александр Данилович Грач, археологическая экспедиция которого выявила на территории Тувы альды-бельскую культуру раннего скифского времени.

В постсоветский этап продолжаются исследования, в основе которых лежит семиотический подход. Идейные последователи Раевского-Мария Николаевна Погребова и Сергей Всеволодович Кулланда продолжили дело учителя и в совместной монографии показали, что «звериный стиль – это не просто украшение, а аналог устного творчества, сложная знаковая система («визуальный фольклор»), построенная по законам поэтического языка»[6]. Завершена систематизация и анализ более 2000 артефактов восточноевропейского варианта звериного стиля Анатолием Робертовичем Канторовичем[7]. Важной вехой в полевой археологии являются раскопки курганов Аржан-2 и Туннуг-1, датируемых концом IX-началом VIII в. до н.э. в Туве: ограниченный набор образов, включающий лишь изображения птиц, змей, овец, хищников из семейства кошачьих, дали понимание раннего этапа скифского звериного стиля.

Таким образом, изучение скифского звериного стиля прошло несколько стадий эволюции от коллекционирования находок до масштабной систематизации и теоретического осмысления. В дореволюционный период основным достижением отечественной науки в данной области стало создание базы источников. Указ Петра Великого о создании «Сибирской коллекции» стал её основой. Полевые работы XIX-начала XX вв. Забелина и Веселовского значительно пополнили базу новыми артефактами. Фармаковский, Ростовцев и Боровка в первой четверти XX в. первыми выделили скифский звериный стиль как отдельное направление в искусстве кочевников,

---

[1] *Артамонов М.И.* Происхождение скифского искусства // Советская археология. – Москва, 1968. – № 4. – С. 27-45.

[2] *Граков Б.Н.* Ранний железный век. – Москва: Изд-во МГУ, 1977. – 235 с.

[3] *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. – Москва: Наука, 1985. – 256 с

[4] *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. – Москва: Искусство, 1976. – 228 с.

[5] *Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы // Итоги и проблемы современной науки. – Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1952. – 268 с.

[6] *Раевский Д.С., Кулланда С.В., Погребова М.Н.* Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. – Москва, 2013.

[7] *Канторович А.Р.* Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция): в двух томах. – Москва, 2022. – 790 с.

выделили проблему происхождения стиля как центральную. В советское послевоенное время в трудах Артамонова и Гракова были продолжены дискуссии о корнях звериного стиля скифов, а Раевский и Федоров-Давыдов заложили основы дискуссий на тему семантики образов. Полевые работы экспедиций Руденко и Грача позволили выделить локальные варианты искусства кочевников на Алтае и в Туве. В постсоветское время трудами Погребовой и Кулланда закрепилось положение о том, что звериный стиль-своеобразный визуальный фольклор. Канторович завершил систематизацию восточноевропейского варианта звериного стиля скифов на основании анализа более 2000 артефактов, а раскопки Тувинских курганов Аржан-2 и Туннуг-1 дали понимание раннего этапа становления скифского звериного стиля.

A HISTORICAL OVERVIEW OF SCYTHIAN ANIMAL STYLE SCHOLARSHIP

S.A. Koval
Belgorod State National Research University

The article proposes to trace the stages of studying the Scythian animal style as the most key phenomenon of zoomorphic art. The main stages of Russian historiography of this scientific direction and its main themes in the period from the 18th to the 21st centuries are considered. Theories regarding the genesis of the Scythian animal style and the semantics of its iconography have been included in the discussion.

Key words: Scythian animal style; historiography; theory of origin, semantics of iconography

УДК 902/904

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК «СТОЛБОВОЙ»: К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

П.С. Рузмикина
Научный руководитель – к. и. н., доц. В.А. Сарапулкин
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
pruzmikina@gmail.com

Археологические исследования хазарской культуры в дельте Волги долгое время не позволяли локализовать столичный регион, известный по письменным источникам. К настоящему времени выявлены памятники, в том числе грунтовые могильники, о которых и будет речь.

В процессе исследования были рассмотрены погребения Хазарского периода, содержащийся в них погребальный инвентарь, датировка и интерпретация их социокультурной принадлежности.

В мае 2024 года в результате проведения археологической разведки под руководством Кравченко Э.Е. был выявлен Грунтовый могильник, получивший название «Столбовой». Памятник расположен на бэровском бугре «Большой Костюбе». Древнее население часто использовало эти естественные возвышенности для совершения погребений, в том числе и в хазарское время[1].

В ходе визуального обследования территории, были обнаружены частично обнажившиеся разрушенные части керамических сосудов. При дальнейшей зачистке было обнаружено 2 пятна могильных ям (погр.3 и 4).

Погребение №3, ориентированно по оси ЮЗ-СВ. В западной части могильной ямы обнаружена разрушенная часть черепной коробки детского скелета, по которой можно

[1] *Кравченко Э.Е.* Отчёт об археологических разведках на территории Володарского района Астраханской области в 2024 г. // Архив ООО «АрхеоЦентр». – № 234. – С. 8.

предположить, что погребенный был ориентирован головой на запад. Остальные кости отсутствуют. За головой погребенного располагались два керамических сосуда[1].

1. Кувшин керамический красноглиняный, круговой. Обжиг окислительный. Тесто с примесью мелкого песка. Тулово сосуда шарообразной формы, с сужением к верхней части. Донце плоское. На плечиках фиксируются две парные канелюры, также две канелюры на тулове под ручкой, отстают друг от друга, нанесены неравномерно. Плоская ручка с амфоровидным ребром по середине. Шейка сосуда и венчик отсутствуют[2].

2. Горшок керамический, лепной. Обжиг на костре. Тесто керамики с примесью шамота. Донце плоское с закраиной. Венчик несильно отогнутый[3].

Погребение №4. Могильная яма, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. В западной части могильной ямы обнаружена разрушенная часть черепной коробки детского скелета, голова ориентирована на юго-запад. Также зафиксированы: кость левой руки, фрагменты тазобедренного сустава и кость правой ноги.

За головой расположен керамический сосуд. Сохранилась нижняя треть сосуда. Обжиг неравномерный. Тесто керамики с мелкими примесями песка и дроблённой раковины. Тулово сосуда округлённое. Донце плоское. На стенке частично проявляются две горизонтальные канелюры[4].

Оба погребения датируются исследователем VIII-X вв. н.э.

В дельте Волги известен целый ряд грунтовых могильников хазарского времени, расположенных на естественных возвышенностях – бэровских буграх, имеющих общий погребальный обряд.

Хазарский погребальный обряд в дельте Волги имел особенности: умершего укладывали на землю головой на запад, в изголовье ставили два сосуда (сероглиняный и красноглиняный) и жертвенную пищу (баранину, ягнёнка или птицу). Инвентарь беден: изредка железные ножи, поясные пряжки, серьга-колечко в левом ухе, следы железных блях на одежде. Это указывает на захоронения местного сельского населения. Могильники характеризуются немногочисленными захоронениями.

Первым исследователем хазарской культуры в дельте Волги стал Лев Николаевич Гумилёв[5]. В ходе работы был зафиксирован подъёмный материал, относящийся к салтово-маяцкой культуре, а также обнаружен и изучен ряд грунтовых могильников.

Первый могильник, обнаруженный в 1961 году, стал могильник на бугре Степана Разина в Володарском районе. Были обнаружены разные типы погребений: так на южной окраине бугра нашли пять скелетов, лежащих на спине с горшком в изголовье[6].

В 1962 году на Малом казенном бугре было обнаружено три хазарских погребения[7]. Погребения имели западную ориентировку, за головой погребенных обнаружены частично разрушенные керамические сосуды и бараньи кости. Инвентарь одного из погребений включал в себя железный нож.

Помимо этих памятников Гумилев сообщает об обнаружении погребений плохой сохранности, схожим по обряду, на буграх Казённый и Тутинский[8].

В 2001 году Дмитрий Владимирович Кутуков в ходе археологической разведки на бэровских буграх «Щучий» и «Посольский», обнаружил грунтовые захоронения[1].

---

[1] *Там же.* – С. 30

[2] *Там же.* – С. 58.

[3] *Кравченко Э.Е.* Отчёт об археологических разведках на территории Володарского района Астраханской области в 2024 г. // Архив ООО «АрхеоЦентр». – № 234. – С. 59.

[4] *Там же.* – С.60.

[5] *Котеньков С.А.* Вклад Л.Н. Гумилёва в археологическое изучение Нижнего Поволжья // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова. – Волгоград, 2019. – С. 188.

[6] *Гумилёв Л.Н.* Соседи хазар. – Москва: АСТ, 2023. – С. 75.

[7] *Гумилёв Л.Н.* Открытие Хазарии: (Историко-географический этюд). – Москва: Наука, 1966. – С. 187.

[8] *Гумилёв Л.Н.* Отчёт по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1962 года // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 2575. – С.17.

При осмотре бугра «Щучий» на поверхности было найдено два погребения[2].

Одно из них, на восточной вершине, было сильно разрушено техникой. Сохранившаяся часть могильной ямы имела прямоугольную форму и была ориентирована по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Погребенный был уложен головой на север-северо-запад, лицом на юго-восток.

За головой погребённого обнаружены два сосуда: красноглиняный гончарный кувшин с линейным орнаментом и серо-черная лепная кружка с примесью ракушки в тесте и насечками на венчике.

Склоны Посольского бугра частично разрушены карьерами. При осмотре поверхности в западном борту карьера было обнаружено два захоронения.

Одно из погребений было обнаружено по обнажившимся в западном борту костям барана. Могильная яма глубиной чуть более 100 см имела прямоугольную форму с закругленными углами и была ориентирована по линии запад–восток. В западной стенке ямы был устроен подбой. На дне ямы обнаружен скелет юноши, лежащий вытянуто на спине, головой на запад[3].

Погребальный инвентарь был относительно богатым. И включал в себя: красноглиняный гончарный кувшин с орнаментом и сливом, и серо-черный лепной горшок с примесью ракушки и линейным орнаментом; кость ноги барана, фрагменты железного ножа, фрагменты костяных срединных накладок на лук, бронзовая серьга овальной формы со шпеньком, остатки колчана из бересты и кожи, фрагмент бронзовой проволоки (вероятно, браслет), фрагменты железного предмета, вероятно, кресала, а также шесть фрагментов кремня.

Во рту и рядом с тазом обнаружены фрагменты серебряного куфического дирхема, чеканка которого датируется периодом с VIII по XI век[4].

Анализируя полученную в ходе исследования информацию о погребениях, обнаруженных на бэровских буграх в дельте Волги, можно сделать вывод о существовании на данной территории оседлого сельского населения.

Отнести его к сельскому населению Хазарии позволяют следующие факторы:

1. Датировка VIII-X вв. – период господства на данной территории Хазарского каганата.

2. Инвентарь погребений зачастую характеризуется бедностью или отсутствием его в отдельных случаях, что более свойственно для сельского населения.

3. Дельта Волги в большей степени подходит для занятия оседлым земледелием и скотоводством, так как летом обильные луга дают возможность прокормить большие стада, а приречные леса позволяют укрыться в зиму.

4. Ближайший к могильникам памятник салтово-маяцкой культуры с поселенческим культурным слоем (Поселение «Бараний Бугор») расположен более чем в 10 км от них. Плюс местность характеризуется ярко выраженным пересечённым характером: руслами рек и ериков, ильменями и заболоченной местностью, что осложняет перемещение по ней.

Несмотря на большое количество известных могильников хазарского периода, относящихся по своей социокультурной принадлежности к сельскому оседлому населению, на территории их распространения поселенческих памятников Хазарского каганата не известно. Исключением является Поселение «Бараний Бугор», которое представлено памятником с ярко выраженным поселенческим культурным слоем. По мнению исследователей, площадь Семибугоренского археологического комплекса[5]

---

[1] *Кутуков Д.В., Пантелеев С.А.* Исследования булгарских захоронений домонгольского времени на территории Астраханской области // Поволжская археология. – 2013. – № 3 (5). – С. 153.

[2] *Кутуков Д.В., Пантелеев С.А.* Исследования булгарских захоронений домонгольского времени на территории Астраханской области // Поволжская археология. – 2013. – № 3 (5). – С. 153.

[3] *Там же.* – С. 156.

[4] *Там же.* – С. 158

[5] *Сарапулкин В.А., Соловьев Д.С., Котеньков С.А., Кравченко Э.Е*. Поселения хазарского времени в Дельте Волги // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). – 2022. – Вып. 268. – С. 247.

позволяет предполагать его принадлежность к центру власти Хазарского каганата, следовательно, для ее существования была необходима развитая сельскохозяйственная база, в лице сельских поселений, аналогично любому столичному региону централизованного раннесредневекового государства (такие как Киев, Булгар и тд). Теория о наличии сельских оседлых, не исключено что сезонных, поселений не отменяет наличия в государстве кочевого скотоводства в степях.

Полученная информация позволяет говорить о необходимости проведения археологических работ в межбугровых пространствах, с целью выявления там сельских поселений, так как расположение вышеупомянутых погребений, может указывать на распространение хазарских поселений в дельте Волги. Данные территории являются более благоприятными для проживания оседлого населения, так как располагаются в близости рек; характеризуются более плодородными почвами, чем на вершинах бугров, и наличием естественных укрытий от непогоды.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в золотоордынский период, например, Поселение Тумак-Тюбе у подножья одноимённого бугра, когда заселяется межбугровое пространство, а могильник располагается на бэровском бугре рядом[1]. Данное явление уже традиционно для дельты, потому как в современное время мы наблюдает такую же картину.

GROUND BURIAL GROUND "STOLBOVOY": ON THE POPULATION OF THE CHAZAR KAGANATE IN THE VOLGA DELTA

P.S. Ruzmikina
Belgorod State National Research University

The article discusses the ground burial grounds of the Khazar period in the Volga Delta, including the Stolbovoy burial ground (2024). The burials of the 8th-10th centuries with a western orientation and poor equipment likely belonged to the local rural population. The authors suggest that the inter-hummocky spaces of the delta may have been used for rural settlements that supported the economy of the capital region of the Khazar Khaganate.

Key words: Khazar Khaganate, Volga Delta, ground burial grounds, Baer's mounds, Stolbovoy ground burial ground, burial rite, Saltovo-Mayaki culture, rural population, early medieval archaeology, 8th–10th centuries.

УДК 903.23

К МОРФОЛОГИЧЕСКИМ ОСОБЕННОСТЯМ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ РОМЕНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.А. Шебанов
Научный руководитель – к. и. н., доцент В.А. Сарапулкин
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
yungbladey@yandex.ru

Керамика как одна из категорий археологического материала – многоплановый исторический источник, содержащий ценные сведения не только о гончарстве, как о ремесле и социально-экономическом институте, но и о институте семьи, этнокультурных контактах и уровне развития ремесленного производства в целом[2].

[1] *Васильев Д.В.* Могильники Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. – Астрахань, 2009. – С. 67.
[2] *Глушков И.Г.* Керамика как исторический источник. – Новосибирск, 1996. – С. 2.

Одна из важнейших проблем в изучении керамики роменского времени – это отсутствие единой, убедительной типологии в настоящий момент[1]. Часть исследователей, например, И.И. Ляпушкин и О.В. Сухобоков используют в своей типологии формально-классификационный подход. Развитие данного подхода видно в типологии предложенной А.Г. Дьяченко, основанной на системе статистической обработки В.Ф. Геннинга. Так или иначе, основанием для классификаций служат различные морфологические особенности сосудов, входящих в выборку, с того или иного археологического комплекса. Это подчеркивает основополагающую роль изучения морфологических аспектов лепной керамики роменской культуры в отечественных исследованиях для их дальнейшей типологизации и дальнейшего изучения гончарного дела населения Северщины VII-XI вв.

Прежде чем переходить к морфологическим особенностям, необходимо сделать уточнение по поводу технологии изготовления глиняной посуды. Подавляющая часть керамики роменского времени представлена лепными горшками. Изготавливались они из довольно грубого теста, со значительным количеством примесей: в большинстве случаев – это крупный шамот, в то время как дресва и песок выступают в роли исключения. Стенки сосудов толстые – 1-2 см. Обжигались сосуды в печах[2]. Конструирование полого тела проводилось посредством выбивания, т.к. на многих сосудах имеются затеки глины, образующих ломаные линии, так называемые псевдобортики на днищах[3].

Переходя к рассмотрению морфологических особенностей сосудов роменского времени, необходимо начать с горшков, как самого разнообразного вида ёмкостей.

Морфологию горшков логично начать изучать с основания ёмкостей, т.е. с донной части сосудов. Характерной особенностью днищ, как уже упоминалось, являются псевдобортики. А.Г. Дьяченко даёт доньям качественную характеристику – широкодонные[4]. По выделенным И.И. Ляпушкиным типам их диаметр имеет следующий соотношения с диаметром горла: в I типе – от 1/2 до 2/3 диаметра горла; во II типе – 1/3 от ширины горла; в III типе – точные данные не приводятся, только говорится о «более широком диаметре» донца; IV тип, названый А.В. Григорьевым «псевдоволынцевским», характеризует снова узкое, как во втором случае, дно[5]. Судя по прорисям профилей доний, приводимым исследователями – основания ёмкостей (донья) по классификации, предложенной А.А. Бобринским, можно отнести к сформированным основаниям ёмкостей[6].

От дна логично перейти к тулову. Здесь снова необходимо опереться на довольно точное описание сосудов, данное И.И. Ляпушкиним и дополненное О.В. Сухобоковым. Тулово у горшков первого типа выпуклое, постепенно сходящее ко дну на конус. Второй тип имеет коническую форму тулова. Горшки третьего типа имеют выпуклое, округлое тулово. Горшки же, подражающие волынцевским, имеют также коническое тулово[7]. Судя по прорисям, приводимым А.Г. Дьяченко, можно судить, что тулова лепных горшков роменского времени по признакам, выделенными А.А. Бобринским, являются сформированными, поскольку в костяке представляют из себя трапецию, меньшее основание которой находится в низу, а угол наклона боковых сторон варьируется от 170° до 100°[8].

---

[1] *Григорьев А.В*. На Десне, Сейме, в верховьях Дона и Оки // Русь в IX – X веках: археологическая панорама. – Москва, Вологда, 2012. – С. 375.

[2] *Там же.*

[3] *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. – Москва, 1978. – С. 43.

[4] *Дьяченко А.Г.* Источниковедческий анализ древней керамики с применением методов математической статистики. – Белгород, 1988. – С. 33.

[5] *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения киевского государства. – Москва, 1974. – С. 37-38.

[6] *Бобринский А.А.* Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историк-культурный подход. – Москва, 2018. – С. 33.

[7] *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского левобережья. – Киев,1975. – С. 76-78.

[8] *Бобринский А.А.* Указ. соч., 2018. – С. 32.

Далее необходимо в комплексе рассмотреть всю верхнюю часть сосудов, включающую в себя плечи, шею и венчик. Выраженность плечиков И.И. Ляпушкин, а за ним и О.В. Сухобоков, характеризуют в II и III типах как слабую, в I типе они характеризуются как отчетливые, в части случаев крутые, в части пологие, а так называемый «псевдоволынцевский» характеризуется резким изгибом, либо плавным переходом плеч. Шейки также, к сожалению, характеризуются только степенью выраженности и то, только для II типа лепных горшков. И.И. Ляпушкин выделяет всего два вида венчиков – это невысокий и слегка отогнутый венчик и высокий вертикальный венчик до 6-7 см в высоту[1]. Плечики у роменских горшков в 72,6% выборки, сделанной А.Г. Дьяченко, – слабовыпуклые, в 20% случаев – средневыпуклые. Кроме того, плечи характеризуются как высокие или очень высокие, а также, в большинстве случаев – дугообразные, в 6,3% они вогнутые, а в 4,2% – биконической формы. Шейка по его данным в 10,6% случаев – прямая, что видимо отражает количество горшков «псевдоволынцевского» типа на Донецком городище, 50,5% имеют среднепрофилированную шейку, а 37,7% имеют слабопрофилированную шейку. Средне- и слабопрофилированные, в свою очередь, судя по всему, по форме – дугообразные. А.Г. Дьяченко описывает следующие виды венчиков – прямой и закруглённый венчики[2].

Таким образом, можно увидеть, что лепные горшки роменской культуры имеют свою характерную морфологию, не просто перекликающуюся, а сходную на выборках с Новотроицкого городища, дополненную другими находками О.В. Сухобоковым, и выборке с Донецкого городища. Эти признаки формируют уникальный внешний вид: широкодонные (от 1/3 до 2/3 диметра горла) сосуды, с коническим, либо, округлым туловом, в которое переходят довольно высокие плечи, чаще всего дугообразной формы, выходящие из дугообразной, за исключением «псевдоволнцевского» типа, в котором шейка прямая, шейки, заканчивающейся отогнутым, закругленным венчиком, в случае «псевдоволынцевской» – прямым.

Но не только горшки составляют всё разнообразие глиняной посуды роменского времени. Они являются только одной из групп керамики. Остальные группы представлены мисками, сковородками, тарелками, противнями и кувшинами.

Миски имели довольно широкое горло, превышающее их высоту. Примеси в тесте те же самые, что и у горшков, однако гораздо более мелкие. Стенки мисок толстые от 1 до 2 см, дно имеет толщины до 2 см. Венчик отогнут наружу, шейка выражена слабо, отмечается легкая выпуклость стенок. Размеры мисок разнообразны. Высота доходит до 20 – 22 см, диаметр до 30 см. Встречаются также конусообразные миски. Сковородки внешне напоминают современные. Бортик имеет наклон наружу, высота его 4-5 см, при диаметре 20 – 25 см. Тарелки внешне напоминают сковородки, но отличались более высокими бортиками. Противни характеризуются высоким, 10 -15 см, толстым, до 5 см, бортиком при диаметре около 60 см[3].

В заключение, можно сделать вывод о том, что лепная керамика роменской культуры обладает своим особым комплексом морфологических особенностей, позволяющих нам без сомнения распознать сосуды данной культуры и проследить этнокультурные контакты носителей роменской культуры, например, с носителями волынцевской культуры, керамике которых подражает часть керамики роменской археологической культуры. О развитии ремесленного производства можно судить по тому, что подавляющее большинство сосудов – лепные, кухонные горшки. Характеризуется такая ситуация как доремесленное, домашнее производство глиняной посуды.

[1] *Ляпушкин И.И.* Указ. соч. – С. 38-39.
[2] *Дьяченко А.Г.* Указ. соч. – С. 43
[3] *Сухобоков О.В.* Указ. соч. – С. 79-80.

ON THE MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE HANDMADE POTTERY OF THE ROMNY ARCHAEOLOGICAL CULTURE

E.A. Shebanov
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the study of the morphology of the handmade pottery of the Romny archaeological culture. The morphology of the stamped pottery is a very important element of the study of this culture. The Romny culture are traditionally identified with the chronicle tribe of the Severians. The study of the morphology of the stamped pottery is intended to deepen our knowledge of the craft of the Severians and the population of the Severian region in the 8th to 11th centuries.

Key words: archeology, Romny culture, handmade pottery, morphology

УДК 94

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В АНГЛО АМЕРИКАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ: ИНТЕГРАЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КОМПЬЮТЕРНЫХ МЕТОДОВ В 1960-1980-Х ГОДАХ

А. С. Щербинин
Научный руководитель – к. и. н., доц. В.А. Сарапулкин
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1623840@bsu.edu.ru

Типологический подход к анализу керамического материала был разработан Огастесом Питт-Риверсом в 1870-ые годы и использован такими археологами как Артур Эванс, Леонард Вулли, Генрих Шлиман при работах на всемирно известных памятниках археологии. Сам подход подразумевал анализ керамики с помощью разделения ее на группы – хронологические или технологические. Изначально этот подход использовал традиционный археологический инструментарий – бумагу, ручку, фотоаппарат и прочие способы фиксации отличий. 1960-1980-ые годы же стали временем «микрокомпьютерной революции» – все чаще частные потребители могли получить устройство в личное пользование, продажи таких машин как PDP-1 выходят на рынки и становятся массовыми. Начинается их активное появление и на кафедрах археологии различных английских, американских и французских университетов. Благодаря распространению доступной вычислительной техники исследователи все чаще обращаются к математическим методам обработки массового керамического материала – в археологическую практику прочно входят количественный метод анализ, который позволил перейти от описательной типологии к формализованным процедурам кластеризации и корреляции[1].

Разработал количественный метод установления археологической хронологии, археолог Джеймс Форд. В 1962 году в своей работе исследователь замечает, что «история … керамики … текущий процесс изменения форм, медленный поток, являющийся результатом многочисленных мелких изменений». Для фиксации этих изменений и нужна типология, которую он также формулирует. Формы разных пропорций, полученные из раскопок памятника, зарисовываются и располагаются в таблице сверху вниз от узких форм тулова к широким или наоборот. Выбирается и внедряется тип А, от которого начинается выстраивание образцов сверху вниз, достигая самый последний и самый отличный от А образец. Он называется тип В. Формы, промежуточные между точками, А и В должны быть отнесены к типу, с которым они наиболее сходны. А если в этом ряду установить точки X и Y, то точки А и В окажутся промежуточными формами. Так Форд выделяет «типичные» и «промежуточные» формы. Им же предлагается выделять на памятнике распространённость керамического материала «лесенками», которые определяют частоту встречаемости того или иного типа материала по слоям. Каждая

[1] *Orton C., Hughes M.* Pottery in archaeology. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 340 p.

«лесенка» наносится на общий стратиграфический план и получается разбивка того или иного материала по стратиграфической хронологии. Этот метод мог применятся и для ЭВМ[1].

Работник Кембриджа Дэвид Л. Кларк (1937-1976) использовал математические модели в компьютере, стараясь усовершенствовать возможности типологического подхода. В 1962 году выходит его статья «Матричный анализ и археология (применительно к британской керамике кубков». Основной алгоритм его работы таков: была разработана система признаков, где каждый признак, например, форма сосуда, распадался на пять соотношений, например, выражавшихся через диаметр тулова, каждое соотношение делилось на диапазоны. К этим пяти признакам добавлялись еще семь для описания форм венчика и углов профиля. Было разработано десять категорий декоративных мотивов, шесть типов орнамента на сосуде. В итоговом варианте, каждый целый сосуд описывался более чем 39 параметрами, а при сочетании этих признаков получались миллионы типов, которые вручную определить и расписать было бы практически невозможно. Для решение этой проблемы был использован компьютер EDSAC 2, в который на лентах загрузили данные по каждому сосуду. Изначально компьютер выдал несортированную матрицу встречаемости признаков, а затем, отсортировав ее на ячейки с более высокой встречаемостью, сгруппировав их в колонки, выдал «карту» скоплений признаков или их отсутствие. Кларк проанализировал эту матрицу и сделал несколько интересных выводов. Во-первых, четко было установлено, что типы не могут быть четко разграничены, вместо скоплений, на «карте» был виден спектр с определенными зонами концентрации. Из 760 целых сосудов с конкретными установленными ранее для этой культуры типами (A, B, C) можно было связать около 300. Были сделаны и несколько иные выводы: так, оказалось, что сосуды типа A, ранее считавшиеся заимствованными из Европы, были созданы в Британии, так как их признаки встречаются в матрице с самого начала[2].

Важнейшей работой по интеграции упомянутых методов стала статья 1964 года американских археологов Лесли Г. Фримана и Джеймса А. Брауна «Компьютерный анализ частоты встречаемости керамических типов с Картер-Ранч, Восточная Аризона». Керамическая коллекция с памятника в Восточной Аризоне составляла несколько тысяч единиц, находящихся на хранении в Чикагском университете с 1961 года. Для обработки материала был использован множественный линейный регрессионный анализ, работа велась на компьютере UNIVAC, что само по себе было новшеством для археологии того времени. Исследователи поставили под сомнение традиционное объяснения различий между типами керамики только хронологией, и предложили различать три источника происхождения различий – хронологический, функциональный и ошибку выборки (не являются репрезентативными для анализируемых групп населения). Работа далее велась в рамках 14 существующих типов керамики пуэбло, образцы на поселении были отобраны из полов жилищ (18) и засыпок других помещений (10). На компьютере был запущен корреляционный анализ частот, который, построив матрицу, показал, что в жилищах встречается керамика определенного вида (столовая, кухонная) и нескольких типов, входящих в нее, а в сооружениях иного назначения – другого вида и типов. Этот анализ подтолкнул археологов к идее о том, что тип – не просто некая единица сосуда с определенными размерами и внешним видом, но и вещь, несущая в себе функциональное назначение сосуда[3].

---

[1] *Форд Д.А.* Количественный метод установления археологической хронологии // СЭ – 1962 – № 1. – С. 134.

[2] *Clarke D.L.* Matrix Analysis and Archaeology with particular reference to British Beaker Pottery // Proceedings of the Prehistoric Society. – 1962. – Vol. 28. – Pp. 371-382.

[3] *Brown J.A.,* Freeman L. G. A Univac Analysis of Sherd Frequencies from the Carter Ranch Pueblo, Eastern Arizona // American Antiquity. – 1964. – Vol. 30, No. 2. – Pp. 162-167.

Профессор Лондонского университета археологии Клайв Ортон (р. 1948) использовал статистические и компьютерные методы в своей работе «Керамическая продукция из романо-британских гончарных комплексов: статистические данные из Хайгет-Вуд», вышедшей в 1970 году. В статье анализируются около двух тонн фрагментарного керамического материала. Первым проводилось измерение диаметра и угла наклона венчика, после чего вся выборка делилась на 5 типов. Для сравнения диаметров венчиков на ЭВМ был применен критерий Колмогорова-Смирнова, чувствительный к работе с графиками для анализа вероятностных распределений. Венчики внутри типов были разбиты на несколько групп – стабильные (менее 6 дюймов, но доля которых составляла 15%) и вариабельные (более 6 дюймов, доле колебалась от 0% до 16%). Исследователем была также предпринята попытка через компьютерное сравнение углов наклона губы горшков с отогнутыми венчиками выявить результаты работы одного мастера. Изделия группы людей, имевшей сходные навыки, идентифицировались Ортоном так: «одинаковые углы наклона венчика в одних формах, но при возможности разных размеров самих сосудов». Позже 2 выделенные группы мастеров ученый сравнил и выявил, что группа 1 занималась только кухонную посуду (горшки и кувшины), а другая столовую (миски и блюда). Также им было введено понятие «модель выживаемости», которая установила связь между количеством найденных целых фрагментов сосудов и керамического брака[1]

Этим же ученым в 1985 году была опубликована статья «Два полезных параметра в исследовании керамики». Исследователь показал, что традиционно типологический подход ориентирован был только на разбитие коллекции на мелкие части, с чем могут помочь количественные методы. Количественные показатели в этом исследование могут быть разделены на два – раздробленность и сохранность. Разбитость – это отношение количества фрагментов керамики к всему объему материала в условных единицах. Она показывает, среднее число фрагментов, на которое могла распадаться условная единица, что упрощает отнесение разных фрагментов к одному типу целого сосуда. Сохранность – это отношение условных единиц общего объема к среднему количеству. Оба параметра рассчитываются исследователем с помощью компьютерных алгоритмов, создаются базы данных. С помощью этих двух параметров Ортон также смог выделить стратиграфические слои Дьявольского рва: первый, второй и третий слой[2].

В 1976 Манчестерский профессор Джон Райли работал над количественной оценкой римской керамики Средиземноморья и разработал для этого компьютерную программу. Анализируемая керамическая коллекция состояла из 80000 керамических фрагментов римского времени, которые происходили из работ Мичиганского университета на Карфагене в 1975 году. Используя систему доктора Хайса при раскопках Карфагена фрагменты керамики сортировались по типам, а также на венчики, донца, плечики и тулова (R, B, H, S)[3]. В результате была разработана программа «РОТ» на компьютере CDC 7600, которая должна будет вычислить общий «вес» венчиков, донец, плечиков в керамической коллекции и их количество в каждом типе и слое. Общий вес фрагментов тулова был значителен в каждом типе и слое и не давал каких-то существенных отличий в статистике. Само приложение может комбинировать керамику по датам и от нижнего слоя к верхнему. Каждому фрагменту мог присваиваться номер. Программа может проводить анализ 20 слоев, в каждом из которых может находиться 500 типов фрагментов или 80 слоев и 125 типов[4]. РОТ может быть использован археологами, работающими на

[1] *Orton C.R.* The production of pottery from a Romano-British kiln site: A statistical investigation // World Archaeology. – 1970. – Vol. 1, No. 3. – Pp. 343–358.
[2] *Orton C.R.* Two useful parameters for pottery research // Computer Applications in Archaeology 1985. – London: Institute of Archaeology, University of London, 1985. – Pp. 114-120.
[3] *Riley J.A.* The Carthage System for the Quantification of the Pottery // University of Michigan Excavations at Carthage / ed. J. H. Humphrey. – Tunis: Ceres Publications, 1976. – Vol. 1.
[4] *Riley J.A.* Quantification of Roman pottery of the Mediterranean // Computer Applications in Archaeology. – 1976. – Pp. 53-57.

совершенно различных памятниках, например для установления распространения амфор в Средиземноморье[1].

Эволюция типологического подхода к анализу керамики прошла путь от ручной фиксации морфологических признаков до внедрения количественных методов и вычислительной техники в 1960–1980-е годы. Матричный анализ и машинная обработка данных, применённые Д. Л. Кларком, а также множественная регрессия и специализированные программы позволили перейти от простых типологий к пониманию керамического материала как непрерывного спектра изменчивости, где вариации обусловлены не только хронологией, но и функцией, технологией производства и ошибками выборки. Можно сказать, что компьютерные методы перевели типологический подход на уровень формализованного, статистически обоснованного анализа массовых керамических коллекций, открыв возможность для идентификации мастерских, реконструкции производственных процессов и более точной стратиграфической датировки.

TYPOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF CERAMIC MATERIAL IN ANGLO-AMERICAN ARCHAEOLOGY: INTEGRATION OF QUANTITATIVE AND COMPUTER METHODS IN THE 1960S–1980S

A. S. Scherbinin
Belgorod State National Research University

The typological approach to ceramic analysis, initially developed by Pitt-Rivers and applied by Evans, Woolley, and Schliemann, relied on manual description and visual classification. The 1960s-1980s saw a “microcomputer revolution” that introduced quantitative methods, with Ford formalizing frequency-based seriation and Clarke applying matrix analysis via EDSAC 2 to reveal continuous trait spectra rather than discrete types. Subsequent work by Freeman and Brown, Orton, and Riley employed multivariate statistics (regression analysis, Kolmogorov–Smirnov test) and specialized software (e.g., program POT) to distinguish chronological, functional, and sampling sources of variability, as well as to identify artisan groups and quantify fragmentation rates. Ultimately, computational methods did not abolish typology but transformed it into a formalized, statistically robust framework for analyzing large ceramic assemblages.

Key words: ceramic typology, quantitative methods, computer applications in archaeology, matrix analysis

[1] *Riley J.A.* The Pottery from the First Session of Excavation in the Caesarea Hippodrome // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. – 1975. – № 218. – Pp. 25-63.

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО НАЧАЛА XVIII ВЕКА

УДК 94

ОТРАЖЕНИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ НА ПРИМЕРЕ ГЛАВНОГО ХРАМА ПРАВОСЛАВИЯ – СВЯТОЙ СОФИИ В X-XI ВВ.

Д. С. Козинский
Научный руководитель – к. и. н., доц. В. С. Кулабухов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1729832@bsu.edu.ru

Библия – собрание книг, составляющих Священное писание христианства. Состоит из Ветхого и Нового заветов[1].

Новый завет является основным источником вероучения о евхаристическом богослужении, а также о проповеднической деятельности и поучениях ставленников Иисуса Христа – апостолов[2], которым отводится наибольшие внимание в составе собрания книг Нового завета.

В духовной литературе можно найти информацию о том, что избранные и установленные Христом во время его земной жизни, двенадцать учеников становятся апостолами в день Пятидесятницы[3], во время которой на каждого из апостолов сошел Святой Дух. Именно с этого дня апостольская церковь была наделена всеми дарами, необходимыми для нравственного возрождения мира – это, так называемые, духовные дары – особые действия и проявления Святого Духа в верующих ради общественного блага[4].

В специализированной литературе можно встретить информацию о том, что Иисусом Христом перед Апостолами была поставлена задача: принести свет Евангелия всем народам Вселенной на их собственных языках, и в первую очередь племенам Иафетовым[5].

Таким образом, обещание, данное Христом о Церкви (и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь) исполнилось в Евхаристическом собрании двенадцати учеников. В поставленных Иисусом Христом лицах, актуализировалась Церковь, в которой они в момент сошествия Святого Духа стали апостолами. Это самый значимый момент в истории Церкви, и этот момент связан с двенадцатью избранниками Господа[6].

По библейским канонам, исключительное положение апостолов в жизни Церкви обусловлено было их служением, с помощью которых создаются все новые христианские общины, для управления храмами апостолы привлекают помощников – диаконов, которых выбирают сами верующие из наиболее достойных[7]. В последствии Церковное сознание выразило эту мысль в формуле «апостольская церковь», которая в свою очередь распространилась далеко за пределами Палестины.

В научных работах как светских, так и духовных исследователей, отмечают тот факт, что судьба любой страны определяется многими факторами: во-первых, это природно-климатические условия и особенности географической местности, во-вторых,

---

[1] Христианство: Словарь / Под общ. ред. Л.Н. Митрохина и др. – Москва, 1994. – С. 54.
[2] *Там же.* – С. 313-314.
[3] *Церковь Духа Святого* / Прот. Николай Афанасьев. – Киев, 2010. – С. 184.
[4] *Шафф Ф.* История христианской церкви. Т. 1: Апостольское христианство (1-100 г. по Р.Х.). – СПб., 2007. – С. 294.
[5] *Болотин Л.Е.* Странствия по времени. Древняя Русь сквозь призму «Повести Временных Лет». Кн. – Москва, 2015. – С. 200.
[6] *Церковь Духа Святого.* Указ. Соч. – С. 183-184.
[7] *Писманик М.Г.* Религия в истории и культуре. – Пермь, 1995. – С. 278.

это внешняя безопасность государства, в-третьих, это геополитические факторы, в-четвертых, это роль религии, а также другие факторы[1].

Так, ряд исследований отмечают, что огромное влияние на становление российской государственности оказало принятие христианства в 988 г[2]. Однако крещение Руси, которое произошло при св. князе Владимире, отнюдь не было первым знакомством Руси с православием. К этому времени уже была подготовлена почва для скорого распространения Православия среди русского народа[3].

Во-первых, необходимо отметить известное предание о проповеди святого апостола Андрея Первозванного, помещенное в летописный свод Руси. Согласно преданию, Святой апостол проповедовал на Таврическом полуострове, потом по Днепру поднялся на север и дошел до места, где в последствии возник Киев. «Верьте мне, – сказал апостол своим ученикам, – что на этих горах воссияет благодать Божия: здесь будет великий город. Господь просветит эту землю святым крещением и воздвигнет здесь много церквей»[4]. Анализ летописного текста говорит о том, что далее Святой апостол дошел до Новгорода. Здесь в славянских краях его удивили бани, о которых он рассказывал, когда пришел в Рим[5].

Во-вторых, как в своих работах отмечал выдающийся археолог и историк Б.А. Рыбаков, в Киеве уже давно было известно христианство и его основные догмы, так приспособленные к нуждам феодального государства. В начале X века в Киеве была уже церковь святого Ильи, христианского двойника Перуна. Ко времени Святослава и Владимира существовала значительная христианская литература в соседней Болгарии, написанная на старославянском языке, вполне понятном для всех русских[6].

В-третьих, нельзя не отметить деятельность княгини Ольги, первой из правителей Киевской державы она приняла крещение, навсегда войдя в русскую историю как «предтеча» христианской Руси, как «денница» – утренняя звезда, предвещающая будущий восход солнца христианской веры[7].

В литературе, посвященной археологии древней Руси, отмечают, что древний Киев пережил три основных этапа развития: первый – конец V-VIII вв., второй – IX-X вв., третий – XI-XIII вв.

Для первого этапа характерно выдвижение Киева на одно из ведущих мест в восточнославянском мире. Основанная в конце V в. князем Кием крепость на Старокиевской горе становится центром Полянского княжения, а затем всего Поднепровья.

На втором этапе Киев превращается в столицу огромного феодального государства восточных славян. Как политический и экономический центр он в IX-X вв. становится уже известным далеко за пределами восточнославянских земель[8]. Уже на этом этапе видна огромная роль как светских, так и духовных деятелей государства в сохранении и развитии идей апостольской церкви. Так, в исторических источниках, есть известия, что княгиня Ольга строила церкви, именно – что она построила церковь святой Софии в Киеве

---

[1] *Сенин А.С.* История российской государственности: Учеб. Пособие для студ. сред. спец. учеб. заведений. – Москва, 2003. – С. 9- 10.

[2] *Там же.* – С. 13.

[3] *Петрушко В.И.* История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества: учеб. пособ. – Изд. 2-е. – Москва, 2007 – С. 3.

[4] Биографический словарь миссионер Русской Православной Церкви. Автор-составитель священник Сергий Широков. – Москва, 2004. – С. 19.

[5] *Виноградов А.Ю.* Андрей Первозванный: Опыт небиографического жизнеописания. – Москва, 2013. – С. 395.

[6] *Рыбаков Б.А.* Рождение Руси. – Москва, 2003. – С. 182.

[7] *Карпов А.Ю.* Княгиня Ольга. – 2-е изд. – Москва, 2012. – С. 5.

[8] Археология Украинской ССР. Раннеславянский и древнерусский периоды / В.Д. Баран, Р.С. Орлов, П.П. Толочко и др. – Киев, 1986. – Т. 1. – С. 271-272.

и, что будто она оставила деньги на построение церкви святой Троицы в Пскове, которой при ней, по подлежащему сказанию, еще не существовало и явилось уже после[1].

В XI-XIII вв. Киев достигает вершины своего развития. В этот период возводятся многочисленные каменные постройки, отдельные районы Киева обносятся мощными укреплениями, высочайшего развития достигает экономика и культура, значительно вырастают размеры города и количество населения[2]. Так, вышеупомянутая, первоначальная София Киевская была деревянной, и лишь несколько лет спустя Ярослав Мудрый начал возводить на ее месте монументальный каменный храм[3].

Как отмечает ряд духовных исследователей, одним из основных элементов православного храма является его каноническое построение, прообразом которых были ветхозаветные скинии, которые разделялась на три части: святая святых, святилище и святое людское. Уход за храмом и охрана его лежали на обязанности священников и левитов, которых поставил сам Господь[4].

Впоследствии функции, связанные с выбором священнослужителей и организацией богослужебной жизни, получили свое развитие и институциональное оформление в апостольской Церкви. С развитием христианства, центр православного мира переносится в Восточную империю, тем самым Византия получает право назначения священников и утверждения епископских кафедр.

Главный храм древнерусского государства, принявшего от Византии: христианскую религию, многие культурные достижения и обычаи, должен был подтвердить это[5].

В церковной литературе можно встретить информацию о том, что храмовая архитектура всегда сочетается с ее символической стороной, она олицетворяет видимое изображение высоких духовных истин, образ догмата о Церкви[6].

Так архитектурная композиция Киевской Софии, отражает образное почитание апостольской церкви. Тринадцать куполов различной высоты и ширины венчают храм. Самый большой – центральный. Как отмечает ряд историков, тринадцать центральных куполов храма, покрытые листовым свинцом, символизировали Христа и двенадцать апостолов[7].

В специализированной литературе можно встретить информацию о том, что стены собора были украшены орнаментальными фризами, вплетенными в рисунок кирпичной кладки, нишами в виде уступов, а также оконными и дверными проемами. Храм был достаточно нарядным и ярким благодаря чередующимся слоям кирпича и розовой цемянки[8].

Важное место в композиции Софийского собора занимают хоры. Эти большие помещения, расположенные во втором ярусе, предназначались для князя и его придворных. Высоко поднятые над полом, они отделяли князя, его семью и свиту от народа, вознося их над головами людей и подчеркивая божественное происхождение княжеской власти[9].

Сохранение памяти об апостольской церкви нашло свое отражение и в иконописной и фресковой живописи Киевской Софии, которые дошли до нас хотя и не целиком, но и в настоящем виде поражают своей грандиозностью[10].

---

[1] *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. – Т. 1. – Ч. 1. – Москва, 1901. – С. 80.
[2] *Баран В.Д., Орлов Р.С.* Указ. Соч. – С. 272.
[3] *Губарева М.В., Низовский А.Ю.* 100 великих храмов мира. – Москва, 2000 – С. 399.
[4] *Кеслер М.Ю.* Православные храмы. В трех томах. Том 1. Идея и образ. – Москва, 2004. – С. 93.
[5] *Овсянников Ю.М.* Рассказы об архитектуре. – Москва,1984. – С. 68.
[6] *Кеслер М.Ю.* Указ. Соч. – С. 11.
[7] *Овсянников Ю.М.* Рассказы об архитектуре. – Москва,1984. – С. 68.
[8] Популярная история архитектуры / Авторы-сост. К.А. Ляхова, Г.В. Дятлева, и др. – Москва, 2001. – С. 168-169
[9] *Там же.*
[10] *Ильина Т.В.* История искусств. Русское и советское искусство. – Москва, 1989. – С. 12.

В научной литературе встречается информация, что в куполе сохранился мозаичный образ Вседержителя по грудь, сохранился образ одного из четырех архангелов, в четырех углах под куполом были изображены – четыре евангелиста, а внутри арок, держащих купол – 40 мучеников[1]. Особое место занимают изображения, посвященные ученикам Иисуса Христа. Ниже в простенках, между окон купола, были изображены 12 апостолов, в Киевской Софии возникает еще один тип изображений, посвященый как бы самой сути Тайной вечери, а именно – «раздаяние» учениками хлеба и вина, причащение их телом и кровью Иисуса Христа, которое стало прообразом причастия все верующих – главного таинства церкви[2].

Как отмечает ряд духовных исследователей, в последствии идея апостольской церкви получает свое отражение и в других городах Древней Руси. Так, надо сказать, что те же мастера, что строили Софию Киевскую, принимали участие в строительстве Софийского собора в Новгороде, сооруженного в 1045-1055 гг., так же во многом близок Новгородской Софии пятинефный Софийский собор в Полоцке (середина XI в.), техника кладки которого аналогична киевской[3].

Таким образом, на основании вышесказанного необходимо сделать следующие выводы:

Во-первых, необходимо сказать, создание первых апостольских церквей было связано непосредственно с деятельностью учеников Иисуса Христа, которых он избрал во время своей земной жизни. Свое учение Христос лишь однажды вверил людям – и именно апостолам. Но свою благодать Спаситель дает не только первохристианинам апостолам, но и христианам иных поколений и это значит, что Христос подарил нам Церковь[4].

Во-вторых, сначала на Руси, а впоследствии и в России особой популярностью служило известие оп проповеди Святого апостола Андрея Первозванного, который впоследствии стал почитаться как покровитель Руси. Впоследствии данное почитание нашло отражение в архитектуре, иконописной и фресковой живописи, в фалеристике, в вексиллологии, в сфрагистике и в других исторических дисциплинах.

В-третьих, деятельность как светских, так и духовных деятелей Руси, способствовала укоренению апостольских идей в культурной, политической и духовной жизни древнерусского общества, подготовив почву для становления христианской государственности.

В-четвертых, Софийский собор в Киеве как главный храм древнерусского государства стал наглядным воплощением идей апостольской церкви: его архитектура, мозаики и фрески отражали основные догматы христианства, а сам храм выполнял не только религиозные, но и общественно-политические функции, оказывая значительное влияние на дальнейшее развитие культуры и храмового строительства Руси.

REPRESENTATION OF THE BIBLICAL TRADITION IN THE FORMATION OF THE APOSTOLIC CHURCH: THE CASE OF THE MAIN CHURCH OF ORTHODOXIA, SAINT SOFIA, IN THE 10TH AND 11TH CENTURIES

D.S. Kozinsky
Belgorod State National Research University

This article examines the formation and significance of the apostolic Church as rooted in the New Testament tradition and the mission of the apostles. It explores the spread of Christianity to Kievan Rus', highlighting key historical, religious, and cultural factors that contributed to its establishment, including early missionary activity and the role of prominent rulers. Particular attention is given to the influence of apostolic ideas on the development of church institutions, architecture, and spiritual life. The study

[1] *Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 4-е изд., доп. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 164-165.
[2] *Барская Н.А.* Сюжеты и образы древнерусской живописи. – Москва, 1993. – С. 93.
[3] *Ильина Т.В.* Указ. Соч. – С. 10.
[4] *Кураев А.В.* Дары и анафемы: Что христианство принесло в мир? – 5-е изд. – Москва, 2024. – С. 416.

emphasizes the symbolic and political importance of Saint Sophia Cathedral in Kyiv as a manifestation of apostolic doctrine and a center of religious and state identity.
Keywords: apostolic Church, Saint Sophia Cathedral, apostles, church architecture

УДК 94

ОБРАЗ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА В ПАМЯТНИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕРАЛЬДИКИ

К. В. Краплин
Научный руководитель – к. и. н., доц. В. С. Кулабухов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1630459@bsu.edu.ru

На протяжении трех столетий отечественная историческая наука развивалась, породив нынешнюю систему вспомогательных дисциплин. Эта система демонстрирует тенденцию к постоянному росту: число таких дисциплин достигло уже более шестидесяти предметов исследования. Примечательно, что некоторые из них, благодаря глубокому исследованию их проблематики и методологии, выходят за рамки чисто вспомогательных и становятся самостоятельными областями знания, что позволяет называть их специальными[1].

Вклад специальных исторических дисциплин является неотъемлемой частью формирования современного научного исторического знания, базирующегося на исследованиях в разнообразных отраслях исторической науки [2].

В нашем обществе заметно усилился интерес к исторической символике, к знакам российской государственности. Параллельно с этим, сама идея государственности становится предметом более пристального внимания и проникает в общественное сознание, в том числе через образование. Государственность и ее символы, тесно связанные с государственной системой и идеологией, эволюционируют вместе с развитием самого государства [3].

Слово "символ", имеющее древнегреческие корни, несет в себе целый спектр значений. В контексте государственных символов, таких как герб, флаг и гимн, оно обозначает условное изображение или знак, который воплощает в себе определенный образ, идею или понятие. Словарь В. И. Даля дает емкое определение «символа» как «полной картины или сущности, выраженной кратко, в словах или знаках». Важно понимать, что каждый из трех ключевых государственных символов – герб, флаг и гимн – имеет свое уникальное значение и богатую историю. За ними стоит многовековое прошлое России, и в них отражены важнейшие этапы и перемены, которые пережила страна [4].

Герб – отличительный знак государства. Он служил наглядным средством выражения идей, доминировавших в государственной политике в момент его создания, отражая политическую ориентацию правительства, его внутренние цели и внешнеполитические планы [5].

Постижение истоков национальной символики, из лона которой явился краеугольный символ нашего Отечества, его генезиса и самобытного становления, возможно лишь через призму осознания феномена великорусской геральдики. Ибо

[1] *Абрамова Н.Г.* Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. Пособие для студ. высш. Заведений. – Москва, 2008. – С.3.
[2] *Указ*. Соч.– С.5.
[3] *Соболева Н.А.* Очерки истории Российской символики: От тамаги до символов государственного суверенитета. – Москва, 2006. – С. 67.
[4] *Соболева Н.А.* Символы и святыни Российской державы – Москва, 2006. – С.3.
[5] *Соболева Н.А.* Старинные гербы российских городов. – Москва, 1985. – С. 20.

именно в этой сакральной сфере народной символики проистекает изначальный генезис каждого герба, являясь ключом к пониманию всей глубины нашего символического наследия [1].

Необходимо также упомянуть о духовно-религиозных истоках нашего Отечества, а именно, о пришедшей к Нам на Русь в X веке новой религии. Христианство изначально было верой князей и их дружин, противопоставляя себя народным верованиям. Это классовое расслоение коренится в дохристианской эпохе, когда княжеские дворы стремились создать особую, надплеменную культуру [2].

Но именно христианство стало тем духовным компасом, который направил развитие самобытной культуры молодого русского государства. Искусство и литература, словно зеркала, отражали в себе представления о свете и тьме, о великом замысле истории, рожденные в лоне христианской веры. Человек же, вырвавшись из вечного круговорота природы, обретал новое измерение своего бытия [3].

Обстоятельства возникновения ключевых элементов российской государственной символики – всадника с копьем и знаменитого двуглавого орла – теряются в глубине исторического прошлого. Важно подчеркнуть, что в период позднего средневековья образ всадника служил олицетворением правящего князя, но, став государственным символом, он неразрывно ассоциировался с образом Великомученика Георгия – одного из самого почитаемого христианского святого [4].

Святой Георгий, представленный как всадник, пронзающий копьем воплощение зла – змея, был одним из самых любимых образов на Руси. Этот светлый воин, чья история упоминается в Писании, в народном представлении был героем, сражающимся с мерзкой тварью. Церковные власти же часто интерпретировали спасаемую им царевну как символ самой Церкви, а змея – как олицетворение язычества. Наши представления о Георгии коренятся в библейских преданиях как о знатном каппадокийце, который во время правления императора Диоклетиана принял мученическую смерть за христианскую веру и был обезглавлен в 303 году н.э. после восьми дней страданий[5].

В литературе встречается информация о том, что святой Георгий стал воплощением сословной чести, служа примером для военной элиты Византии, рыцарства Западной Европы и князей славянских земель. Приходит данный покровитель на Русь в XI векеб как небесный покровитель князей, особенно в их ратных начинаниях. Ярослав Мудрый, сам нареченный Георгием при крещении, внес значительный вклад в прославление своего святого патрона. В Киеве он воздвиг в честь святого придел в величественной Софии Киевской, основал монастырь и заложил город Юрьев, где также возвел Георгиевскую церковь. [6].

Традиционно отдельные элементы государственных символов Византийской империи, в различные исторические периоды переходили на территории разных государств, в том числе и Московского царства. Со времен императора Константина Великого, устанавливали кавалерственные товарищества под покровительством различных святых [7]. Так, например, появился Орден Святого Георгия, относящийся к рангу старейших романо-католических орденов Европы. Первые упоминания о нем окутаны различными легендами, но традиционно учреждение данного ордена приписывают именно императору Константину в 317 году, хотя исторических данных, позволяющих подтвердить данный факт доподлинно, практически не осталось[8].

---

[1] *Силаев А.Г.* Истоки русской геральдики/ А. Г. Силаев. – Москва, 2003. – С. 3.
[2] *Алленов М.М*. Русское искусство XIX-начала XX века. – Москва, 1989. – С. 11.
[3] *Указ*. Соч. – С. 12
[4] *Дегтярев А.Я.* История Российского флага. – Москва, 2000. – С. 27.
[5] *Афонькин С.Ю.* –Все о самых знаменитых орденах мира – Санкт-Петербург, 2008. – С. 140.
[6] *Соболева Н.А.* Символы и святыни Российской державы – Москва, 2006. – С. 10 – 11.
[7] *Ионина Н.А.* 100 великих наград. – Москва, 2002. – С. 3.
[8] *Афонькин С.Ю*. –Все о самых знаменитых орденах мира – Санкт-Петербург, 2008. – С. 106.

В свое время, Петр I, описывая русский герб, опирался на легендарные сведения, которые, по его мнению, объясняют его происхождение: «Сие имеет начало свое оттуду, когда Владимир, монарх российский, свою империю разделил 12 сынам своим, из которых Владимирские князи возымели себе сей герб с. Егория, но потом ц. Иван, когда монархию, от деда его собранную, паки утвердил и короновался, тогда орла за герб империи российской принял, а княжеский герб в груди оного поставил». Таким образом, Петр I подчеркивает, что русская эмблема – всадник, сражающий дракона – является древней и имеет глубокие исторические корни[1].

Достаточно своеобразные изменения в государственной геральдике произошли в годы правления Александра III, который высочайшим указом 24 июля 1882 года утвердил «Герб империи», так называемый большой герб[2].

Следуя геральдическому описанию, т.е. блазонированию данного герба, следует отметить, что в центре геральдического построения находится золотой щит, на котором изображен черный двуглавый орел, увенчанный тремя императорскими коронами: двумя меньшими и одной большей над ними, украшенной лентой Андреевского ордена. В лапах орел держит золотые скипетр и державу. На груди орла расположен герб Москвы: в красном щите с золотой каймой изображен Святой Георгий Победоносец в серебряных доспехах и синей мантии, который скачет на серебряном коне, покрытом пурпурной тканью с золотой бахромой, и поражает золотого дракона с зелеными крыльями золотым копьем, увенчанным восьмиконечным крестом [3].

Таким образом можно сделать выводы о том, что, во-первых, именно этот святой тесно связан с развитием русской государственности. Хотя образ Драконоборца присутствует на гербах многих стран, только Россия на протяжении своей долгой истории почти постоянно использует его в своей государственной символике [4].

Во-вторых, государственная символика использует данный образ в своей геральдической практике, что отражается на гербе Российской Федерации, в большей степени повторяющей данные изображения на Большом Императорском гербе 2-й половины XIX века.

THE IMAGE OF THE GREAT MARTYR GEORGE THE VICTORIOUS IN THE MONUMENTS OF NATIONAL HERALDRY

К. V. Kraplin
Belgorod State National Research University

Modern historical education aims to teach students to work independently with diverse historical sources, critically evaluate them, and extract relevant information. Auxiliary historical disciplines such as paleography, metrology, chronology, and of course, heraldry, are actively employed for conducting source criticism.

Key words: Heraldry, symbol, Great Martyr, sign.

[1] *Соболева Н.А.* Старинные гербы российских городов. – Москва, 1985. – С. 17-18.

[2] Герб, флаг и гимн России: Изучение государственных символов Российской Федерации в школе. Методические рекомендации / сост. *М. К. Антошин*. – Москва, 2003. – С. 34.

[3] *Левандовский А.П*. В мире геральдики. – Москва, 2008. – С. 173-174.

[4] *Соболева Н.А.* Очерки истории Российской символики: От тамаги до символов государственного суверенитета. – Москва, 2006. – С. 67.

УДК 94(47)

ХРИСТИАНСКАЯ ЖЕРТВЕННОСТЬ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ПРИНЦИПА НАСЛЕДОВАНИЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО СТОЛА В XI В.: НА ПРИМЕРЕ БОРИСА И ГЛЕБА

В.С. Малышева, О.Е. Черникова
Научный руководитель – к. и. н., доцент В.С. Кулабухов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
malysheva.victoria07@mail.ru, chernikova-olga06@yandex.ru

Любая религиозная система предполагает наличие определенных правил либо канонов в ее сохранении и поддержании религиозных традиций. В свою очередь, на сегодняшний день, согласно христианской терминологии, под жертвенностью понимается готовность жертвовать чем-либо, самоотречение ради исполнения заповедей о любви к Богу и ближнему. Наивысшими формами проявления жертвенности являются смерть за ближних и мученичество за веру[1].

В церковной традиции Древнерусского государства уже на начальном этапе ее существования были известны случаи такого самопожертвования ради сохранения стабильности и прекращения княжеских междоусобиц, которые были достаточно распространенными, – на примере борьбы старшего сына Владимира I Святополка Ярополковича (Владимировича) со своими братьями.

Младшие братья вышеназванного князя в лице Бориса и Глеба пострадали от рук старшего и стали первыми канонизированными святыми Русской Церкви, первыми ее чудотворцами и признанными небесными молитвенниками «за новые люди христианские»[2].

Главным критерием для канонизации является наличие чудес[3], поскольку основная функция святых заключается в чудотворении[4]. Всего известно два чуда до канонизации Бориса и Глеба, но они не составляют главного содержания их житий, которые дошли до нас: летописная повесть под 1015 г., «Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», принадлежащее перу Нестора Летописца (конец XI в.), и «Сказание, страсть и похвала св. мучеников Бориса и Глеба»[5].

Стоит отметить, что церковь причислила убиенных братьев к лику страстотерпцев, поскольку они со смирением приняли насильственную смерть в междоусобной борьбе[6].

Первую попытку официальной канонизации св. Бориса и Глеба предпринял в 1026 году легендарный инициатор Ярослав Мудрый[7], который глубоко чтил память своих убиенных братьев.

Традиционно известно, что тела князей-страстотерпцев после их смерти были перенесены в Вышгород, где была выстроена часовня в честь этих убиенных людей.

В свою очередь, восточная церковь, то есть православная, не установила четкого порядка причисления к лику святых[8], поэтому каждое перенесение мощей св. Бориса и Глеба рассматривается исследователями как акт канонизации[9].

---

[1]Жертвенность [Электронный ресурс] // Энциклопедия православного портала «Азбука веры». – URL: https://azbyka.ru/zhertvennost (Дата обращения: 12.04.2026).
[2]*Федотов Г.П.* Святые Древней Руси / Предисл. Д.С. Лихачева и А.В. Меня. Коммент. С.С. Бычкова. – Москва, 1990. – С.40.
[3]*Там же.*
[4]*Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. – Москва, 1996. – С. 75.
[5]*Федотов Г.П.* Указ. соч. – С.41.
[6]Страстотерпцы [Электронный ресурс] // Энциклопедия православного портала «Азбука веры». – URL: https://azbyka.ru/strastoterpcy#literature (Дата обращения: 12.04.2026).
[7]*Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). – Москва, 1986. – С.21.
[8]*Мень А.* Православное богослужение. Таинство, Слово и образ. – Москва, 1991. – С. 76.
[9]*Хорошев А.С.* Указ. соч. – С. 17.

Первые русские жития убиенных князей наполнены вниманием к насущным проблемам современности, поскольку древнерусская литература была призвана утвердить историческое и политическое единство рода древнерусских князей, обличить княжеские распри[1].

Анализируя содержание агиографий[2], стоит отметить, что только Нестор Летописец сообщает некоторые сведения о жизни святых князей до их убийства. «Сказание» выступает как религиозное осмысление вольной жертвенной смерти братьев. Оно показывает, что не благочестие князей в мирской жизни, а только их смертный подвиг остался в памяти народа[3].

Следовательно, для причисления усопших подвижников к лику страстотерпцев[4] необходимо было наличие следующих оснований: жизнь и подвиг, чудеса и в некоторых случаях нетление мощей, которое в Древней Руси не требовалось от каждого праведника[5].

В рассмотренной нами источниковой базе неоднократно выделяется, что Владимир, будучи язычником, был многоженцем. У него, согласно его житиям, было 12 сыновей. Среди них особое место занимали Борис и Глеб, которых считают любимыми его сыновьями от христианки болгарыни[6]. В то же время существует версия, согласно которой Владимир мог считать законными только Бориса и Глеба, так как их матерью, по свидетельствам Иоакимовской и Тверской летописи, была византийская царевна Анна Романовна[7].

Чтобы более конкретно разобраться в событиях, приведших к смерти братьев, надо проанализировать источник, который бы дал субъективную картину действий, происходивших после смерти Владимира I.

Согласно «Повести временных лет», в 1012 году Святополк, его супруга и епископ Рейнберн, были арестованы и заключены под стражу. Поводом для ареста стал заговор, направленный на захват власти в Киеве. Немаловажную роль в этом сыграл епископ Рейберн, подстрекавший Святополка к восстанию. Современник событий Титмар Мерзебургский в своей хронике писал, что одной из целей заговора было отторжение Руси от союза с Византией и восточного православия[8]. Владимиру пришлось освободить Святополка и его супругу для сохранения мира с польским королевством.

В 1014 году произошло обострение отношений между князем Владимиром I Святославичем и его сыном Ярославом Новгородским, вызванное отказом платить дань. Обе стороны конфликта уже начали приготовления к войне, когда в 1015 году Владимир неожиданно сильно заболел. В это же время на южные рубежи Руси напали печенеги. Командование великокняжеской дружиной князь поручил Борису, а сам вскоре, 15 июля 1015 года, скончался[9].

Согласно анализу исследования, приближенные князя, по всей видимости, хотели утаить смерть Владимира от старшего сына, однако этого сделать не удалось. Святополк Владимирович воссел на великокняжеский престол, но киевляне его не принимали. Видя непрочность своего положения на киевском столе, он решился на убийство своих братьев.

Летописец Нестор в «Повести временных лет» упоминает, что известие о смерти отца настигло Бориса Ростовского по возвращении из похода[10]. Отказавшись от

---

[1]Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В.И. Новиков. – Москва, 1988. – С. 83.
[2]Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник / О.М. Анисимова, В.В. Кусков; М.П. Одесский, П.В. Пятнов. Под ред. В.В. Кускова. – Москва,1994. – С. 45.
[3]*Федотов Г.П.* Указ. соч. – С.42-43.
[4]*Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. – М., 1994. – С. 35.
[5]*Федотов Г.П.* Указ. соч. – С.37.
[6]*Поппэ А.* Святые венценосцы: как возник культ Бориса и Глеба // Родина. – 2002. – № 11 – 12. – С. 92.
[7]*Архимандрит Никон (Лысенко).* Очерки по истории церкви Древней Руси. – Ростов-на-Дону, 2009. – С.146.
[8]Древняя Русь в свете зарубежных источников / Е. А. Мельникова и др.; под ред. Е.А. Мельниковой. – Москва, 2003. – С. 270.
[9]*Архимандрит Никон (Лысенко).* Указ. соч. – С.144.
[10]*Архимандрит Никон (Лысенко).* Указ. соч. – С.146.

предложения дружинников занять киевский престол, он остался у реки Альты, где на него было совершено нападение. Что примечательно, когда тело Бориса привезли в Вышгород, Святополк, увидев, что его брат был всё еще жив, приказал пронзить сердце еще дышащего князя мечом.

Традиционно известно, что в Библейской традиции братоубийство встречается у детей Адама и Евы, Авеля и Каина, поводом для конфликта которых стала жертва Богу. Нестор соотносит личности Бориса и Святополка с этими библейскими образами. Так, например, прозвище Святополка «окаянный» указывает нам, что человек, им обладающий, совершил грех Каина[1].

Следующей жертвой братоубийственной войны стал муромский князь Глеб. Он узнал о болезни отца и отправился в Киев. Ярослав, пытаясь предотвратить убийство, послал к нему посла с вестью о смерти отца и брата и просил не ехать в Киев[2]. Но 5 сентября 1015 года Глеб был убит. Интересно сравнение Глеба летописцем с непорочным ягнёнком, принесённым в жертву Богу[3].

После смерти Глеба его сестра Предслава предупредила братьев об угрозе убийства от рук Святополка Окаянного[4]. Святослав, узнав об этом, предпринял попытку спастись бегством в Венгрию, но был настигнут и лишен жизни посланными убийцами.

В свою очередь, новгородский князь Ярослав Владимирович во главе новгородского войска пошел войной на своего брата Святополка. Осенью 1016 года у города Любеча произошла битва, в которой Окаянный был разбит и бежал в Польшу, а Ярослав вошел в Киев и сел на великокняжеский стол[5]. В 1018 году Святополк Владимирович возвратился с польским войском, разбил Ярослава в битве при реке Буг и изгнал его из города. В 1019 году произошла битва при Альте, Ярослав одержал победу и окончательно занял киевский стол.

Таким образом, рассмотрев вопрос христианской жертвенности как формы сохранения принципа наследования великокняжеского стола в XI веке на примере Бориса и Глеба, мы можем отметить несколько важных моментов.

Во-первых, в данной истории явно отражен библейский сюжет убийства брата братом за служение Богу, в частности Каином Авеля.

Во-вторых, в повествовании о смерти братьев от руки своего сородича явно прослеживается идея смирения и жертвенности во имя Создателя.

В-третьих, молодому древнерусскому государству были необходимы небесные покровители, которые символизировали достоинство христианской веры, в отличии от языческих варварских законов.

CHRISTIAN SACRIFICE AS A FORM OF PRESERVING THE PRINCIPLE OF INHERITANCE OF THE GRAND DUCAL TABLE IN THE 11TH CENTURY: THE CASE OF BORIS AND GLEB

V. S. Malysheva, O. E. Chernikova
Belgorod State National Research University

The article contains information about the princely feuds between the sons of Vladimir I Svyatoslavovich, in particular the struggle of Svyatopolk the Accursed with his younger brothers. One of them, Boris and Gleb, sacrificed themselves and became the first canonized saints of the Russian Church. Much information about these events is contained in the «Tale of Bygone Years», the «Reading of the Life and Death of the Blessed Passion-Bearers Boris and Gleb», the «Legend, Passion and Praise of the Holy Martyrs Boris and Gleb» and the Chronicle of 1015. It can be noted that the self-sacrifice of Boris and Gleb became a stabilizing factor for preserving the principle of inheritance of the grand ducal table in the 11th century.

[1] *Володихин Д.М.* Рюриковичи / Дмитрий Володихин. – Москва, 2013. – С.49.
[2] *Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси – Санкт-Петербург, 2003. – С. 44.
[3] *Толочко П.П.* Указ. соч. – С. 45.
[4] *Архимандрит Никон (Лысенко).* Указ. соч. – С.149
[5] *Там же.*

Keywords: Christian sacrifice, Boris and Gleb, princely feuds, the grand ducal table, the principle of inheritance.

УДК: 93/94

ВЛИЯНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

С.К. Овчинников
Научный руководитель – к. и. н., доц. В.С. Кулабухов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
serov9332@gmail.com

В современном политическом дискурсе вопрос выбора государственного идеала и стратегического вектора развития страны неизменно обращает исследователей к историческому опыту. Обращение к прошлому позволяет выявить глубинные основания национальной политической культуры и проследить механизмы формирования ключевых государственных институтов.

Со временем тесные торговые связи, благодаря наличию речных систем и принятию крещения по греческому образцу, надолго закрепили следование Русской земли в фарватере византийской политики[1]. Соседние с империей славянские государства активно воспринимали накопленный ею богатый религиозный, культурный и государственный опыт. Восточная Римская империя – ведущее государство раннего Средневековья – воспринималась восточными славянами как некий государственный идеал.

Византийская империя традиционно выступала ориентиром для других государств раннего Средневековья. Она была одним из крупнейших и сильнейших государств Евразии, её действительно не без основания называли, «Мастерской мира». Во-первых, византийское государство обладало уникальной административной машиной[2]; во-вторых, благодаря консервативным тенденциям она отличалась стабильностью и внутренним порядком; в-третьих, мощная армия и крепкий централизованный государственный аппарат обеспечивал безопасность; в-четвертых, империя отличалась высоким уровнем культуры и образования, имела сохраненную с давних времен слаженную систему законов; в-пятых, развитая денежная система, основанная на обращении золотых монет, которые использовались многими странами[3].

Особое значение для восприятия упомянутого выше государства на международной арене имел особое значение престиж и сакральное значение титула её правителя. Общеизвестно, что византийский император со времен Юстиниана I законодательно провозглашался живым образом Бога на Земле[4]. Также в трудах данного императора выражалась концепция взаимодействия церковной и светской власти, она получило свое название «симфония» (греч. Συμφωνία – созвучие, согласие)[5] и предполагала гармоничное взаимодействие светской и духовной властей при верховенстве монарха, чья могущественная власть ограничивалась лишь Законом Божьим.

В свою очередь, идея сильной государственной власти, опиравшейся в своей деятельности на церковь, оказалась привлекательна для многих лидеров удельных

[1] *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. – Москва, 1968. – С. 57.
[2] *Ostrogorsky G.* History of the Byzantine state. – Oxford, 1956. – P. 25.
[3] Нумизматика: Учебник / Под ред. П.Г. Гайдукова, в 2 т. – Москва: Наука, 2025. – Т. 1. – С. 240.
[4] Princeps legibus solutus est // D. 1.3.31 / Дигесты Юстиниана: Избранные фрагменты / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – Москва, 1984. – С. 33.
[5] Симфония // Словарь иностранных слов современного русского языка / Сост. Т.В. Егорова. – Москва,2014. – С. 608.

княжеств в период политической раздробленности XII века. Именно благодаря ей Владимир I сумел укрепить свою великокняжескую власть, и она представлялась правителям как одна из основ политической и экономической стабильности.

Традиционно считается, что эта концепция наиболее ярко воплотилась в политике владимиро-суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского. Его образ в исторических хрониках и отечественной историографии традиционно фигурирует как один из основоположников идеи отечественного самодержавия[1].

Наследие некогда единой могущественной державы Рюриковичей находилось в центре внимания многих новых государственных образований, в том числе на Северо-Востоке Руси. Как следствие, внутренняя политика так называемого владимирского «самовластца» была последовательно направлена на укрепление единоличной княжеской власти и централизацию управления Владимиро-Суздальским княжеством[2].

В ходе её реализации Андрей Юрьевич: во-первых, изгнал младших князей из вверенных им городов; во-вторых, отстранил бояр от активного участия в государственных делах; в-третьих, перенёс столицу удела из старых вечевых центров – Ростова и Суздаля – в молодой город Владимир[3]. Обособившись в специально построенной под свои нужды белокаменной резиденции во Владимире-Боголюбове, князь, по сути, закрепил новый политический порядок, при котором практически вся реальная власть оказалась в его руках.

Говоря о раннем отечественном самодержавии, важно заметить, что «самовластие» на Руси нельзя отождествлять с тиранией или абсолютизировать, поскольку даже власть византийского василевса ограничивали определённые рамки[4]. По этому поводу известный византинист З.В. Удальцова в своё время отмечала, что, обладая неограниченной властью, «император правит на благо подданных и связан с ними обычаями и традициями древних, которые не конституционны, но обязательны…»[5]. Из этого исходит, что границы власти правителя были ограничены нормами морали, традициями и, конечно же, Законом Божиим.

Можно предположить, модель «самовластия», воплощённая Андреем Боголюбским, опиралась не на произвол, а на определённые ценностные ориентиры, во многом восходящие к византийской традиции. Эта связь становится особенно очевидна при обращении к трудам современников эпохи становления древнерусской государственности. В своем труде «Слово о Законе и Благодати» митрополит Иларион в формате сопоставления деятельности правителей Византии и Киевской Руси: византийского василевса Константина Великого с одной стороны и князя Владимира Святославича с другой, довольно чётко выделил главные качества, которыми должен обладать идеальный государь[6]. К ним относится: во-первых, вклад в распространение христианства, во-вторых; приверженность идее самодержавия и особое отношение к Церкви; в-третьих, мудрость.

Опираясь на данные критерии, можно не только сопоставить деятельность императоров Византии и киевских князей, но и проследить её дальнейшее воплощение в политике правителей Северо-Восточной Руси. Исходя из вышеназванных качеств, рассматриваемый нами князь Андрей Юрьевич Боголюбский во многом соответствовал образу идеального правителя, поскольку по свидетельству исторических источников,

---

[1] *Смирнов А.А.* Государство сражающейся нации // Родина. – Москва, 1994. – № 9. – С. 35.

[2] *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XП-XШ вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. – Москва: Академический Проект, 2013. – С. 441.

[3] *Путилов Б.Н.* Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. – Сакт-Петербург, 2000. – С. 271.

[4] *Сильвестрова Е.В*. Императорская конституция в системе греко-римского права V – X вв. н.э. – Москва, 2007. – С. 55.

[5] *Удальцова З.В.* Развитие политической мысли // Культура Византии IV – первая половина VII в. – Москва, 1984. – С. 113.

[6] Митрополит Иларион Слово о Законе и Благодати / Отв. ред. О.А. Платонов. – Москва, 2011. – С. 99.

обладал еще и выдающимися качествами. Так, за мужество и трезвый ум Андрей Боголюбский был прозван «вторым Соломоном»[1]. Князь был очень набожным, много времени уделял чтению книг[2] и храмовому строительству[3]. В результате масштабного каменного строительства были возведены такие шедевры древнерусского зодчество, как: Золотые ворота, Успенский собор и церковь Покрова на Нерли.

В таком контексте интересно заметить, что и на Руси, и в Византийской империи, несмотря на формальное провозглашение данной идеи, на практике правитель мог напрямую влиять на решения Церкви. Например, в Константинополе власть патриарха была менее значимой, хоть он и мог частично влиять на политику страны и уйти в оппозицию монарху[4].

Церковная и идеологическая политика была важной составлявшей внутриполитического курса Андрея. Князь активно способствовал распространению идеи о преимущественном покровительстве Божией Матери Владимирской земле[5], что усиливало сакральный характер его власти. «Самовластец» также вмешивался в сугубо церковные дела, в частности, участвовал в решении сугубо церковного спора о постах, стремился создать независимую от Киева митрополию во Владимире и продвигать лояльных церковных иерархов[6].

Подводя итог, важно подчеркнуть, что обращение к византийскому государственному идеалу сыграло значительную роль в формировании политической культуры и идеологического вектора развития Древней Руси домонгольского периода. Идея сильной государственной власти и симфонии церковной и светской власти с некоторыми изменениями была воспринята и адаптирована к реалиям второй половины XII века.

THE INFLUENCE OF THE BYZANTINE EMPIRE ON THE FORMATION OF THE IMAGE OF AN IDEAL STATE IN THE CONTEXT OF ANDREI BOGOLYUBSKY'S POLICY

S.K. Ovchinnikov
Belgorod State National Research University

The text examines the influence of the Byzantine state ideal on the policy of Prince Andrei Bogolyubsky of Vladimir and Suzdal. The paper examines the concept of a "symphony of powers" and the sacralization of the ruler's figure, which was adopted by the Russian princes from Byzantium. Using the example of the internal policy of the Prince of Vladimir and Suzdal, the process of adapting the Byzantine model of strong centralized power to the realities of the period of political fragmentation of the 12th century is demonstrated.

Keywords: The Byzantine Empire, Ancient Russian political culture, autocracy, symphony of authorities, Andrey Yuryevich Bogolyubsky.

[1] Андрей Юрьевич Боголюбский // Анишкин В.Г. Русь и ее самодержцы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – С. 64.
[2] *Карпов А.Ю.* Андрей Боголюбский – Москва, 2014. – С. 18.
[3] *Цветков С.Э.* Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. От Ярославичей до Всеволода Большое Гнездо. – Москва, 2013. – С. 347.
[4] *Соломин В.А.* Роль Византийской империи в церковной политике Древнерусского государства в середине XI века: на примере поставления митрополита Илариона // Via in tempore. История. Политология. – Белгород, 2023. –Т. 50. – № 2. – С. 411.
[5] *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский. – Москва, 2007. – С. 91.
[6] *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь: очерки социально-политической истории. – Ленинград, 1987. – С. 48.

УДК 94(47)

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ XI-XII ВВ.

С.А. Скочек
Научный руководитель – к. и. н., доц. В.С. Кулабухов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
sergeyskochek864@gmail.com

Вопросы Киевского, как и в целом древнерусского летописания остаются до сих в большей части без ответа. В основном вопросы касаются проблемы начального этапа зарождения древнерусского летописания, проблемы авторства Повести Временных лет и его отдельных редакций в различных храмах Киевского государства и т.д. Храм был тем местом, где совершались основные редакции и в связи с этим невероятно важно выяснить роль церковной архитектуры в появлении и становлении книжной культуры Древней Руси.

Здесь стоит сказать, что огромную роль в изучении проблематики древнерусской литературы в целом и древнерусского летописания в частности сыграли работы известного специалиста А. А. Шахматова, который в своих работах выстроил этапы написания ПВЛ, взяв за основу работу летописцев в различных религиозных центрах Киева.

Развитие архитектуры было связано в первую очередь с принятием христианства, где архитектура играла своего рода миссионерскую функцию[1]. Помимо этого, стоит сказать, что христианство – это письменная религия, для которой характерно наличие Священного писания. Поэтому, принятие христианства повлияла и на развитие письменности и книжной культуры, в первую очередь, на развитие такого литературного жанра как летописание.

В 989 году была начата постройка первой каменной христианской церкви, завершенная в 996 году. На построение храма было отведена десятая часть с налогов, поэтому здание называли церковью Богородицы Десятинной. Эта церковь была трехнефным крестово-купольным зданием, окруженное с трех сторон двухэтажными постройками и была увенчана пятью куполами[2]. По мнению П.П. Толочко, именно в данной церкви в 996 году был написан так называемый Древнейший или Киевский свод[3].

Софийский собор в Киеве был построен в 1037 году. Строителями Софийского Собора были византийские мастера. Святая София Премудрость Божья знаменует собой не какое-либо отдельное лицо или персонажа христианского учения, а самую высшую и универсальную его идею – идею христианской Мудрости[4]. Именно здесь находилась Киевская митрополичья Кафедра, основанная в год постройки храма[5]. Упомянутый нами ученый А.А. Шахматов высказывал предположение, что именно в данном храме и был написан Древнейший свод в 1037 году[6]. По мнению другого исследователя П.П. Толочко, Древнейший свод был написан намного раньше, но он не отказывается от того, что в Киевскую Софию был перенесен центр древнерусского летописания[7].

Относительно появления архитектуры в северо-западной Руси, в частности, на территории Великого Новгорода, где безусловно могло вестись свое местное летописание, то по мнению исследователей в период с 1045 по 1050 года в Новгороде возводился ещё

---

[1] *Антонова Н.Е.* Архитектура русского православного храма. – Москва, 2013. – С. 38.
[2] *Гулянинский Н.Ф.* Древнерусское градостроительство X-XV вв. – Москва, 1993. – с 90.
[3] *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. – Санкт-Петербург, 2003. – с. 32.
[4] *Антонова Н.Е.* Указ. Соч. – с. 45.
[5] Киевский Софийский собор / Открытая Православная энциклопедия. – URL: https://drevo-info.ru/articles/201.html (Дата обращения: 13.04.2026)
[6] *Приселков М.Д.* История Древнерусского летописания. – Санкт-Петербург, 1996. – с. 61.
[7] *Толочко П.П.* Указ. Соч. – с. 33.

один храм, который строился как бы с ориентировкой на Софийский собор в Киеве. Связь между этими памятниками архитектуры выявляется не только в названии, но и в совпадении общей плановой схемы, и в повторении некоторых размеров[1]. Однако прослеживаются и серьезные различия, делающие Новгородскую Софию несколько лаконичнее Киевской реплики.

У новгородского собора пять глав, одна галерея и одна лестничная башня. Вместо дорогой мозаики в его интерьере использована только фресковая роспись, да и то выполненная далеко не сразу после завершения строительства[2]. В контексте изучения древнерусского летописания данный памятник знаменит тем, что здесь велась работа над новгородской владычной летописью, которая является протографом для Новгородской Первой летописи[3].

Далее по хронологии построений храмов, которые связаны с развитием летописания на Руси идет Выдубицкий монастырь, или Киевский Выдубицкий во имя архангела Михаила Мужской монастырь. Этот монастырь был заложен в 1070 году[4]. По легенде, Выдубицкий монастырь был основан на том месте, где был «выдыбан» идол Перуна. Он был трехнефным и крестово-купольный[5]. Известно, что монастырь располагался близи резиденции переяславльского князя Всеволода Ярославовича и что он был ктитором данной церкви[6]. Здесь же, предположительно, в 1097 году был проведен съезд Владимира Мономаха и Святополка Изяславича[7].

Данный монастырь имеет прямое отношение к редакции Повести Временных лет, т.к. именно здесь велось редактирование данного текста монахом монастыря Сильвестром. Судя по данным М.Д. Приселкова именно он добавил в Повесть легенду о посещении Руси апостолом Андреем. По мнению А.Г. Кузьмина, Сильвестру принадлежали статьи по истории Киево-Печерского монастыря[8].

Ряд исследователей высказывали мнение о том, что в 1073 году был заложен Успенский Собор Киево-Печерского монастыря. Киево-Печерский монастырь сыграл большую роль как для развития древнерусского зодчества, так и для развития древнерусского летописания. Именно в Печерской обители хранились греческие книги которые привезли из Византии ещё в конце 1070-х гг[9]. Известно, что строительством Успенского собора руководили зодчие, приехавшие из Константинополя – «мастера церковнии 4 мужи»[10].

С созданием Успенского собора известна легенда, которая записана в Киево-Печерском патерике. Она повествует о явлении Богоматери к четырем мастерам, которая сказала о том, что она хочет видеть монастырь на Руси за три лета[11]. Говоря про архитектурное строение, стоит сказать, что по схеме Печерский собор близок к композициям остальных киевских храмов той поры, что в свою очередь дает основание полагать, что строители стремились сохранить освященную уже традицией структуру первого христианского храма Киева – Десятинной церкви, основной объем которой также представлял собой трехнефную шестистолпную постройку[12].

---

[1] *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. – Санкт-Петербург, 1993. – с. 38.
[2] *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. – Санкт-Петербург, 1993. – с. 38.
[3] Новгородская первая летопись / Большая Российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/c/novgorodskaia-pervaia-letopis-6a1c1d (Дата обращения: 23.03.2026)
[4] *Раппопорт П.А.* Указ. Соч.
[5] *Гулянинский Н.Ф.* Указ. Соч.
[6] Киевский Выдубицкий монастырь во имя Архангела Михаила мужской монастырь // Православная Энциклопедия. – URL: https://www.pravenc.ru/text/1684561.html (Дата обращения: 21.03.2026)
[7] *Там же.*
[8] *Там же.*
[9] *Ранчин А.М.* Нестор Летописец ЖЗЛ. – Москва, 2022. – С. 50.
[10] *Раппопорт П.А.* Указ. Соч.
[11] *Гулянинский Н.Ф.* Указ. Соч. – С. 94.
[12] *Раппопорт П.А.* Указ. Соч. – С. 40.

Данное архитектурное сооружение так же связано с редакцией Повести Временных Лет. Ряд исследователей высказывает мнение, что здесь, на основе Древнейшего свода бы написан Начальный свод в 1093 году, при игумене Иване, который продолжил работу предыдущего игумена Никона, редактировавшего Древнейший Свод[1]. Известно, что содержание Начального свода существенно дополнил Нестор[2].

Исходя из данных, который выявил в своем исследовании А.А. Шахматов, Нестор добавил в летопись сказание о расселении славян, добавил больше информаций про киевских князей, в частности добавил в повесть предание о смерти Олега и сказание о мести Ольги. Так же Нестор использовал материалы из Георгия Амартола, добавив в повесть библейские сказания и договоры русских князей с греками-византийцами[3].

Таким образом, мы можем говорить о следующем:

1) Во-первых, мы выявили, по каким причинам на Руси впервые возникает архитектура и древнерусская литература. Русь вместе с христианством переняла и всю византийскую архитектуру. Архитектура церквей была сакральной и по этой причине именно при церквях появляются настолько же сакральные первые книжные и летописные работы.

2) Во-вторых, мы ознакомились с основными этапами, которые выделяют ученые в истории летописания. В основном, данные предположения идут от А.А. Шахматова, и основаны они на текстологической методологии. Согласно теории данного ученого, выделяется некий Древнейший свод, над которым работал Никон Великий, Начальный свод, над которым работал игумен Киево-Печерского монастыря Иоанн и, собственно, уже Повесть Временных лет, которую редактировал Нестор Летописец в 1113 году, а затем монах Выдубицкого монастыря Сильвестр в 1116 году.

THE INFLUENCE OF CHURCH ARCHITECTURE ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF OLD RUSSIAN BOOK CULTURE IN THE 11TH AND 12TH CENTURIES

S.A. Skochek
Belgorod State National Research University

This article examines the influence of church architecture on the emergence and development of book culture in Ancient Rus. It is known that the writing and editing of chronicles and other Old Russian manuscripts were carried out in monasteries and cathedrals. The author attempts to compare this fact and reveal the stages of the development of chronicles through the prism of the churches where they were written.

Key words: Russian architecture, Russian chronicles, ancient Russia, old Russian book culture.

УДК 75.046.3

АФОНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИКОНОПИСНОГО КАНОНА НА РУСИ НА ПРИМЕРЕ ИКОН ТИПА ОДИГИТРИЯ

Е.О. Трибуль
Научный руководитель – к. и. н., доцент В.С. Кулабухов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
tribul@bsuedu.ru

Проблема формирования иконописного канона в Древней Руси связана с рецепцией византийского и, в частности, афонского наследия. Афон был не только монашеским центром, но и хранителем литургической и художественной традиции. Как отмечал

[1] *Приселков М.Д.* Указ. Соч. – С. 70.
[2] Повесть временных лет / Биобиблиографический словарь – Москва, 1996. – С. 139.
[3] *Ранчин А.М.* Укас. Соч.– С. 183.

Н.П. Кондаков, значение афонских памятников для русской науки менялось от «канонического руководства» до объекта исторической критики. Однако именно на Афоне сложились иконографические редакции, ставшие образцом для всего православного мира.

Цель статьи – проследить влияние афонской традиции на русский иконописный канон на примере образа Одигитрии («Путеводительницы»). Этот тип обладает ключевым догматическим значением и устойчивостью схемы, что позволяет выявить преемственность и вариативность.

Научное изучение афонских древностей в России началось с экспедиции Российской Академии наук 1898 года (Н.П. Кондаков, Д.В. Айналов, Н.Я. Марр). Труд Кондакова «Памятники христианского искусства на Афоне» (1902) стал фундаментом мировой «афонистики». В.Н. Лазарев заложил методологию изучения византийско-древнерусских связей. И.А. Шалина на примере снетогорской Одигитрии показала сложное взаимодействие византийской традиции с местными особенностями.

Богословской основой почитания Афона является предание о нём как об «Уделе Богородицы». После сошествия Святого Духа Богоматерь, направляясь на Кипр, бурей была принесена к берегу Афона, где проповедовала Евангелие. С тех пор Афон – земное попечение Царицы Небесной, место, куда женщинам воспрещён доступ. VII Вселенский Собор (787 г.) утвердил догмат иконопочитания, и Афон стал оплотом ортодоксии, сохраняя эталонные образцы.

Иконографический тип Одигитрии, по преданию, восходит к евангелисту Луке. Схема: фронтальная фигура Богоматери (иногда с наклоном), на одной руке – Младенец Христос на престоле, другой рукой Она указывает на Него. Младенец благословляет и держит свиток или книгу. Догматический смысл – явление Небесного Царя, поклонение ему; Богородица ориентирует верующих ко Христу – Пути, Истине и Жизни.

На Руси сложилось множество чудотворных списков Одигитрии. Смоленская икона (принесена из Константинополя в 1046 г.) отличается фронтальностью Младенца и прямым взором Богоматери, подчёркивая царственное достоинство. Тихвинская икона (явление в 1383 г.) – Младенец припадает к щеке Матери, подогнута ножка, что указывает на теплоту отношений и реальность Воплощения. Иверская («Вратарница») – афонский список со следом от удара мечом, символ страданий Церкви. Казанская (обретена в 1579 г.) – оплечный вариант, Младенец благословляет обеими руками. Грузинская – широкие отвороты мафория, напоминание о царственном достоинстве. Ченстоховская – тёмный колорит, следы от сабельных ударов, символ скорби. Троеручица – три руки, чудо исцеления Иоанна Дамаскина.

Русские мастера творчески перерабатывали византийские образцы: смягчали суровые лики, усиливали молитвенность и человечность. Феофан Грек и Андрей Рублёв сместили акцент с царственного величия на смиренное предстательство. При сохранении канона (фронтальность, жест указания) русские иконы отличаются плавными линиями, теплым колоритом, углублённой психологией.

Важным памятником является икона Одигитрии из Ватопеда (последняя четверть XIII в.). Богородица правой рукой прикасается к бедру Младенца – нюанс, известный по салоникским мастерским XIV в. Стилистика (мягкая моделировка, красные пятна на щеках) близка фрескам Сопочан и иконе из Хиландара. Акафистная Зографская икона (тип Одигитрия) связана с чудом: во время нашествия сторонников Лионской унии (1274 г.) 26 иноков с игуменом были сожжены, но икона осталась невредимой. Хотя сохранившийся образ датируют не ранее XVIII в., предание подтверждает глубокое почитание этого типа на Афоне.

В Византии икона Одигитрии из монастыря Одигон была главной городской святыней, с ней еженедельно совершались крестные ходы. Само название указывает на Богородицу как Путеводительницу ко спасению. Влияние афонских образцов на Русь шло

через паломничество, привоз икон и деятельность мастеров. Уже в XII–XIII вв. иконография Одигитрии обретает местные черты, но с оглядкой на греческие прототипы.

Исследования И.А. Шалиной показывают, что монументальная икона Одигитрии из Снетогорского монастыря (ок. 1313 г.) восходит к византийскому типу кипрской Аракиотиссы (1192 г.), известному на Руси только по псковским памятникам. Уникальная особенность – фигуры кадящих ангелов. Шалина связывает это с поминальной функцией: собор построен на месте гибели игумена Иоасафа с братией от рук немецких рыцарей в 1299 г. Нижний регистр росписи содержит изображения 14 святых монахов, под которыми находилась рака с мощами.

Особое место в связях Руси с Афоном занимает Киево-Печерская лавра. Преподобный Антоний Печерский, приняв постриг на Афоне, принёс на Русь благословение Святой Горы. Согласно летописи, Богородица явилась ему на Афоне и велела вернуться для основания монашеской жизни. На Афоне существовал первый древнерусский монастырь Ксилургу (при поддержке князей Владимира и Ярослава Мудрого), ставший связующим звеном. Лавра почитается как Третий Удел Богоматери после Иверии и Афона. В «Киево-Печерском патерике» говорится, что сама Богородица направила греческих зодчих для строительства Успенского собора. На иконах преподобного Антония неизменно присутствует свиток: «Господи, да будет на месте сем благословение святыя Афонския горы».

Изображения Святой Горы в росписях лаврских храмов (сохранились во надвратной церкви Всех святых, 1906 г.) напоминали о духовных истоках. С афонских монастырей в Киев постоянно присылались списки чудотворных икон типа Одигитрии – «Иверская», «Избавительница», «Скоропослушница». На обороте многих из них имеются дарственные надписи. Как отмечал Н.П. Кондаков, произведения мастеров Пантелеимонова монастыря «счастливо объединили в себе художественное впечатление и духовное влияние». Так формировался «афоно-русский стиль» иконописи (середина XIX в.). Духовные связи продолжаются и сегодня: в 2013 г. Дохиарский монастырь передал лавре два списка «Скоропослушницы».

Таким образом, Киево-Печерская лавра стала главным хранителем и проводником афонских традиций на Руси. Основанная выходцем с Афона, связанная с ним через монастырь Ксилургу и постоянный приток чудотворных списков, лавра обеспечила преемственность, позволившую афонскому иконописному канону (в том числе типу Одигитрии) укорениться и развиться на русской почве.

THE ATHOS TRADITION IN THE FORMATION OF THE ICONIC CANON IN RUSSIA ON THE EXAMPLE OF THE ODIGITRY TYPE ICONS

E.O. Tribul
Belgorod State National Research University

The article examines the role of the traditions of Athos iconography in the formation and development of the iconographic canon of Our Lady of the Sign in Old Russian art. Based on a comparative analysis of the monuments stored in the Holy Mountain and in Russia, as well as the data from historiography (N.P. Kondakov, V.N. Lazarev, and I.A. Shalina), the article identifies the ways of transmitting Byzantine models. Special attention is paid to the activities of the Cretan school masters on Mount Athos and their influence on the formation of the “universal” language of the Orthodox icon, which was adopted and reinterpreted in Russia. An analysis of specific monuments, such as the Vatopedi and Zograf icons, as well as the Snow Mountain image, allows us to trace the evolution of the iconographic type from its Byzantine prototypes to its Russian interpretations.

Keywords: Mount Athos, iconographic canon, Hodegetria, Old Russian art, Byzantine tradition, iconography of the Mother of God.

УДК 94

ВОПЛОЩЕНИЕ ПОДВИГОВ НЕБЕСНОГО ПОКРОВИТЕЛЯ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА В НАГРАДНОЙ СИСТЕМЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

С.А. Шевченко
Научный руководитель – к. и. н., доцент В.С. Кулабухов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1848601@bsuedu.ru

По мнению специалистов в области фалеристики, ни одно общество, на каком бы этапе развития оно не находилось, не может обойтись без различных форм поощрения своих граждан, которые совершили подвиг.

Обычай награждать особыми знаками отличия за ратные и другие заслуги перед государством сложился давно. Ещё в Древней Греции и античном Риме для этого применялись флёры золотые или серебряные кружки с изображением богов или полководцев. Более высокой степенью отличия римлян служили венки[1].

Награда – это признание заслуг человека, его полезной деятельности, благородных поступков. Это знак отваги и мужества, проявленных в интересах государства и в первую очередь – власти. Награда не всегда находит достойных и подчас может быть незаслуженной[2].

Следует подчеркнуть, что наградная система – неотъемлемый признак любого государствовав с древнейших времен до наших дней. На протяжении истории государственные награды обретали самые разные формы: это были головные уборы, украшения, нагрудные знаки и т. д[3].

В современном русском языке имеющее несколько значений слово «орден» раньше всего вызывает представление о самом предмете, служившем и служащем почетным знаком отличия[4].

Слово орден происходит от латинского ordo. В средневековой Западной Европе, со значением отряд, оно стало названием для возникавших после X в. монашеских союзов – духовных орденов. Создание орденов, подчиненных непосредственно папе, изымало монастыри из-под власти епископов, защищало от посягательств светских властей и создавало наиболее благоприятные условия для хозяйственной деятельности монастырей[5].

Обращаясь к отечественной истории, можно вспомнить, что На Руси известно о выдаче особого знака отличия, предназначенного для ношения награжденным, относится к 1100 году. В рассказе об отражении набега половцев на Киев при Владимире Мономахе упоминается Александр Попович – будущий герой русских былин Алеша Попович, отличившийся в битве и награжденный за это самим князем Владимиром золотой гривной – массивным золотым обручем, который носили на шее[6].

Большое влияние на становление отечественной фалеристики оказали так называемые светские рыцарские объединения, поскольку в качестве своих покровителей они выбирали какого-либо святого. К этому же каждый орден выбирает себе и святого покровителя, который должен был отражать христианскую доблесть и честь данной организации.

---

[1] *Каданцев П.С.* Ордена России. – Рязань: Новое врем, 1993. – С. 5.
[2] *Кузнецов, А.А.* Награды: Энциклопичесикй путеводитель по истории российскихнаград. – Москва: Совеременник 1998. – С. 6.
[3] *Смыслов, О.С.* Загадки Советских Наград 1918-1991 годы. Москва: «Вече», 2005. – С. 5.
[4] *Спаский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. – Москва: «Вече», 2009. – С. 7.
[5] *Там же.* – С. 7-8
[6] *Дуров В.А.* Ордена Российской империи. – Москва: Белый город, 2002. – С. 5.

Примером такого может послужить тот факт, что покровителем первого французского рыцарского ордена стал Святой Михаил. Выбор этого персонажа в качестве небесного патрона был не случаен. Фигура архангела Михаила была чрезвычайно популярной во Франции в X-XII веках. Этому святому были посвящены многочисленные церкви. В прочих храмах почти обязательно создавались алтари Святого Михаила. Его именем называли минеральные источники, ручьи, горы, леса и острова. В качестве примера достаточно вспомнить знаменитый остров Сен-Мишель, расположенный в бухте на северо-западном побережье Нормандии. На его вершине уже в X веке стояла церковь, освященная именем святого. День Святого Михаила до сих пор отмечают во Франции каждый год 29 сентября[1].

В России, по мнению учёных, не было различных рыцарских объединений, но с именем Петра I связано появление, первого ордена св. Андрея Первозванного. По тому же принципу участники Белого движения учредили свой орденский знак в виде креста в честь архистратига Михаила.

На сегодняшний день большой интерес вызывают награды так называемого белого движения в России, которое тоже оставило достаточно заметный след в истории России 20-х годах прошлого столетия.

Нужно отметить то факт, что награды белой армии нельзя отнести к государственным. Но они часть нашей истории, свидетельства храбрости, мужества, русских людей, оказавшихся воле. Судеб по другую сторону баррикад, но защищавших свои идеалы и своё видение Родины[2].

Как известно, на Урале вспыхнул антисоветский мятеж, казаки под командованием войскового атамана полковника А. И. Дутова захватили Оренбург. Казаки успешно держали оборону со стороны Саратова по линии Ершово – Новоузенск в течение всей первой половины 1918 г., но с раз громом Красной Армией Волжского фронта казакам пришлось отступить на восток[3].

В память о боях Уральским войсковым кругом в 1918 г. был учрежден крест Архангела Михаила. Он представлял собой штампованный равносторонний прямо угольный крест темной бронзы. В центральном круге – изображение Архангела Михаила, копьем поражающего змия. На верхнем вертикальном луче креста – надпись: «За Въру», на горизонтальных: «Родину» и «Яикъ», на нижнем вертикальном луче: «И свободу» (рис. 649). Реверс креста гладкий, на нем гравировался порядковый номер. Носился крест на ленте малинового цвета (цвет Уральского казачьего войска). Есть свидетельства, что в то же время войсковым кругом учреждена была и медаль, но она никому вручалась, т. к. ее не успели отчеканить[4].

Ключевая фигура этой награды – Архангела Михаила. Михаил самый знаменитый и великий ангел в христианском, иудейском и исламском предании. Еврейское имя Михаил означает «тот, кто подобен Богу», или «кто как Бог». В ангиологиях он отправляет многочисленные обязанности; он – воин, священник, защитник, целитель и хранитель. На небе он занимает много должностей: он – глава сил и архангелов один их ангелов присутствия, Князь Света, Ангел Истины, Ангел Покаяния, праведности, Милосердия и Спасения[5].

Известно, что Архистратиг Михаил является предводителем Небесного воинства, ибо именно он возглавил противостояние верных Богу бесплотных Сил возгордившемуся

---

[1]*Афонькин С.Ю.* Орден Святого Михаила L'Ordre de Saint-Michel Всё о самых знаменитых орденах мира. – СПб. ООО «СЗКЭО», 2008. – С. 48.

[2]*Балязин В.Н., Кузнецов А.А., Соболева Н.А*. – Символы и награды Российской державы. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – С. 330

[3]*Гладков Н.Н.* История государства Российского в наградах и знак. В 2 т. – Москва: ООО «Издательство АСТ2; Санкт-Петербург: ООО «Издательство «Полигон», 2004. – Т. 2. – С. 594.

[4]*Там же.* – С. 594-595.

[5]Михаил / Энциклопедия ангелов / Розмари Эллен Гуили. – Москва: Вече, 2008. – С. 238.

сатане и стал символом небесных побед. А Небесное воинство служит Богу и людям[1]. Сам титул Архистратига, что означает верховный главнокомандующий, обыкновенно принадлежит Михаилу[2].

Также необходимо отметить, что данный образ Архистратига использовался в России и раньше, в частности во второй половине XVI в. его изображение присутствует на иконе «Благословенное Воинство Небесного Царя», Михаил, изображенный на коне, в латах, возглавляет войско земное[3]. Образ Михаила был использован древнерусскими книжниками в различных образцах искусства в том числе и территориальной геральдике на примере города Киева, данный город имел свой герб с изображением нашего Архангела.

Россия также удостоилась явление Архистратига Михаила, как и другие страны. Это было в 1608 году в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре при нашествии поляков на Русь, когда Архангел Михаил явился архимандриту Иосифу, с сияющим лицом, со скипетром в руках и сказал врагам, несколько месяцев осаждавшим обитель: «Вскоре всесильный Бог воздаст вам отмщение». И неприятель, простояв у стен обители без всякого успеха, вынужден был отступить со стыдом[4].

В Европе орден Михаила оставался популярным и до конца 17 века. Так в 1688, когда году скончался епископ Кёльна Максимилиан Генрих Баварский. Его место занял кельнский курфюрст Иосиф Клеменс I. Уже с детства родители готовили мальчика к религиозной жизни и принятию сана. Карьера священника развивалась успешно. Еще в юности Иосиф стал епископом фрейзингенским. За место курфюрста Кёльна пришлось побороться с другим претендентом на этот пост – епископом Страсбурга Вильгельмом фон Фюрстенбергом. Однако и у Иосифа были сильные покровители, в частности, курфюрст Макс Эммануил Баварский и сам римский папа Иннокентий XI. В результате Иосиф Клеменс все же стал курфюрстом Кёльна. На посту епископа города он пребывал с 1688 по 1723 год. В этой должности он стал учредителем католического ордена Святого Михаила[5].

В конце хочется отметить, что само отношение людей к наградам разное: одни их не ищут, другие только их и жаждут. Кажется, в России, в стране, которая всегда отличалась от Запада своей духовностью, должно было бы существовать свое особое отношение к наградам. Ведь сказано в Священном Писании: "Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою"[6].

Помимо этого, можно вспомнить следующий призыв нашего спасителя: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе» (Мф. 6:19–20). Из этих двух отрывком можно понять отношение церкви к наградам, оно простое, не ищи награду на земли, она будет ждать тебя на небесах.

Таким образом, крест Архангела Михаила, стал символичным знаком Белого движения на Урале. Выбор небесного покровителя – архистратига Михаила, предводителя небесного воинства, поражающего змия, – подчёркивал сакральный характер борьбы с «антихристовой силой» (большевиками). Надписи на лучах креста («За Вѣру, Родину, Яикъ и свободу») объединяли религиозный, патриотический и сословно-казачий компоненты идеологии Белого сопротивления. Несмотря на то, что медаль в честь этого

---

[1]Архангел Михаил /Небесные покровители земного воинства: Сборник / Е. Игонина. – Москва: Слово и дело, 2011. – С. 9.

[2] *Там же.* – С. 78.

[3] *Подобедова О.И.* Московская школа живописи при Иване IV: Работы в Московском Кремле 40-7х-70-х гг. XVI в. – Москва: Издательство «Наука», 1972. – С. 25.

[4]*Олейникова Т.С.* Архангелы и Ангелы -наши покровители. – Москва: Благовест, 2014. – С 17.

[5] *Афонькин С.Ю.* Орден Святого Михаила Sankt Michaels-Orden Указ. соч. – С. 46.

[6] *Кузнецов А.А.* Указ соч. – С. 6.

святого так и не была отчеканена, а сам крест просуществовал недолго, он остаётся важным памятником фалеристики Гражданской войны, отражающим стремление белых армий опереться на православную духовную традицию в противовес безбожной, с их точки зрения, советской власти.

В заключении необходимо отметить следующие, что выбор архистратига Михаила в качестве центрального образа награды не случаен. Как небесный покровитель воинства, победитель «змия», сюжет, достаточно распространённый например св. Георгий победоносный, который по преданию поразил таинственного страшного змия[1], и защитник христиан, он символизировал борьбу с силами зла, справедливость и мужество. Эта символика, глубоко укоренённая как в русской православной традиции, так и в общеевропейской рыцарской культуре, придавала наградам Белого движения не только военно-политическое, но и сакральное измерение. Учредители креста сознательно обращались к архетипическому образу ангела-воителя, подчёркивая тем самым священный характер своей борьбы.

THE EMBODIMENT OF THE EXPLOITS OF THE PATRON SAINT, ARCHANGEL MICHAEL, IN THE WHITE MOVEMENT'S AWARD SYSTEM

S.A. Shevchenko
Belgorod State National Research University

This article examines the Cross of Archangel Michael, an award of the Ural. Cossack Host during the Civil War. It analyzes the symbolism of the badge, its appearance, and the inscriptions that reflect the ideology of the White movement. Archangel Michael acts as the heavenly patron of the army, emphasizing the sacred nature of the struggle against the Bolsheviks. Parallels with Western European Orders of St. Michael are drawn, demonstrating the continuity of award traditions. A conclusion is drawn regarding the significance of this cross as a monument to phaleristics, linked to the Orthodox spiritual tradition.

Keywords: White movement, Archangel Michael, Cross of Archangel Michael, award system, phaleristics, Ural Cossack Host, sacred symbolism.

[1] Георгий победоносный / Е. Игонина. Указ. соч. – С. 25.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 94

ИСТОРИКИ ПЕКИНСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О ВЫХОДЦАХ ИЗ РОССИИ НА СЛУЖБЕ ДИНАСТИИ ЮАНЬ

Р.С. Белолипецкий
Научный руководитель – д. и. н., проф. К.А. Мазин
Историко-архивный институт РГГУ
belolipetskyromandzana@gmail.com

История российско-китайских отношений обычно начинается с заключения Нерчинского договора в 17 веке и от первых посольств. Однако более глубокий анализ архивов выводит нас на более древнюю хронологию. Так, уже в 14 веке, в эпоху, когда Монгольская империя достигла наивысшего расцвета, внутри Китая, в столице Ханбалыке (он же совр. Пекин) было расквартировано русское поселение, а русские воины несли службу в элитных рядах императорской гвардии. В российской науке, как и в европейской, данный феномен стал известным благодаря опусам выдающегося востоковеда архимандрита Палладия (Кафарова) (1817-1878)[1]. Он также был первым, кто разобрал и перевёл официальную хронику династии Юань («Юань-ши») реконструировав истоки создания русской общины и её жизнь в Китае[2]. Как оказалось, и как подтверждается и вторичными источниками-исследованиями, русская община существовала за четыре десятилетия до официального учреждения Пекинской духовной миссии[3]. Собственно хроника «Юань-ши» включает 210 цзюаней (глав-«свитков») и состоит из хроник правлений («бэнь цзи»), биографий («ле чжуань»), отдельных частей посвящённых ведомствам и описаниям чужеземных этничностей. Как хорошо проиллюстрировали современные комментарии к «Юань-ши», в её составе есть редкие сведения о военной организации воинского контингента: повествуется о верительных бирках («ху-фу»), такие даровались высшим военачальникам, о порядке снабжения войск, о имевших место «военных поселениях» (тунь тянь)[4]. Военные поселения жаловались высшим военачальникам. Эти фрагменты хроники могут позволить восстановить информацию о статусе «Охранного полка из русских, прославляющего верность» (Сюань чжун Улосы ху вэй цинь цзюнь). Вообще, в источниках периода монгольского завоевания Китая Россия и русские появляются под именами Олосы, Алосы или Улосы, что есть транскрипция слова «Урус»[5]. Официальная формовка русского подразделения в составе императорской гвардии Пекина (Ханбалыка) произошла в 1330 году. Её инициатором выступил император Тутемур (Джаяду-хаган или Вень-цзун), который был правнуком Хубилай-хана. Палладий (Кафаров) пишет: «О Русском полке в Пекинской гвардии упоминается в истории впервые под 1330 г., когда взошел на ханский престол Тутемур, известный больше под посмертным названием Джаяду. Он первый устроил Русский полк или поставил особого темника 3-й степени над Русским отрядом, который почтил наименованием Сеань-Джу-улосы-хувэй-цинь-цзюнь, т. е. охранного полка из Русских, прославляющего (в смысле доказывающего всему свету) верноподданность. Монголы

[1] *Палладий (Кафаров).* «Отечник» [Электронный ресурс] // Русское поселение в Китае в первой половине XIV века. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Palladij_Kafarov/russkoe-poselenie-v-kitae-v-pervoj-polovine-14-veka/#0_1 (дата обращения: 20.03.2026).

[2] *Палладий (Кафаров).* «Отечник» [Электронный ресурс] // Старинное Монгольское сказание о Чингисхане. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Palladij_Kafarov/starinnoe-mongolskoe-skazanie-o-chingishane/#0_1 (дата обращения: 20.03.2026).

[3] История отечественного востоковедения до середины XIX века. – Москва, 1990.

[4] *Шубина С.А.* Дипломатическая деятельность Российской духовной миссии в Китае (XVIII–XIX вв.) // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 1. – С. 191.

[5] *Палладий (Кафаров).* Там же.

заняли от китайцев обычай давать войскам пышные и знаменательные титулы. Русский полк был подчинен главному заведованию высшего военного совета в Пекине». Полку вручили пышное название «Сюань-чжун Улосы ху-вэй цинь-цзюнь», что переводится как «Охранный полк из русских, прославляющий верноподданность». Изначально головой полка был специальный темник (начальник десяти тысяч) 3-й степени. В 1331 в полку управление поменяли на «командирство» с вручение серебряной печати. Это значило включение отряда в состав близких к хану войск под неусыпным надзором высшего военного совета. В то же время печать из серебра, в 1331 г. пожалованная полку, является аналогом верительных знаков для «ближайших ханских войск». Для русских гвардейцев была создана автономная военная колония, располагавшаяся к северу от столицы, предположительно, между Великой стеной и Пекинской равниной. У местных крестьян правительство были скуплены участки земли площадью в 130 больших китайских десятин (да-дуцинов). Статус «военнопоселенца» давал определённые права и обязанности: русским воинам выдавали земледельческие орудия, семена и хлеб для возделывания пашни. Кроме несения пограничной и караульной службы, гвардейцы были обязаны заниматься охотой и рыбной ловлей в близлежащих лесах, горах и озерах. Вся рыба и дичь должны были постоянно поставляться к императорскому столу[1]. От этой повинности уклониться было невозможно, иначе грозил императорский суд. Похожие формы организации воинского состава из инородцев практиковались юаньским двором и на других окраинах. Известно, что в 1283 г. «освободили от воинских поставок и повинностей, связанных с походом на гувэй», то есть бытовала практика целевого освобождения от тягот для конкретных экспедиционных сил. В конкретном случае с русским полком, vica versa, воинам вменяли охотничью повинность (поставка дичи и рыбы к императорскому столу), что создавало из них особую категорию «дворцовых служилых людей». Здесь полностью проявилась философия военного управления Юань: в то время как одни формирования освобождались от обязанностей ради боевых задач, другие — вынуждены нести хозяйственные повинности в пользу двора. Численность русской общины в Пекине в описываемый период была значительной и постоянно пополнялась из пленных, привозимых монгольскими правителями. В соответствии с источниками поставка русских пленников была из двух улусов: улуса Чагатая и Улуса Джучи (Золотой Орды). 600 новобранцев были приписаны полку в 1331 году. Также массовые новые поступления были в 1332 году: князь Джанчи предоставляет 170 человек, а князь Яньтемур дал 2500 (по другим данным – 1500) человек, а князь Аргиянили доставляет 103 отрока и 30 взрослых. Любопытно, что в том же 1332 году была одновременная выдача казенного платья и провизии 1000 русских воинов. Палладий также подчёркивает, что учреждение когорты было не случайно, а являлось частью выверенной политики монгольских ханов, кои активно использовали выходцев из западных регионов империи в функции противовеса локальной китайской и маньчжурской знати, рассматривая их более надёжную опору и лояльную группу. Соседство с другим народом было важной частью истории русского полка – с асутами (аланами)[2]. Аланы, как и русские, были служащими императорской гвардии, без вклада ни тех, ни других не обошлись многие крупные политические события и авантюры, включая подавление мятежа монгольского князя Наяня. Аланские воеводы сохранили православные имена (Николай, Илья, Георгий, Димитрий). В «Юань-ши» сохранились жизнеописания более двадцати выдающихся аланских чиновников и военачальников. В 1336-1338 годах на службе у императора Тогон-Темура аланские князья аланские князья даже вели переписку с Бенедиктом XII. Они уговаривали его прислать им епископа, что прозрачно свидетельствует о существовании некой обобщённо экуменической активной христианской среды, частью коей были и русские воины.

[1] Ibid.

[2] *Казиев Э.В.* Аланы в Монголии и Китае: основные письменные источники (1253-1811 гг.) // Золотоордынское обозрение / Golden Horde Review. – 2025. – Т. 13. – № 1. – С. 116–128.

В последний раз русский полк в истории Юань-ши упомянут в 1334 году, когда командиром «лейб-гвардии», состоявшей из русских, кипчаков и монголов был назначен некий временщик Баян[1]. После конца монгольского владычества над Китаем и свержения монголов в 1386 году, русский полк, тесно ассоциированный с монголами и правящим режимом оказался в изгнании и разделил горькую участь павшей династии, и либо погиб на поле боя, либо вместе с монголами откочевал на северную часть степи. Намного более трудно реконструировать даже более дальнюю судьбу русских поселенцев. Вероятно, они акклиматизировались среди местного населения, вполне возможно, что часть из них влилась в состав несторианских или католических христианских общин, следы которых можно проследить в Китае и в более поздние последующие века. Огромно историческое значение этого, казалось бы, крошечного эпизода. Во-первых, он доказывает, что контакты России с Китаем начались не с Цин и Московского царства с Максимом Леонтьевым, первым священником, а между Юань и Древней Русью. Присутствие русских обозначилось задолго до XVII века и носило организованный характер. Во-вторых, история сия показывает, что восприятие русских в Восточной Азии не имело характера варвар-цивилизованный человек, как например, восприятие галлов в Риме или фракийцев в Греции. Напротив, русские воспринимались, скорее, как македонцы древними греками. Эта была сила вполне достойная служения в элитной императорской гвардии. Наконец, существование колонии русских и полка гвардейцев породило ту историческую основу, ту «память места», на которую смогла позже опереться, 400 лет спустя первая Пекинская духовная миссия Русской церкви, прибывшая в Пекин в 1715 году. Данная находка Кафарова позволила позже В.В. Горском и другим более поздним учёным миссии, как и другим исследователям развеначать миф о том, что русски появились в Пекине только с пленными албазинцами. В то время как подробных биографий воинов в «Юань-ши» не имеется, они всё же служили бок о бок с асами. Палладий первым обратил внимание на то, что асы в рядах военных сохраняли православных имена. Вполне вероятно, что русские военнослужащие также сохраняли свою веру, сформировал первые православные общины Поднебесной, и возможно, и Маньчжурии. Само использование русскими гвардейцами христианских имён, пусть даже и в синитской транскрипции, неоспоримо говорит о том, что они хранили память о вере предков и, скорее всего, передали её детям. Это доказывает существование православной идентичности в самом эпицентре Восточной Азии уже в XIV веке.

HISTORIOGRAPHY AND SOURCES OF INTELLECTUAL HERITAGE OF PEKIN ORTHODOX MISSIONS FROM 1840 TO 1883 YEAR

R.S. Belolipetsky
Historical and archival institute of RSUH

The study seeks to explain the little-known episode of early Russian-Chinese contacts-the existence of the «Guard Regiment of Russians Glorifying Loyalty» in Beijing (Khanbaliq) during the Yuan dynasty (13th–14th centuries). Drawing on the «Yuan shi» chronicle and the works of Archimandrite Palladius (Kafarov), the author reconstructs the regiment's formation, status, and daily life as part of the imperial guard. The study addresses the regiment's size, logistics, military settlements, and its role as a counterbalance to local Chinese and Manchu elites. Special attention is paid to the regiment's proximity to the Alans (Asi), who preserved Orthodox names, and the probable Christian identity of the Russian guardsmen. The article concludes that organized Russian presence in China began long before the 17th century, laying the historical groundwork for the later Beijing Spiritual Mission.

Keywords: church, Russia, Pekin, missionaries.

[1] *Палладий (Кафаров).* «Отечник» [Электронный ресурс] // Русское поселение в Китае в первой половине XIV века. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Palladij_Kafarov/russkoe-poselenie-v-kitae-v-pervoj-polovine-14-veka/#0_1 (дата обращения: 20.03.2026).

УДК 94(47)

МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА БАЛ: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Е.Е. Волчкова
Научный руководитель – к. и. н.. доц. И. В. Истомина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1730975@bsuedu.ru

Бал – собрание для танцев; частный бальный танцевальный вечер; или общественный, куда входят за известную плату, или официальный, напр., дворянский, придворный и т. п[1]. При этом восприятие этого института мужчинами и женщинами существенно различалось. Данное исследование ставит своей задачей выявить и описать гендерные особенности восприятия бальных мероприятий в России XIX века, опираясь на анализ мемуарных текстов, написанных мужчинами и женщинами.

Ю.М. Лотман отмечал, что балы «выполняли функцию общественного представительства дворянина[2]». М. В. Кроткова сравнивает балы с «ярмаркой тщеславия[3]», подчеркивая роль в стремлении произвести впечатление на общество, а если в столице, то заслужить царское расположение[4].

При этом для молодого поколения бал был местом, где они, по выражению П.А. Вяземского, «учились любезничать, влюбляться, пользоваться правами и покоряться обязанностям общежития[5]». Но за этим общим скрывались явные различия в мужском и женском опыте.

Для женщин бал был событием, определявшим ее судьбу. А.Я. Панаева в своих воспоминаниях описывает атмосферу в семье перед выездом девушки на бал «дома все были в страшной тревоге, понравится ли она» А. Я. Панаева пишет, что ей было жаль девушек, они казались ей «преступницами, которых везут на суд и казнь, а не на веселье[6]». Эта передает женское восприятие того, что веселье было мнимое, а за внешним весельем скрывается реальность социального отбора. Поэтому это воспринималось не как отдых, а как важный этап, от которого зависело их будущее[7].С началом бального сезона, семьи дворян из глубинки устремлялись в столицу, чтобы показать себя, а если повезет, найти достойных женихов для своих дочерей[8]. М.Ф. Каменская также пишет о том, какой тяжелой была подготовка девушек., как тетушка запрещала ее сестре есть многую пищу, якобы это испортит фигуру и цвет лица[9]. Даже квас был под запретом, «потому что он к балу мог испортить талию[10]». Тело девушки становилось объектом строгой регламентации, а пребывание на балу было сопряжено с необходимостью соответствовать ожиданиям. С.П. Жихарев отмечал: «Меня уверяли, что если девушка пропускает танцы или на какой-нибудь не ангажирована, то это ведет к каким-то заключениям[11]». Неприглашенная на танец считалась проигравшей, что вынуждало матерей действовать.

---

[1] *Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. – Москва, 1904. – С. 52.
[2] *Лотман Ю.М.* Беседы русской культуре. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 20.
[3] *Короткова М.В.* Бальная культура московского дворянства в XVIII – первой половине XIX в.: официальная церемония, развлечение или любовная игра? // Вестник РУДН. История России. –2008. – №2 (12). – С. 13.
[4] *Нерхова Т.А. и др.* Культура университетского бала. – Екатеринбург, 2018. – С. 61.
[5] *Захарова О.Ю.* Русский бал XVIII – начала XX века: танцы, костюмы, символика. – Москва, 2010. – С. 20.
[6] *Панаева А.Я.* Воспоминания. – Москва, 1994. – С. 84.
[7] *Шокарева А.* Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. – Москва, 2017. – С. 39.
[8] *Нархова Е.Н.* и др. Указ. соч. – С. 58.
[9] *Каменская М.Ф*. Воспоминания. – Москва, 1991. – С. 243.
[10] *Там же.* – С. 244.
[11] *Жихарев С.П.* Записки современника. – Москва, 1955. – С. 23.

Отсюда и их настойчивые обращения к кавалерам, особенно к офицерам, с просьбами: «Батюшка, с моею-то потанцуй[1]». Бал имел столь явную брачную подоплеку, что Ф.Ф. Вигель не стеснялся сравнивать его с торговлей. Он описывал это как «весьма важную торговлю», где «ловили сердца и приданые», а девушки, подобно товару на азиатских базарах, выставлялись на всеобщее обозрение[2]. Он отмечал, что, приводя дочерей на бал, все несли в своих глазах беспокойство: ведь именно сейчас, возможно, решалась их дальнейшая жизнь[3]. А.П. Керн описывала, как отцы строго контролировали своих дочерей на балах. Она вспоминала, что если танцевала с одним и тем же кавалером дважды, отец сурово отчитывал мать за то, что та позволила подобное. «Мне было горько, и я плакала. Ни один бал не проходил, чтобы мне батюшка не сделал сцены или на бале, или после бала[4]». В зрелом возрасте отношение Керн поменяется, и она напишет: «Балы для меня самая безразличная вещь на свете, скорей даже неприятная[5]». Принадлежа к высшему свету, А.О. Смирнова-Россет видела балы как театральное представление «Я была свободна, как птица, и воспринимала все происходящее как сцену, не подозревая о скрытых за ней драматических переживаниях – зависти, ненависти, неудовлетворенной страсти[6]».

Если для женщин бал был прежде всего событием судьбоносным и эмоциональным, то мужчины чаще описывают его в категориях долга, карьерной необходимости или откровенной скуки.

В своих воспоминаниях Д.Н. Свербеев с удивительной прямотой признается, что его неловкость в светских беседах и отсутствие навыков в танцах стали серьезным препятствием. «Это мешало мне в Москве, а в Петербурге сделались причиною того, что я никак не мог решиться представиться не только в высшее, но даже в какое бы то ни было общество[7]».

Заметим, что даже в зрелом возрасте Свербеев уклонялся от посещения балов, несмотря на наличие приглашений, понимая, что присутствие на подобных мероприятиях могло бы быть выгодно для службы и способствовать поддержанию старых связей, а также установлению новых[8].

Мужской взгляд был часто с иронией и самокритикой. С.П. Жихарев, описывая свои впечатления, восклицал, что «ничего не вывез с этого бала, кроме воспоминания о прекрасных глазах Арины Петровны[9]». Он же дает прагматическое понимание бала, говоря, что было многие выезжали из-за обязанности, даже если не хотелось[10]. Ф.Ф. Вигель отмечал, что балы не были чрезмерно оживлёнными – кому-то из гостей приходилось незаметно зевать, однако на них стремились не столько получить удовольствие, сколько быть принятым в высшем обществе. Для мужчины бал – это не просто развлечение, а способ показать положение в социальной иерархии или укрепить свой статус. А о братьях Булгаковых замечал, что они «пред всеми своими сослуживцами брали неоспоримое первенство как в архиве, так и в обществах[11]». Бальный успех здесь напрямую связывается с успехом служебным. П.А. Кропоткин, характеризуя придворные балы, отмечал контраст между внешней зрелищностью и внутренней пустотой, указывая на «ничтожность этих церемоний[12]» и определяя их как «скучную барщину» для

---

[1] *Там же.* – С. 24.
[2] *Вигель Ф.Ф.* Записки. – Москва, 2004. – С. 85.
[3] *Там же.* – С. 86.
[4] *Керн А.П.* Воспоминания. – Москва, 1989. – С. 125.
[5] *Там же.* – С. 214.
[6] *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. – Москва,1989. – С. 8.
[7] *Свербеев Д.Н.* Мои записки. – Москва, 2014. – С. 129
[8] *Там же.* – 449-450.
[9] *Жихарев С.П.* Указ. соч. – С. 24-25.
[10] *Там же.* – С. 50.
[11] *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. – С. 36.
[12] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. – Москва, 1988. – С. 161.

большинства[1].В.П. Мещерский подчёркивал также, что «под веселые звуки вальса и мазурки устраивались браки большого света, но под них же велись разговоры о земстве и конституции[2]». Таким образом, бал выполнял до мужчин и деловую функцию, вызывавшая больший интерес чем какая-либо другая.

И.М. Долгоруков, вспоминая о балах, признался, что самолюбию льстило внимание дам, охотно с ним танцевавших[3]. Бал предстаёт у него пространством амурных интриг. Однако для мужчины эти романтические эпизоды оставались игрой, тогда как для женщины от исхода подобных интриг зависела её дальнейшая судьба.

Особого внимания заслуживает история, Н.И. Греча о юном А. Чернышеве, который приглянулся государю и был пожалован в камер-пажи, а позже выпущен в офицеры[4]. Это показывает, что бал мог быть местом для карьерного взлета, что практически недоступно женщинам, чей успех измерялся исключительно брачными достижениями. Мужчина на балу выступал в нескольких ипостасях одновременно: как потенциальный жених, как соискатель служебного повышения, как участник политических бесед.

Таким образом, гендерные различия в восприятии бала в России XIX века проявлялись прежде всего в целях посещения. Для женщин бал был «ярмаркой невест», а для мужчин преимущественно карьерной «повинностью», местом для установления связей и политических разговоров. При всех различиях в восприятии бала мужчинами и женщинами можно выделить и общие черты. И те и другие осознавали искусственность бальной атмосферы, необходимость играть роли, подчиняться строгому этикету.

A MALE AND A FEMALE PERSPECTIVE ON THE BALL:
GENDER DIFFERENCES IN 19th – CENTURY MEMOIR LITERATURE

E. E. Volchkova
Belgorod State National Research University

This article examines gender differences in the perception of balls using 19th-century memoirs. The aim of the work is to comparatively analyze women's and men's accounts of ballroom culture. This is accomplished through the memoirs of contemporaries and scholarly literature on the history of the Russian nobility. The relevance of the study stems from contemporary scholarship's interest in the gender aspects of the daily life of the nobility.

Key words: ball, nobility, memoirs, 19th century.

УДК 94(47)

РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКИХ ЗЕМЛЯЧЕСТВ КАК ФАКТОРА СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX В.

И.О. Глухих
Научный руководитель – к. и. н., доцент И.Т. Шатохин
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1371284@bsuedu.ru.

Студенчество уникальная пора в жизни любого человека. В молодом возрасте происходит не только усвоение необходимых знаний, умений, навыков, но и приобщение студентов к иным, совершенно новым для них условиям. После поступление в высшее учебное заведение перед молодыми людьми стояло очень много важных задач, одной из которых была социализация их личности. Среди студентов были те, кто уже хорошо знаком с городом, что позволяло им быстрее влиться в университетскую среду, зачастую

[1] *Там же.* – С. 162.
[2] *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. – Санкт-Петербург, 1897. – С. 470.
[3] *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца. – Москва, 1997. – С. 231.
[4] *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. – Санкт-Петербург, 1886. – С.122.

они имели знакомых, бывших гимназистов, знали лично профессоров, ориентировались в порядках и дисциплине высшего учебного заведения. Однако гораздо сложнее влиться в ряды студентов было тем, кто прибыл издалека[1]. Оказавшись в городском пространстве, иногородние чувствовали себя чужими, были неуверенными, скованными. Особенно это касалось тех, кто прибыл на обучение из сельской местности. Им особенно трудно было адаптироваться в новых условиях.

Адаптация к городской жизни происходила постепенно. Студенты старались посещать театральные представления, частные дома, литературные вечера, приемы. Существенную роль в социализации индивидов оказывало личное общение между преподавателями и студентами.

Одной из форм приобщения студентов к городской жизни стало участие в научных и литературных кружках. По мнению исследователя Н. Макаровой[2], участвующие в таких объединениях молодые люди могли не только делиться между собой своими личными впечатлениями, но и обсуждать насущные вопросы, проводить дискуссии, обсуждать вышедшие литературные произведения. Это повышало уровень грамотности студентов, с одной стороны, и укрепляло личные взаимоотношения между ними с другой стороны.

Еще одной активной формой стали студенческие общества, возникшие в российских университетах, что способствовало дополнительной адаптации молодых людей к студенческой жизни. Примерами таких обществ стало – «Общество вольных упражнений» и «Общество студентов любителей отечественной словесности», действовавшие в Казанском и Харьковском университетах.

Позднее студенческие общества послужили основой для возникновения полноценных студенческих корпораций, ими стали русская Ruthenia немецкая Baltica в Петербургской университете[3].

Самой популярной формой социализации обучающихся стали студенческие землячества. В XIX – начале XX вв. именно эти организации станут самыми массовыми в истории высшей школы. Современная историография не дает четкого ответа на вопрос, когда же именно возникли первые студенческие землячества. Предположительно в первой половине XIX в. были созданы прототипы данных организаций. Во времена нахождения у власти Николая I правительство настороженно относилось к образованным студенческим союзам и организациям. Их деятельность слабо афишировалась. Сам же термин «землячество» стал наиболее часто употребляться намного позже, в 60-е годы XIX в. Многие исследователи сводятся во мнении – расцвет подобных организаций начался в 70-80-е гг. XIX в., и закончился в 1917 г. Студенческие землячества формировались обычно по территориальному признаку: по студентам из одной губернии, по обширному региону, реже по национальности[4]. Такие организации действовали в каждом учебном заведении. Главной целью студенческих землячеств стала финансовая поддержка студентов, разрешение бытовых вопросов, взаимная поддержка членов организации.

Каждое студенческое землячество имело свои органы управления[5]. Центральным считалось – Общее собрание земляков. Дополнительно создавалось бюро труда, помогающее студентам, особенно нуждавшимся в деньгах, найти дополнительный заработок, оказывало в том числе, и материальную помощь. У каждого студенческого землячество был свой фонд денежных средств, который пополнялся за счет организации благотворительных мероприятий. Они могли проходить в форме бала, концерта или

---

[1]*Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. – Москва, 2000. – С. 634.

[2]*Макарова Н.* Студенческие корпорации первых российских университетов // Высшее образование в России. – 1999. – С. 81-89.

[3]*Дорохина Р.В.* Деятельность студенческих организаций московского университета в дореволюционной России // СИСП. – 2016. – № 1 (25). – С. 213-224.

[4]*Иванов А.Е.* Студенческие землячества в России (конец XIX – начало XX в.) // РСМ. – 2001. – №3. – С. 138-149.

[5]*Богданов В.В.* Азбука студенческого самоуправления. – Красноярск, 2011. – С. 6-16.

любительского спектакля. Студентам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, землячества помогали. Оставшись без родителей, молодые люди привыкали к взрослой жизни: необходимо было оплатить обучение, приобрести канцелярские принадлежности, одежду[1]. Во избежание политических дискуссий, количество членов студенческих землячеств было ограниченным. Не превышало 30 человек.

Исследователи в своих трудах нередко отмечают связь студенческих сообществ с антисамодержавными общественными силами. Именно молодые люди, как наиболее прогрессивная часть общества, зачастую становились активными участниками, в том числе и оказывали поддержку развивающемуся революционном движению в Российской империи[2]. Уже к 1871 г. подобные студенческие организации были под запретом, в связи с «заражение антиправительственными идеями»[3]. Документальное подтверждение этому содержалось в университетском уставе 1884 г. Однако нельзя полностью утверждать об исчезновении студенческих сообществ. Они продолжали функционировать, чаще неофициально, конспиративно. Так, в Московском, Харьковском, Казанском, Петербургском университетах студенческие землячества возникали тайно. К этому времени данные студенческие организации приобретали яркую политическую окраску, были активно вовлечены в общественную жизнь[4].

Во второй половине XIX в. студенческие землячества станут опорными пунктами массовых выступлений студентов, особенно в 1899 г[5]. Возрождение подобных организаций произошло при Николае II, именно тогда они вели свою деятельность открыто и на постоянной основе. Хотя в начале XX в. численность студенческих землячеств отмечалось малочисленностью, известно, что в Казанском университете подобных организаций насчитывалось около 28, в а Московском более 150, особенно после 1912 г.

Таким образом, студенческие землячества выступали одной из основных форм социализации студентов в университетах. Эти организации развивались в постоянно меняющихся условиях, и оказывали значительное влияние на политическую, культурную жизнь Российской империи. Для обучающихся они служили важным ориентиром в их жизни, помогали адаптироваться к новым условиям в чужом городе. Именно они выступали в качестве главной опоры студентов, позволяя продолжать им обучение.

THE ROLE OF STUDENT COMMUNITIES AS A FACTOR OF STUDENT SOCIALIZATION IN THE 19TH-CENTURY RUSSIAN EMPIRE

I.O. Glukhikh
Belgorod State National Research University

This article analyzes the process of adaptation of Russian students to the university environment. The role of individual student communities is shown. In particular, increased attention is paid to student associations, as an important factor that contributed to the socialization of students. The connection of student communities with revolutionaries is shown.

Key words: The Russian Empire, studentship, state-owned students, self-employed students, memoirs.

[1]*Бартенев В.В.* Воспоминания петербуржца о второй половине восьмидесятых годов // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. – М., 1927. – С.17–29.
[2]*Мельгунов С.П.* Из истории студенческих обществ в русских университетах. – Москва, 1904.– С. 38.
[3]*Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение в России. 1899-1907. – Москва, 1971.– С. 152.
[4]*Трубецкой Е.* К вопросу о причинах беспрестанно возникающих в наших университетах студенческих беспорядках. – Санкт-Петербург, 1902. – С. 25.
[5]*Иванов А.А.* Студенческое самоуправление в Томском университете (конец XIX –начало XX в.). – Томск, 2006. – С. 97.

УДК 94(47)

РОЛЬ И.И. БЕЦКОГО В СОЗДАНИИ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ)

Е.Е. Денисова
Научный руководитель – к. и. н., доцент И.В. Истомина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
denisova.katee@mail.ru

Проблема женского образования в России является значимым объектом историко-педагогических исследований, поскольку тесно связана с социальными, культурными и политическими процессами. Будучи частью «женского вопроса», она при Екатерине II, вступившей на престол в 1762 г. и провозгласившей курс просвещённых реформ, стала объектом новой образовательной политики. Ключевую роль сыграл И.И. Бецкой – президент Академии художеств и попечитель Смольного института. В 1764 г. он представил императрице доклад «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», получивший силу закона. Документ предлагал создавать закрытые воспитательные учреждения для детей от 5–6 до 18 лет, чтобы в изоляции от «развращающего» влияния общества вырастить «новую породу людей».

«По сему ясно, что корень всему злу и добру – воспитание: достигнуть же последнего с успехом и с твердым исполнением не инако можно, как избрать средства к тому прямые и основательные. Держась сего неоспоримого правила, единое токмо средство остается, то есть произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые могли бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить, какие получили они сами, и от них дети передали бы паки своим детям; и так следуя из родов в роды в будущие веки»[1]. Этот подход отражал просветительские идеи эпохи, предполагавшие, что систематическое воспитание способно трансформировать общество, создав поколение «новых людей», свободных от предрассудков прошлого.

Телесные наказания как традиционный педагогический метод подверглись радикальному пересмотру в рамках новой образовательной парадигмы XVIII века. В контексте реформирования воспитательных практик И.И. Бецкой в нормативных документах Воспитательного Дома категорически запретил применение физического воздействия: «Единожды навсегда ввести в сей Дом неподвижный закон и строй сей утвердить, никогда и ни за что не бить детей, ибо не удары в ужас приводят, а страх умножается в них от редкости наказаний, что есть самое действительное средство к их поправлению, да и по физике доказано, что бить детей, грозить и бранить, хотя и причины к тому бывают, есть существенное зло... Сердца и ожесточаются; в правах лишаются кротости, которая есть мать человечеству»[2]. Данная позиция отражала принципиально новый антропологический подход в педагогике, где акцент смещался с физического устрашения на формирование внутренней дисциплины через осознание последствий своих действий. Философско-педагогическая концепция Бецкого базировалась на просветительских идеях о природной доброте человека и пагубности насильственных методов воспитания, которые, по его убеждению, не только не способствовали нравственному совершенствованию, но и приводили к эмоциональной деформации личности, разрушая естественную склонность к добродетели. Этот нормативный запрет стал важной вехой в гуманизации образовательного процесса, предвосхитив современные психолого-педагогические теории о негативном влиянии физического насилия на когнитивное и эмоциональное развитие ребенка. Реформа,

[1] *Понамарева В.В.* «Золотой век» Екатерины и образование // Педагогика. – 1999. – № 1. – С. 70.
[2] Учреждения и Уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола. – Санкт-Петербург. – 1774. – Т. 1. – С. 34

начатая «Генеральным Учреждением», привела к созданию сети училищ: мещанского при Академии художеств, Воспитательных домов в Москве и Петербурге, Общества благородных девиц с мещанским отделением и Коммерческого училища. Бецкой настаивал на пересмотре статуса женщины-матери и воспитательницы. Ключевой шаг – основание в 1764 г. по его инициативе Воспитательного общества благородных девиц (Смольного института) – первого в Европе светского женского учебного заведения, что закрепило переход к просветительской модели формирования «новой породы людей»[1].

Воспитательный процесс в Смольном институте был организован согласно строго регламентированному распорядку дня, где учебные занятия систематически чередовались с рекреационными мероприятиями: педагогически обоснованные прогулки на свежем воздухе следовали за классами, а приемы пищи сопровождались дозированными играми, подобранными в соответствии с «склонностями и временем» воспитанниц. Организационная структура управления Воспитательным обществом представляла собой многоуровневую систему: высший руководящий орган - Совет Попечителей, включавший видных государственных деятелей эпохи - сенатора и генерал-поручика И.И. Бецкого, графа П.И. Панина, тайного советника князя И.Ю. Трубецкого и секретаря императрицы С. Козмина. Исполнительные функции осуществлялись начальницей института, обладавшей широкими административными полномочиями: от кадровых вопросов (назначение и увольнение персонала) до финансового контроля (прием отчетов от эконома о расходах) и академического администрирования (выдача аттестатов выпускницам, награждение отличившихся)[2]. Вспомогательные управленческие функции возлагались на Правительницу, в чьи обязанности входил непосредственный надзор за педагогическим составом (надзирательницами и учительницами)[3]. Штатное расписание учебного заведения включало 29 преподавателей различных дисциплин: от фундаментальных (русский и иностранные языки) до специальных (рисование, вокальная и инструментальная музыка) и прикладных (история, география, геральдика, архитектура), а также двух танцмейстеров, что свидетельствовало о комплексном подходе к женскому образованию. Смольный институт как высшее женское учебное заведение закрытого типа предполагал полную передачу родителями опекунских прав Воспитательному обществу на весь период обучения, причем Устав категорически запрещал досрочный отзыв воспитанниц до достижения ими совершеннолетия (18 лет).

Создание Смольного института как первого в России светского учебного заведения для женщин неразрывно связано с деятельностью Ивана Ивановича Бецкого, чьи педагогические взгляды нашли отражение в его личных записях и официальных документах. Бецкой изложил свою концепцию формирования «новой породы людей», подчеркивая, что «воспитание должно дать не только знания, но и добродетели, украшающие человечество»[4]. Особое внимание он уделял женскому образованию, считая, что «от просвещения женщин зависит благосостояние всего общества, ибо они первые воспитательницы юношества»[5]. Личная переписка Бецкого с Екатериной II свидетельствует о его настойчивости в реализации этого проекта: «Ваше Императорское Величество, учреждение Воспитательного общества благородных девиц есть дело

[1] Антология педагогической мысли России XVII в. – Москва, – 1985. – С. 21.

[2] Устав воспитания двухсот благородных девиц. Генеральный штат Воспитательного общества. – Санкт-Петербург, 1774. – Гл. 1., Разд. 1.

[3] Устав воспитания двухсот благородных девиц. Генеральный штат Воспитательного общества. – Санкт-Петербург, 1774. – Гл. 1., Разд. 4, §4

[4] *Бецкой И.И.* Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества. – Санкт-Петербург, 1789. – Т. 1. – С. 45.

[5] *Бецкой И.И.* Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества. – Санкт-Петербург, 1768. – С. 12.

величайшей важности, ибо через воспитание матерей преобразуется все государство»[1]. Организационная структура института, разработанная Бецким, отражала его убеждение в необходимости изоляции воспитанниц от «вредного влияния среды»: «Девицы должны быть удалены от всего, что может развратить их нравы, дабы выйти из стен заведения совершенными в добродетели»[2]. В дневниковых записях 1765 года Бецкой подробно описывает процесс отбора преподавателей, отмечая, что «учителя должны быть не только учеными, но и добронравными, дабы примером своим утверждать в воспитанницах любовь к добру»[3]. Финансовая сторона проекта также находилась под его личным контролем, о чем свидетельствуют отчеты в Сенат: «На содержание Воспитательного дома и училища при Смольном монастыре требуется 50 тысяч рублей ежегодно, ибо скупость в сем деле есть величайший вред»[4]. Особый интерес представляют замечания Бецкого о дифференцированном подходе к образованию разных сословий: «Мещанское отделение должно готовить добрых жен и матерей, тогда как благородным девицам надлежит получить образование, соответствующее их высокому положению»[5]. Критически оценивая традиционные методы воспитания, Бецкой настаивал на отмене телесных наказаний: «Страх должен происходить не от побоев, а от стыда преступить добродетель»[6]. Результатом его деятельности стало создание уникального для России XVIII века образовательного учреждения, сочетавшего европейские педагогические идеи с практическими задачами российского просвещения. Как отмечал сам Бецкой в заключительной части «Генерального учреждения», «сей институт есть первый опыт воспитания нового человека, и от успеха его зависит будущее многих поколений»[7].

В XVIII веке под влиянием Просвещения И.И. Бецкой в «Генеральном учреждении» провозгласил: «корень всему злу и добру — воспитание», запретил телесные наказания и создал систему закрытых учебных заведений для «новой породы людей». Смольный институт стал первым в Европе светским женским учебным заведением. Бецкой считал, что через воспитание матерей преобразуется государство, и заложил основы женского образования, синтезировав европейские идеи с российскими реалиями.

THE ROLE OF I.I. BETSKY IN THE CREATION OF THE SMOLNY INSTITUTE (BASED ON THE MATERIALS OF EGO DOCUMENTS)

E.E. Denisova
Belgorod National Research University

Under Catherine II, Ivan Betskoy’s 1764 «General Institution» aimed to create a «new breed of people» through isolated schools that strictly forbade corporal punishment. That same year he founded the Smolny Institute, the first secular state school for girls in Russia and Europe, offering separate curricula for noble and middle-class pupils. Betskoy believed that educating future mothers would transform the entire state, merging Enlightenment pedagogical ideas with Russia’s social hierarchy.

Key words: women’s education in Russia, new breed of people, prohibition of corporal punishment, Smolny Institute for Noble Maidens, secular female education.

[1] Екатерина (императрица российская) Переписка императрицы Екатерины II. С разными особами. – Санкт-Петербург, 1807. – С. 23.
[2] *Бецкой И.И.* Собрание учреждений и предписаний… – С. 51.
[3] *Тарапыгин Ф.А.* Материалы для истории С.-Петербургского воспитательного дома. – Санкт-Петербург, 1878. – С. 69.
[4] *Там же.* – С. 34.
[5] *Бецкой И.И.* Рассуждения о воспитании детей. – Санкт-Петербург, 1766. – С. 118.
[6] Антология педагогической мысли России XVII века. – Москва, 1985. – С. 335.
[7] *Бецкой И.И.* Генеральное учреждение… – С. 2.

УДК 94(47)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СЕКТАНТСТВА В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: АНАЛИЗ ДАННЫХ «ОБЗОРОВ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ»

Н.А. Клышнюк
Научный руководитель – к. и. н. Е.А. Ганжов
Центр образования «Акрон-академия Коноплёва»
nikolais3@yandex.ru

Актуальность изучения проблемы. 1. Религиозная политика. Секты как формы «нетрадиционной религиозности» могут быть оценены и оцениваются как экстремистские, угрожающие национальной безопасности России. Историческая статистика показывает в цифрах, где проходила граница сект в прошлом и как они менялись. 2. Демография и миграция. История XIX века дает данные о движении населения и сектантов, а также религиозных и политических мотивах, влияющих на миграцию. Изучение истории миграционных процессов прошлого может лучше понять процессы настоящего. 3. Низкая степени изучения исторической статистики сектантства. При большом количестве источников по статистике и движению населения в России/Курской губернии сохраняется слабая научная изученность проблемы. Дореволюционные исследователи: Корнилов А.А., Милюков П.Н., Пругавин А.С. – касались проблемы точности числа сектантов[1]. Современные исследователи системно изучали проблемы статистки дореволюционного сектантства[2]. В 2010 году была опубликована диссертация д. и. н. Борщик Н.Д. на тему: «Эволюция государственной системы учета населения России в XVII-XIX столетиях: на материалах Курского края»[3].

Цель: Описать динамику численности сектантства в Курской губернии с конца XIX века по начало XX века.

Задачи: 1. Провести анализ доступных статистических данных и выявить, используя сравнительный метод, ключевые тенденции и изменения. Сравнивается уровень численного прироста сектантства относительно прироста населения губернии (преобладающее православие). 2. Выявить влияние социально-экономических и политических событий на численность сектантства. 3. Рассмотреть причины разницы между официальными и реальными данными числа сектантов.

Главным источником статистических данных по движению населения Курской губернии и количеству сектантов являются «Обзоры Курской губернии».

Обзоры губерний Российской империи являлись приложениями к ежегодным всеподданнейшим отчетам губернаторов, которые представлялись императору и министру внутренних дел.

Первый «Обзор Курской губернии» за 1870 г. составлен и опубликован в 1871 г. В обзор включались справочные статистические сведения и данные, служащие к подтверждению и подкреплению заключающихся в отчете выводов и предположений и необходимые для разработки разного рода правительственных мероприятий.

Отчетный период, охватываемый обзорами, составляет, как правило, один календарный год (например, с 01.01.1870 по 01.01.1871) (искл. «Обзор за 1897 г.», данные начинаются с 28.01.1897 г.).

---

[1] *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. Ч. 1. – Москва, 1918. – 283 с.; *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т.II (Ч.1). – Москва, 1994. – 417 с.; *Пругавин А.С.* Раскол и сектантство в русской народной жизни. С критическими замечаниями духовного цензора. – Москва, 1905. – 95 с.;

[2] *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. – Изд. 2-е, сокр. – Москва, 2013. – 644 с.; *Апанасёнок А.В.* Религиозные диссидента в российской провинции: очерки истории духовных движений Курской губернии в конце XVIII – начале XX века. – Курск, 2010. – 200 с.

[3] *Борщик Н.Д.* Эволюция государственной системы учета населения России в XVII-XIX столетиях (на материалах Курского края). Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Москва, 2010. – 43 с.

С 1871 по 1916 год было опубликовано 46 «Обзоров за 1870-1915 гг.».

В работе исследуются данные 45 «Обзоров» (отсутствуют данные «Обзора Курской губернии за 1896 г.).

Согласно ежегодным «Обзорам…» Курской губернии, можно установить, что крупнейшими представителями инакомыслия в губерниях Центрального Черноземья на рубеже XIX-XX вв. являлись старообрядческие толки (поповцы, беспоповцы и беглопоповцы), рационалистические (адвентисты, баптисты, духоборы, толстовцы, штундисты) и мистические секты (скопцы, хлысты). С конца XIX по начало XX в., также как и во всей России, в Курской губернии прослеживается общее увеличение числа раскольников и сектантов.

На основании анализа уровня ежегодного прироста всего населения Курской губернии, степени прироста старообрядцев и сектантов можно сделать вывод о степени прироста населения Курской губернии и увеличении числа раскольников и сектантов на рубеже XIX-XX вв.: 1) общий ежегодный прирост населения Курской губернии составляет ≈ 1-3 %; 2) общие ежегодное увеличение численности раскольников на ≈ 2-5 %; 3) общее ежегодное увеличение численности сектантов на ≈ 10-20 %. Как видим, наиболее активным по степени увеличения числа приверженцев является процесс увеличения численности сектантов, который превышает степень увеличения числа населения губернии и числа старообрядцев.

Кроме этого:

1. Раскольники – статистический рост до 1890-х (~25–27 тыс.), затем снижение (1892–1898; в эти годы не указывали точные данные, а только округленные), затем вновь рост с 1901 до 27 тыс. в 1915.

2. Сектанты – данные статистические начинаются с 975 душ обоего пола в 1870, отсутствие числа сектантов с 1892 по 1901; резкий рост с 1902: от 355 до 3400 к 1915. Особенно рост **баптистов, штундистов, адвентистов**.

В 1902 году впервые в «Обзорах» разделены данные раскольников и сектантов.

Изучение прироста населения и увеличения числа раскольников и сектантов Курской губерний позволяет предположить, что стремительное увеличение численности сектантства, превосходящие по своей степени число ежегодного увеличения населения губернии, не всегда зависит от естественного прироста, а может прозелитизмом среди православного или раскольнического населения, выхода из «подполья» скрывающихся сектантов и т.д.

При работе со статистическими данными нужно учитывать, что число раскольников и сектантов, представленное в официальных статистических документах, не в полной мере отражает действительное их количество, и, по мнению ряда исследователей, является заниженным.

Исследование религиозной жизни в Курской губернии в XIX-XX вв. дают основания для скептицизма в адрес официальных данных численного состава старообрядчества и особенно сектантства.

Исследователи статистики сектантов в целом по Российской империи XIX века отмечают, что разница между официальными и реальными данными объясняется тем, что и полиция, и духовенство были заинтересованы в сокрытии истинного числа сектантов и раскольников. Полиция находила в скрытой помощи преследуемых, путем их сокрытия, верный источник дохода[1]. Духовенство же, помимо этого мотива, боялось показывать действительные цифры, т.к. за этим последовал бы выговор за недостаточную бдительность и активность. Оно обычно показывало прошлогоднюю цифру[2], уменьшая её несколько, чтобы доказать своё рвение[3].

---

[1] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. – Москва, 1994. – Т 2. – С. 233.

[2] Ср.: Обзор Курской губернии за 1909 год. Курск, 1910. – С. 69; Обзор Курской губернии за 1910 год. Курск, 1911. – С. 73-75; Обзор Курской губернии за 1914 год. Курск, 1915. – С. 78; Обзор Курской губернии за 1915 год. Курск, 1916. – С. 55.

[3] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. – Москва, 1994. – Т. 2. – С. 233; *Шутаев Ю.В.* Религиозное инакомыслие в российской провинции второй половины XIX – начала XX в. в зеркале

Также представители всех инакомыслящих форм вероисповедания всегда старались избежать государственного надзора и поэтому часто скрывали свою конфессиональную принадлежность, о чем также упоминается в «Обзорах…» Курской губернии[1] и прочих документах[2].

Исследователи отмечаются своеобразную «мимикрию» сектантов. В первую очередь это относилось к членам сект, признаваемых в России «особо вредными», а в дальнейшем «изуверскими». Представители данных сект маскировались под православных христиан, открыто посещали православные приходы[3].

Одновременно с этим следует отметить и другую особенность мистических сект, а в особенности скопцов и хлыстов. В обрядовой сфере данные группы очень схожи и часто главным отличительным признаком скопцов от хлыстов было наличие телесных повреждений[4].

Подводя итоги, нужно отметить, что вопросу численного состава сектантства в Российской империи уделялось довольно пристальное внимание. Статистические данные по сектантству в России, а также отдельно по Центральному Черноземью и по губерниям позволяют увидеть широкую картину религиозного движения инакомыслия в целом и сектантства в частности.

THE NUMBER OF SECTS IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES. (BASED ON THE ANNUAL "REVIEWS OF THE KURSK PROVINCE") N.A. KLYSHNJUK

This article describes the numerical composition of sectarians in Kursk Governorate at the turn of the 20th century. The primary historical source is the "Obzor of Kursk province." The author assesses the problem of statistical analysis of sectarianism in Kursk province at the turn of the century.

Keywords: Russian Empire, sectarianism, numerical composition, Kursk province.

УДК 94

ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА ХРАМОВ-ПАМЯТНИКОВ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА НА ПРИМЕРЕ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

А. Р. Красноперова
Научный руководитель – к. и. н., доц. В. С. Кулабухов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1721188@bsu.edu.ru

Совсем недавно в нашей стране православные верующие отметили один из важнейших церковных праздников – день Великой Пасхи, наполненный светом, душевным теплом и верой. По всей стране прошли праздничные службы, но главная состоялась в храме Христа Спасителя. В пасхальном богослужении в самом главном

статистических данных // Пятые Дамиановские чтения (материалы Всероссийской научно-практической конференции, ч. 2). Курск, 2008. – С. 36; *Эткинд А.* Хлыст. – Москва, 2013. – С. 39.

[1] Обзор Курской губернии за 1902 год. Курск, 1903. – С. 56; Обзор Курской губернии за 1903 год. Курск, 1904. – С. 44-45.

[2] См.: Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Разработано Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних Дел. /Б.м., 1901. – С. 2.

[3] *Шутаев Ю.В.* Религиозное инакомыслие в российской провинции второй половины XIX – начала XX в. в зеркале статистических данных // Пятые Дамиановские чтения (материалы Всероссийской научно-практической конференции, ч. 2). Курск, 2008. – С. 36.

[4] Обзор Курской губернии за 1906 год. Курск, 1907. – С. 44; Обзор Курской губернии за 1908 год. Курск, 1909. – С. 70-71; Обзор Курской губернии за 1909 год. Курск, 1910. – С. 69; Обзор Курской губернии за 1910 год. Курск, 1911. – С. 73-75.

кафедральном соборе России принял участие также и глава государства Владимир Владимирович Путин вместе с мэром Москвы Сергеем Собяниным.

Данное событие имеет достаточно важное значение, поскольку служба в главном храме современной России с одной стороны свидетельствует об огромной значимости события в честь которого был построен данный собор, а с другой – показывает заинтересованность власти в сохранении и приумножении памяти о павших, связанных с этой Святыней.

Как отмечает ряд исследователей, в современных условиях особая, объединяющая роль отводится патриотизму, воспитательным функциям отечественной истории[1]. История России должна быть известна всем, но история не формальная, а история духа русской нации[2], основой которой является с одной стороны история Церкви, а с другой – её воплощение в церковной архитектуре.

В специализированной литературе встречается информация о том, что христианская вера и православные храмы, как важнейший элемент ее сохранения в виде архитектурных памятников, сыграли огромною роль в историческом развитии нашего Отечества.

Так традиционно считается, что важное значение в принятии Владимиром I христианской веры имела красота храма Константинопольской Софии. Согласно летописному преданию, послы Владимира, побывав на богослужении в этом храме, были поражены его архитектурой, великолепием богослужения и убранством. Они вернулись в Киев с восторженным сообщением: «... и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой...»[3]. Именно этот храм в дальнейшем послужил образцом в возведении монументальных христианских сооружений на территории Древней Руси.

Согласно церковной истории, христианский храм, играя важную роль в сохранении и передаче культурного и духовного наследия[4], имеет достаточно много различных функций, среди которых необходимо отметить следующие:

Во-первых, православный храм являлся особо устроенным и приспособленным местом для совершения богослужения, в котором совершались таинства Церкви и особенно таинство Тела и Крови Христовой (таинство причащения)[5].

Во-вторых, традиционно в храмах устраивались так называемые скриптории, где производилась переписка книг, а также их изготовление[6]. В связи с этим церковь играла важнейшую роль – учительство, т. е. толковала и раскрывала смысл слова Божия; а также поучала и наставляла[7].

В-третьих, помещения храмов также являлись местом проведения государственных церемоний (например, присяга новому князю, совещания, посвящённые церковным и государственным делам) [8].

В-четвертых, каменные церкви нередко служили горожанам укрытием в моменты бедствий – пожаров или нападений врагов[9]. Согласно православной традиции, особую оберегающую роль отводили Святым Церкви, которые считались посредниками между

---

[1] *Печень Н.А.* Символы воинской славы. – Москва, 2004. – С. 3.

[2] *Ковалевский П.И.* Русский национализм и национальное воспитание в России. – Москва, 2006. – С. 212.

[3] *Майко В.В., Яшаева Т.Ю.* Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения». – Калининград, 2016. – С. 145.

[4] *Ельчанинов А., Эрн В., Флоренский П.* История религии: С приложением статьи С.Н. Булгакова: «О противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения». – Москва, 1909. – С. 138.

[5] *Кеслер М.Ю.* Православные храмы. В трех томах. / Идея и образ. – Москва, 2004. – Т. 1. – С. 93.

[6] *Ляхова К.А.* Популярная история архитектуры. – Москва, 2001. – С. 166.

[7] *Ельчанинов А.* История религии: С приложением статьи С.Н. Булгакова: «О противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения» / А. Ельчанинов, В. Эрн, П. Флоренский. – Москва, 1909. – С. 138.

[8] *Ляхова К.А.* Указ. Соч. – С. 167.

[9] *Там же.*

Богом и людьми, а также покровителями и заступниками Земли Русской, помогающие защищать страну от внешних врагов и разрушительных сил.

Необходимо отметить тот факт, что на погостах или кладбищах на Руси традиционно воздвигались часовни для поминовения усопших людей. Данная практика затем перешла на более высокий уровень, т.е. стали строиться новые храмы в честь погибших в различных воинах, воплотившие в своей архитектуре идею божественного заступничества и народного подвига[1].

В научных работах как светские, так и духовные исследователи, отмечают, что такие архитектурные сооружения получили название храмов-памятников – это был особый вид религиозных сооружений, которые строились на значимых местах и в честь каких-либо событий или личностей в истории государства и Церкви[2]. Их основными отличительными чертами были: победно-триумфальный характер архитектурной композиции и наличие в интерьерах мемориальных предметов (как правило, икон), сопровождающих воевод в походе[3].

В данной статье особенно хотелось бы обратить внимание на роль православной церкви в увековечивании памяти о павших воинах во второй половине XIV века, в частности Куликовской битвы.

По мнению отечественных историков, монголо-татарское иго нанесло огромный ущерб экономическому, политическому и культурному развитию Руси. Военные набеги и опустошения, унизительное получение русскими князьями ханского ярыка на собственное княжение, непосильная выплата ордынского «выхода», размеры которого достигали 15 000 рублей в год[4] – все это требовало дать немедленный отпор сильному врагу, поэтому еще в 1378 году началась серьезная дипломатическая подготовка к сражению[5].

В исторической литературе существуют разные сведения и серьезные разногласия относительно того, какова была численность противоборствующих сторон. Согласно мнению ряда отечественных историков численность русских войск Дмитрия Донского могла достигать от 36 тыс. до 150 тыс. человек. Тогда как численность войск татарской коалиции Мамая составляла от 200 тыс. до 300 тыс. воинов[6].

Несмотря на такое численное превосходство татаро-монгольского ига, армия Московского князя одержала победу и разгромила войско Мамая, которое понесло огромные человеческие потери[7].

Необходимо отметить, что в честь победы русского оружия на Куликовом поле, дарованной отвагой нашего народа, в 1380 году Дмитрием Донским был воздвигнут Николо-Угрешский монастырь во имя Святителя и Чудотворца Николая, который по легенде явился князю перед самим сражением, как символ чудесного предзнаменования[8].

Это событие показывает, что даже в особо сложные времена для Руси православная церковь по-прежнему имела важное значение. Дмитрий Донской, осознавая необходимость подчеркнуть роль божественного заступничества святых и воинства небесного в битве с войском Мамая, инициировал строительство первого храма-памятника, который стал образцом для последующего храмового зодчества.

---

[1] *Кириченко Е.И.* Храм Христа Спасителя в Москве. История проектирования и создания собора. – Москва, 1992. – С. 6.

[2] *Кеслер М.Ю.* Православные храмы. В трех томах. Указ. Соч. – Т. 2. – С. 86.

[3] *Нащокина М.В.* Храмы-памятники // Альманах всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – Москва, 1988. – № 1. – С. 143.

[4] *Кучкин В.А.* Русь под игом: как это было? – Москва, 1991. – С. 22.

[5] *Егоров В.Л.* Золотая Орда: мифы и реальность. – Москва, 1990. – С. 58.

[6] *Похлебкин В.В.* Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв., 1238-1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. – Москва, 2000. – С. 57-58.

[7] *Там же.* – С. 61.

[8] *Тудоси Л.* Первый храм-памятник // Альманах «Памятники Отечества» / ред. Т.А. Князева, В.Ф. Горелов, В.В. Замаева. – М., 1980. – С. 95

Данная традиция не уходила из сознания русского народа и в последующие времена. Так, в честь величайших сражений и побед русского оружия было построено множество триумфальных арок, пирамид, обелисков и колонн, но все это были светские памятники. Тогда как одна из самых великих войн, которую впервые назвали Отечественной, потребовала другого памятника[1].

Идея построения храма-памятника в то время в Российской империи воскрешала древнюю традицию обетных храмов, возводившихся в знак благодарности Богу за дарованную победу и вечное поминовение о погибших[2], что проявилось в создании храма Христа Спасителя в Москве во второй половине XIX века

Мысль о строительстве храма Христа Спасителя принадлежала Императору Александру I Благословенному. Исполненный безграничной благодарности к Промыслу Божию за спасение России от угрожавшей ей гибели и относя весь успех, всю славу Русского оружия в течение этой беспримерной войны только к особенной милости Всевышнего, Государь дал обет воздвигнуть Спасителю Храм, который вечно напоминал бы отдаленному потомству о доблестных деяниях его предков[3].

Многие исследователи пишут о том, что, храм Христа Спасителя строился почти 44 года[4]. И наконец, в праздник Вознесения Господня 26 мая 1883 года в 8 часов утра над Москвой впервые зазвонили колокола Храма. И с этого времени в нем начались регулярные богослужения. В Храме торжественно отмечались коронации, всенародные праздники и юбилеи[5].

В последствии данное архитектурное сооружение становится Первым музеем Отечественной войны 1812 г., а его своеобразной летописью – обходная галерея храма. В нишах стен было установлено 177 мраморных мемориальных плит, на которых указывалось время и место всех сражений 1812–1814 гг., перечислялись участвовавшие в них воинские части, а также фамилии убитых и раненых офицеров, отмечалось общее число выбывших из строя нижних чинов, «именами отличившихся», т.е. получивших высшие награды[6].

В годы гонения советской власти на христианскую религию выше названный храм был подвергнут разрушению[7], но даже и в то время в душе народа не угасала память об этой Святыне как о главном храме-памятнике, связанном с важнейшими страницами отечественной истории.

Хочется отметить, что образ самого храма, как центр памяти о погибших за Родину воинов, нашел свое воплощение и в памятниках отечественной фалеристики. Так в 1882 году императором Александром III была учреждена медаль «В память освящения храма Христа Спасителя в Москве»[8].

На лицевой стороне медали были расположены витиеватые вензели Александра I, Николая I, Александра II и Александра III, расположенные один за другим под императорской короной, указывающие на то, строительство храма велось на протяжении царствования четырех императоров[9]. Носили медали на груди, на ленте ордена св. Александра Невского, который признан покровителем русского воинства.

Таким образом, храм Христа Спасителя представляет собой уникальный пример синтеза церковной архитектуры и воинской мемориальной традиции. Через символику форм, декоративные элементы и эпиграфику он воплощает идею сакрализации подвига

---

[1] *Халин К.Е.* Ордена и медали России. – Москва, 2006. – С. 170.
[2] *Там же.* – С. 170-171.
[3] *Мостовский М.С.* История храма Христа Спасителя в Москве. – Изд. 3-е, доп. манифестами 1812 г. и историей освящения храма – Москва, 1884. – С. 3.
[4] *Романова С.Н.* Храм Христа Спасителя. – Москва, 2000. – С. 13-14.
[5] *Там же.* – С. 87.
[6] *Губарева М.В., Низовский А.Ю.* 100 великих храмов мира. – Москва, 2000. – С. 471.
[7] *Там же.* – С. 472.
[8] *Халин К.Е.* Указ. Соч. – С. 169.
[9] *Там же.* – С. 170.

русского воинства. Его история демонстрирует, как религиозные памятники становятся носителями национальной памяти, сохраняя связь между прошлым и современностью.

Подводя итоги, можно сказать, что:

Во-первых, храмы-памятники с древнейших времен выступают значимым инструментом сохранения исторической памяти народа. Они фиксируют важные события и ценности, объединяют поколения вокруг общего прошлого и укрепляют национальную идентичность.

Во-вторых, традиция возведения храмов-памятников, берущая начало с Николо-Угрешского монастыря, воздвигнутого Дмитрием Донским после Куликовской битвы, стала важным способом увековечения исторических побед и выражения благодарности за небесное покровительство.

В-третьих, храм Христа Спасителя, как один из величайших храмов России, является славным памятником великих подвигов русских богатырей, положивших душу свою за родную землю и святую веру православную[1]. В наше время данная Святыня сияет нетленной красотой, являясь одним из доминирующих архитектурных центров города[2], видимым образом свидетельствуя, что, несмотря ни на какие временные трудности и испытания, Россия преображается и идет вперед, опираясь на исконные исторические, духовные и культурные традиции Святой Руси[3].

CHURCH ARCHITECTURE OF MONUMENT TEMPLES AS A WAY OF REFLECTING THE HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE ON THE EXAMPLE OF THE CATHEDRAL OF CHRIST THE SAVIOR

A.R. Krasnoperova
Belgorod State National Research University

This article explores the role of Orthodox churches and monuments in preserving historical memory and strengthening Russia's national identity. Using the examples of the Nikolo-Ugreshsky Monastery (founded after the Battle of Kulikovo) and the Cathedral of Christ the Savior (erected in honor of the victory in the Patriotic War of 1812), it demonstrates how religious buildings became symbols of military victories and divine protection. The author emphasizes the centuries-old tradition of commemorating historical events through church construction, as well as the significance of such monuments as a link between generations. The special role of the Cathedral of Christ the Savior is noted not only as a spiritual center, but also as a memorial complex, enshrining in the people's memory the exploits of Russian soldiers.

Key words: temples-monuments, Cathedral of Christ the Savior, historical memory, church architecture, memorial tradition.

УДК 94(47)

ФОРМЫ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАЛЕРИСТИКЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф.А. ГОЛОВИНА

А.М. Курилко
Научный руководитель – к. и. н., доцент В. С. Кулабухов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
kurilko-andrei@mail.ru

Сакральное понимание служение Родине в России имеет глубокие корни. Понятие патриотизма, когда интересы государства, важнее интересов отдельного человека, были

[1] *Романова С.Н.* Указ. Соч. – С. 7.
[2] *Халин К.Е.* Указ. Соч. – С. 172.
[3] *Романова С.Н.* Указ. Соч. – С. 6.

сформированы ещё в античности[1]. При этом мысли античных философов о том, что «Отечество – это то, что надлежит почитать и составляет смысл жизни человека» – эллина Лукиана, «самые благородные помышления – о благе отечества» – римлянина Цицерона, становятся частью и русского культурного кода, ведь Россия, приняв христианство византийского образца, унаследовало и византийские культурные традиции патриотизма, в соответствии с которыми «земное Отечество» включало в себя и церковь, и государство, признавая при этом сложные и противоречивые отношения между ними[2].

Возникшие в Средние века светские ордена представляли собой братство рыцарей, особо благородных и благочестивых. Но с закатом Средневековья и наступлением Нового Времени, ордена стали превращаться в знаки пожалования главы государства, а прежнее их значение постепенно уходило в прошлое[3].

В России традиции награждения за заслуги перед Отечеством и царём подарками, оружием, чинами, орденами, медалями и прочим существуют также несколько столетий.

Еще во времена Киевской Руси за совершенный в бою подвиг был обычай награждать война золотой шейной гривной. Развитие системы поощрений за государственную службу в XV-XVI вв. связано с централизацией и укреплением Русского государства[4].

По мнению многих исследователей, занимающихся изучением петровских реформ, Русская армия в конце XVII столетия отставала в плане боеспособности от ведущих европейских армий – поместная система, по которой комплектовалась армия во время войны, и стрелецкие полки уже изжили себя. Попытка организации полков нового строя обходилась дорого казне, что не позволяло иметь большую постоянную армию. Офицеров приходилось нанимать за границей.

Но данная практика, в свою очередь, не отвечала запросам русского общества, поскольку являлось лишь наёмничеством. Для русского же общества характерно определение патриотизма, данное Радищевым как «бескорыстное стремление служить делу процветания своей Родины, твердость в предприятии, неутомимость в исполнении»[5].

И потому важнейшим элементом петровских реформ являлось создание собственного военного потенциала, основанного на патриотизме – беззаветному служению собственному Отечеству.

Используя зарубежный опыт, Петр I стремился создать закрытую политическую организацию с целью объединение вокруг себя преданных людей, прообразом которой были кавалерские светские ордены Западной Европы.

Чтобы объективно понять стремление Петра I выделить особо отличившихся людей в проведении его реформаторской деятельности необходимо проанализировать причины появления данной награды, но и главное, кого царь-реформатор хотел видеть в своём закрытом сообществе, в виде учрежденного ордена.

Первый в России орден, учрежденный на рубеже XVII –XVIII вв., появился именно в таком качестве. Орденом награждались соратники и союзники Петра I. Важнейшим становилось уже не знатность рода, но личные заслуги и преданность монарху.

«Благороднейшие и к чести и славе стремящиеся души обвыкли предпочитать уважение, характер и публичное возвышение и знаки монаршей милости, отличающиеся от прочих, многих других награждениям, имениями и подарками.

---

[1] *Иванова М.Е., Резепова Н.В.* Патриотизм и служение отечеству как национальная идея: общественно-исторический обзор // Актуальные вопросы исторических наук. – 2023. – С. 145.

[2] *Мурзина И.Я.* Концепт "отечество" в патриотическом дискурсе. // Вестник славянских культур. – Екатеринбург, 2017. – Т. 46. – С. 39

[3] *Кузнецов А.А.* Ордена и медали России. – Москва,1985. – С. 11.

[4] *Кузнецов А.А.* Ордена и медали России. – Москва,1985. – С. 3.

[5] *Иванова М.Е., Резепова Н.В.* Патриотизм и служение отечеству как национальная идея: общественно-исторический обзор. // Актуальные вопросы исторических наук. – 2023. – С. 149.

… ничто так не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия и славолюбия, как явные знаки и видимое за благодетель воздаяние» – указывал Пётр I в проекте статута первого российского ордена[1].

Первый и главнейший орден Святого Апостола Андрея Первозванного был учрежден 30 ноября 1698 года. Согласно требованиям, необходимо было учредить его статут согласно которого и действовали все рыцари данного кавалерского ордена. При составлении первого статута ордена, который так и не был утвержден, в качестве образца был выбран французский орден Святого Духа[2].

Особо хотелось тот факт, что первым кавалером вновь учрежденного ордена10 марта 1699 года стал боярин (в последствии граф), глава Посольского приказа, генерал-адмирал (в последствии генерал-фельдмаршал) Фёдор Алексеевич Головин[3], который был «идеальный» служитель – одним из ярчайших соратников Петра I в преобразовании России, именуемых в литературе, «птенцов гнезда Петрова».

О факте его награждения в своём дневнике записал секретарь австрийского посольства в России Иоанн Георг Корб: «Его Царское Величество учредил кавалерский орден св. Андрея Апостола». И далее добавил: «Его Царское Величество пожаловал боярина Головина первым кавалером этого ордена и дал ему знак оного»[4].

Хотя первый проект орденского статута и не был утвержден, но имеющиеся сведения о нём позволяют сопоставить требования, предъявляемые Петром Великим к кавалерам ордена с биографией Фёдора Головина.

Анализ сохранившегося проекта статута 1720 года показывает, что орденом должны были награждаться «...в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и отечеству оказанные заслуги, а другим для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям; ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия и славолюбия, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние»[5].

Свою службу, один из самых приближенных к будущему царю-реформатору, Фёдор Головин, начал ещё при отце Петра I – Алексее Михайловиче. Следует заметить, что 26-тилетний Головин был одним из тех, кого умирающий царь Алексей Михайлович (1676 г.) оставил смотреть за своим младшим сыном – царевичем Петром[6]. В 1686 году, во время регентства царевны Софьи, Фёдор Алексеевич был отправлен на Дальний Восток представлять интересы России на переговорах о границе с Китаем. Где он, проявляя мужество, стойкость и дипломатическое мастерство смог добиться, возможно, наилучших результатом в сложных, практически боевых условиях, при полном военном превосходстве китайской стороны и невозможности получить подкрепление из России[7].

В исторической литературе указывается, что по возвращению в Москву Фёдор Головин становится одним из ближайших сподвижников царя-реформатора. В 1696 году он командует авангардом галер при взятии Азова. С 1697 года он руководил Оружейной платой.

Затем в 1697- 1698 гг. он учувствует в Великом посольстве. Великое посольство было крупнейшей дипломатической миссией своего времени. Целями Великого посольства были поднятие престижа Российского государства и налаживание

---

[1] *Кузнецов А.А.* Награды: Энциклопедический путеводитель по истории российских наград. – Москва,1998. – С. 6.

[2] *Винклер П.* Очерки истории орденов и знаков отличия в России от Петра Великого до наших дней. – Санкт-Петербург, 1899. – С.12.

[3] *Щуровский Г.Г.* Краткий очерк исторического развития орденов России. – Санкт-Петербург, 1866. – С. 8

[4] *Дуров В.А.* Русские награды XVIII – начала XX в. – Москва, 1997. – С. 13.

[5] *Дуров В.А.* Ордена России. – Москва, 1993. – С. 13

[6] Опыт обозрения жизни сановников, управляющих иностранными делами в России. Часть I. – Санкт-Петербург, 1837. – С. 183

[7] Опыт обозрения жизни сановников, управляющих иностранными делами в России. Часть I. – Санкт-Петербург, 1837. – С. 193.

дипломатических отношений между Россией и странами Западной Европы и, в первую очередь, поиск союзников для войны с Османской империей за выход к Чёрному морю. В задачи также входило привлечение в Россию специалистов необходимых для развития армии, промышленности и, в первую очередь, флота[1]. В ходе этой миссии русские послы посетили владения Швеции в Прибалтике, Бранденбург, Голландию, Англию, Австрию и Речь Посполитую. Головин был вторым руководителем Великого посольства, где распоряжался финансами посольства, вербовал на службу офицеров и различных специалистов для флота.

После возращения в Россию круг обязанностей Фёдора Алексеевича только расширяется: флот, армия, монетный двор, наместник Сибири и руководство дипломатическим ведомством[2].

За свои труды в 1699 году, что он становится первым кавалером недавно учрежденного ордена Андрея Первозванного.

В проекте статута отмечалось, что кавалер должен иметь графский или княжеский титул, звание сенатора, министра, посла «и прочих высоких достоинств», либо генеральский или адмиральский чин. Орден могли получить и губернаторы, которые «несколько лет, а по меньшей мере десять, оказали полезные и верные услуги»[3].

Условия этого пункта Фёдор Алексеевич, можно сказать, перевыполнил: он имел графский титул (пожаловал в 1702 году), а должности, которые он занимал, практически в точности повторяют список из статута[4].

Согласно статусу ордена, у кавалера, кроме того, не должно быть телесных недостатков, а возрастом он должен быть не моложе 25 лет и иметь приличное состояние для того, чтобы «важность сего события поддержать»[5].

Телесных недостатков Головин не имел, по крайней мере в литературе об этом ничего не сказано. На момент награждения орденов Фёдору Алексеевичу было почти 50 лет – он был не только соратником, но и наставником молодого ещё царя[6]. А будучи выходцем из знатного и богатого рода, он был богатым человеком. К тому же службу его Петр I оценивал по достоинству и награждал соответственно[7].

Поэтому и символично, что именно Фёдор Алексеевич, как первый кавалер ордена, в 1703 году возложил орден Святого Апостола Андрея на самого Петра за взятие двух шведских кораблей на Неве.

Так как один из пунктов утвержденного только в 1797 году статута гласил, что «никакие точные заслуги не определяются законом для достижения сего ордена и удостоение оным зависит единственно от Монаршего внимания к службе и отличиям высших чиновников государственных. Министрам и Главноуправляющим отдельными частями воспрещается входить с представлениями о награждении сим орденом, который жалуется не иначе, как по непосредственному ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА усмотрению». Это показывает, что кавалер не только должен верно служить, но и пользовать исключительным доверием со стороны государя. Именно таким доверием у Петра I и пользовался Фёдор Алексеевич за свою верную и безупречную службу[8].

---

[1] *Качанов И.И.* Причины реформирования различных сторон жизни российской действительности в конце XVII века и их отражение в деятельности Великого посольства. // Белгородский диалог – 2024: проблемы истории и филологии: сборник материалов XVI Международного молодежного научного форума. – 2024. – С. 66

[2] *Скрицкий Н.В.* Адмиралы России: гордость Императорского флота. – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 24.

[3] *Дуров В.А.* Ордена России. – Москва, 1993. – С. 13

[4] *Шикман А.П.* Деятели отечественной истории: Биогр. сл.-справ. [В 2 кн.]. – Москва, 1997. – С. 215.

[5] *Дуров В.А.* Ордена России. – Москва, 1993. – С. 13

[6] *Скрицкий Н.В.* Адмиралы России: гордость Императорского флота. – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 18.

[7] *Шишов А.В.* 100 великих кавалеров ордена Андрея Первозванного. – Москва, 2021.

[8] *Андреев И.Л.* Первый кавалер // Историк. — 2023. — № 100. – URL: https://историк.рф/journal/post/7012.

На основании вышеизложенного необходимо отметить следующее: без преувеличения можно сказать, что орденский девиз "ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ" был девизом жизни и службы Фёдора Алексеевича Головина[1].

Напряженная работа подорвала здоровье первого кавалера ордена Андрея Первозванного и в 1706 году по пути в Киев, куда его зовет находящийся там царь, он умирает. Практически до последнего дня своей жизни верно служа Родине.

Анализ биографии рассматриваемого первого кавалера самого престижного ордена Российской империи, а также современной России, показывает, что его жизни была наполнена примерами, в которых он верно и храбро служил Отечеству, ставя на первый план интересы Родины, а не собственные.

Как отмечают исследователи, Фёдор Алексеевич был практическим воплощением «идеального» кавалера ордена Андрея Первозванного, каким его видел Петр Великий.

Многие века, являясь атрибутами государств, ордена и медали остаются наиболее популярными и распространёнными знаками отличия, вручаемыми за ратный подвиг, трудовые свершения или мудрое руководство. По замечанию историка и специалиста в фалеристике И.В. Можейко: «нет общества, не знающего наград»[2].

FORMS OF SERVICE TO THE FATHERLAND AND THEIR IMPLEMENTATION IN RUSSIAN PHALERISTICS ON THE EXAMPLE OF F.A. GOLOVIN'S ACTIVITIES

A.M. Kurilko
Belgorod State National Research University

The article examines the reasons for the establishment of Russia's first order. The connection between the order system of Russia and Western Europe. Golovin's role in the implementation of Peter the Great's reforms. Golovin's compliance with the requirements of the statute of the Order of St. Andrew the First-Called.

Keywords: order, Peter the Great, Golovin, statute.

УДК 94 (47).083

ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНСКОЙ ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ВОРОНЕЖСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ)

А.С. Кутоманов
Научный руководитель – к. и. н., доц. Е.Н. Меньшикова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1730951@bsuedu.ru

Женщины в Российской империи в конце XIX – начале XX века имели больше закрепленных в законодательстве имущественных прав, нежели их современницы в Западной Европе. Они могли владеть движимым и недвижимым имуществом, заключать договоры и участвовать в судебных процессах[3]. Для подтверждения вышесказанного можно привести пример из газеты «Воронежские губернские ведомости» за 9 января 1891 года, где было дано объявление о публичной продаже недвижимого имущества вдовы штабс-ротмистра Анны Васильевны Хрущевой[4]. Имение представляло собой земельную собственность, размещавшуюся в Суджанском уезде Беловской волости, Курской губернии. В состав имения входили усадебное место в 4 десятины с фруктовым

[1] Полное собрание законов Российской империи. Том 24. – С. 570.
[2] *Потрашков С.В.* Награды стран мира. – Москва, 2010. – С. 10.
[3] *Краснова И.В.* Гражданская правоспособность женщин в России в имперский период // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2018. – № 2. – С. 90-91
[4] О продаже // Воронежские губернские ведомости. – 1891 год. – № 3. – С. 2

садом, огородом, конопляником, деревянным флигелем на каменном фундаменте и дощатой клетью, водяная мукомольная мельница на реке Псел с тремя амбарами, усадебным местом около 2 десятин и плотиной, земля в 525 саженей (из которой лесной около 8 десятин, под садом около 3 десятин, а остальная – пахотная. Указанное имущество было заложено у частного лица, некоего Сварского, на сумму в 10 тысяч рублей и в Обществе взаимного поземельного кредита, на сумму 3700 рублей «звонкою монетою»[1]. Мельница находилась в аренде у крестьянина Р.А. Овчарова до июля 1895 года за 1.000 рублей в год). Данный пример показывает, что вдова выступала как полноправная владелица и распорядительница недвижимостью.

Известная исследовательница проблем женской истории И.И. Юкина подчеркивает в своей статье то обстоятельство, что сословная принадлежность женщин определяло набор ее прав[2]. В своей работе исследовательница приводила в пример женщин из привилегированных и не привилегированных сословий. И первые обладали правом имущественной самостоятельности, что позволяло им заниматься благотворительностью и предпринимательской деятельностью. Мы можем подтвердить сказанное из материалов газеты «Воронежские губернские ведомости» за 1891 год[3]. Где указывается, что вдова генерал-майора О.А. Конкрина по духовному завещанию, утвержденному судом 7 июля 1889 г, пожертвовала Воронежской больнице 2500 рублей. Вообще брак в Российской империи создавал общую собственность супругов под управлением мужа, но также российское гражданское право закрепляло принцип раздельного владения имуществом супругами. Женщины были несколько ограничены в наследственных правах: дочерям полагалось 1/8 доля наследства в движимом имуществе и 1/14 в недвижимом имуществе [4]. При отсутствии сыновей сестры делили между собой имущество родителей в равных долях.

В материалах газеты «Воронежские губернские ведомости» за 16 марта 1891 года показан случай, когда недвижимое имущество принадлежало одновременно двум женщинам: задонской купчихе М.И. Пахомовой и мещанке П.Н. Фроловой[5]. Данное недвижимое находилось в Задонске Монастырской улице и состояло в двухэтажном доме с надворными постройками, оно было оценено в 500 рублей.

Анализируя массовые объявления о продажах имущества, принадлежавшего женщинам, публиковавшихся на страницах газеты «Воронежские губернские ведомости», можно сказать следующее: имущество продавали чаще всего из-за долгов. Можно привести несколько примеров, которые подтверждают данный тезис. Так, в номере газеты за 27 февраля 1891 года объявлялись продажи имущества, принадлежавшего вдове подпоручика, дочери поручика и жене купца, в счет погашения долгов перед двумя кредиторами (Грачевым и Самофаловым). Продаваемое имущество находилось в Орловской губернии в Ливенском уезде, Царевской волости, в даче села Александровского с выселками и представляло собой право на 13/14 долей земель, не входящих в крестьянский надел[6].

Также за 23 января 1891 года есть пример продажи имения[7]. Судебный пристав Курского окружного суда объявлял, что для удовлетворения претензии жены артиллерии капитана Зинаиды Левандовской производилась публичная продажа недвижимого имущества, принадлежавшего вдове подпоручика А.И. Оранской. Данное имение находилось в Курской губернии, в Старооскольском уезде, в дачах Бздоцкой и Рагоженской и заключалось в 163 десятинах земли (пашня, лес, болото) с усадьбой, на

[1] О продаже // Воронежские губернские ведомости. – 1891 год. – № 3. – С. 2.
[2] *Юкина И.И.* На пути к женскому гражданству в России: 1860-е-1917 гг. // Inter. – 2021. – № 3. – С. 96-97.
[3] О пожертвованиях // Воронежские губернские ведомости. – 1891. – № 15. – С .4
[4] Женщина в праве. С приложением всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола. – Санкт-Петербург, 1895. – № 4.
[5] О продаже // Воронежские губернские ведомости. – 1891 год. – № 21. – С. 3.
[6] О продаже // Воронежские губернские ведомости. – 1891 год. – № 17. – С. 2.
[7] О продаже // Воронежские губернские ведомости. – 1891 год. – № 7. – С. 2.

которой стояли деревянный новый дом, хата, амбары, конюшня, ледник и сарай. Имение состояло в залоге у Харьковского земельного банка. Таким образом, данные два примера показывают нам, что женщины могли быть полноценными участницами гражданско-правовых отношений и обладали юридической силой в России.

Таким образом, изучение материалов газеты «Воронежские губернские ведомости» и анализ научных статей по данной тематике позволяет сделать вывод, что женщины в Российской империи обладали определенной юридической свободой: могли выступать кредиторами или должницами, могли наследовать имущество, распоряжаться им, при этом существовали определенные ограничения, например, в наследстве имущества.

CHARACTERISTICS OF WOMEN'S PROPERTY OWNERSHIP IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE VORONEZH GUBERNSKIE VEDOMOSTI)

A. Kutomanov
Belgorod State National Research University

Based on the analysis of the publications of the Voronezh Gubernskie Vedomosti newspaper for 1891, the article examines the property and legal status of women in the Russian Empire. Sources (advertisements for the sale of estates, lists of owners, court decisions) show that women had legal independence: they owned real estate, entered into contracts, acted as creditors and debtors. Examples of women of different classes are given, from noblewomen to philistines.

Key words: property, possession, legal freedom, Russian villages, sale of ownership, real estate

УДК 94 (471.08)

ДВОРЯНКИ-ФАБРИКАНТКИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ю.И. Погорелова
Научный руководитель – к. и. н., доц. И.В. Истомина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
blackvilly15@gmail.com

В исторической памяти России XIX век нередко ассоциируется с патриархальным укладом, где женщине отводилась роль хранительницы домашнего очага, а сфера крупного бизнеса и управления промышленностью считалась прерогативой мужчин. Однако обращение к статистическим данным и архивным материалам последних лет убедительно опровергает этот стереотип. Одним из наиболее ярких и малоизученных феноменов экономической жизни дореформенной и пореформенной России стало предпринимательство дворянок. Вопреки расхожему мнению, именно представительницы высшего сословия, а не купеческие вдовы, доминировали в сфере женского промышленного владения в первой половине XIX века, реализуя закрепленное в законодательстве право независимого распоряжения собственностью[1].

Цель данной статьи — охарактеризовать масштабы, отраслевую специфику и социальный портрет дворянки-фабрикантки, показав их значимую роль в индустриальном развитии страны.

Ключевым фактором, позволившим женщинам-дворянкам столь активно участвовать в коммерческой деятельности, являлось уникальное для Европы того времени российское законодательство о раздельной собственности супругов. В отличие от Англии или Франции, где после замужества имущество женщины переходило под контроль мужа, в России земельные владения, дома и фабрики жены оставались её полной собственностью. Приданое принималось по описи, и даже в случае раздела или

[1] *Ульянова Г.Н.* Купчихи, дворянки, магнатки: женщины-предпринимательницы в России XIX века. М., 2024. С. 58–60.

отдельного жительства женщина могла им распоряжаться самостоятельно[1]. Это создавало прочную правовую основу для экономической активности, превращая дворянку не в пассивную наблюдательницу, а в потенциальную хозяйку и распорядительницу крупных капиталов.

Масштабы участия дворянок в промышленности впечатляют. Согласно «Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы» из 165 предприятий, принадлежавших женщинам, 76 (46%) находились в руках дворянок. К 1832 году эта доля не только сохранилась, но и выросла: согласно «Списку фабрикантов и заводчиков Российской империи» дворянки владели уже 241 предприятием из 484 «женских», что составило ровно половину (50%). При этом общая доля женщин среди всех владельцев фабрик и заводов выросла с 4,4% в 1814 г. до 9,1% в 1832 г., что говорит о возрастающей роли женского капитала в экономике[2].

Анализ отраслевой структуры владения демонстрирует четкое различие между дворянской и купеческой моделями предпринимательства. Если купчихи доминировали в легкой и пищевой промышленности с использованием вольнонаемного труда (хлопчатобумажное производство, мыловарение), то дворянки сосредоточили в своих руках отрасли, требовавшие значительных земельных ресурсов и, что особенно важно, возможности использования крепостного труда. Они занимали лидирующие позиции в суконной (93% от числа женщин-фабриканток), металлургической (81%), стекольной и хрустальной (81%), писчебумажной (80%) и сахарной (100%) отраслях. На их предприятиях труд крепостных, приписных и покупных рабочих составлял от 62,4% до 96,4%[3].

Важно подчеркнуть, что дворянки не были лишь пассивными наследницами, получавшими заводы от умерших мужей. Исследования Г.Н. Ульяновой показывают, что в 50% случаев женщины наследовали промышленные предприятия от родителей (отца или матери) и лишь в 20% — от мужей. Среди владелиц 1832 года мы встречаем представительниц титулованной аристократии: княгинь Голицыных, Волконских, Гагариных, графинь Шереметевых, Толстых, Салтыковых. Ярким примером является Прасковья Ивановна Мятлева (урожденная Салтыкова), унаследовавшая от отца вотчину в Симбирской губернии с суконной фабрикой[4]. Эти женщины с детства воспитывались в атмосфере, где управление большим хозяйством было делом привычным, и, получив наследство, они зачастую не просто сохраняли его, но и развивали.

Наиболее показательной фигурой, демонстрирующей масштаб и стиль управления, является графиня Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор (1815–1897 гг.). Получив после смерти отца и раздела с братом в 1862 году восемь металлургических заводов на Урале, она стала одной из богатейших женщин империи. Площадь её владений составляла более 700 тысяч десятин земли, где работали тысячи мастеровых. Графиня лично контролировала все детали производства: от добычи руды и золота на приисках до выплавки чугуна и производства кровельного железа, которое сбывалось на Нижегородской ярмарке и в Петербурге. В 1867 году она взяла купеческое свидетельство 1-й гильдии, официально войдя в купеческое сословие для удобства ведения коммерческих операций, но при этом сохранив свой аристократический титул и образ жизни. Её менеджмент характеризовался современниками как «исключительный ум» и умение управлять делами «с огромным искусством»[5].

---

[1] *Ульянова Г.Н.* Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Россия XXI. 2021. № 3. С. 80–82.

[2] Там же.

[3] *Яковлев А.И.* Вотчинное хозяйство и крепостной труд в России XVII – первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 38–40.

[4] *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 210–218; Ульянова Г.Н. Купчихи, дворянки, магнатки… С. 210–212.

[5] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797-1917 / И.В. Поткина. – Москва: Изд-во Главного архивного упр. г. Москвы, 2004. – 376 с.

Подобные примеры разрушают миф о «кабинетном» управлении, когда дворянка лишь номинально числилась владелицей. Многие из них, как Н.А. Стенбок-Фермор, глубоко вникали в производственный процесс[1]. Конечно, в дворянской модели управления существовали и практика найма управляющих, и жизнь в столицах вдали от заводов. Однако наличие множества примеров успешного многолетнего руководства огромными промышленными комплексами свидетельствует о высокой степени деловой активности и компетентности дворянок. Они умело совмещали твердость в бизнесе с заботой о семье, решая сложные задачи сохранения и преумножения родового имущества в эпоху бурных социально-экономических перемен[2].

Таким образом, «женское лицо» дворянского предпринимательства в России XIX века — это не маргинальное явление, а важная составная часть экономической истории. Обладая уникальными имущественными правами, представительницы высшего сословия контролировали значительную долю промышленного производства, особенно в отраслях, связанных с землевладением и переработкой сырья. Они выступали не просто хранительницами, но и активными менеджерами семейных капиталов, адаптируя традиционный уклад дворянской вотчины к требованиям развивающегося капиталистического рынка. Изучение их судеб позволяет не только восстановить историческую справедливость, но и значительно обогатить наши представления о роли женщины, о природе дворянского хозяйства и о путях экономической модернизации России.

NOBLEWOMAN-FACTORY QWNERS IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN EMPIRE

J.I. Pogorelova
Belgorod State National Research University

This article challenges the traditional view of 19th-century Russian women as confined to domestic roles by revealing the significant, yet overlooked, industrial entrepreneurship of noblewomen. Unlike their European counterparts, Russian noblewomen benefited from unique marital property laws that allowed them independent control over inherited lands and factories, leading them to dominate specific heavy industries like metallurgy, glass, and cloth production by the 1830s. The analysis shows that these women were not passive figureheads but often active managers of vast enterprises, with figures like Countess Nadezhda Stenbok-Fermor exemplifying sophisticated commercial acumen. The article concludes that noblewomen constituted a vital force in Russia's pre-reform industrialization, merging aristocratic landownership with capitalist market demands.

Key words: noblewomen, industry, Russia, property.

УДК 94

ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ПОКУШЕНИЯМ НА АЛЕКСАНДРА II В РОССИЙСКОЙ ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ (1866-1881 ГГ.)

Ю.Р. Санина
Научный руководитель – к. и. н., доцент И.В. Истомина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638424@bsuedu.ru

Первое покушение на императора Александра II, совершённое Дмитрием Каракозовым в 1866 году, стало для русской проправительственной прессы подлинным потрясением. Газета «Киевлянин» писала, что даже благополучный исход не может заглушить «глубокой, необъяснимой скорби», поскольку в России «не привыкли считать в

[1] Там же.
[2] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797-1917 / И.В. Поткина. – Москва: Изд-во Главного архивного упр. г. Москвы, 2004. – 376 с.

опасности драгоценные дни Государя»[1]. Публикации стремились не столько отразить реальную ситуацию, сколько создать систему объяснений, исключающую саму мысль о внутренней угрозе верховной власти. Источник опасности связывался с «безнравственным учением», плоды которого «проявлялись на западе»[2].

В газете «Весть» предлагалась дилемма: преступник либо безумец, либо орудие людей, «у которых нет отечества»[3]. Показательно, что даже вариант безумия не снимал с него статуса орудия заговора. При этом «Петроградский голос» рисовал картину абсолютного единения общества: ремесленники оставляли мастерские, биржа забывала о коммерции, все устремлялись к дому государя[4]. Уже в первых публикациях сформировалась устойчивая риторическая модель, которая будет воспроизводиться после каждого покушения вплоть до 1 марта 1881 года: чудо спасения, единодушная любовь народа – при том, что реальные настроения, зафиксированные в эго-документах, становились всё более сложными.

Следующее покушение совершил Антон Березовский в Париже. Оно произошло после жестокого подавления польского восстания 1863-1864 гг., когда тысячи поляков были репрессированы или эмигрировали. Однако газеты интерпретировали акт как «выходку фанатика», единичный факт, «не ложащийся пятном на польскую эмиграцию»[5]. Консервативная пресса, напротив, представляла покушавшегося как «изверга», «адепта гнилого либерализма»[6]. Молебны по случаю спасения императора становились инструментом политической мобилизации: «хозяева и гости отправились вместе помолиться Богу за чудесное спасение»[7].

В 1879 году Александр Соловьёв, представитель «Земли и воли», совершил новое покушение. В текстах газет появились риторические вопросы о корнях «нравственных миазм», а ответом стала необходимость «государственного меча». Констатировалось «единодушное негодование» общества: «Это какая-то невероятная бессмыслица! <…> адское исчадие, не имеющее ничего общего с чувством русского народа»[8].

Важнейший концептуальный сдвиг произошёл именно в 1879 году: от восприятия террора как серии разрозненных преступлений «фанатиков» официальный дискурс перешёл к признанию систематической организации. Газеты задавались вопросами: «Кто же доставляет им средства? Кому выгодно держать Россию в напряжении?»[9]. Причинами назывались попытки решения Восточного вопроса, «катехизис Нечаева», западная дипломатия и агитация народников. Этот нарратив имел прямые последствия: если действия революционеров целенаправленны и финансируются извне, то адекватный ответ – тотальные репрессии, усиление сыска, ужесточение цензуры. Публицистический дискурс активно участвовал в создании идеологической основы для свёртывания либерального курса.

«Биржевая газета» демонстрировала характерный приём – создание иллюзии диалога с «фанатиками безумной мысли» при отказе от полемики: «Что желают они достичь своей бессмысленной пальбой? Свобода? Да кто же нападает?»[10]. Государство отождествлялось с законом и цивилизацией, революционеры – с произволом и анархией. Газета «Петроградский голос» обращалась к сакральным основам власти, называя террористов

[1] Киевлянин. – 1866. – № 42. – С. 1.
[2] Там же.
[3] Весть. – 1866. – № 26. – С. 1.
[4] Петроградский голос. – 1866. – № 50. – С. 1.
[5] Голос. – 1867. – № 145. – С. 1.
[6] Новая Петроградская газета. – 1867. – № 77. – С. 1.
[7] Кронштадтский вестник. – 1867. – № 62/63. – С. 1.
[8] Новая Петроградская газета. – 1879. – № 64. – С. 1.
[9] Там же.
[10] Биржевая газета. – 1879. – № 85. – С. 1.

«шайкой», позорящей «имя русского народа» и возлагая надежду на Всевышнего: «…не допустит, чтобы внутренние враги коснулись до Священной Особы, Помазанника Его»[1].

Реакция на подрыв поезда 19 ноября 1879 года демонстрирует механизмы публичной демонстрации консолидации общества. Газеты фиксировали стихийные манифестации: иллюминации, молебны в театрах и учебных заведениях[2]. Прямое обращение императора гласило: «Крамола должна быть искоренена»[3]. Однако если призывы не встречают массового отклика, а покушения продолжаются, то это означает, что народ занимает позицию стороннего наблюдателя.

Взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года продемонстрировал глубокий кризис всей системы охраны и управления. Здесь «Новая Петроградская газета» делает ключевое заявление: «Злодеи целого ряда преступных попыток понимают, конечно, что увлечь за собой народную массу, а тем более верную Престолу армию не могут никакие дьявольские усилия»[4], тем самым косвенно признавая, что преступные действия народников приобрели опасные масштабы, но, в то же время, успокаивая читателей тем, что народ остается верен престолу, а организация «Народная воля» продолжает находиться в изоляции от него. При этом издание признавало: «Консервативные газеты говорят, что лучше преувеличивать опасность, чем уменьшать, а либеральные совсем готовы бить тревогу и уверяют, что нас только один Бог охраняет»[5].

Особого внимания заслуживает позиция «Голоса», традиционно отстаивавшего реформы. В условиях цензуры газета писала о «внутреннем враге», порождённом «недоверием друг к другу» и «совращением с пути мирного и законного развития»[6]. Издание критиковало назначение генерал-губернаторов и усиление полицейского контроля, утверждая, что эти меры лишь усугубляют кризис доверия и разрушают моральный союз власти и общества.

Финальная точка наступила 1 марта 1881 года. Особенно показательны публикации газеты «Русь», которая попыталась осмыслить трагедию через нравственный самоанализ: «Пусть это дело нескольких гадин, отребья нашей земли; но эта скверна искажает наш нравственный исторический образ… это отребье – всё же порождение Русской земли, плоть от плоти, кость от костей наших»[7].

Вопреки ожиданиям народников общество не поддержало террор, а обратило гнев против студентов и интеллигенции. «Сибирская газета» от 4 марта сообщала: ректор Харьковского университета предупреждал студентов о возможности насилия со стороны черни[8]. Аресты более 200 человек на Выборгской стороне свидетельствовали о переходе правительства к массовым репрессиям. «Терские ведомости» описывали получение телеграммы во Владикавказе: «Как громом поразила всех эта страшная и неожиданная весть, не хотелось верить ей»[9].

Таким образом, за 1866-1881 годы отношение проправительственной печати к покушениям на Александра II прошло несколько стадий. В 1866 году после выстрела Каракозова газеты отрицали внутреннюю угрозу, списывая всё на западное влияние и представляя преступника безумцем или чужим орудием. В 1867 году покушение Березовского в Париже трактовали как единичную выходку фанатика, не связанную с польской эмиграцией. Перелом наступил в 1879 году: после действий Соловьёва и подрыва поезда пресса признала существование организованного заговора и потребовала массовых репрессий. В 1880 году взрыв в Зимнем дворце заставил печать, несмотря на прежние

[1] Петроградский голос. – 1879. – № 64. – С. 2.
[2] Харьков. – 1879. – № 496. – С. 1.
[3] Ведомости Одесского градоначальства. – 1879. – № 254. – С. 2.
[4] Новая Петроградская газета. – 1880. – № 28. – С. 1.
[5] Новая Петроградская газета. – 1880. – № 30. – С. 1.
[6] Голос. – 1880. – № 40. – С. 1.
[7] Русь. – 1881. – № 16 (особое прибавление 4 марта). – С. 26.
[8] Сибирская газета. – 1881. – № 8. – С. 5.
[9] Терские ведомости. – 1881. – № 10. – С. 2.

заверения в верности народа, констатировать глубокий кризис охраны и управления. Убийство императора породило всплеск монархических настроений, увеличило число сторонников самодержавия и укрепило позиции консервативного крыла. Так проправительственный дискурс эволюционировал от полного отрицания внутренней опасности до признания системного кризиса, однако многократные призывы к единству так и не смогли преодолеть растущего разрыва между властью и обществом.

CHANGE IN ATTITUDE TOWARDS THE ASSASSINATION ATTEMPTS ON ALEXANDER II IN THE RUSSIAN PRO-GOVERNMENT PRESS (1866-1881)

Y.R. Sanina
Belgorod State National Research University

This article examines the evolution of the Russian pro-government press's coverage of assassination attempts on Emperor Alexander II between 1866 and 1881. It traces the shift from portraying the attacks as isolated acts of "fanatics" or "madmen" to recognizing them as systematic, organised terror, which served to legitimise repressive policies. The analysis of newspapers such as Kievlyanin, Golos, and Novaya Peterburgskaya Gazeta reveals how official discourse constructed narratives of national unity, sacralised the monarchy, and ultimately prepared public opinion for the counter-reforms of Alexander III.

Key words: Alexander II, assassination attempts, pro-government press, political terror, Russian Empire.

УДК 94

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ КУРАТОРСТВО ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Е.Д. Слостина
Научный руководитель – к. и. н., доцент Е.Н. Меньшикова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638226@bsuedu.ru

Рубеж XIX – XX веков стал переломным моментом в истории России. Данный период был эпохой модернизации, в которую российские женщины из городской среды начали играть заметную роль в культурно-просветительской жизни провинции. Данный феномен стал важным фактором развития культурного пространства в регионах.

Женщины в Российской империи до XIX века могли участвовать в общественной деятельности ограниченным образом и в основном через религиозные служения. Во второй половине XIX века ситуация меняется, женщины получили расширенные возможности приобретения образования, возможности заниматься творчеством: «Именно тогда появились первые женские товарищества, клубы, союзы, общества взаимопомощи, которые обратили внимание на специфические женские проблемы и нужды: образование, медицинскую помощь, труд и занятость»[1].

Важнейшим свидетельством роста женской инициативы в российской провинции стало активное участие в благотворительной деятельности, в общественной деятельности, направленной на участие в женских организациях широкого спектра, в том числе культурно-просветительской направленности. Публицисты начала XX столетия отмечали следующее: «Благотворительность составляет для женщин потребность и возможность отдать свои незанятые силы и взамен получить известное нравственное удовлетворение»[2].

[1] *Марасанова В.М.* Женщины и профессионально-политические организации в Ярославской губернии на рубеже XIX – XX вв. // Женщина в российском обществе. – Иванова, 2013. – Вып. 2. – С. 60.
[2] *Шебанова А.Н.* Очерки женского движения. – СПб., 1912. – С. 23.

В российской провинции выделилось большое количество дворянок, которые начали заниматься общественной деятельностью.

Наиболее ярко кураторская роль женщин проявилась в сфере образования. Дворянки активно участвовали в создании и развитии различных типов учебных заведений: от частных пансионов и школ до женских гимназий. Так, в Смоленской губернии к 1917 году насчитывалось 17 женских гимназий. В гимназиях сословный состав был разнообразный, он зависел от типа учебного заведения. В губернских гимназиях в основном преобладало дворянское сословие, в уездных же училищах – дети городских сословий. В Сычевской женской гимназии, например, более половины учениц принадлежали к этой социальной группе. 50% учениц Гжатской женской прогимназии происходили из крестьян[1].

В Курской губернии в 1880-е годы открылись женские прогимназии. В октябре 1882 г. открылась первая Курская женская прогимназия. В 1883 г. была создана вторая курская женская прогимназия[2]. Женские гимназии были всесословными, открывались на пожертвования, их деятельность была направлена на повышения грамотности среди женщин.

Женские образовательные учреждения постоянно сталкивались с трудностями. Начальницы проводили все время на работе, зачастую жили в гимназиях. Первыми преподавателями были мужчины, но они не хотели работать в женских заведениях, так как этот труд не включался в общий стаж. Со временем эти проблемы были решены. Женщины после окончания высших учебных заведений в столице возвращались преподавать в тех женских учреждениях, в которых они учились. Например, М.В. Безобразова – первая в России женщина – доктор философских наук работала в женской гимназии в г. Вязьма.

В Курской губернии, по мнению исследовательницы Т.Л. Кононовой, «одним из важных компонентов, которые определяют общий уровень и отдельные параметры умственной жизни провинции, является книжная культура»[3]. В провинции было популярным создание общедоступных бесплатных народных библиотек. Они служили эффективным способом для передачи знаний в массы. Как отмечала С.Б. Шатохина, с 1892 по 1915 г. в Курской губернии по частной инициативе было открыто 192 библиотеки и читальни[4]. Открытие библиотек требовало много сил, времени и финансов. Активную роль в этом процессе играли женщины. Одной из таких женщин в Курской губернии была Антонина Васильевна Евреинова[5]. Она открыла библиотеку в Суджанском уезде при Любимовском сахарном заводе. Цель данной библиотеки заключалась в том, чтобы как можно больше служащих получили хорошее образование.

Еще одной женщиной, которая участвовала в организации городской (Семеновской) библиотеки была Шавердо Полина Наполеоновна[6]. Она занималась культурно-просветительской деятельностью, работала акушеркой, состояла в женских организациях.

Практически вся деятельность народных библиотек была возложена на ее создателей, кураторов и благотворителей, их работа была направлена на предоставление свободных условий для чтения и повышение грамотности населения.

---

[1] *Мицюк Н.А.* Женщины российской провинции XIX – начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). – Смоленск, 2013. – С. 147.

[2] *Ветчинова М.Н.* Женское гимназическое образование в Курской губернии // Вопросы образования. – М., 2014. – Вып. 2. – С. 226.

[3] *Кононова Т.Л.* Становление и развитие книжной торговли в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – Курск, 2013. – Вып. 1. – С. 42.

[4] *Шатохина С.Б.* Женщины в общественной жизни российской провинции на рубеже XIX –XX веков (по материалам Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Белгород, 2008. – Вып. 5. – С. 92.

[5] *Кононова Т.Л.* История книжного дела в Суджанском уезде (вторая половина XIX – начало XX века) // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре. – Курск, 2015. – С. 322.

[6] ГАКО. Ф. 722. Оп. 1.

Широкое распространение в российской провинции также получили творческие организации: театры, спектакли, кружки, музеи, выставки, танцевальные мероприятия. Искусством интересовались многие женщины, но долгое время не занимались этим открыто. Тем не менее, в начале XX века все больше женщин начинают заниматься сферой творчества. Как указывала С.Б. Шатохина, участницами одной из художественных выставок, проводившихся в Курске ежегодно с конца 1890-х гг. до 1916 г., были А.Г. Колумбус – жена архитектора и И. Швейцер – жена коммерсанта[1]. Среди российских покровительниц искусства можно также выделить княгиню Марию Клавдиевну Тенишеву – организатора художественно-промышленных мастерских. Под ее руководством была создана школа, а «из учащихся Талашкинской народной школы был организован народный театр. В имении был создан археологический и этнографический музей»[2].

В конце XIX – начале XX века растет значимость и авторитет монастырей и церквей. Так, на территории Курской губернии в этот период времени действовало четыре женских монастыря: Белгородский Рождество-Богородицкий, Курский Свято-Троицкий, Льговский Знаменский и Борисовская Тихвинская женская пустынь. Женщины в перечисленных монастырях участвовали в области народного просвещения. Как отмечает Антоненко Е.А., основными направлениями просветительской деятельности в них были следующие: учреждение училищ, церковно-приходских школ при женских монастырях и организация обучения в них, влияние на культурную жизнь населения[3]. Монастыри открывали женские училища, обучение в которых было полностью бесплатно. Особое внимание в таких школах концентрировалось на религиозно-нравственном воспитании. Настоятельницы монастырей не только обучали детей, но и жертвовали деньги на их обучение.

Женские духовные учреждения помогали императорской армии в годы Первой Мировой войны. Они жертвовали денежные средства, оказывали помощь раненным, служили пристанищем для людей, потерявших кров.

Помимо вышеперечисленных учреждений многие женщины участвовали в благотворительности. Участие женщин в благотворительности можно проследить по Адрес-календарям и Памятным книжкам губерний. Например, в Курской губернии можно выделить купчиху Аграфену Алексеевну Гладкову. Как указывала Е.Н. Меньшикова, А.А. Гладкова являлась членом комитета и деятельной участницей Курского благотворительного общества, заседания которого систематически проходили в губернаторском доме под патронатом губернаторши[4].

Благотворительные организации, созданные в российской провинции, можно разделить на два вида: организации общеблаготворительного типа, направленные на многофункциональную деятельность, и специализированные организации, направленные на один вид деятельности. В этом случае, женские организации курировали деятельность приютов для престарелых, детей, яслей, домов трудолюбия.

Подводя итог, стоит отметить, что благодаря росту женской деятельности в российской провинции, увеличился уровень образования и грамотности среди женщин и бедного населения. Увеличилось количество образовательных учреждений,

---

[1] *Шатохина С.Б.* Женщины в общественной жизни российской провинции на рубеже XIX-XX веков (по материалам Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Белгород, 2008. – Вып. 5. – С. 92.

[2] *Петров Г.К.* Культурно-просветительская инициатива как фактор распространения грамотности в России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2016. – Вып. 2. – С. 115.

[3] *Антоненко Е.А.* Просветительская и благотворительная деятельность женских монастырей Курской губернии 1900-1916 годах // Известия Юго-Западного государственного университета. – Курск, 2014. – Вып. 3. – С. 131.

[4] *Меньшикова Е.Н.* Частная культурно-просветительская инициатива купечества Курской губернии в конце XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – Вып. 7. – С. 129.

благотворительных организаций. Культурно-просветительская деятельность женщин в России в конце XIX века стала важным фактором модернизации региональной культуры и образования. Женщины-попечительницы, меценатки, педагоги, начальницы учебных заведений не только способствовали распространению грамотности и образования, но и создавали новые модели женского социального поведения. Опыт женского кураторства в провинции демонстрирует, что именно на местном уровне, вдали от столичных административных и культурных центров, женская инициатива становилась реальным двигателем социокультурного развития не только отдельных регионов, но и всей страны.

WOMEN'S CULTURAL AND EDUCATIONAL CULTIVATION IN THE RUSSIAN PROVINCE IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

E.D. Slostina
Belgorod State National Research University

The article examines the phenomenon of women's cultural and educational curatorship in the Russian provinces in the late 19th and early 20th centuries. The author analyzes the role of women in educational activities. The article examines the forms of public organizations that were established under the leadership of women. Special attention is paid to the motivation, forms of activity, and social consequences of women's educational work in the province. It is concluded that cultural and educational mentoring has become a significant factor in the modernization of provincial society.

Key words: women's education, cultural and educational activities, Russian province, charity.

УДК 94.37

ПРОФИЛАКТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ И ВЕДЕНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СЕМЬЕ АЛЕКСАНДРА II и АЛЕКСАНДРА III

М.А. Удалова
Научный руководитель – к.и.н., доц. И.Т. Шатохин
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1729825@bsuedu.ru

В последние десятилетия историческая наука проявляет устойчивый интерес к истории повседневности, медицины и приватной жизни монархов. В центре внимания исследователей всё чаще оказываются не только громкие политические события, но и то, как российские императоры заботились (или не заботились) о собственном здоровье, какой режим вели и какие профилактические меры предпринимали врачи для сохранения их работоспособности. Особый интерес представляет профилактика — важнейшая часть придворной медицины, долгое время остававшаяся в тени историй болезней и лечения.

1. Медицинская инфраструктура и философия здоровья при дворе.

Придворная медицинская служба к середине XIX века представляла собой сложно организованную структуру. Лейб-медик выступал не просто лечащим врачом, но и доверенным лицом, советником, а порой и неформальной политической фигурой. Как отмечает И.В. Зимин, «одной из главных задач Придворной медицинской части было обеспечение жесткого санитарного контроля в местах пребывания Высочайшего двора»[1].

В XIX веке здоровье монарха всё отчетливее осознавалось как государственная ценность. Прогресс медицины качественно изменил представление об уровне повседневной «медицинской безопасности» населения. Формирование жестких санитарных норм начиналось именно в императорском окружении, а затем транслировалось в общество[2].

[1] Медицина и императорская власть в России: Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века / С.В. Девятов и др.; под ред. Г.Г. Онищенко. – М., 2009. – С. 13.
[2] Там же.

Обслуживание первых лиц всегда сопряжено с проблемой доверия и сохранения врачебной тайны. Личные симпатии и антипатии монархов напрямую влияли на выбор врачей, что нередко сказывалось на качестве профилактической помощи.

2. Профилактика и образ жизни в царствование Александра II.

Александр II с юных лет страдал бронхиальной астмой. «Астматические припадки, – пишет С. Журавский, – провоцировались эмоциональными волнениями. С возрастом, при проживании в сыром климате Санкт-Петербурга и длительном курении нездоровье усугубилось —– развился и хронический катар бронхов»[1]. Для борьбы с астмой в Зимнем дворце использовались новейшие достижения европейской медицины: «пневматический аппарат (колокол) для лечения сгущенным воздухом» (прообраз барокамеры). В подвале установили паровую машину, в гардеробной смонтировали «пневматическую лечебницу» (кислородную комнату)[2]. Это был яркий пример внедрения передовых технологий в практику придворной профилактики.

Александр II с детства привык к закаливающим процедурам. Как свидетельствуют дневники лейб-медика С.П. Боткина, подобранная им терапия «позволила императору уже к 6 июня продолжить холодные водные обливания, привычные ему еще с детских лет»[3]. Император регулярно занимался гимнастикой, много ходил пешком, увлекался охотой.

В полевых условиях лейб-медик С.П. Боткин проводил активные профилактические мероприятия. Особого внимания заслуживает так называемая «профилактическая хинизация»: император принимал «сложные пилюли с мышьяком и хинином — в качестве тонизирующего средства и с целью профилактики эпидемических инфекций»[4]. Боткин фиксировал влияние стресса и походной жизни на организм монарха, пытаясь нивелировать риски.

Несмотря на усилия врачей, Александр II часто пренебрегал их рекомендациями. Боткин с горечью отмечал: «Он стал теперь очень своенравен: если ему камердинер советует надеть теплое пальто, он непременно надевает холодное — и так постоянно во всем, что касается здоровья. В общей сложности он меня слушает, но редко без протеста»[5]. Такое поведение сводило на нет многие профилактические усилия.

Императрица, страдавшая туберкулезом, нуждалась в постоянной климатотерапии. Её состояние определяло ритм придворной жизни: частые поездки на юг, смена резиденций[6]. Однако системного подхода к профилактике в её случае так и не сложилось.

3. Системный подход и «богатырский» миф при Александре III.

Александр III вошел в историю как император — «богатырь». «В молодости Александр Александрович не был обделён здоровьем и силой — легко разгибал подковы. Напоминая своим видом былинного богатыря, он казался олицетворением цветущего здоровья»[7]. Этот образ влиял на его повседневные привычки: простота в быту, неприятие изнеженности, физический труд.

При этом Александр III демонстративно пренебрегал медициной. По свидетельствам современников, «Александр III, будучи здоровым человеком, неоднократно говорил своему окружению, что медицина — „бабье дело“. ... он считал болезнь слабостью,

---

[1] *Журавский С.Г.* Здоровье императора Александра II в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (по материалам лейб-медика С.П. Боткина) // Врач. – 2013. – № 9. – С. 83.

[2] *Зимин И.В.* Врачи двора Его Императорского Величества, или, как лечили царскую семью. Повседневная жизнь Российского императорского двора. – М., 2016. – С. 110–111.

[3] *Журавский С.Г.* Здоровье императора Александра II в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (по материалам лейб-медика С.П. Боткина) // Врач. – 2013. – № 9. – С. 84.

[4] Там же.

[5] Там же. – С. 85

[6] Медицина и императорская власть в России: Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века / С.В. Девятов и др.; под ред. Г.Г. Онищенко. – М., 2009. – С. 98–106.

[7] *Нахапетов Б.А.* Врачебные тайны дома Романовых. – М., 2008. – С. 68.

поэтому до последнего старался „переходить болезнь“, но не обращаться к врачам. ... к доктору обратиться для него было мучительнее и тяжелее всякой сильнейшей боли»[1].

Распорядок дня в Гатчине отличался аскетичностью. Император много работал физически, закалялся, был неприхотлив в еде. «Александр III никогда не злоупотреблял алкоголем... Он иногда выпивал рюмку-другую водки, настойки или наливки, но ни разу в жизни не был пьян. На официальных приемах почти всегда пил шампанское, разбавленное водой. Из всех напитков больше всего любил квас»[2]. Домашний врач Г.И. Гирш был для него «приятнейшим спутником, человеком покладистым»[3] — скорее компаньоном, чем строгим контролером здоровья.

17 октября 1888 года у станции Борки потерпел крушение царский поезд. «Александр III получил сильный ушиб спины от удара упавшей на него массивной столешницы. После катастрофы у императора „расстроились нервы, и он часто плакал“»[4]. Профессор-хирург В.Ф. Грубе полагал, что начало болезни было положено именно тогда. Однако щадящий режим после травмы не вводился.

В январе 1894 года Александр Александрович перенес тяжелый грипп. «Император поправился, несколько занялся здоровьем, но не выполнял во всей силе требований, предъявляемых Захарьиным, — не утомлять себя слишком занятиями, больше спать и отдыхать, избегая простуды»[5]. Далее ситуация только ухудшалась: «Условия же и образ жизни Государя с его январской болезни были прежними, то есть прямо противоположными тому, чего требовало Его здоровье и на чём настаивали врачи: постоянное утомление умственными занятиями... постоянно недостаточный сон... роковое же влияние на развитие и быстрый ход болезни имели крайне холодное и сырое лето и ещё более сырой и холодный нижний этаж Государева помещения»[6]. Поздняя диагностика нефрита и невыполнение врачебных предписаний привели к трагическому финалу.

Интересно, что больше, чем дипломированных врачей, Александр III доверял фельдшеру Х.Н. Чекуверу. «По свидетельству современников, „это был человек старого преданного типа... к которому Государь оказывал более доверия, чем Гиршу, и “в тайне” с ним советовался“»[7]. Чекувер погиб в катастрофе в Борках, и после этого император лишился важного неформального советника по вопросам здоровья.

Заключение.

Сравнительный анализ подходов к профилактике в двух царствованиях выявляет разительные различия. При Александре II мы видим попытки внедрения новейших методов лечения (барокамера), регулярное врачебное наблюдение (Боткин), но отсутствие системного подхода и своенравие пациента. При Александре III миф о «богатырском» здоровье сочетался с глубоким пренебрежением к врачебным советам, что на фоне высокой физической активности и простоты быта привело к трагическому финалу.

Наследие придворной медицинской практики оказалось двойственным. С одной стороны, именно в императорской семье отрабатывались многие санитарные нормы, которые затем постепенно внедрялись в жизнь подданных. С другой стороны, личный пример монархов, пренебрегавших профилактикой, не способствовал формированию здоровьесберегающего поведения в обществе.

Таким образом, здоровье первых лиц в XIX веке перестало быть исключительно частным делом, превратившись в область государственной политики, где личные

---

[1] *Зимин И.В.* Врачи двора Его Императорского Величества, или, как лечили царскую семью. Повседневная жизнь Российского императорского двора. – М., 2016. – С. 117.
[2] Там же. – С. 125.
[3] Там же. – С. 118.
[4] *Нахапетов Б.А.* Врачебные тайны дома Романовых. – М., 2008. – С. 68–69.
[5] Там же. – С. 69.
[6] Там же. – С. 71.
[7] *Зимин И.В.* Врачи двора Его Императорского Величества, или, как лечили царскую семью. Повседневная жизнь Российского императорского двора. – М., 2016. – С. 122–123.

привычки монархов имели далеко идущие последствия — как для них самих, так и для всей страны.

PREVENTION OF DISEASES AND HEALTHY LIFESTYLE IN THE FAMILY OF ALEXANDER II AND ALEXANDER III

M.A. Udalova
Belgorod State National Research University

In recent decades, historical science has shown a steady interest in the history of everyday life, medicine, and the private lives of monarchs. Researchers are increasingly focusing not only on major political events, but also on how Russian emperors took care (or did not take care) of their own health, what lifestyle they led, and what preventive measures doctors took to maintain their health. Prevention is of particular interest, as it is an essential part of court medicine that has long been overshadowed by the stories of illness and treatment.

Key words: history, Alexander II, Alexander III, health, prevention.

УДК 94

ОПЫТ ЖЕНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В.О. Цыгулёва
Научный руководитель – к. и. н., доцент Е.Н. Меньшикова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
vita.tsiguleva@mail.ru

Проблема женской благотворительности в дореволюционной России привлекает всё большее внимание исследователей в последние десятилетия. Как справедливо отмечает Г.Н. Ульянова, только диссертационных работ по данной тематике за пятнадцать лет вышло более тридцати[1]. Однако большинство исследований сосредоточено на столичных благотворительных организациях – петербургских и московских. Опыт российской провинции, где формировались свои уникальные практики социального служения, остаётся менее изученным.

Между тем именно провинция даёт возможность увидеть женскую благотворительность «снизу», в её повседневном, непарадном измерении, свободном от императорского патронажа и высокой политики. Как отмечают О.Б. Воробьева и Е.В. Тихонова, «благотворительная деятельность основывается на инициативе, творчестве, гражданском сознании, поэтому она выступает элементом нравственного совершенствования общества»[2]. В провинциальных городах и уездах эти качества проявлялись особенно ярко, поскольку здесь помощь ближнему была делом личного выбора и общественного признания, а не исполнением придворного этикета.

Особое место в системе женской благотворительности российской провинции занимали православные женские монастыри и общины сестёр милосердия. В отличие от столичных обителей, находившихся под непосредственным покровительством императорской фамилии, провинциальные монастыри создавались и содержались преимущественно на частные пожертвования местных благотворителей.

[1] *Толстикова А.Д.* Благотворительная деятельность женщин-предпринимателей в дореволюционной Самаре // Платоновские чтения: XXVII Всерос. конф. молодых историков (Самара, 10–11 дек. 2021 г.): материалы и доклады / отв. ред. П. С. Кабытов. Самара, 2022. – С. 132–133.

[2] *Воробьева О.Б., Тихонова Е.В*. Некоторые аспекты женской благотворительности в России // Наука и образование транспорту. 2020. № 1. С. 98-99.

Ярким примером такого рода стала Иверская женская община в Самаре, основанная в 1850 году для «противодействия расколу и молоканской ереси»[1]. Первоначально община располагалась на улице Мечетной, однако отсутствие воды побудило самарских купцов И.Н. Синягина и М.Н. Назарова пожертвовать общине свои загородные земли на берегу Волги. К декабрю 1850 года здесь были построены деревянная часовня и восемь келий, в которых проживало около тридцати сестёр-послушниц. Социальный состав первых насельниц был «пёстрым»: две дворянки, три солдатки, семь мещанок, одна казачка, восемь келейниц купеческого звания и две — духовного сословия[2].

В 1860 году община была преобразована в Иверский женский общежительный монастырь. К началу XX века обитель превратилась в настоящий «городок в городе»: три храма, семнадцать жилых корпусов, разнообразные мастерские — золотошвейная, белошвейная, ткацкая, ковровая, переплётная, иконописная[3]. В 1889 году при монастыре открылось училище для девочек, где обучалось около ста воспитанниц. В Первую мировую войну в монастыре открыли больницу и приют для девочек-сирот. Послушницы бесплатно шили для солдат бельё и одежду. Так монастырь в провинции помогал не только молитвой, но и делом[4].

Позже, когда стали расти заводы и магазины, появились новые благодетельницы – жёны и дочери купцов. Как писала Толстикова А.Д., некоторые из них получали большое наследство и потом целиком уходили в благотворительность[5].

Главное в провинциальном женском меценатстве – не только деньги. Купчихи сами создавали приюты и больницы, следили за ними и управляли.

Особого внимания заслуживает феномен женского «благотворительного предпринимательства», когда дамские комитеты и общества не просто распределяли пожертвования, но организовывали производственную деятельность, дававшую нуждающимся возможность самостоятельного заработка. Эта традиция восходила ещё к Обществу для поощрения трудолюбия, возникшему в Москве в 1863 году, и получила широкое распространение в провинции[6].

Особым направлением женской благотворительной и общественной деятельности стала земская медицина. С введением земской реформы 1864 года и созданием системы земского самоуправления открылись новые возможности для профессиональной самореализации женщин.

Первые женщины-врачи появились в земских медицинских учреждениях в начале 1880-х годов. Как правило, они получали образование в Швейцарии, однако с 1872 года при Медико-хирургической академии в Петербурге действовали «Особые женские курсы для образования учёных акушерок» — первое в Европе высшее женское медицинское учебное заведение. Выпускницы курсов с 1880 года получали нагрудный знак с буквами «ЖВ» – «женщина-врач»[7].

Формально женщинам-врачам разрешалось оказывать помощь только женщинам и детям, однако в провинции, где ощущалась острая нехватка медицинских кадров, эти ограничения не соблюдались. Земства охотно принимали на работу женщин-врачей «без

---

[1] Иверская обитель... // Хроники губернского города. Самара. [Электронный ресурс]. URL: https://ok.ru/staraysamara/topic/70933256481588 (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Этот день в истории края. Иверская обитель // Самара Сегодня. 11.03.2011. [Электронный ресурс]. URL: https://news.samaratoday.ru/news/208198/ (дата обращения: 11.03.2026).

[3] Иверская обитель... // Хроники губернского города. Самара. [Электронный ресурс]. URL: https://ok.ru/staraysamara/topic/70933256481588 (дата обращения: 10.03.2026).

[4] Этот день в истории края. Иверская обитель // Самара Сегодня. 11.03.2011. [Электронный ресурс]. URL: https://news.samaratoday.ru/news/208198/ (дата обращения: 11.03.2026).

[5] *Толстикова А.Д.* Благотворительная деятельность женщин-предпринимателей в дореволюционной Самаре // Платоновские чтения: XXVII Всерос. конф. молодых историков (Самара, 10–11 дек. 2021 г.): материалы и доклады / отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2022. С. 132–133.

[6] Там же.

[7] Нет более радостного и тяжелого труда // Медицинский вестник. 2013. № 7 (620). [Электронный ресурс]. URL: https://lib.medvestnik.ru/articles/Net-bolee-radostnogo-i-tyajelogo-truda.html (дата обращения: 11.03.2026).

каких-либо ограничений в их деятельности»[1]. Исследовательницы отмечают, что «женщины — земские врачи продемонстрировали преданность своему делу, часто принимавшую характер самопожертвования»[2].

Первым женщинам-врачам принадлежат большие заслуги в борьбе с инфекционными заболеваниями и детской смертностью, пропаганде гигиенических знаний среди населения, развитии земской санитарной статистики[3]. В Пермской губернии, например, женщины-врачи активно занимались не только лечебной, но и научной, и общественной работой в земстве[4].

Однако профессиональная реализация женщин-врачей сталкивалась и с дискриминационными практиками. Так, в 1881 году Екатеринбургское земство предлагало мужчинам годовое жалованье в 1800 рублей, а женщинам — лишь 1000 рублей. В Оханском уезде Пермской губернии женщина-врач получала всего 700 рублей при среднем по России жалованье земского врача 1200–1500 рублей[5]. В Псковской губернии аптекари отказывались выдавать лекарства по рецептам женщин-врачей без визы городского врача, а губернатор в 1883 году и вовсе приказал уволить всех женщин-врачей[6].

Тем не менее, несмотря на все трудности, участие женщин в земской медицине стало важной формой их профессиональной и общественной самореализации, выходящей за рамки традиционной благотворительности.

Сравнительный анализ позволяет выделить ряд особенностей, отличавших провинциальную женскую благотворительность от столичной.

Во-первых, в провинции благотворительность носила более личный, «непосредственный» характер. Как отмечала исследовательница Л.А. Жукова, уже в середине XIX века женская благотворительность стремилась предоставить «призреваемым получить необходимые трудовые навыки и самим зарабатывать на жизнь»[7]. В столицах это выражалось в создании масштабных обществ и комитетов, в провинции — в организации конкретных мастерских, школ, приютов, где благотворительницы лично общались с теми, кому помогали.

Во-вторых, в провинции женщины-благотворительницы чаще выступали как самостоятельные акторы, а не как «помощницы» мужчин. Женщины-предпринимательницы из купеческих семей, возглавлявшие благотворительные комитеты, пользовались в местном обществе непререкаемым авторитетом. Их деятельность формировала тот самый «опыт самоорганизации и самоидентификации», который, по мысли Адели Линденмайер, служил «предпосылкой к становлению гражданского общества в России»[8].

В-третьих, провинциальная женская благотворительность была теснее связана с повседневными нуждами местного сообщества. Если столичные благотворительные организации часто занимались «модными» направлениями, провинциальные дамы решали насущные проблемы: голод, беспризорность, отсутствие медицинской помощи, неграмотность.

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Кузьмина Д.А.* Женщины — земские врачи в Пермской губернии (региональный аспект). Екатеринбург: УрГПУ, 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://elar.uspu.ru/handle/ru-uspu/65800 (дата обращения: 10.03.2026).
[5] Нет более радостного и тяжелого труда // Медицинский вестник. 2013. № 7 (620). [Электронный ресурс]. URL: https://lib.medvestnik.ru/articles/Net-bolee-radostnogo-i-tyajelogo-truda.html (дата обращения: 11.03.2026).
[6] Там же.
[7] *Воробьева О.Б., Тихонова Е.В.* Некоторые аспекты женской благотворительности в России // Наука и образование транспорту. 2020. № 1. С. 150–151.
[8] Там же.

THE EXPERIENCE OF WOMEN'S CHARITY IN THE RUSSIAN PROVINCE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

V.O. Tsiguleva
Belgorod State National Research University

The article analyzes the experience of women's charity in the Russian provinces at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. It examines the main forms and directions of women's charitable activities, their role in the development of social infrastructure, education, and healthcare. Special attention is given to the phenomenon of female entrepreneurial patronage, the activities of women's monasteries and ladies' committees, as well as the professional self-realization of women doctors in zemstvo medicine.

Key words: women's charity, Russian provinces, zemstvo medicine, women's monasteries, ladies' committees, patronage, social service.

УДК 94(470)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСТВА В.О. ШЕРВУДА И Н.В. СУЛТАНОВА В КОНТЕКСТЕ «РУССКОГО СТИЛЯ» ЭПОХИ АЛЕКСАНДРА III

Я.Г. Черкашина
Научный руководитель – к. и. н., доц. И.В. Истомина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1730968@bsuedu.ru

«Русский стиль» в архитектуре конца XIX века – одно из самых заметных направлений в рамках европейской эклектики. Согласно «Большой российской энциклопедии», этот стиль начал складываться еще в 1820–1830-е годы, но по-настоящему расцвел в 1880–1890-е, при Александре III, когда стал официальным и сменил русско-византийский стиль[1]. Идея была простая: показать, что у России есть своя, не заимствованная у Европы традиция, которая была прервана реформами Петра I, и теперь ее нужно возродить[2]. Архитектура в этом стиле должна была не просто украшать города, но и работать на идеологию: укреплять образ империи как великой державы[3].

Современники воспринимали «русский стиль» неоднозначно. Известный критик В.В. Стасов, близкий друг Шервуда, активно поддерживал это направление и писал о нём как о подлинно национальном[4]. Однако многие западные архитекторы, работавшие в России, например, шотландец Чарльз Камерон, относились к русской архитектурной традиции как к экзотике, достойной скорее музея, чем современного строительства[5]. На страницах профессионального журнала «Зодчий» в 1870–1880-е годы развернулись настоящие дискуссии: одни авторы призывали к возрождению допетровского зодчества, другие называли это «архитектурным ряженьем» и призывали не отворачиваться от Европы[6].

Внутри «русского стиля» работали очень разные мастера. Особенно интересно сравнить двоих – Владимира Осиповича Шервуда (1833–1897) и Николая Владимировича Султанова (1850–1908). Как пишет Е.И. Кириченко, главный специалист по этой теме, Шервуд был одним из главных сторонников «русского стиля» и именно благодаря

[1] Русский стиль // Большая российская энциклопедия. – М., 2023.
[2] Там же.
[3] *Семичевская Т.С., Соловьева А.В.* Государственный статус русского стиля в архитектуре конца XIX – начала XX в. // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – № 2(43). – С. 99.
[4] *Стасов В.В.* Русский стиль в архитектуре // Собрание сочинений. – СПб., 1894. – Т. 2. – С. 156.
[5] Cameron Ch. On Russian Architecture // The Architectural Review. – London, 1882. – Vol. 12. – P. 45.
[6] Зодчий. Журнал архитектурный и художественно-технический. – СПб., 1884. – № 7. – С. 12.

конкурсу на проект Исторического музея смог показать, на что он способен[1]. А вот Султанова, по словам Ю.Р. Савельева, отличало то, что в его работе «превалировала история». Он сначала изучал древние памятники, а потом уже строил[2].

Первое важное различие между двумя зодчими связано с их образованием и профессиональным опытом. Шервуд по базовому образованию был живописцем. Он окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества в 1857 году, получил звание свободного художника по пейзажу, а в 1872 году стал академиком живописи[3]. В архитектуру он пришел уже сложившимся художником, поэтому для него здание – это прежде всего картинка, красивый силуэт, а не инженерная конструкция. Султанов же учился в Петербургском строительном училище, которое закончил в 1873 году[4]. Это было инженерное заведение, где давали серьезную техническую подготовку. Позже, с 1895 по 1903 год, Султанов возглавлял Институт гражданских инженеров и сделал его центром проектирования в русском и византийском стилях[5].

Второе различие касается того, как каждый из них относился к древнерусскому наследию. У Шервуда была своя теория. В книге «Опыт исследования законов искусства» (1895) он рассуждал о том, что такое настоящий национальный стиль и где его искать. Главным примером для него был Московский Кремль – именно там, по его мнению, лучше всего выразилась «цельность русской идеи»[6]. Но на практике он позволял себе отходить от исторической точности. Султанов же подходил к делу иначе. Он был не только архитектором, но и историком, написал больше ста научных работ. Среди них «Образцы древнерусского зодчества» (1881), «Изразцы в древнерусском искусстве» (1885) и даже целый учебник «История архитектуры» (1896)[7]. В своих лекциях он говорил: «Для русских архитекторов византийский стиль имеет громадное значение… потому, что он послужил основой нашей первоначальной архитектуры»[8]. Кроме того, Султанов много занимался реставрацией. Он восстанавливал памятники Московского Кремля, дворец царевича Дмитрия в Угличе, Дмитриевскую башню в Нижегородском кремле[9]. Благодаря этому он знал древнерусскую архитектуру не по картинкам, а вживую: разбирал старые стены, видел, как они устроены. Поэтому он и требовал точности, в отличие от Шервуда, который больше полагался на свой художественный вкус.

Третье различие видно в их главных постройках. Самая известная работа Шервуда – здание Исторического музея на Красной площади, строившееся с 1875 по 1883 год вместе с инженером Семёновым. Шервуд не копировал какой-то один храм или башню, а собрал образ из разных элементов: тут и кремлевские зубцы, и шатры ярославских церквей, и резьба деревянного зодчества. Кириченко пишет, что Шервуд обращался к формам московской архитектуры XVI–XVII веков, но обращался с ними вольно, как художник, а не как археолог[10]. Ещё одна малоизвестная деталь: изначально фасад музея должен был быть выложен белым камнем, но Шервуд настоял на красном кирпиче, чтобы здание перекликалось по цвету с Кремлём и собором Василия Блаженного, создавая единый ансамбль Красной площади[11].

Вторая важная работа Шервуда – часовня-памятник героям Плевны (1887 г.). Шервуд лично выполнил эскизы четырех горельефов на её стенах, которые изображают

---

[1] *Шервуд Владимир Осипович* // Москва: Энциклопедический справочник. – М., 1992. – С. 856.
[2] *Савельев Ю.Р*. Николай Владимирович Султанов. – СПб., 2009. – С. 7.
[3] *Шервуд Владимир Осипович* // Москва: Энциклопедический справочник. – М., 1992. – С. 857.
[4] *Султанов Николай Владимирович* // Энциклопедия Москвы. – М., 2010. – С. 412.
[5] Там же. – С. 413.
[6] *Шервуд В.О.* Опыт исследования законов искусства. – М., 1895. – С. 45.
[7] *Савельев Ю.Р*. Николай Владимирович Султанов. – С. 200.
[8] РГАЛИ. Фонд № 2428. Николай Владимирович Султанов. – URL: https://rgali.ru/news-new/1162.
[9] *Савельев Ю.Р.* Николай Владимирович Султанов. – С. 67.
[10] *Кириченко Е.И.* Архитектор В.О. Шервуд и его теоретические воззрения // Архитектурное наследство. – М., 1974. – Вып. 22. – С. 115.
[11] *Шервуд Владимир Осипович* // Москва: Энциклопедический справочник. – М., 1992. – С. 857.

сцены сражения: благословение воина стариком-отцом, схватку с турецким солдатом, пленного турка и умирающего героя. Эти суровые, даже жестокие сюжеты не оставляют зрителя равнодушным. Они передают трагедию войны без прикрас. Ее поставили в память о солдатах, погибших при осаде Плевны в русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Часовня сделана из чугуна, с шатрами, горельефами, витражами и майоликовым иконостасом – тут и архитектура, и скульптура, и живопись слиты воедино[14]. Шервуду важно было не скопировать древний образец, а создать сильный, трогающий душу образ, который бы говорил о памяти и подвиге.

У Султанова главная постройка – собор Петра и Павла в Петергофе (1895–1904 гг.). Это один из самых высоких храмов в окрестностях Петербурга — его высота достигает 70 метров, поэтому собор виден из многих точек Петергофа и даже с Финского залива. Это был последний придворный собор, построенный при императорах. В 1892 году сам Александр III пригласил Султанова участвовать в конкурсе, а в 1893 году выбрал именно его проект из четырех[1]. Руководил стройкой ученик Султанова – Косяков, который потом строил Никольский Морской собор в Кронштадте. Как полагают исследователи, именно Султанов посоветовал ему взять за образец Софийский собор в Константинополе[2]. Недавние исследования показывают, что иконостас этого собора тоже делали с оглядкой на исторические образцы, в том числе на греческую церковь в Венеции[3]. То есть Султанов и здесь оставался учёным: он искал настоящие прототипы, а не выдумывал с нуля.

Четвертое различие в том, как каждый из архитекторов выстраивал отношения с заказчиком. Шервуд работал преимущественно в рамках открытых конкурсов (как в случае с Историческим музеем) и по общественным заказам (часовня героям Плевны). Султанов же был непосредственно приближен к императорскому двору. Александр III, как известно, очень любил «русский стиль». Еще в молодости, путешествуя по Волге, он рассматривал старые храмы и был в восторге от их нарядности[4]. Став императором, он лично приглашал Султанова к участию в конкурсах и утверждал его проекты. Кроме того, Султанов выполнял заказы высшей аристократии – графа С.Д. Шереметева, князей Юсуповых и других[8]. Он даже реставрировал старые палаты Волковых-Юсуповых в Москве.

Сопоставление двух мастеров позволяет выделить несколько ключевых различий. Первое различие связано с образованием и профессиональным опытом. Шервуд по базовому образованию был живописцем, что определило его внимание к силуэту, декоративной выразительности и эмоциональному воздействию здания. Султанов, напротив, получил инженерное образование и дополнительно сформировался как историк архитектуры, что обусловило его тяготение к конструктивной логике и научной достоверности. Второе различие касается отношения к древнерусским архитектурным образцам. Шервуд в своих постройках создавал обобщенный образ древнерусского зодчества, допуская вольную трактовку исторических форм и не стремясь к буквальному копированию конкретных памятников. Султанов же, имея богатый опыт реставрационных работ, настаивал на археологически точном воспроизведении канона, опираясь на собственные архивные изыскания и натурное изучение памятников. Третье различие проявляется в подходе к формообразованию. Для Шервуда характерно живописно-декоративное мышление: здание должно быть красивым, запоминающимся, производить впечатление. Для Султанова важнее была историческая и конструктивная правильность, он стремился к тому, чтобы постройка соответствовала канону и была выдержана в единой стилистической системе. Наконец, различались и их отношения с заказчиком.

---

[1] *Савельев Ю.Р.* Николай Владимирович Султанов. – С. 120.

[2] Там же. – С. 156.

[3] *Шилов В.С., Кадочников И.В.* Иконостас собора Святых Петра и Павла в Новом Петергофе // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2024. – № 14. – С. 30–31.

[4] Александр III. Виртуальный тур по Русскому музею. – URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/vtours/aleksandr_iii/levels/floor1/room6/index.php.

Шервуд работал преимущественно в рамках открытых конкурсов и по общественным заказам. Султанов же был непосредственно приближен к императорскому двору и выполнял заказы высшей аристократии.

Таким образом, «русский стиль» при Александре III не был чем-то единым. Шервуд представлял его романтическую сторону: он создавал эмоциональные, красивые образы древней Руси, не зацикливаясь на точном копировании старых памятников. Султанов же подходил по-научному: он сначала изучал древние постройки, а потом воспроизводил их максимально точно. Оба подхода были нужны государству, но для разных целей. Шервуд делал символы, которые сразу трогали зрителя и вызывали чувство гордости. Султанов строил здания-манифесты, которые показывали, что царская власть имеет глубокие исторические корни. Спор художника и ученого во многом определил то, как развивалась архитектура в те годы, и подготовил переход к неорусскому стилю уже в XX веке.

A COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF THE WORK OF V.O. SHERWOOD /AND N.V. SULTANOV IN THE CONTEXT OF THE «RUSSIAN STYLE» OF THE ALEXANDER III ERA

YA.G. Cherkashina
Belgorod State National Research University

The article compares the creative techniques of two well-known architects of the «Russian style» of the time of Alexander III: V.O. Sherwood and N.V. Sultanov. Based on the works of E.I. Kirichenko and Yu.R. Savelyev, the main differences are examined: Sherwood was more inclined towards picturesque decoration, while Sultanov was more focused on accurately reproducing ancient models. The article concludes that there were two main trends within the “Russian style”: romantic and scientific.

Key words: «Russian Style», V.O. Sherwood, N.V. Sultanov, 19th-century architecture, Alexander III.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ. ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 94

ФОРМЫ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛГОРОДСКОГО КРАЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПУБЛИКАЦИЯХ, ХРАНЯЩИХСЯ В БИБЛИОТЕКЕ ГАНИБО

Д.В. Воронова
Научный руководитель – к. и. н., доцент В.С. Кулабухов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638295@bsu.edu.ru

Теме партизанского и подпольного движений в годы Великой Отечественной войны посвящено множество различных публикаций — от фундаментальных академических трудов до популярных изданий, рассчитанных на массового читателя. Библиотека ГАНИБО стремится собрать наиболее репрезентативную подборку таких работ, чтобы служить надёжной базой для изучения подвигов партизан и подпольщиков, анализа тактики сопротивления и осмысления его роли в общей победе над врагом.

В период советской историографии, которая охватывает период с 1920-х гг. по 1985 г. характерно преувеличение роли КПСС в организации форм сопротивления на территории Центрально-Черноземного региона, а также акцентирование внимания на социализме как источнике победы в войне. Значительная часть авторов публикаций данного периода – непосредственные участники подпольно-партизанского сопротивления. Не умаляя значимой роли руководящей партии, как правило, в этих трудах излагаются личные взгляды на историю функционирования тех или иных партизанских отрядов, участниками которых они являлись.

Кроме того, системных исследований, посвященных непосредственного партизанскому и подпольному движению на территории Белгородской области, не могло существовать вплоть до образования области 6 января 1954 года. Материалы, посвященные формам борьбы, долгое время выходили в составе исследований по партизанскому и подпольному движению в Курской области[1].

Так в 1957 году в сборнике ««1917–1957» Статьи, воспоминания, очерки» была опубликована обзорная статья И. Кузнецова «Курские партизаны в Великой Отечественной войне (июнь 1941 — март 1943 гг.)». Анализ содержания работы позволяет утверждать, что при её подготовке использовались архивные документы, однако отсутствие ссылок на источники заметно ограничивает научную ценность публикации. Подбор фактического материала ориентирован преимущественно на демонстрацию позитивных аспектов организации и боевой деятельности партизанских отрядов и подпольных групп в тылу врага. Подобной установке соответствуют и теоретические обобщения, представленные автором в заключительной части исследования. При этом работа И. Кузнецова представляет собой первую попытку систематизации знаний по истории партизанского движения в Курской области[2].

Продолжением работы, связанной со сбором и систематизацией документальных материалов по истории партизанской борьбы, стала подготовка сборника воспоминаний

[1] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг. Т.1.: Сборник документов и материалов. Курск, 1960. - 490 с.
[2] *Кузнецов И.* Курские партизаны в Великой Отечественной войне (июнь 1941 г. март 1943 г.)// 1917-1957: Статьи, воспом., очерки. - Курск, 1957. - С. 333-348.

курских и белгородских партизан и подпольщиков «Народные мстители» [1], выпущенного в 1966 г. Центрально-Черноземным книжным издательством. Среди авторов опубликованных воспоминаний – бывшие руководители партизанских отрядов и бригад (А.Д. Федосюткин, И.Д. Кубриков, Н.С. Исаев, И.И. Свирин, О.Г. Казанков), разведчики (А.Т. Москаленко, Н.А. Татаренко, А.А. Филина), подпольщики (П.П. Бабкин, А.А. Губернаторов, И.А. Николаев), а также иные ветераны партизанского движения. Воспоминания участников партизанского движения носят фрагментарный характер: в центре внимания оказываются отдельные эпизоды борьбы в тылу врага, а также личный боевой опыт авторов и судьбы их товарищей.

Осознавая ограничения подобного рода источников, составители сборника специально оговаривают в обращении к читателям принципиальные рамки публикации. Они прямо указывают, что издание «не претендует на всестороннее освещение жизни и боевой деятельности народных мстителей и подпольщиков», и призывают учитывать субъективность свидетельств, ведь «каждый участник по-своему воспринимал и оценивал происходящее», хотя в совокупности материалы «в целом дают правильную картину событий».

К этому следует добавить, что авторы воспоминаний концентрируются исключительно на успешных боевых операциях, обходя вниманием трудности, с которыми партизанские отряды сталкивались в повседневной жизни. В связи с этим использование данных мемуаров в исследовательской работе представляется оправданным лишь при условии их тщательного сопоставления с архивными документами и иными источниками. Тем не менее, несмотря на отмеченные ограничения, сборник оказал существенное влияние на изучение различных аспектов истории партизанского движения в регионе.

Документальные материалы по истории партизанско-подпольного движения именно в Белгородской области начали издаваться с 1970-х гг., среди них: «В суровую пору. Белгородчина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (Воронеж, 1978)[2]. Составителями сборника выступили Ю.И. Гончаренко, М.П. Беляев, А.П. Чиченков, Б.П. Заморозов. Юрий Иванович Гончаренко стоял у истоков зарождения архивной службы Белгородской области и отдал этому делу более 40 лет своей трудовой биографии. Долгое время он являлся научным сотрудником партийного архива Белгородской области (ныне ГАНИБО), а с 1985 года в течение восемнадцати лет его директором. Свой личный фонд Юрий Иванович передал в архив. Книга рассказывает о событиях на Белгородщине в годы Великой Отечественной войны, о патриотизме и трудовом героизме белгородцев, о руководящей и организующей роли местных партийных организаций в борьбе с фашистскими захватчиками, в восстановлении народного хозяйства, о всесторонней помощи белгородцев фронту, об их вкладе в общее дело Победы.

В последующий период были опубликованы сборники архивных документов, которые использовались исследователями для написания своих публикаций. В частности, к числу наиболее авторитетных и цитируемых работ данного направления относятся: «Во имя Победы. Белгородчины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Белгород, 2000)[3] и «Хроника событий Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на Белгородчине» (Белгород, 2008)[4].

[1] Народные мстители: Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1966. -264 с.

[2] В суровую пору. (Белгородщина в годы Великой Отеч. войны 1941-1945 гг.) : Сб. документов и материалов / Сост.: Ю.И. Гончаренко, М.П. Беляев, А.П. Чиченков, Б.П. Заморозов. — Воронеж, 1978. — 152 с.

[3] Во имя победы. Белгородчина в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. (По документам и материалам областных архивов). Белгород, 2000. – 265 с.

[4] Хроника событий Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. на Белгородчине. Белгород, 2008. – 316 с.

В 2010 году был опубликован сборник архивных документов «Оккупация (Белгородчина в октябре 1941 – августе 1943 гг.): Документы и материалы»[1], где партизанскому движению и борьбе местного населения против немецко-фашистских захватчиков посвящен раздел «Сопротивление. Война «не по правилам»», подготовленный в основном по документам ГАНИБО и Государственного архива Белгородской области (далее – ГАБО).

Однако эти исследования раскрывали не в полной степени процесс становления партизанского движения на территории современной Белгородской области в полной мере, в них были представлены только наиболее примечательные документы о подвигах белгородских подпольщиков и партизан.

В последующие годы выходили более специализированные исследования о партизанском движении среди белгородцев. Значительный вклад в изучение темы внесли Д.Е. Зарубин («Партизаны Оскольского края архивы ФСБ свидетельствуют»)[2] и А.В. Фоминов («Операция "Осенний лес": документы о борьбе партизан против оккупантов в Валуйском районе»)[3], которые провели масштабную исследовательскую работу и опубликовали ранее неизвестные документы из архивов ФСБ РФ, Беларуси, Украины, а также из бывших партийных архивов Белгорода, Воронежа и Курска. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что охват этих сборников ограничен: в них представлена преимущественно история партизанских форм сопротивления в отдельных районах Белгородской области.

Одним из фундаментальных исследований периода постсоветской историографии являются работы В.В. Коровина[4], давшего наиболее развернутое описание процесса становления партизанского движения в т.ч. на территории Белгородской области, рассматривается деятельность политических органов РККА по организации партизанской борьбы на основе впервые вводимых в научный оборот документов Центрального архива Министерства обороны РФ. Особое внимание уделяется рассмотрению участия политических органов фронтов и армий в формировании партизанских отрядов и координации их действий на территории Центрального Черноземья, оккупированной немецко-фашистскими войсками в 1941-1942 гг. Делается вывод о том, что вклад армейских политических органов в организацию сопротивления ограничивался содействием партизанам в пересечении линии фронта, а также распространением агитационных материалов на оккупированных территориях.

На сегодняшний день вышеупомянутые исследования дают исчерпывающую информацию о партизанской и подпольной формах сопротивления оккупантам среди белгородцев.

В данном контексте качественно новым и принципиально важным этапом в развитии отечественной историографии стало издание в 2020 году сборника архивных документов «Без срока давности». Над сборником работали архивисты и историки: Кривцова Е.В., Субботин П.Ю., Колотушкин А.А., Коломина А.О., Анисимова Л.П., Кривчиков А.А., Крылова Т.В., Лисной А.С., Лощилова И.В., Сазонов Р.А., Пчелинов-Образумов А.А.

Так произошёл ввод в научный оборот ранее засекреченных материалов ФСБ, МВД и Минобороны РФ (в частности, наиболее объемного белгородского тома). Это позволило детально реконструировать характер нацистской оккупационной политики. Длительный период секретности данных документов (свыше 75 лет) был обусловлен необходимостью соблюдения законодательства о защите персональных данных и государственной тайны.

---

[1] Оккупация (Белгородчина в октябре1941-августе 1943 гг.): документы и материалы / авт.-сост. А.Н. Крупенков, Т.И. Утенина, Л.Б. Хромых. – Белгород, 2010. – 376 с.

[2] *Зарубин Д.Е.* Партизаны Оскольского края архивы ФСБ свидетельствуют, [документы, очерки и документальные рассказы] – Старый Оскол, 2011. – 90 с.

[3] *Фоминов А.В.* Операция "Осенний лес": документы о борьбе партизан против оккупантов в Валуйском районе. – Белгород: 2022. – 399 с.

[4] *Коровин В.В.* Партизанское движение на территории Курской области в 1941-1943 гг. / В. В. Коровин. – Курск: Изд. центр "ЮМЭКС", 2005. – 217 с.

Анализ рассекреченных донесений, протоколов допросов и трофейных документов (материалов сельских управ, немецких комендатур и др.) позволяет сделать важный вывод о генезисе народного сопротивления. Развертывание партизанского движения и подпольной деятельности на оккупированных территориях Белгородчины являлось прямой ответной реакцией населения на системную политику геноцида.

Таким образом, новые архивные данные позволяют утверждать, что именно беспрецедентный масштаб злодеяний оккупантов стал катализатором массового участия гражданского населения в партизанской борьбе, превратив ее в народную войну против захватчиков.

В архиве многие сотрудники занимаются исследованиями по различным периодам Великой Отечественной войны на Белгородчине, результатом работы которых являются опубликованные исследования на основе архивных материалов. Так в 2023 году сотрудники ГАНИБО выпустили сборник документов «Сопротивление. Партизаны и подпольщики Белгородчины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»[1]. В книге — исторические документы, фотографии из фондов ГАНИБО, приказы по партизанским отрядам, воспоминания.

Над изданием работал коллектив сотрудников под руководством ответственных редакторов А.О. Коломиной и П.Ю. Субботина. Ведущая роль в выявлении, составлении документов и написании предисловий принадлежала А.О. Коломиной, И.В. Мирошниченко (также подготовившему указатель и археографическое предисловие), Ю.Б. Резниченко и Т.А. Цыбенко. В систематизации, оцифровке и технической подготовке текста также участвовали Ш.Р. Абдулин, Р.А. Сазонов и Е.В. Сорочинская.

Целью сборника было с опорой на архивные источники всесторонне показать историю становления партизанского движения на Белгородчине, отметить наиболее выдающиеся подвиги советских подпольщиков и осветить общий патриотический подъем белгородцев, вступивших в смертельно опасную схватку с врагом и оказавших ему сопротивление.

Задачами стали популяризация документов ГАНИБО, введение в научный оборот новых архивных материалов, расширение источниковой базы и упрощение доступа исследователей к архивным материалам по истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В вышеназванный сборник вошли разные архивные документы по рассматриваемому вопросу, которые сегодня находят как больше число читателей на территории Белгородской области, так и на территории Российской Федерации.

Традиционно при систематизации документов использовался тематический принцип. В сборнике имеются 3 главы – «Партизаны и подпольщики», «Истребительные батальоны и народное ополчение» и «Подполье и сопротивление в неволе».

Первая глава освещает деятельность партизанских отрядов, базировавшихся в разных районах области, — в том числе Белгородского районного и городского, Валуйского, Ладомировского, Микояновского, Саженского, Томаровского, а также отрядов «Гроза», «За Сталина» и «Шахтёрское племя». Кроме того, в ней рассматриваются формы помощи гражданского населения, обеспечивавшего жизнедеятельность этих боевых групп.

Содержание второй главы сосредоточено на механизмах участия партийных органов в создании истребительных батальонов и отрядов народного ополчения. В фокусе внимания — вопросы формирования подразделений, их подготовки, а также анализ численного и социального состава по отдельным районам.

В третьей главе собраны свидетельства о сопротивлении нацизму со стороны белгородцев, оказавшихся в Германии на принудительных работах, и военнопленных.

[1] Сопротивление. Партизаны и подпольщики Белгородчины в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. сборник архивных документов / составители: А. О. Коломина [и др.]; ответственный редактор: А. О. Коломина, П. Ю. Субботин. – Белгород: Константа, 2023. – 239 с.

Основу документальной базы составляют рассказы выживших, тогда как восстановление биографий безымянных героев, погибших в плену, сегодня практически невозможно.

Таким образом, в научно-исследовательском аспекте данные исследовательские работы составляют репрезентативную (показательную) источниковую базу для специалистов, занимающихся изучением истории Великой Отечественной войны. Введенные в научный оборот материалы активно интегрируются в современную историографию, становясь основой для подготовки монографий, диссертационных исследований и научных статей.

Высокий интерес к данным изданиям проявляют представители регионального краеведческого движения, использующие документальные свидетельства для детализации локальной истории и сохранения памяти о деятельности партизанских отрядов в конкретных населенных пунктах.

FORMS OF STRUGGLE AGAINST THE NAZI OCCUPIERS ON THE TERRITORY OF THE BELGOROD REGION AND THEIR REFLECTION IN PUBLICATIONS STORED IN THE LIBRARY OF THE STATE ARCHIVE OF THE MODERN HISTORY OF THE BELGOROD REGION

D. V. Voronova
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the analysis of the historiography of the partisan and underground movement in the territory of the modern Belgorod region during the Great Patriotic War. The paper traces the evolution of approaches to the study of the topic - from Soviet historiography to modern research.

Key words: Great Patriotic War, partisan movement, underground, Belgorod region, historiography, archival documents, occupation, resistance

УДК 355.292.3

ВОИНСКИЙ И ТРУДОВОЙ ПУТЬ МОЕГО ПРАДЕДА: НЕРАЗРЫВНАЯ СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

А.П. Косенко
Научный руководитель – к. и. н., доцент Е.Ю. Прокофьева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1914375@bsuedu.ru

В этом году отмечается 81-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне и 85-летие её начала. Главный вклад в свержение чёрной чумы фашизма совершил советский народ, который принёс свободу не только своим соотечественникам, но и народам Европы. В каждой семье нашей страны есть свои герои великой эпохи, миллионы россиян чтят память павших и выживших участников той, как уже кажется современному человеку, далекой и страшной войны.

В моей семье на фронтах Великой Отечественной войны сражались четыре прадеда; две прабабушки и другие родственники были тружениками тыла. Были те, кто пережил оккупацию под немецко-фашистским игом, кто просто верил и ждал Победу. Но ближе всего мне судьба одного из моих прадедов, в честь брата которого, сгоревшего в танке под Прохоровкой, меня и назвали.

Мой прадед Михаил Филонович Мазниченко родился 18 сентября 1923 года в селе Цуповка Харьковской области[1]. Это небольшое село располагается практически напротив белгородской, сейчас печально известной Журавлёвки, на самой границе с Украиной. В детстве прадеда никакой границы не было, жители обоих населенных пунктов были

[1] *Мазниченко Михаил Филонович*. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.polkrf.ru/veterans/maznicenko-mixail-filonovic-684047?ysclid=mnxh0xao93630672194 (дата обращения: 10.04.2026).

гражданами одной страны, входили в один советский народ и не делали никаких различий между собой. Начальную школу прадед посещал в своём селе, а в семилетнюю школу ходил в белгородскую Журавлевку. Затем в харьковской школе ФЗУ прадед получил специальность электромонтера. В 16 лет начал работать в сборном цехе Харьковского тракторного завода имени Серго Орджоникидзе – собирал моторы и двигатели для тракторов.

Когда началась Великая Отечественная война, прадеду было 17 лет, он работал на Государственном Союзном заводе № 75, выпускавшем двигатели, тепловозы и танки. Уже осенью 1941 года враг вплотную подошел к Харькову, завод начали эвакуировать[1]. Его вместе с товарищем отпустили домой за вещами, но, когда они вернулись в город, туда уже заходили немецкие части. Прадед остался в родном селе, которое тоже вскоре было оккупировано. По его рассказам моей маме, жили трудно, голодно, многие односельчане умирали от болезней, так как не было лекарств, особенно лютовали полицаи, приехавшие с Западной Украины. Чтобы избежать судьбы быть угнанным в Германию на принудительные работы, прадед жил в вырытой им же в лесу землянке вместе с соседским пареньком.

Однажды тот ушёл за едой в село и больше не вернулся. Так прадед остался один до самого освобождения Цуповки 8 февраля 1943 года. Это случилось за один день до освобождения моего родного Шебекино. Но Цуповку враг вновь оккупировал в марте того же года, и прадед опять ушёл в свою землянку, на этот раз уже с несколькими ребятами, все они боялись мести полицаев и угона фашистами в рабство. Прадед был самым старшим из них, старался укрепить дух младших товарищей и вселить в них веру в победу. Он сумел собрать из запчастей слабенький приёмник, чтобы слушать сводки Совинформбюро и следить за приближением советских частей к Харькову. Лишь в августе 1943 года произошло окончательное освобождение Белгородчины и Харьковщины, и Михаил Филонович, которому к этому времени уже исполнилось 19 лет, вступил в ряды Красной армии. Сначала он работал при похоронной бригаде: вместе с другими бойцами собирал и хоронил павших советских солдат и казнённых мирных жителей Харьковщины, своими глазами увидев те ужасы, которые принёс фашизм на советскую землю.

Затем он, владеющий навыками электромонтёра, служил связистом в 230-м стрелковом полку 53-й армии, потом был переведен сапёром в 11-й отдельный инженерно-саперный батальон, затем служил в 271 инженерно-сапёрном батальоне ордена Александра Невского. Занимался наведением переправ, строительством мостов, наблюдательных и командных пунктов. Дважды был контужен, один раз его засыпало обломками дома при налёте вражеской авиации, несколько раз при разминировании и перевозе снарядов чудом уцелел. До конца жизни вспоминал, как взорвалась шедшая впереди машина, перевозящая обезвреженные мины, вместе с десятью сапёрами, молодыми ребятами. Неоднократные контузии и нервное напряжение работы сапёром привели к тому, что в августе 1944 года Михаил Филонович был прикомандирован к подвижной летучке (мастерские на грузовых автомобилях, в которых ремонтировали миноискатели).

В составе 53-й армии (2-й Украинский фронт) форсировал Днепр, участвовал в Корсунь-Шевченковской операции, в освобождении Правобережной Украины, Румынии, Венгрии, Чехословакии, брал Будапешт. Победу встретил в Праге. Затем в составе армии был передислоцирован в Монголию (Забайкальский фронт) и принимал участие в войне с Японией. Войну закончил ефрейтором. Был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «За Победу над Японией», пятью юбилейными медалями, имел благодарности от командования.

Из наградного листа к медали «За боевые заслуги»:

[1] Тыловые объекты исторической памяти, действовавшие на территории Южного Урала во время Великой Отечественной войны. https://clck.ru/3T5rcY (дата обращения: 12.04.2026).

«Красноармеец Мазниченко М.Ф. участник Отечественной войны с августа 1943 года. До августа 1944 года работал сапером в 271 Инженерно-Саперном батальоне, где неоднократно выполнял боевые задания по минированию и разминированию минных полей на переднем крае, выполняя задания в установленный срок.

С августа 1944 года прикомандирован к армейской подвижной летучке для работы по ремонту миноискателей.

На этом участке работы тов. Мазниченко с знанием дела отремонтировал более 150 миноискателей, которые затем поступили в войска»[1].

Прадед оставил письменное воспоминание о своём участии в битве за Днепр:

«*Наш 11-й отдельный армейский инженерно-саперный батальон вышел к Днепру южнее Кременчуга. Высокий правый берег, на котором укрепились немцы, господствовал над равниной левого берега. Стоило немцам заметить какое-то движение, как сразу начинался обстрел.*

Был дан приказ ночью форсировать Днепр. Наш батальон получил задание обеспечить перевозку бойцов, орудий и боеприпасов. Соблюдая тишину, вышли к берегу и начали накачивать резиновую лодку. Когда лодка была снаряжена, тихо погрузились в нее с оружием и ящиками боеприпасов. Отчалили.

Причалили, бойцы мгновенно покинули лодку и растворились в темноте. Мы повернули назад к левому берегу, снова погрузили боеприпасы, бойцов, «Максим» и двинулись к правому берегу. Были уже на середине Днепра, как вспыхнула ракета, другая... Оживились вражеские пулеметы, минометы и пушки. Рвались снаряды, поднимая водяные столбы. С левого берега ударила наша артиллерия. Снаряды с воем понеслись над нами в сторону врага. На правом берегу завязался бой. Рокотали пулеметы, сыпали автоматные очереди. В этом хаосе прорывались крики, команды, мольба о помощи.

Наш расчет сделал 5 или 6 рейсов. С наступлением рассвета переправу прекратили, так как под прицельным огнем противника переправа практически невозможна. В батальоне были серьезные потери. Потом еще несколько ночей под огнем противника мы перевозили на тот берег бойцов, боеприпасы, продукты…

Однажды днем налетела вражеская авиация, застала нас на берегу. Помню, как упал на землю, вжался изо всех сил в песок. Когда налет закончился, очнулся и увидел, что лежу в яме. Я ее руками под собой вырыл, а как рыл, не помню…»[2].

Демобилизовался прадед в 1947 году, отслужив ещё два года после Победы. Закончил вечернюю школу, работал электриком в Харьковском филиале Научно-исследовательского и конструкторского института химического машиностроения (НИИХИММАШ). Он очень хотел получить высшее образование и в 1961 году закончил Харьковский политехнический институт. Работал инженером, затем ведущим инженером-конструктором НИИХИММАШ. По чертежам его разработок было внедрено химическое оборудование на многие предприятия СССР (Братск, Красноярск, Смоленск, Чебоксары, Луцк). Проживал вместе с семьей в пгт. Покотиловка, пригороде Харькова, построил дом, посадил огромный сад, привозил черенки яблонь и груш со всего Советского Союза, Чехословакии, ГДР. По воспоминаниям моей мамы, намного больше, чем немцев, прадед ненавидел бандеровцев, принёсших много горя советскому народу, потому всё происходящее на Украине с 1991 года его очень сильно волновало и расстраивало. После серии бандеровских протестов «Восстань, Украина», прокатившихся по украинским регионам в 2002 году, он переехал к сыну в «город химиков» Шебекино Белгородской области, куда тот был распределен инженером после окончания химического факультета Харьковского университета.

---

[1] Память народа. https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie41341317/ (дата обращения: 12.04.2026).

[2] *Мазниченко Михаил Филонович*, рядовой. https://www.moypolk.ru/soldier/maznichenko-mihail-filonovich?ysclid=mnvjkwzttg864910912 (дата обращения: 13.04.2026).

Прадед Миша ушел из жизни 17 октября 2005 года, похоронен на Титовском кладбище города Шебекино.

Для меня Михаил Филонович служит ярким олицетворением той борьбы, которую Советский Союз вел с нацисткой Германией на протяжении долгих четырёх лет, победил, несмотря на огромные человеческие жертвы и колоссальные разрушения. Такой была и жизнь Михаила Филоновича – полная трудных выборов и невзгод, простого солдатского ежедневного подвига и созидательного труда после военного лихолетья. Он работал на благо огромной Родины и семьи советских республик, вырастил и воспитал сына и двух внучек. Предательством перед его памятью, фронтовой и человеческой судьбой было бы нам, потомкам победителей, забыть свои исторические корни, свершения прошлых поколений, искажать историю Отечества и русского народа.

Новая эпоха диктует свои вызовы: снова у границ нашего государства поднял голову фашизм, идеология неонацизма завладела головами миллионов бывших соотечественников. Потомки победителей в Великой Отечественной войне, чьи прадеды прикрывали друг друга грудью, делили одну пайку хлеба на двоих или лежат в общей братской могиле, атакуют мирное население некогда братского народа, а политическое руководство Украины намеренно переписывает историю, искажает исторические факты и открыто придерживается фашистской и нацистской идеологии, прославляя фашистских палачей и представляя их героями.

Под постоянными атаками уже пятый год и город Шебекино, ставший последним пристанищем ветерана. Несколько раз в день летят БПЛА и в микрорайон Титовка города Шебекино. Но мы всё равно семьёй на 9 мая придём на могилу моего прадеда – рядового воина-сапёра, труженика, отца и деда, человека простой и вместе с тем великой судьбы, победителя в Великой Отечественной войне.

THE MILITARY AND LABOR JOURNEY OF MY GREAT-GREAT-GRANDFATHER: AN INBREAKABLE LINK OF GENERATIONS

A.P. Kosenko
Belgorod State National Research University

In the article, the author examines the military and labor path of his great-grandfather. The article emphasizes the decisive role of the Soviet people in the defeat of fascism and the liberation of Europe. It describes the life of Mikhail Filonovich Maznichenko, who survived the Nazi occupation and then fought. After the war, he became an engineer and devoted himself to peaceful work. The author draws parallels, comparing the Great Patriotic War and the modern situation.

Keywords: the Soviet–German War (1941–1945), connection between generations, family, great-grandfather.

УДК 94

МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЯПОНСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВЕТСКУЮ СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО САХАЛИНА (1945-1955 гг.)

Е. В. Лузин
Научный руководитель – к. и. н., доц. Ю.Ю. Комлякова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
egorluzin1868@mail.ru

В результате поражения России в русско-японской войне 5 сентября 1905 г. был подписан Портсмутский мирный договор. По его условиям в состав Японии переходил

Южный Сахалин[1]. Уже 15 марта 1907 г. указом императора Муцухито на южносахалинской территории было создано губернаторство Карафуто [2].

На Сахалине перед японским руководством встал ряд задач: изучение и первичное освоение, строительство базовой инфраструктуры и заселение. Недостаток природных ресурсов в Японии стимулировал освоение ресурсов и развитие промышленности в губернаторстве. Экономическое развитие Карафуто можно поделить на четыре периода: время доминирования рыбной (1905-15 гг.), целлюлозно-бумажной (1915-24 гг.), угольной промышленности (1925-36 гг.) и военной экономики (1937-15 гг.)[3].

Переселенцы на Карафуто прибывали из Хоккайдо, Тохоку и др. частей Японии. В 1906 г. на Карафуто проживали 2 тыс. чел.[4], в конце 1907 г. – 21 тыс. чел. [5], в 1920 г. – 106 тыс. чел. [6], в 1930 г. – 295 тыс.[7], к 1945 г. – до 415 тыс.[8]. Для закрепления японцев между Карафуто и Японией создавалась т.н. «духовная связь». К 1945 г. были выстроены около 128 синтоистских святилищ[9] и более 82 буддийских храмов[10], губернаторство неоднократно посещали представители императорской семьи.

Так, к 1943 г. усилиями властей на Карафуто были созданы условия для приобретения статуса «внутренней территории». Выступление Японии в качестве страны-агрессора на Дальнем Востоке в 1937-1945 гг., её союз с Германией и нападение на стран-союзниц сделали условия советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. неактуальными. В результате формирования антигитлеровской коалиции и договоренностей с союзниками Советский Союз готовился к войне с Японией. 5 апреля 1945 г. В. М. Молотов заявил о денонсации пакта о нейтралитете.

9 августа 1945 г. СССР вступил в войну с Японией. 11 августа началось проведение Южно-Сахалинской наступательной операции. В результате прорыва Котонского укрепрайона, морского десанта в Торо и Маока и договоренностей в Сиритору советская армия наступала практически без сопротивления. К 25 августа были взяты столица губернаторства Тоёхара и крупнейший порт Одомари, так завершилась операция.

Сначала советские солдаты на юге Сахалина воспринимались как захватчики[11]. Закономерными были разного рода беспорядки и попытки бегства. По данным советского командования, в сентябре 1945 г. на Южном Сахалине и Курильских островах оставались 263 тыс. японцев[12].

23 сентября было учреждено Гражданское управление (ГУ). В его обязанности входило: регулирование жизни гражданских лиц, решение социальных и экономических проблем, обеспечение работы инфраструктуры, контроль предприятий и учреждений на

---

[1] Мирный договор между Россией и Японией. Портсмут, 23 августа (5 сентября) 1905 г. // Шацилло, В. К., Шацилло, Л. А. Русско-японская война. 1904-1905. Факты. Документы. – М., 2004. – С. 461-462.

[2] *Высоков М.С., Василевский, А.А.* и др. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия. – Ю-С., 2008. С. 422.

[3] *Хара Т.* Карафуто ёндзю: нэн но рэкиси. Ёндзю: ман нин но фурусато [40 лет истории Карафуто. Родина 400 000 человек]. – Т., 2017. – С. 27.

[4] *Бурыкин А.Н.* Политика японского правительства по формированию постоянного населения юга Сахалина (1905—1945 гг.) / А. Н. Бурыкин // Социология власти. – 2010. – № 6. – С. 161.

[5] *Стефан Дж.* Сахалин. История // Краеведческий бюллетень. – 1992. – № 3. – С. 90.

[6] Перепись населения Карафуто 1920 г. / Сост.: А. А. Бычкова, Я. Е. Гавриков, Ю. И. Дин. – Ю-С., 2017. – С. 29.

[7] *Дин Ю. И.* Население Карафуто (Южного Сахалина) по материалам японских переписей 1925, 1930, 1935 гг / Ю. И. Дин // Петербургский исторический журнал. – 2021. – № 3(31). – С. 28.

[8] *Высоков М.С., Василевский А.А*. и др. Указ. Соч. – С. 428.

[9] *Самарин И.А.* Синтоистские храмы Карафуто / И. А. Самарин// Вестник Сахалинского музея. – 1999. – № 1(6). – С. 202.

[10] *Самарин И.А.* Буддизм на Южном Сахалине в период губернаторства Карафуто (1905-1945 гг.): история и архитектура / И.А. Самарин // Вестник Сахалинского музея. – 2007. – № 1(14). – С. 206.

[11] *Крюков Д.Н.* Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах. 1945–1948 гг. (очерки и воспоминания) / Отв. ред. Т. П. Роон. – Ю-С., 2012. – С. 41.

[12] *Ким И.П.* Репатриация японцев с Южного Сахалина в послевоенные годы // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – № 12. – С. 26.

юге Сахалине и Курильских островах. Тем временем японский губернатор Карафуто Оцу Тосио оставался на своем посту. Д.Н. Крюков, назначенный руководителем ГУ, при знакомстве с ним заявил: «Теперь нам придется часто встречаться. Вы будете управлять японцами от имени военной администрации, как ваш микадо от имени Макартура»[1]. В постоянном контакте с японскими чиновниками решался комплекс мер для возвращения японцев к мирной жизни. Под надзором советской администрации продолжали работать практически все японские учреждения (кроме суда, полиции, военных и жандармерии)[2]. Это стало важным механизмом эксплуатации японского наследия посредством подконтрольного функционирования чиновников и промышленников Карафуто.

К 1945 г. в губернаторстве были выстроены 400 предприятий по переработке рыбы и морепродуктов, 415 мелких рыбных перерабатывающих хозяйств, 100 кирпичных заводов, 36 угольных шахт, 31 завод рисового производства, 26 рыборазводных заводов, 23 консервных завода, 20 заводов по производству сакэ, 10 заводов по производству сои, 8 фабрик по производству крахмала, 4 мыловаренных завода, 3 спиртзавода, 2 завода по производству технических масел, 9 крупных целлюлозно-бумажных заводов, 1 сахарный завод и др.[3]. Однако после проведения советской операции многие из них остановили свою работу.

Следующей задачей стало возвращение японцев на заводы и сельхоз угодья с целью восстановления экономики Южного Сахалина. В сентябре 1945 г. в телеграмме А. Микояна И. Сталину говорилось, что большинство японцев проявляют готовность работать[4]. К январю 1946 г. на предприятиях уже работали 57 тыс. японцев, а в октябре 1946 г. – более 100 тыс.[5]. Так важным механизмом стало оживление южносахалинской экономики за счет и в интересах японских рабочих.

После наведения порядка и восстановления экономики Карафуто 2 февраля 1946 г. были изданы два нормативных акта. Первый документ – Указ Президиума Верховного Совета СССР «О национализации земли, банков, промышленных и коммунальных предприятий…», по нему восстановленное промышленное наследие объявлялось государственной собственностью СССР[6]. Второй документ – постановление СНК СССР № 263 «Об административном устройстве и введении советских законов на Южном Сахалине»[7]. В нем определялись меры по восстановлению хозяйства учрежденной Южно-Сахалинской области и включению ее в социалистическую систему[8].

Еще в январе 1946 г. вышла директива главнокомандующего оккупационными силами США в Японии Д. Макартура, в ней содержалось указание о репатриации граждан Японии из Южного Сахалина и Курильских островов[9]. Для продолжения функционирования предприятий было важно обеспечить их трудовыми ресурсами. С этой целью не только тормозились темпы репатриации самих японцев и оставались на своих

---

[1] *Крюков Д.Н.* Указ. соч. – С. 36.
[2] Там же. – С. 37.
[3] *Портнягина А.П.* Роль целлюлозно-бумажных комбинатов в развитии градостроительства на о.Сахалине периода Карафуто / А. П. Портнягина, Л. В. Задвернюк // Архитектон: известия вузов. – 2022. – № 2(78). – С. 7.
[4] *Микоян А.И.* Так было. – М., 1999. – С. 487.
[5] *Крюков Д.Н.* Указ. соч. – С. 92.
[6] О национализации земли, банков, промышленных и коммунальных предприятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи Южного Сахалина и Курильских островов // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Под ред. к.ю.н. Л. И. Мандельштам – М., 1956. — С. 27.
[7] Постановление СНК СССР от 02.02.1946 N 263 (с изм. от 25.03.1948) «Об административном устройстве и введении советских законов на Южном Сахалине» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20767#JwY7t6V2tTj7tY0X5 (дата обращения: 01.04.2026).
[8] Там же.
[9] *Костанов А.И.* Самая восточная дорога России: очерки истории Саха- линской железной дороги. – М., 1997. – С. 40.

местах корейские рабочие, но и запускался процесс переселения советских граждан. Первые переселенцы прибыли в июне 1946 г. в количестве 17 тыс. чел.[1]. В период 1946-1948 гг. на территории Южного Сахалина оказались десятки тысяч советских граждан, корейцев и японских подданных, что создало уникальный опыт межкультурной коммуникации.

Для размещения переселенцев, органов административной власти, восстановления инфраструктуры вводилось в эксплуатацию японские постройки и пути сообщения. К началу 1950 г. в одном только Южно-Сахалинске стояли 4489 жилых строений[2]. В число инфраструктуры, интегрированной советской администрацией, вошли 700,4 км железнодорожных путей[3], 24 тоннеля, 618 мостов, 127 станций, 6 основных и 9 оборотных депо и 101 вокзальное помещение[4]. Энергоснабжение осуществлялось уцелевшими японскими электростанциями и электропередачами (24 станции, 281 км электропередач и 993 км высоко- и низковольтных электролиний), национализированными 5 февраля 1946 г.

1 апреля 1947 г. Гражданское управлением со всеми подведомственными отделами было упразднено. Задача восстановления мирной жизни и подготовке к интеграции территории в состав СССР была выполнена. К 1949 гг. с Южного Сахалина и Курильских островов были репатриированы 272.335 чел. японского гражданского населения[5].

Таким образом, с целью восстановления мирной жизни и экономики Южного Сахалина и его интеграции в состав Советского государства гражданской администрации потребовалось выработать особые механизмы и подходы. Первоначальное значение имело примирение с местным населением, последующая эксплуатация и интеграция японского наследия в советскую систему с переводом экономики Карафуто на «социалистические рельсы». Методы интеграции концентрировались на возвращении к работе японских кадров (чиновников, промышленников, рабочих и др.) под надзором ГУ, обеспечении миропорядка, гарантии основных прав японским подданным и постепенном бесконфликтном замещении японцев советскими переселенцами. Важно в начале переходного периода объяснить японцами, что скорейшее восстановление мирной жизни и экономики осуществляется в том числе и в их интересах. Грамотная политика, своевременная выработка особого подхода привели к быстрому восстановлению Южного Сахалина, качественной эксплуатации японского наследия, переходу южносахалинской экономики на «социалистические рельсы» и созданию базиса для увеличения темпов переселения советских граждан.

MECHANISMS OF JAPANESE LEGACY INTEGRATION INTO THE SOVIET SYSTEM: SOUTH SAKHALIN EXAMPLE (1945-1955)

JE.V. Luzin
Belgorod State National Research University

After the capture of Southern Sakhalin in August 1945, the Soviet administration faced the urgent task of restoring peaceful life and the economy of Southern Sakhalin and its integration into the USSR. As it was found out in the work, the integration focused on the return to work of Japanese personnel (officials, industrialists, workers, etc.) under the supervision of Civil Administration, ensuring world order, guaranteeing basic the rights of Japanese subjects and the gradual conflict-free replacement of the Japanese by Soviet immigrants. A competent policy and the timely development of a special approach led to the rapid restoration of South Sakhalin, the exploitation of the Japanese heritage, the transition of the South Sakhalin economy to a "socialist track" and the creation of a basis for the resettlement of Soviet citizens.

[1] *Щеглов В.В.* Опыт сахалинских переселений. – КЛГ, 2023. – С. 132.
[2] *Кузин А.Т.* Генеральная застройка Южно-Сахалинска: историко-архитектурные аспекты // Вестник Сахалинского музея. – 2005. – № 1(12). – С. 234.
[3] *Костанов А.И.* Самая восточная дорога России: очерки истории Сахалинской железной дороги / А. И. Костанова. – М., 1997. – С. 40.
[4] *Кузмищева М.В.* Указ. соч. – С. 37.
[5] *Ким И.П.* Указ. соч. – С. 29.

Key words: South Sakhalin, post-war reconstruction, Civil administration, methods of integration and exploitation, international dialogue

УДК-930.23

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЁЖИ

К.Р. Фесенко
Научный руководитель – к. и. н., доцент И.Т. Шатохин
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
fkr_06@mail.ru

Изучение истории ВЛКСМ ведётся уже на протяжении многих десятилетий. За весь советский период было опубликовано большое множество трудов по данной теме, в которых рассматриваются самые разные стороны жизни коммунистической молодёжи и её организационных структур. После распада Советского Союза данная тенденция претерпела некоторые изменения, однако не исчезла. В этой статье будут рассмотрены и систематизированы некоторые опубликованные работы современных исследователей изучаемой темы.

Стоит отметить, что выходившие на протяжении 1930-х – 1970-х годов работы по истории всего молодёжного движения практически полностью сводились к истории ВЛКСМ. Только в 1970-е гг. впервые появляются социологические центры, рассматривающие тему молодёжи не только в рамках комсомола, но и вне[1]. Сегодня же исследования в сфере молодёжного движения не скованы прошлыми методологическими и идеологическими рамками, что, по мнению А.Н. Соболевой, определяет многообразие тем и подходов[2]. Это же, вкупе с всплеском интереса к этой теме, даёт возможность для развития научного потенциала.

Говоря об истории ВЛКСМ нельзя не сказать о его роли в жизни советского гражданина. В статье Е.В. Цветковой «ВЛКСМ в жизни молодёжи 1930-х гг.» отмечается, что организация оказывала сильное влияние на строительство сознания подрастающего поколения и формировала в нём множество положительных качеств – патриотизма, доблести и т.д. – при этом уничтожая плюрализм мнений у комсомольцев[3] и практически полностью пронизывая их жизни[4].

Навязывание единомыслия, по мнению некоторых исследователей, было связано со слиянием комсомола и партии.

Вопрос взаимоотношения комсомола с партией всегда был одним из главных в изучении его истории. Именно это в своей статье «ВКП(б) и комсомол в 1920-1930-е гг.» затрагивает П.А. Меркулов. Автором отмечается, что с момента создания формально независимого РКСМ довольно быстро (до конца Гражданской войны[5]) прошёл процесс установления практически полного контроля над ним со стороны правящей партии, в результате чего «комсомол последовательно трансформировался в организацию,

---

[1] *Соболева А.Н.* Проблемы молодёжного движения 1920-х – 1930-х гг. в отечественной историографии // Известия Иркутского государственного университета. – 2015. Т. 11. – С. 128. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-molodezhnogo-dvizheniya-1920-1930-h-gg-v-otechestvennoy-istoriografii (Дата обращения: 24.02.2026.)

[2] *Соболева А.Н.* Указ. соч. – С. 130

[3] *Цветкова Е.В.* ВЛКСМ в жизни молодёжи 1930-х гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2009. – №1 – С. 113 – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vlksm-v-zhizni-molodezhi-1930-h-gg (Дата обращения: 24.02.2026)

[4] *Цветкова Е.В.* Указ. соч. – С. 111

[5] *Меркулов П.А.* ВКП(б) и комсомол в 1920-е – 1930-е гг. // Управленческое консультирование. – 2016. – №11. – С. 122. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vkp-b-i-komsomol-v-1920-1930-e-gg (Дата обращения: 25.02.2026.)

копирующую КПСС в идеологической, политической и организационной работе и беспрекословно выполняющую партийные директивы»[1].

Похожую проблему, но уже внутри самого комсомола современные исследователи также не могли обойти стороной. В.К. Криворученко[2] на основе документов 1920-х – 1930-х и мнений современников отмечает тенденцию ущемления внутренней демократии и бюрократизации в ВЛКСМ. Справедливости ради стоит сказать, что на проблемы в то время не закрывались глаза – руководители партии и комсомола знали о них, признавали, критиковали их и старались бороться. Вновь, как и у предыдущего автора, подчёркивается упадок самостоятельности организации, превращение её в часть партийного и государственного аппарата. По мнению В.К. Криворученко, на этом сказывалось то, что комсомол «стремился стать взрослее, быть похожим на партию»[3], что отмечал ещё Н.И. Бухарин в 1920 году.

Рассматривание подобных тем выделяет постсоветскую историографию ВЛКСМ на фоне советской. Мнение о концентрации власти над организацией и складывание тоталитарной системы внутри неё исключалось, и преподносилось как нечто само собой разумеющееся, не имеющее негативных последствий, а отражающее единственно правильную политику.

И.В. Сталин говорил: «кадры решают всё»[4]. Однако кадровый вопрос комсомола, казалось бы, довольно важный для такой организации, в советской историографии стал пробелом, ввиду чего для новых исследователей это стало хорошим поводом для обращения к нему.

В монографии В.Е. Бредихина[5] представлен комплексный анализ кадровой политики ВЛКСМ в 1941 – 1945 гг., где объектом изучения выступают личный состав и управленческий аппарат территориальных организаций тыла. Автор отходит от традиционного описания героизма комсомольцев, сосредоточившись на социально-демографических характеристиках союза, механизмах подбора и ротации кадров как факторах организационной устойчивости. Исследование, основано на архивных материалах РГАСПИ и доказывает, что война вызвала тотальное обновление, феминизацию и среднее снижение профессионального опыта руководящего звена. Это стало серьёзным вызовом для выполнения комсомолом государственных задач.

В другой работе – статье Е.В. Пахомовой и Е.В. Сагитовой[6] – на примере ударных комсомольских строек 1950–1980-х годов анализируются производственные и повседневные аспекты труда советской молодежи. Автор рассматривает разные механизмы мобилизации кадров, такие как: комсомольские путевки, общественные призывы, студенческие отряды, а также условия работы и быта молодых людей на комсомольских стройках. Причём помимо трудовых подвигов внимание уделяется и проблемам: текучести кадров, низкой механизации, бытовой неустроенности и нарушениям трудовой дисциплины. По мнению автора, комсомольские стройки стали эффективным способом социализации, несмотря на некоторые трудности.

---

[1] *Меркулов П.А.* Указ. соч. – С. 126

[2] *Криворученко В.К.* Внутрисоюзная демократия в ВЛКСМ 1920-30-х годах: слова и дела [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2008. – №6. – URL: https://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Krivoruchenko/ (Дата обращения: 25.02.2026.)

[3] Там же

[4] Речь тов. Сталина в Кремлёвском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 года // Правда. – 1935. – 6 мая. – №123 (6369). – С. 1

[5] *Бредихин В.Е.* Комсомольские кадры и кадровая политика ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материале территориальных организаций): монография / В.Е. Бредихин. – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2020. – 176 с.

[6] *Пахомова Е.В. Сагитова Е.В.* «Стройки века»: трудовые ресурсы ударных комсомольских строекв период 1950-х – 1980-х гг. // XXвек и Россия: общество, реформы, революции. – 2022. – Вып. 10. – С. 102-114. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stroyki-veka-trudovye-resursy-udarnyh-komsomolskih-stroek-v-period-1950-1980-h-gg (Дата обращения: 27.02.2026.)

Проблема финансов комсомола также стала новаторской для современных отечественных историков. Е.В. Буреева[1], в работе «Формирование бюджета комсомольских организаций в 1960-е годы»,на основе анализа архивных финансовых документов раскрывает процесс формирования бюджета комсомольских организаций в 1960-е годы. Главным источником доходов (70%) стали членские взносы, что объясняет усиленную кампанию по привлечению молодежи, особенно рабочих, в ряды ВЛКСМ. Оставшиеся 30% бюджета составляли т.н. «привлеченные средства», заработанные комсомольцами на сборе металлолома, субботниках и платных мероприятиях. Автор подчеркивает региональное неравенство, показывая, что сельские комитеты, в отличие от городских, находились в более сложном финансовом положении, что иногда тормозило местное развитие – строительство ДК, стадионов или проведение молодёжного досуга. В условиях жесткой экономии ЦК ВЛКСМ требовал от местных комитетов самостоятельного заработка, одновременно контролируя каждую статью расходов через специальные ревизионные комиссии.

В своей работе М.М. Мухамеджанов[2] раскрывает комплекс причин кризиса и самороспуска комсомола, который рассматривает в неразрывной связи с системным кризисом всего советского общества и КПСС. Он детально исследует нарастающие противоречия между молодежью и государством, а также проводит анализ извечного феномена «конфликта поколений», который долгое время замалчивался. В статье подробно освещается эволюция комсомола от помощника партии до попытки стать действительно самостоятельной политической силой, закончившейся провалом. Ключевое внимание уделяется субъективному фактору — «ликвидаторской» позиции руководства ВЛКСМ, которое, столкнувшись с необратимостью перемен, предпочло не бороться за сохранение союза, а цивилизованно его распустить. Автор убедительно доказывает, что решение о самороспуске на XXII съезде ВЛКСМ во многом было продиктовано борьбой за раздел многомиллионной собственности комсомола.

Резюмируя можно сказать, что современная историография ВЛКСМ демонстрирует отход от советской традиции. Освобождаясь от прежних идеологических и методологических ограничений, она значительно расширяет тематику исследований. В центре внимания постсоветских историков оказались ранее табуированные или малоизученные вопросы – репрессии и внутренние проблемы организации. Исследователи обратились к конкретным социально-экономическим аспектам деятельности организации – кадровой политике, проблемам повседневности и быта комсомольцев, процессу формирования и расходования бюджета. Наконец, современные историки анализируют причины кризиса и самороспуска комсомола.

MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE ALL-UNION LENINIST YOUNG COMMUNIST LEAGUE

K.R. Fesenko
Belgorod State National Research University

The study of the history of the All-Union Leninist Young Communist League has been ongoing for many decades. During the Soviet period, numerous works on this topic were published, covering various aspects of the life of the Communist youth. Since the collapse of the Soviet Union, this trend has undergone some changes, but it has not disappeared entirely. This article will review and organize some of the published works by contemporary researchers on this topic.

Key words: history, historiography, Komsomol, youth movement, Communist party.

[1] *Буреева Е.В.* Формирование бюджета комсомольских организаций в 1960-е годы // Новейшая история России. – 2021. – №2 (11). – С. 489-505. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-byudzheta-komsomolskih-organizatsiy-v-1960-e-gody (Дата обращения: 01.03.2026).

[2] *Мухамеджанов М.М.* Комсомол: последние десять лет (1981-1991) [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2008. – №6. – URL: https://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol/ (Дата обращения: 01.03.2026).

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЯ БЕЛГОРОДЧИНЫ И ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(470)"1905/2025"

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МБОУ "СОШ № 1 С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИМЕНИ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ РОМАНОВОЙ" Г. НОВЫЙ ОСКОЛ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (1905-2025 ГГ.)

И.А. Зверев
Научный руководитель − к. и. н., доцент С.Б. Шатохина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1524352@bsuedu.ru

История образовательных учреждений в России, связанных с именами выдающихся, исторически значимых деятелей, представляет собой ценный источник для изучения культурных, социальных и педагогических процессов в стране. МБОУ «СОШ № 1 с углубленным изучением отдельных предметов имени княжны Ольги Николаевной Романовой» города Новый Оскол Белгородской области является уникальным примером учебного заведения. На протяжении более чем века она не только сохраняла традиции, но и приумножала их. Школа, основанная в 1905 году как женская гимназия, прошла сложный путь, отражающий все этапы развития системы образования: от дореволюционной элитарной гимназии до советской трудовой школы и современного многопрофильного инновационного учреждения.

История учебного заведения начинается с 1905 года, когда в уездном городе Новый Оскол, входившим в состав Курской губернии, было завершено строительство здания женской гимназии и состоялось ее торжественное открытие и освещение. Гимназия получила полное официальное наименование «Новооскольская Ея Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны женская гимназия», однако в народе ее называли «Ольгинской гимназией».

Присвоение гимназии имени старшей дочери императора Николая II не было случайным, он годом ранее (1904) посетил город Белгород, и представители уездного земства обратились к нему с прошением о присвоении гимназии имени княжны Ольги. Эта инициатива была поддержана, о чем свидетельствует официальный документ – «Полное собрание законов Российской империи 1905 года»[1]. Как известно, имена императорских особ давались малому числу построенных гимназий, училищ и школ. При этом обязательным было финансирование учебного заведения из личных средств детей императора.

Архивные документы позволяют нам подробно реконструировать жизнь гимназии в первые годы ее существования. В 1907-1908 учебном году гимназию посещали 395 учениц, представлявших все основные слои российского общества: дочери дворян и чиновников – 45, духовенства – 54, почетных граждан – 29, купцов – 21, мещанок – 113, крестьян – 133[2]. Учебный процесс был организован по семилетней программе, а восьмой класс считался дополнительным и давал выпускникам право на получение звания домашнего учителя.

Важно отметить, что женская гимназия в Новом Осколе была открыта в период активного развития женского образования в России. Как отмечает исследователь В.В. Овчинников в своей монографии «Ольгинская гимназия, или Повесть о многовековой истории Новооскольской средней школы № 1», открытие гимназии стало результатом многолетних усилий местного дворянства и земства, стремившихся обеспечить доступ

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собранье третье. Том XXV. 1905. – СПБ., 1908. – 421 с.
[2] *Овчинников В.В.* Ольгинская гимназия, или Повесть о вековой истории Новооскольской средней школы № 1. – Подольск: Типография «ИМИДЖ-ПРЕСС», 2019. – 34 с.

девочек к качественному образованию. Книга В.В. Овчинникова[1], основанная на обширном архивном материале, является наиболее полным научным исследованием истории учебного заведения.

После Октябрьской революции 1917 года гимназия, как и все учебные заведения Российской империи, претерпела кардинальные изменения. 15 декабря 1917 года постановлением Государственной комиссии по просвещению гимназия была передана в ведение Народного комиссариата просвещения. В декабре 1918 года учебное заведение было преобразовано в «Единую школу второй ступени». В 1919 году состоялся последний выпуск гимназии в ее дореволюционном формате.

В послереволюционный период школа несколько раз меняла свой статус, но всегда сохраняла высокий уровень преподавания. В 1950-х и 1960-х годах она стала средней школой с производственным обучением.

Временная историческая школа была оккупирована во время Великой Отечественной войны. В 1941 году учебный процесс был прерван: половина преподавателей и большая часть выпускников ушли на фронт. Во время оккупации Нового Оскола в здании школы был размещен немецкий госпиталь, а после освобождения города в январе 1943 года здесь разместился советский военный госпиталь. Школа гордится своими выпускниками — тремя Героями Советского Союза: Ильёй Петровичем Мосьпановым, Анатолием Михайловичем Коняевым и Михаилом Григорьевичем Аноприенко. Их имена увековечены на мемориальных досках у входа в здание.

Школьный музей, основанный в 1990 году, бережно хранит память о военных годах. На выставке «Школа в годы Великой Отечественной войны» представлены уникальные экспонаты, в том числе фронтовые письма выпускников, фотографии и документы. Во время капитального ремонта в 2018 году в здании были обнаружены надписи, сделанные кровью: «Мы не сдаемся!», «За победу!».

Новый этап в истории школы начался в 1990-х годах. В 1996 году учебное заведение приобрело статус школы с углубленным изучением отдельных предметов[2]. В 1997 году историческое здание школы было включено в список объектов культурного наследия Белгородской области. 14 мая 2003 года школа получила статус общеобразовательной с углубленным изучением отдельных предметов.

Знаковым событием стало возвращение школе исторического названия. 1 сентября 2016 года родительская общественность выступила с инициативой назвать школу в честь княгини Ольги Николаевны Романовой. Постановлением главы администрации муниципального образования «Новооскольский район» от 16 декабря 2016 года № 624 школе официально присвоено имя княгини Ольги Николаевны Романовой.

В 2018 году школа была полностью реконструирована, а 14 декабря того же года на ее территории был открыт памятник княгине Ольге Николаевне Романовой. В церемонии открытия приняли участие митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн, представители областной и районной администраций, депутаты Белгородской областной думы, историки и общественные деятели. Как отметил первый заместитель председателя Белгородской областной думы Александр Скляров, установка памятника – это «не только восстановление исторической справедливости и увековечение памяти покровительницы образовательного учреждения, но и яркий пример молодым новообращенным сохранять историю своего региона».

Сегодня МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1 с углубленным изучением отдельных предметов имени княгини Ольги Николаевны Романовой» – это современное инновационное образовательное учреждение, реализующее программы базового, углубленного и профильного изучения предметов, а также обучение по

[1] *Овчинников В.В.* Ольгинская гимназия, или Повесть о вековой истории Новооскольской средней школы № 1 / В.В. Овчинников. – Подольск: Типография ИМИДЖ-ПРЕСС, 2019. – 28 с.

[2] Официальный сайт МБОУ «СОШ №1 с УИОП имени Княжны Ольги Николаевны Романовой» г.Новый Оскол [Электронный ресурс] – URL: https://nosch1.gosuslugi.ru/ (дата обращения: 08.04.2026).

индивидуальным учебным планам. Школа тесно сотрудничает с учреждениями и организациями Нового Оскола, а Управляющий совет играет координирующую роль в организации системной работы.

О высоком качестве образования свидетельствуют достижения учащихся. За последние три года 146 учащихся заняли призовые места на муниципальном этапе Всероссийской олимпиады школьников. В 2024 году[1] 16 выпускников получили медали «За особые успехи в учении», а двое выпускников набрали 100 баллов на Едином государственном экзамене. Выпускники школы поступают в ведущие вузы страны, в том числе в Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Высшую школу экономики, Саратовскую государственную юридическую академию и другие.

В школе есть исторический музей, который занимает две комнаты на цокольном этаже. В музее, возглавляемом учителем истории Натальей Николаевной Трофимовой, хранятся уникальные экспонаты: оригиналы аттестатов первых выпускников, фотографии, документы, предметы быта начала 20 века. В 2020 году школу посетила княгиня Ольга Николаевна Куликовская-Романова, супруга племянника Николая II, которая оставила теплый отзыв в музейной книге[2].

Важной частью школьной жизни является сохранение исторических традиций. Актовый зал школы традиционно называется Ольгинским, и здесь проводятся праздничные мероприятия. Гостей школы встречают на старинной лестнице под часами, а ученики ходят по тем же шахматным плиткам легендарной харьковской фабрики «Бергенгейм», что и старшеклассницы более ста лет назад.

История МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №1 с углубленным изучением отдельных предметов имени княгини Ольги Николаевны Романовой» в Новом Осколе – яркий пример того, как учебное заведение, оставаясь верным своим историческим корням и традициям, успешно адаптируется к требованиям современности. Пройдя путь от элитной женской гимназии, находившейся под патронажем дочери последнего российского императора, до инновационного образовательного центра, школа продолжает выполнять свою главную миссию – воспитывать образованных, патриотичных и успешных граждан России.

Более чем 120-летняя история школы убедительно демонстрирует, что сочетание уважения к историческому наследию с внедрением передовых образовательных технологий является залогом успешного развития образовательного учреждения. Опыт Новооскольской школы № 1 может служить образцом для изучения и применения в других образовательных учреждениях России, стремящихся сохранить преемственность поколений и в то же время отвечать вызовам современности.

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF MBOU SECONDARY SCHOOL NO. 1 WITH IN-DEPTH STUDY OF INDIVIDUAL SUBJECTS NAMED AFTER PRINCESS OLGA NIKOLAEVNA ROMANOVA IN NOVY OSKOL, BELGOROD REGION (1905-2025)

I.A. Zverev
Belgorod State National Research University

The history of educational institutions in Russia, associated with the names of prominent historically significant figures, is a valuable source for studying cultural, social and pedagogical processes in the country. MBOU Secondary School No. 1 with in-depth study of individual subjects named after Princess Olga Nikolaevna Romanova, Novy Oskol, Belgorod region. It is a unique example of an educational institution that has not only preserved traditions for more than a century, but also multiplied them. Founded in 1905 as a girls' gymnasium, the school has gone through a difficult path reflecting all

[1] Там же.

[2] Век Ольгинской гимназии. Новооскольской школе имени княжны Романовой исполнилось 120 лет [Электронный ресурс] // БелПресса – URL: https://www.belpressa.ru/society/obrazovanie/66629.html (дата обращения 08.04.2026).

stages of the educational system's development: from a pre-revolutionary elite gymnasium to a Soviet labor school and a modern multidisciplinary innovative institution.

Key words: history of pedagogy; women's education; Novooskolskaya Women's Gymnasium; Olginskaya Gymnasium; Princess Olga Nikolaevna Romanova; Novy Oskol; cultural heritage site; in-depth study of subjects; historical continuity.

УДК 93/94

ЗАДАЧИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТАНКОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ХОДЕ БИТВЫ НА КУРСКОЙ ДУГЕ (1943 г.) И СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РФ НА УКРАИНЕ (2022-2026 гг.): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Д.А. Сухенко
Научный руководитель – к. истор. наук, доц. Е.Ю. Прокофьева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
optimus_179@mail.ru

Танк продемонстрировал себя как наиболее прогрессивное средство вооруженной борьбы с начала Второй мировой войны, особенно при его применении в составе самостоятельных крупных соединений. Наиболее ярким воплощением данной концепции стали немецкие бронетанковые дивизии – Panzerdivision. Данный тип вооружения позволил на практике реализовать задачу, которая оставалась нерешенной для стратегов периода Первой мировой войны – осуществление прорыва линии фронта противника. Анализ эффективности боевых действий, в которых танк выступал в роли основного ударного элемента, в настоящее время представляют собой наиболее многочисленные и одновременно дискуссионные страницы военной истории[1].

К числу наиболее показательных сражений подобного рода относится Курская битва, которая до настоящего времени остается объектом оживленных дискуссий среди военных историков – как в целом, так и применительно к отдельным ее эпизодам.

Важно отметить тот факт, что некоторые военные эксперты и историки сегодня предпринимают попытки провести параллели между сражениями на Курской Дуге и специальной военной операцией (СВО) на Украине с целью дать сравнительный анализ роли, значению и эффективности боевого применения бронетехники в 1943 г. и в настоящее время. Так, научный директор РВИО Михаил Мягков отмечает, что «перед Курской битвой вермахт обладал танками «Тигр» и «Пантера», САУ «Фердинанд», самолётами «Фокке-Вульф 190». Сегодня ВСУ получают из разных стран танки «Леопард» и «Абрамс». В обоих случаях противостоит сильный противник. Германия в 1943 году достигла пика своих боевых возможностей, а ВСУ с нарастанием поставок также приближаются к пику боевого оснащения»[2].

Вместе с тем, несмотря на имеющееся сходство условий проведения боевых действий, роль, значение и применение отечественных танковых подразделений в ходе СВО коренным образом изменились. В этой связи представляется важным сравнить тактику и результативность применения данного вида вооружения в ходе проведения Курской битвы и современной СВО.

Прежде всего, в конце 1942 года, примерно за 8 месяцев до начала Курской битвы, вышел приказ Народного комиссара обороны СССР № 325 «О боевом применении танковых и механизированных частей и соединений». В этом документе И.В. Сталин

[1] *Гарсия Х.В.* Бронетанковые операции Второй мировой войны / пер. с англ. М.М. Михайлова. – М., 2012. – С. 5.
[2] "Пантеры" против Т-34. Эксперты провели параллели между ВОВ и СВО // РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: https://golnk.ru/blYBn (дата обращения: 20.03.2026).

обозначил основные ошибки и недостатки применения танковых подразделений (особенно в атаке), начиная с июня 1941 г.

К числу важнейших недостатков он относил: отрыв танков от пехоты и потерю взаимодействия с ней; ввод танков в бой без поддержки пехоты и без предварительной разведки; недостаточное участие в уничтожении живой силы противника; отсутствие надёжного авиационного прикрытия; неудовлетворительное управление танками средствами связи[1].

Далее И. Сталин перечислил основные задачи по устранению выявленных проблем. К ним относились: обеспечение тесного взаимодействия танков с пехотой в ходе атаки, допуская отрыв от неё не более чем на 400 метров; уничтожение в первую очередь личного состава и огневых точек противника; прикрытие танков огнём артиллерии перед атакой и авиацией при передвижении; организация умелого управления подразделениями через средства радиосвязи[2].

О результатах боевых действий можно судить на примере 2-й танковой армии на Орловском направлении в 1943 г.: «Второй день операции (6 июля) начался боем 16-го танкового корпуса, который в 4 часа силами 107-й и 164-й танковых бригад перешёл в контрнаступление в направлении Степь, Бутырки. Первой атаковала 107-я танковая бригада, за ней уступом слева двигалась 164-я танковая бригада. Наступление поддерживали 4-й артиллерийский корпус прорыва и два самоходных артиллерийских полка. С началом наступления немецкая артиллерия и самоходные орудия открыли огонь по боевым порядкам 107-й танковой бригады. Следовавшая за танками пехота, неся потери, несколько отстала. Однако через два часа боя наступающие части вынудили противника к отходу и вышли на рубеж 1-е Поныри, Степь, Саборовка. При дальнейшем продвижении танки 107-й бригады были встречены сосредоточенным огнём из окопанных в землю 16 танков «Тигр» и огнём с места большого количества средних и лёгких танков. Бригада за короткий срок потеряла 46 танков, а оставшиеся 4 танка отошли за расположение своей пехоты»[3].

Данный отрывок из журнала боевых действий показывает, что танковые подразделения пытались следовать ранее предписанным указаниям, однако в полной мере соблюсти их не смогли, что привело к значительным потерям. Помимо этого, одной из главных причин больших потерь наших танков стало техническое превосходство немецкой бронетехники.

Схожая проблема проявилась и в ходе сражения под Прохоровкой 12 июля 1943 года, когда 5-я гвардейская танковая армия П.А. Ротмистрова, усиленная 2-м танковым и 2-м гвардейским танковым корпусом, пошла в лобовую атаку на окопавшийся 2-й танковый корпус СС под командованием П. Хауссера. В результате этого боя около 600 единиц советской бронетехники было уничтожено или вышло из строя против 70 единиц немецкой техники[4].

Оба приведённых примера подтверждают ведущую роль танков в качестве главной ударной силы в ходе Курской битвы летом 1943 г., которая, однако, требовала тесного взаимодействия с остальными родами войск для достижения максимального эффекта по реализации поставленных боевых задач.

---

[1] №217. ПРИКАЗ О БОЕВОМ ПРИМЕНЕНИИ ТАНКОВЫХ И МЕХАНИЗИРОВАННЫХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13. – М., 1997. – С. 334-335.

[2] Там же. С. 335-336.

[3] Боевые действия 2-й танковой армии в Курской битве [Электронный ресурс] // Танковый фронт 1939-1945. Всё о бронетанковых частях и танкистах второй мировой. – URL: https://golnk.ru/5bRxO (дата обращения 22.03.2026).

[4] *Портер Дэвид.* Танки и бронетехника Второй мировой войны. СССР и его союзники. 1939-1945. – Москва : АСТ, 2015 – С. 276-277.

24 февраля 2022 года началась специальная военная операция (СВО) Российской Федерации на Украине, и российские танковые подразделения поначалу активно использовались в ходе развернувшихся боев.

По оценке военного аналитика Р. Пухова, на начальном этапе специальной операции танковые соединения выполняли преимущественно задачу скоростного выдвижения к административным центрам с целью их изоляции, тогда как последующее подавление оставшихся очагов сопротивления возлагалось на подразделения «лёгкой» пехоты[1].

В свою очередь, военный обозреватель Ю. Аптухин также констатировал, что в ходе ведения боевых действий на Украине было задействовано значительное количество бронетанковой техники, поскольку, по его мнению, без танков успешное освобождение территорий представляется невозможным, следовательно, данный род войск был и остаётся ключевой ударной силой сухопутных сил[2].

Вместе с тем, по мере расширение линии боевого соприкосновения, развертывания масштабов и интенсивности боев в ходе СВО, выявилась не принимаемая в расчет ранее серьезная угроза для танков – FPV дроны. Так, доброволец, принимавший непосредственное участие в боях СВО, Эдуард Шарафиев в издании KAZANFIRST отмечал, что «в условиях активного применения дронов прежняя польза от танков, которые должны обеспечивать прорыв, резко снизилась. Сейчас танки уже не используются большим группами…»[3]. В этой связи, исходя из новой практики на полях сражений СВО, примерно с середины 2023 года тактика танковых подразделений начала кардинально меняться.

Так, военный обозреватель А. Степанов в своих репортажах отмечал, что если на начальном этапе специальной военной операции в видеоматериалах фиксировались крупные колонны российской бронетехники, продвигавшиеся в атаку массированными группами, то в настоящее время подобные массовые танковые удары практически не встречаются. Применение танков претерпело изменения: боевые машины действуют скрытно, производят несколько выстрелов на большой дальности по позициям противника и оперативно меняют огневую позицию, функционируя по принципу кочующих орудий и минимизируя риск поражения противотанковыми средствами. Кроме того, практикуется стрельба с закрытых огневых позиций, при которой замаскированный танк используется в качестве самоходного артиллерийского орудия[4].

Редакция ТАСС уточняет, что эффективность данной тактики повышается благодаря применению беспилотных летательных аппаратов, обеспечивающих обнаружение целей и корректировку огня[5].

Военный эксперт В. Лыткин, в свою очередь, связывает отказ танковых экипажей от лобовых атак и переход к тактике автономной боевой единицы с широким распространением FPV-дронов[6].

Обобщая изложенный выше материал, представляется возможным выявить основные различия и сходства в постановке задач и результативности применения танковых соединений в военных операциях двух различных эпох.

---

[1] *Пухов Р.Н.* От «специальной» к «военной» / Р. Н. Пухов // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. – №2. [Электронный ресурс]. – URL: https://clc.li/JNJIC (дата обращения: 24.03.2026).

[2] *Аптухин Ю.* На южный фланг спецоперации перебрасываются устаревшие танки Т-62. Зачем / Ю. Аптухин. // Военное обозрение [Электронный ресурс]. – URL: https://clc.li/Pvhsu (дата обращения: 23.03.2026).

[3] Угроза с неба: как дроны изменили характер военных действий // KAZANFIRST [Электронный ресурс]. – URL: https://golnk.ru/alvX3 (дата обращения: 24.03.2026).

[4] *Степанов А.* Как изменилась тактика применения танков за два года проведения СВО / А. Степанов // RGRU [Электронный ресурс]. – URL: https://clc.li/phMgZ (дата обращения 26.03.2025).

[5] Дальние выстрелы, ближний бой, рукопашная: как российские танкисты воюют в СВО / Редакция ТАСС // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: https://clc.li/jrfoZ (дата обращения: 26.03.2026).

[6] *Лыткин В.* СВО превратила танки на поле боя в универсальное огневое средство – Ростех / В. Лыткин // Военное обозрение [Электронный ресурс]. – URL: https://clc.li/qtinb (дата обращения: 26.03.2026).

Так, в ходе Курской битвы, как было установлено, танковые подразделения эффективно использовались на направлении главного удара в качестве ключевого средства прорыва и ударной мощи, что в большинстве случаев приводило к встречным танковым сражениям. При этом крупные потери советской бронетехники обусловливались техническим превосходством противника. Решение поставленных боевых задач достигалась за счёт активного взаимодействия танков с другими родами войск, причём уничтожение вражеских танковых сил возлагалось на артиллерию как на более мощное средство поражения.

В условиях СВО тактика применения танков на ее начальном этапе претерпела не столь существенные изменения: задачи заключались в поддержке пехотных подразделений с использованием крупных танковых групп. Однако, как отмечает издание «ВЗГЛЯД», развертывание масштабов СВО и стремительное развитие боевых беспилотных и спутниковых технологий, сделало невозможным сосредоточение массированных танковых группировок[1]. Применение танков в составе крупных соединений уступило место действиям одиночных машин, которые поддерживают союзные силы, выполняя артиллерийские функции.

Обобщая представленный материал, возможно констатировать, что основное различие в применении танков в рассматриваемых боестолкновениях заключается в том, что в Курской битве основой тактики служило использование танков многочисленными группами в роли главной ударной силы. В настоящее время от данной практики отказались, перейдя к тактике отдельных мобильных огневых точек. Вместе с тем сохраняется и сходство, а именно необходимость активного взаимодействия танков с другими родами войск — принцип, на котором и должна базироваться современная общевойсковая операция.

TASKS AND EFFECTIVENESS OF THE USE OF RUSSIAN TANK UNITS DURING THE BATTLE OF KURSK (1943) AND THE SPECIAL MILITARY OPERATION OF THE RF IN UKRAINE (2022–2026): A COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS

D.A. Sukhenko
Belgorod State National Research University

The Battle of Kursk (1943) exemplified the use of large tank formations as the main striking force, but heavy Soviet losses resulted from German technical superiority and insufficient coordination with infantry and artillery. In the initial phase of Russia's Special Military Operation (2022–2026), tanks were also deployed in large columns for rapid advances and isolating administrative centers. However, the widespread use of FPV drones and satellite technologies forced a radical shift in tactics, abandoning massed tank assaults in favor of single vehicles operating covertly as mobile firing points or self-propelled artillery from closed positions. Thus, while the Kursk battle relied on massive tank groups as the primary breakthrough element, the current conflict employs individual tanks in support roles, with the common requirement being close cooperation with other branches of the military.

Key words: tank, tank units, SMO, battle of Kursk.

[1] *Резчиков А.* Как изменилась тактика применения танков со времен Курской битвы / А. Резчиков // ВЗГЛЯД. Деловая газета [Электронный ресурс]. – URL: https://golnk.ru/8v3p1 (дата обращения: 27.03.2026).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 651.012

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ДОЛЖНОСТНОЙ ИНСТРУКЦИИ ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В.С. Аулова
Научный руководитель – к. полит. н., доц. Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638622@bsuedu.ru

Разработка должностной инструкции является важным делопроизводственным процессом, необходимым для нормативного закрепления организационно-правового положения работника, его функций, обязанностей, прав, ответственности. Данная процедура предполагает использование определенной нормативно-правовой базы, основу которой составляют приказы Минтруда России, утверждающие профессиональные стандарты административно-управленческой и офисной деятельности. Применение конкретного профессионального стандарта при разработке должностной инструкции обусловлено спецификой деятельности лица, находящегося на данной должности, и выполняемыми им трудовыми функциями.

Подготовка должностной инструкции делопроизводителя образовательного учреждения начинается с выделения участков работ, действий, осуществляемых сотрудником в рамках своей должности, для дальнейшего корректного выбора профессионального стандарта. Так делопроизводитель муниципального образовательного учреждения, реализующего образовательные программы начального общего и основного общего образования, занимается непосредственно ведением управленческой документации, документации по личному составу, оформлением документов текущего и архивного хранения.

С целью регламентации деятельности делопроизводителя в сфере общего делопроизводства используется профстандарт «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией»[1]. Профстандарт «Специалист по управлению персоналом» необходим для закрепления функций делопроизводителя по кадровомуделопроизводству[2]. «Специалист архива» применяется в случае выполнения делопроизводителем образовательного учреждения задач по организации хранения архивных документов[3].

Профессиональные стандарты, в первую очередь, необходимы для составления текста некоторых разделов должностной инструкции. Эти нормативные документы используются для определения квалификационных требований к образованию, опыту работы, необходимым знаниям и умениям, которые находят отражение в «Общих положениях» должностной инструкции.

На основании обобщенных трудовых функций профессионального стандарта разрабатывают раздел «Функции». При этом данный структурный элемент должностной

[1] Профессиональный стандарт «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15.06.2020 № 333н). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Профессиональный стандарт «Специалист по управлению персоналом» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 09.03.2022 № 109н). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Профессиональный стандарт «Специалист архива» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.03.2021 № 140н). – Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

инструкции не предполагает детальное описание включаемых в обобщенные трудовые функции трудовых функций. Текст раздела, как правило, отличается минимальным объемом.

С учетом выполняемых делопроизводителем образовательного учреждения действий обобщенные трудовые функции имеют следующие наименования: документационное обеспечение деятельности учреждения; организационное, документационное и информационное обеспечение деятельности директора учреждения; документационное обеспечение работы с персоналом; хранение, комплектование, учет, использование дел и архивных документов.

Каждая обобщенная трудовая функция имеет несколько вариантов требований к уровню образования. При этом единым остается требование к наличию у делопроизводителя среднего профессионального образования – программы подготовки специалистов среднего звена.

Раздел «Должностные обязанности» составляют по принципу соответствия трудовых действий трудовым функциям. Важно соблюдать логическую последовательность при размещении на бланке документа пунктов и подпунктов. Начальную нумерацию имеют пункты, касающиеся трудовых действий в области общего делопроизводства. Далее следуют действия, выполняемые в рамках кадрового делопроизводства. Заключительной смысловой частью является информация об организации текущего и архивного хранения документов.

Для обозначения действий делопроизводителя в рамках общего делопроизводства используются следующие трудовые функции: организация работы с документами; составление и оформление управленческой документации; организация исполнения приказов, осуществление контроля исполнения поручений директора; организация подготовки и проведения совещаний коллегиальных органов учреждения.

Трудовые функции делопроизводителя по кадровому делопроизводству включают: ведение документации по учету и движению персонала; разработку типовых форм документов по учету и движению персонала, сопровождение процедур оформления трудовых отношений; администрирование процессов и документооборота по учету и движению персонала.

Делопроизводитель образовательного учреждения в процессе осуществления хранения документов реализует трудовые функции, такие как организация текущего хранения документов; хранение, комплектование, учет и использование дел (документов) временного хранения; организация обработки дел для последующего хранения; организация постоянного хранения архивных дел (документов); учет архивных дел (документов).

Таким образом, в настоящее время при разработке должностных инструкций отдается предпочтение профессиональным стандартам – современным нормативным документам, регламентирующим основные функции, обязанности, права и ответственность работника. При этом важно произвести правильный выбор среди существующего многообразия данных нормативных документов. Выбор определенного профстандарта для разработки должностной инструкции обусловлен спецификой должности, на которую разрабатывается должностная инструкция.

APPLICATION OF PROFESSIONAL STANDARDS WHEN DEVELOPING THE JOB DESCRIPTION OF THE CLERK OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION

V.S. Aulova
Belgorod State National Research University

The article discusses professional standards that regulate the activities of a clerk in the field of general office work, personnel records management and archival storage of documents. The sections of the clerk's job description, compiled in accordance with professional standards, are named. The differences between generalized labor functions and the labor functions of the professional standard are

indicated. Attention is paid to the process of comparing labor actions to the labor functions of the professional standard.

Keywords: professional standard, job description, labor functions, qualification requirements, job responsibilities.

УДК 94.37

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С УПРАВЛЕНЧЕСКИМИ ДОКУМЕНТАМИ В АДМИНИСТРАЦИИ НИКИТОВСКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА «КРАСНОГВАРДЕЙСКИЙ РАЙОН» БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

А.С. Белюченко

Научный руководитель – к.полит. наук, доц. Л.С. Половнева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

1622454@bsuedu.ru

Организация работы с управленческими документами — важнейший элемент эффективного управления любой организацией. Под управленческими документами понимаются официальные документы, создаваемые в процессе реализации управленческих функций: приказы, распоряжения, решения, протоколы совещаний, служебные записки, отчёты, планы, договоры и иные документы, фиксирующие принятые решения и обеспечивающие взаимодействие между подразделениями и участниками рабочих процессов. Такие документы служат основой для принятия решений, контроля исполнения поручений и сохранения исторической информации о деятельности организации. Эффективный документооборот обеспечивает скорость и качество принятия решений, дисциплину исполнения и достижение стратегических целей. В условиях растущего объёма информации создание надёжной системы делопроизводства критически важно, так как качество и рациональность движения управленческих документов напрямую влияют на оперативность принятия решений, контроль за их исполнением и общую продуктивность работы. Неэффективная организация документооборота приводит к потере времени, дублированию информации, ошибкам в отчётности и снижению управленческой эффективности — вне зависимости от масштаба и сферы деятельности организации[1].

Никитовский сельский Совет депутатов трудящихся и исполком Будённовского района Воронежской области начали работу в декабре 1939 года. В январе 1958 года район был переименован в Красногвардейский. В 1977 году сельский Совет стал Никитовским сельским Советом народных депутатов. Исполком, избираемый на сессиях, управлял культурным, политическим и хозяйственным развитием села, формируя и ведя соответствующую управленческую документацию. В 1993 году исполком был упразднён, его функции и архив документов передали администрации, которая действовала до 2004 года. В декабре 2004 года Никитовка получила статус сельского поселения, а в 2005 году была создана Администрация Никитовского сельского поселения. С 2006 года Администрация продолжает свою работу как исполнительно-распорядительный орган, совершенствуя систему работы с управленческими документами[2].

Администрация Никитовского сельского поселения занимается комплексным управлением жизнедеятельностью поселения с учётом особенностей организации работы с управленческими документами, включая бюджетирование, социально-экономическое

[1] *Быкова Т.А.* Документационное обеспечение управления. Делопроизводство. – М., 2018. – 163 с.

[2] Устав Никитовского сельского поселения муниципального района «Красногвардейский район» Белгородской области (утв. Решением земского собрания от 10.07.2007 № 1). – Никитовка. – 2007. – 48 с.

планирование, благоустройство, жилищно-коммунальное хозяйство, культуру и спорт, экологическую политику, архивное дело, борьбу с коррупцией и муниципальный контроль. Её деятельность в сфере документооборота основывается на Уставе поселения, федеральном и региональном законодательстве о делопроизводстве, а также соглашениях с районными органами власти и локальных нормативных актах, регламентирующих порядок работы с документами. Основные цели администрации в контексте организации работы с управленческими документами — обеспечение благополучия территории через прозрачную и эффективную систему документооборота, удовлетворение потребностей населения за счёт своевременной обработки обращений и документов, эффективное решение вопросов местного значения и реализация переданных государственных полномочий с соблюдением установленных требований к оформлению, регистрации, хранению и передаче документов.

В администрации представлена централизованная форма организации делопроизводства: в целом все обязанности по делопроизводству в администрации возложены на должность главного специалиста по делопроизводству.

Организация документооборота администрации включает в себя все операции по приему, передаче, составлению, согласованию, оформлению, удостоверению и отправке документов.

Документооборот администрации как технологический процесс осуществляется в виде двух основных документопотоков:

- поступающая документация (входящая);
- отправляемая документация (исходящая).

Входящая документация администрации в основном складывается из документов, поступающих от постоянных корреспондентов.

Вся документация поступает напрямую в организацию посредством официальной электронной почты, почтовыми отправлениям и путем получения писем нарочно в организационно-контрольном отделе аппарата управления администрации Красногвардейского района.

Документооборот можно представить следующим образом: вышестоящие корреспонденты: органы власти и местного самоуправления поселения. Распоряжения, письма, инструкции, методические указания и рекомендации федеральных министерств и ведомств поступают в администрацию в виде копий распорядительных документов; не соподчиненные корреспонденты: организации и предприятия, учебные заведения (школы, университеты); учреждения культуры; общественные организации; ассоциации. Документы этих корреспондентов поступают с целью согласования совместных действий побуждения к ним или получения информации; частные лица: работники администрации, жители сельского поселения.

Входящие документы администрации по характеру содержания можно разделить на инициативные (которые в свою очередь делятся на требующие ответа или исполнения или присланные для сведения) и ответные, полученные в ответ на запрос организации.

В администрацию документы поступают при помощи услуг почтовой связи, электронной почты (по электронной почте в основном поступают письма от районной администрации и других организаций), факса, при помощи доставки, а также от частных лиц (жителей сельского поселения).

Большая часть входящей корреспонденции поступает по электронной почте. К исходящим документам администрации относятся: письма, справки, запросы, постановления, распоряжения.

Отправка документов из организации осуществляется при помощи услуг почтовой связи, электронной почты, факса и частных лиц (представителей администрации).

В организации отсутствуют разделения на отделы, поэтому внутреннего документооборота в ней нет. Вся работа, связанная с документооборотом, закреплена за должностью Главного специалиста по делопроизводству[1].

Регистрация документа — фиксация факта создания или поступления документа проставлением на нем регистрационного номера с последующей записью сведений о документе в регистрационно-контрольную карточку. Регистрации подлежат все документы, требующие учета, исполнения и использования в справочных целях. Входящие документы регистрируются в день их поступления.

Вся поступившая корреспонденция сортируется на регистрируемую и не подлежащую регистрации. Документы регистрируются независимо от способа их доставки, передачи и создания. Не подлежат регистрации следующие документы:

- периодические издания (газеты, журналы, брошюры, книги);
- рекламные извещения, плакаты, проспекты;
- копии счетов на оплату;
- поздравительные письма, телеграммы, открытки;
- пригласительные билеты;
- корреспонденция, адресованная работникам администрации (с пометкой «Лично»);
- документы по материально-техническому обеспечению;
- статистическая и бухгалтерская учетная и отчетная документация;
- нормы и нормативы расхода материалов.

Все поступившие документы докладываются руководству в день их поступления.

В организации отсутствуют структурные подразделения. Вся корреспонденция идёт напрямую к Главному специалисту по делопроизводству. Поступившие в администрацию документы регистрируются один раз – в день поступления. В администрации функционирует централизованная система регистрации документов: все входящие корреспонденции регистрируются у главного специалиста по делопроизводству.

Корреспонденция, поступившая в администрацию, идёт напрямую к главному специалисту по делопроизводству, оттуда попадает к Главе администрации и проходит процесс регистрации. На этапе регистрации в карточку регистрируемого документа могут быть занесены различные значения реквизитов документа, такие как дата регистрации, корреспондент, способ доставки, исполнитель и т.п. На поступающих документах на бумажном носителе, подлежащих регистрации, в верхнем правом углу первого листа предоставляется отметка о поступлении с указанием даты поступления и входящего регистрационного номера документа, служащих уникальным идентификатором документа в системе управления документами организации.

Документы в электронном виде или электронные образы документов, поступающие в администрацию, проходят прием, регистрацию, предварительное рассмотрение, рассмотрение руководством (при необходимости) и доставляются исполнителям.

В организации отсутствует электронный документооборот. Вся входящая корреспонденция регистрируется в журналах.

В администрации применяется типовой журнал регистрации документов, который соответствует всем требованиям делопроизводства.

В журнал вносятся следующие сведения: дата поступления, регистрационный номер, корреспондент (автор), дата документа, номер документа, краткое содержание и исполнитель.

Контроль за исполнением документа преимущественно остаётся за Главой администрации или возлагается на Заместителя главы[2].

---

[1] Должностная инструкция Главного специалиста по делопроизводству Администрации Никитовского сельского поселения (утв. распоряжением Главы администрации от 30.10.2019 №2). – Никитовка – 2019. – 12 с.

[2] Должностная инструкция Главы администрации Никитовского сельског поселения (утв. распоряжением Главы администрации от 30.10.2019) – Никитовка – 2019. – 12 с.

Таким образом, ключевыми особенностями организации работы с управленческими документами в Администрации Никитовского сельского поселения являются: централизованное ведение делопроизводства (все функции сосредоточены у главного специалиста по делопроизводству), разделение документопотока на входящий и исходящий, традиционная регистрация в типовом журнале без использования ЭДО. Отсутствие структурных подразделений определяет специфику маршрутизации документов, а контроль исполнения, закреплённый за главой администрации или его заместителем.

FEATURES OF ORGANIZING WORK WITH MANAGEMENT DOCUMENTS IN THE ADMINISTRATION OF NIKITOVSKOE RURAL SETTLEMENT OF THE MUNICIPAL DISTRICT "KRASNOGVARDEYSKY DISTRICT" OF BELGOROD REGION

A.S. Beluchenko
Belgorod State National Research University

Effective document management is essential for the management of any organization, as it speeds decision-making through access to up-to-date information, improves discipline in task execution through deadline monitoring and assigning responsibilities, and contributes to the achievement of strategic goals. With the growing volume of information, a reliable document accounting and processing system is essential, as productivity and control depend on the quality of document flow—from creation or receipt to archiving. Ineffective document management leads to wasted time searching for information, data duplication, inconsistencies between document versions, and reporting errors, all of which reduce management effectiveness and negatively impact the organization's performance.

Key words: local government, documentation, document flow, document management

УДК: 005.92:37

РОЛЬ ИНСТРУКЦИИ ПО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ В СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В.Ю. Беседина
Научный руководитель – старший преподаватель Е.В. Вохменова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1567304@bsuedu.ru

Современная средняя общеобразовательная школа – это не просто место, где дети получают знания, это сложная, многоуровневая система управления, эффективность которой напрямую зависит от качества информационных потоков. Документы здесь сопровождают абсолютно все процессы: от записи первоклассников и приема на работу педагогов до организации итоговой аттестации. Естественно, что в условиях такого напряжения управленческого аппарата хаос в бумагах может парализовать работу всего учреждения. Именно поэтому инструкция по делопроизводству перестает быть просто формальным документом, лежащим на полке для проверяющих, и превращается в реальный инструмент наведения порядка. Однако на практике её роль часто недооценивается, воспринимается как необходимость, продиктованную лишь бюрократическими требованиями.

Вопросы организации документооборота всегда находились в центре внимания специалистов, однако специфика образовательной среды накладывает свой отпечаток на все управленческие процедуры. Если в коммерческой фирме прибыль зависит от четкости договоров, то в школе результат – это качественное образование, которое тоже требует серьезного документального обоснования[1].

[1] *Кузнецов И.Н.* Документационное обеспечение управления. Документооборот и делопроизводство. – М., 2022. – С. 15.

К сожалению, приходится констатировать, что во многих образовательных учреждениях делопроизводство ведется «по инерции», опираясь на устаревшие шаблоны или личный опыт секретаря, который не всегда соответствует актуальным нормативным требованиям. Это порождает массу проблем: от потери важных сведений до юридических рисков при возникновении трудовых споров. Инструкция же, разработанная с учетом специфики конкретной школы, должна выступать тем стандартом, который унифицирует все этапы работы с документами – от момента их создания до передачи в архив. Она является локальным нормативным актом, который не только регламентирует порядок подготовки и оформления бумаг, но и определяет зоны ответственности каждого сотрудника.

Без четкой регламентации секретарь и администрация школы вынуждены тратить непропорционально много времени на поиск нужной информации или исправление ошибок в уже подписанных приказах. Это отвлекает ресурсы от главного – учебно-воспитательного процесса. В данной статье мы попытаемся разобраться, насколько наличие грамотно составленной инструкции способно оптимизировать управленческие процессы в школе и минимизировать риски нарушения законодательства. Нам важно понять, как этот документ влияет на реальную повседневную деятельность учреждения, а не только на его формальный статус перед внешними контролерами.

Говоря о нормативной базе, лежащей в основе школьного делопроизводства, стоит признать, что инструкция по делопроизводству выступает своеобразным «мостом» между громоздкими федеральными законами и повседневной рутиной образовательного учреждения. Школа, будучи государственной структурой, обязана работать по строгим правилам, но для рядового учителя или даже завуча формулировки правовых актов часто звучат слишком абстрактно. Именно локальная инструкция переводит эти требования на понятный язык конкретных действий: как оформить приказ, сколько лет хранить личное дело, какой шрифт использовать в служебной записке. Без этого документа, утвержденного приказом директора, управленческий аппарат рискует погрузиться в хаос, где каждый сотрудник пытается действовать по своему усмотрению, ссылаясь на личный опыт или устаревшие образцы[1].

Особенно ярко роль инструкции проявляется при работе с приказами по основной деятельности. В школьной практике нередко возникают ситуации, требующие юридически безупречного оформления: утверждение локальных нормативных актов, организация итоговой аттестации, зачисление обучающихся или правильное оформление протоколов педагогических советов. Если инструкция не регламентирует четкие шаблоны и маршруты движения бумаг, вероятность ошибки возрастает многократно. К примеру, отсутствие визы согласования на проекте приказа или неправильная нумерация могут привести к тому, что документ будет признан недействительным в случае судебного спора. Сейчас, когда родители и сотрудники все чаще отстаивают свои права в судах, отсутствие грамотно составленной инструкции становится серьезным риском для репутации и бюджета школы[2].

Не стоит забывать и о специфике работы с персональными данными учащихся, которая целиком лежит на плечах администрации и секретаря. Инструкция по делопроизводству должна четко отвечать на вопрос, как формируются личные дела, кто имеет к ним доступ и в каком порядке они передаются в архив. Это не просто формальность, а необходимость, продиктованная защитой конфиденциальной информации. Грамотно прописанные разделы инструкции позволяют систематизировать этот процесс, перекладывая ответственность за сохранность документов на конкретных

[1] ГОСТ Р 7.0.97-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов. (утв. Приказом Росстандарта от 26.06.2025 № 622 – ст). – Доступ из правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] *Кузнецов И.Н.* Документационное обеспечение управления. Документооборот и делопроизводство. – М., 2022. – С. 112.

должностных лиц. Как верно замечают специалисты, порядок в документах – это гарантия сохранности истории самого учреждения[1].

Наконец, огромную роль играет инструкция как инструмент адаптации для новых сотрудников. Текучесть кадров в школьной администрации и среди педагогического состава, к сожалению, имеет место быть. Для новичка, который только пришел на должность секретаря или завуча, инструкция становится настоящим руководством к действию. Она экономит время наставников и снижает тревожность самого работника, позволяя ему быстро вникнуть в специфику внутреннего документооборота. Если же документ написан формальным языком или устарел, новички допускают одни и те же ошибки, на исправление которых уходит масса рабочего времени. Таким образом, актуализированная инструкция – это не только способ навести порядок в бумагах, но и способ оптимизировать трудовые ресурсы[2].

Подводя итог всему сказанному, хочется отметить, что инструкция по делопроизводству в современной школе – это отнюдь не бесполезный формальный атрибут, созданный лишь для отчетности перед проверяющими инстанциями. Проведенный анализ показывает, что без этого документа управленческий аппарат образовательного учреждения рискует погрязнуть в хаосе, теряя драгоценное время на исправление ошибок и поиск потерянных бумаг, вместо того чтобы заниматься стратегическими задачами. Мы увидели, что грамотно составленная инструкция выполняет сразу несколько критически важных функций: она служит правовой гарантией для администрации при возникновении споров, становится надежным методическим пособием для сотрудников и обеспечивает сохранность исторической памяти школы. В условиях постоянного усложнения законодательства и роста объема документооборота игнорировать важность стандартизации этих процессов просто невозможно.

В конечном счете наличие актуальной инструкции позволяет перевести работу школы из режима постоянного «тушения пожаров» в режим планомерного и спокойного развития. Когда каждый сотрудник, от вахтера до директора, четко понимает свои обязанности и алгоритмы действий, значительно снижается уровень стресса и количество конфликтных ситуаций. Поэтому разработка и регулярная актуализация этого документа должны стать приоритетной задачей для любого руководителя, который действительно заботится о стабильности, юридической чистоте и эффективности своего учреждения.

THE ROLE OF INSTRUCTIONS ON RECORD MANAGEMENT IN A SECONDARY GENERAL EDUCATION SCHOOL

V.Y. Besedina
Belgorod State National Research University

The article examines the role of instructions on record management in a secondary general education school. It is noted that this document is a necessary tool for optimizing management processes and ensuring the legal safety of the institution. The author analyzes the functions of the instruction in the system of school administration and highlights the problems arising from the lack of clear standards in document flow. Special attention is paid to the importance of this local normative act for the adaptation of new employees and the preservation of the school's archive. The conclusion is made that a well-developed instruction contributes to the efficiency and stability of the educational institution.

Keywords**:** record management, school, instruction, document flow, management.

[1] *Андреева В.И.* Делопроизводство. Организация и ведение: учебно-практическое пособие. – М., 2022. – С. 275.

[2] *Ларин М.В.* Документооборот. Типовые функциональные требования к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов в архивах государственных органов // Делопроизводство. – 2021. – № 1. – С. 3-8.

УДК 651.012

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ИСХОДЯЩЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ В ЧДОУ «ПРАВОСЛАВНЫЙ Д/С «ПОКРОВСКИЙ»

Е.О. Булаткина
Научный руководитель – к.п.н., доцент И.Г. Галушко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1665222@bsuedu.ru

В современном мире грамотное управление любой организацией, независимо от ее формы собственности и направления деятельности, немыслимо без четко выстроенной системы делопроизводства. Документы являются не только основой управленческих решений, но и главным инструментом фиксации информации, обеспечивающим правовую обоснованность деятельности, контроль исполнения и сохранность данных. Особую значимость вопросы документационного обеспечения приобретают в дошкольных образовательных учреждениях, которые сочетают в себе функции образовательной деятельности и хозяйственного ведения[1].

Частное дошкольное образовательное учреждение «Православный детский сад «Покровский» г. Белгород, Белгородский и Старооскольской епархии» функционирует с 2007 года по настоящее время на основании Устава и является некоммерческой организацией[2].

Основной целью Учреждения является обеспечения получения детьми дошкольного образования, реализация православного компонента основной образовательной программы дошкольного образования, осуществления присмотра и ухода за детьми в возрасте от двух месяцев до прекращения образовательных отношений.

Документооборот в ЧДОУ «Православный д/с «Покровский» является основой управленческой деятельности. От его четкой организации зависят скорость и качество принятия решений, исполнительская дисциплина и в конечном счете – достижение стратегических целей Учреждения.

Также Документооборот ведется на основе нормативных документов. Официальные документы, как правило, оформляются на бланках, созданных в электронном виде на бумаге формата А4 (210 х 297), А5 (248 х 210).

За надлежащее ведение документации в ЧДОУ «Православный д/с «Покровский» отвечает специалист – документовед, чья деятельность регламентируется действующими нормативными актами. В системе документооборота учреждения можно выделить три основных направления движения документов:

1. Входящая документация.
2. Исходящая документация.
3. Внутренняя документация.

Документы поступают при помощи услуг почтовой связи и электронной почты. Документопоток можно разделить на группы: организационные, распорядительные, информационно-справочные документы, документы по личному составу.

Итак, исходящая документация – это отчёты, справки, письма, образующие в результате деятельности и адресованные посредством почтовой или электронной связи в иные социальные институты[3]. Отправленные документы регистрируются в специальных журналах исходящей документации. Порядок подготовки исходящих документов

[1] *Клочкова Ю.С.* Совершенствование технологии документооборота в образовательной организации // Наука и образование сегодня. – 2019. – №11. – С. 123.
[2] Устав ЧДОУ «Православный д/с «Покровский» (утв. Решение учредителя от 13.12.2021). – Белгород, 2021. – 19 с.
[3] *Медведева О.В.* Терминология документоведения // Культурная жизнь Юга России. – 2025. – № 2. – С. 103.

включает в себя работу по составлению проекта документа, согласованию, подписанию, и отправке. До передачи документа на подпись исполнитель должен проверить его содержание. Правильность оформления, наличие необходимых виз, и приложений. Документ представляется на подпись Заведующему вместе с материалами, на основании которых он готовился.

За последние три года объем исходящей документации составил: 590 единиц в 2023 году, 600 единиц в 2024 году и 650 единиц в 2025 году.

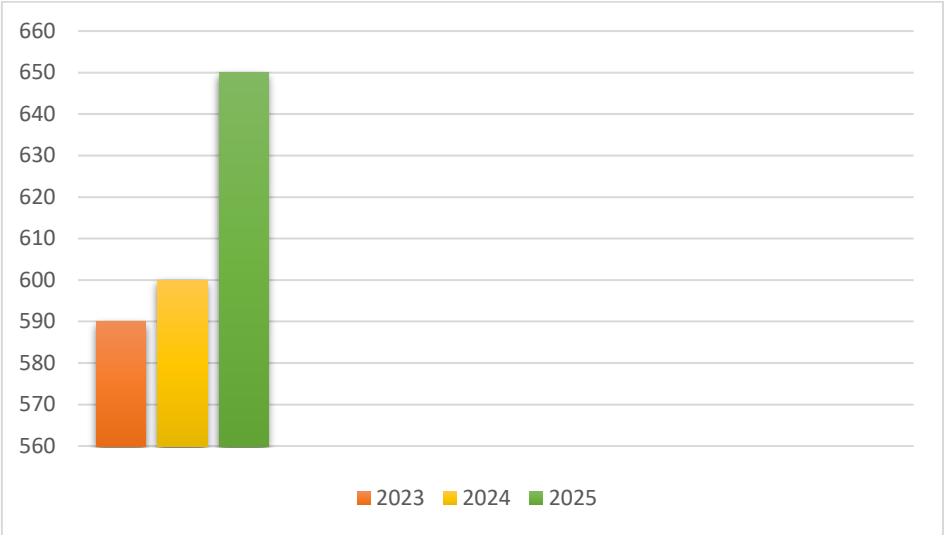

Рис. 1. Объем исходящей документации

Как видно из диаграммы, наблюдается тенденция к увеличению количества исходящих документов год за годом (рис. 1).

Внутренняя документация – это документы, которые оформляются и исполняются в пределах ЧДОУ. Внутренние документы также имеют реквизиты и регистрируются в журналах. Внутренние документы (докладные записки, справки, сводки и др.) рассматриваются теми должностными лицами, кому они направлены.

Объемы внутренней документации за три года составили: 110 единиц в 2023 году, 140 единицы в 2024 году, 130 единиц в 2025 году.

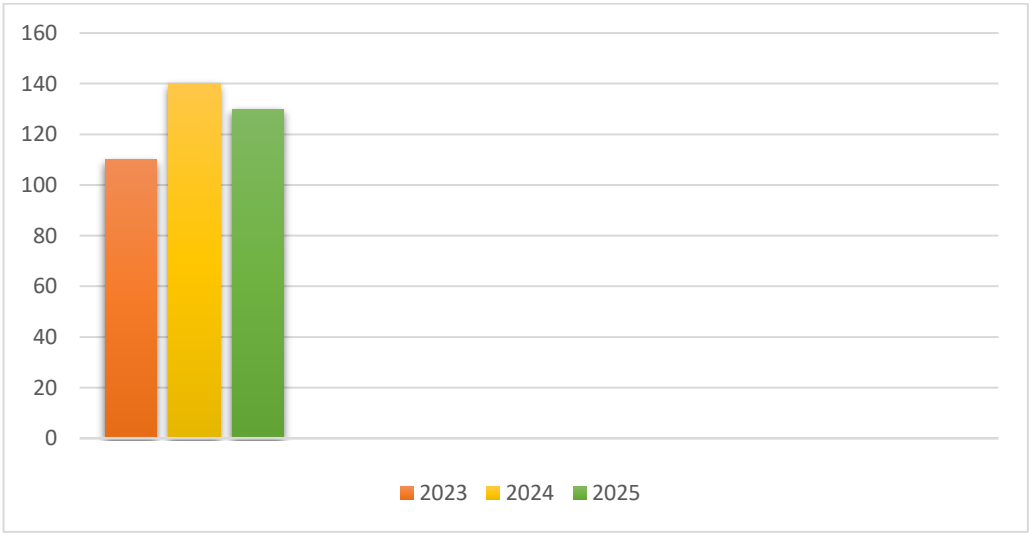

Рис. 2. Объем внутренней документации

Диаграмма показывает, что объем внутренней документации увеличился с 2023 по 2024 год, а затем снизился в 2025 году (рис. 2).

Таким образом, в ЧДОУ «Православный д/с «Покровский» документооборот представлен входящими, исходящими и внутренними потоками, каждый из которых имеет свой уникальный путь. От того, насколько грамотно организованы процессы создания, прохождения, исполнения и хранения документов, зависят оперативность принятия решений, юридическая чистота деятельности и прозрачность работы для контролирующих структур.

ORGANIZATION OF WORK WITH OUTGOING AND INTERNAL DOCUMENTATION IN THE CHDOU "ORTHODOX KINDERGARTEN "POKROVSKY"

E.O. Bulatkina
Belgorod State National Research University

In today's world, effective management of any organization, regardless of its ownership or field of activity, is impossible without a well-organized system of record-keeping. Documents are not only the foundation of management decisions, but also the primary tool for capturing information, ensuring legal compliance, monitoring performance, and preserving data. Document management becomes particularly important in preschool educational institutions, which combine educational and administrative functions. The private preschool educational institution "Pokrovsky Orthodox Kindergarten" in Belgorod, Belgorod and Starooskolsk Dioceses, has been operating since 2007 on the basis of its Charter and is a non-profit organization.

Key words: office management, document management, outgoing documentation, internal documentation.

УДК 651

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ДОГОВОРНОЙ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ В ДЕПАРТАМЕНТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НИУ «БЕЛГУ»

А.В. Богодист
Научный руководитель — к. полит. н., доц. Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553345@bsu.edu.ru

Департамент непрерывного профессионального образования (ДНПО) НИУ «БелГУ» играет ключевую роль в реализации дополнительных образовательных программ. Департамент закрывает потребности широкого круга слушателей – от студентов, нуждающихся в дополнительной квалификации, до специалистов, стремящихся к повышению своего профессионального уровня. В основе успешного функционирования ДНПО лежит сложная система договорных отношений, которые требуют особого подхода к составлению, согласованию и исполнению договорной документации.

Работа с договорами в ДНПО НИУ «БелГУ» обладает рядом характерных особенностей, обусловленных спецификой деятельности департамента, правовым статусом университета и требованиями законодательства.

В первую очередь предлагаем рассмотреть нормативно-правовую базу, на которую опираются сотрудники при составлении договоров:

– Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» – определяет общие требования к реализации образовательных программ и оформлению отношений между образовательной организацией и обучающимися[1].

– Гражданский кодекс РФ (гл. 39 о возмездном оказании услуг) – регулирует договорные отношения[1].

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 08.03.2026). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

– Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[2].

– Внутренние локальные акты НИУ «БелГУ»: положение департамента непрерывного профессионального образования, регламенты оформления договоров, приказы ректора.

Также в департаменте непрерывного профессионального образования заключаются различные типы договоров, каждый из которых имеет свои нюансы.

Первый вид – это договоры об оказании платных образовательных услуг. Это основной тип договоров, заключаемых с физическими лицами на получение дополнительного профессионального образования или профессиональной переподготовки. Они регламентируют права и обязанности сторон и содержание образовательных программ, сроки обучения, стоимость услуг, порядок оплаты и ответственность за неисполнение обязательств.

Следующим видом являются договоры с юридическими лицами. Департамент может заключать договоры с организациями на обучение своих сотрудников. Такие договоры могут включать в себя условия о корпоративных скидках, индивидуальных программах обучения и отчетности перед заказчиком.

Третий вид – расходные договоры. Привлекая сторонних квалифицированных преподавателей департамент должен заключить с ними договор, определяющий их вознаграждение, объем выполняемых работ, срок действия договора, обязательства и ответственность сторон.

Также создаются дополнительные соглашения для внесения изменений в действующие договоры (корректировка сроков, стоимости, перечня услуг).

Для обеспечения единообразия и снижения рисков при работе с договорной документацией ДНПО использует стандартизированные формы договоров, разработанные юридической службой университета. Это позволяет:

– соблюдать унифицированный подход, обеспечивая соответствие требованиям законодательства и внутренним нормативным актам;

– ускорить процесс, так как типовые формы содержат уже проработанные формулировки, что сокращает время на их разработку;

– снизить вероятность упущения важных пунктов или внесения некорректных формулировок.

Однако не все договоры делаются по типовой форме университета. Если организация направляет свой договор, то он должен пройти проверку юридического отдела, после чего юрист проставляет штамп экземпляра НИУ «БелГУ». Также если юрист не одобрил договор, то в него должны быть внесены все правки, которые были указаны юридическим отделом.

Далее предлагаем рассмотреть этапы работы с договорной документацией.

1. Подготовка проекта договора. Формируется типовая форма с учетом требований законодательства и внутренних регламентов. Указываются условия, к которым относятся наименование программы, срок обучения, стоимость, порядок оплаты, права и обязанности сторон. Если шаблон отличается от типовой формы университета, то договор проходит этап согласования юридическим отделом НИУ «БелГУ».

2. Согласование и подписание. На данном этапе происходит: подача заявки, проверка корректности персональных данных, подписание договора обучающимся и проректором-директором департамента непрерывного профессионального образования.

3. Регистрация и учет. Договору присваивается регистрационный номер, вносятся данные в единую базу учета договоров НИУ «БелГУ» – 1С Омега: Управление ФХД.

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.03.2026). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Исполнение договора. На данном этапе контролируются сроки оплаты и начала обучения, также происходит мониторинг выполнения образовательной программы (посещаемость, успеваемость)[1]. Оформляются акты выполненных услуг.

5. Передача договорной документации на архивное хранение.

Работа с договорной документацией в департаменте непрерывного профессионального образования НИУ «БелГУ» – это многогранный процесс, требующий глубоких знаний законодательства, выработанных внутренних процедур и высокого уровня профессионализма всех вовлеченных сторон. Эффективное управление договорами является залогом успешной реализации образовательных программ, защиты интересов университета и обеспечения высокого качества предоставляемых образовательных услуг. Постоянное совершенствование нормативной базы, автоматизация процессов и повышения квалификации сотрудников, задействованных в договорной работе, позволят департаменту непрерывного профессионального образования НИУ «БелГУ» и в дальнейшем успешно развиваться, удовлетворяя актуальные потребности рынка труда и общества в целом.

SPECIFICS OF WORKING WITH CONTRACTUAL DOCUMENTATION IN THE DEPARTMENT OF CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION OF THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY «BELSU»

A.V. Bogodist
Belgorod State National Research University

Department of Continuing Professional Education (DNPO) BelSU National Research University plays a key role in the implementation of additional educational programs. The Department addresses the needs of a wide range of students, from students in need of additional qualifications to specialists seeking to improve their professional level. The successful functioning of the DNPO is based on a complex system of contractual relations that require a special approach to the preparation, coordination and execution of contractual documentation.

Key words: document, contract, additional education, professional retraining, professional development.

УДК 651.012.12

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБМЕНА ДАННЫМИ МЕЖДУ ВЕДОМСТВАМИ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Е.Е. Гапеева
Научный руководитель – к. полит. н., доц. Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
gapeeva@bsuedu.ru

Эффективность современного государственного управления напрямую зависит от того, насколько быстро и надежно будет организован межведомственный электронный документооборот. Обмен информацией и общее взаимодействие должны происходить в едином формате, при обеспечении защищенности информации, а также полноценной интеграции в единые системы современной автоматизации.

В условиях построения цифровой экономики и модели «электронного правительства» межведомственный электронный документооборот становится не просто вспомогательным инструментом, а важной инфраструктурой предоставления государственных и муниципальных услуг. Переход к безбумажному взаимодействию

[1] Положение о Департаменте непрерывного профессионального образования НИУ «БелГУ» (утв. Приказом от 08.10.2025 № 996-ОД). – Белгород, 2025. – 10 с.

между ведомствами позволяет сократить административные барьеры, исключить повторный сбор документов с граждан и организаций, а также повысить прозрачность процедур принятия решений. Неотъемлемой частью цифровой трансформации страны является переход на электронный документооборот, что напрямую влияет на выполнение задач национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Повышение эффективности электронного документооборота направлено на повышение качества и эффективности оказания услуг, а также на снижение издержек государственного управления[1].

Функцию управления и развития МЭДО реализует федеральная служба охраны Российской Федерации. Также она ведет глобальный адресный справочник участников информационного взаимодействия и рассылает участникам актуальные справочники.

В рамках построения в России «электронного правительства» одновременно реализуется несколько крупных государственных проектов. Для специалистов по документационному обеспечению управления наибольший интерес представляет проект создания системы межведомственного электронного документооборота федеральных органов исполнительной власти. Теоретически межведомственный электронный документооборот призван обеспечить оперативную передачу документов между государственными структурами. Однако на практике участники взаимодействия сталкиваются с множеством барьеров – от технических ограничений и различий в ведомственных информационных системах до организационных сбоев и несовершенства нормативно-справочной базы.

Основная группа проблем носит технологический характер. Данные многократно дублируются в ведомственных хранилищах, но при этом редко синхронизируются, что неизбежно ведет к расхождениям и потере доверия к информации. Кроме того, жизненный цикл документа, переданного из одного органа в другой, фактически разрывается. После отправки документ нередко выпадает из системы контроля, становится невозможным отследить момент его получения, назначение ответственного исполнителя или ход рассмотрения.

Для стандартизации и унификации процессов утверждены правила межведомственного информационного взаимодействия при предоставлении государственных и муниципальных услуг[2]. Данный документ является ключевым нормативным актом, регулирующим порядок обмена документами и сведениями между органами власти, местного самоуправления, внебюджетными фондами и многофункциональными центрами. Акт вступил в силу с 1 января 2022 года и признал утратившими силу несколько ранее действовавших постановлений, что свидетельствует о стремлении правительства унифицировать и актуализировать нормативную базу межведомственного взаимодействия.

Правила устанавливают приоритет электронной формы взаимодействия через единую систему межведомственного электронного взаимодействия. При этом допускается использование бумажного носителя только в двух исключительных случаях: при отсутствии запрашиваемых сведений в электронной форме либо при необходимости направления оригиналов документов на бумажном носителе. Таким образом,

---

[1] Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7. – Режим доступа: справочная-правовая система «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Правительства РФ от 23 июня 2021 г. № 963 «Об утверждении Правил межведомственного информационного взаимодействия при предоставлении государственных и муниципальных услуг, в том числе рекомендуемых правил организации межведомственного информационного взаимодействия между исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации и (или) органами местного самоуправления, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» (ред. от 28.11.2024). – Режим доступа: справочная-правовая система «КонсультантПлюс».

законодательно закреплен принцип «цифры по умолчанию», а бумага рассматривается как резервный канал.

Важнейшим нововведением акта является регламентация сроков предоставления сведений. Общий срок не должен превышать 48 часов с момента направления запроса. Однако в ряде случаев, определенных техническими требованиями к системе межведомственного электронного взаимодействия, устанавливается режим реального времени, при котором время ответа не превышает 2 секунд. Это разделение на синхронный и асинхронный режимы принципиально важно для построения эффективных государственных сервисов.

Акт также вводит требование к соответствию форматов обмена данными исчерпывающим перечням документов, содержащимся в административных регламентах и зафиксированным в Федеральном реестре государственных и муниципальных услуг. При изменении этих перечней органы, создающие форматы, обязаны оперативно их корректировать или удалять. Кроме того, участники взаимодействия обязаны соблюдать требования к качеству функционирования информационных систем, одобряемые президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию.

В рамках проблемы обмена данными через систему МЭДО одним из существенных барьеров повышения эффективности межведомственного взаимодействия является сложность корректного выбора адресата при наличии дублирующихся записей одного и того же органа или организации в справочнике участников. Такое дублирование возникает из-за отсутствия единого строгого регламента ведения нормативно-справочной информации, различий в полном и сокращенном наименовании, а также из-за наличия нескольких территориально обособленных подразделений или юридических лиц, формально относящихся к одному ведомству, но зарегистрированных в МЭДО под разными идентификаторами. В результате отправитель вынужден вручную идентифицировать верного получателя, что повышает риск ошибки, задержки отправки или направления документа некомпетентному адресату. Усугубляет проблему отсутствие унифицированных машиночитаемых данных (например, единого классификатора ОКТМО, ИНН/КПП в структуре карточки участника), позволяющих автоматически разрешать неоднозначность.

Для повышения эффективности документооборота необходимо внедрение централизованного сервиса «единого окна» с верификацией записей, принудительной дедупликацией адресатов и использованием поиска, который на основе контекста обращения предлагает единственный корректный вариант, исключая неопределенность со стороны пользователя.

Таким образом, несмотря на нормативную и технологическую проработку системы межведомственного электронного документооборота, её практическая эффективность остается недостаточной. Ключевым препятствием выступает несовершенство справочной информации и отсутствие автоматизированных механизмов идентификации адресатов. Решение проблемы лежит не в доработке отдельных технических элементов, а в создании сервиса по управлению адресным пространством, основанным на верификации, дедупликации и поиске. Только такой подход позволит реализовать потенциал межведомственного электронного документооборота как полноценной инфраструктуры «электронного правительства».

CURRENT PROBLEMS OF DATA EXCHANGE BETWEEN GOVERNMENT AGENCIES AND WAYS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF INTERDEPARTMENTAL ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT

E.E. Gapeeva
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the analysis of current problems of interagency electronic document flow in the Russian Federation in the context of digital transformation of public administration and the

development of the «electronic government» model. The author examines technological and organizational barriers that reduce the efficiency of data exchange between government agencies, and also substantiates the need to create an integrated address space management service based on verification, deduplication and search as a key condition for realizing the potential of interagency electronic document flow.

Keywords: interagency electronic document flow, interagency electronic document flow (IEDF), data exchange, electronic government, digital economy, recipient identification, deduplication, single window, regulatory and reference information, public services.

УДК 651

ВИДОВОЙ СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ И РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В МБОУ «СОШ № 2 Г. СТРОИТЕЛЬ» ЯКОВЛЕВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА

А.В. Гусарова
Научный руководитель – к. и. н., доцент И.Г. Галушко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638554@bsuedu.ru

Порядок решения управленческих вопросов и характер деятельности являются основой для определения состава документов учреждения. МБОУ «СОШ № 2 г. Строитель» существует следующие виды документации: организационно-правовая, распорядительная, информационно-справочная, учебно-педагогическая, кадровая и финансово-хозяйственная документации.

Организационно-правовая документация – это комплекс взаимосвязанных документов, которые регламентируют структуру, задачи, функции учреждения, организацию её работы, а также права, обязанности и ответственность участников образовательного процесса[1]. Такие документы содержат обязательные для исполнения положения, базирующиеся на нормах административного права, и являются правовой основой деятельности организации.

В МБОУ «СОШ № 2 г. Строитель» к организационно-правовой документации относятся устав, штатное расписание, правила внутреннего трудового распорядка, правила внутреннего распорядка учащихся, положение об отделах, правила приёма обучающихся, порядок и основания перевода, отчисления обучающихся, а также должностные инструкции.

Устав МБОУ «СОШ № 2 г. Строитель» утверждён приказом управления образования администрации Яковлевского городского округа от 10 сентября 2019 года. В 2024 году были внесены изменения в Устав, утвержденные приказом управления образования области администрации Яковлевского муниципального округа Белгородской области от 11 ноября 2024 года, изменившие по тексту Устава слова «Яковлевский городской округ» заменить на слова «Яковлевский муниципальный округ Белгородской области» в соответствующих падежах.

Титульные лист Устава учреждения содержит следующие реквизиты: гриф утверждения документа, наименование вида документа, место составления документа, дата документа.

В деятельности учреждения Устав обязателен к применению. Он состоит из 7 разделов:

1. Общие положения.
2. Предмет, цель и виды деятельности Учреждения.
3. Управление Учреждением.
4. Имущество и финансовое обеспечение деятельности Учреждения.
5. Порядок принятия локальных нормативных актов Учреждения.
6. Реорганизация, изменение типа и ликвидация Учреждения.

[1] *Гринберг А.С.* Документационное обеспечение управления. – М., 2023. – С. 123.

7. Заключительные положения.

Устав МБОУ «СОШ № 2 г. Строитель» написан на 21 листе. В качестве замечания можно отметить, что пункт 1.14 гласит, что учреждение не имеет структурных подразделений, однако в положении о информационно-библиотечном центре в пункте 1.1 сказано, что «Информационно-библиотечный центр является структурным подразделением общеобразовательного учреждения…». В изменениях в уставе эта ошибка не исправлена. Это является противоречием в организационных документах учреждения.

Правила внутреннего трудового распорядка согласовываются с мнением представительного органа работников. Правила внутреннего трудового распорядка состоят из 11 разделов:

1. Общие положения.
2. Порядок приема, отказа в приеме на работу, перевода, отстранения и увольнения работников школы.
3. Основные права и обязанности работодателя.
4. Обязанности и полномочия администрации.
5. Основные обязанности, права и ответственность работников.
6. Режим работы и время отдыха.
7. Оплата труда.
8. Поощрения за труд.
9. Дисциплинарные взыскания.
10. Медицинские осмотры. Личная гигиена
11. Заключительные положения

При приеме на работу сотрудника обязывают ознакомится с Правилами внутреннего трудового распорядка под роспись.

Для организации работы сотрудников используются должностные инструкции. В качестве примера можно привести должностную инструкцию учителя начальных классов.

Должностная инструкция состоит из 4 разделов:

1. Общие положения.
2. Должностные обязанности.
3. Права.
4. Ответственность.

Должностная инструкция для каждой должности в учреждении действует до замены новой инструкцией.

Количество организационной документации в 2020 и 2021 годах составляло 14 документов. В 2022 и 2023 годах к организационной документации учреждения относилось 15 документов. В 2024 году количество организационной документации возросло до 16 документов.

Можно увидеть, что с 2022 года объём организационной документации возрос в следствии с введением положения об электронном и дистанционном обучении. Также можно отметить рост в 2024 году в связи с введением положения о информационно-библиотечном центре в учреждении. В 2020 и 2021 годах количество организационной документации остается неизменимым так же, как и в 2022 и 2023 годах.

Распорядительная документация – это комплекс документов, которые регулируют деятельность образовательной организации, фиксируют решения административных и организационных вопросов, а также вопросы управления, взаимодействия, обеспечения и регулирования деятельности[1].

В МБОУ «СОШ №2 г. Строитель» к распорядительной документации относятся приказы, издаваемые директором учреждения, и решения, издаваемые коллегиальными органами.

[1] *Непогода А.П.* Делопроизводство организации. Подготовка, оформление и ведение документации. – М., 2018. – С. 63

Приказ МБОУ «СОШ №2 г. Строитель» включает в себя следующие реквизиты: герб Яковлевского муниципального округа, наименование организации – автора документа, наименование вида документа, дата документа, регистрационный номер, заголовок к тексту, текст, подпись. Приказы в учреждении подписываются директором.

Приказы издаются по вопросам организации работы учреждения, отчётности, финансирования, планирования, снабжения, по личному составу работников, по личному составу обучающихся.

Можно отметить, что в учреждении в основном издаются приказы по личному составу работников, а также по личному составу обучающихся. Объём этих двух видов приказов является практически идентичным – 29 процентов приказов по личному составу обучающихся и 27 процентов приказов по личному составу работников.

Объём распорядительной документации в 2020 году составил 411 документа, в 2021 – 392 документа, в 2022 году – 415 документа, в 2023 – 384 документ, в 2024 году – 395 документа.

Наибольший объем распорядительной документации приходился на 2020 и 2022 года. Это связано с тем, что издавались приказы о переводах работников и обучающихся на дистанционное обучение.

Таким образом, организационно-правовая и распорядительная документации являются одними из основных видов документации, создаваемых в МБОУ «СОШ № 2 г. Строитель». Объём распорядительной документации больше, чем объём организационной документации. Это связано с тем, что в состав распорядительной документации входят такие документы, как приказы и решения, создаваемые чаще, чем локальные акты.

Стоит отметить, что некоторые локальные акты нуждаются в доработке, поскольку в ходе анализа были выявлены ошибки в их содержании.

TYPES OF ORGANIZATIONAL AND ADMINISTRATIVE DOCUMENTS IN THE MUNICIPAL EDUCATIONAL INSTITUTION "SECONDARY SCHOOL No. 2, STROITEL" OF THE YAKOVLEVSKY MUNICIPAL DISTRICT

A.V. Gusarova
Belgorod State National Research University

This article examines the types of organizational and administrative documentation at the Municipal Educational Institution "Secondary School No. 2, Stroitel" of the Yakovlevsky Municipal District. It examines the specifics of drafting organizational and administrative documents and analyzes their volume over the past five years.

Key words: document, organizational documentation, administrative documentation, documentation, order, local acts.

УДК 651

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ

С.А. Дубровская
Научный руководитель – к. полит. н., доц. Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
la.dubrovskaya@yandex.ru

Документационное обеспечение управления (ДОУ) в учреждениях культуры долгое время оставалось на периферии внимания руководителей, уступая место творческим и содержательным аспектам работы. Но современные реалии, а именно, цифровизация государственного управления, ужесточение требований к отчетности, переход на электронный документооборот, заставляют пересмотреть это отношение. От того, насколько эффективно в библиотеке, музее или Доме культуры выстроены процессы

создания, обработки и хранения документов, сегодня зависят не только финансовая прозрачность учреждения, но и его способность быстро реагировать на изменения нормативной базы и запросы контролирующих органов.

Актуальность темы состоит в том, что эффективность работы любого учреждения культуры сегодня во многом определяется тем, насколько грамотно выстроена система управления документацией. Документационное обеспечение управления (ДОУ) – это важнейший инструмент, без которого невозможно ни стратегическое планирование, ни финансовая дисциплина, ни качественное оказание услуг населению. В условиях цифровой трансформации экономики и государственного управления вопросы совершенствования ДОУ в сфере культуры приобретают особую остроту и актуальность.

В последние годы государство уделяет повышенное внимание модернизации управления в социально-культурной сфере. В 2024 году Правительство Российской Федерации утвердило Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 года, а Министерство культуры России выпустило ряд новых нормативных актов, регулирующих контроль за выполнением государственных заданий и методические подходы к размещению организаций культуры. В ноябре 2025 года были обновлены методические рекомендации для региональных и муниципальных органов власти о применении нормативов и норм оптимального размещения организаций культуры, что прямо влияет на документооборот учреждений.

Особенно значимым для документационного обеспечения стал Федеральный закон № 149-ФЗ[1], который закрепил требования к управлению государственными и муниципальными учреждениями, в частности касаясь защиты информации, ее хранения и передачи. Нормативные документы задают направления развития: учреждения культуры должны работать прозрачнее, отчетность должна быть более точной. И важную роль в достижении этих целей играет именно документационное обеспечение.

Первое и наиболее очевидное направление – цифровая трансформация документооборота. Внедрение систем электронного документооборота (СЭД) становится стандартом для всей отраслей и сфер деятельности[2].

В России также накоплен значительный опыт. Например, в Хабаровском крае с 2023 года реализован отраслевой информационный ресурс для планирования и контроля деятельности подведомственных учреждений Министерства культуры. В автоматическом режиме выполняются расчет ресурсообеспечения, нормативных затрат, формирование государственных заданий и соглашений о субсидиях. Это освобождает сотрудников от рутинной работы и позволяет сосредоточиться на содержательных задачах.

Второе направление совершенствования состоит в внедрении специализированных отраслевых решений. Учреждения культуры имеют свою специфику: музеям нужны системы учета фондов, библиотекам – автоматизированные библиотечно-информационные системы. Комплексная автоматизированная музейная информационная система КАМИС, используемая уже в 52 музеях России, позволяет компьютеризировать ведение всей учетно-хранительской документации и книг поступлений[3].

Следующее важное направление направлено на подготовку квалифицированных кадров. Как отмечается в исследовательской литературе, одной из основных проблем учреждений культуры является уровень подготовки кадров в области управления документацией. Переход на новые технологии требует не только закупки программного

[1] Федеральный закон №149-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации».

[2] *Измайлов М.К.* Документационное обеспечение управления: проблемы и перспективы // Бизнес и дизайн ревю. 2020. № 4 (20). С. 3.

[3] *Труевцева О.Н.* Систематизация фондов в провинциальном музее в условиях формирования единого информационно-коммуникационного пространства // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе. 2017. №2017. С. 223-228.

обеспечения, но и системного обучения персонала[1]. В Кыргызстане, например, на постоянной основе проводятся обучающие программы по развитию цифровых навыков.

Несмотря на очевидные успехи, в сфере документационного обеспечения управления учреждений культуры сохраняется ряд серьезных проблем. Среди них выделяется недостаточное финансирование, из-за которого материальная база многих учреждений не соответствует современным требованиям, а также низкий уровень автоматизации в муниципальных учреждениях, особенно в сельской местности.

Пути решения лежат в комплексном подходе. Во-первых, необходима поэтапная цифровизация с приоритетом наиболее затратных по времени процессов. Во-вторых, важно унифицировать документационные процедуры в рамках отрасли, чтобы избежать излишнего разнообразия форм и регламентов. В-третьих, требуется развитие системы повышения квалификации для сотрудников, отвечающих за ДОУ.

Итак, в целом, совершенствование документационного обеспечения управления в учреждениях культуры – это насущная необходимость. Оно позволяет повысить прозрачность деятельности учреждений, ускорить принятие управленческих решений, сократить издержки на рутинные операции и, в конечном счете, направить освободившиеся ресурсы на главное – развитие культуры и обеспечение доступа населения к культурным ценностям. Цифровая трансформация, внедрение отраслевых информационных систем и подготовка квалифицированных кадров – вот три кита, на которых должно строиться это совершенствование в ближайшие годы.

IMPROVEMENT OF DOCUMENTATION SUPPORT FOR MANAGEMENT IN CULTURAL INSTITUTIONS

The article discusses the concept of "documentation management". A special emphasis on this issue is given to cultural institutions. As part of the development of digitalization, the main focus is on the introduction of modern technologies and tools in such organizations. The problems and difficulties are also highlighted, and ways to improve the documentation support of management in the field of culture are outlined.

Key words: management, documents, provision, cultural institutions.

УДК 331.101.262

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С КАДРОВЫМИ ДОКУМЕНТАМИ В ООО «ДОЛИНА СЕМЯН БЕЛГОРОД»: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Е.С. Ишкова
Научный руководитель – старший преподаватель Е.В. Вохменова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1567335@bsuedu.ru

Общество с ограниченной ответственностью «Долина Семян Белгород» далее – ООО «Долина Семян Белгород») действует на основании российского законодательства, создано без ограничения срока и ориентировано на получение прибыли. Компания работает в сфере выращивания, переработки и реализации сельскохозяйственных культур и семян, при необходимости развивает иные направления, не противоречащие закону[2]. Структура отражает производственную направленность предприятия: основная часть

[1] *Галимова Е.Я., Мирошниченко М.А.* Организационно-методические вопросы подготовки кадров в области документоведения и архивоведения на примере деятельности Краснодарского государственного института культуры // Культурная жизнь Юга России. 2017. №3. С. 96-100.

[2] Устав общества с ограниченной ответственностью «Долина Семян Белгород» (утв. решением единственного участника от 13.01.2021). – с. Доброе, 2021. – С. 2.

персонала занята на производстве, в числе сотрудников – аппаратчики, разнорабочие, инженеры, складской персонал.

Кадровое делопроизводство сосредоточено у менеджера по персоналу, через которого проходят документы, связанные с приемом, переводом, отпуском и прекращением трудовых отношений. Генеральный директор утверждает подготовленные материалы и подписывает приказы, которые становятся основанием для кадровых действий.

Оформление приема начинается с момента, когда будущий сотрудник подтверждает готовность приступить к работе и передает необходимые документы. С этого дня исчисляется трехдневный срок для заключения трудового договора в соответствии со статьей 67 Трудового кодекса РФ[1]. Менеджер по персоналу принимает паспорт, документы воинского учета, СНИЛС, подтверждение образования, при необходимости – справку об отсутствии судимости, медицинскую книжку, водительское удостоверение и иные документы, предусмотренные ТК РФ и Правилами внутреннего трудового распорядка. После проверки оформляется заявление о приеме на работу на имя генерального директора[2]. Хотя для коммерческой организации такое заявление не является обязательным, в компании его используют как привычную форму фиксации намерений сторон. Руководитель ставит визу согласия, после чего начинается подготовка договора[3].

До подписания договора сотрудника знакомят с локальными нормативными актами: режимом рабочего времени, системой оплаты труда, правилами премирования, документами по обработке персональных данных. Ознакомление подтверждается подписью. Затем подписывается трудовой договор, и с указанной в нем даты возникают трудовые отношения. В течение трех дней оформляется приказ о приеме, который подписывает генеральный директор. Работник знакомится с приказом под подпись. Если работа является основной и трудовая книжка ведется на бумажном носителе, в нее вносится соответствующая запись.

Перевод сотрудников осуществляется при изменении структуры, появлении вакантной должности, временной замене или перераспределении обязанностей. Изменения проводятся с учетом статьи 72.1 Трудового кодекса РФ[4]. Инициатива работодателя оформляется письменным обоснованием руководителя подразделения, где указываются причины и предполагаемые условия новой работы. После согласования работнику направляется предложение с изложением новых условий. Его письменное согласие является обязательным условием, за исключением ситуаций, прямо предусмотренных законом. При согласии сторон составляется дополнительное соглашение к трудовому договору, затем издается приказ о переводе[5]. При постоянном переводе запись вносится в трудовую книжку, при временном – ограничиваются приказом и соглашением с указанием срока. Документы подшиваются в личное дело, что позволяет сохранить целостность информации.

Предоставление отпусков начинается с составления графика по форме Т-7. Менеджер по персоналу собирает сведения от подразделений, формирует документ и передает его на подпись генеральному директору. График утверждается заранее и служит

---

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 24.03.2026).

[2] Правила внутреннего трудового распорядка общества с ограниченной ответственностью «Долина Семян Белгород» (утв. генеральным директором 14.04.2025). – с. Доброе, 2025. – С. 3.

[3] Там же.

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 24.03.2026).

[5] Правила внутреннего трудового распорядка общества с ограниченной ответственностью «Долина Семян Белгород» (утв. генеральным директором 14.04.2025). – с. Доброе, 2025. – С. 12.

ориентиром для распределения отпусков. Не позднее чем за две недели до начала отдыха сотруднику вручается уведомление под подпись, факт вручения фиксируется в журнале регистрации. Хотя при отпуске по графику заявление не требуется, в компании его принимают для дополнительного подтверждения дат. На основании графика или заявления оформляется приказ по форме Т-6, который подписывается директором и передается в бухгалтерию для расчета отпускных. Выплата производится не позднее чем за три дня до начала отпуска[1].

Прекращение трудовых отношений начинается с определения правового основания в соответствии с Трудовым кодексом РФ. Это может быть истечение срока договора, инициатива работника или работодателя, соглашение сторон, перевод либо иные обстоятельства. Менеджер по персоналу собирает подтверждающие документы и регистрирует их. После этого оформляется приказ по форме Т-8 с точной формулировкой основания и ссылкой на норму закона. В день увольнения в трудовую книжку вносится запись, полностью повторяющая текст приказа. Бухгалтерия производит окончательный расчет, включая заработную плату, компенсацию за неиспользованный отпуск и иные выплаты. Работнику выдают трудовую книжку, расчетный листок и копии документов по его заявлению, факт передачи фиксируется[2].

Современное состояние кадрового делопроизводства в ООО «Долина Семян Белгород» можно охарактеризовать как устойчивое и соответствующее требованиям законодательства. Документы оформляются в установленные сроки, применяются унифицированные формы, соблюдается порядок регистрации и хранения. Вместе с тем выявляются и проблемные зоны. Значительная часть процедур выполняется в бумажном виде, что увеличивает нагрузку на менеджера по персоналу и создает риск технических ошибок. Отсутствие автоматизированной системы учета кадровых документов затрудняет быстрый поиск информации и формирование отчетности. При росте численности персонала существующая схема работы может привести к перегрузке одного специалиста.

Таким образом, кадровое делопроизводство в ООО «Долина Семян Белгород» выстроено в соответствии с требованиями трудового законодательства и обеспечивает документальное сопровождение всех этапов трудовых отношений. Дальнейшее развитие связано с цифровизацией процессов, перераспределением нагрузки и уточнением внутренних регламентов, что позволит сократить трудозатраты и снизить вероятность ошибок при оформлении кадровых документов.

ORGANIZATION OF WORK WITH PERSONNEL DOCUMENTS IN LLC «VALLEY OF SEEDS BELGOROD»: THE CURRENT STATE AND PROBLEMS

E.S. Ishkova
Belgorod State National Research University

Belgorod Seed Valley LLC is engaged in the cultivation, processing and sale of agricultural crops and seeds. The personnel documents go through the HR manager and are approved by the CEO. The admission, transfer, vacation and dismissal of employees are processed through applications, employment contracts, orders and entries in the workbook. Documents are kept in accordance with established forms and stored in personal files, but much of the work is done on paper, which creates a burden and complicates the search for information. The development of the system is related to digitalization and the redistribution of responsibilities to reduce errors and labor costs.

Key words: personnel records management, labor legislation, personnel documents, HR manager.

[1] Там же. – С. 14.

[2] Правила внутреннего трудового распорядка общества с ограниченной ответственностью «Долина Семян Белгород» (утв. генеральным директором 14.04.2025). – с. Доброе, 2025. – С. 14.

УДК 651

РИСКИ И ПРЕИМУЩЕСТВА ВНЕДРЕНИЯ ЧАТ-БОТОВ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ В РАБОТУ С ГРАЖДАНАМИ

А.А. Ковалева
Н. рук. – к. полит.н., доц. Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553376@bsuedu.ru

Внедрение различных интеллектуальных систем, таких как чат-боты, в процессы взаимодействия органов власти с гражданами приобретает особую актуальность. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют автоматизировать значительную часть обращений, повысить доступность государственных услуг, оптимизировать процессы управления. Но использование таких решений сопровождается рядом рисков, требующих предварительного осмысления и практической оценки.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью повышения качества предоставляемых органами власти услуг и сокращения временных затрат на обработку обращений граждан. В настоящее время наблюдается недостаточная проработанность вопросов, которые связаны с балансом между автоматизацией и сохранением качества коммуникации, а также с обеспечением безопасности и конфиденциальности персональных данных. Возникает необходимость комплексного анализа преимуществ и рисков внедрения чат-ботов и других интеллектуальных систем в работу с гражданами.

Чат-бот – это программное средство, предназначенное для имитации диалога с пользователем, через использование текстового или голосового интерфейса. Такие программы функционируют на основе заранее заданных сценариев или с применением технологий искусственного интеллекта, включая обработку естественного языка. Основоположником можно считать британского математика Алана Тьюринга и его идею создания интеллектуальных машин[1].

Интеллектуальные системы – это более широкий класс программных решений. Интеллектуальные системы способны анализировать данные, обучаться и принимать решения на основе алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта[2].

Внедрение подобных технологий активно осуществляется в органах государственной власти и органах местного самоуправления, многофункциональных центрах и иных организациях, работающих с населением. Основная цель – повысить оперативность взаимодействия, снизить нагрузки на сотрудников и обеспечить круглосуточный доступ к услугам.

Правительство Белгородской области активно внедряет использование современных интеллектуальных систем (портал Госуслуг, электронная регистратура, личный кабинет налогоплательщика и др.) и чат-ботов, преимущественно в национальном мессенджере MAX, для оперативного взаимодействия с жителями. Основные боты помогают подавать заявки на возмещение ущерба от обстрелов, получать информацию о соцконтрактах, записываться в МФЦ и к врачу, а также узнавать о мерах поддержки бизнеса. Основными чат-ботами, внедренными на данный момент времени в Белгородской области являются:

- Чат-бот по ущербу от обстрелов (MAX): позволяет оперативно подать заявление о повреждении имущества.

[1] Всё о чат-ботах: виды, преимущества, успешные примеры [Электронный ресурс]. – URL: https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-chat-bot/ (дата обращения 13.04.2026).

[2] ИИ на службе государства: как технологии меняют работу госсектора [Электронный ресурс]. – URL: https://hi-tech.mail.ru/articles/140079-ii-na-sluzhbe-gosudarstva-kak-tehnologii-menyayut-rabotu-gossektora/ (дата обращения 13.04.2026).

- Чат-бот по соцконтрактам (MAX): консультирует по вопросам получения государственной помощи.
- Чат-бот МФЦ (MAX): используется для записи на прием и проверки статуса обращений.
- Запись к врачу (MAX): функционал для записи в медицинские учреждения.
- Бизнес-поддержка (MAX): информация о грантах и господдержке предпринимателей.

Ключевым преимуществом использования чат-ботов и интеллектуальных систем является повышение доступности услуг. Гражданин получает возможность обращаться за информацией и получать консультации в любое время суток без необходимости личного визита. Это особенно необходимо для маломобильных групп населения и удаленных территорий.

Скорость обработки запросов – еще одно важное преимущество. Чат-боты мгновенно обрабатывают типовые обращения, что существенно сокращает время ожидания ответа и снижает нагрузку на сотрудников, освобождая их для решения сложных задач.

Стандартизация ответов – это важное преимущество. Заранее настроенные алгоритмы чат-ботов позволяют минимизировать вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором, и обеспечить единообразие предоставляемой информации. Это способствует повышению доверия граждан к государственным институтам.

Также интеллектуальные системы позволяют собирать и анализировать большие объемы данных о запросах граждан, что дает возможность выявлять наиболее острые проблемы, совершенствовать процессы оказания услуг и принимать более обоснованные управленческие решения.

Но несмотря на очевидные преимущества, внедрение чат-ботов и интеллектуальных систем связано с рядом рисков. Подобные программы не всегда способны корректно интерпретировать сложные или нестандартные запросы, что может приводить к недопониманию и неудовлетворенности граждан ответом на запрос. Еще один очевидный риск – в случае сбоев или отказов систем может нарушаться функционирование сервисов, что приведет к снижению доступности услуг.

Существует проблема защиты персональных данных. Использование цифровых технологий предполагает обработку значительных объемов информации, включая личные данные пользователей. Недостаточный уровень безопасности может привести к утечкам информации и нарушению прав граждан.

Кроме прочего, не все категории граждан обладают достаточным уровнем цифровой грамотности или доступом к Интернету, что может ограничивать их возможности взаимодействия с государственными органами через цифровые каналы. Еще один немаловажный риск заключается в том, что не все граждане доверяют подобным цифровым технологиям.

Следует также отметить риск избыточной автоматизации, при которой сокращается роль человеческого участия в процессе оказания услуг. Это может негативно сказаться на качестве обслуживания, особенно в ситуациях, требующих индивидуального подхода и эмпатии.

Итак, внедрение чат-ботов и интеллектуальных систем в работу с гражданами представляет собой важное направление цифровой трансформации государственного управления. Такие технологии обладают значительным потенциалом для повышения эффективности, доступности и качества предоставляемых услуг. В то же время их использование требует учета существующих рисков, связанных с безопасностью, качеством коммуникации и социальной доступностью.

В заключение следует отметить, что эффективное внедрение чат-ботов и интеллектуальных систем возможно только при условии комплексного подхода, включающего развитие нормативно-правовой базы, повышение уровня цифровой

грамотности населения, обеспечение защиты данных и сохранение баланса между автоматизацией и человеческим участием. Только в этом случае можно обеспечить устойчивое развитие цифровых сервисов и повышение качества взаимодействия государства и граждан.

RISKS AND BENEFITS OF IMPLEMENTING CHAT BOTS AND INTELLIGENT SYSTEMS IN WORKING WITH CITIZENS

A.A. Kovaleva
Belgorod State National Research University

The introduction of chat-bots and intelligent systems in the work of authorities contributes to improving the accessibility and expeditiousness of state services, standardization of information and reduction of workload for employees. However, there are risks associated with the use of such technologies, including insufficient protection of personal data, the possibility of technical disruptions, restrictions on citizens with low digital literacy, and reduced quality of individual service. Successful implementation of intelligent systems requires a comprehensive approach that combines regulatory development, data security, and maintaining a balance between automation and human participation.

Keywords: Chatbots, Smart Systems, Government Services, Digital Transformation, Privacy.

УДК 651

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С ДОКУМЕНТАМИ В МБУК «ЦБС №2» ГУБКИНСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА

А.С. Костина
Научный руководитель – старший преподаватель Е.В. Вохменова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1739060@bsuedu.ru

Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система № 2» (далее – МБУК «ЦБС № 2») обеспечивает библиотечное обслуживание населения, предоставляет муниципальные услуги, хранит и пополняет документные фонды, организует культурно-просветительскую и краеведческую деятельность, проводит мероприятия и выставки, а также может оказывать платные услуги в пределах муниципального задания[1]. МБУК «ЦБС № 2» включает административные подразделения, отделы обслуживания и методической работы, центральную детскую библиотеку, сектора краеведческой и справочно-библиографической работы, а также сеть филиалов.

Работа с документами в МБУК «ЦБС № 2» сосредоточена у делопроизводителя, который координирует движение входящей, исходящей и внутренней документации. На него возложены прием и обработка корреспонденции, регистрация, распределение по подразделениям, подготовка материалов для рассмотрения директором, ведение регистрационных форм и контроль исполнения поручений. Одновременно он отвечает за формирование дел, разработку номенклатуры дел, определение сроков хранения, подготовку документов к архивному хранению и составление описей.

Документооборот охватывает весь путь, который проходит документ – от момента его появления до выполнения поручений и последующего хранения[2]. В МБУК «ЦБС № 2» применяется бумажная форма регистрации, что определяет порядок фиксации сведений о каждом документе и обеспечивает возможность последующего поиска.

[1] Устав муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система № 2» Губкинского городского округа (утв. постановлением администрации Губкинского городского округа от 21.12.2011 № 2363-па). – г. Губкин, 2011. – С. 2.
[2] *Грозова О.С.* Делопроизводство. – М., 2023. – С. 43.

Входящая корреспонденция принимается делопроизводителем. Бумажные письма вскрываются, если на конверте отсутствует гриф «Лично». При вскрытии проверяется комплектность вложений, сохранность упаковки, наличие реквизитов отправителя. При отсутствии обратного адреса конверт сохраняется и подшивается к документу. Ошибочно доставленные письма возвращаются отправителю либо перенаправляются по назначению. Электронные сообщения распечатываются, снабжаются отметкой о поступлении и включаются в общий поток регистрации.

Предварительное рассмотрение предполагает отбор документов, подлежащих регистрации. Основанием служит содержание. Обращения граждан, запросы органов власти, письма с требованием ответа регистрируются в обязательном порядке. Печатные издания, приглашения, информационные материалы для сведения могут не вноситься в журнал. Каждому зарегистрированному документу присваивается порядковый номер в пределах календарного года, фиксируется дата поступления, указывается отправитель, краткое содержание и сведения о направлении на исполнение.

После регистрации документ передается директору для наложения резолюции либо направляется в структурное подразделение, если исполнитель очевиден. Резолюция вносится в регистрационный журнал с указанием исполнителя и срока исполнения. При наличии нескольких исполнителей подлинник передается ответственному подразделению, копии – другим участникам работы. Такой порядок позволяет отслеживать исполнение и фиксировать результаты[1].

Исходящие документы создаются сотрудниками подразделений. Проект проходит согласование, после чего передается директору на подпись или утверждение. Делопроизводитель проверяет корректность оформления, наличие реквизитов, подписей и приложений. Документы с нарушениями возвращаются исполнителю для доработки. После подписания документ регистрируется в журнале исходящей корреспонденции с указанием даты, номера и адресата.

Подлинник направляется адресату почтовой связью либо в электронной форме. Второй экземпляр подшивается в дело согласно номенклатуре, третий может передаваться в подразделение для хранения в составе текущей документации. При отправке почтой формируется реестр, который после отметки почтового отделения возвращается и включается в дело. Электронные письма регистрируются в день отправки[2].

Внутренние документы – приказы, протоколы, акты – проходят аналогичный цикл. Инициатор готовит проект, документ согласуется с заинтересованными лицами, после чего передается делопроизводителю для проверки оформления. Подписание директором придает документу юридическую силу. Регистрация фиксирует дату издания, номер, краткое содержание и сведения об исполнителях. Контроль исполнения осуществляется путем отметок в журнале или карточке контроля; по завершении работы документ возвращается в дело с отметкой об исполнении[3].

Формирование дел ведется в соответствии с номенклатурой дел. В нее включаются документы всех подразделений, отражающие основные направления деятельности учреждения. Номенклатура разрабатывается делопроизводителем с учетом устава, положений о подразделениях, штатного расписания, планов и отчетов, а также типовых и ведомственных перечней документов с указанием сроков хранения. Заголовки дел формулируются обобщенно, но конкретно, без расплывчатых обозначений. Каждому делу присваивается индекс, состоящий из кода подразделения и порядкового номера.

Документы постоянного и временного сроков хранения формируются раздельно. В дела включаются полностью оформленные и исполненные подлинники. По окончании года проводится проверка правильности формирования дел, уточняется количество томов, оформляются обложки, составляются описи дел постоянного и долговременного сроков

[1] *Васильченко Н.П.* Современное делопроизводство в библиотеке. – М., 2023. – С. 45.

[2] *Зайцева Т.А.* Современные методики делопроизводства в библиотеке. – М., 2024. – С. 67.

[3] Там же. – С. 70.

хранения. После этого дела передаются в архив учреждения. Документы временного хранения по истечении установленных сроков отбираются к уничтожению на основании экспертизы ценности[1].

Таким образом, организация работы с документами в МБУК «ЦБС № 2» строится на сочетании централизованного контроля и распределенного исполнения. Делопроизводитель обеспечивает движение документации, фиксирует сведения о ее прохождении и отвечает за сохранность, а директор принимает решения по управленческим вопросам. Четкое соблюдение регистрационных процедур, формирование дел по номенклатуре, и подготовка документов к архивному хранению позволяют поддерживать упорядоченность документационного массива и обеспечивать надлежащее хранение сведений, отражающих деятельность учреждения.

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF WORK WITH DOCUMENTS IN MBUK «CBS No. 2» GUBKIN CITY DISTRICT

A.S. Kostina
Belgorod State National Research University

The structure of the institution and the distribution of responsibilities in the field of office management are considered, where the main coordination of document management is assigned to the clerk. It describes the procedure for receiving, registering and reviewing incoming correspondence, preparing and processing outgoing and internal documents, as well as monitoring the execution of orders. The principles of the formation of cases by nomenclature, the determination of storage periods, the preparation of inventories and the transfer of materials to the archive are reflected. The article reveals how the document flow is structured from the moment of receipt or creation of the document to its completed storage.

Keywords: library, document management, documents, correspondence, office work.

УДК 651

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ДОКУМЕНТАМИ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ В УПРАВЛЕНИИ КУЛЬТУРЫ, МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И СПОРТА АДМИНИСТРАЦИИ РОВЕНЬСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ И ЕЁ ОСОБЕННОСТИ

Е.А. Локтионова
Научный руководитель – к. и. н., доцент М.Л. Рябцева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638585@bsuedu.ru

Документы по личному составу — это архивные документы, которые отражают трудовые правоотношения сотрудника с работодателем[2]. Таким образом, к ним относятся все документы конкретного сотрудника, которые касаются его трудовой деятельности.

В настоящее время кадровое делопроизводство в органах местного самоуправления имеет особую значимость. Оно обеспечивает законность, антикоррупционную защиту, а также социальную справедливость. Все кадровые процедуры в организации должны фиксироваться документально: приём на работу, увольнение, перевод, предоставление отпуска, возложение обязанностей, выплату зарплаты и т.д. И с каждым из таких документов сотрудника должны ознакомить.

Кадровое делопроизводство в Управлении культуры, туризма, молодёжной политики и спорта администрации Ровеньского муниципального округа Белгородской

[1] *Васильченко Н.П.* Современное делопроизводство в библиотеке. – М., 2023. – С. 121.
[2] Федеральный закон от 22.10.2004 N 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

области осуществляет ведущий консультант отдела культуры и туризма. В его обязанности входит формирование личных дел сотрудников, контроль своевременного оформления приема, перевода и увольнения работников, выдачу справок об их настоящей и прошлой трудовой деятельности, соблюдение правил хранения и заполнения трудовых книжек, подготовку документов для установления льгот и компенсаций, оформления пенсий работникам и другой установленной документации по кадрам, а также внесение соответствующей информации в банк данных о персонале предприятия, составляет установленную отчетность.

Стоит отметить, что все сотрудники Управления являются муниципальными служащими. Работа в муниципальной службе отличается большей близостью к повседневным проблемам жителей. Муниципальный служащий непосредственно взаимодействует с гражданами, решает конкретные вопросы населения.

К документам по личному составу в управлении относятся:

- заявления о приёме на работу;
- трудовые договоры;
- трудовые книжки;
- приказы о приёме на работу;
- личные карточки работников;
- личные дела работников;
- приказы о предоставлении отпуска;
- приказы о направлении в командировку;
- должностные инструкции;
- заявления об увольнении;
- приказы о прекращении трудового договора;
- табель учёта рабочего времени;
- коллективный договор.

Кадровое делопроизводство в Управлении культуры, туризма, молодёжной политики и спорта администрации Ровеньского муниципального округа Белгородской области ведется традиционным способом. Для регистрации документов используется журнальная система. В качестве регистрационной формы в управлении используются журналы:

- журнал регистрации приказов поличному составу (отпуска, командировки);
- журнал регистрации приказов поличному составу (приём, перевод, увольнение).

На обложках журналов, как правило, указываются полное наименование организации, срок хранения журнала, само наименование журнала и крайние даты начала и окончания ведения. Срок хранения журнала составляет 5 лет[1].

Организация работы с документами по личному составу в управлении – это строго регламентированный процесс, который включает в себя несколько этапов:

1. Начало процесса. Процесс документирования начинается с того, что сотрудник управления подаёт заявление или докладную записку. Это первичные документы, которые запускают кадровые процедуры: приём на работу, перевод, увольнение, предоставление отпуска, поощрение и другие кадровые изменения.
2. Рассмотрение начальником Управления. Поступивший документ передается на рассмотрение начальнику отдела. Начальник Управления анализирует его содержание и выносит свое решение, которое заверяет личной подписью.

[1] *Грозова О.С.* Делопроизводство. – М., 2020. – С. 93.

3. Обработка ведущим консультантом отдела культуры и туризма. На данном этапе происходит детальная обработка документа, включающая:

– Тщательную проверку корректности заполнения всех полей.
– Внесение документа в учетный журнал.
– Разработку проекта приказа на основе поданного заявления.
– Получение одобрения проекта приказа от юридического и финансового отделов.

4. Утверждение документа. Подготовленный и согласованный документ направляется на подпись начальнику Управления. После подписания он становится официальным и приобретает юридическую силу.

5. Исполнение и хранение документа. На данном этапе происходит детальная обработка документа, включающая:

– Тщательную проверку корректности заполнения всех полей.
– Внесение документа в учетный журнал.
– Разработку проекта приказа на основе поданного заявления.
– Получение одобрения проекта приказа от юридического и финансового отделов.

Документы, подлежащие бессрочному хранению, размещаются в сейфе отдела у ответственного сотрудника. Документы с ограниченным сроком хранения после его истечения передаются в архив.

Таким образом, управление документами по личному составу в органах местного самоуправления представляет собой многоступенчатый и комплексный процесс. В управлении культуры, молодежной политики и спорта администрации Ровеньского муниципального округа Белгородской области этот процесс организован на высоком уровне, что гарантирует как продуктивную работу, так и защиту прав сотрудников.

ORGANIZATION OF WORK WITH DOCUMENTS ON PERSONNEL IN THE DEPARTMENT OF CULTURE, YOUTH POLICY AND SPORTS OF THE ADMINISTRATION OF THE RIVNE MUNICIPAL DISTRICT OF THE BELGOROD REGION AND ITS FEATURES.

E.A. Loktionova
Belgorod State National Research University

Effective management of personnel documentation in local governments is a key task of the Department. This process ensures the orderly work of each employee and contributes to the growth of his productivity.

Key words: Document flow, local authorities, personnel documents.

УДК 94.37

ВЕДЕНИЕ КАДРОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ООО «РУССКИЙ ДОМ КАНЦЕЛЯРИИ»: АНАЛИЗ СЛОЖИВШЕЙСЯ ПРАКТИКИ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ

Е.Н. Мельник
Научный руководитель – к. и. н., доц. М.Л. Рябцева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638615@bsuedu.ru

В любой организации, независимо от формы собственности, есть персонал. Он отличается по численности и составу, по выполняемым функциям и уровню квалификации. Задача отдела кадров – сделать так, чтобы все вопросы и проблемы, касающиеся кадрового состава предприятия, решались максимально оперативно и грамотно. От этого во многом зависит стабильная и бесперебойная работа организации. Первейшая задача службы персонала – своевременный подбор работников, ведение

кадрового делопроизводства в соответствии с законом и грамотная организация хранения документов по личному составу[1]

Как и любая другая сфера деятельности, кадровая работа требует обязательного документирования. Однако, в отличие от прочих направлений, кадровые документы напрямую затрагивают каждого сотрудника. Это обуславливает строгие требования к их созданию, оформлению и организации документооборота.

Общество с ограниченной ответственностью «Русский Дом Канцелярии» — это небольшая производственная компания, где трудятся более 100 человек. Её миссия – эффективно использовать свои ресурсы для обеспечения потребностей рынка канцелярскими товарами и услугами, а также для получения прибыли. Предприятие выпускает широкий спектр канцелярской продукции, включая различные виды клея, краски, маркеры, фломастеры и чернила.

В ООО «Русский Дом Канцелярии» за кадровое делопроизводство отвечает менеджер по управлению персоналом. В его обязанности входит ведение всей кадровой документации: от оформления трудовых отношений (прием, перевод, увольнение) в соответствии с законодательством и внутренними правилами, до формирования и актуализации личных дел сотрудников.

Оформление кадровых документов включает в себя ряд последовательных шагов. Начинается все с получения необходимых данных от каждого нового сотрудника, которые нужны для заключения трудового договора и подтверждения факта его найма. Далее следует подготовка и подписание самого договора, приказа о приеме на работу, создание личного дела и внесение записей в трудовую книжку[2].

Все приказы, касающиеся приема на работу, перевода, увольнения, оформляется по унифицированным формам, утвержденных Госкомстатом[3]. Если соответствующие формы отсутствуют, используется фирменный бланк организации.

Чтобы упорядочить хранение и учет документов, все приказы делятся на 3 категории. К первой относятся приказы по основной деятельности. Вторая включает кадровые документы, подлежащие бессрочному хранению (75 лет). Третья группа – это кадровые приказы с пятилетним сроком хранения.

В ООО «Русский Дом Канцелярии» приказы регистрируются в отдельных журналах и хранятся в специально созданных папках. Нумерация различается: приказы по основной деятельности и кадровые приказы с ограниченным сроком хранения получают сквозную нумерацию, а кадровые приказы с бессрочным хранением помечаются индексом «лс».

Регулирование процедур, связанных с кадровой документацией Общества, осуществляется на основании следующих внутренних нормативных актов:

1. Устав;
2. Штатное расписание;
3. Правила внутреннего трудового распорядка;
4. Положение об обработке персональных данных и прочие соответствующие документы.

Для официального оформления трудовых отношений с каждым сотрудником в Обществе заключается трудовой договор. Процесс его заключения требует от кандидата предоставления полного перечня документов, определенного статьей 65 Трудового Кодекса Российской Федерации[4].

---

[1] *Матрасов Н.А.* Ведение кадрового делопроизводства от А до Я // Теория и практика современной науки. – 2020. - №1(55). – С. 283-285.

[2] *Доронина Л.А.* Документационное обеспечение управления: учебник и практикум для среднего профессионального образования – М., 2024. – С. 172-173.

[3] 3 Постановление Госкомстата РФ от 05.01.2004 №1 «Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету труда и его оплаты». – Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197–ФЗ (ред. от 29.09.2025) – Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

Оформление кадровой документации занимает значительное количество времени, ввиду большого объема документов, а также строгого соблюдения требований законодательных и нормативных правовых актов.

Систему кадрового делопроизводства в ООО «Русский Дом Канцелярии» целесообразно оптимизировать с учетом последних изменений в трудовом законодательстве.

Оптимизация представляет собой процесс усовершенствования, направленный на повышение производительности и результативности при одновременном упрощении существующих процедур.

Внедрение оптимизационных мер способствует достижению следующих преимуществ:

1. Ускорение процессов документооборота: сокращение временных затрат на обработку и передачу документов.

2. Автоматизация операционной деятельности: перевод рутинных задач на автоматизированные системы.

3. Повышение общей производительности: увеличение скорости и эффективности выполнения бизнес-процессов.

Для повышения эффективности управления персоналом необходимо провести ревизию имеющейся документации.

Целью этого является выявление и исключение из оборота тех документов, которые не предусмотрены законодательством, но традиционно оформляются. Например, отмена личной карточки (форма Т-2) и переход от приказа о приеме на работу исключительно к трудовому договору упрощают административные процессы для компаний и делают кадровое делопроизводство более эффективным. Такие изменения помогут сократить объем бумажной работы, уменьшат количество обязательных документов и позволят специалистам по персоналу сосредоточиться на более приоритетных направлениях деятельности.

Оптимизация документооборота предполагает не только сокращение объема документации, но и безошибочное ее оформление. Чтобы избежать ошибок при работе с документами, представляется целесообразным разработка внутреннего нормативного документа – инструкции по кадровому делопроизводству. В ней нужно прописать, что именно должен делать кадровый работник, а также представить образцы заполнения кадровых документов.

Таким образом, пересмотр с последующей отменой устаревших или излишних документов будет способствовать оптимизации документооборота. Это приведет к уменьшению объема бумажной работы. А разработка инструкции по кадровому делопроизводству существенно изменит ситуацию к лучшему, устраняя ошибки и повышая качество оформления документов в целом.

MANAGING PERSONNEL RECORDS AT RUSSIAN HOUSE OF CHANCERY: ANALYSIS OF CURRENT PRACTICES AND OPTIMIZATION WAYS

E.N. Melnik
Belgorod State National Research University

The article analyzes the management of personnel records in an organization. It examines the current practice of processing personnel documents. It identifies the problems that exist in the current system. Recommendations for improving the system are formulated.

Key words: analysis; HR-manager; human resource management; optimization; personnel records management

УДК 651.012.12

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ РАВНОЗНАЧНЫМИ БУМАЖНЫМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ И КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.В. Прийменко
Научный руководитель – к. полит.н., доц. Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
priymenko@bsuedu.ru

Процесс перехода к электронному документообороту в Российской Федерации привел к качественному изменению доказательственной базы и практики взаимодействия между гражданами, организациями и государственными органами. Электронный документ превратился в полноценный носитель юридически значимой информации. Вместе с тем вопрос о признании его равнозначным бумажному документу продолжает вызывать дискуссии как в судебной практике, так и в сфере контрольно-надзорной деятельности, поскольку ключевое значение имеет не форма документа, а возможность установить его подлинность, целостность и принадлежность конкретному лицу.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», электронный документ представляет собой документированную информацию в электронной форме, пригодную для восприятия и передачи с использованием информационных технологий. При этом статья 11.1 данного закона закрепляет принцип равнодоступности бумажной и электронной форм взаимодействия с органами публичной власти, что свидетельствует о нормативном признании электронной формы как самостоятельной и равноправной[1]. Однако данное равенство носит не абсолютный характер, а обусловлено соблюдением требований к удостоверению документа.

Ключевую роль в обеспечении юридической силы электронного документа играет Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи». В соответствии со статьей 6 данного закона электронный документ, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью, признается равнозначным документу на бумажном носителе с собственноручной подписью[2]. Тем самым закон прямо устанавливает критерий равнозначности: наличие надлежащей электронной подписи, позволяющей идентифицировать подписанта и подтвердить неизменность содержания документа. В отношении простой и неквалифицированной электронной подписи вопрос решается с учетом соглашений сторон и специальных норм, что на практике создает неоднородность подходов.

Процессуальное законодательство в целом следует логике признания электронных документов в качестве письменных доказательств. Так, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации допускает представление документов в электронном виде, однако сохраняет право суда требовать оригинал в случаях, когда это необходимо для установления достоверности[3]. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации прямо относит к письменным доказательствам документы, выполненные в цифровой форме, при условии возможности установить их достоверность[4]. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации также включает

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2025). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 31.07.2025). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
[4] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

электронные документы и материалы, полученные посредством электронной связи, в состав допустимых доказательств[1]. Таким образом, закон не противопоставляет электронную и бумажную формы, но связывает допустимость доказательства с его проверяемостью.

На практике основная проблема заключается не в признании самой электронной формы, а в оценке конкретных видов цифровых данных. Существенное значение имеет разграничение электронного документа, электронного образа бумажного документа и иных цифровых фиксаций, таких как скриншоты или переписка в мессенджерах. Электронный документ, подписанный квалифицированной электронной подписью, как правило, не вызывает затруднений, поскольку его подлинность может быть проверена техническими средствами. В то же время сканы документов, распечатки переписки и изображения экранов не обладают тем же уровнем достоверности и требуют дополнительной оценки, включая установление источника, времени создания и отсутствия изменений.

Судебная практика демонстрирует, что при отсутствии надежных средств идентификации суды нередко прибегают к истребованию оригиналов или иных подтверждений. Это обусловлено необходимостью соблюдения принципов относимости и допустимости доказательств. В условиях цифровой среды проблема подлинности трансформируется в вопрос о «цепочке происхождения» документа: кто его создал, каким образом он был передан, сохранялась ли его неизменность. При отсутствии четко зафиксированных технических параметров (метаданных, журналов событий, сведений о подписи) доказательственная сила электронного документа снижается.

В сфере государственного контроля и надзора электронный документооборот получил более широкое нормативное закрепление. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» предусматривает возможность направления документов, заявлений и жалоб в электронном виде, а также использования различных видов электронной подписи[2]. Это свидетельствует о переходе к цифровой модели взаимодействия, в которой электронный документ становится основной формой коммуникации. Однако и здесь сохраняются проблемы, связанные с неоднородностью требований к подписи, оценкой приложенных цифровых материалов и сочетанием электронных и бумажных процедур.

Таким образом, современная правоприменительная практика исходит из того, что равнозначность электронного и бумажного документа определяется не материальным носителем, а совокупностью юридических и технических характеристик, обеспечивающих достоверность информации. Основными препятствиями остаются отсутствие единых стандартов оценки электронных доказательств, различия в подходах между видами судопроизводства, а также недостаточная методическая подготовка участников процесса. Перспективы развития связаны с унификацией требований к удостоверению электронных документов, расширением применения квалифицированной электронной подписи и внедрением технологий, обеспечивающих фиксацию времени и неизменности данных. В этих условиях электронный документ окончательно закрепляется как самостоятельный и полноценный элемент правовой системы, способный выполнять функции, ранее присущие исключительно бумажному носителю.

---

[1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 №21-ФЗ (ред. от 29.12.2025). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 17.04.2026). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

PROBLEMS OF RECOGNIZING ELECTRONIC DOCUMENTS AS EQUIVALENT TO PAPER DOCUMENTS IN JUDICIAL PRACTICE AND SUPERVISORY ACTIVITIES

V.V. Priymenko
Belgorod State National Research University

The article examines the legal and practical issues of recognizing electronic documents as equivalent to paper documents in judicial practice and state supervisory activities in the Russian Federation. The study analyzes current legislation, including the laws on electronic signatures, information technologies, and procedural codes, as well as enforcement practices. Particular attention is paid to the criteria of admissibility, authenticity, and reliability of electronic evidence, as well as the distinction between electronic documents and their digital copies. The paper concludes that the legal equivalence of electronic and paper documents depends not on the form itself, but on the ability to verify the origin, integrity, and proper certification of the document.

Keywords: electronic document, electronic signature, legal evidence, judicial practice, supervisory control.

УДК 651

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ АТТЕСТАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Д.С. Распопова
Научный руководитель – канд. полит. наук, доцент Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553369@bsu.edu.ru

Аттестация педагогических работников – это важное условие эффективной работы системы образования Белгородской области. Именно аттестация педагогических работников напрямую подтверждает соответствие занимаемой должности, что является прямым требованием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Сам факт регулярной процедуры аттестации педагогических работников побуждает педагогов «идти в ногу со временем» и осваивать новые методики обучения, ведь сфера образования претерпевает значительные изменения.

Кроме того, данные о количестве педагогов с разными категориями позволяют Министерству просвещения, Министерству образования Российской Федерации, Министерству образования Белгородской области, а также Белгородскому институту развития образования анализировать кадровую ситуацию и планировать программы повышения квалификации на предстоящий год.

Процедура аттестации педагогических работников представляет собой неотъемлемую часть образовательной деятельности в целом и служит важным инструментом для оптимизации педагогического состава: она позволяет своевременно выявлять педагогов, не соответствующих должностным требованиям и одновременно направлена на формирование профессионального педагогического состава.

Правовую основу аттестации педагогических работников в Российской Федерации составляют многочисленные нормативные акты. Разберем подробнее нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок проведения аттестации педагогических работников Белгородской области.

Федеральный закон от 24.03.2023 № 273 «Об образовании». В данном законе закрепляется две цели аттестации, а именно:

– Обязательное подтверждение соответствия занимаемой должности;
– Установление первой или высшей квалификационной категории.

Основными задачами проведения аттестации являются:

– стимулирование целенаправленного, непрерывного повышения уровня квалификации педагогических работников, их методологической культуры, профессионального, личностного и карьерного роста;

– определение необходимости дополнительного профессионального образования педагогических работников;

– повышение эффективности и качества педагогической деятельности;

– выявление перспектив использования потенциальных возможностей педагогических работников, в том числе в целях организации (осуществления) методической помощи (поддержки) и наставнической деятельности в образовательной организации;

– учет требований федеральных государственных образовательных стандартов к кадровым условиям реализации образовательных программ при формировании кадрового состава организаций;

– обеспечение дифференциации оплаты труда педагогических работников с учетом установленных квалификационных категорий, объема их преподавательской (педагогической) работы либо дополнительной работы[1].

Приказ Министерства Просвещения Российской Федерации «Об утверждении порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность» от 24.03.2023 № 196 устанавливает единый порядок проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и также включает введение двухуровневой системы категорий и новых квалификационных треков «педагог-методист» и «педагог-наставник»[2].

Приказ Минтруда России «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» от 18.10.2013 № 544н определяет требования к квалификации и компетенциям педагогических работников[3].

В постановлении Правительства Белгородской области от 01.12.2014 № 429-пп «Об утверждении административного регламента департамента образования Белгородской области предоставления государственной услуги «Аттестация педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность на территории Белгородской области»» регламентируются такие вопросы, как:

– порядок предоставления услуги;

– фиксация сроков рассмотрения заявлений;

– способы подачи документов и получения результатов[4].

Приказ Министерства образования Белгородской области «Об утверждении критериев, применяемых при аттестации педагогических работников» от 27.12.2023 № 3882 включает в себя требования по оценке работы педагогов в регионе[1].

---

[1] Приказ Министерства Просвещения Российской Федерации «Об утверждении порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность» от 24.04.2023 № 196 – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Приказ Министерства Просвещения Российской Федерации «Об утверждении порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность» от 24.04.2023 № 196 – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Приказ Минтруда России «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» от 18.10.2013 N 544н (ред. от 05.08.2016) – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Правительства Белгородской области Об утверждении административного регламента департамента образования Белгородской области предоставления государственной услуги «Аттестация педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность на территории Белгородской области» от 01.12.2014 № 429-пп – Доступ из официального сайта министерства образования Белгородской области.

Согласно приказу Министерства образования Белгородской области «Об утверждении региональных документов по аттестации педагогических работников» от 15.06.2023 № 1819 в Белгородской области применяется автоматизированная система «Электронный мониторинг образовательных учреждений Белгородской области (ЭМОУ)», которая позволяет «проводить дистанционную экспертизу профессиональных достижений аттестуемых на основе предоставленных педагогическими работниками электронных портфолио результатов профессиональной деятельности»[2].

Анализируя данную тему, можно сделать вывод, что выстроенная в регионе система аттестации педагогических работников способствует комплексному развитию педагогического потенциала.

Таким образом, нормативно-правовое регулирование процедуры аттестации педагогических работников в Белгородской области создает основу для непрерывного профессионального развития педагогов и гарантирует высокое качество подготовки кадрового состава.

NORMATIVE-LEGAL ACTS REGULATING THE PROCEDURE FOR CERTIFICATION OF TEACHING STAFF IN THE BELGOROD REGION

D.S. Raspopova
Belgorod State National Research University

The certification of teachers is an important condition for the effective operation of the Belgorod Region's education system. The certification of teachers directly confirms their compliance with the requirements of their position, which is a direct requirement of the Federal Law "On Education in the Russian Federation." The certification of teachers is an integral part of the educational process and serves as an important tool for optimizing the teaching staff. It allows for the timely identification of teachers who do not meet the required qualifications and aims to ensure a professional teaching staff.

Key words: certification, teachers, advanced training, legal basis for certification, education.

УДК 651

ВИДОВОЙ СОСТАВ ДОКУМЕНТОВ В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ЯКОВЛЕВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА

К.А. Савченкова
Научный руководитель – к. и. н., доцент И.Г. Галушко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638592@bsuedu.ru

Документирование деятельности в Управлении ведется на основании нормативной методической документации.

Документы оформляются на бланках Управления и имеют установленный комплекс обязательных реквизитов и стабильный порядок их расположения (расположение реквизитов на бланках организационно-распорядительных документов соответствует ГОСТ Р 7.0.97-2025[3]).

В Управлении применяются следующие бланки:

[1] Приказ Министерства Образования Белгородской области «Об утверждении критериев, применяемых при аттестации педагогических работников» от 27.12.2023 № 3882 – Доступ из официального сайта министерства образования Белгородской области.

[2] Приказ Министерства образования Белгородской области «Об утверждении региональных документов по аттестации педагогических работников» от 15.06.2023 № 1819 – Доступ из официального сайта министерства образования Белгородской области.

[3] ГОСТ Р 7.0.97-2025 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Общий бланк;
2. Бланк письма;
3. Бланк конкретного вида документа.

Делопроизводство в Управлении образования организовано по смешанному типу. Централизованное управление осуществляет отдел организационно-кадровой работы, но оперативное выполнение делопроизводственных задач распределено между всеми отделами.

Организационная документация – это комплекс взаимосвязанных документов, регламентирующих структуру, задачи, функции предприятия, организацию его работы, права, обязанности и ответственность руководства и специалистов предприятия.[1]

Нормативно-правовую базу, определяющую функционирование Управления образования, составляют его устав, внутренний трудовой распорядок, должностные инструкции, а также нормативные документы, регулирующие специфические виды деятельности, и положение об Управлении образования.

В период с 2021 по 2023 год общий объем данной организационной документации составлял 15 единиц. В 2024 году, несмотря на внесение изменений в ряд документов, их общее количество сохранилось на уровне 15 единиц (рис. 1).

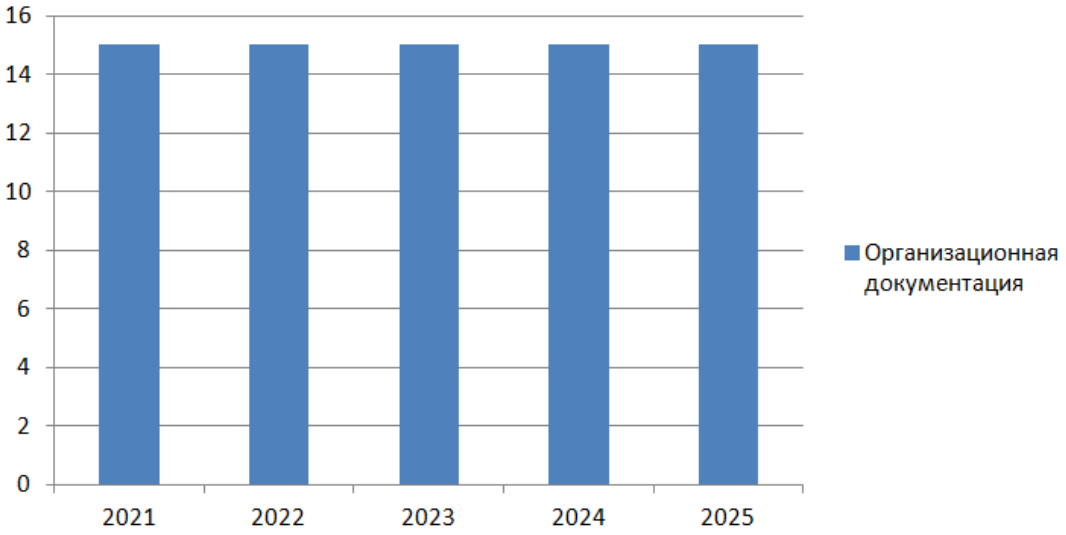

Рис. 1. Объем организационной документации в 2021-2025 гг.

Анализируя данную диаграмму можно отметить, что количество организационной документации за последние 5 лет не изменилось.

В рамках своей деятельности Управление также активно применяет распорядительные документы, документы финансово-учетной и отчетной документации.

Документация по финансовому учету и отчетности: Эта категория охватывает совокупность документов, формирующих систему бухгалтерского учета и финансовой отчетности, специфичную для государственных и муниципальных учреждений.

Распорядительные документы – это правовые акты, посредством которых руководство Управления реализует свои управленческие и организационные функции в сфере трудовых отношений. К ним относятся, приказы и предложения.

Приказы издаются по вопросам организации работы Управления, отчётности, финансирования, планирования, по личному составу работников, о направлении на семинар (рис. 2).

[1] *Гринберг А.С.* Документационное обеспечение управления. – М., 2015. – С. 185.

Рис. 2. Соотношение по видам приказов

Анализируя диаграмму, можно заметить, что в основном в Управлении издаются кадровые приказы о планировании и об отчетности. Объём этих видов приказов практически равен – 23 процента приказы о планировании и 25 процентов приказы об отчетности.

Объём распорядительной документации в 2021 году составил 562 документа, в 2022 – 589 документа, в 2023 году – 614 документа, в 2024 – 676 документа, в 2025 году – 721 документ (рис. 3).

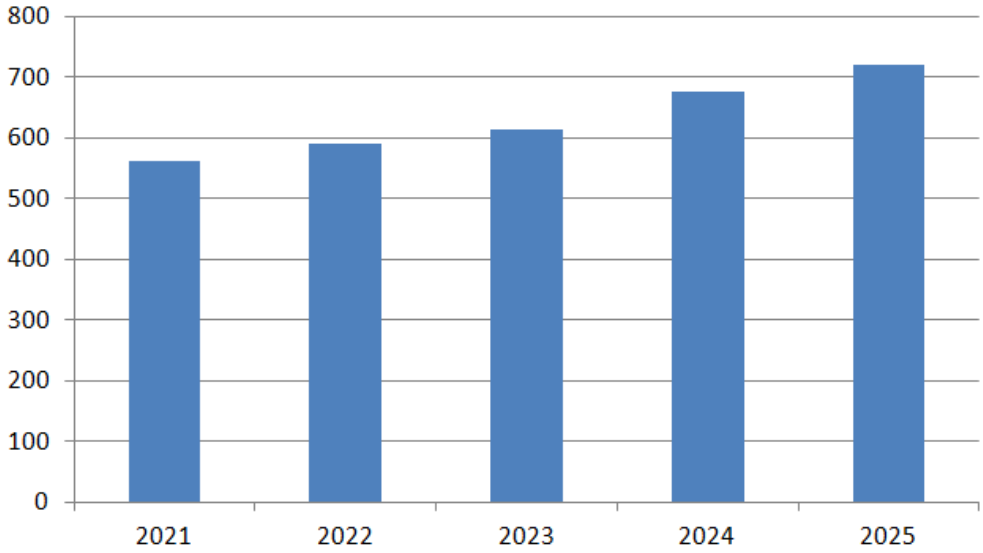

Рис. 3. Объем распорядительной документации в 2020-2024 гг.

Проанализировав данную диаграмму, можно отметить, что количество распорядительной документации растет с каждым годом.

Информационно-справочная документация – это совокупность документов, содержащих информацию о фактическом положении дел, служащих основанием для принятия решений, издания распорядительных документов.[1]

В деятельности Управления используются такие информационно-справочные документы, как акты, протоколы, докладные записки, объяснительные записки, письма.

Объем информационно-справочной документации составил: в 2021 году 305 документа, в 2022 году – 298 документов, в 2023 году – 271 документ, в 2024 году – 321 документ, в 2025 году – 338 документа (рис. 4).

[1] *Непогода, А.П.* Делопроизводство организации. Подготовка, оформление и ведение документации. – М., 2018. – С. 90.

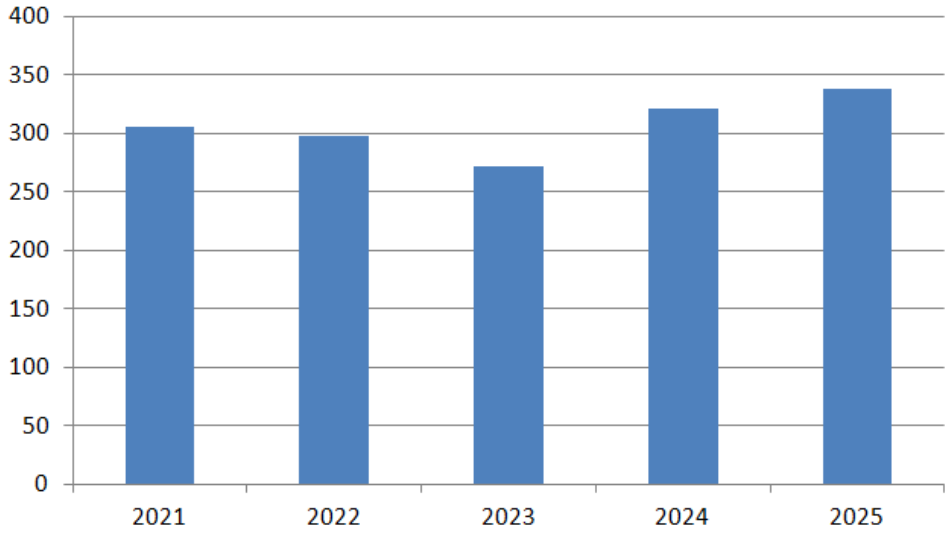

Рис. 4. Объем информационно-справочной документации в 2021-2025 гг.

Анализируя данную диаграмму, можно заметить снижение информационно-справочной документации с 2021 по 2023 год. Однако с 2024 по 2025 год количество информационно-справочной документации увеличилось.

Согласно вышеприведенным данным, можно сравнить количество различной документации за пять лет (рис. 5).

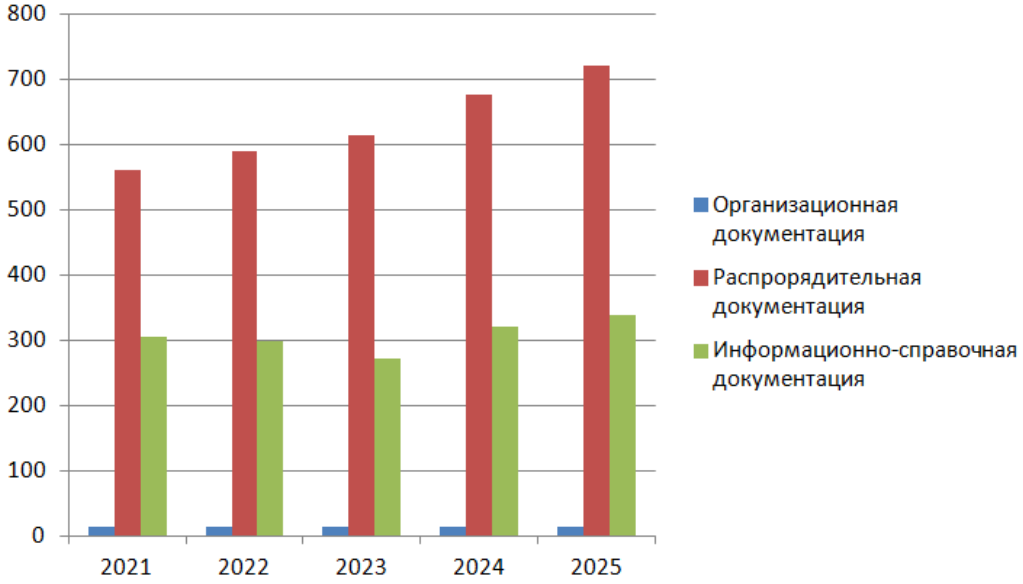

Рис. 5. Объем различных видов документации за пять лет

Анализ показал, что преобладающей категорией документов в Управлении образования являются распорядительные, что обусловлено значительным числом приказов. Организационная документация представлена в наименьшем объеме, поскольку большая часть таких документов хранится постоянно, и новые создаются лишь при острой необходимости.

Таким образом, основная деятельность Управления образования документируется в соответствии с Уставом администрации Яковлевского муниципального округа. Среди недостатков в организации делопроизводства выявлено отсутствие актуальной инструкции.

THE SPECIFIC COMPOSITION OF DOCUMENTS IN THE DEPARTMENT OF EDUCATION OF THE YAKOVLEVSKY MUNICIPAL DISTRICT ADMINISTRATION

K.A. Savchenkova
Belgorod State National Research University

This article discusses the specific composition of documents in the Department of Education of the Yakovlevsky municipal district administration. The main types of documents are defined. The main types of documentation and the composition of documents are considered. The volume of various documentation for 5 years is also analyzed.

Key words: document management, documentation, organization, document flow

УДК 651

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ВХОДЯЩИМИ ДОКУМЕНТАМИ В ООО «РАКЕТА»

Д.А. Семыкина
Н. рук. – к. и. н., доц. И.Г. Галушко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1731118@bsuedu.ru

Для любого бизнеса, вне зависимости от его масштаба, эффективное управление документами является критически важным фактором. Для ООО «Ракета», являющейся микропредприятием, специализирующегося на торговле настольными играми и товарами для творчества, правильная обработка входящей документации становится особенно важной. Учитывая, что компания работает с большим количеством контрагентов и имеет активный товарооборот, ежедневно в организацию поступают различные документы, от договоров с поставщиками до служебных писем, предложений и претензий. В условиях ограниченного штата, где сотрудники часто совмещают обязанности, даже небольшая задержка или потеря документа может повлечь за собой срыв поставок, финансовые убытки, штрафы или налоговые проблемы.

За основную работу с документацией в ООО «Ракета» отвечают главный бухгалтер вместе с менеджером по продажам в соответствии с действующими нормативными документами.

Документы поступают на предприятие от поставщиков; покупателей; книжных магазинов; канцелярских магазинов; магазина игрушек; государственных органов в следующем процентном соотношении (рис. 1).

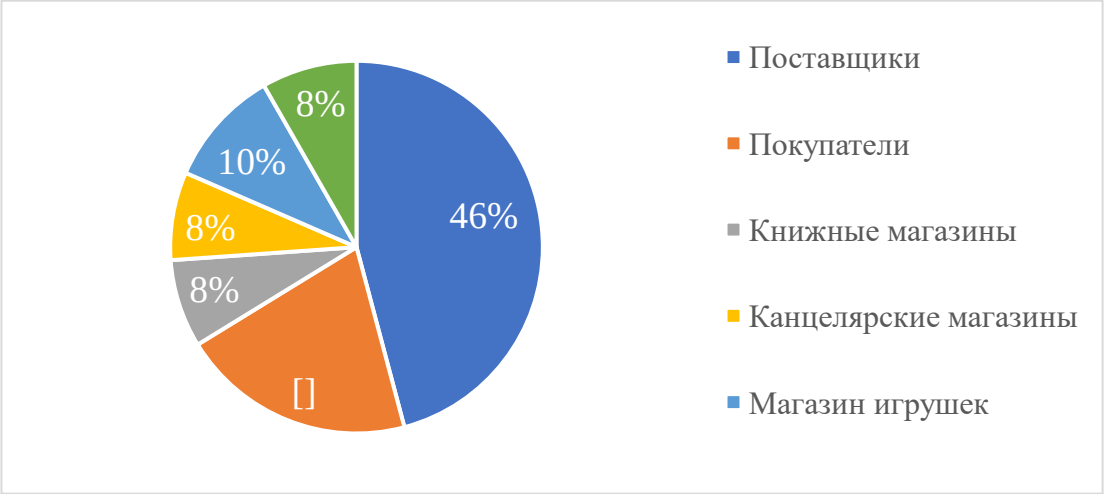

Рис. 1. Способ поступления документов на предприятие

Анализируя данную диаграмму, можно увидеть, что в ООО «Ракета» документация, поступающая на предприятие от поставщиков, составляет 46%, от покупателей – 20%, от книжных магазинов – 8%, от канцелярских магазинов – 8%, от магазина игрушек – 10%, от государственных органов 8%.

Входящая документация – это документация, поступающая на предприятие из других организаций[1].

Для входящей документации в ООО «Ракета» характерна следующая схема движения документов: документ поступает на предприятие, регистрируется главным бухгалтером либо менеджером по продажам, зарегистрированный документ отправляется на рассмотрение руководителю, которым проставляется резолюция, далее документ поступает на исполнение, а исполненный документ идет в дело.

Прием и первоначальную обработку поступающих на предприятие документов осуществляет главный бухгалтер. На всех входящих документах в правом нижнем углу первой страницы ставятся регистрационный штамп, входящий номер и дата, документы регистрируются[2].

Входящая документация на предприятии регистрируется в журнале регистрации входящей корреспонденции.

В ООО «Ракета» объем входящей документации за пять лет составил: 828 ед. в 2021 году, 765 ед. в 2022 году, 752 ед. в 2023 году, 743 ед. в 2024 году, 737 ед. в 2025 году (рис. 2).

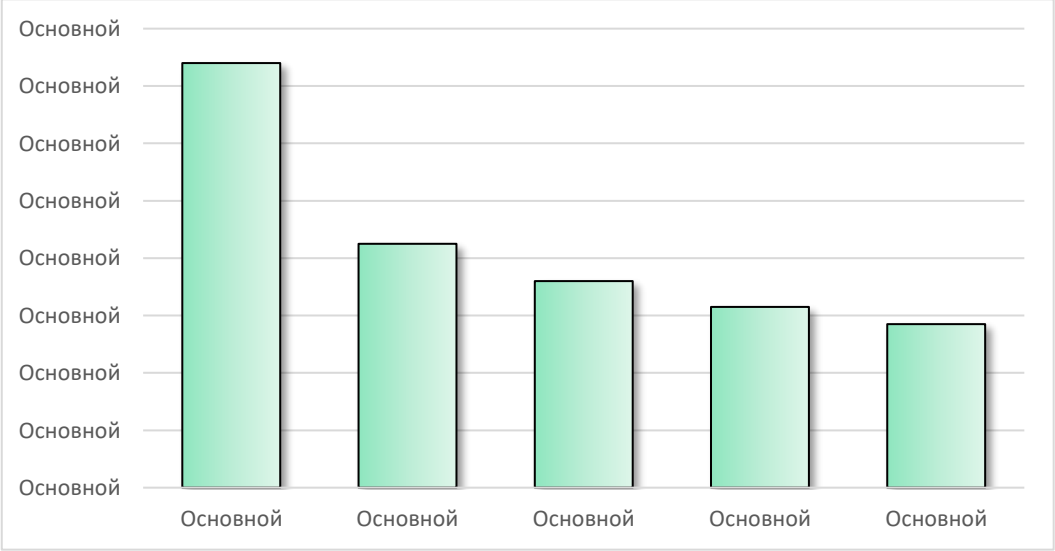

Рис. 2. Объем входящей документации за 2021-2025 гг.

Опираясь на данную диаграмму, можно сделать вывод, что наибольший объем входящей документации в ООО «Ракета» наблюдался в 2021 году, а наименьший в 2025 году.

Входящий документопоток составляют договоры с поставщиками, договоры с покупателями; коммерческие предложения; служебные письма и т.д.

Документы в ООО «Ракета» поступают обычно по электронной почте, системе электронного документооборота, передаются курьером, лично поставщиками, лично покупателями, от государственных органов, а также обычной почтой (рис. 3).

[1] *Кузнецова К.А.* Совершенствование процессов обработки документов с помощью современных технологий // Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры. – 2022. – № 12. – С. 303.
[2] *Соколова О.Н.* Документационное обеспечение управления в организации. Учебное пособие. – М., 2022. – С. 150.

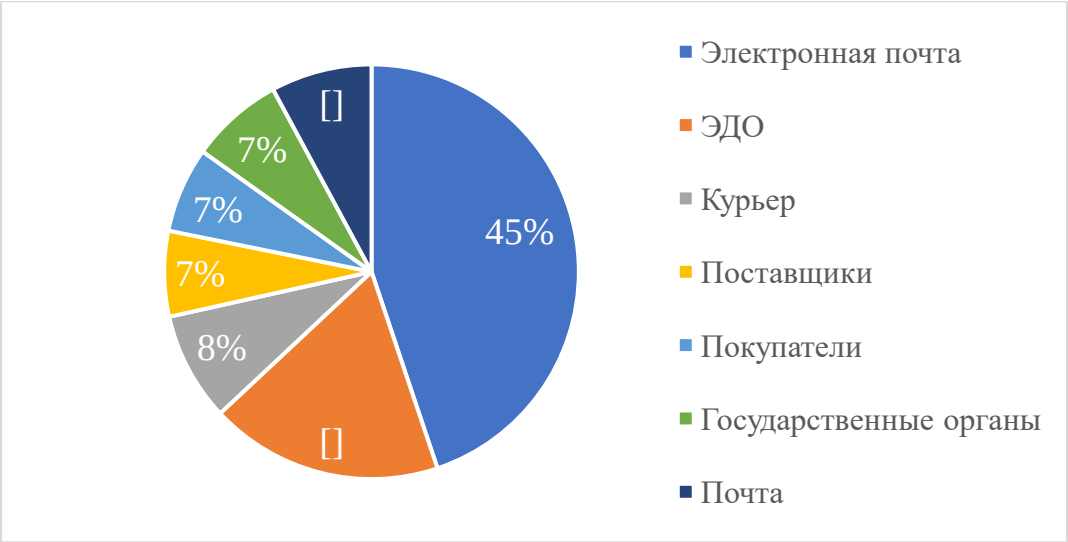

Рис. 3. Варианты доставки документов в ООО «Ракета»

В ООО «Ракета» документация, поступающая по электронной почте, составляет 45%, системой электронного документооборота – 18%, доставкой курьером – 8%, лично поставщиками – 7%, лично покупателями – 7%, государственными органами – 7%, а также обычной почтой – 8%.

Таким образом, в ООО «Ракета» наблюдается ежегодный спад объема входящих документов, обусловленного нестабильной экономической ситуацией, которая привела к снижению спроса на товары.

MANAGING INCOMING DOCUMENTS IN RAKETA LLC

D.A. Semykina
Belgorod State National Research University

For any business, regardless of size, effective document management is critical. For Raketa LLC, a micro-enterprise specializing in board games and craft supplies, the proper processing of incoming documentation is especially crucial. Given that the company works with a large number of contractors and has a robust turnover, it receives a variety of documents daily, from supplier contracts to internal letters, proposals, and complaints. With a limited staff, where employees often juggle multiple responsibilities, even a minor delay or loss of a document can lead to disrupted deliveries, financial losses, fines, or tax issues.

Key words: incoming documentation, document, enterprise, work with documentation, document flow diagram.

УДК 651

ПРОБЛЕМЫ ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ ВНЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ООО «АПК «ПРОМАГРО»)

А.А. Слынько
Н. рук. – к. полит. н., доц. Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638561@bsuedu.ru

В современном мире предприятия накапливают огромное количество документов, которые нужно хранить долгое время по закону или из-за рабочих нужд. В отличие от государственных архивов, где все четко организовано и есть строгие правила, частным компаниям, особенно обществам с ограниченной ответственностью (ООО), приходится сталкиваться с множеством сложностей при организации архивов. Эти трудности могут

быть разными: от нехватки места для хранения до юридических вопросов при переходе на электронные документы.

В своей статье я хочу рассмотреть эти проблемы на примере производственного предприятия ООО «АПК «ПРОМАГРО». Я проанализирую основные сложности и предложу пути их решения, основываясь на действующих законах и правилах.

Исторически так сложилось, что методология архивного дела формировалась в основном для государственных учреждений. Принципы систематизации, учёта и обеспечения сохранности, которые были заложены в нормативных актах ещё в советский период, стали основой для современных стандартов. Однако с развитием предпринимательства и появлением организаций частной формы собственности возникла проблема. Требования законодательства порой не учитывают реальные возможности таких организаций. Государственный архив финансируется по смете, и у него есть чётко регламентированные условия хранения документов. А коммерческое предприятие часто относится к архиву как к вспомогательному подразделению, которое не приносит прямой прибыли. Из-за этого архивы в частных предприятиях нередко финансируются по остаточному принципу. Это, конечно, ведёт к тому, что условия хранения и работы с документами могут быть неидеальными. Всё это создаёт определённые сложности и требует внимательного подхода к организации архивного дела в негосударственных структурах. Нужно искать новые подходы и решения, которые позволят сочетать требования законодательства с реальными возможностями предприятий.

ООО «АПК «ПРОМАГРО» представляет собой вертикально- интегрированный холдинг, в состав которого входят дивизионы сельского хозяйства, текстильной промышленности, а также строительные, телекоммуникационные и торговые активы[1]. Предприятие является одним из крупнейших производителей свинины в Черноземном регионе, что подразумевает интенсивный документооборот между головным офисом и многочисленными территориально распределенными производственными площадками, расположенными в Белгородской и Курской областях.

Современные методы хранения документов в обществе подчеркивают, что архив — это не просто хранилище бумаг, а важный информационный ресурс. В соответствии с законодательством, организации обязаны сохранять учредительные, бухгалтерские и другие документы, установленные законом. Несоблюдение этого требования может привести к административным штрафам и финансовым потерям. Поэтому система хранения должна быть организованной, прозрачной и юридически корректной, независимо от типа носителя.

Основная идея внедрения современных подходов к хранению документов в общество заключается в признании архива не просто складом бумаг, а стратегическим информационным активом. В соответствии со ст. 50 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», общество обязано хранить учредительные, бухгалтерские и иные документы, предусмотренные законодательством[2]. Неисполнение этой обязанности влечет за собой административные риски и финансовые потери. Поэтому, система хранения должна быть управляемой, понятной и юридически значимой.

На практике в ООО «АПК «ПРОМАГРО» выявляется несколько типовых проблем, характерных для большинства негосударственных структур.

1. Недостаток места для хранения документов вынуждает размещать их в кабинетах, где не соблюдаются температурно-влажностный и правильный режим освещения. Это нарушает правила сохранности документов и ускоряет их порчу.

---

[1] Агропромышленный холдинг «Промагро» (Сибагро) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.1c-kpd.ru/clients/vnedrenie-promagro/ (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/

2. Отсутствие систематизации и четких правил ведения документации приводит к их беспорядочному хранению. Это затрудняет быстрый поиск информации, особенно в случае запросов от партнеров или налоговых органов.

3. Внедрение электронного документооборота создает проблему дублирования архивов. Бумажные оригиналы не уничтожаются, а электронные версии хаотично хранятся на компьютерах сотрудников, что снижает эффективность цифровизации.

Для решения проблем с хранением документов в организации необходимо внедрить комплексную систему оперативного и архивного хранения. Практика показывает, что даже при ограниченном бюджете можно значительно повысить эффективность. Например, достаточно выделить отдельное помещение с металлическими стеллажами или архивными ящиками, чтобы соблюсти минимальные требования пожарной безопасности и защитить документы от несанкционированного доступа. На ООО «АПК «ПРОМАГРО» рекомендуется создать экспертную комиссию для оценки ценности документов и определения, какие дела с истекшими сроками хранения можно уничтожить. Это поможет освободить пространство и сократить расходы на хранение неактуальной информации[1].

Недостатки и ограничения таких изменений очевидны: создание системы хранения требует затрат на персонал и оборудование. Небольшие компании часто не могут позволить себе нанять специалиста по архивному делу или приобрести дорогостоящие устройства для восстановления и сохранения документов. Однако эти недостатки компенсируются значительным снижением репутационных и правовых рисков.

Подводя итог можно сказать, что проблема хранения документов за пределами государственных учреждений связана с жесткими законодательными требованиями и экономической эффективностью. Пример ООО «АПК

«ПРОМАГРО» показывает, что без системного подхода, включающего разработку классификатора дел и автоматизацию учета, коммерческие организации рискуют потерять ценную информацию. Для решения этой проблемы можно адаптировать государственные методы к условиям частного бизнеса и постепенно повышать уровень профессионализма в области архивного дела в корпоративном секторе.

PROBLEMS OF DOCUMENT STORAGE OUTSIDE GOVERNMENT ORGANIZATIONS (using the example of APK PROMAGRO LLC)

A.A. Slynko
Belgorod State National Research University

The article analyzes the problems of document storage in commercial organizations, using LLC «APK «PROMAGRO» as a case study. The author examines the gap between strict legislative requirements for archival storage and the limited resource capabilities of private enterprises. Typical issues are identified: shortage of space, lack of document classification systems, and conflicts between electronic and paper document flows. Specific recommendations are proposed for optimizing the storage process and minimizing legal risks for the company.

Key words: document storage, commercial organization, archive, document flow, retention periods

[1] Приказ Росархива от 20.12.2019 N 236 «Об утверждении Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения». СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345020/

УДК 651

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ СЛУЖБЫ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ: КОМПЕТЕНЦИИ, ОБУЧЕНИЕ, МОТИВАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

А.Е. Слюсарева
Н. рук. – к. и. н., доц. И.Г. Галушко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
alya_svetlyachok@mail.ru

Крупные торговые структуры федерального масштаба оказались в числе первых, кто столкнулся с необходимостью глубокой перестройки документационных процессов: объём распорядительной, договорной и отчётной документации в таких организациях таков, что ручные процедуры делопроизводства становятся объективным ограничителем операционной эффективности. АО «Тандер» — операционная компания розничной сети «Магнит» — ведёт деятельность через разветвлённую сеть филиалов, и Белгородский филиал не является исключением[1]. Служба ДОУ данного подразделения обеспечивает документооборот в условиях распределённой структуры управления, что само по себе предъявляет повышенные требования к персоналу.

Между тем кадровая политика служб ДОУ во многих региональных филиалах крупных компаний выстраивается без чёткой системы: компетентностные ожидания не формализованы, обучение носит эпизодический характер, а мотивационные механизмы сводятся преимущественно к базовому окладу. Этот разрыв между потребностями цифровой среды и фактическим состоянием кадровой работы определяет практическую актуальность исследования[2].

Исследование выполнено на основе нормативного и компетентностного подходов. Нормативную базу составляют Трудовой кодекс Российской Федерации[3], Постановление Правительства РФ о правилах разработки профессиональных стандартов[4], профессиональные стандарты в области ДОУ, а также федеральные законы об архивном деле[5] и о персональных данных[6]. Эмпирической основой послужили открытые данные об АО «Тандер»[7] и публикации по вопросам кадровой политики в условиях цифровой трансформации. Применены методы анализа, синтеза и сравнения.

Белгородский филиал функционирует в рамках единых корпоративных регламентов головной структуры, однако на уровне филиала служба ДОУ несёт самостоятельную ответственность за организацию документооборота, взаимодействие с контрагентами, формирование номенклатуры дел и соблюдение требований архивного законодательства[8]. В условиях, когда значительная часть документов переведена в электронный вид, сотрудники подразделения обязаны уверенно работать с корпоративными

---

[1] Раскрытие информации АО «Тандер». [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://checko.ru/company/tander-1022301598549 (дата обращения: 30.03.2026).

[2] *Лескина, О. Н.* Управление кадровой политикой корпорации в условиях цифровой трансформации общества / О. Н. Лескина, А. Д. Керимова // Местное право. — 2024. — № 6. — С. 87-90. — EDN SUCJLQ.

[3] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.

[4] Постановление Правительства РФ от 22.01.2013 № 23 «О правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 4. — Ст. 293.

[5] Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об архивном деле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 43. — Ст. 4169.

[6] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451.

[7] Раскрытие информации АО «Тандер». [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://checko.ru/company/tander-1022301598549 (дата обращения: 30.03.2026).

[8] Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об архивном деле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 43. — Ст. 4169.

информационными системами, понимать логику маршрутизации документов и обеспечивать защиту персональных данных в соответствии с действующим законодательством[1]. Именно поэтому традиционная кадровая модель, ориентированная исключительно на навыки бумажного делопроизводства, перестала отвечать реальным потребностям.

Компетентностная модель. Профессиональный стандарт «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией»[2] определяет базовый перечень трудовых функций и квалификационных требований. Применительно к условиям АО «Тандер» Филиал Белгород этот перечень целесообразно расширить за счёт цифровых компетенций: уверенного владения СЭД, навыков верификации электронных подписей, умения работать с облачными хранилищами документов и понимания требований информационной безопасности. Трансформация кадровой политики в крупных структурах неизбежно затрагивает именно эту плоскость — формирование «гибридного» специалиста, сочетающего документоведческую культуру с технологической грамотностью[3].

Непрерывное обучение. Ключевым инструментом преодоления компетентностного разрыва признаётся интеграция стратегического онбординга и непрерывного обучения[4]. В рамках Белгородского филиала это означает, что новый сотрудник службы ДОУ с первых дней погружается не в формальный инструктаж, а в практическую отработку корпоративных процедур: освоение конкретных шаблонов документов, маршрутов согласования, алгоритмов взаимодействия с IT-подразделением. Для действующего персонала оправдана модель коротких учебных модулей, привязанных к реальным изменениям в регуляторной среде или обновлениям информационных систем. Постановление Правительства РФ[5] создаёт нормативную основу для регулярного пересмотра требований к квалификации, что делает такую модель обучения не просто рекомендацией, но и регуляторно обоснованной практикой.

Мотивация персонала. Исследования показывают, что в условиях цифровой трансформации монетарные инструменты стимулирования утрачивают прежнюю доминирующую роль[6]. Для сотрудников службы ДОУ — подразделения, которое нередко воспринимается как вспомогательное, — особое значение приобретают нематериальные факторы: признание значимости выполняемых функций, возможность профессионального роста, участие в проектировании новых процессов. Свердлык и Разумова справедливо обращают внимание на то, что в органах с развитой цифровой инфраструктурой именно вовлечённость персонала в трансформацию, а не только уровень оплаты, определяет

---

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451.

[2] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 15.06.2020 № 333н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией»: зарегистрирован в Минюсте России 15.07.2020, № 58957 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). — 2020. — 16 июля.

[3] *Бабаева, Д. Г.* Трансформация кадровой политики государства в условиях развития цифровых технологий / Д. Г. Бабаева // Исследование развития экосистем в цифровой экономике : Сборник научных статей по материалам VII Научной сессии «Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики в обосновании приоритетов национального развития», посвященной 80-летию Великой Победы, Курск, 27 марта 2025 года. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. — С. 60-65. — EDN XKRMTW.

[4] *Попов, М. Г.* Эффективность проектирования кадровой политики инновационного предприятия: интеграция стратегического онбординга и непрерывного обучения в условиях цифровой трансформации / М. Г. Попов, П. В. Попов // Управленческий учет. — 2025. — № 9. — С. 216-220. — EDN HBQCBH.

[5] Постановление Правительства РФ от 22.01.2013 № 23 «О правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 4. — Ст. 293.

[6] *Гаджимурадова, Л. А.* Современные механизмы мотивации и стимулирования кадровой политики предприятия в условиях цифровой трансформации / Л. А. Гаджимурадова, М. А. Магомедов, К. Т. Пайтаева // Проблемы рыночной экономики. — 2025. — № 4. — С. 102-110. — DOI 10.33051/2500-2325-2025-4-102-110. — EDN KTGTXK.

устойчивость кадрового состава[1]. Этот вывод применим и к корпоративным структурам, в том числе к филиалам АО «Тандер».

Для систематизации направлений кадровой политики службы ДОУ применительно к АО «Тандер» Филиал Белгород данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Направления кадровой политики службы ДОУ АО «Тандер» Филиал Белгород

Направление	Содержание	Инструменты реализации
Компетентностная модель	Расширение требований за счёт цифровых навыков	Аттестация, оценка по профстандарту
Непрерывное обучение	Онбординг + регулярные учебные модули	Внутренние тренинги, корпоративные программы
Мотивация	Сочетание монетарных и нематериальных стимулов	Карьерное планирование, ротация, признание
Правовая грамотность	Знание требований архивного дела и защиты данных	Внутренние регламенты, обучающие сессии

Источник: составлено автором по данным[2]

Представленные в таблице 1 направления взаимообусловлены: компетентностная модель задаёт ориентиры для программ обучения, обучение формирует основу для карьерного роста как мотивационного фактора, а правовая грамотность пронизывает все три блока, поскольку работа с документами в АО «Тандер» ведётся в строгом соответствии с федеральным законодательством. Именно такая системность отличает проектируемую кадровую политику от разрозненных кадровых решений.

Анализ практики АО «Тандер» Филиал Белгород позволяет выделить ряд устойчивых проблем, характерных для служб ДОУ региональных филиалов крупных компаний.

Первая и наиболее острая — компетентностный разрыв: требования к должности де-факто опережают содержание официальных квалификационных характеристик, вследствие чего часть сотрудников оказывается функционально не готова к работе в цифровой среде.

Вторая проблема связана с отсутствием систематического обучения: повышение квалификации носит реактивный, а не плановый характер и, как правило, инициируется лишь при внедрении новых программных продуктов.

Третья проблема — кадровая текучесть, обусловленная недооценённостью функции ДОУ внутри организации и слабостью нематериальных стимулов[3].

Четвёртая проблема касается правовой составляющей: сотрудники нередко имеют поверхностное представление о требованиях архивного законодательства и о порядке обработки персональных данных, что создаёт регуляторные риски для организации.

Наконец, пятая проблема носит структурный характер — служба ДОУ зачастую исключена из процесса проектирования новых цифровых решений, хотя именно она

---

[1] *Свердлык, Е. А.* Кадровая политика в органах государственной власти в условиях цифровой трансформации: правовой аспект / Е. А. Свердлык, Е. В. Разумова // Вопросы российского и международного права. — 2024. — Т. 14, № 12-1. — С. 128-137. — EDN EZUSSL.

[2] Раскрытие информации АО «Тандер». [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://checko.ru/company/tander-1022301598549 (дата обращения: 30.03.2026).

[3] *Гаджимурадова, Л. А.* Современные механизмы мотивации и стимулирования кадровой политики предприятия в условиях цифровой трансформации / Л. А. Гаджимурадова, М. А. Магомедов, К. Т. Пайтаева // Проблемы рыночной экономики. — 2025. — № 4. — С. 102-110. — DOI 10.33051/2500-2325-2025-4-102-110. — EDN KTGTXK.

является их конечным пользователем и должна участвовать в формировании функциональных требований к информационным системам[1].

Преодоление обозначенных проблем требует реализации комплекса последовательных мер. Прежде всего необходима актуализация компетентностной модели службы ДОУ с опорой на действующие профессиональные стандарты и дополнением их цифровым блоком требований — в части владения СЭД, электронной подписью и инструментами информационной безопасности. Параллельно следует перейти от эпизодического повышения квалификации к плановой системе непрерывного обучения, включающей структурированный онбординг для новых сотрудников и регулярные учебные модули для действующего персонала[2].

Не менее значимым направлением является пересмотр мотивационной модели в сторону расширения нематериальных инструментов — карьерных треков, горизонтальной ротации, публичного признания результатов, — поскольку именно эти факторы в условиях цифровой трансформации определяют лояльность квалифицированного персонала[3]. Отдельного внимания требует правовая грамотность: регулярные обучающие сессии по вопросам архивного дела и защиты персональных данных позволят минимизировать регуляторные риски для филиала. Принципиально важно также включить сотрудников службы ДОУ в рабочие группы по цифровой трансформации — это повысит качество принимаемых технологических решений и одновременно усилит вовлечённость персонала[4]. Трудовой кодекс Российской Федерации закрепляет обязательство работодателя обеспечивать профессиональную подготовку и переподготовку работников, что придаёт перечисленным мерам не только управленческий, но и правовой смысл.

Проектирование кадровой политики службы ДОУ на примере АО «Тандер» Филиал Белгород демонстрирует, что успешная адаптация подразделения к условиям цифровой трансформации невозможна без одновременной работы по трём направлениям — компетенциям, обучению и мотивации. Нормативно-правовая среда задаёт минимально допустимый уровень требований к персоналу, однако реальная эффективность кадровой системы определяется тем, насколько организация способна выйти за пределы этого минимума и сформировать собственную стратегию развития человеческого капитала. Служба ДОУ, укомплектованная специалистами с актуальными компетенциями, включёнными в непрерывное обучение и мотивированными к профессиональному росту, становится полноценным участником цифровых преобразований, а не пассивным потребителем технологических изменений.

DESIGNING THE PERSONNEL POLICY OF THE PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION: COMPETENCIES, TRAINING, MOTIVATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

A.E. Slyusareva
Belgorod National Research University

The digital transformation of management processes fundamentally alters personnel requirements in document management support services. Based on the materials of JSC «Tander» Belgorod Branch,

[1] *Лескина, О. Н.* Управление кадровой политикой корпорации в условиях цифровой трансформации общества / О. Н. Лескина, А. Д. Керимова // Местное право. — 2024. — № 6. — С. 87-90. — EDN SUCJLQ.

[2] *Попов, М. Г.* Эффективность проектирования кадровой политики инновационного предприятия: интеграция стратегического онбординга и непрерывного обучения в условиях цифровой трансформации / М. Г. Попов, П. В. Попов // Управленческий учет. — 2025. — № 9. — С. 216-220. — EDN HBQCBH.

[3] *Гаджимурадова, Л. А.* Современные механизмы мотивации и стимулирования кадровой политики предприятия в условиях цифровой трансформации / Л. А. Гаджимурадова, М. А. Магомедов, К. Т. Пайтаева // Проблемы рыночной экономики. — 2025. — № 4. — С. 102-110. — DOI 10.33051/2500-2325-2025-4-102-110. — EDN KTGTXK.

[4] *Свердлык, Е. А.* Кадровая политика в органах государственной власти в условиях цифровой трансформации: правовой аспект / Е. А. Свердлык, Е. В. Разумова // Вопросы российского и международного права. — 2024. — Т. 14, № 12-1. — С. 128-137. — EDN EZUSSL.

approaches to designing HR policy for the document management unit are examined, covering competency requirements, continuous learning tools, and employee motivation mechanisms. Practical recommendations are formulated for building an HR model suited to the current phase of digitalization.

Key words: document management service, HR policy, JSC Tander, digital transformation, professional standard, competencies, motivation, document management support.

УДК 651

ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОМАНДОЙ ПРОЕКТА

С.В. Степаненко
Н. рук. – к. и. н., доцент И.Г. Галушко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1836790@bsuedu.ru

Каждая проектная разработка ориентирована на выполнение определенных целей и результатов, определяемая согласованным осуществлением многообразных, взаимосвязанных мероприятий.

В самом начале подготовительного этапа работы над проектом определяются две основополагающие задачи: подбор и создание эффективного коллектива исполнителей[1].

«Становление команды – это создание открытой, эффективной, функциональной, скоординированной группы, поддерживаемой участниками проекта, – пишет в своей книге М. Троицкий – Методы формирования проектной команды включают действия по созданию коллектива, управленческие навыки, системы вознаграждения и признания, трудоустройство и обучение[2].

В своей работе М.М. Ларин писал: «В зависимости от сложности, характера и специфики проекта, в его выполнении принимает участие от одного специалиста до множества организаций. Необходимо отличать понятия «участники проекта» и «команда проекта». Понятие "участники проекта" охватывает более широкий круг лиц и организаций, чем "команда проекта. Специально сформированное объединение специалистов, призванное обеспечить успешное выполнение поставленных проектных задач, является проектной командой. Данная структура носит временный характер, подчиняется назначенному руководителю и прекращает свое существование после завершения проекта. Численность команды напрямую зависит от объемов работ, запланированных в проекте. В команде определяются вожаки, выступающие в роди руководителя, а непосредственные исполнители – члены группы, сосредоточенные на осуществлении конкретных задач»[3].

Д.З. Милошевич предлагает «классифицировать методы организации проектной команды по двум основным направлениям:

1. Децентрализованная модель: для эффективного управления проектом заказчик и подрядчик выделяют отдельные рабочие группы, каждая из которых будет иметь своего куратора и необходимый вспомогательный аппарат.

2. Централизованная модель: с целью обеспечения комплексного подхода к проекту формируется единая команда под началом одного руководителя, в которую входят представители всех заинтересованных сторон.

Особое значение руководителя проекта подчеркивается его следующими правами и возможностями:

---

[1] Руководство к Своду знаний по управлению проектами. (Руководство PMBOK). – США, 2021. – С. 199 – 212.

[2] *Троцкий, М.* Управление проектами. – М., 2021. – С. 89 – 118.

[3] *Ларин М.М.* Формирование и развитие системы документационного обеспечения управления проектами. – Москва. – URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01004727798.pdf?ver=6 (дата обращения: 30.03.2026).

1. Поддержка со стороны руководства: руководитель активно помогает и контролирует процесс, демонстрируя свою приверженность концепции проекта;

2. Официальные полномочия: руководитель проекта выступает в роли авторитетного представителя в отношениях с внешними партнерами.

3. Внутренние полномочия: руководитель проекта наделен полномочиями и добивается выполнения своих требований внутри организации.

4.Управление ресурсами: руководитель проекта несет отвечает за расходование денег и ресурсов. Все должно быть понятно, измеримо и открыто.

5. Специализация группы: руководитель проекта и его коллектив должны быть настоящими профессионалами и обладать соответствующей квалификацией.

6. Формирование команды: директор проекта принимает окончательное решение о том, кто войдет в состав команды»[1].

«Большую часть рабочего времени руководителя проекта, – повествует К. Хелдман. – Занимает общение с людьми, поэтому для него главными являются коммуникативные и организационные умения»[2].

«Процесс управление проектной командой предполагает этапы организационного планирования, построение команды, формирование кадрового состава, а также осуществление мониторинга и мотивационных мер для обеспечения продуктивной работы и успешного финала проекта.

В управленческой практике принято выделять три ключевых подхода: директивный (авторитарный), демократический (согласование) и попустительский (невмешательство). В сфере управления проектами, – отмечает Ф. О'Коннел,– все перечисленные методы находят свое применение. Тем не менее, наиболее востребованным является стиль согласования.

Автор подчеркивает, что при таком подходе лидер проекта строит свои решения на всеобщем мнении команды, даже если оно противоречит его личным убеждениям. Отметим, что при взаимодействии с внешними субъектами проекта руководитель часто прибегает к использованию особого стиля управления»[3].

А.Д. Орр утверждал: «Для удачного формирования сплоченной и успешной проектной группы лидеру необходимо уделить внимание на ряд основополагающих моментов. Первостепенная задача заключается в отборе профессионалов высокого уровня, которые смогли бы внести значимый вклад в общее достижение. Далее, важно создать рабочую атмосферу, мотивирующую каждого сотрудника к максимальной отдаче и проявлению инициативы. Руководителю следует проявлять активный интерес к инициативам команды, показывая свою готовность к диалогу. И наконец,

основой для прочного и слаженного коллектива является искреннее доверие и признание со стороны подчиненных[4].

Ф. О'Коннелл считает, что «основополагающей задачей руководителя проекта является поддержание высокого уровня мотивации команды на пути к достижению проектных результатов. Для этого команда должна обладать комплексным набором компетенций, охватывающим:

- профессиональные и специализированные знания, которые относятся к техническим или функциональным областям проекта,

- способности анализа сложных задач и принятия продуманных решений,

---

[1] *Милошевич, Д.З.* Набор инструментов для управления проектами. – URL: https://pqm-online.com/assets/files/lib/books/miloshevich.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

[2] *Хелдман, К.* Профессиональное управление проектом. – М., 2022. – С. 323.

[3] *О' Коннел, Ф.* Как успешно руководить проектами. Серебряная пуля. – URL: https://djvu.online/file/X4hdQ2ILQaUjo (дата обращения: 30.03.2026).

[4] *Орр, А.Д.* Управление проектами: руководство по ключевым процессам, моделям и методам. – URL: https://knigalyub.top/upravlenie-proektami-v-biznese/upravlenie-proektami-2/# (дата обращения: 30.03.2026).

- навыки взаимодействия с другими людьми, проявляющие готовность к принятию риска и способности к конструктивной критике»[1].

Управление кадрами и ведение документации находятся в тесной взаимосвязи. Без четко выстроенной системы кадрового делопроизводства невозможно достичь высоких результатов в управлении им. В рамках документационного обеспечения управления персоналом осуществляется разработка и поддержание актуальности кадровой документации. Сюда относится, организация движения документов, формирование архивных фондов и обеспечение соответствия всей документации действующим нормам трудового, гражданского и налогового законодательства.

В статье журнала «Директор по персоналу» О.И. Родионова отмечает, что «взаимосвязь между управлением персоналом и документационным обеспечением управления персоналом (ДОУП) заключается в следующем:

Юридическая защищенность: надежное и своевременное документальное сопровождение системы управления человеческими ресурсами спасает организацию от различных кадровых споров, юридических разбирательств и судебных тяжб.

Сопровождение принятия решений: нормативные документы, регулирующие кадровые вопросы являются источником информации для проведения различных мероприятий: оценки интенсивности труда, анализа карьерного роста сотрудников, применения мер дисциплинарного воздействия.

Оптимизация процессов найма и увольнения: современная и упорядоченная документация, которой следуют сотрудники отдела кадров, обеспечивает при трудоустройстве новых сотрудников необходимой информацией, а при увольнении — способствует бесконфликтному прекращению трудовых отношений.

Экономия времени и сил кадровых специалистов: централизация всей кадровой информации позволяет специалистам по персоналу отказаться от утомительного поиска данных в различных источниках и полностью посвятить себя работе с людьми, их мотивацией и развитием»[2].

Таким образом, решающим условием успешной реализации проекта является грамотная команда под управлением опытного руководителя. От профессионализма, организаторских способностей и личных качеств лидера зависит успешность всего предприятия. Руководитель проекта активно способствует профессиональному росту команды на всех этапах реализации проекта.

DOCUMENTATION SUPPORT FOR THE PROJECT TEAM MANAGEMENT SYSTEM

S.V. Stepanenko
Belgorod State National Research University

To organize the work on the project, two main tasks are solved: to select the staff to work on the project and form a project team from it; to organize the effective work of the project staff. The project team management system includes organizational planning, project staffing, project team creation, as well as the functions of monitoring and motivating the project's workforce for the effective progress of work and completion of the project. Motivating the team to achieve the project goal is the main task of the project manager. Personnel management and management documentation are interrelated, as competent personnel management is impossible without a well-established HR management system.

Key words: project manager, project participants, project team, legal protection, time saving.

[1] *О' Коннел, Ф.* Как успешно руководить проектами. Серебряная пуля. – URL: https://djvu.online/file/X4hdQ2ILQaUjo (дата обращения: 30.03.2026).

[2] Что такое документационное обеспечение управления персоналом и как его организовать. – URL: https://www.hr-director.ru/article/67467-dokumentatsionnoe-obespechenie-upravleniya-personalom-19-m9 (дата обращения: 25.03.2026).

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ВХОДЯЩЕЙ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ В ООО «ЛАРИСА»

Е.Ю. Тамбасова
Н. рук. – к. и. н., доцент И.Г. Галушко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
tambasova03@bk.ru

Эффективное управление входящей документацией и корректная обработка входящих документов — залог юридической чистоты, финансовой дисциплины и управленческой эффективности. В ООО «Лариса» выстроена четкая система работы с входящей корреспонденцией, позволяющая избежать потери.

Под входящей документацией понимаются все документы, направляемые в адрес организации со стороны сторонних юридических или физических лиц

Документооборот – движение документов в организации с момента их создания или получения до завершения исполнения или отправки.

По отношению к системе управления выделяют несколько документопотоков. Документопоток — совокупность документов одного вида или назначения, имеющих единый маршрут.

Формирование широкого спектра документов обусловлено спецификой решаемых управленческих задач. Документооборот организации подразделяется на три ключевые категории: входящий (документы, поступающие извне), исходящий (документы, направляемые вовне) и внутренний (документы, создаваемые и применяемые в рамках организации для обеспечения управленческой деятельности). Отмечается неразрывная связь между указанными потоками, поскольку информация, содержащаяся во входящих документах, зачастую используется при формировании внутренних и исходящих документов.

Поступление входящей корреспонденции в организацию осуществляется посредством различных каналов[1]. Существует несколько основных методов получения входящих документов:

Курьерская доставка — наиболее древний способ доставки корреспонденции;

Почтовая компания — используется чаще, когда доставка осуществляется в другой город;

Электронная почта — чаще всего доставляются разного рода информационные материалы, приглашения, реклама и т.д.

Для входящей документации в ООО характерна следующая схема движения документов: документ поступает на предприятие, регистрируется секретарем, зарегистрированный документ отправляется на рассмотрение руководителю, которым проставляется резолюция, далее документ поступает на исполнение, а исполненный документ идет в дело.

Процесс приема и первичной обработки документов, поступающих в адрес предприятия, возложен на секретаря. Каждый входящий документ получает регистрацию: на первой странице, в правом нижнем углу, проставляется штамп с уникальным входящим номером и датой получения.

Входящая документация на предприятии регистрируется в журнале регистрации входящей корреспонденции[2].

Таким образом, документы служат ключевым инструментом коммуникации. В деловой сфере они не только обеспечивают обмен информацией, но и служат юридическим основанием для взаимоотношений между партнерами. Входящий документ – это любое письменное или электронное сообщение, поступившее извне, от другого лица или компании. Его значимость определяется содержанием и актуальностью для текущих задач. Эффективное управление документооборотом является основой

[1] *Быкова Т.А.* Документационное обеспечение управления. Делопроизводство. – М., 2018. – 304 с.
[2] *Гринберг А.С.* Документационное обеспечение управления. – М., 2017. – 391 с.

любой системы делопроизводства, поэтому для каждой организации первостепенно важно наладить этот процесс и иметь квалифицированный персонал для его ведения.

ORGANIZATION OF WORK WITH INCOMING DOCUMENTS IN LARISA LLC

E.Yu. Tambasova
Belgorod State National Research University

The article discusses the theoretical aspects of the concept of an incoming document and the basics of organizing document flow with incoming documents. The article also examines how documents are delivered to the organization. It also discusses the flow of documents in the organization of LLC «Larisa»

Key words: document, information, incoming document, document management, stages of working with incoming documents.

УДК 651

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО

Н.В. Тарасова
Н. рук. – к. полит. н., доц. Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553314@bsu.edu.ru

Начало активного развития систем искусственного интеллекта (ИИ) принято датировать серединой 1950-х годов, когда были разработаны первые программы для доказательства теорем, например «Логик-теоретик» А. Ньюэлла. Сегодня под ИИ понимаются нейронные сети, имитирующие работу человеческого мозга и способные к самообучению. В сфере документационного обеспечения управления основной целью внедрения ИИ является освобождение сотрудников от монотонных операций и повышение эффективности работы с документами.

Идея интеграции ИИ в системы электронного документооборота (СЭД) обусловлена необходимостью обработки колоссальных объёмов данных. Как отмечают исследователи В.Н. Чернов и Т.М. Чернова, анализ внедрения ИИ в СЭД позволяет выделить ключевые направления автоматизации: от регистрации входящих потоков до архивного хранения[1]. Действительно, сегодня мы наблюдаем ситуацию, когда объёмы документов растут быстрее, чем возможности их ручной обработки. Крупная компания может получать сотни накладных, счетов-фактур и договоров ежедневно, и каждый документ требует регистрации, проверки и распределения по исполнителям.

Одним из наиболее эффективных инструментов является использование компьютерного зрения и систем распознавания символов (OCR). Поскольку большинство документов имеют стандартную форму, ИИ способен автоматически анализировать сканы (даже в форматах без текстового слоя, например, JPG), распознавать реквизиты и самостоятельно заполнять регистрационные карточки. Представьте: контрагент прислал накладную. Раньше секретарь должен был вручную ввести все данные – дату, сумму, ИНН, перечень товаров. Теперь достаточно загрузить файл в систему, и ИИ сам извлечёт нужную информацию и заполнит карточку. Это радикально сокращает издержки на рутинный ввод данных. Кроме того, ИИ позволяет реализовать поиск на естественном языке, когда пользователь может найти документ по свободно сформулированному запросу через чат-бота, например: «покажи все договоры с «Ромашкой», подписанные в прошлом квартале».

[1] *Чернов В.Н.* Анализ основных направлений внедрения искусственного интеллекта в системы электронного документооборота и архивного хранения документов // III Моисеевские чтения. – Москва, 2020. – С. 532-538.

В Российской Федерации развитие этой области регулируется на государственном уровне. Ключевым документом является Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердивший национальную стратегию до 2030 года[1]. На отечественном рынке уже представлены зрелые решения. Так, платформа Directum Ario One использует алгоритмы машинного обучения для классификации документов и извлечения метаданных. По данным разработчика, время обработки одного документа сокращается с нескольких минут до 15 секунд. Другой пример – СЭД «Дело», способная обрабатывать неструктурированные данные, например, распознавать фразу «пятое июля две тысячи двадцать третьего года» как дату 05.07.2023. В банке ВТБ внедрена платформа Skillaz для подбора персонала на массовые позиции: ИИ анализирует резюме, проводит первичный отбор и даже заполняет кадровые документы, что сократило время закрытия вакансий на 30–40%.

Тем не менее, внедрение ИИ сопряжено с серьёзными рисками. Статистика показывает, что более 80% ИИ-проектов в России сталкиваются с трудностями при реализации. Почему так происходит? Причин несколько. Одной из главных причин является его высокая стоимость. Средний проект по внедрению ИИ в документооборот обходится примерно в 100 млн рублей, и около 40% организаций просто не могут себе этого позволить. Также алгоритмы пока недостаточно точны: примерно 15% документов, обработанных ИИ, содержат ошибки, особенно если речь идёт о рукописных текстах или документах на разных языках.

Отдельно стоит сказать об информационной безопасности. Сотрудники, стремясь ускорить работу, нередко загружают конфиденциальные документы в публичные чат-боты – например, финансовые отчёты или клиентские базы. Это практически равноценно утечке коммерческой тайны. В 2023 году зафиксирован рост хакерских атак на организации, использующие ИИ, в среднем на 30%[2]. Ещё одна проблема – правовое регулирование. Действующее законодательство не содержит чётких норм об ответственности за ошибки ИИ. Кто виноват, если система неверно классифицировала документ или потеряла его? Как справедливо отмечают исследователи М.В. Перова и А.А. Сибилева, внедрение ИИ в СЭД требует внесения изменений в локальные нормативные акты организации: нужно прописать маршруты движения документов, контроль исполнения и разграничение ответственности[3].

Кроме того, нельзя игнорировать и социальные последствия. Автоматизация рутинных операций неизбежно приведёт к сокращению части рабочих мест – в первую очередь операторов ввода данных и делопроизводителей. По некоторым прогнозам, к 2025 году под угрозой могут оказаться до 20% сотрудников делопроизводственной сферы[4]. С другой стороны, появятся новые должности – аналитики данных, но переобучение требует времени и средств.

В заключение следует отметить, что искусственный интеллект не призван полностью заменить человека в делопроизводстве. Его роль заключается в создании «умной» среды, которая берёт на себя рутину, позволяя специалисту сосредоточиться на принятии сложных управленческих решений. Успех внедрения таких систем напрямую зависит от правильного выбора программного обеспечения, тщательной проработки политики безопасности и, что немаловажно, от готовности персонала осваивать новые

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/72838946/?ysclid=m38x31uvtl288414780

[2] *Шитов С.Г.* Основные угрозы и способы защиты системы цифровизации делопроизводства // Молодой ученый. – 2020. – № 49(339). – С. 18.

[3] *Перова М.В.* Искусственный интеллект в системах электронного документооборота // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-2. – С. 34–35.

[4] *Петров Д.Н.* Автоматизация электронно-печатного делопроизводства с идентификацией и верификацией документов // Прикаспийский журнал. – 2021. – № 2(54). – С. 81-90

технологии. ИИ – это мощный инструмент, но инструмент, который требует человеческого контроля и ответственности.

PROSPECTS AND PROBLEMS OF IMPLEMENTING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN MODERN OFFICE MANAGEMENT

N.V. Tarasova
Belgorod State National Research University

The article examines the possibilities and prospects of using artificial intelligence in record keeping and electronic document management systems. The author analyzes the main directions of AI implementation, such as automatic text recognition, metadata extraction, and intelligent search. Special attention is paid to the legal regulation of AI in Russia and the risks associated with information security. It is concluded that AI serves as an effective tool for optimizing routine processes while maintaining human control.

Keywords: electronic document management, artificial intelligence, automation, records management, information security.

УДК 651

КАДРОВОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: АНАЛИЗ И РАЗРАБОТКА ИНСТРУКЦИИ ПО КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАЦИИ БОЛЬШАНСКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

А.С. Тельнова
Н. рук. – ст. преподаватель Е.В. Вохменова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1738995@bsuedu.ru

Органы местного самоуправления являются элементом системы публичной власти Российской Федерации и обеспечивают решение вопросов местного значения на территории муниципальных образований. Реализация полномочий муниципальных органов осуществляется через деятельность работников администрации и муниципальных служащих. Результативность управленческой деятельности муниципальных органов во многом определяется организацией кадровой работы и состоянием системы управления персоналом.

Одним из направлений кадровой работы выступает кадровое делопроизводство, обеспечивающее документальное оформление трудовых и служебных отношений. Кадровое делопроизводство включает процессы создания, оформления, учета, систематизации и хранения документов, связанных с приемом работников на службу, их переводом, аттестацией, профессиональным развитием и увольнением. Кадровые документы фиксируют решения работодателя и отражают движение кадров, что обеспечивает соблюдение требований трудового законодательства и нормативных правовых актов о муниципальной службе.

Организация кадровой работы в органах местного самоуправления рассматривается в исследованиях, посвященных управлению муниципальной службой и формированию кадрового состава муниципальных органов. В статье В.В. Садчикова рассматриваются вопросы организации кадровой работы в органах муниципального управления, включая кадровое планирование, подбор и продвижение муниципальных служащих[1].

Проблематика кадрового обеспечения муниципальной службы также раскрывается в публикации М.И. Азаровой, где рассматриваются направления развития системы управления кадрами в органах местного самоуправления и механизмы формирования

[1] *Садчиков В.В.* Совершенствование кадровой работы в органах муниципального управления // Актуальные исследования. – 2022. – №42. – С. 92.

кадрового потенциала муниципальных органов[1]. Отдельные аспекты кадровой политики муниципальных органов анализируются в работах, посвященных оптимизации кадровой политики и совершенствованию управления персоналом на муниципальном уровне. В статье И.Т. Бадаховой рассматриваются направления оптимизации кадровой политики органов местного самоуправления и вопросы формирования эффективной системы управления персоналом муниципальных органов[2].

В исследованиях, посвященных кадровому обеспечению муниципалитетов, рассматриваются вопросы подготовки кадров и развития профессиональных компетенций муниципальных служащих. В частности, в работе Р.А. Долженко анализируются направления развития системы подготовки кадров для муниципального уровня управления и взаимодействие органов власти с образовательными организациями[3].

Результаты социологических исследований также показывают оценку состояния кадровой политики органами местного самоуправления и уровень удовлетворенности муниципальных служащих условиями профессиональной деятельности. Данные аспекты отражены в работе С.Э. Мартыновой, посвященной оценке кадровой политики органов местного самоуправления муниципальными служащими[4].

Кадровое делопроизводство обеспечивает документирование процессов прохождения муниципальной службы, включая оформление служебных контрактов, ведение личных дел муниципальных служащих, учет кадрового состава и оформление решений по кадровым вопросам. В этой связи организация кадрового делопроизводства выступает элементом системы управления персоналом муниципального органа и обеспечивает документальное сопровождение кадровых процессов. Анализ существующей практики ведения кадровых документов позволяет выявить особенности организации кадровой работы и определить направления ее совершенствования.

Целью исследования является анализ кадрового делопроизводства в органах местного самоуправления и разработка инструкции по кадровому делопроизводству на примере администрации Большанского сельского поселения Чернянского района Белгородской области.

Анализ кадровых документов и порядок их оформления в администрации Большанского сельского поселения муниципального района «Чернянский район» Белгородской области показывает, что кадровая работа осуществляется в соответствии с требованиями трудового законодательства, однако присутствуют некоторые недочеты. Используются основные документы, регулирующие трудовые отношения: коллективный договор, правила внутреннего трудового распорядка, штатное расписание, должностная инструкция, соглашение по охране труда, распоряжения по личному составу, а также информационно-справочные материалы. Документирование приема, перевода, отпусков и увольнения работников проводится с соблюдением установленной процедуры, что позволяет фиксировать трудовые отношения и обеспечивать учет кадровых сведений. Одновременно проведенный анализ показал ряд недостатков в организации кадрового делопроизводства.

В отдельных документах выявлены нарушения требований к оформлению реквизитов. Например, в распоряжении о приеме на работу наименование вида документа оформлено вразрядку, отсутствует констатирующая часть текста, а должность главы администрации указана с повторением наименования сельского поселения. В справке-объективке отсутствуют регистрационный номер, дата составления и наименование

[1] *Азарова М.И.* Перспективные направления развития системы управления кадрами муниципальной службы в России // Актуальные исследования. – 2024. – №5. – С. 63.

[2] *Бадахова И.Т.* Оптимизация кадровой политики в органах местного самоуправления // Актуальные исследования. – 2023. – №48. – С. 6.

[3] *Долженко Р.А.* Развитие системы подготовки кадров для муниципалитетов // Государственная служба. – 2024. – №26. – С. 39.

[4] *Мартынова С.Э.* Состояние кадровой политики органов местного самоуправления: оценки муниципальных служащих РФ // Градостроительное право. – 2025. – №03. – С. 22-27.

организации, что затрудняет ее учет и использование в системе кадровых документов. Наличие подобных недочетов показывает, что оформление документов осуществляется без единого установленного порядка.

При отсутствии четко закрепленных правил оформления и движения документов возрастает зависимость качества кадрового учета от индивидуального опыта работника, что может приводить к различиям в оформлении документов одного вида и усложнять дальнейшую работу с ними. Выявленные недостатки показывают необходимость разработки инструкции по кадровому делопроизводству для администрации Большанского сельского поселения муниципального района «Чернянский район» Белгородской области.

При разработке локального нормативного акта в виде инструкции по кадровому делопроизводству необходимо руководствоваться следующей нормативной базой:

– Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»[1].

– Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[2].

– Закон Белгородской области от 24.09.2007 № 150 «Об особенностях организации муниципальной службы в Белгородской области»[3].

– **Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ**[4].

– Приказ Росархива от 31.07.2023 № 77 «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях»[5].

– Приказ Минтруда России от 19.05.2021 № 320н «Об утверждении формы, порядка ведения и хранения трудовых книжек»[6].

– Методические рекомендации по работе с документами по личному составу в государственных и муниципальных архивах, архивах организаций[7].

Структурно инструкция должна включать взаимосвязанные разделы, последовательно раскрывающие организационные и процедурные аспекты кадрового делопроизводства:

1. Общие положения.

2. Оформление и хранение кадровых приказов.

3. Оформление и хранение трудовых договоров и дополнительных соглашений к ним.

4. Оформление и хранение должностных инструкций работников.

5. Оформление и хранение личных карточек работников.

---

[1] Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 20.03.2025). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Закон Белгородской области от 24.09.2007 № 150 «Об особенностях организации муниципальной службы в Белгородской области» (ред. от 17.07.2025). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Приказ Росархива от 31.07.2023 № 77 «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.09.2023 № 75119). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Приказ Минтруда России от 19.05.2021 № 320н «Об утверждении формы, порядка ведения и хранения трудовых книжек» (Зарегистрировано в Минюсте России 01.06.2021 № 63748). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] Методические рекомендации по работе с документами по личному составу в государственных и муниципальных архивах, архивах организаций (разработаны ВНИИДАД в 2007 году). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Оформление и хранение трудовых книжек работников.

7. Оформление и хранение договоров о полной материальной ответственности работников.

8. Оформление и хранение личных дел работников.

9. Оформление и хранение документов о работе с персональными данными.

10. Ведение табелей учета рабочего времени.

11. Формирование, оформление и организация личных дел и кадровых документов.

Таким образом, проведенный анализ кадрового делопроизводства в администрации Большанского сельского поселения муниципального района «Чернянский район» Белгородской области позволил выявить особенности организации работы с документами по личному составу. Установлено, что в администрации применяется основной комплекс кадровых документов, регулирующих оформление трудовых отношений, однако в отдельных документах выявлены недочеты, связанные с оформлением реквизитов и отсутствием единых требований к подготовке кадровых материалов. Наличие подобных недостатков обусловлено отсутствием локального нормативного акта, регламентирующего порядок оформления, учета и хранения кадровых документов. Разработка инструкции по кадровому делопроизводству направлена на установление единых правил ведения кадровой документации, упорядочение процессов документирования кадровых процедур и обеспечение единообразия оформления документов в деятельности администрации.

PERSONNEL RECORDS MANAGEMENT IN LOCAL GOVERNMENT BODIES: ANALYSIS AND DEVELOPMENT OF INSTRUCTIONS ON PERSONNEL RECORDS MANAGEMENT USING THE EXAMPLE OF THE ADMINISTRATION OF BOLSHANSKOYE RURAL SETTLEMENT

A.S. Telnova
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the analysis of personnel records management in local governments and the development of instructions on personnel records management using the example of the administration of Bolshansky rural settlement of Chernyansky district of the Belgorod region. The content of personnel work related to the documentation of labor and official relations, the management of personal affairs, the accounting of personnel and the storage of personnel documents is considered. It has been established that personnel work is carried out in accordance with the requirements of the legislation, however, the absence of a local regulatory act leads to differences in the design of documents and complicates their use. The paper proposes the development of instructions on personnel records management, which regulates the procedure for registration, accounting and storage of personnel documents.

Key words: local government bodies, personnel records management, personnel documents, instructions on personnel records management.

УДК 651

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ МАГИСТРАНТОВ-ДОКУМЕНТОВЕДОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА

С.Р. Тихомирова
Н. рук. – д.полит.н., доц., Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553321@bsu.edu.ru

Современный рынок труда предъявляет высокие требования к выпускникам магистратуры, особенно в области документоведения и архивоведения. Работодателю сегодня нужен не просто теоретик, хорошо знающий ГОСТы и правила делопроизводства,

а стратег, способный выстроить систему нормативно-правового регулирования деятельности организации с нуля или провести полный аудит. Однако традиционная лекционно-семинарская система обучения зачастую формирует опасный разрыв между теорией и практикой. Магистранты обладают базовыми знаниями разработки и составления разных типов документов, но никогда не разрабатывали или внедряли его под реальную бизнес модель конкретной действующей организации. Именно проектный подход призван ликвидировать этот разрыв и стать ключевым фактором повышения конкурентоспособности будущих документоведов[1].

Проектный подход в обучении магистрантов–документоведов базируется на нескольких принципах. Во-первых, это проблемность. Задача формулируется как реальная проблема организации, например, отсутствие регламента работы с персональными данными. Во-вторых, практическая значимость, результат проекта, то есть локально нормативный акт, имеет реальную ценность для заказчика. В-третьих, междисциплинарность, разработка локальных нормативных актов требует знаний трудового права, менеджмента, информационной безопасности и непосредственно документоведения. Для магистратуры наиболее характерен исследовательский тип проектов, где студент выступает в роли корпоративного нормоконтролёра и аналитика, а не просто исполнителя.

Ключевым элементом повышения конкурентоспособности является внедрение в учебный план специального модуля «Разработка локальных нормативных актов для реальных организаций». Механика этого процесса выстроена следующим образом – вуз заключает соглашение с малыми и средними предприятиями, у которых штатный документовед отсутствует или перегружен. Затем магистрант проводит входной аудит текущего состояния документационного обеспечения предприятия – и часто обнаруживают, что оно находится в критическом состоянии. Совместно с директором или владельцем бизнеса формулирует техническое задание – какие именно локальные акты требуется (штатное расписание, правила внутреннего трудового распорядка, положение о защите персональных данных, инструкция по делопроизводству). После этого магистрант разрабатывает 3-4 взаимосвязанных локальных акта с учётом специфики видов экономической деятельности предприятия, согласовывает их и защищает проект перед заказчиком и комиссией из преподавателей.

Что же дает магистранту такая работа? Разработка локальных нормативных актов для реальных предприятий формируют не абстрактные «знания», а измеримые навыки, которые работодатель видит сразу. Это юридическая экспертиза, то есть, умение проверить проект приказа или договор на соответствии трудовому кодексу или федеральному закону. Также это технологическая грамотность – создание структурированных документов с использованием актуальных шаблонов и стандартов. Это переговорная компетенция – магистрант учится согласовывать противоречие между желанием директора упростить процессы и соблюсти требования закона. И наконец это антикризисное мышление – то есть прогнозирование рисков в работе конкретной организации[2]. Таким образом за два года обучения в магистратуре один студент может реализовывать два-три полноценных проекта для разных отраслей – это сфера торговли, IT, услуг или обучения, и каждое такое портфолио работает как лучше рекомендательное письмо.

Также стоит отметить и пользу для самого работодателя, который согласится на внедрение данной программы. Будущий кандидат-магистрант приходит на собеседование не просто с багажом знаний, а с доказательным портфолио, которое подтверждает его

[1] *Мирошниченко М.А.* Проблемы совершенствования профессиональной подготовки кадров в области документоведения в контексте многоуровневой системы образования // Вестник Академии знаний. – М., 2019. – Вып. 32. – С. 170.

[2] *Ковальчук М.А.* Персонализированное обучение как фактор повышения конкурентоспособности будущих специалистов на рынке труда // Теоретическая наука. – М., 2024. – № 12. – С. 70.

компетенцию и возможность вести реально работу в организации и опытом в налаживании процесса. Помимо этого, как показывает практика, работодатели выражают большую склонность в выборе кандидата, если у него есть опыт работы и трудовые навыки, который умеет приносить пользу, снижая налоговые и юридические риски, упорядочивая кадровый документооборот и освобождает время руководителя и всей организации.

Но для успешного освоения и внедрения данной модели, необходимо внести корректировки в образовательный процесс. В вузе необходимо создать не просто аналитическую практику, а создать проектный офис, где каждый студент магистрант смог бы работать над реальным заказом конкретной организации. Также данная дисциплина должна курироваться не только преподавателем, но и действующим сотрудником, который работает с разработкой и внедрением реальной документации на предприятии. Наконец необходимо обучение работе в системах кадрового электронного документооборота и конструктора документов. Без цифровых компетенций современный документ уже не может считаться конкретно способным.

Таким образом, проектный подход в обучении магистрантов-документоведов через разработку локальных нормативных актов для реальных предприятий является не просто методическим приемом, а стратегическим фактором повышение конкурентоспособности на рынке труда. Он трансформирует студента из пассивного слушателя лекций в активного создателя правовой среды организации. Выпускник выходит на рынок не с дипломом в чистом виде, а с портфолио выполненных заказов и готовностью закрывать реальные боли бизнеса – а это и есть главные критерии востребованности в двадцать первом веке.

PROJECT-BASED TEACHING OF MASTER'S STUDENTS IN DOCUMENT STUDIES AS A FACTOR IN INCREASING COMPETITIVENESS IN THE LABOR MARKET

S.R. Tikhomirova
Belgorod State National Research University

The article discusses the current problem of training master's students in the field of Documentation and Archival Studies. It substantiates the need for implementing a project-based approach that focuses on the real sector of the economy. Special attention is given to a practice-oriented module that allows graduates to develop unique professional competencies that ensure their competitiveness.

Key words: project-based approach, master's degree, documentation, local regulations, competitiveness, labor market, employer.

УДК 651

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ С ДОКУМЕНТАМИ В ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

А.С. Цунаева
Н. рук. – ст. преподаватель Е.В. Вохменова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1738971@bsuedu.ru

Работа с документами в дошкольных учреждениях складывается под влиянием особенностей их деятельности, где одновременно сочетаются образовательные, воспитательные, организационные и социальные задачи. Документация в таких учреждениях фиксирует не только управленческие решения, но и процессы, связанные с развитием и пребыванием детей, взаимодействием с родителями, контролем со стороны государственных органов и обеспечением безопасных условий. Это определяет более

внимательное отношение к точности оформления, своевременности обработки и сохранности документов[1].

На примере МАДОУ Д/С № 74 «Центр развития ребенка «Забава» г. Белгорода можно увидеть, что делопроизводство выстраивается в тесной связи с нормативной базой и внутренней структурой учреждения. Документы сопровождают практически все направления работы: образовательную деятельность, административное управление, хозяйственное обеспечение, взаимодействие с родителями и внешними организациями. При этом система документооборота ориентирована на четкое распределение потоков и разграничение ответственности между сотрудниками.

Движение документов в дошкольном учреждении организуется по трем основным направлениям: входящие, исходящие и внутренние. Входящая корреспонденция отражает взаимодействие с органами управления образованием, контролирующими структурами, организациями и гражданами. Исходящие документы фиксируют ответы, отчеты, запросы и иные формы внешнего взаимодействия. Внутренние документы обеспечивают координацию деятельности сотрудников и оформление управленческих решений внутри учреждения.

Специфика работы с входящими документами связана с необходимостью их оперативного рассмотрения и распределения. В МАДОУ Д/С № 74 работа с входящей документацией начинается с приема корреспонденции, который выполняет делопроизводитель. После приема делопроизводитель проводит предварительное рассмотрение документов. Оно позволяет определить, какие документы требуют рассмотрения заведующим, а какие могут быть направлены сразу к исполнителям среди заместителей, педагогических или иных работников.

Регистрация входящих документов фиксирует факт их поступления. Делопроизводитель ставит на документе дату и присваивает индекс, после чего сведения вносятся в журнал. Каждый документ получает уникальный регистрационный номер, регистрация ведется сквозным порядком в пределах календарного года, и она необходима для учета документов, контроля исполнения и справочной работы. Некоторые документы, такие как поздравительные письма, рекламные материалы или информационно-справочные сообщения, регистрации не подлежат[2].

После регистрации документы передаются заведующему для рассмотрения и подписания. Делопроизводитель фиксирует резолюцию заведующего, указывает исполнителя и срок выполнения в регистрационной форме. Заведующий определяет, кто из заместителей, педагогических или иных работников будет исполнять поручение, а делопроизводитель организует передачу документа исполнителям. Документы передаются под роспись, оригиналы остаются у ответственных исполнителей, при необходимости делаются копии для других участников. В случае срочной документации допускается ознакомление исполнителя с содержанием до подписания заведующим.

В МАДОУ Д/С № 74 работа с исходящей документацией начинается с подготовки проектов документов, которую выполняет исполнитель из числа заместителей заведующего, педагогических и иных работников. Документы могут создаваться на плановой основе, по поручению заведующего, по инициативе отдельных специалистов. Для подготовки проекта собирается и анализируется информация, необходимая для разработки управленческого решения, при этом участие могут принимать один или несколько исполнителей, группы специалистов или временные комиссии.

Согласование проекта, или визирование, проходит с участием компетентных лиц, включая заместителей и других специалистов. В ходе визирования проверяется содержание документа, соответствие реквизитов и правильность оформления. После согласования документ передается на подписание заведующему.

---

[1] *Кошелева Г.В.* Особенности ведения делопроизводства в дошкольном учреждении // Современные технологии документооборота в бизнесе. – 2022. – С. 70.

[2] *Панасенко Ю.А.* Делопроизводство: документационное обеспечение управления. – М., 2021. – С. 47.

Регистрация исходящих документов осуществляется в день их подписания заведующим. Делопроизводитель проставляет дату и регистрационный номер документа в соответствующих реквизитах, после чего сведения вносятся в установленную регистрационную форму. Регистрационный номер фиксирует факт создания документа и позволяет контролировать его дальнейшее движение и исполнение.

После регистрации документ передается адресату через почтовую службу, электронную почту. Делопроизводитель следит за правильностью и полнотой отправки, обеспечивая, чтобы каждая копия была доставлена ответственным исполнителям и, при необходимости, сохранена для внутреннего учета[1].

В МАДОУ Д/С № 74 работа с внутренними документами начинается с подготовки проектов, которую выполняет исполнитель совместно с заместителями заведующего, педагогическими и иными сотрудниками. Документы создаются на основании плана работы учреждения, по поручению заведующего, по инициативе отдельных специалистов. В ходе подготовки проекта собирается и обобщается информация, необходимая для составления документа и выработки управленческого решения. Такая работа может выполняться как одним специалистом, так и несколькими сотрудниками или временно созданной рабочей группой[2].

Готовый проект направляется на согласование должностным лицам, уполномоченным оценивать его содержание, в том числе заведующему и его заместителям. На этом этапе проверяются текст, корректность реквизитов и соблюдение установленных требований к оформлению.

Внутренние документы регистрируются в день их подписания или утверждения, что закреплено в практике делопроизводства. При регистрации на документе указывается дата и присваивается регистрационный номер, а сведения заносятся в учетные формы. Такой номер служит средством идентификации документа и позволяет отслеживать его движение и исполнение.

После регистрации документ передается исполнителям. Выполнение поручений завершается только после реализации всех предусмотренных действий. По окончании работы на документе делается отметка о направлении в дело с указанием индекса по номенклатуре, года, должности ответственного лица, подписи и даты. Далее документ подшивается в соответствующее дело, что обеспечивает его сохранность и возможность последующего использования.

Особенностью является и то, что документация отражает не только административные процессы, но и образовательную деятельность, взаимодействие с семьями воспитанников, вопросы охраны здоровья и безопасности. Это делает систему документооборота более насыщенной и разнообразной по содержанию. В отличие от многих других организаций, здесь документы часто затрагивают вопросы, связанные с детьми, что требует повышенной аккуратности при их оформлении и хранении[3].

Таким образом, специфика работы с документами в дошкольных учреждениях проявляется в сочетании строгого соблюдения нормативных требований с необходимостью оперативной обработки информации и учета особенностей образовательной среды. Документооборот в дошкольных учреждениях охватывает не только управленческие процессы, но и образовательную деятельность, взаимодействие с семьями воспитанников, а также вопросы охраны здоровья и безопасности. В связи с этим документы нередко содержат информацию, связанную с детьми, что требует аккуратности при их оформлении и хранении.

---

[1] *Басаков М.И.* Документационное обеспечение управления (с основами архивоведения). – М., 2021. – С. 80.
[2] *Румынина Л.А.* Документационное обеспечение управления. – М., 2021. – С. 110.
[3] *Кошелева Г.В.* Особенности ведения делопроизводства в дошкольном учреждении // Современные технологии документооборота в бизнесе. – 2022. – С. 71.

THE SPECIFICS OF WORKING WITH DOCUMENTS IN PRESCHOOL INSTITUTIONS

A.S. Tsunaeva
Belgorod State National Research University

The text reveals the specifics of working with documents in preschool institutions using the example of MADOU D/S No. 74. It shows how the organization of office work is related to educational activities, management and interaction with parents and external organizations. The procedure for the movement of incoming, outgoing and internal documents, their registration, review and execution are described. The issues of preparing projects, approving and signing documents, as well as monitoring deadlines are being considered. The principles of the formation of files by nomenclature, the distribution of documents by shelf life and their preparation for archival storage are reflected. It is emphasized that document management covers all areas of the institution's activities and ensures the safety of information and the possibility of its further use.

Key words: preschool, office management, document management, document registration, archival storage of documents, educational activities.

УДК 651

ОТ СТРУКТУРЫ К ДОКУМЕНТООБОРОТУ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ОРГПРОЕКТИРОВАНИЯ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Т.И. Юрченко
Н. рук. – к. и. н., доц. И.Г. Галушко
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
gladi-integra@mail.ru

Современная экономика России характеризуется высокой динамикой, геополитической нестабильностью и ускоренным технологическим развитием. В этих условиях способность организаций к быстрой трансформации становится критическим фактором выживания. Организационное проектирование (оргпроектирование) выступает как ключевой инструмент, позволяющий компаниям не только реагировать на внешние вызовы, но и активно формировать свою внутреннюю среду для достижения стратегических целей. Эффективно спроектированная организация - это не просто набор отделов и должностей, это гибкая, управляемая система, способная развиваться и масштабироваться.

Оргпроектирование, по своей сути, является фундаментальным процессом, глубоко интегрированным в операционную деятельность любой компании и оказывающим непосредственное влияние на административные функции, включая документационное обеспечение управления (ДОУ), делопроизводство и кадровое делопроизводство. Каждая структурная или функциональная перемена, внедряемая в её рамках, неизбежно находит своё отражение в этих ключевых сферах.

Во-первых, проектирование рациональной организационной структуры служит основой для оптимизации систем документационного обеспечения управления. Оно позволяет выстраивать эффективные маршруты согласования документов, стандартизировать формы и регламенты документооборота, что приводит к сокращению времени на обработку и повышает прозрачность принятия управленческих решений.

Во-вторых, оргпроектирование тесно связано с эффективностью в кадровом делопроизводстве. Любые изменения – начиная от создания новых подразделений и должностей – требуют тщательной и юридически грамотной работы со штатным расписанием, с должностными инструкциями, с положениями. Именно здесь формируются четкие описания функций, полномочий и зон ответственности, что является основой для управления персоналом. Более того, именно оргпроектирование позволяет формировать современные кадровые политики, которые направлены на привлечение и

удержание талантов и внедрение гибких условий труда. Не стоит забывать, что все эти изменения должны быть строго оформлены в соответствии с трудовым законодательством РФ[1], а это требует от специалистов кадрового делопроизводства более высокой внимательности ко всем деталям.

Таким образом, оргпроектирование оказывает непосредственное прямое влияние на все административные процессы, диктуя требования к регламентации, учету и управлению всеми документационными и кадровыми потоками. И только успешное преодоление вызовов напрямую связано с повышением качества и эффективности работы этих функций.

В условиях нестабильности и движения технологических процессов именно оргпроектирование позволяет создавать адаптированные и устойчивые структуры, которые способные быстро реагировать на происходящие изменения. Компании, которые успешно прошли через кризисы 2020-2022 годов, как правило, либо имели очень хорошо продуманную организационную структуру, либо смогли очень быстро ее перестроить[2].

Естественно, данный вопрос не может обойтись без цифровой трансформации и автоматизации. Активное внедрение цифровых технологий (ИИ, МО, Big Data) требует пересмотра существующих бизнес-процессов. Оргпроектирование позволяет устранять дублирование функций, автоматизировать рутинные операции и создавать цифровые платформы для эффективного взаимодействия[3]. Это особенно актуально для ДОУ, где внедрение систем электронного документооборота, автоматизированной регистрации и архивирования документов значительно повышает эффективность. В сфере кадрового делопроизводства цифровая трансформация позволяет автоматизировать учет, расчеты и формирование отчетности, обеспечивая гибкость в управлении персоналом.

Российские компании, особенно в IT-секторе и инновационных отраслях, все активнее применяют agile-методологии. Оргпроектирование помогает сформировать кросс-функциональные команды, внедрить гибкие структуры управления и создать культуру постоянного улучшения[4].

Оно также помогает повысить эффективность и конкурентоспособность за счёт:

- оптимизации затрат, так как четко проработанная организационная структура позволяет избежать лишних расходов на персонал и сокращая затраты на обработку лишних документов в рамках делопроизводства;

- улучшения управляемости, так как определенные роли и зоны ответственности, закрепленные в должностных инструкциях и внутренних регламентах, способствуют повышению прозрачности и эффективности принятия решений;

- привлечения и удержания талантов, так как современная организационная структура, ориентированная на развитие сотрудников и гибкие условия труда, становится конкурентным преимуществом на рынке труда.

Кроме этого, оргпроектирование является критически важным этапом для успешной интеграции компаний после M&A сделок, позволяя объединить культуры, процессы и структуры. А при увеличении бизнеса и выходе на новые сегменты, оно помогает создать конкурентоспособные и эффективные структуры для управления новыми операциями[5].

На сегодняшний день оргпроектирование в России сталкивается со множеством ограничений, например:

---

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 28.12.2025, с изм. от 06.02.2026) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 13.03.2026)

[2] *Гавриков А.В.* Digital-маркетинг. Главная книга интернет-маркетолога. - М., 2025. - С. 15-20.

[3] *Маркова В.Д.* Маркетинг инноваций: учебник. - М., 2025. - С. 141-146.

[4] *Шевченко Д.А.* Цифровой маркетинг: учебник. - М., 2022. - С. 164-171.

[5] *Кислицына В.В*. Маркетинг: учебник, ил. - М., 2024. - С. 341-348.

- многие компании имеют склонность к сохранению существующих структур и процессов из-за страха перед неизвестностью (недостаточная убежденность руководства в необходимости изменений также может стать серьезным барьером);

- недостаток знаний и опыта, отсутствие у высшего руководства глубокого понимания принципов и преимуществ современного оргпроектирования может создавать препятствия к его эффективному внедрению;

- некачественная экспертиза, так как в России пока еще недостаточное количество высококвалифицированных специалистов и консультантов, которые способны проводить глубокий анализ, разрабатывать и внедрять комплексные организационные изменения;

- для эффективной работы с цифровыми технологиями требуются специалисты, которые обладают компетенциями как в IT, так и в области организационного развития, а это является редкостью;

- некоторые российские компании продолжают использовать устаревшие подходы к проектированию, которые не соответствуют требованиям современного бизнеса;

- зависимость от западных решений, так как до недавнего времени многие компании активно использовали западные консалтинговые методологии и IT-решения для оргпроектирования, а введенные ограничения доступа к некоторым из них требует разработки и адаптации собственных или дружественных аналогов[1];

- сложность трудового законодательства, так как изменения в структуре штата, сокращение должностей или перераспределение функций существенно усложняют и увеличивают сроки кадрового делопроизводства, требуя тщательной проработки документов и процедур;

- в некоторых отраслях существуют специфические регуляторные требования, которые могут ограничивать свободу маневра при проектировании организационных структур и влиять на обязательные стандарты документационного обеспечения управления;

- в компаниях с низким уровнем доверия между сотрудниками и подразделениями, оргпроектирование может столкнуться с нежеланием делиться информацией, сопротивлением сотрудничеству и конфликтами.

Важно отметить, что только успешное преодоление всех вызовов станет залогом устойчивого развития и инновационного роста в ближайшим будущем.

FROM STRUCTURE TO DOCUMENT FLOW: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF ORGANIZATIONAL DESIGN IN IMPROVING THE EFFICIENCY OF OFFICE WORK IN RUSSIA

T.I. Yurchenko
Belgorod State National Research University

Organizational design, or orgdesign, is a systematic process of creating and optimizing the structure, processes, roles, and management systems of an organization in order to achieve its strategic goals. In the context of the constant changes that characterize the modern Russian economy, the role of organizational design is becoming increasingly important. In this article, we will explore the key opportunities and challenges that Russian companies face when implementing organizational design. We will focus on the impact of organizational design on the documentation of management and personnel processes.

Keywords: organizational design, document management, HR administration, digital transformation.

[1] *Котлер Ф.* Маркетинг менеджмент / под ред. Ф. Котлера 16-е издание, ил. - СПб, 2024. - С. 554-558.

УДК 930.251

РАЗРАБОТКА БАЗЫ ДАННЫХ ДЛЯ УЧЕТА И УПРАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫМИ АРХИВНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ В АРХИВНОМ ОТДЕЛЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ РАБОТЫ И АРХИВНОГО ДЕЛА АДМИНИСТРАЦИИ НОВООСКОЛЬСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА

Ю.Д. Яковенко
Н. рук. – к. полит. н., доц. Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638493@bsuedu.ru

В современном мире наблюдается тенденция к отказу от бумажных носителей в пользу электронных форматов. Это связано с ростом объёмов информации, необходимостью ускорения бизнес-процессов и снижением затрат на физическое хранение документов. Архивы сталкиваются с необходимостью перехода на электронные системы учёта и управления документами.

Согласно приказу Росархива от 31.07.2023 № 77 «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях», электронные документы можно хранить не только на обособленных носителях, но и в специализированных информационных системах хранения (СХЭД). Это требует разработки или адаптации существующих баз данных под новые требования. Также нормативный правовой акт ввёл новые стандарты для управления документацией Архивного фонда РФ[1]. Базы данных должны соответствовать этим требованиям, включая обеспечение юридической значимости электронных документов (поддержка электронной подписи, меток времени), защиту персональных данных и соблюдение правил конфиденциальности.

Приказ Росархива от 2 марта 2020 г. №24 «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учёта и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях» содержит специальные положения о хранении электронных документов. Нормативные условия хранения электронных документов в информационной системе архива обеспечиваются ее соответствием требованиям законодательства Российской Федерации в области создания, развития, ввода в эксплуатацию государственных информационных систем и хранения в них информации; соблюдением при ее эксплуатации требований информационной безопасности и защиты информации; резервным копированием электронных документов, в том числе при применении облачных технологий, и их конвертацией в современные форматы[2].

Электронные документы подвержены рискам утраты из-за устаревания форматов файлов, технических сбоев, кибератак или физического износа носителей. Базы данных с функциями резервного копирования, миграции данных и контроля целостности помогают минимизировать эти риски.

[1] Приказ Росархива от 31.07.2023 № 77 «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях» (в ред. от 31.07.2023). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Приказ Росархива от 02.03.2020 № 24 «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях» (ред. от 26.09.2022). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В качестве оптимальной платформы для создания такого решения в архивном отделе выступает СУБД Tantor, разработанная на базе PostgreSQL и включенная в Единый реестр отечественного ПО (№14818).

Платформа Tantor предоставляет графический интерфейс для мониторинга ключевых метрик баз данных, управления отказоустойчивыми кластерами и администрирования кластеров СУБД. Также она предлагает различные версии и дополнительные инструменты для работы с данными, включая задачи, связанные с оцифровкой и обработкой информации, что ускорит работу с оцифрованными документами в архивном отделе.

В этой СУБД предоставляется возможность управлять данными во внешней и оперативной памяти, выполнять запросы и манипулировать данными, журналировать изменения, создавать резервные копии БД и восстанавливать их в случае аварии.

Система ведёт постоянный контроль исходного кода, выявляет активность вредоносных программ и обнаруживает утечки.

Процесс проектирования включает несколько этапов:

1. Сбор требований. На этом этапе определяются цели базы данных, функции, которые она должна выполнять, и типы данных, которые будут храниться.

2. Идентификация объектов. На этой стадии определяются сущности, которые будут храниться в базе данных (например, электронные документы, их метаданные, учётные записи).

3. Определение атрибутов (столбцов) и записей (строк) для каждого объекта.

4. Определение типов информации для каждого объекта, например, число, дата, текст.

5. Установление связей между таблицами.

6. Нормализация базы данных.

Таким образом, переход архивов на электронные системы требует соблюдения законодательства, использования защищённых и отказоустойчивых платформ и продуманного проектирования баз данных. Внедрение спроектированной базы данных на платформе Tantor обеспечит архивному отделу эффективный, безопасный и юридически значимый переход к электронному формату хранения документов.

DEVELOPMENT OF A DATABASE FOR ACCOUNTING AND MANAGING ELECTRONIC ARCHIVAL DOCUMENTS IN THE ARCHIVAL DEPARTMENT OF THE DEPARTMENT OF LEGAL WORK AND ARCHIVAL MANAGEMENT OF THE NOVOOSKOLSK MUNICIPAL DISTRICT ADMINISTRATION

Y.D. Yakovenko
Belgorod State National Research University

The article discusses the problem of the transition of archival institutions from paper media to electronic document storage systems in the context of growing volumes of information. The use of the Russian Tantor database management system is proposed as an optimal technological solution. This database provides tools for monitoring, managing fault-tolerant clusters, and data protection. This will speed up the work with digitized documents in the archive department.

Key words: Electronic archive, Tantor database management system, electronic document storage, security.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МЕЖДУ ЦЕНТРОМ И ПЕРИФЕРИЕЙ»

УДК 94

ПУБЛИЧНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ «ДОКТРИНЫ РЕЙГАНА» В РЕЧАХ ПРЕЗИДЕНТА И РЕАКЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

К.Э. Гингуляк
Н. рук. – к. и. н., доц. Ю.Ю. Комлякова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1731033@bsu.edu.ru

Внешнеполитические доктрины являются одним из ключевых элементов внешней политики США как в различные исторические периоды, так и в настоящее время. Подобные доктрины представляют собой олицетворение ключевых целей, задач и позиций государства относительно регионов мира, крупных конфликтов, мировых проблем и т.д. Особенное значение они приобрели в период «Холодной войны», когда США находились в противостоянии с СССР, на фоне чего ряд президентов США формулировали собственные доктрины. Одной из таких является доктрина Рейгана, появившаяся на излёте «Холодной войны». Особенный интерес представляет её публичное освещение самим президентом, а также реакция советской публицистики.

Доктрина Рейгана является олицетворением внешнеполитической стратегии, сформированной администрацией Рональда Рейгана и направленной на ослабление позиций СССР в мире[1]. Она предусматривала поддержку иррегулярных формирований, антикоммунистических движений, борьбу с прокоммунистическими правительствами в различных регионах мира. В частности, цели и задачи доктрины активно реализовывались на Ближнем Востоке, в Африке и Центральной Америке.

Прежде всего, внимание заслуживает традиционное для американских президентов ежегодное послание Конгрессу, именуемое – «О положении страны» («State of the Union Address»). Данное послание очень часто содержит оценки не только вопросов внутренней политики, но и международных отношений. Особенно примечательно послание Р.Рейгана к Конгрессу от 26 января 1982 года[2]. Ещё в самом начале речи президент упоминает похожие выступления У. Черчилля, Ф. Рузвельта, Д. Макартура, Д. Эйзенхауэра и Д. Кеннеди, проводя определённые символические параллели. В обращении президент указывает на обоюдные усилия по сокращению вооружений и ракет средней дальности с СССР, подчёркивая важность диалога. Однако затем он озвучивает свой подход к внешней политике: “когда радикальные силы угрожают нашим друзьям, когда экономические неурядицы создают условия для нестабильности, когда стратегически важные регионы мира оказываются под влиянием советской власти, наши действия могут стать решающим фактором, определяющим, произойдут ли мирные перемены или же воцарятся хаос и насилие. Вот почему мы уделяем такое внимание не только собственной обороне, но и нашей жизненно важной программе внешней помощи.”[3]. Уже здесь заметен тезис, подразумевающий особый акцент президента Р. Рейгана на поддержку союзников США.

---

[1] *Хворостяный А. А.* Теоретические основы доктрины национальной безопасности администрации Р. Рейгана // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2006. – №2. – С. 37-41.

[2] Address Before a Joint Session of the Congress Reporting on the State of the Union. January 26, 1982. Ronald Reagan
Presidential Library & Museum. Major Speeches, 1964-1989. [Электронный ресурс] – URL: https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-joint-session-congress-reporting-state-union (дата обращения: 18.03.2026)

[3] Там же.

Следующей примечательной речью является «Послание членам британского парламента», произнесённая президентом Рейганом 8 июня 1982 года[1]. Речь во-многом посвящена оценке американо-советских отношений, региональной безопасности в Европе и мире. Рейган активно выступает с критикой внутренней и внешней политики СССР, отдельно упоминая экономические и социальные проблемы. Отдельно президент подчёркивает: “если мы хотим, чтобы в оставшейся части этого столетия свобода и демократические идеалы постепенно укреплялись, мы должны помогать в борьбе за демократию.” и “настало время, когда мы как нация – как в государственном, так и в частном секторе – должны взять на себя обязательства по содействию демократическому развитию”[2].

Линия, заложенная в выступлениях 1982 года, позднее была продолжена. В частности, это прослеживается в «Обращении к нации по вопросам обороны и национальной безопасности» от 23 марта 1983 года[3]. Рейган более конкретно оценивает советский военный потенциал, приводя показатели развёрнутых вооружений, и настаивает на необходимости сдерживания путём взаимного сокращения ядерных арсеналов. Но в этом случае он указывает на наличие регионального противостояния с СССР, в которое США уже были вовлечены: “советско-кубинскую милитаризацию Гренады можно рассматривать только как проецирование силы в регионе. Именно в этом важном экономическом и стратегическом регионе мы пытаемся помочь правительствам Сальвадора, Коста-Рики, Гондураса и других стран в их борьбе за демократию против партизан, которых поддерживают Куба и Никарагуа.”[4]. Из этого рождается ключевая идея доктрины Рейгана – отсутствие прямой конфронтации с СССР, но продолжение гибридного противостояния влиянию СССР по всему миру.

Особый интерес представляет «Обращение к нации по вопросам политики США в Центральной Америке», озвученное президентом США 9 мая 1984[5]. В начале речи Рейган заостряет внимание на важности Центральной Америки для США и на росте советского присутствия в ней, указывает на враждебность Кубы и правительства сандинистов в Никарагуа. Далее он озвучивает своё виденье внешней политики в упомянутом регионе: “коммунистическая подрывная деятельность не является необратимым процессом. Мы видели, как она была остановлена в Венесуэле, а совсем недавно – на Гренаде. Там, где процветает демократия, права человека и мир, ситуация более стабильная. Будущее может стать временем свободы. Для этого нужны лишь воля и ресурсы.”[6]. Именно такой взгляд на внешнюю политику формируется в первый президентский срок Рональда Рейгана.

Уже в ходе второго президентского срока Рейган выступает с более сильных позиций. Об окончательном публичном оформлении доктрины можно говорить применительно к речи, произнесённой в ходе специальной сессии Европейского парламента в Страсбурге 8 мая 1985 года[7]. В начале своей речи он даёт оценку военным потенциалам НАТО и СССР, подчёркивая несостоятельность постоянного наращивания ядерных арсеналов. Р. Рейган также указывает

[1] Address to Members of the British Parliament. June 8, 1982. Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Major Speeches, 1964-1989. [Электронный ресурс] – URL: https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-members-british-parliament (дата обращения: 18.03.2026)
[2] Там же.
[3] Address to the Nation on Defense and National Security. March 23, 1983. Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Major Speeches, 1964-1989. [Электронный ресурс] – URL: https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-nation-defense-and-national-security (дата обращения: 18.03.2026)
[4] Там же.
[5] Address to the Nation on United States Policy in Central America. May 9, 1984. Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Major Speeches, 1964-1989. [Электронный ресурс] – URL: https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-nation-united-states-policy-central-america (дата обращения: 18.03.2026)
[6] Там же.
[7] Address to a Special Session of the European Parliament in Strasbourg, France. May 8, 1985. Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Major Speeches, 1964-1989. [Электронный ресурс] – URL: https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-special-session-european-parliament-strasbourg-france (дата обращения: 18.03.2026)

на изменившийся характер советской внешней политики: “сначала в Анголе в 1975 году, а затем, когда Запад не отреагировал, в Эфиопии, Южном Йемене, Кампучии и, наконец, в Афганистане, Советский Союз стал идти на больший риск и расширять свое влияние, применяя военную силу как напрямую, так и косвенно. Сегодня мы видим аналогичные попытки СССР нажиться на региональных конфликтах в Центральной Америке и спровоцировать их”[1]. Затем следует часть речи, которая всецело позволяет судить о полноценном оформлении доктрины. Рейган в виде нескольких тезисов озвучивает подход США к выстраиванию отношений с СССР, а затем предлагает четыре шага к их стабилизации. Среди упомянутых тезисов находится прямое отражение того курса, что последовательно формулировался с 1981 года в прежних речах: “Соединенные Штаты не стремятся подорвать или изменить советскую систему, а также посягнуть на безопасность Советского Союза. В то же время они будут противостоять попыткам Советского Союза применить силу или угрожать силой другим государствам, а также навязать свою систему другим странам.”[2].

В контексте презентации доктрины 8 мая 1985 года интересна реакция советской публицистики. Стоит отметить, что советские издания критиковали внешнеполитический курс администрации Рейгана ещё ранее, но реакция на страсбургскую речь достойна отдельного внимания. Так, в №131 газеты Правда от 11 мая 1985 года своя оценка речи изложена в заметке «Просчёт вашингтонских политиков»[3]. В ней указано, что речь Рейгана расценивается в Страсбурге как “позорный провал”[4]. Особенный акцент делается на попытках президента США фальсифицировать историю и преуменьшить роль СССР во Второй Мировой войне. Вместе с этим, отмечается реакция европейских парламентариев, часть из которых покинула зал посреди речи. Похожая оценка изложена в другом издании, в частности, в №134 газеты Известия от 13 мая 1985 года в заметке «Память и политика»[5]. В заметке также указывается на провал речи Рейгана и её пренебрежение к исторической памяти. Следует подобная оценка: “Вашингтон вернулся к тому агрессивному антисоветскому мессианству”[6].

Таким образом, публичное освещение доктрины Рейгана происходило с первых лет президентства Рональда Рейгана. Она формулировались год за годом в разнообразных речах, обращённых к различной аудитории. Это позволяет говорить о устоявшемся внешнеполитическом курсе, который последовательно отражался в речах президента США. В них регулярно подчёркивалась приверженность диалогу с СССР, но в том числе указывалась заинтересованность в противостоянии просоветским правительствам в различных регионах мира, особенно, в Центральной Америке. В свою очередь, советская публицистика рассматривала доктрину Рейгана не как новый курс, а как продолжение подходов, заложенных прежними президентами.

PUBLIC COVERAGE OF THE "REAGAN DOCTRINE" IN THE PRESIDENT'S SPEECHES AND THE REACTION IN SOVIET PUBLICISM

K.E. Gingulyak
Belgorod State National Research University

This article examines the public presentation of the "Reagan Doctrine" in president’s speeches and the response in Soviet journalism. The doctrine's public presentation is important for studying US and Reagan administration foreign policy at the end of the Cold War.

Key words: history, Cold War, US, Reagan, doctrines.

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Просчёт вашингтонских политиков // Правда. 1985. 11 мая. [Электронный ресурс] – URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1985_131-19463 (дата обращения: 18.03.2026)
[4] Там же.
[5] Память и политика // Известия. 1985. 13 мая. [Электронный ресурс] – URL: https://yandex.ru/archive/catalog/43e74d37-0ea7-4103-bede-2dcd855484c0/5 (дата обращения: 18.03.2026)
[6] Там же.

УДК 94

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО НАРРАТИВА В ЭПОХУ Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА

И.А. Казаков
Н. рук.-к. и. н., доцент Е.В. Шушунова
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
ivan_kazakov_0505@mail.ru

Федеральный художественный проект (Federal Art Project, FAP), реализованный в рамках Управления общественных работ (WPA) в период Великой депрессии (1935–1943), стал одним из самых амбициозных экспериментов по интеграции искусства в систему государственного управления и формирования национального нарратива. В отличие от традиционных форм меценатства, FAP позиционировался не как мера благотворительности, а как программа общественных работ, призванная утвердить культурные ценности в качестве неотъемлемой части социального договора между государством и гражданином. FAP была одной из серии культурных инициатив, выдвинутых администрацией Рузвельта летом 1935 года.[1] Кажется вполне естественным, что первая серьезная попытка сформировать и осуществить комплексную культурную политику в Америке на государственном уровне произошла во время «великой депрессии» когда в обществе возникло опасение полного краха частного сектора в экономике.[2]

Проект входил в состав «Федерального проекта номер один» (Federal Project Number One), объединявшего пять направлений поддержки деятелей культуры. Национальным директором FAP был назначен Хольгер Кэхилл на тот момент музейный куратор и эксперт по американскому народному искусству. Х. Кэхилл сумел переосмыслить суть программы. Вместо простой материальной поддержки безработных художников он предложил концепцию, в рамках которой искусство становилось инструментом общественного развития. Основная целью FAP сводилась к тому, чтобы обеспечить работой тех художников, которые на тот момент получали пособие по безработице.[3] Благодаря этому подходу FAP спонсировал не только традиционные направления, но и экспериментальные течения, оказавшие значительное влияние на последующие художественные движения в США.

Проект обеспечивал работой художников вне зависимости от их признания в академических кругах или коммерческого успеха. Участие в программе было возможно после подтверждения нуждаемости и представления портфолио. Такой подход позволял включать в сферу профессионального искусства авторов с разным уровнем подготовки и опытом, создавая уникальную среду, в которой неизвестные художники могли обрести свою аудиторию. Художники, получавшие помощь от Фонда поддержки искусств, работали в самых разных направлениях, включая традиционные, такие как станковая живопись, а также более новаторские, такие как просветительская деятельность, фиксация и учет народного искусства.[4]

Важным направлением стало создание общественных художественных центров и галерей. Как правило подобные организации, располагались в регионах, где искусство ранее было практически недоступно. Например, Общественный центр искусств в Гарлеме предоставил десяткам тысяч людей возможность бесплатно посещать выставки и заниматься живописью, графикой, скульптурой и дизайном. Таким образом FAP

[1]*Keyser, J. G.* The New Deal Murals in Washington State: Communication and Popular Democracy: Thesis (M.A.) / Judith G. Keyser; University of Washington. – 1982. – 38 с.
[2]*Филимонов Г.Ю.* Истоки формирования культурной политики США // Вестник РУДН – 2011 – №2 – С.86.
[3]Там же. С. 44.
[4]Там же. С. 45.

стремился интегрировать искусство в повседневный опыт, формируя инклюзивное понимание культуры. Из непрофессиональных художников стали вырастать профессионалы своего дела.[1]

Центральной задачей проекта стало создание визуального языка, отражающего общие человеческие ценности и идею американского прогресса. Художникам рекомендовали изображать сцены современного американского быта, избегая лишь обнажённой натуры и открытой политической пропаганды. В результате фрески на стенах почтовых отделений, школ и общественных зданий фиксировали образ «обычной американской жизни»: трудовые будни, быт гражданского общества, региональные особенности.

При этом FAP поддерживал стилистическое разнообразие, отражавшее культурную специфику регионов. В Чикаго преобладали реалистичные сцены индустриального труда, в Нью-Йорке — абстрактные композиции, в Калифорнии — работы с восточными мотивами. Такая региональная дифференциация позволяла формировать многоголосный, но целостный национальный нарратив, в котором локальные идентичности становились частью обще американского культурного ландшафта. Движение регионализма возглавили три крупных художника – Томас Бентон (1889-1975), Грант Вуд (1892-1942) и Джон Карри (1897-1946). Регионализм возрождал идеологию национализма в искусстве.[2] Потенциально величайшая нематериальная ценность этой программы была в возможности обогатить американскую культуру путем освещения ее прошлого.[3] Делался акцент даже на национализм в создаваемых произведениях культуры, что ранее американской культуре было не свойственно вообще.[4] Проект ставил перед собой цель которая присутствовала ранее в американской культуре, это цель – показать что из себя представляет из американская нация.[5]

Помимо создания художественных объектов, проект инициировал долгосрочные институциональные изменения. Одним из ключевых начинаний стал «Индекс американского дизайна» (Index of American Design) — программа, в рамках которой художники фиксировали в акварелях коллекции декоративно-прикладного искусства. Цель индекса заключалась в создании историко-изобразительной летописи повседневной жизни американцев, документировании материальной культуры, которая ранее оставалась вне поля зрения академического искусства. С развитием проекта развивались и новые эстетические вкусы среди населения США.[6]

FAP также способствовал развитию художественного образования: на базе общественных центров проводились выставки работ детей и взрослых, организовывались мастер-классы и лекции. Таким образом искусство переставало быть элитарным явлением и становилось частью социальной инфраструктуры. Проект не был ориентирован на кино, рекламу и радио.[7]

Несмотря на масштабные достижения, FAP с момента создания сталкивался с внутренними и внешними противоречиями. Критика со стороны консервативных кругов была связана с высокими федеральными расходами (общий объём инвестиций составил около 35 млн долларов), медлительностью реализации проектов и отсутствием таких

---

[1] *O'Connor, Francis V.* The New Deal Art Projects: An Anthology of Memoirs. Smithsonian Institution. – 1972 – С. 198.

[2] *Шестаков В.П.* История американского искусства. Москва: Издательство Юрайт, 2024 – С.88.

[3] *O'Connor, Francis V.* The New Deal Art Projects: An Anthology of Memoirs. Smithsonian Institution. – 1972 – С. 179.

[4] *McDonald, William F.* Federal Relief Administration and the Arts. Ohio State University Press. – 1969 – 364 с.

[5] *Соломатина В.М.* К вопросу об американской национальной идентичности // Российская Академия Наук. Социальные и гуманитарные науки – 1998 – №3 – С.3.

[6] *O'Connor, Francis V.* Art for the Millions: Essays from the 1930s by Artists and Administrators of the WPA Federal Art Project. New York Graphic Society. – 1973 – 112 с.

[7] *Melosh, Barbara.* Engendering Culture: Manhood and Womanhood in New Deal Public Art and Theater. Smithsonian Institution Press. – 1991 – 24 с.

механизмов контроля производительности труда. Особые консерваторы выдвигали мнение что проект избавляет американское искусство от индивидуальности, и что новые создаваемые произведения искусства не являются творчеством, которое имеет большое будущие.[1] Но самые настроенные радикальные консерваторы видели в проекте – коммунистические идеи.[2]

Особую уязвимость проекту придавал принцип найма художников с разным уровнем мастерства, что порождало споры об эстетической ценности создаваемых работ. Консервативные оппоненты Ф. Рузвельта в Конгрессе считали саму идею масштабного государственного финансирования искусства спорной, тогда как либеральные администраторы видели в проекте инструмент спасения капиталистической системы, а радикально настроенные участники — возможную основу для социалистической альтернативы. Консерваторы высмеивали любые в их понимании «социалистические преобразования» Нового курса, и этот проект для них не был исключением.

В 1930-хх годах закладывались основы той политической культуры, которая позднее приобрела в американской жизни черты «естественного состояния».[3]

Кроме того, в проекте проявлялась напряжённость между федеральной политикой и её реализацией на местном уровне. Относительная автономия, которой обладало Управление общественных работ, к концу 1930-х годов была существенно ограничена.

С началом Второй мировой войны и переориентацией экономики на военные нужды частные корпорации вновь заняли доминирующее положение, а федеральные программы поддержки искусства утратили приоритет. FAP был окончательно свёрнут в 1943 году. Связь искусства и правительства уходила на другой план.[4] Хотя художники продолжали выступать за создание перманентной системы государственной поддержки культуры вплоть до конца 1940-х годов, дефицит бюджета и изменившаяся политическая конъюнктура не позволили реализовать эти инициативы. Реализация проекта уже не отвечала интересам американской бюрократии как это было в 1930-х годах.[5]

Тем не менее значение FAP выходит далеко за хронологические рамки его существования. Проект не только поддержал тысячи художников в годы экономического кризиса, но и заложил основу для послевоенного расцвета американского искусства. Именно в рамках FAP сложилась группа молодых нью-йоркских авторов, которые десятилетие спустя создали знаковые произведения XX века. Сам Ф. Рузвельт, вопреки критике, рассматривал искусство не как второстепенную потребность, а как необходимое условие восстановления веры граждан в основополагающую роль правительства в обеспечении экономических возможностей и достойных условий жизни. Работы художников, написанных в тот период времени в отличии от художников-романтиков, вызывали у людей интерес к развитию технической сферы, чего не было ранее вообще.[6]

Федеральный художественный проект остаётся примером того, как культурная политика может служить инструментом формирования национального нарратива, совмещая решение социальных задач с созданием долговременного художественного наследия.

---

[1]*Harris, Jonathan.* Federal Art and National Culture: The Politics of Identity in New Deal America. Cambridge University Press. – 1995 – 126 с.

[2]*Musher, Sharon Ann.* Democratic Art: The New Deal Influence on American Culture. URL: https://www.academia.edu/26230605/Review_of_Democratic_Art_The_New_Deal_Influence_on_American_Culture (Дата обращения: 01.04.2026 года).

[3]*Кузнецова Т.Ф.* Уткин А.И. История американской культуры. URL: file:///C:/Users/BD18~1/AppData/Local/Temp/Rar$DIa7872.26169/Utkin_Istoriya-amerikanskoy-kultury.ugbo1Q.474757.fb2 (Дата обращения: 10.04.2026 года).

[4]*O'Connor, Francis V.* Art for the Millions: Essays from the 1930s by Artists and Administrators of the WPA Federal Art Project. New York Graphic Society. – 1973 – 260 с.

[5]*McKinzie, Richard D.* The New Deal for Artists. Princeton University Press. – 1973 – 54 с.

[6]*O'Connor, Francis V.* Art for the Millions: Essays from the 1930s by Artists and Administrators of the WPA Federal Art Project. New York Graphic Society. – 1973 – 192 с.

THE FEDERAL ART PROJECT AS A TOOL FOR FORMING A NATIONAL NARRATIVE IN THE ERA OF F.D. RUSSELL

I.A. Kazakov
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

The article examines the activities of the Federal Art Project (FAP), which was implemented in the United States during the Great Depression (1935–1943) as part of F. D. Roosevelt's New Deal. The author analyzes the concept of the program, which for the first time in American history combined the tasks of employing cultural figures with the mission of creating a national cultural narrative. The article explores the methods of government support for the arts, the role of regional art centers, and the mechanisms for involving ordinary citizens in the creative process. Special attention is paid to the internal contradictions of the project, which were associated with criticism from conservative circles and disputes about the aesthetic value of the works. In conclusion, it is emphasized that despite the project's closure during the Second World War, the FAP laid the institutional foundations for the development of American art and art infrastructure in the post-war period.

Key words: Great Depression, New Deal, FDR, Federal Art Project (FAP), state cultural policy, national identity, regionalism in art.

УДК 94(474)

ОЦЕНКА ПРИЧИН И СУЩНОСТИ ПОЛИТИКИ РУСОФОБИИ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ В КОНЦЕ 1990-Х ГОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.В. Пуляев
Н. рук. – к. и. н., доцент Е.Ю. Прокофьева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
andre.pulyae@yandex.ru

Проблема русофобии в странах Прибалтики привлекает пристальное внимание российских историков на протяжении последних трех десятилетий. Особый интерес представляет период конца 1990-х годов, когда после первого постсоветского десятилетия произошла окончательная институционализация национальных государств Прибалтики, а антироссийская риторика и практические меры в отношении русскоязычного населения приобрели системный характер. Современная российская историческая литература предлагает различные интерпретации причин и сущности этих процессов.

Исходя из этого мы можем выделить несколько ключевых подходов к объяснению причин русофобии в странах Прибалтики.

Первый подход связан с трактовкой русофобии как инструмента национального государственного строительства. Как отмечает ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ В. Титов, в Латвии и Эстонии «этнические русские были выброшены на обочину политической, да и социально-экономической жизни», причем если в Литве с ее «нулевым» вариантом гражданства это происходило мягче, то в Эстонии и Латвии — «жестко и нарочито унизительно, без каких-либо сантиментов»[1].

Исследователи подчеркивают, что формирование новой национальной идентичности в Прибалтике строилось на противопоставлении «советскому/российскому» как «чужому» и враждебному.

Второй подход акцентирует внимание на исторической политике памяти. Российские историки указывают на то, что уже в 1990-е годы в странах Балтии сложилась устойчивая система интерпретации советского периода как «оккупации». Ключевым событием стала Декларация Сейма Латвии «Об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г., где прямо утверждалось, что «все время оккупации СССР целенаправленно осуществлял

[1] *Титов В.* Латвия: война с прошлым во имя…ненависти [Электронный ресурс]. – URL: http://www.prisp.ru/analitics/11175-titov-latviya-voyna-s-proshlym-2508 (дата обращения: 04.03.2026).

геноцид против народа Латвии»[1]. В российской историографии эта концепция подвергается последовательной критике как не соответствующая историческим фактам и носящая политически ангажированный характер.

Третий подход связан с анализом внешнего фактора. Исследователи Института стран СНГ обращают внимание на то, что работа по превращению Прибалтики во «врага СССР и России велась несколько десятилетий и началась сразу после войны»[2]. С этой точки зрения, русофобия конца 1990-х стала закономерным итогом длительной идеологической обработки, поддерживаемой западными спецслужбами и прибалтийской эмиграцией.

Анализ современной российской исторической литературы позволяет выделить несколько ключевых аспектов в понимании сущности русофобской политики прибалтийских государств конца 1990-х годов, как системное явление, имеющее государственный характер и затрагивающее все сферы жизни русскоязычного населения:

- *Государственный характер политики дискриминации.* Российские историки подчеркивают, что русофобия в странах Прибалтики носила не спонтанный, а институционализированный характер. Дискриминация русских стала непременным атрибутом национального самоутверждения на постсоветском пространстве, особенно в прибалтийских странах. Речь идет именно о государственной политике, закрепленной в законодательстве и реализуемой через систему институтов власти. Ущемление гражданских прав местных русских в законодательном порядке составляло специфику прибалтийского региона, отличая его от других постсоветских государств. Это означало, что русскоязычное население столкнулось не с отдельными проявлениями бытовой ксенофобии, а с системной политикой, проводимой государственными органами.

- *Институт «неграждан» как ядро дискриминационной системы*. Центральным элементом русофобской политики российские историки единодушно признают создание института «неграждан» в Латвии и Эстонии. Как отмечается в аналитических материалах, как вопиющее нарушение основополагающих прав человека в Прибалтике сохраняется по сей день, а существование неграждан является одной из главных скреп этой идеологии. Исследователи подробно анализируют механизм создания этой категории населения. В соответствии с принятыми в 1991–1992 годах законами о гражданстве, эстонские и латвийские власти отталкивались от официальной трактовки советского периода как «оккупации». В российской историографии подчеркивается, что положение «неграждан» фактически превращало их в самых настоящих экономических и политических рабов. Они не имели права находиться на государственной службе; в отношении них действовали ограничения на приобретение собственности и занятие предпринимательством. В Латвии неграждане не имели права голоса на муниципальных выборах, а в Эстонии они хотя и могли участвовать в выборах самоуправлений, но не имели права быть избранными[3].

- *Языковая политика как инструмент ассимиляции и вытеснения*. Важнейшей составляющей русофобской политики, по оценке российских исследователей, стала языковая политика прибалтийских государств. На официальном уровне русский язык рассматривался как наследие «советской оккупации», что обосновывало необходимость его изъятия из публичного употребления. В 1991 году русский язык был лишен статуса государственного, несмотря на то что в некоторых регионах Эстонии и Латвии русскоязычные составляли подавляющее большинство населения. Исследователи обращают внимание на введение в средних школах Эстонии и Латвии правила, согласно которому уроки должны вестись в пропорции «60 на 40»: 60% предметов на

---

[1] *Титов В.* Латвия: война с прошлым во имя…ненависти [Электронный ресурс]. – URL: http://www.prisp.ru/analitics/11175-titov-latviya-voyna-s-proshlym-2508 (дата обращения: 04.03.2026).

[2] *Шишкин И.* Страх и ненависть в Прибалтике // Институт стран СНГ. 2022. 1 декабря [Электронный ресурс]. URL: https://i-sng.ru/publikacii/strakh-i-nenavist-v-pribaltike-kod-dos/ (дата обращения: 04.03.2026).

[3] *Майорова А.* Идейная русофобия: за что поразили в правах русских Прибалтики – RuBaltic.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20210724-ideynaya-rusofobiya-za-chto-porazili-v-pravakh-russkikh-pribaltiki/ (дата обращения: 04.03.2026).

государственном языке и 40% — на языке национального меньшинства. Высшие учебные заведения полностью переводились на национальные языки. В российской историографии такая политика оценивается как принуждение русскоязычных к ассимиляции с потерей своих национальных черт — в первую очередь языка. Подчеркивается, что местные власти вместо реальной интеграции этнических меньшинств, характерной для демократических стран, избрали путь ассимиляции[1].

- *Историческая политика и формирование образа врага*. Российские исследователи уделяют значительное внимание тому, как прибалтийские государства использовали историческую политику для обоснования и усиления русофобского курса. Националистическая пропаганда, как отмечается в научной литературе, оправдывает дискриминацию русских, представляя их как «некоренных» жителей, «оккупантов», «понаехавших» в Прибалтику после 1940 года. При этом создается миф о странах Балтии в первый период независимости (1918-1940 гг.) как о якобы моноэтничных. Российские историки опровергают этот миф, указывая, что этнически однородным население стран Балтии не было никогда. Они приводят данные о проживании в регионе немцев, шведов, поляков, евреев на протяжении столетий, а также показывают длительную историю формирования русской диаспоры, восходящую к XVIII веку. В рамках этой политики происходила героизация коллаборационистов Второй мировой войны, проводились регулярные парады чудом уцелевших эсэсовцев. Памятники советским воинам подвергались осквернению или сносу, что в российской историографии оценивается как глумление над памятью освободителей от нацизма.

- *Социально-экономическая дискриминация*. Российские исследователи обращают внимание на то, что русофобская политика имела и отчетливое социально-экономическое измерение. Как отмечает В.И. Мусаев, «дискриминация русскоязычного меньшинства в Прибалтийских государствах... стала одним из основных препятствий на пути нормализации отношений Российской Федерации с этими государствами» [2]. Помимо прямых ограничений в доступе к определенным профессиям и должностям, русскоязычное население сталкивалось с проблемами при приватизации, приобретении недвижимости, ведении бизнеса.

- *Эволюция оценок в российской историографии*. В российской исторической науке прослеживается эволюция в оценках сущности прибалтийской русофобии. Исследователи отмечают, что в 1990-е годы Россия фактически не оспаривала концепцию «восстановленной независимости» прибалтийских республик, и в сложившемся тяжёлом положении русских в странах Балтии есть вина и России. Отсутствие последовательной стратегии защиты прав соотечественников со стороны российского правительства в 1990-е годы признается фактором, способствовавшим углублению дискриминации.

Таким образом, в современной российской историографии сущность политики русофобии в странах Прибалтики в конце 1990-х годов оценивается как комплексное, институционализированное явление, включающее дискриминационное законодательство в сфере гражданства и языка, политику исторической памяти, формирующую образ врага, и социально-экономическое неравенство, закрепленное на государственном уровне.

Исходя из этого, анализ современной российской исторической литературы показывает, что оценка причин и сущности политики русофобии в странах Прибалтики в конце 1990-х годов носит в отечественной науке комплексный характер. Исследователи рассматривают это явление как результат взаимодействия внутренних (национальное

[1] *Синенко А*. Злобные нахлебники. Откуда берется русофобия в Прибалтике // Минская правда. 2023. 10 июля. [Электронный ресурс]. URL: https://mlyn.by/10072023/zlobnye-nahlebniki-otkuda-beretsya-rusofobiya-v-pribaltike/ (дата обращения: 04.03.2026).

[2] *Майорова А.* Идейная русофобия: за что поразили в правах русских Прибалтики – RuBaltic.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20210724-ideynaya-rusofobiya-za-chto-porazili-v-pravakh-russkikh-pribaltiki/ (дата обращения: 04.03.2026).

строительство, политика памяти) и внешних (геополитическое противостояние, влияние западных структур) факторов.

Дальнейшее изучение темы требует углубленной работы с архивными материалами, сравнительного анализа законодательства и политических практик трех прибалтийских государств, а также более детального исследования роли конкретных политических сил и личностей в формировании русофобского курса.

A COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF THE CAUSES AND ESSENCE OF THE POLICY OF RUSSOPHOBIA IN THE BALTIC STATES IN THE LATE 1990S IN MODERN RUSSIAN HISTORICAL LITERATURE

A.V. Pulyaev
Belgorod State National Research University

The article analyzes the approaches of modern Russian historiography to assessing the causes and essence of the policy of Russophobia in Latvia, Lithuania and Estonia in the late 1990s. The main concepts that have developed in historical science are considered: the interpretation of Russophobia as an instrument of state building, as a consequence of the historical politics of memory and as a result of external influence. The general and special features in the assessments of Russian researchers are revealed, debatable issues and prospects for further study of the topic are identified.

Key words: historiography, Baltic states, Russophobia, Russian historical science, 1990s, memory policy.

УДК 94

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ КАК УЧАСТНИК В ВОЙНЕ В ИРАКЕ 2003 ГОДА

Ю.С. Саленик
Н. рук. – к. и. н., Ю.Ю. Комлякова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1622447@bsuedu.ru

Одним из важных событий Тони Блэра на посту премьер-министра стало вовлечение Великобритании в вооружённую интервенцию в Ирак в 2003 году. Этот конфликт стал поворотным моментом не только для внешней политики Соединенного Королевства, но и для всего мирового сообщества, поставив под вопрос легитимность превентивных военных действий в мире. Решение Великобритании присоединиться к коалиционным силам без явной санкции Совета Безопасности ООН вызвало раскол как внутри самой Европы, так и в британском обществе, что привело к самым масштабным антивоенным протестам в истории страны.

Проверкой для внешнеполитического курса «новых лейбористов», или, если быть точным, курса Тони Блэра, стал иракский кризис. И причем можно утверждать, что первой серьезной проверки эта политика не выдержала. Во многом не по вине британского премьер-министра, а жестких на тот момент позиций США и Франции[1]. Здесь можно проследить тот факт что, Тони Блэр выступал как главный идеолог и верный союзник Джорджа Буша. Их политический альянс, получивший название «особых отношений», достиг апогея именно в иракский период. Блэр искренне верил в необходимость распространения демократических ценностей, однако многие критики утверждают, что он действовал исходя из стремления сохранить влияние на Вашингтон, опасаясь, что без британской поддержки США начнут игнорировать мнение Европы. После 2001-го года Соединённые Штаты Америки вели активную борьбу с терроризмом и на тот момент Великобритания, которая стремилась стать мостом между Европой и США как главный союзник Буша против Ирака, обвинив Саддама Хусейна в наличии оружия

[1] Война в Ираке: внешняя политика Великобритании и последствия войны для соединенного королевства (Аналитический разбор) // Иракский кризис и его последствия. – 2004. – № 2004. – С. 59-83.

массового уничтожения и связях с терроризмом. Именно досье по ОМУ (оружию массового уничтожения), обнародованное британским правительством, стало ключевым триггером для начала военной кампании. Блэр лично настаивал на формулировках, утверждающих, что иракский режим способен применить химическое или биологическое оружие в течение 45 минут, что впоследствии вызвало громкий скандал и обвинения в манипуляции разведданными.

В итоге никакого оружия массового уничтожения не было найдено, данная ситуация очень негативно повлияла на политику Тони Блэра. Премьер-министр Тони Блэр от Великобритании выступал как верный союзник Джорджа Буша вместе с другими странами, он вложил все свои силы в обоснование войны. Его аргументы основывались на том, что у Ирака точно есть оружие массового уничтожения и они должны были спасти иракских граждан.

Монархия в этот же момент во главе королевы Елизаветы II и находилась выше политики как и предписывает королевский протокол. Таким образом, хоть и негодование и направлялось на политику лейбористов, корона же оставалась незапятнанной.

Таким образом, действия Елизаветы II и Тони Блэра наглядно продемонстрировали гибкость и устойчивость британской конституционной модели. Участие в войне в Ираке могло бы очень сильно ударить по имиджу Великобритании, но благодаря сдержанности британской монархии есть удалось остаться в строю. В итоге правительство приняло удар на себя, но монархия вышла более моральной сильной, чем прежде.

THE UNITED KINGDOM AS A PARTICIPANT IN THE 2003 IRAQ WAR

Y.S. Salenik
Belgorod State National Research University

The article analyzes Elizabeth II, who embodied continuity, and Tony Blair, who symbolized modernization the Iraq War. The article explores the potential of a constitutional monarchy that can adapt to public sentiment. At the same time, the institution of the Crown served as a restraining factor for radical political impulses. This balance proved vital for maintaining national unity during a period of profound transformations.

Key words: Iraq, Tony Blair, political crisis, war.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ

УДК 372.893

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ЭПОХИ АЛЕКСАНДРА I В ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О.А. Александров
Н. рук. – канд. ист. наук, доц. И.В. Истомина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
oleg_aleksandrov_143@mail.ru

Современный школьный учебник истории призван не только излагать факты, но и формировать у учащихся понимание причинно-следственных связей и неоднозначности ключевых проблем прошлого. Как отмечается в Историко-культурном стандарте (ИКС), патриотическое воспитание должно сочетаться «с одновременным пониманием, что в историческом прошлом России были и огромные достижения и успехи, но также и ошибки и просчеты»[1]. Одной из таких ключевых и дискуссионных проблем остаётся крестьянский вопрос.

Анализ двух учебников – «История России» для 9 класса под редакцией А.В. Торкунова (2023 г.) и «История России. XVIII – начало XIX в.» для 8 класса под редакцией В.Р. Мединского и А.В. Торкунова (2025 г.) – позволяет увидеть как общие подходы, так и содержательные различия в освещении крестьянской политики Александра I.

Оба учебника начинают с констатации остроты крестьянского вопроса. В учебнике Торкунова подчёркивается, что сохранение крепостничества было главной причиной экономического отставания: «подневольный гнёт вёл к упадку и разорению многих крестьянских хозяйств», а «основной причиной торможения развития страны был подневольный, лишённый материальных стимулов труд крепостных»[2]. Учебник Мединского задаёт масштаб через количественные данные: к началу XIX века в России проживало 37,4 млн человек, «большая часть из которых обитала в сёлах и деревнях»[3].

Существенное внимание уделено формированию взглядов Александра I. Учебник Мединского подчёркивает, что молодой монарх «с брезгливостью относился к крепостному праву, грубому деспотизму, лести придворных»[4] и собирался «уничтожить в России крепостничество и даровать стране умеренную конституцию»[5], связывая воедино социальную и политическую линии реформаторства.

Оба учебника фиксируют первые меры 1801 года: запрет на раздачу государственных крестьян в частные руки и разрешение купцам, мещанам и государственным крестьянам покупать ненаселённую землю, что «впервые» подрывало монополию дворянства на земельную собственность.

Ключевое место отводится указу о «вольных хлебопашцах» 1803 года. Учебник Торкунова называет его «одним из самых важных решений»[6], учебник Мединского –

---

[1] Историко-культурный стандарт: рабочая группа по подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории [Электронный ресурс]. – URL: https://seversk89.gosuslugi.ru/netcat_files/33/46/koncepcija_umk_po_otechestvenoj_istorii.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

[2] *Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Левандовский А.А. и др.* История России: 9-й класс: учебник: в 2 ч. / под ред. А.В. Торкунова. – М., 2023. – Ч. 1. – С. 13.

[3] *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* История. История России, XVIII – начало XIX в.: 8-й класс: учебник. – М., 2025. – С. 301.

[4] Там же.

[5] *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* Указ. соч. – С. 301.

[6] *Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Левандовский А.А. и др.* Указ. соч. – С. 18.

«ключевым законодательным актом»[1]. Оба приводят статистику: за 25 лет освобождено лишь 47 тыс. крестьян – «меньше 0,5 % от общего числа крепостных»[2] или «менее 1 %»[3]. Причина названа предельно ясно: «большинство помещиков не помышляли о раздаче своей собственности»[4].

Однако учебник Мединского идёт дальше, раскрывая логику политического зондажа: члены Негласного комитета «не надеялись на то, что помещики бросятся наперегонки отпускать крепостных на волю», им было важно «выяснить реакцию дворян», которая «оказалась резко отрицательной, наглядно показав, что отмена крепостничества является делом трудным и из-за возможного мощного протеста дворянства может стать даже опасным для верховной власти»[5].

Учебник Мединского специально останавливается на логике рассуждений «молодых друзей» Александра. Члены Негласного комитета «понимали, что одно с другим тесно связано: отнимая у дворянства его главную привилегию (владение крепостными крестьянами), монарх должен был поделиться с ними частью собственной власти»[6]. Это раскрывает ключевой механизм политического торга, стоявшего за реформами: крестьянский и конституционный вопросы были неразрывно спаяны.

Учебник Торкунова фиксирует реформу 1804 года (в Лифляндии) как «первый шаг к отмене крепостного права»: крестьян признали наследственными владельцами участков, а Александр I полагал, что преобразования должны «показать пример всей России»[7].

Учебник Мединского акцентирует реформы 1816–1819 годов, когда крепостное право в Прибалтике (Эстляндии, Курляндии, Лифляндии) было отменено окончательно, но с критическим замечанием: «Не получив ни клочка пашенной земли, прибалтийские крестьяне теперь были вынуждены арендовать её у своих прежних хозяев, т. е. личная свобода никак не улучшила их экономическое положение»[8].

В учебнике Торкунова подробно разбирается трёхсословная структура Сперанского: дворянство, «среднее состояние» (купцы, мещане, государственные крестьяне) и «народ рабочий» (крепостные крестьяне)[9]. Сообщается, что «конечную цель реформатор видел в ограничении самодержавной власти царя и ликвидации крепостного права»[10].

Учебник Мединского включает уникальный материал о проектах 1818 года. Именно проект Аракчеева, который обычно воспринимается как реакционер, назван «наиболее интересным»: он «предусматривал постепенный выкуп помещичьих крестьян в казну»[11]. Однако проект положили «под сукно»: во-первых, выкуп мог не выдержать государственный бюджет, а во-вторых, освобождение растянулось бы «более чем на 100 лет»[12].

В учебнике Торкунова ключевая причина неудач в области разрешения крестьянского вопроса – противоречивость замысла: «сочетать либеральные реформы с сохранением основ существующего строя: конституцию – с самодержавием, освобождение крестьян – с интересами большинства дворян»[13].

Учебник Мединского дополняет это консерватизмом дворянства: «конституционный строй давно и прочно ассоциировался у русского дворянства с господством нескольких

---

[1] *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* Указ. соч. – С. 304.
[2] *Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Левандовский А.А. и др.* Указ. соч. – С. 18.
[3] *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* Указ. соч. – С. 304.
[4] *Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Левандовский А.А. и др.* Указ. соч. – С. 18.
[5] *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* Указ. соч. – С. 304.
[6] Там же. – С. 303.
[7] *Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Левандовский А.А. и др.* Указ. соч. – С. 18.
[8] *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* Указ. соч. – С. 340.
[9] *Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Левандовский А.А. и др*. Указ. соч. – С. 19.
[10] Там же.
[11] *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* Указ. соч. – С. 341.
[12] Там же.
[13] *Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Левандовский А.А. и др.* Указ. соч. – С. 45.

аристократических родов», а понятия «конституция» и «смута» приобрели «значение синонимов»[1]. Кроме того, Александр «хорошо помнил, что глухое сопротивление дворянства легко может перерасти в открытое противостояние монарху, которое чревато новым дворцовым переворотом»[2].

Историко-культурный стандарт прямо указывает, что одним из «трудных вопросов» истории является оценка внутренней политики Александра I, и оба учебника дают сбалансированную оценку, признавая как прогрессивность намерений, так и половинчатость результатов[3]. Оба учебника сходятся в главном выводе, который закреплён и в Федеральной рабочей программе 2025 года: меры Александра I не привели к системному решению крестьянского вопроса из-за консервативной позиции большинства дворянства и самого императора после 1815 года[4].

Учебник Торкунова также предлагает школьникам самостоятельно проанализировать указ 1803 года: «описать процедуру освобождения крестьян и те трудности, с которыми должен был столкнуться помещик»[5], а также задуматься о последствиях проекта Сперанского[6]. Учебник Мединского почти не содержит заданий, направленных на самостоятельную работу с источниками.

В соответствии с Федеральной рабочей программой, изучение данной темы направлено на достижение следующих предметных результатов[7]:

1. Знание хронологии: называние дат ключевых событий (20 февраля 1803 г., 1816–1819 гг.) и установление синхронности с процессами в Европе.

2. Работа с фактами: характеристика места, обстоятельств, участников и результатов реформ; систематизация мер по смягчению крепостного права в табличной форме.

3. Анализ источников: извлечение информации из указа о «вольных хлебопашцах»; различение в текстах фактов и интерпретаций.

4. Историческое описание: составление характеристики (исторического портрета) Александра I, М.М. Сперанского, А.А. Аракчеева.

5. Объяснение причин и следствий: раскрытие причин, по которым проекты реформ не были реализованы, и объяснение связи нерешённости крестьянского вопроса с движением декабристов.

В заключение отметим, что перед нами два разных подхода: аналитико-проблемный (в УМК под редакцией В.Р. Мединского) и фактолого-методический (в УМК под редакцией А.В. Торкунова). Школьный учебник – лишь ядро учебно-методического комплекса; в полный комплект входят также рабочие тетради. Анализ последних показывает: в УМК Торкунова тетрадь содержит хронологические упражнения и задания с историческими источниками, усиливая методическую составляющую. Оба варианта УМК позволяют достичь предметных результатов, но разными средствами: через детальную методическую проработку (Торкунов) или через погружение в логику исторического анализа (Мединский).

Оба учебника предлагают сбалансированное изложение крестьянской политики Александра I, что соответствует ключевой установке ИКС на сочетание патриотического

---

[1] *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* Указ. соч. – С. 344.

[2] Там же.

[3] Историко-культурный стандарт: рабочая группа по подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории [Электронный ресурс]. – URL: https://seversk89.gosuslugi.ru/netcat_files/33/46/koncepcija_umk_po_otechestvenoj_istorii.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

[4] Раздел «Политика правительства Александра I» [Электронный ресурс] // Федеральная рабочая программа по истории (5-9 классы). – URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/istoriya_5-9_ooo_2025.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

[5] *Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Левандовский А.А. и др.* Указ. соч. – С. 21.

[6] Там же. – С. 20.

[7] Планируемые результаты. Предметные результаты (8–9 классы) [Электронный ресурс] // Федеральная рабочая программа по истории (5–9 классы). – URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/istoriya_5-9_ooo_2025.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

воспитания с честным анализом ошибок прошлого[1]. Количественные данные (47 тыс. освобождённых) работают на создание объёмной картины прошлого.

Учебник Мединского отличается большей аналитической глубиной: он объясняет логику политического зондажа, связь крестьянского и конституционного вопросов, включает критическую оценку прибалтийских реформ и уникальный материал о проекте Аракчеева, разрушая стереотипное восприятие этого государственного деятеля. Учебник Торкунова ценен за счёт развёрнутого методического аппарата, формирующего навыки самостоятельного анализа источников, и более подробного освещения проекта Сперанского.

THE PEASANT QUESTION OF THE ERA OF ALEXANDER I IN THE SPACE OF SCHOOL HISTORICAL EDUCATION

O.A. Aleksandrov
Belgorod State National Research University

The article examines how the peasant question of the reign of Alexander I is presented in modern Russian school textbooks. An analysis of the two textbooks (edited by Torkunov and Medinsky) shows that both give a balanced assessment, recognizing the liberal intentions of the tsar and the inability to abolish serfdom due to the resistance of the nobility. Medinsky's textbook contains deeper analytical material, including the political logic behind the reforms and the relationship between peasant and constitutional issues. Torkunov's textbook has a more developed methodological apparatus that helps students develop the skills of independent analysis of sources.

Key words: Alexander I, peasant question, serfdom, historical education.

[1] Историко-культурный стандарт: рабочая группа по подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории [Электронный ресурс]. – URL: https://seversk89.gosuslugi.ru/netcat_files/33/46/koncepcija_umk_po_otechestvenoj_istorii.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

Раздел 2. ФИЛОЛОГИЯ
ДИСКУРСИВНЫЕ УСЛОВИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИЧЕСКОЙ АУРЫ СЛОВА

УДК 811

ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ТЕКСТА КАК КЛЮЧ К ПОСТИЖЕНИЮ ЦЕННОСТНЫХ СМЫСЛОВ

О.Г. Абент
Н. рук. – к. филол. н., доцент Г.Ю. Мальцева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
oksana3622@rambler.ru

Функциональная грамотность ребенка связана с умением понимать себя и другого, интерпретировать письменные и устные высказывания «с учетом их социального, политического и культурного контекста». Доктор филологических наук Нина Сергеевна Болотнова понимает под интерпретацией «деятельность, основанную на способности языковой личности, воспринимая текст, адекватно определять авторский замысел, интенции создателя с учетом контекста коммуникации, извлекать ценностные смыслы, воплощенные в системе текста»[1].

Определение ценностных смыслов как важнейшее условие понимания текста определяется аксиологическим подходом. А.Д. Дейкина на первое место ставила ценностное отношение к предмету, эмоциональное «чувствование» текстового смысла. По словам О.Н. Левушкиной, в трудах известного методиста отражена «концепция *аксиологического текстоцентризма*, связанная с осмыслением ключевой роли текста в личностно ориентированном и культуроориентированном процессе обучения русскому языку»[2]. Такой подход к обучению языку предполагает ориентироваться на текст и на его основе формировать компетенции.

Важную роль в понимании ценностных смыслов художественного текста играет лексический уровень. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «лишь в общей системе словесной организации и в приемах «изображения проступает внешне скрытый лик писателя».[3] Определяя уровни постижения текста, Ю.Н. Караулов нулевым считал вербально-семантический, где «в качестве единиц фигурируют отдельные слова, отношения между ними охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, совокупность которых суммируется единой «вербальной сетью».[4]

Анализируя лексический уровень, следует в первую очередь обратиться к ключевым словам, то есть связанным с темой и идеей произведения, определяющихся в пространстве текста как лексический повтор, однокоренным словам, словам, ассоциативно связанным с темой и проблематикой художественного текста. Кроме того, немаловажную роль играют сильные текстовые позиции: начало и конец текста, заглавие.

По концепции С. Кржижановского, заглавие рассматривается в трех ипостасях: до текста (то есть до знакомства с текстом), во время чтения текста и после текста[5]. Особую роль такого осмысления лексемы/лексем, находящихся в заглавии, можно рассмотреть на

---

[1] *Болотнова Н.С.* Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н.С. Болот нова. — 4 е изд. — М. : Флинта : Наука, 2009. — 520 с. – С. 47.
[2] *Левушкина О.Н.* Концепция аксиологического текстоцентризма в методических трудах А.Д. Дейкиной / А.Д. Дейкина // Русский язык в школе. – 2019. – №1 – С. 10-15.
[3] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Книжный дом «ЛЛИБРОКОМ», 2017. – С. 31.
[4] Там же, С. 52.
[5] *Кржижановский С.* Поэтика заглавий / С. Кржижановский. – М.: Никитинские субботники, 1931. – 34 с.

примере рассказа А. Грина «Победитель». Дотекстовое восприятие заглавия связано с его лексическим значением: «тот, кто победил, одержал победу»[1]. Приведенные в словарях примеры употребления слова в контексте показывают, что оно сочетается с существительными *состязание, конкурс, фестиваль, турнир* и т.д. Определение смысла лексемы в процессе чтения ведет читателя по тому же пути, так как канвой произведения является участие в конкурсе, желаемая победа главного героя, скульптора Геннисона, которая решит его финансовые проблемы. Однако резкая смена восприятия текстового значения лексемы «победитель» происходит в момент, когда герой совершает действие, определяющее его как человека. Читатель понимает, что победитель в данном случае не тот, кто выиграет соревнование, а тот, кто честен с самим собой, способен оценить гениальность другого, восторгаться без зависти красотой. Геннисон выражает эту оценку чужого таланта уничтожением своей скульптуры.

Важную роль играют и однокоренные слова, которые останавливают внимание читателя на тематических центрах повествования, позволяющих выйти на подтекстовый уровень. По мнению В.А. Кухаренко, повтор «следует отнести к лексико-синтаксическим выразительным средствам языка, занимающим промежуточное положение между лексическими и синтаксическими выразительными средствами»[2]. Этот стилистический прием усиливает экспрессию, маркирует скрытые смыслы, привлекает внимание читателя. Например, в рассказе В.В. Набокова «Рождество» слова с корнем –род-/-рожд- позволяют обратить пристальное внимание на трансформацию смысла заглавия. Сначала читатель думает, что рассказ будет посвящен празднику Рождества, однако по прочтении он должен прийти к выводу, что рассказ посвящен перерождению главного героя, который понимает, что смерти нет, наблюдая за рождением из кокона индийского шелкопряда.

Слова с корнем *–слеп-* также образуют смысловую доминанту произведения. Фамилия главного героя – Слепцов – говорящая, так как отца, потерявшего сына, ослепило горе. Кроме того, в тексте есть и другие слова с этим корнем: *слепительную глубь; слепо сиял*. Момент прозрения героя является ключевым и маркируется парадоксальным сочетанием слов: *Слепцов открыл глаза*. Таким образом, внимание к однокоренным словам позволяет определить глубинный смысл текста: отец понял, что душа мальчика бессмертна.

Следовательно, «корневой повтор – это средство анализа слова в системе его образно-понятийных связей и средство познания вещей в процессе их называния»[3].

На основе корневого повтора может основываться антонимия явлений. Этот прием наблюдается в поэзии Марины Цветаевой: «*Все* ***верности****, – но и в смертный бой* ***Неверующим*** *Фомой*»; «*Часы, года, века. – Ни нас, Ни ваших комнат.* ***И памятник****, накоренясь, Уже* ***не помнит****»; «****Жизнь не хочет жить****… но часто /* ***Смерть не хочет умереть****!*».

Таким образом, лексический уровень в рамках лингвистического анализа художественного текста определяет речевые маркеры, позволяющие раскрыть подтекстовую информацию, облегчает декодирование текста, позволяет автору передать субъективную информацию. Лексический повтор, в том числе и корневой, синонимия и антонимия лексических средств в словесной ткани художественного текста определяют стилистическую принадлежность, акцентируют внимание на смысловой стороне выделенных лексических единиц и ценностном содержании.

---

[1] Справочно-информационный портал «Грамота.Ру» // https://gramota.ru/meta/pobeditel (дата обращения: 10.04.2026).

[2] *Кухаренко, В.А.* Виды повторов и их стилистическое использование в произведениях Ч. Диккенса: Дисс... канд. филол. наук / В.А. Кухаренко. – М., 1955. – 223 с.– С. 127.

[3] *Зубова, Л.В.* Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект / Л.В. Зубова. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. – 262 с.

LEXICAL LEVEL OF THE TEXT AS A KEY TO UNDERSTANDING VALUE MEANINGS

O.G. Abent
Belgorod State National Research University

This article substantiates the role of the lexical level in determining the value content of a literary text. Drawing on the axiological approach to teaching developed by A.D. Deikina, the importance of culturally oriented language and literature instruction is emphasized. Axiological text-centrism allows for the understanding of the deep meanings of a literary text. Verbal-semantic analysis focuses on identifying Key words, strong textual positions, and lexical and root repetitions.

Key words: vocabulary, lexical level, artistic level, verbal-sematic level, value meanings.

УДК 811

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «КОСМЕТИКА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Беззубенко
Н. рук. – к. филол. н., доц. К.К. Ли
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1371345@bsu.edu.ru

Изучение системной организации лексики современного русского языка опирается на анализ парадигматических связей, которые объединяют языковые единицы в классы на основе сходства или противопоставления значений. Парадигматика в лексикологии рассматривает слова как совокупность элементов, существующих в сознании носителей языка вне линейного потока речи.

История систематического изучения лексических группировок восходит к трудам Г. Ипсена, который первым ввёл термин «семантическое поле» для обозначения совокупности слов, обладающих общим значением. В отечественном языкознании теория поля также имеет богатую традицию. Одним из первых лингвистов советского периода, заложившим основы описания грамматических полей, был В.Г. Адмони, выделявший в составе поля ядро, где имеет место максимальная концентрация признаков данного явления, и периферию, где частично представленные признаки имеют различную степень интенсивности[1]

Ядро лексико-семантического поля, как пишет О.Е. Потапова, характеризуется тем, что «элементы отдельного семантического поля связаны регулярными и системными отношениями, и, следовательно, все слова поля взаимно противопоставлены друг другу»[2]. Этим обеспечивается неизменность и универсальность ядерных значений, благодаря чему данные единицы сохраняют свою значимость в различных контекстах на протяжении длительного времени. Вокруг устойчивого центра формируются группы ключевых слов, отражающих общую идею поля. За пределами компактного ядра располагается периферия, объединяющая единицы, связь которых с центральным понятием менее очевидна, а частотность употребления существенно ниже.

В ядре находятся высокочастотные, стилистически нейтральные единицы. К ближней периферии относятся лексемы менее частотные. Дальнюю периферию образуют низкочастотные, многозначные единицы, принадлежащие к другим ЛСП и имеющие функциональную сему, зависящую от контекста. Дальняя и крайняя периферии лексико-семантического поля включают в себя единицы, семантические связи которых с центром носят абстрактный или опосредованный характер. Для этого уровня характерны многозначные слова, архаизмы, узкоспециализированные термины и сленговые

[1] *Адмони В. Г.* Основы теории грамматики / В. Г. Адмони. – Москва: Наука, 1964. – С. 49.

[2] *Потапова О. Е.* Комплексный подход к выделению лексико-семантического поля «море» / О. Е. Потапова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 3. – С. 139-145.

выражения. Лексемы дальней периферии часто обладают специфическим семантическим диапазоном и могут быть адекватно поняты только в узком контексте.

В современном русском языке лексико-семантическое поле «Косметика» обладает сложным внутренним устройством, интеграция элементов в котором базируется на пересечении денотативных, сигнификативных и прагматических признаков. Настоящий структурный анализ опирается на верифицированные эмпирические данные, извлеченные из трех репрезентативных подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а именно: основного корпуса, корпуса социальных сетей и корпуса центральных СМИ. Применение столь дифференцированного источниковедческого подхода продиктовано тем, что лексика исследуемого поля активно функционирует на стыке различных коммуникативных сред.

Если основной подкорпус позволяет зафиксировать кодифицированную языковую норму и традиционные наименования, то корпус центральных СМИ отражает коммерциализацию бьюти-сферы через призму рекламного и маркетингового дискурсов. В свою очередь, корпус социальных сетей фиксирует живую разговорную речь потребителей, бьюти-блогеров и специфический профессиональный жаргон визажистов и косметологов, что позволяет увидеть лексико-семантическое поле не в статичном состоянии, а в динамике его реального повседневного употребления.

Архисема всего исследуемого поля может быть сформулирована как ‘вещество, инструмент или действие, направленное на уход за внешним видом человека, поддержание гигиены или эстетическую модификацию облика’. На высшем уровне абстракции макроструктура поля разделяется на два генеральных макрокомпонента, формирующих автономные, но тесно взаимодействующие микрополя. Первым макрокомпонентом выступает микрополе уходовой косметики, объединенное категориальной архисемой ‘средства или действия для гигиены, очищения, увлажнения, питания и защиты кожи, волос или слизистых оболочек’. Вторым макрокомпонентом является микрополе декоративной косметики, которое объединяется архисемой ‘средства или действия для изменения, маскировки или подчеркивания элементов внешности’. Каждое из этих крупных микрополей обнаруживает собственную разветвленную сеть внутренних семантических узлов.

Общая структура поля организована по принципу «ядро — периферия». Распределение языковых единиц подчиняется нескольким критериям. К ядерной зоне относятся слова, принадлежащие к активномусловарному запасу носителей языка; их высокая частотность подтверждается данными трёх подкорпусов НКРЯ. Единицы ядра («мыло», «крем», «тушь», «румяна») стилистически нейтральны и понятны любому носителю языка. Факторами, приближающими лексему к ядру, являются многозначность, высокая деривационная активность (способность образовывать словообразовательные гнёзда), а также временной фактор — степень ассимиляции слова в языке.

Периферийные зоны поля, напротив, характеризуются снижением частотности, концептуальным сужением и меньшей словообразовательной самостоятельностью. Ближнюю периферию формируют лексемы типа «консилер», «хайлайтер» или «праймер» — они понятны активным потребителям косметической продукции, но требуют определенных пресуппозиций. Дальняя и крайняя периферия поля представлена единицами, граничащими с узкопрофессиональными терминосистемами и жаргонами, функционирующими преимущественно в специальной коммуникации экспертов. К этой группе относятся недавние заимствования и узкоспециализированные наименования вроде «каял», «плампер», «бустер» или «кушон», семантика которых жестко привязана к конкретной профессиональной манипуляции, а словообразовательный потенциал в русском языке еще не реализован.

Анализ эмпирического материала, извлечённого из трёх подкорпусов Национального корпуса русского языка, показал, что лексико-семантическое поле «Косметика» представляет собой сложную, открытую и динамично развивающуюся

систему. В ходе анализа было выявлено 108 лексических единиц, которые были распределены по четырём зонам полевой структуры. Ядро поля составили 40 высокочастотных и общеупотребительных слов, таких как «мыло» с 16866 фиксациями, «очищать» с 13002, «макияж» с 11191, «губная помада» с 6300 и «шампунь» с 5984. Ближняя периферия включает 28 единиц, которые также понятны большинству носителей языка, но имеют более узкую функциональную направленность, например, «консилер», «праймер», «гель для душа» и «молочко для тела». Дальнюю периферию формируют 25 лексем, среди которых новейшие заимствования, такие как «хайлайтер», «бронзер», «патчи», а также профессиональные термины. Наконец, крайняя периферия представлена 15 единицами — это архаизмы вроде «сурьмы» и «белил», а также узкоспециализированные неологизмы с минимальной частотностью, например, «альгинатная маска» и «тинт для губ». Такое распределение наглядно подтверждает полевую модель и показывает постепенный переход от устойчивого центра к подвижной периферии.

Макроструктура поля разделяется на два крупных микрополя: уходовая косметика и декоративная косметика. В XXI веке границы между ними становятся подвижными, появляются гибридные средства, совмещающие уходовые и декоративные свойства, например, «BB-крем» или «бальзам для губ». **Тематический подход** позволил выделить разветвлённые группы по функционально-анатомическому признаку: средства для лица, тела, волос, полости рта, а также средства для макияжа глаз, губ, бровей и ногтей.

Диахронический анализ выявил хронологическую неоднородность поля. Древнерусский пласт представлен исконными лексемами «мыло», «сурьма», «очищать». Петровская эпоха и XIX век принесли заимствования из французского и немецкого языков: «губная помада», «пудра», «одеколон», «шампунь». Советский период ознаменовался демократизацией косметического дискурса и активным распространением таких единиц, как «маникюр», «педикюр», «тушь для ресниц», «макияж». Современный этап характеризуется массированным притоком англицизмов, многие из которых находятся на периферии поля, однако некоторые, например, «патчи», уже переходят в активное употребление. Пополнение лексико-семантического поля осуществляется тремя основными путями: семантической деривацией, когда происходит метафорический перенос или специализация значения, словообразованием с использованием суффиксов, префиксов, словосложения и аббревиации, а также заимствованием из других языков. Гибридное словообразование, сочетающее иноязычные основы с русскими аффиксами, свидетельствует об освоении заимствованной лексики.

Динамика развития ЛСП «Косметика» в современном русском языке демонстрирует преобладание внешних факторов пополнения словарного состава, в частности, активного заимствования из английского языка (праймер, хайлайтер, филлер). Однако поле остается гибкой системой, способной к внутренней трансформации. Согласно теории В.Н. Денисенко, семантическое поле следует рассматривать не как статичную схему, а как функцию, зависящую от коммуникативных условий и когнитивных установок носителей языка[1]. Таким образом, комплексный анализ ЛСП «Косметика» позволяет не только систематизировать определенный пласт лексики, но и выявить общие закономерности адаптации профессиональных терминосистем в современном русском языке, отражая неразрывную связь лингвистических процессов с социокультурными изменениями.

THE LEXICAL AND SEMANTIC FIELD OF "COSMETICS" IN MODERN RUSSIAN

A.A. Bezzubenko
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the linguistic analysis of the lexical-semantic field (LSF) "Cosmetics" in the modern Russian language. Based on theoretical propositions regarding the systemic organization of

[1] *Денисенко В.Н.* Семантическое поле как функция // Филологические науки. – М.: РУДН, 2002. – № 4. – С. 44–53.

vocabulary, the hierarchical structure of the field is examined, and its core and peripheral components are identified. Special attention is paid to the analysis of the contextual functioning of cosmetic lexemes.

Key words: lexical-semantic field, paradigmatics, language system, cosmetics, semantic structure.

УДК 81.42

ЗНАЧИМОСТЬ АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА

Д.Д. Петрущенко
Н. рук. – д. филол. н., проф. Н.Ф. Алефиренко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
petruschenko@bsuedu.ru

Употребление фразеологизмов в речи является возможностью емкого выражения смыслов, а набор «типичных» устойчивых единиц в лексиконе человека индивидуализирует языковую личность. Фразеологизмы эксплицируют специфичные знания о мире, наполняя их культурными коннотациями. Следовательно, фразеологизмы могут служить маркерами идентификации личности, а их анализ может решать диагностические задачи судебного авторoведения. К числу подобных можно отнести следующие:

– определение эмоционального состояния автора текста в момент его написания. Например, «отрицательное эмоциональное состояние лица, высочайшую степень раздражения, нервозности номинируют фразеологизмы признака эмоционального отрицательного состояния – *нервы как оголенные провода* (*как оголенные провода нервы*) (у кого-либо); *на пределе; на нервах*[1]»;

– определение профессиональной принадлежности автора или его основного рода деятельности. Исторический взгляд позволяет увидеть следы ремесел на фразеологии. Рассмотрим идиому *точить лясы.* Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» под редакцией А.И. Федорова дается значение: «Пустословить, заниматься пустой болтовнёй[2]». Изначально же данное словосочетание значило создание узорных столбиков перил. Работа считалась легкой и веселой, потому что мастер мог совмещать полезное дело с приятными разговорами. На сегодняшний день ремесло осталось частью прошлого, но устойчивое сочетание живет в языке.

На этапе современного развития языка также существуют профессионально маркированные фразеологизмы, идентифицирующие род занятий человека: *говорящие имена* как художественный прием, при котором фамилия отражает значимую черту характера личности (сфера литературы), *падение редуцированных* как утрата сверхкратких гласных в фонетике славянских языков (сфера лингвистики), *висячая строка* как начальная или конечная строка абзаца в конце колонки (сфера типографии), *бреющий полет* как полет на высоте от пяти до пятидесяти метров, безопасный от столкновения с препятствиями (сфера военного дела);

– определение образовательного и культурного уровня. Например, фразеологизмы *сизифов труд* (тяжелая, бессмысленная, бесконечная работа) и *ящик Пандоры* (источник несчастий) используют в речи образованные люди, поскольку источником этих идиом является литература, а для понимания указанных фразеологических единиц необходимо знание предыстории;

---

[1] *Почиталкина Н.Е.* Фразеологизмы признаки-номинанты эмоционального отрицательного состояния лица с присоединением второго смысла – психического отрицательного состояния // Неофилология. – «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2020. – Том 6. – №21. – С. 31.

[2] Точить лясы [Электронный ресурс] // Фразеологический словарь русского литературного языка. Под ред. А.И. Федорова. – URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/fc/slovar-210-2.htm#zag-13228 (Дата обращения: 30.03.2026)

– определение половозрастных признаков. Фразеологизм *вертеться как белка в колесе* (постоянная занятость) не используется детьми и подростками, он характерен для работающих людей или мам в декретном отпуске. Если говорить о гендерной принадлежности, то стоит упомянуть исследование модальных фразеологизмов в речи мужчин и женщин Р.Ф. Абдуллаева. Так, «в женской речи было выявлено более частое употребление фразеологизмов *ей богу* со значением эмоционального клятвенного заверения и *слава Богу* со значением «к счастью, хорошо»[1]»;

– определение родного языка автора текста. Например, фразеологизм *не мое пиво* относится к немецкому языку и приравнивается к русской идиоме *не мое дело*.

Не только языковая личность рассматривается посредством анализа фразеологизмов. Лингвистическая экспертиза направлена на рассмотрение спорных текстов по разным категориям дел:

1. Дела о защите чести, достоинства и деловой репутации. Так, в новостном ресурсе «Судебный репортаж» 24 марта 2023 года была опубликована новость: «Судья по делу «Астана ЛРТ» наказала адвоката за использование фразеологизма в ее адрес[2]». Адвокат употребил фразеологизм *лезть из кожи вон* в контексте высказывания: «Вы *из шкуры вон лезете*, чтобы получить нужные ответы». Судья расценил высказывание как неуважение к суду, увидев в этом характеристику раболепия и заискивания.

2. Дела об оскорблении. В качестве примера рассмотрим безымянное решение по уголовному делу в архиве решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Суть дела такова: «Голубева Н.Л., проходя мимо потерпевшей, сказала в ее адрес: «Заплела свои косы, *как дура*, с такой причёской только дети приезжают с курорта, неряха». <ФИО1> в то время приехала с отдыха и носила прическу «африканские косички». Высказанными в адрес <ФИО1> словами «засранка» и фразой «*как дура*» подсудимая в неприличной форме унизила ее честь и достоинство»[3]. По данному делу была проведена лингвистическая экспертиза, в ходе которой эксперт пришел к мнению, что сравнение-фразеологизм *как дура* является оскорблением, выраженным в неприличной форме.

3. Дела о коррупции. Концепт «коррупция» репрезентируется в семантическом пространстве через фразеологизмы: *барашек в бумажке* (взятка), *в конверте* (неофициальное денежное вознаграждение), *нагреть руки* (нажиться на чем-либо). Идиомы выступают кодом для установки взаимопонимания между участниками коррупционного сговора.

4. Дела о ненадлежащей рекламе. Например, в рекламе лекарства «Колдрекс» используется слоган: «*Семь бед – один ответ*». Идиома означает, что некто, зная свои проступки, вновь идет на риск, готовясь ответить за все и сразу. В контексте рекламного текста мы понимаем, что ряд проблем решается одним средством, то есть ряд болезненных состояний (семь состояний) излечивается одним лекарственным препаратом. На официальном сайте бренда «Колдрекс» прописаны шесть состояний, которые облегчает продукт: (1) повышенная температура, (2) головная боль, (3) озноб, (4) боли в мышцах и суставах, (5) боль в пазухах носа и заложенность носа, (6) боль в горле. Следовательно, можно говорить о ненадлежащей рекламе в аспекте недостоверной информации.

5. Дела о защите прав на средства индивидуализации. На мой взгляд, фразеологизмы не могут быть частью интеллектуальной собственности, потому что являются достоянием всего народа. Но практика довольно неоднозначна. Компания «ARTPATENT» сообщает о

---

[1] *Абдуллаев* Р.Ф. Модальные фразеологизмы в речи мужчин и женщин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – №12(54). – С. 14.

[2] Столичного адвоката наказали за использование фразеологизмов [Электронный ресурс] // Судебный репортаж. – URL: https://sotreport.kz/report/strong-stolichnogo-advokata-nakazali-za-ispolzovanie-frazeologizmov-strong/ (Дата обращения: 28.03.2026)

[3] Решение по уголовному делу [Электронный ресурс] // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL: https://sudrf.cntd.ru/document/665796069 (Дата обращения: 29.03.2026)

случае отказа Роспатента в регистрации товарного знака «Хотеть не вредно», ссылаясь на отношение словесного обозначения к общепринятым фразеологизмам. Этот факт отражает отсутствие различительной способности и невозможность охраны. Компания смогла оспорить данное решение, указав на соответствие знака требованиям законодательства (в документах не указан запрет на использование ФЕ) и на предыдущую практику Роспатента: были зарегистрированы товарные знаки «Бабье лето», «Все или ничего», «Лебединая песня», хотя они тоже являются фразеологизмами.

6. Дела об экстремизме. В контексте данных дел могут использоваться фразеологизмы, например, *обострение ситуации* (ухудшение обстановки)*, разжигать вражду* (создавать конфликт), *объявлять джихад* (оправдывать или пропагандировать вооруженный конфликт под религиозным предлогом). Использование подобных выражений должно быть крайне нейтральным и сдержанным, поскольку это могут расценить как распространение радикальных идей.

Анализ фразеологизмов в судебной лингвистической экспертизе необходим для рассмотрения наличия или отсутствия смысловых компонентов во внутренней форме идиомы, исследования коннотации, изучения функционирования единицы в тексте с целью решения задач, поставленных перед экспертом. Обязанности эксперта прописаны в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности» от 31.05.2001 №73-ФЗ. Ответы на вопросы лица или органа, назначившего экспертизу, должны быть отражены в заключении эксперта, которое выступает одним из доказательств по делу.

THE IMPORTANCE OF PHRASEOLOGICAL UNITS ANALYSIS IN LINGUISTIC EXPERTISE OF TEXT

D.D. Petrushchenko
Belgorod State National Research University

Working with phraseological units is extremely important in the legal field. The understanding the author's intended meaning and maintaining the clarity of information is essential for fair legal proceedings. The prevalence of figurative phraseological units in court cases justifies the need for phraseological unit analysis in linguistic text analysis.

During the analysis of the object of examination, the specialist must solve the tasks set by the customer of the examination, remaining within the scope of his competence.

Key words: phraseological unit, linguistic examination of text, forensic science, authorship studies.

УДК 811.35

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ИДИОСТИЛЕВОЙ МАРКЕР В РАННИХ РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

А.А. Тарасова
Н. рук. – к. филол. н., доц. Д.А. Черемохина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
nastasya_tarasova_2002@mail.ru

Фразеология (от греч. *Phrasis*, род.п. *phraseos* – выражение и *logos* – слово, учение) – “1) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии; 2) совокупность фразеологизмов данного языка; 3) совокупность характерных способов выражения, присущих определенной социальной группе, отдельному автору или литературно-публицистическому направлению”[1].

[1] *Караулов Н.Ю.* Русский язык. Энциклопедия. – Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 608

Фразеология как раздел языкознания фокусируется на изучении категориальных признаков словосочетаний, обладающих признаком фразеологичности, которая проявляется в переосмыслении одного из компонентов и их узуальной воспроизводимости. Данные признаки помогают отличить фразеологизмы от индивидуально-авторских метафор, при сохранении устойчивости лексико-грамматического состава в рамках допустимой вариантности.

Понятие фразеологической единицы базируется на двух ключевых лингвистических признаках: структурно-семантической устойчивости и воспроизводимости.

Структурно-семантическая устойчивость подразумевает фиксированное соотношение смыслового содержания с его лексико-грамматическим способом выражения. Следствием этого выступает переосмысление всего сочетания или отдельных его компонентов. Изменение порядка слов или замена отдельных компонентов недопустимы и влекут за собой существенное изменение смысла выражения. Так, структурно-семантическая устойчивость фразеологической единицы способствует ее узнаваемости и закрепленности в языковой системе, что определяет активное функционирование в речи и литературном дискурсе.

Воспроизводимость подразумевает использование языковой единицы в рамках нормативно закрепленного диапазона вариантности ее лексико-синтаксического состава и грамматических видоизменений. В большинстве случаев, значения являются прямыми или переносными и связаны с культурно-историческим контекстом. Так, например, фразеологизм *«заговорить зубы»* функционирует как идиоматическое выражение, означающее ввести в заблуждение в многословные аргументами, поэтому его смысл не может быть полностью понятен при анализе отдельных лексем.

Таким образом, фразеологическая единица может быть определена как устойчивое лексическое сочетание, функционирующее в речи как единое семантическое целое. Ключевой характеристикой фразеологизмов является идиоматичность, заключающаяся в отсутствии прямой семантической деривации общего значения из значений составляющих его компонентов. Данное свойство проявляется в расхождении между буквальным прочтением выражения и его прагматическим значением в контексте, как, например, в случаях с фразеологизмами *«держать камень за пазухой*», выражающим скрытые недоброжелательные намерения и «*подать руку*» – обозначающим оказание помощи или поддержки.

Развитие основных подходов к классификации фразеологизмов в лингвистической науке обусловлено эволюцией теоретических концепций и методов анализа языковых единиц. Значительный вклад в разработку данной темы внесли работы В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, А.И. Смирницкого и других исследователей, каждый из которых предложил собственные критерии и принципы систематизации фразеологических единиц.

Первоначальную попытку систематизации фразеологических единиц, основанную на критерии степени семантической слитности, предпринял Шарль Балли. Его классификация базируется на степени устойчивости лексического состава. Так, выделяются фразеологические группы, характеризующиеся относительной свободной компонентного варьирования, и фразеологические единства, отличающиеся высокой степенью фиксации структуры. Однако данная классификация не получила дальнейшего детального развития[1].

Развивая идеи Шарля Балли, В.В. Виноградов предложил дифференцированную систему классификации фразеологизмом, включающую три типа: *сращения, единства и сочетания*. Данная классификация закрепилась в лингвистической науке. Она оказала существенное влияние на последующие исследования семантической структуры фразеологических единиц[2].

---

[1] *Балли Ш.* Французская стилистика. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1961 – 394 с.

[2] *Виноградов В.В*. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – Москва: Наука, 1977. – С. 130-185.

Н.Н. Амосова отмечала, что «концепция академика В.В. Виноградова – это особая ступень в развитии теории фразеологии, более высокая по сравнению с тем, что было сделано в русском языкознании до него. Основное ее значение заключается в том, что благодаря ей фразеологические единицы получили более обоснованное определение, именно как лексические комплексы с особым семантическим своеобразием»[1].

В результате анализа фразеологических единиц по степени семантической слитности (классификация В.В. Виноградова), мы выявили следующие группы:

1) Фразеологические сращения (идиомы) – значение сочетаний, которых не выводится из значений отдельных компонентов. Приведем несколько примеров: сращение *«Ах, боже мой! На все стороны!»* из рассказа «Толстый и тонкий» передает крайнюю степень удивления и восхищения Тонкого на Толстого. В данном случае фразеологическое сращение в тексте произведения создает комический эффект, показывая, как меняется человек при виде начальства.

Аналогичный пример из рассказа «Хамелеон», где фразеологическое сращение *«Я ему покажу кузькину мать!»* передает всплеск ярости и негодования персонажа, его готовность к открытому конфликту. В тексте это создает атмосферу напряженности и враждебности. Данное сращение служит кульминацией ссоры, тем самым показывая, что все границы перейдены.

2) Фразеологические единство – словосочетания, значение которого в той или иной степени мотивировано отдельными значениями составляющих их слов. В анализируемом раннем рассказе «Радость» фразеологическое единство *«На тебе лица нет!»* необходимо для описания глубокого стыда и унижения персонажа, его желание спрятаться от окружающих и избежать осуждения. Оно подчеркивает тяжесть совершенного поступка и его последствия.

Еще одним примером может послужить фразеологическое единство из рассказа «Жалобная книга» *«Милостивый государь! Проба пера?!».* Оно указывает на неопытность, стремление к самовыражению и начало творческого пути. В тексте используется для снижения значимости произведения, подчеркивая его черновой, незавершенный характер.

3) Фразеологические сочетания – словосочетания, в составе которых есть слова как со свободными, так и с фразеологически связанным значениям. Так, в рассказе «Лошадиная фамилия» фразеологическое сочетание *«Заговаривал зубы – первый сорт»* в тексте произведения подчеркивает исключительность, превосходство описываемого персонажа. Используется для создания положительного образа, выделяя героя из общей массы.

Приведем еще один пример фразеологического сочетания из этого же рассказа: *«Помню, фамилия лошадиная, а какая – из головы вышибло…».* В данном случае фразеологическое сочетание необходимо для описания состояния крайнего потрясения персонажа, его полную дезориентацию и неспособность адекватно реагировать на происходящее. В тексте подчеркивает внезапность и силу пережитого события, что создает комический эффект.

4) Фразеологические выражения, которые позднее дополнил Н.М. Шанский – фразы с переосмысленным содержанием. К ним относятся пословицы, крылатые слова и выражения, которые имеют прямой (а не иносказательный) смысл. Примером может послужить поговорка из рассказа «Унтер Пришибеев» *«Пришибеев, сморщенный унтер с колючим лицом, делает руки по швам и отвечает хриплым, придушенным голосом…».* Данное коммуникативная фразеологическая единица описывает состояние полной покорности, безволия или страха, употребляется в ограниченных контекстах и представляет собой поговорку. В ее семантике подчеркивается иерархия и власть,

[1] *Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1963 – 208 с.

демонстрируя подчиненное положение персонажей. В тексте создает атмосферу напряжения, ожидания и используется для описания реакции на авторитетную фигуру.

Таким образом, анализ использования фразеологических единиц в ранних художественных текстах А.П. Чехова, проведенный на основе классификации В.В. Виноградова, позволил выявить доминантные элементы по семантической слитности. Доминанты позволяют говорить об индивидуально-авторском стиле, так как он формируется за счет уникальности способов языкового выражения.

PHRASEOLOGICAL UNITS AS AN IDIOSTYLE MARKER IN THE EARLY STORIES BY A.P. CHEKHOV

A.A. Tarasova
Belgorod State National Research University

The article explores the role of phraseological units as an idiostyle marker in the early stories by A.P. Chekhov. The article analyzes the use of various types of phraseological units: fusions, unities, combinations, and expressions – based on V.V. Vinogradov's classification, the It reveals their functional significance in creating artistic images, conveying the emotional state of characters, and shaping the atmosphere of the works. The article establishes that phraseology plays an important role in creating a comic effect and characterization of the characters.

Key words: phraseological units; idiostyle; A.P. Chekhov; literary texts; Vinogradov's classification; semantic structure; artistic image.

СЛОВО В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА

УДК 80

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ СИГНАЛЫ ПОДТЕКСТОВОСТИ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

В.А. Бугрова
Н. рук. – д. филол. н., проф. Л.И. Плотникова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638318@bsuedu.ru

Анализ процесса понимания смысла того или иного речевого и текстового сообщения привел к тому, что в науке образовалось несколько теорий о средствах, которые помогают читателю декодировать смысл. Одна группа ученых (Ф. Соссюр (1916), Л.В. Щерба (1931), И.П. Сусов (1982), И.А. Зимняя (1985) и др.), утверждает, что для понимания текста реципиенту необходимо иметь широкий словарный запас, знать смысл каждой лексемы в составе текста и грамматические правила, с помощью которых слова будут связываться в словосочетания и предложения, создавая общий смысл. Иными словами, главным в декодировании текстового сообщения является широкий круг понятий и знание грамматических законов языка. Так, И.А. Зимняя описывает процесс восприятия текста следующим образом: «Восприятие конкретного текста начинается с опознания внешней формы отдельных слов, с которыми получатель текста связывает значение этих слов, хранящиеся в его памяти. Конкретизация предметной соотнесённости значения определённого слова происходит за счёт ограничений, накладываемых сочетанием с другими словами в этом тексте»[1]. Однако смысл текста, в первую очередь художественного, имеет многоплановую структуру, поэтому, как отмечает В.П. Белянин, «понимание предложений как минимальных единиц речи оказывается недостаточным для понимания текста как целостности»[2].

Другое направление (Р.Р. Ромметвейт (1970), Ч.Д. Филлмор (1972), Д.Д. Мак-Коули (1972), Дж. Лакофф (1972) А.Р. Лурия (1979) и др.) пересматривает имеющуюся гипотезу о декодировании смысла текстового сообщения. Для исследователей не столь важными являются лексический и грамматический уровни языка, хотя признаётся, что они необходимы для расшифровки смысла. По мнению учёных, понимание начинается с поисков общего смысла, а только потом оно переходит на этап определения значений слов и фраз.

Большую роль в изучении данной проблемы сыграл Л.С. Выготский. По его мнению, «смысловое восприятие, все равно – внешнее или внутреннее, как показывает исследование, не означает ничего другого, как обобщенное восприятие»[3]. Кроме того, ученый считал, что важно учитывать переход от поверхностного к глубинному смыслу, или подтексту.

Таким образом, перед реципиентом не стоит задача понять значение отдельных лексем. Эти процессы являются вспомогательными для определения общего смысла текста. Следовательно, главным процессом можно считать «попытки расшифровать значение всего сообщения, то, что создает его общую связность или его внутренний смысл и придает сообщению глубину, или “подтекст”»[4]. В связи с этим И.А. Стернин выделяет следующие уровни понимания значения текста: «поверхностный (восприятие

[1] *Зимняя И.А.* Исследование речевого мышления в психолингвистике. – Москва, 1985. – С. 60.
[2] *Белянин В.П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. – Москва, 2006. – С. 226.
[3] *Выготский Л.С.* Мышление и речь: психологические исследования / под ред. В. Колбановского. – Москва; Ленинград, 1934. – С. 112.
[4] *Лурия А.Р.* Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. – Москва, 1979. – С. 218.

эксплицитной языковой информации текста), глубинный (понимание скрытого, имплицитного смысла текста) и интерпретацию (формирование и формулирование концепта текста)»[1].

Такие исследователи, как И.Р. Гальперин, М.Я. Дымарский, П.А. Лекант, считают, что имплицитный смысл не может быть невыраженным полностью. В этом случае реципиент не смог бы его декодировать. Иными словами, дихотомия «эксплицитность – имплицитность» относительна, потому что любой содержательный элемент должен выражаться через элементы формы.

В нашем исследовании тропы трактуются как специфические маркеры скрытых смыслов. Такой подход открывает возможность для понимания общего механизма порождения и интерпретации имплицитной информации, а также позволяет определить «вектор» глубины подтекста, то есть меру его смысловой удаленности от эксплицитного выражения. Для анализа эксплицитных сигналов подтекстовости были выбраны рассказы «Княгиня» (1889), «Печенег» (1897), «На подводе» (1897) А.П. Чехова, в которых система тропов как маркеров имплицитности выражена наиболее глубоко.

Например, в рассказе А.П. Чехова «Княгиня» выделим следующий контекст: «*Каждый, глядя на нее, должен был думать: «Бог послал нам ангела»... И чувствуя, что каждый невольно думает это, она улыбалась еще приветливее и старалась походить на птичку»*[2] , в котором метафоры *птички, ангел* создают своеобразный трагикомический подтекст. С одной стороны, образ птицы или ангела ассоциативно накладывается на образ самой княгини, следовательно, эксплицитно читатель должен представлять роль героини рассказа как положительную, однако с другой стороны, в рамках контекста метафоры раскрываются с позиции новых, имплицитных смыслов. Единицы с семантикой субъективной модальности (*казалось, должен был думать*) как бы «подсказывают» читателю о несовпадении субъективного восприятия героини с объективной реальностью. Читатель понимает, что княгиня лишь «кажется» таковой. Повтор данной метафоры в финале рассказа имплицитно утверждает отказ героини от разоблачения иллюзии жизни: «*Стараясь походить на птичку, княгиня порхнула в экипаж и закивала головой во все стороны*»[3].

В рассказе «Печенег» фигура умолчания приобретает особое значение в связи с образом Любови Осиповны – жены Ивана Абрамыча Жмухина. Кульминацией диалога становится тот момент, когда Любовь Осиповна говорит: «*Хоть бы младшенького отдать в ученье, право, а то так жалко! – сказала она протяжно, и голос у нее дрогнул; и казалось невероятным, что у такой маленькой и молодой женщины есть уже взрослые дети. – Ах, так жалко!*»[4]. Важно, что слово *жалко* повторяется дважды, причем во второй раз в виде восклицания, не включенного в синтаксическую структуру предложения. Этот повтор и его обособленность подчеркивают, что именно чувство жалости к детям, к себе, к своей беспомощности не позволяют героине выразить своё состояние в развернутой форме. Читатель задается закономерным вопросом: жалко, но почему? Потому что дети растут неграмотными, потому что их ждет судьба «простых казаков», потому что муж брезгует ими и не пускает в комнаты, потому что сама она бессильна что-либо изменить. Все эти причины остаются невысказанными, они умалчиваются в рамках пары слов, но именно они формируют подтекст этого восклицания, который реализуется через фигуру умолчания.

В рассказе «На подводе» своеобразным сквозным символом является символ дороги. Характер движения по этой дороге описывается с помощью активизации глагольной

---

[1]*Стернин И.А.* Анализ скрытых смыслов в тексте. – Воронеж, 2011. – С. 8.

[2]*Чехов А.П.* Княгиня // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. – Москва, 1977. Т.7. – С. 237.

[3]Там же. – С. 247.

[4]*Чехов А.П.* Печенег // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. – Москва, 1977. Т.9. – С. 329.

лексики, значения которой вступают в противоречие с самим процессом движения. Если в традиционном представлении при описании передвижения по дороге активно используются глаголы, обозначающие целенаправленное движение (*ехать, мчаться, стремиться*), то у А.П. Чехова доминируют лексемы, передающие «топтание на месте», объезды, возвращения, ср.: «*С шоссе свернули на проселочную дорогу: Ханов впереди, Семен за ним. Четверка ехала по дороге, шагом, с напряжением вытаскивая из грязи тяжелый экипаж. Семен лавировал, объезжая дорогу, то по бугру, то по лугу, часто спрыгивая с телеги и помогая лошади*»[1]. Деепричастие *объезжая* буквально указывает не на быстрое и направленное движение к цели, а на уклонение от препятствий, движение зигзагообразное, непрямое. В этом отношении показателен эпизод, когда путь преграждают мужики, не пускающие через свои земли, или же когда оказалось, что проезда нет, проехать мешала канава, и как итог, «*то и дело поворачивали назад*»[2]. Глагол *поворачивали* в сочетании с наречием *назад* создаёт ощущение движения, которое не приближает к цели, а возвращает к исходной точке. Дорога оказывается пространством, где каждый шаг вперед потенциально оборачивается шагом назад. Так, традиционное представление о дороге как символе жизненного пути, по которому идёт герой, оказывается в контексте своеобразным, неактуальным. Очевидно, переосмысление символа заставляет читателя задуматься об иллюзиях жизни героини, о её мнимом пути вперёд, что своеобразно раскрывается в подтексте.

Таким образом, анализ тропов в рассказах А.П. Чехова подтверждает, что декодирование глубинного смысла текста заключается в способности реципиента распознавать имплицитные маркеры подтекста. Предложенный подход открывает возможность для более глубокого и последовательного исследования того, как художественная форма вполне целенаправленно управляет интерпретационной деятельностью читателя, задавая вектор движения от эксплицитного к имплицитному.

EXPLAINED SUBTEXT SIGNALS IN A.P. CHEKHOV'S NOVELS

V.A. Bugrova
Belgorod State National Research University

This article examines the interactions between the multifaceted semantic structure of a text. In particular, attention is paid to the implicit level, which is revealed through explicit subtext cues. These theoretical propositions are analyzed using stories from A.P. Chekhov's late period.

Key words: Text, semantic organization of a text, subtext, explicit subtext cues.

УДК 94.37

СРАВНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В. ВЕРЕСАЕВА

В.А. Вараксина
Н. рук. – д. филол. н., проф. Л.И. Плотникова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553659@bsuedu.ru

Сравнение представляет собой изобразительно-выразительное средство, позволяющее установить отношение сходства между двумя предметами, явлениями или понятиями посредством сопоставления их признаков. В.В. Виноградов писал следующее: «Сравнение – особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной характеристичностью

[1] *Чехов А.П.* На подводе // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. – Москва, 1977. Т.9. – С. 336.
[2] Там же. – С. 339.

образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью»[1].

А.А. Потебня отмечает, что «процесс познания есть процесс сравнения»[2]. На уровне лингвистики сравнение интерпретируется как троп, в основе которого лежит соотнесение элементов по определённым общим признакам. Сравнение требует чёткого указания на два элемента и маркер, соединяющий их; чаще всего это союзы «как», «будто», «словно» и другие. Конструкция сравнения всегда предполагает чёткую соотнесённость, выраженную с помощью определённых языковых маркеров. Такие признаки делают сравнение легко распознаваемым средством и обеспечивают его целенаправленное использование в различных стилях речи. При этом изучение строения сравнения неразрывно связано с анализом структуры и функции тех языковых средств, которые способствуют созданию наглядного и выразительного образа.

Помимо союзных оборотов и конструкций с предлогами, сравнительные элементы могут использоваться в сравнительных степенях прилагательных и наречий, а также в устойчивых выражениях. Однако в формальной структуре обязательным остаётся наличие ясного указателя на элемент сопоставления, без которого сравнение теряет свою идентичность как изобразительно-выразительного средства.

В разговорной и художественной речи также встречаются устойчивые выражения с условным сравнительным значением, например «глаз алмаз», «взгляд холодный, как лед», «сердце как камень», которые связаны с культурными или историческими значениями. Такие фразы не только передают непосредственное сходство, но и дополняются широким культурным контекстом, повышая выразительность и глубину образа.

В совокупности перечисленные лексические средства образуют богатое и разнообразное поле для экспрессии сходства и образности. Они позволяют автору гибко варьировать стиль и тональность высказывания, достигать желаемого эффекта на аудиторию и создавать запоминающиеся художественные образы.

Викентий Викентьевич Вересаев (настоящая фамилия — Смидович) родился 4 января 1867 года в Туле.

Викентий Вересаев проявил интерес к литературе еще в гимназии, дебютировав со своим первым стихотворением «Раздумье» в восемнадцать лет. После получения медицинского образования, он продолжил свою карьеру как врач, но при этом активно занимался литературой. Его книги сочетали в себе описания врачебного опыта и глубокие литературные изыскания, а также затрагивали темы революции и включали переводы древнегреческой поэзии. В 1901 году Викентий Вересаев представил публике свое произведение «Записки врача», представляющее собой биографическую повесть. В ней автор детально описывает опыт молодого медика, его столкновение с прозаической действительностью врачебной практики, а также затрагивает вопросы экспериментов над пациентами и врачебной этики. Несмотря на первоначальный шок, вызванный у читателей, «Записки» обрели широкую популярность, а сам Вересаев утвердился в качестве значимой фигуры литературного мира.

В конце XIX века Вересаев увлекся радикальными политическими идеями, собирая у себя дома единомышленников-социал-демократов. «После знакомства в конце 90-х гг. с легальными марксистами Вересаев приходит к осознанию новой линии общественного поведения, далеко отстоящей от народничества»[3]. В своей автобиографии он описывал, как новые, энергичные люди, видя растущую силу рабочего класса, вели активную подпольную работу и агитацию среди рабочих, что, в конечном итоге, убедило и его самого.

---

[1] *Виноградов, В.В.* О языке художественной прозы // Наука. – Москва, 1980. – С. 206.

[2] *Потебня, А.А.* Теоретическая поэтика. Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Б. Муратов // Высшая школа. – Москва, 1990. – С. 194.

[3] *Икитян, Л.Н.* Викентий Вересаев – Леонид Андреев: жизненные параллели и творческие перпендикуляры // Вопросы русской литературы. – Симферополь, 2015. – С. 33-39.

В 1894 году Вересаев написал повесть «Без дороги», посвященную двум поколениям, утратившим ориентиры. Спустя три года, в повести «Поветрие», главная героиня обретает свой собственный путь, который, как и путь самого автора, лежал через марксистские кружки и политические собрания. Вересаев чутко откликался на происходящее в стране, создавая произведения о жизни рабочих и крестьян, такие как повесть «Конец Андрея Ивановича» и очерки «На мертвой дороге» и «Лизар».

В 1910 году В. Вересаев создал книгу «Живая жизнь», повествующую о великих русских классиках – Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском. Автор много времени уделял изучению литературы, в частности описанию творчества А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Также Викентий Вересаев увлекался переводами. В 1919 году он получил Пушкинскую премию за переводы древнегреческой поэзии.

Рассмотрим роль сравнений в литературных произведениях на примере повести В.В. Вересаева «На японской войне» 1907 года.

«Как гром, прокатилось известие об их высадке в Бицзыво»[1]. В данном случае известие о высадке сравнивается с таким стихийным явлением, как гром по общим признакам: внезапность, стремительность, мощь, неожиданность, пугающая сила. Создается ощущение, что новость обрушилась на людей так же неожиданно, внезапно и с большой силой, как раскаты грома. Именно благодаря сравнению автор передает масштаб и потрясение от этого известия.

«Около вагона младший унтер-офицер прощался с женою и плакал, как маленький мальчик»[2]. В данном случае общим признаком для сопоставления и сравнения являются искренность, беззащитность, глубокая скорбь в момент прощания супругов. Вересаевым акцентируется внимание на глубине переживаний унтер-офицера. Таким образом, облик маленького мальчика контрастирует с его воинским званием, подчеркивая всю тяжесть разлуки, которая заставила его забыть о воинской чести и проявить истинные, беззащитные чувства.

«Баба качалась от рыданий, и ребенок на ее руке качался, как листок под ветром»[3]. Беспомощность, незащищенность, подверженность внешним воздействиям, хрупкость и неустойчивость, показанные автором, передают ощущение уязвимости ребенка, его полной зависимости от матери и от внешних обстоятельств.

«Никто не оглядывался на крики и ругательства офицеров, словно это было чем-то таким же стихийным, как рвавшийся с озера ледяной ветер»[4]. В данном случае сравнение намеренно удваивается автором. Подчеркивается, что крики и ругательства офицеров воспринимаются как нечто естественное, неизбежное, но при этом не оказывающее никакого воздействия на окружающих. Они становятся частью привычного, стихийного фона, на который никто не обращает внимания.

В конечном итоге исследование подтвердило, что сравнение занимает уникальное место в системе изобразительно-выразительных средств языка, выступая инструментом визуализации, эмоциональности и смыслового обогащения текста. Его правильное и осознанное применение способствует созданию живых, запоминающихся образов, расширяет художественные возможности речевого выражения и укрепляет связь между автором и аудиторией.

---

[1] *Вересаев, В.В.* На японской войне [Электронный ресурс] // Издательство АСТ. – Москва., 2024. – URL: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0132.shtml (дата обращения: 09.04.2026)

[2] *Вересаев, В.В.* На японской войне [Электронный ресурс] // Издательство АСТ. – Москва., 2024. – URL: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0132.shtml (дата обращения: 09.04.2026)

[3] *Вересаев, В.В.* На японской войне [Электронный ресурс] // Издательство АСТ. – Москва., 2024. – URL: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0132.shtml (дата обращения: 09.04.2026)

[4] *Вересаев, В.В.* На японской войне [Электронный ресурс] // Издательство АСТ. – Москва., 2024. – URL: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0132.shtml (дата обращения: 09.04.2026)

COMPARISONS IN THE SYSTEM OF VISUAL AND EXPRESSIVE MEANS IN VERESAEVA

V.A. Varaksina
Belgorod State National Research University

The article examines the role of comparisons in the work of V. Veresaev as a key tool for creating artistic images and conveying meanings. The article analyzes the variety of comparative constructions, their connection with the author's style and their contribution to the disclosure of the psychology of the characters and the atmosphere of the works. Special attention is paid to the functions of comparisons in shaping the aesthetic perception of the reader. The study shows that comparisons are an integral part of a writer's visual and expressive system, playing a crucial role in creating vivid and memorable art paintings.

Key words: imagery, technique, comparison, stylistics, artistic means

УДК 811.161.1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПОВЕСТИ «ПАЛАТА №6» А.П. ЧЕХОВА

А.С. Квитко
Н. рук. – к. филол. н., доц. П.А. Чересюк
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1549393@bsuedu.ru

Творчество великого русского писателя и врача А.П. Чехова всегда привлекало к себе пристальное внимание самой широкой читательской аудитории. Говоря о медицинской теме в творчестве писателя, нельзя не сказать о широком включении в текст повествования медицинской лексики. Повесть «Палата №6» занимает особое место в творчестве автора и является репрезентативным материалом для лингвистического анализа, так как профессиональные знания писателя позволили достоверно и детально изобразить медицинские портреты персонажей и передать обстановку больницы.

Объектом исследования является медицинская лексика в повести А.П. Чехова «Палата №6».

Предмет исследования – особенности функционирования медицинской лексики в повести А.П. Чехова «Палата №6» и её роль в создании образов героев и передаче больничной атмосферы.

Цель нашего исследования – проанализировать особенности функционирования медицинской лексики в повести А.П. Чехова «Палата №6» и её роль в создании образов героев и передаче больничной атмосферы.

Изучение медицинской лексики в художественном тексте требует чёткого разграничения понятий «медицинская терминология» и «медицинская лексика». Хотя эти категории тесно связаны, их функции и роль в литературном произведении существенно различаются.

Вслед за А.Г. Абрамовой мы понимаем **медицинскую терминологию** как «строго кодифицированная система специальных наименований, призванных однозначно обозначать научные понятия: болезни, органы, процедуры, методы диагностики и лечения. Главная задача медицинской терминологии – точность и однозначность в профессиональной коммуникации»[1].

Медицинская терминология широко представлена не только в узкоспециализированных текстах, но и в художественной литературе. Особенно ярко медицинская терминология проявляется в художественном тексте. В повести А.П. Чехова «Палата №6» использование медицинских терминов направлено на создание реалистичной картины больничной среды и на объективное описание состояния пациентов. Например: «*Под вечер Андрей Ефимыч умер от* ***апоплексического*** *удара*»

[1] *Абрамова, Г.А.* Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития (на материале русского языка) / Г.А. Абрамова. — Москва: КубГУ; Краснодар : О-во любителей рос. словесности, 2003. — 241 с.

[Чехов 1892][1]. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова: *Апоплексия* – «(спец.). Внезапно развивающееся кровоизлияние в какой-н. орган, напр. в мозг, сопровождающееся внезапной потерей сознания, параличом» [Ожегов 2024][2]. Помета «спец.» указывает на то, что это термин, принадлежащий медицинской сфере. Лексика с пометой «спец.» отличается от общеупотребительной тем, что она ограничена профессиональной сферой общения, обладает строгой однозначностью и точностью, лишена эмоционально-экспрессивной окраски, имеет научную дефиницию и в прямом значении не допускает переносного употребления.

Согласно суждению А.Г. Абрамовой **медицинская лексика** объединяет медицинские названия, функционирующие не только в научной, но и в других подсистемах языка. Она охватывает более широкий пласт языковых единиц: узкоспециальные термины (собственно медицинская терминология), профессионализмы (*капельница, укол*), разговорные и просторечные выражения (*касторка, похварывать*), устаревшие обозначения (*чахотка, кровопускание*), метафоры и фразеологизмы с медицинской семантикой (*аллергия на критику, сходить с ума*). Следовательно, понятие «медицинская лексика» шире понятия «медицинские термины».

Именно медицинская лексика, а не изолированная терминология, представляет особый интерес для анализа художественного текста. Оперируя данным определением, мы обеспечиваем единообразие интерпретации языкового материла и последовательность классификации лексических единиц в повести А.П. Чехова «Палата №6».

В ходе исследования осуществлён процесс систематизации языкового материала. Медицинская лексика была распределена по тематическим группам:

1. Диагнозы: *чахотка, простуда, тиф, венерическая болезнь, сифилис, опухоль, каменная болезнь, апоплексия, психопатия, сумасшествие, паралич, рожа* – 12 (18%).
2. Лекарственные средства: *антисептик, спирт, касторка, летучая мазь, пилюли, капли, лекарства, примочки*, *горчишники* – 10 (13%).
3. Симптомы болезней: *кашель, шум в ушах, головная боль, сердцебиение, недомогание, тошнота, озноб, бред, лихорадка* – 9 (12%).
4. Состояния и реакции: *истерика, нервность, паралитик, душевнобольной, помешавшийся, сумасшедший, здоровый, мания преследования* – 8 (11%).
5. Медицинские учреждения и помещения: *больница, лечебница, палата, сумасшедший дом, клиника, амбулатория, аптека* – 7 (10%).
6. Медицинское оборудование: *скальпель, термометр, стетоскоп, горячечные рубахи, кровососные банки, пиявки* – 6 (9%).
7. Медицинский персонал: *доктор, лекарь, хирург, фельдшер, сиделка, кастелянша* – 6 (9%).
8. Общие медицинские и физиологические понятия: *моцион, обмен веществ, организм, болезнь, захиреть* – 5 (8%).
9. Манипуляции: *лечение, операция, резекция* – 3 (6%).
10. Отрасли медицины: *практика, медицина, психиатрия* – 3 (6%).

Языковой анализ показал, что в повести «Палата №6» преобладают названия диагнозов – 13 ЛЕ (19%). Значительную долю составляют лекарственные средства и симптомы болезней – 9 ЛЕ (12%), названия медицинских учреждений и помещения, медицинское оборудование – 7 ЛЕ (10%).

Корпус медицинской лексики из повести А.П. Чехова можно разделить на общеупотребительные (*доктор, палата, спирт* и др.) и специальные термины (*скальпель,*

[1] *Чехов, А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. Сочинения [Электронный ресурс] / А.П. Чехов. — Москва: Наука, 1986. — Режим доступа: https://ilibrary.ru/text/989/index.html#toc (дата обращения: 12.03.2026).

[2] *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка; Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — Москва: Мир и Образование, 2019. — 1376 с.

апоплексический удар и др.). Последние были зафиксированы нами в Энциклопедическом словаре медицинских терминов В.И. Покровского: *апоплексия, хирург, фельдшер, амбулатория, простуда, чахотка, тиф, венерическая болезнь, опухоль, сифилис, психопатия, паралич, рожа, психиатрия, резекция, антисептик, скальпель, термометр, стетоскоп, бред, лихорадка, мания*, *сердцебиение, здоровье, акушерство, болезнь, лечение, операция* – 27 ЛЕ (28%).

Помимо медицинской лексики в повести встречаются фразеологизмы с медицинской семантикой: *зуб на зуб не попадает, сойти с ума*, *из угла в угол, сумасшедший дом, покраснеть как рак* – 5 фразеологизмов (8%).

Систематизация языкового материала обеспечила возможность комплексного анализа функционирования языковых единиц в тексте с учётом их смысловых и стилистических характеристик.

Главными действующими лицами в повести «Палата №6» становятся медики и пациенты. Например: *«Он никогда, даже в молодые студенческие годы, не производил впечатления здорового. Всегда он был бледен, худ, подвержен* ***простуде****, мало ел, дурно спал»* [Чехов 1892][1]. В Толковом словаре русского языка представлено следующее определение разговорному названию лёгких форм острых респираторных заболеваний *простуда* – это «Болезнь, вызванная охлаждением организма; само такое охлаждение» [Ожегов 2024][2]. В Энциклопедическом словаре медицинских терминов: «Общее название острых респираторных заболеваний, возникающих, как правило, после охлаждения» [Покровский 2005: 972][3]. Автор усиливает описание героя прилагательными *бледен* и *худ*, указывая на недостаток жизненной силы и энергии, а также словосочетаниями *мало ел* и *дурно спал*. Так, при помощи медицинской лексики А.П. Чехов создал образ человека бледного, худого, постоянно болеющего. Болезненность и слабость могут быть связаны с повышенной тревожностью, депрессией или другими психологическими проблемами.

К общеупотребительным медицинским лексемам отнесены слова, которые входят и в специальные лексикографические источники, и в толковые словари. Например, слово *рожа* встречается не только в медицинской энциклопедии, но и в Толковом словаре русского языка: *Рожа* – «2. Инфекционная болезнь, характеризующаяся воспалением кожи или слизистой оболочки» [Ожегов 2024][4]. Для достоверности исследования обратимся к Энциклопедическому словарю медицинских терминов В.И. Покровского: *Рожа* – «инфекционная болезнь, вызываемая гемолитическим стрептококком, характеризующаяся четко отграниченным острым воспалением кожи, лихорадкой, явлениями общей интоксикации» [Покровский 2005: 1055][5]. Это

---

[1] *Чехов, А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. Сочинения [Электронный ресурс] / А.П. Чехов. — Москва: Наука, 1986. — Режим доступа: https://ilibrary.ru/text/989/index.html#toc (дата обращения: 15.03.2026).

[2] *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка; Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — Москва: Мир и Образование, 2019. — 1376 с.

[3] *Покровский, В.И.* Энциклопедический словарь медицинских терминов [Электронный ресурс]: практическое пособие / В.И. Покровский. — 2005. — Режим доступа: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/AOsOh10GiofMW05f-djTZ58TTwyjNzfUFVW8h5tDAxxzj97flRLBkCnQC949SWKzvBtRmyJ77FuWcWFkfckjBDTu9Rq9XyklmmItfyCKKsg8u8bY8mYQvg/ENTsIKLOPEDIChESKIJ_SLOVAR_MEDITsINSKIKh_TERMINOV_-_POKROVSKIJ_V_I_-_PRAKTIChESKOE_POSOBIE.pdf (дата обращения: 12.04.2026).

[4] *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка; Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — Москва: Мир и Образование, 2019. — 1376 с.

[5] *Покровский, В.И.* Энциклопедический словарь медицинских терминов [Электронный ресурс]: практическое пособие / В.И. Покровский. — 2005. — Режим доступа: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/AOsOh10GiofMW05f-djTZ58TTwyjNzfUFVW8h5tDAxxzj97flRLBkCnQC949SWKzvBtRmyJ77FuWcWFkfckjBDTu9Rq9XyklmmItfyCKKsg8u8bY8mYQvg/ENTsIKLOPEDIChESKIJ_SLOVAR_MEDITsINSKIKh_TERMINOV_-_POKROVSKIJ_V_I_-_PRAKTIChESKOE_POSOBIE.pdf (дата обращения: 16.04.2026).

свидетельствует о том, что слово *рожа* широко употребляется в разговорной речи. Приведем цитату из повести: *«В хирургическом отделении не переводилась **рожа**»* [Чехов 1892][1].

Если при создании образов персонажей медицинская лексика служит преимущественно психологической характеристике, то в описании больничной среды она выполняет *атмосферообразующую функцию*. В повести «Палата №6» А.П. Чехов не обращался к профессиональному описанию болезней. В основном его интересовали вопросы труда и быта врачей. Он описывает больницы и амбулатории, в которых работали врачи и лечились больные. Например: *«В **палатах**, коридорах и в больничном дворе тяжело было дышать от смрада. Больничные мужики, **сиделки** и их дети спали в **палатах** вместе с **больными**»* [Чехов 1892][2]. В толковом словаре С.И. Ожегова: *палата* – это «2. Отдельная комната в больнице, лечебном стационаре» [Ожегов 2024][3]. Слово *сиделка* в данном контексте указывает на бытовую, непрофессиональную сторону больничной жизни.

*«В **хирургическом** отделении не переводилась рожа. На всю больницу было только два **скальпеля** и ни одного **термометра**, в ваннах держали картофель»* [Чехов 1892][4]. Слово *скальпель* имеет следующее определение: «Небольшой хирургический нож. Световой скальпель (спец.) – лазерный луч, применяемый в хирургии для рассечения тканей» [Ожегов 2024][5]. В данном примере автор мастерски использует медицинский термин *рожа*, узкоспециальный термин *скальпель* и общеупотребительный *термометр*. Сочетание разных типов медицинской лексики в одном фрагменте позволяет А.П. Чехову создать многослойную картину полной деградации больницы: здесь и антисанитария, и отсутствие инструментария, и невозможность обследования.

В процессе создания художественных образов автор прибегает к использованию фразеологизмов. Устойчивые выражения помогают раскрыть черты личности, эмоциональное состояние, социальное положение и мировоззрение персонажей. Например: *«Доктор Андрей Ефимыч, <…>, грустно покачал головой и ушел, сказав хозяйке, что уж больше он но придет, потому что не следует мешать людям **сходить с ума**»* [Чехов 1892][6]. Фраза *сходить с ума* не является фразеологизмом в строгом языковом смысле, но в контексте повести подразумевает фразеологизм *сойти с ума*. Безумие в повести признается нормой, а попытка его остановить – вмешательством. Люди предоставлены сами себе, а их боль никого не интересует.

А.П. Чехов мастерски вплетает фразеологизмы в ткань повествования, чтобы читатель не просто узнал о происходящем, но и физически ощутил гнетущую, безысходную обстановку казённого медицинского учреждения конца XIX века.

Для передачи образа персонажа автор обращается к симптоматике: *«У доктора начались **шум в ушах** и **сердцебиение**, но попросить друга уйти или помолчать он из деликатности не решался»* [Чехов 1892][7]. Слово *сердцебиение* и словосочетание *шум в ушах* указывают на состояние персонажа. В Энциклопедическом словаре термин *сердцебиение* имеет следующее значение: «ощущение учащения или усиления

---

[1] Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. Сочинения [Электронный ресурс] / А.П. Чехов. — Москва: Наука, 1986. — Режим доступа: https://ilibrary.ru/text/989/index.html#toc (дата обращения: 17.03.2026).

[2] Там же.

[3] *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка; Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — Москва: Мир и Образование, 2019. — 1376 с.

[4] *Чехов, А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. Сочинения [Электронный ресурс] / А.П. Чехов. — Москва: Наука, 1986. — Режим доступа: https://ilibrary.ru/text/989/index.html#toc (дата обращения: 19.03.2026).

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

деятельности сердца» [Покровский 2005: 1094][1]. А.П. Чехов использует симптоматику, чтобы передать психологическое состояние Андрея Ефимовича Рагина – его мягкость, деликатность, даже в ущерб собственному здоровью.

А.П. Чехов использует слова, относящиеся к медицинскому оборудованию и лекарствам: *«Умному, образованному, гордому, <…> в грязный, глупый городишко, и всю жизнь* ***банки, пиявки, горчишники****!»* [Чехов 1892][2]. Конкретные элементы медицинского обихода *банки, пиявки* и *горчишники* являются художественными деталями, которые подчеркивают историческую достоверность провинциальной больницы.

Реализм и достоверность больничной атмосферы представлены в следующем примере: *«Больных много, а времени мало, и потому дело ограничивается одним только коротким опросом и выдачей какого-нибудь* ***лекарства****, вроде* ***летучей мази*** *или* ***касторки»*** [Чехов 1892][3]. Обобщённое слово *лекарство* подразумевает формальный подход к лечению, так как врач не подбирает терапию, а выдает *какое-нибудь лекарство. Летучая мазь* – устаревшее средство, которое также ассоциируется с поверхностным лечением и подчеркивает устаревшие методы, характерные для провинциальной больницы конца XIX века. Универсальное народное средство *касторка* – символ примитивного подхода к лечению. Использование общеупотребительной, устаревшей и разговорной лексики придает тексту аутентичность: читатель погружается в повседневную жизнь больницы 1890-х годов.

На основе проведенного исследования мы можем сказать, что в художественном пространстве «Палаты №6» общеупотребительная медицинская лексика занимает центральное место, в то время как узкоспециальная медицинская терминология в строгом смысле не представлена. А.П. Чехов сознательно избегает сложной терминологии – это соответствует художественному методу: автор создаёт атмосферу больницы через бытовые детали.

Специальные термины встречаются в речи доктора Андрея Ефимовича Рагина. Они создают профессиональный колорит, подчёркивают компетентность врача и придают повествованию достоверность. Общеупотребительная медицинская лексика противопоставляется терминам и встречается в примерах, в которых фигурируют пациенты и младший персонал. Она отражает обыденное восприятие медицины, и знакомит читателя с трудовой обстановкой врачей и их бытом.

Для описания персонажей А.П. Чехов использует фразеологизмы, а также меняет их структуру с определенной стилистической целью, – чтобы подчеркнуть характер персонажей в определенных условиях. Благодаря трансформации устойчивых выражений, речь персонажей становится естественной и выразительной. Создание такой речевой характеристики персонажей демонстрирует мастерство А.П. Чехова, в котором органично сочетаются гениальный писатель и знающий врач.

Всего в повести нами выделено около 75 медицинских лексем. Из них 27 терминов и 53 общеупотребительных медицинских слов и выражений.

---

[1] *Покровский, В.И.* Энциклопедический словарь медицинских терминов [Электронный ресурс]: практическое пособие / В.И. Покровский. — 2005. — Режим доступа: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/AOsOh10GiofMW05f-djTZ58TTwyjNzfUFVW8h5tDAxxzj97flRLBkCnQC949SWKzvBtRmyJ77FuWcWFkfckjBDTu9Rq9XyklmmItfyCKKsg8u8bY8mYQvg/ENTsIKLOPEDIChESKIJ_SLOVAR_MEDITsINSKIKh_TERMINOV_-_POKROVSKIJ_V_I_-_PRAKTIChESKOE_POSOBIE.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

[2] *Чехов, А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. Сочинения [Электронный ресурс] / А.П. Чехов. — Москва: Наука, 1986. — Режим доступа: https://ilibrary.ru/text/989/index.html#toc (дата обращения: 27.03.2026).

[3] Там же.

THE FUNCTIONING OF MEDICAL VOCABULARY IN THE NOVEL "WARD No. 6" BY A.P. CHEKHOV

A.S. Kvitko
Belgorod State National Research University

This article analyzes and systematizes the medical vocabulary from A.P. Chekhov's novel "Ward No. 6". The author identifies the thematic groups of the Medina vocabulary, performs a quantitative calculation of common words and special terms. It is concluded that medical vocabulary in fiction is used to create images of characters and to convey the hospital atmosphere.

Key words: A.P. Chekhov, medical vocabulary, terminology, artistic image, "Ward No. 6".

УДК 811.161.1`38

ЭПИТЕТЫ В ПОЭЗИИ ЛАНЫ ЯСНОВОЙ

Е.М. Кудрявцев
Н. рук. – д. филол. н., проф. Л.И. Плотникова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1395730@bsuedu.ru

А.Н. Веселовский под эпитетом понимал «одностороннее определение слова, либо обновляющее его нарицательное значение, либо подкрепляющее, усиливающее его»[1]. Ученый выделил два основных их типа: 1) постоянные – фольклорные, закрепленные за определенными персонажами и предметами; 2) метафорические – индивидуальные, окказиональные.

В современной лингвистической традиции эпитет понимается как художественное определение, «отражающее характеристику предмета или явления, а также его оценку автором»[2]. Он несет экспрессивную, изобразительную и оценочную функции, реализуя механизму семантического сдвига.

Таким образом, эпитет – это «слово или сочетание слов, занимающее позицию определения или обстоятельства при определяемом слове и выполняющее характеризующую, изобразительную и оценочную функции»[3]. В зависимости от способа выражения они могут быть адъективными (выраженными именами прилагательными), адвербиальными (выраженными наречиями), субстантивными (выраженными существительными в косвенных падежах) и глагольными.

В современном языкознании наблюдается устойчивый интерес к изучению идиостилевых особенностей авторов, совмещающих художественное творчество с профессиональной филологической рефлексией, поскольку их поэтический язык является не только объектом эстетического восприятия, но и результатом осознанной работы со словом. К числу ярких фигур в этом ряду принадлежит Лана Яснова (С.А. Кошарная), научные интересы которой лежат в области лингвокультурологии, исторической лексикологии, диалектологии и этнолингвистики. Лана Яснова – автор нескольких поэтических сборников, её творчество представляет благодатную почву для исследований специфики языка современной поэзии.

В поэтическом дискурсе Ланы Ясновой эпитет приобретает особый статус, часто выступает носителем прецедентной информации, требуя от читателя определенного культурного кругозора.

---

[1] *Веселовский А.Н.* Из истории эпитета / А.Н. Веселовский // Собрание сочинений. – Санкт-Петербург, 1913. – Т. 1. – С. 56.

[2] *Чумак-жунь И.И., Красникова К.В.* Специфика репрезентации концепта «Осень» в поэтическом дискурсе Ланы Ясновой // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2017. – С. 209.

[3] *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М., 2014. – С. 151.

Кроме того, звуковая организация поэтических текстов Ланы Ясновой отличается высокой степенью фонетической маркированности: «каждый звук в произведении важен, он является составляющим элементом единой системы»[1]. Это свойство напрямую коррелирует с отбором эпитетов, которые в поэзии Ланы Ясновой часто подбираются с учетом аллитерационных и ассонансных связей.

Наиболее распространенным структурным типом в поэтическом мире автора являются простые эпитеты, выраженные именами прилагательными в полной или краткой форме, однако Лана Яснова активно использует семантические сдвиги, при которых привычное атрибутивное сочетание приобретает неожиданное значение. Примером может послужить стихотворение «Казалось, так прочно и верно»:

«*Казалось, так прочно и верно:*
рождественский праздничный *снег,*
Васильевский остров ***вечерний****,*
троллейбуса ***тесный*** *ковчег*» («Казалось, так прочно и верно»)[2].

Традиционные эпитеты *рождественский* и *праздничный* в контексте стихотворения приобретают дополнительную смысловую нагрузку: снег становится не просто природным явлением, а знаком сакрального времени, маркером перехода.

Эпитет *тесный*, используемый по отношению к троллейбусу, актуализирует семантику ограниченного пространства. В структуре метафоры *тесный ковчег* создается библейская параллель: городской транспорт уподобляется спасительному ковчегу, а теснота приобретает черты избранничества.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют составные эпитеты и эпитеты, выраженные формой родительного падежа (так называемые генитивные конструкции). Так, в стихотворении «Эти рваные облаки» эпитет *шторный* образован от имени существительного *штора* и в сочетании с лексемой *репс* (это вид ткани с рубчатым переплетением) создает образ плотной, фактурной ткани, отделяющей реальность от восприятия:

«*Городским щебетанием –*
птичий плебс,
и касанием тканевым –
шторный репс*,*
и ***глухое*** *созвучие –*
*«****штор****» и «****шторм****»,*
и почти своеручие
словоформ» («Эти рваные облаки»).

В поэтическом тексте также зафиксирована звуковая ассоциация: *штор* и *шторм* – паронимы, почти омонимичные слова, различающиеся одним согласным звуком. Звуковой прием усиливается эпитетом *глухое (созвучие)*, передающим не только акустическое, но и семантическое качество: речь идет о созвучии, которое трудно распознать.

В стихотворении «Что Агасферу дружба и родство?» в структуре генитивного эпитета (эпитет *человечьей*, используемый вместо нейтрального *человеческий)*, имеет несколько архаичную, фольклорную окраску:

«*Но там, где шагу не дается след,*
немного жаль, что выкупиться нечем, чтоб
окунуться в эту краткость лет и
непомерность жизни ***человечьей***»

(«Что Агасферу дружба и родство?»).

---

[1] *Плотникова Ю.В.* Звукосмысловая специфика поэтических текстов белгородских авторов [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 12. – № 4. – URL: https://sfk-mn.ru/en/15flsk421.html#respond (дата обращения: 13.04.2026).

[2] Здесь и далее цит. по: Яснова Л. Профиль Мнемозины: избранные стихотворения / Лана Яснова. – Белгород, 2021. – 320 с.

Анализ выявил, что наиболее яркой чертой эпитетов в поэтическом мире Ланы Ясновой является их оксюморонная природа – соединение семантически несовместимых компонентов, например:

«*Но только для тебя приберегу ночей*
непредсказуемые бредни.
А ветер кувыркается в снегу –
***абсурдном, лишнем, мартовском, последнем**…*»

(«Но только для тебя приберегу ночей»).

Ряд эпитетов к слову *снег* включает взаимоисключающие характеристики: лексемы *абсурдный* и *лишний* передают субъективную оценку лирического героя, а *мартовский* и *последний* относятся к объективным временным характеристикам. Таким образом, столкновение субъективного и объективного создает эффект особой семантической напряженности.

Частотными в поэзии Ланы Ясновой являются эпитеты, репрезентирующие образ осени и отличающиеся ярко выраженной сенсорностью (они апеллируют к осязанию, вкусу, обонянию). Например, в стихотворении «Чужая юность» эпитет (*веревочками) связанные* передает тактильное ощущение:

«*а школьники несут смешно и важно*
веревочками связанные астры» («Чужая юность»).

Таким образом, создается контраст между трогательной хрупкостью астр и способом их крепления.

Значительный пласт в поэзии Ланы Ясновой составляют прецедентные феномены. Эпитеты в этом ряду выполняют функцию культурного кодирования. Так, в стихотворении «Что Агасферу дружба и родство?» имя *Агасфер* вводит прецедентную ситуацию:

«*Что **Агасферу** дружба и родство? –*
***бессмертным**, нам, привычней **вскользь** и **вчуже**:*
Но там, где шагу не дается след,
немного жаль, что выкупиться нечем, чтоб
окунуться в эту краткость лет и
непомерность жизни человечьей»

(«Что Агасферу дружба и родство?»).

Эпитет *бессмертным* и позиции обособления подчеркивают трагическую избранность героя. Слова *вскользь* и *вчуже* передают способ существования бессмертных – отстраненный, поверхностный.

Значительную группу составляют эпитеты, выражающие субъективную оценку лирического героя, например:

«*В кулачок – монетою медною –*
*он **скупую** память возьмет и меня,*
как девочку вынянчив, –
прорастит из последних страниц,
*возвратит – **немую** и **выричью** –*
из-за самых прочных границ» («Чтобы правнук мой»).

Эпитет *скупую (память)* передает сложное отношение к наследию: память воспринимается как ограниченный ресурс (скупая в значении «недостаточная») или как бережливое отношение к прошлому (скупая в значении «экономная»). Многозначность эпитета создает особую семантическую глубину.

В данном поэтическом тексте отмечен эпитет с оксюморонной направленностью: лексема *выричья* образована от слова *вырий (ирий)*, обозначающий в древнеславянской мифологии райскую страну, теплые края, в которые улетают птицы зимой. Таким образом эпитет несет, как нам представляется, значение потусторонности, принадлежности к иному, запредельному миру. Сочетание *немая* и *выричья* создает своеобразный

оксюморонный образ – человек, принадлежащий потустороннему миру, но лишенный голоса.

Таким образом, проведенный анализ поэтического дискурса Ланы Ясновой свидетельствует о высокой частотности эпитетов разных типов, отражающий особую творческую природу мастера слова, его лингвокреативный потенциал, интерес к пограничным состояниям, парадоксальности бытия. Семантическая насыщенность эпитетов часто достигается за счет использования диалектной или архаичной лексики, а отбор определений часто подчиняется задачам звукописи. Отличительной особенностью эпитетов Ланы Ясновой также следует считать их культурную маркированность. Каждое из выбранных автором слов является результатом творческого поиска, способствует созданию впечатляющей образности.

EPITHETS IN THE POETRY OF LANA YASNOVA

E.M. Kudryavtsev
Belgorod State National Research University

This article analyzes the structural and semantic types of epithets using Lana Yasnova's poetry. Simple, compound, genitive, and oxymoronic epithets are distinguished. Sensory, culturally marked, and evaluative definitions are common among semantic types. In Lana Yasnova's poetry, epithets serve as tools for understanding the world and contribute to the creation of impressive imagery.

Key words: epithet, idiostyle, poetic discourse, semantics, Lana Yasnova

УДК 811.161.1

ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА В СТРУКТУРЕ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

К.В. Литвинова
Н. рук. – к. филол. н., доц. П.А. Чересюк
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1523720@bsuedu.ru

Роман-эпопея М.А. Шолохова «Тихий Дон» принадлежит к тем произведениям отечественной литературы, где природа и человек предстают в неразрывном единстве. Одним из наиболее ярких языковых средств, реализующих эту связь, является *зооморфная метафора* – перенос признаков животного на человека. Данный феномен становится у писателя не просто стилистическим украшением, но полноценным инструментом создания характеров, средством портретной и психологической характеристики персонажей.

В современной лингвистике человеческое мышление склонно отражать окружающий мир преимущественно в двух ипостасях: антропоморфной или зооморфной[1]. Применительно к зооморфной метафоре ключевым является понятие *зоонима* – в широком смысле, охватывающем любые наименования животных. Зоонимы как класс слов характеризуются наличием системной способности выступать в метафорических значениях в качестве характеристики человека. Зооморфная метафора служит инструментом измерения, оценки и описания человека через знакомые и наглядные образы фауны. Часто зооморфные метафоры носят оценочный характер, выражая положительное или (чаще) отрицательное отношение говорящего. Они опираются на устойчивые стереотипы, связанные с тем или иным животным в данной культуре. Как отмечает Е.М. Вольф, «цель таких метафор – приписать человеку некоторые признаки,

[1] *Телия, В.Н.* Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований); отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1977. – С. 129-221.

которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации»[1].

М.А. Шолохов использует зооморфизмы для связи человека с природным, инстинктивным началом, особенно в условиях войны и разрушения привычного уклада жизни.

Анализ фактического материала позволил выделить следующие группы метафор по виду животного-источника: териоморфная (звери), орнитоморфная (птицы), энтомоморфная (насекомые) и офиоморфная (змеи).

Териоморфные метафоры представляют собой наиболее обширную и разнообразную группу зооморфизмов, использующих образы зверей – как диких, так и домашних. Самой частотной и семантически нагруженной является группа метафор, связанных с образом волка, который актуализирует признаки агрессии, дикости, одиночества, жестокости. Характерен в этом отношении диалог Григория с Чубатым: *«– **Волчиное в тебе сердце**, а может, и никакого нету, камушек заместо него заложенный. – Могет быть, – охотно соглашался Чубатый»*[2]. Здесь зооморфная метафора становится характеристикой персонажа, лишенного, по мысли Григория, человеческого сострадания.

Образ волка неоднократно сопровождает и самого Григория. В реплике Мирона Коршунова звучит ключевая метафора: *«Сердце-то, сердце-то… – на придушенный шепот перешел Мирон Григорьевич, одной рукой царапая себе грудь, другой притягивая свата за полу, – **аль у него волчиное**?»*[3]. Зооморфная деталь подчеркивает стихийное, «звериное» начало в натуре Григория, его дикость и необузданность.

Волчья метафора используется и для передачи психологического состояния. О Степане Астахове после измены Аксиньи сказано: *«**Посеревший, дикий, в волчьей своей тоске**, подкидывал к потолку голубенькие искромсанные шматочки; повизгивающая отточенная сталь разрубала их на лету»*[4]. Здесь прилагательное *волчьей* указывает на глухое, беспросветное, звериное отчаяние.

Образ лисы традиционно связан с хитростью, скрытностью. У М.А. Шолохова эта метафора получает лаконичное, но выразительное воплощение в портрете Дарьи: *«Пантелей Прокофьевич сидел, не поднимая опущенной головы, будто и не слышал разговора. Мимо него прошла к дверям Дарья, тая под опущенными веками **лисий блеск**...»*[5]. Метафорический эпитет *лисий* передает не только внешнюю характеристику (характерный разрез глаз), но и внутреннюю сущность героини – лукавство, скрытность, неискренность.

Образ собаки использован М.А. Шолоховым для характеристики Натальи Мелеховой, чья любовь к Григорию носит самоотверженный, но унизительный характер: *«...она ждала поклона от Гриши и хоть легкого, хоть вскользь, упоминания о ней – в награду за ее **собачью привязанность, за верность**»*[6]. Сравнение с собакой здесь несет амбивалентную оценку: с одной стороны – преданность, с другой – отсутствие достоинства, готовность терпеть унижения.

Образ лошади (кобылы и жеребца) также активно используется. Пантелей Прокофьевич о Дарье говорит: *«–Ты Дашку не милуй! Нехай побольше работы несет. За делами некогда будет блудить-то, а то **она – гладкая кобыла…** У ней только что на уме – игрища да улица»*[7]. Зооморфизм *кобыла* в устах старого казака несет резко негативную оценку и означает отсутствие забот, склонность к легкомысленным, поверхностным поступкам, к развлечениям.

---

[1] *Вольф, Е.М.* Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. – Москва: Наука, 1988. – С. 52-64.
[2] *Шолохов*, М.А. Тихий Дон. Том I: [роман] / М.А. Шолохов. – Москва: Эксмо, 2021. – С. 288.
[3] Там же. – С. 318.
[4] Там же. – С. 156.
[5] Там же. – С. 415.
[6] Там же. – С. 311.
[7] *Шолохов*, М.А. Тихий Дон. Том I: [роман] / М.А. Шолохов. – Москва: Эксмо, 2021. – С. 408.

Особенно показательно в романе использование устойчивого зооморфного образа кошачьих глаз применительно к Митьке Коршунову. Этот образ проходит через весь текст как лейтмотив: *«**Зрачки – кошачьи**, поставленные торчмя, оттого взгляд Митькин текуч, неуловим»*[1]; *«Играл Митька **зелеными кошачьими глазами**, масляно блестел в темноте сеней разрезами зрачков»*[2]. Простая метафора *кошачьи глаза* становится устойчивой характеристикой персонажа, указывая на его скрытность, хищность, неуловимость, ненадежность и аморальность.

Образ телячьих глаз сопутствует Прохору Зыкову: *«...говорил, сияя **ласковыми телячьими глазами**, смирный Прохор Зыков»*[3]. Повторяемость этой детали создает эффект лейтмотива, подчеркивая добродушие, наивность, некоторую примитивность Прохора, который, однако, под влиянием войны утрачивает свою «телячью» невинность.

Орнитоморфные метафоры (с использованием образов птиц) также занимают значительное место в романе. Птичьи образы у М.А. Шолохова часто характеризуют поведение, походку или голос, придавая описанию динамизм. Пантелей Прокофьевич неоднократно сравнивается с петухом: *«–Доброго здоровья! – спотыкаясь о порог, **кукарекнул** Пантелей Прокофьевич и, сконфузясь зычного своего голоса, лишний раз перекрестился на образ»*[4]. Орнитоморфная метафора здесь подчеркивает задорность, боевитость, некоторую комичность старого казака, его стремление выглядеть моложавым и энергичным; *«...младший, Григорий, в отца попер: на полголовы выше Петра, хоть на шесть лет моложе, такой же, как у бати, **вислый коршунячий нос**...»*[5]. Зооморфная метафора *коршунячий нос* означает нос с ярко выраженной горбинкой и загнутым вниз кончиком, напоминающим хищный клюв. Она подчеркивает не просто внешнее сходство, но и связь с характером отца: хищность и властность. Коршун ассоциируется с хищником, способным выслеживать и нападать. Это намек на жесткий, волевой или опасный нрав.

Энтомоморфные (насекомое) метафоры в русском языке чаще всего несут отрицательную оценочность, актуализируя признаки ничтожности, назойливости, вредоносности: *«...Дуняшка прошла через двор к Дону полоскать. – Наташа, милушка, там в Красном логу воробьиного щавлю – сила, нарви! – Нарву, нарву. – **Цыц, стрекотуха**! – Пантелей Прокофьевич махал костылем»*[6]. Метафора передает непоседливость, энергичность и болтливость героини.

Офиоморфные метафоры используют образы змей для характеристики человека. Офиоморфные метафоры часто актуализируют признаки скрытой угрозы, изворотливости, ядовитости характера. В тексте «Тихого Дона» неоднократно можно встретить эпизоды, в которых другие герои часто называют Аксинью змеей: *«Свела со света Наталью, а зараз норовит, проклятая, к детям подобраться, чтобы через них потом Гришку опутать. **Ну, и змея**! В снохи при живом муже метит... Только не выйдет её дело! Да разве её Гришка после такого греха возьмёт?»*[7]. Зооморфная метафора *змея* в данном контексте означает коварного человека, который действует с холодной жестокостью и расчетом.

Зооморфизмы, проецируемые на человека, характеризуют и оценивают его под разными углами зрения, включая психологические, эмоциональные, физические и даже социальные качества. Это достигается за счет того, что животное выступает в роли эталонного носителя определенных свойств, закрепленных в обыденном сознании.

В портретной характеристике зооморфные детали работают на создание запоминающегося, визуально точного образа. *Коршунячий нос* Григория, *кошачьи глаза* Митьки, *телячьи глаза* Прохора, *лисий блеск* Дарьи, *бычье лицо* Кутепова – каждая из этих

[1] Там же. – С. 13.
[2] Там же. – С. 166.
[3] Там же. – С. 218.
[4] Там же. – С. 76.
[5] Там же. – С. 9.
[6] *Шолохов,* М.А. Тихий Дон. Том I: [роман] / М.А. Шолохов. – Москва: Эксмо, 2021. – С. 121.
[7] Там же. – С. 198.

метафор становится визитной карточкой героя, позволяя читателю мгновенно идентифицировать персонажа и предугадать его поведение.

В поведенческой характеристике зооморфизмы передают манеру движения, походку, жестикуляцию, звук. Пантелей Прокофьевич *кукарекнул*, Лиховидов *выл* и др.

Зооморфная метафора у М.А. Шолохова практически всегда оценочна. Характер оценки может быть как отрицательным, так и положительным. Резко отрицательную оценку несут зооморфизмы *гладкая кобыла* (о Дарье), *волчье сердце* (о Чубатом), *змея* (об Аксинье). Положительная оценка представлена в сравнении Пантелея Прокофьевича с *«молодым петухом»* (при сватовстве).

Через оценочную функцию метафора помогает читателю определить место героя в системе морально-этических координат произведения.

Зооморфные метафоры М.А. Шолохова обладают высоким экспрессивным потенциалом, усиливая образность и эмоциональное воздействие на читателя. В сцене, где Мирон Григорьевич Коршунов говорит о Наталье и Григории, он восклицает: *«аль у него волчиное?»* (о сердце Григория). Вопрос звучит резко и больше похож на риторическое восклицание, подчеркивающее тревожное состояние говорящего.

Характеристика персонажа неизбежно влечет за собой оценку, которая, в свою очередь, усиливается экспрессивной формой подачи и закрепляется в памяти читателя благодаря мнемоническому потенциалу метафоры.

Таким образом, при помощи зооморфной метафоры осуществляется визуальная и психологическая репрезентация образов персонажей в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» через преобладающее использование териоморфных метафор с отрицательной оценочностью, адъективных по структуре и характеризующих по функции.

ZOOMORPHIC METAPHOR IN THE STRUCTURE OF IMAGES OF CHARACTERS IN M.A. SHOLOKHOV'S NOVEL "THE QUIET DON"

K.V. Litvinova
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the study of zoomorphic metaphor in the structure of images of characters in M.A. Sholokhov's novel "The Quiet Don". The article examines the most frequent images of animals, the features of which are projected onto the characters. The results of the analysis indicate that zoomorphic metaphors have a high expressive potential, carry evaluative meanings and act as a means of artistic characterization of characters.

Key words: zoomorphic metaphor, M.A. Sholokhov, "The Quiet Don", zoomorphic images

ТЕКСТ В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ФУНКЦИОНАЛЬНОМ И КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТАХ

УДК 81`42

ЦИТАТЫ ИЗ КОРАНА В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ: СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ

А.Я.А. Аль-Тамими
Н. рук. – д. филол. н. проф. И. И. Чумак-Жунь
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1861761@bsu.edu.ru

Исследование механизмов включения коранических цитат в русский художественный текст представляет значительный интерес для современной лингвокультурологии. Коран как сакральный текст исламской цивилизации обладает особым семиотическим статусом: его цитирование в инокультурном дискурсе неизбежно порождает межкультурный диалог, в котором встречаются два различных кода — исламо-арабский и русско-православный.[1] Данная проблематика рассматривалась нами применительно к стихотворению А.С. Пушкина «Пророк», что позволило выработать аналитический инструментарий для описания механизмов интертекстуального взаимодействия в поэтическом дискурсе.

Актуальность темы обусловлена необходимостью системного описания способов интеграции коранических элементов в русскую художественную поэзию. Целью данной работы является выявление и классификация основных способов введения и трансформации коранических цитат в текстах русских поэтов XIX в. Материалом исследования послужили поэтические тексты А.С. Пушкина из цикла «Подражания Корану» (1824).[2]

1. Прямое цитирование коранического текста. Первый способ предполагает включение айата «АЙА. (араб. آية — знамение, знак) — (мн. Ч. айат; «знак», «чудо»; по-русски употребляется в форме айат) — наименьший выделяемый отрыво коранического текста, «стих» Корана»[3] с сохранением его атрибуции. Пушкин в цикле «Подражания Корану» (1824) даёт эпиграф-атрибуцию «И сказал Господь» как прямую отсылку к коранической речи. В стихотворении IX он воспроизводит образ коранической клятвы (сура 93 «ад-Духа») с эксплицитным указанием на источник:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой...

Данные строки представляют собой трансформированную, но атрибутивно маркированную проекцию суры «ад-Духа» (93:1–3): «Клянусь утренним светом и ночью, когда она успокаивается...». Пушкин сохраняет синтаксическую формулу клятвы («клянусь + объект»), умножая её и насыщая военной лексикой («мечом», «битвой»), что соответствует романтическому коду эпохи. Именно через эту формульную структуру русский читатель идентифицирует источник даже без прямой ссылки на суру[4].

---

[1] *Чумак-Жунь И.И.,* Аль-Тамими А.Я.А. Исламо-арабский культурный код в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 44, № 2. – С. 157-170.

[2] *Пушкин А.С.* Подражания Корану // Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.: АН СССР, 1962. – Т. 2. – С. 337–349.

[3] *Резван Е.А.* Айат // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, 1991. – С. 16.

[4] Там же. С. 345.

2. Имплицитное (скрытое) цитирование. Данный способ предполагает включение коранических образов без эксплицитной атрибуции. В стихотворении «Подражания Корану» (II) Пушкин использует образ ниспослания священного текста:

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины

Образ «жён пророка» восходит к суре «аль-Ахзаб» (33:30–33), где говорится об особом статусе супруг Пророка и их моральной ответственности. Пушкин не называет суру, однако читатель, знакомый с Кораном в переводе Г.С. Саблукова, немедленно распознаёт прецедентный источник. Имплицитное цитирование здесь создаёт эффект «двойного дна»: текст читается как лирическое стихотворение и одновременно как медитация над коранической этикой[1].

3. Аллюзивное использование коранических образов. Аллюзия апеллирует к коранической ситуации, не воспроизводя конкретного айата. В стихотворении «Подражания Корану» (III) Пушкин обращается к образу ниспослания Книги:

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.

Здесь нет конкретной кораниче-ской цитаты, однако описывается ситуация ниспослания (танзиль) — центральное теологическое понятие ислама. Пушкин апеллирует не к тексту, а к событию, известному читателю из исламской истории. Глагол «отдал» точно передаёт коранический концепт «нузуль» (нисхождение Откровения), чем достигается высокая степень культурной достоверности при отсутствии буквального цитирования[2].

4. Трансформация коранического материала. Трансформация предполагает переработку коранического образа путём его семантической перекодировки или жанровой адаптации. В стихотворении «Подражания Корану» (VI) Пушкин трансформирует образ рая (джанна) из суры «аль-Вакиа» (56:15–38):

Блаженны падшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем

Коранический рай изображается в суре «аль-Вакиа» через образы текущих рек, садов, прохлады и плодов. Пушкин переносит эти образы в реалистически ощутимый пейзаж «пустыни», опуская эсхатологический контекст и переакцентируя их с загробного вознаграждения на земную красоту природы. Происходит десакрализация при сохранении сенсорной конкретности — трансформация теологического образа в поэтический[3].

5. Псевдоцитирование (стилизация под коранический текст). Наиболее сложный приём — создание авторских текстов, имитирующих ритмику и синтаксис Корана, без опоры на конкретный айат. У Пушкина в стихотворении «Подражания Корану» (VIII) читаем:

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.

[1]Там же. С. 340.
[2]Там же. С. 339.
[3]Там же. С. 343.

В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Перед нами авторское высказывание, которое воспроизводит коранический синтаксис «Я дал вам...» — типичную формулу Богообращения (ср.: «Мы дали вам слух, зрение и сердце», сура 23:78). Речь от первого лица Творца, синтаксические параллелизмы и дидактический тон создают убедительную стилизацию под священный текст, хотя данный айат не существует. Псевдоцитирование позволяет Пушкину включить в цикл собственные философские суждения, облачив их в авторитетную форму сакрального слова.[1]

С когнитивно-дискурсивной точки зрения, все описанные способы объединяет общий механизм: активация межкультурной памяти читателя через систему прецедентных текстов.[2] Знакомый с Кораном читатель считывает дополнительный смысловой пласт, тогда как читатель, не владеющий данным кодом, воспринимает коранические элементы как экзотику, выполняющую преимущественно колоритообразующую функцию. Это порождает двухуровневую структуру художественного текста, характерную для интертекстуальной поэтики,[3] которую И.И. Чумак-Жунь рассматривает как один из ключевых механизмов смыслопорождения в поэтическом дискурсе.

Таким образом, анализ «Подражаний Корану» А.С. Пушкина показывает, что русская литература выработала разветвлённую систему способов работы с коранической цитатой: от прямого цитирования и имплицитных аллюзий до глубокой трансформации образов и авторской стилизации. Коранические цитаты выполняют полифункциональную роль: они служат средством создания восточного колорита, инструментом философского осмысления инокультурных ценностей и элементом интертекстуальной игры. Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса текстов XIX–XXI вв. и применением когнитивно-дискурсивных методов для описания механизмов трансформации исламо-арабского культурного кода в русском литературном дискурсе.

QURANIC QUOTATIONS IN RUSSIAN LITERARY DISCOURSE: METHODS OF INTRODUCTION AND TRANSFORMATION

A.Y.A. Al-Tameemi
Belgorod State National Research University

The article examines the methods by which Quranic quotations are introduced and transformed within Russian literary discourse. Drawing on Pushkin's cycle "Imitations of the Quran" (1824), the study identifies and illustrates five principal strategies: direct citation (Surah 93), implicit citation (Surah 33), allusive usage (the concept of tanzil), semantic transformation (the paradise imagery of Surah 56), and pseudo-citation (stylisation of Quranic syntax). Each method is illustrated with poetic examples and comparative analysis of the Quranic source and its authorial transformation. The research demonstrates that Quranic elements serve multifunctional roles in Russian literary texts, operating simultaneously as markers of cultural authenticity, philosophical meditation, and vehicles for intertextual meaning-making.

Key words: Quranic quotations, Russian literary discourse, Islamic-Arabic cultural code, Pushkin, intertextuality, transformation.

[1]Там же. С. 347.
[2]*Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – С. 78.
[3]*Чумак-Жунь И.И.* Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – С. 227

УДК 81

МЕТАФОРА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ И РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОСИСТЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКИ)

Е.С. Блажиевская
Н. рук. – д. филол. н., профессор И.И. Чумак-Жунь
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1474947@bsu.edu.ru

Длительное время метафора изучалась преимущественно в рамках поэтики и риторики как троп, фигура речи, украшающая текст, «как средство орнаментального украшения речи»[1]. Концептуальный характер метафоры не изучался системно. Однако во второй половине XX века, благодаря работам по изучению лингвокультурного пространства Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора стала активно рассматриваться в когнитивном контексте как способ осмысления абстрактных понятий через более конкретные и непосредственно данные в опыте, при этом, по мнению исследователей, «обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [2].

Особый интерес представляет роль метафоры в научном познании. На первый взгляд, наука стремится к однозначности и точности, тогда как метафора основана на образности и многозначности. Однако, как показывает история изучения языковых процессов, именно метафора часто становится тем инструментом, который позволяет смоделировать представления о новом объекте или явлении через аналогию с уже изученным. Благодаря своей наглядности метафора, порождая в сознании языковой личности ассоциации по форме, цвету, размеру и функции, помогает понять и объяснить многие факты.

Изучение метафоры сегодня находится «на пересечении нескольких научных плоскостей: 1) – психолингвистической; 2) – когнитивной; 3) – социолингвистической; 4) – дискурсивной»[3]. Цель нашей статьи – рассмотреть метафору в научном дискурсе как единство структурно-семантических, когнитивных и дискурсивных характеристик. Материалом исследования служит компьютерная терминология, где, в силу стремительного развития сферы и необходимости номинировать новые понятия, процессы метафоризации особенно важны.

Ключевым для анализа научной метафоры является понятие метафорической модели. А.П. Чудинов определяет метафорическую модель как «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для создания вторичных значений»[4]. Иными словами, это устойчивая аналогия между двумя моделями – источником знания (более конкретного, знакомого) и научным объектом (новым, абстрактным, требующим осмысления). Так, метафора является средством формирования вторичных наименований в создании научной языковой картины мира.

А.В. Суперанская выделяет несколько способов создания терминов, среди которых

---

[1] *Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово»: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н.Ф. Алефиренко. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – С. 167.

[2] *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

[3] *Чумак-Жунь И. И., Стручалина Г. В.* Прагматический потенциал ольфакторной метафоры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 21(242). – С. 23-30.

[4] *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография /Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.

ключевую роль играет метафоризация в рамках двух основных процессов: терминологизация – использование общелитературного слова для обозначения нового научного понятия с последующим переводом в разряд терминов (например, *мышь, окно*), транстерминологизация – перенос термина из одной научной сферы в другую, при котором происходит переосмысление значения (например, *вирус*) [1].

В процессе терминологизации осуществляется концептуализация явлений, отдаленных от обыденного речевого мышления. Соответственно, языковая картина мира влияет на научный дискурс.

Продемонстрируем процесс метафоризации на примере лексемы *корзина* — означает «папка для временного хранения удаляемых пользователем файлов»[2]. Укажем ее прямое значение согласно словарю С.И. Ожегова: «Плетеное изделие, служащее вместилищем для хранения вещей, для упаковки, переноски». Его семантическая структура представлена компонентами: ’изделие’ + ’хранилище’ + ’содержит вещи’ + ’для переноски’ или ’для безвозвратного удаления вещей’. Именно эти семы становятся основанием для метафорического переноса в компьютерную сферу, где состав сем видоизменяется: ’хранилище’ + ’содержит ненужные объекты’ + ’возможность восстановления объектов’ + ’возможность безвозвратного удаления объектов’.

Подобно тому как человек бросает ненужный предмет в мусорную корзину, оставляя себе возможность вернуть его до момента выноса мусора, пользователь компьютера отправляет файл в *корзину*, сохраняя шанс на его восстановление.

Однако когнитивно-семантический потенциал лексемы *корзина* не ограничивается её терминологическим закреплением в данной сфере. Происходит и обратный процесс: термин, возникший в компьютерном дискурсе, начинает влиять на общеупотребительную лексику, обогащая её, придавая новое значение. В современной разговорной речи и текстах СМИ всё чаще встречаются выражения с лексемой *корзина* в значении окончательного удаления, отказа от чего-либо, например, «отправить в корзину» («Фактически отказавшись от «протокола Киото» и заявив о намерении «отправить в корзину» Договор по ПРО 1972 года…». Рассмотрим также выражение «очистить корзину», в данном случае это – метафора полного избавления от ненужного, а также *корзина* может обозначать любое временное хранилище удалённого или отложенного материала (например, в электронной почте «корзина» вместо «удалённые сообщения») или в интернет-магазинах, где корзина покупателя выполняет иную функцию (временное хранение выбранных, но ещё не купленных товаров). Последний пример особенно интересен, поскольку семантика слова *корзина* меняется: в пространстве интернет-покупок оно обозначает не удаление, а, напротив, отбор ценных товаров, то есть актуализируется сема временного вмещения, но признак второстепенной ценности утрачивается, а сема, обозначающая ’возможность безвозвратного удаления объектов’ заменяется на противоположную, так как человек помещает в корзину привлекающий его товар, который он хочет приобрести. Согласно точке зрения Н.Ф. Алефиренко, метафора помогает увидеть объект в свете другого, порождает «появление в нашем мировосприятии нового эмоционально-оценочного отношения к тому, что ранее было принято этнокультурой в качестве узуального соположения вещей».

Итак, метафора в научном дискурсе – значимое когнитивно-семиологическое явление, обеспечивающее процессы номинации, моделирования и концептуализации нового знания, выступающее средством создания нового смыслового содержания языкового знака. Метафора способна репрезентировать явления путем их ассоциативно-образного сближения с более знакомыми фактами, предметами. На примере

[1] *Суперанская А.В.* Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. — Москва: URSS, 2012. — 243 с.

[2] *Дорот, В.Л.* Толковый словарь современной компьютерной лексики / Вячеслав Дорот, Федор Новиков. – 3-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: БХВ-Петербург,2004. – 604 с.

компьютерного термина *корзина* мы убедились, что лексическая единица, обладая когнитивным потенциалом, может порождать новые значения и использоваться в различных сферах человеческой жизни.

METAPHOR IN SCIENTIFIC DISCOURSE: STRUCTURAL AND SEMANTIC TYPES AND THEIR ROLE IN THE FORMATION OF TERMINOLOGICAL SYSTEMS (BASED ON COMPUTER VOCABULARY)

E.S. Blazhievskaya
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the study of metaphor in scientific discourse as a mechanism for generating new terms. The paper analyzes the process of metaphorical terminology formation in three aspects: structural and semantic (types of transfers and models of education), cognitive (mechanisms of conceptualization) and discursive (functioning in scientific communication). Using the material of computer terminology, it is demonstrated how a metaphor turns from a means of artistic expression into a tool for scientific knowledge and the formation of terminological systems.

Key words: scientific metaphor, terminology formation, conceptual metaphor, computer terminology, metaphorical model.

УДК 81

ИМЯ *ФЕТ* КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Р.А. Голотовская
Н. рук. – д. филол. н., проф. И.И. Чумак-Жунь
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
r.golotovskaya@yandex.com

В современной лингвистике прецедентность представляет собой сложное и многогранное явление, требующее всестороннего изучения. Ученые, занимающиеся рассмотрением этой области лингвистики, не пришли к единому определению научного термина, допуская разные трактовки понятий и выделяя различные признаки прецедентности.

Обобщая лингвистический опыт, изложенный в предшествующих трудах, Н.В. Смыкунова дает следующее определение прецедентным феноменам, называя их «единицами дискурса, регулярно возобновляемыми в речи, известными всем представителям национального лингвокультурного сообщества, имеющими общий минимизированный коннотативно окрашенный инвариант восприятия, обращение к которому понятно без дополнительной расшифровки»[1].

Прецедентные имена (ПИ), являющиеся одним из видов прецедентных феноменов (ПФ), представляют собой, по мнению Д.Б. Гудкова, «особую группу имен собственных, отличных от основного корпуса последних по своей семантике и функционированию»[2].

Наше исследование предваряет гипотеза, что имя А.А. Фета в менталитете и лингвокультурном сознании русского человека давно вышло за пределы обозначения конкретной исторической личности, превратившись в некую эстетическую парадигму. В разные временные периоды прецедентные имена будут отражены в художественном дискурсе по-разному, что подтверждает монография И.И. Чумак-Жунь: «Последовательное изучение разновременных контекстов, в которых встречается конкретное прецедентное имя, позволяет решить вопрос об изменчивости устойчивости

[1] *Смыкунова Н.В.* Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному: дис. канд. пед. наук. – Москва, 2003. – 52 с.
[2] *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. Москва: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.

набора дифференциальных признаков полисемантичного художественного прецедентного имени»[1].

Место А.А. Фета в истории русской культуры, несомненно, можно обозначить единственно верной номинацией – поэт. В качестве поэта ему удалось расширить границы поэтической деятельности, утвердить возможность поэтического восприятия различных сфер жизни, как литературной, так и служебной, хозяйственной. Будучи «поэтом, прозаиком, публицистом и переводчиком»[2], А.А. Фет сохранился в коммуникативном сознании как образец искусства, отрешенного от бытовых и социальных проблем, он – эталон «чистой поэзии» и беспредметности.

Обратившись к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), видим, что ПИ *Фет* встречается в поэтических текстах со второй половины XIX века до наших дней. Отметим, что Ф.И. Тютчев пишет несколько посланий, адресованных близкому другу, А.А. Фету. Здесь: «Иным достался от природы…» (1861), «Тебе сердечный мой привет…» (1862). А.А. Григорьев (1846), В.С. Соловьев (1898) также посвящали Фету свои лирические произведения.

В поэтических текстах XX века, которые были взяты за основу данного исследования, Фет – это олицетворение некого художественного эталона, маркера «чистого искусства».

Прецедентные имена, встречающиеся в НКРЯ, можем разделить на несколько тематических групп:

1) ПИ *Фет* как символ поэзии «чистого искусства».

Упоминание А.А. Фета в сознании представителей поэзии XX века относит читателя к высокой лирике, погружая в некое уединение и эстетическую отрешенность: «И в этой прохладе, над этой водой, / Где сердце смеется от счастья и света, / Все кажется вдруг золотой-золотой / Страницей из томика милого **Фета**» [В.К. Обухов. «О гравий дорожек хрустит башмачок…» (1933)], «Пушкин — радуга по всей земле, / Лермонтов — путь млечный над горами, / Тютчев — ключ, струящийся во мгле, / **Фет** — румяный луч во храме» [В.В. Набоков. «Пушкин — радуга по всей земле…» (1922)], «Пока у нас в снегах весны простыл и след, / Там — те же соловьи и с ними тот же **Фет**…» [Я.П. Полонский «Нет, не забуду я тот ранний огонек…» (01.02.1888)], «О розы, звезды, лунный свет, / Скамейка круглая и **Фет**!» [С.М. Соловьев «В краю, куда во время оно…» [Послания и мадригалы] (1909-1912)].

Чувствуя непоэтичность социально-политических проблем, А.А. Фет стремился к красоте, к поэтическому воплощению человека к красоте. Это и есть «тайна» его личности: «Я никогда не мог понять, чтобы искусство интересовалось чем-либо помимо красоты».[3]

Делаем вывод, что поэты XX века обращались к Фету, к его лирике с целью научиться проникаться природой и любовью, обрести в своей лирике такую же чувственность и импульсивность.

2) ПИ *Фет* как источник диалогичности.

Использование имени А.А. Фета в поэтическом дискурсе XX века может служить интертекстуальной аллюзией, направленной на разговор с поэтом о природе, искусстве и творчестве в целом: «Обратись к луне, к природе / Пой утехи юных лет — / Ведь поет же в этом роде / **Фет, Фет, Фет**» [В.И. Богданов «Как-то муза мне сказала…»], «На Земляном Валу из-за угла / Встает цветник, живой цветник из **Фета**» [Б.Л. Пастернак «Стояло утро, летнего теплей…» (1925)], «Трибунная поэзия притихла, / а тихая криклива: «С нами

---

[1] *Чумак-Жунь, И. И.* Художественное прецедентное имя как единица массового коммуникативного сознания / *И. И. Чумак-Жунь, А. С. Титова*. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2023. – 116 с. – ISBN 978-5-6049377-4-7. – EDN ZREWSR

[2] Русские писатели. XIX век: биографический словарь: А – Я / сост. С.А. Джанумов. – Москва: Просвещение, 2007. – 574 с.

[3] *Фет А. А.* Мои воспоминания. Ч. 1. – М., 1890. – 225 с.

Фет!», «Без спросу превращая **Фета** в фетиш, / бубенчики бренчат с прогнивших дуг: «Эстрада, ты за все еще ответишь», «Мне дорог **Фет**, хоть есть поэты лучше, / но, как на расплодившихся котят, / с тоскою натыкаюсь я на кучи / мурлыкающих сереньких **фетят**» [Е.А. Евтушенко «В поэзии сегодня как-то рыхло…» (1971)], «Возьми хрестоматию — там тебе **Фета** / описанья сладкие / для птичьего ума — весна как весна, / лето как лето, / зима как зима» [Б.П. Корнилов «И капель и оттепель, / окна ясны…» (1931)].

3) ПИ *Фет* как средство создания ироничного образа.

Некоторые поэты, вступая в диалог с современностью, вспоминают А.А. Фета, иронизируя над его «чистотой» и лиризмом: «Молил поэта Блок-поэт: / «Во имя **Фета** / Дай обет — / Довольно выть с эстрады / Гнусавые баллады!», «В наивном горе / Думал он: / «Ах! нынешние **Феты** / Как будто не поэты…» [Саша Черный «Молил поэта Блок-поэт…» (1908)], «Мне говорят: / Учитесь трелям **Фета**, / Льют соловьи, / Грохочет водоем; / Ах, чудаки, / Друзьям, как эстафету, / Мы, умирая, / Песнь передаем» [И.П. Уткин «Мне говорят; / Мол, мы не дышим маем…» (1930)], «В ней и убогое богато, / Полны значенья пустячки: / Княгиня старая с Арбата / Читает **Фета** сквозь очки…» [И. Северянин «Мой взор мечтанья оросили…» (1925)], «Я был из тех — московских / вьюнцов, с младенческих почти что лет / усвоивших, что в мире есть один поэт, / и это Владим Владимыч; что Маяковский — / единственный, непостижимый, равных — нет / и не было; / все прочее — тьфу, **Фет**» [Я.А. Сатуновский «Я был из тех — московских…» (1945-1950)].

Некоторые поэты прибегают к чрезмерной едкости и иронии, давая понять, что поэзия А.А. Фета становится символом устаревшей нежности.

Анализируя поэтическое пространство Национального корпуса русского языка, основные векторы интерпретаций и выбор фетовской лирики поэтами XX века, можем говорить о том, что основные формы репрезентации творчества А.А. Фета связаны с принадлежностью поэта к «чистому искусству», с масштабностью и гениальностью личности поэта, а также являются сатирическим осмыслением расхожих шаблонных оценок его стихов. Стоит отметить, что последняя форма осмысления лирики А.А. Фета – это поэтические видения поэтов-футуристов, а также поэтов, ориентирующихся на их творчество.

THE NAME FET AS A PRECEDENT PHENOMENON (BASED ON THE MATERIALS OF THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

R.A. Golotovskaya
Belgorod State National Research University

The article analyzes the features of the functioning of the name and texts of A.A. Fet as a source of precedent in poetry of the XX century. Based on the National Corpus of the Russian Language, intertextual features based on the transition of a proper name into a precedent name are considered.

Key words: A.A. Fet, precedent, precedent name, intertextuality.

УДК 81.374

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ: ОТ ШИРОКОГО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА К УЗКОСПЕЦИАЛЬНОЙ ФИКСАЦИИ

В.В. Зубкова
Н. рук. – д. филол. н., проф. И.И. Чумак-Жунь
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1377484@bsuedu.ru

Эволюция описания лингвистических терминов отражает ключевые изменения в развитии отечественного языкознания и лексикографической традиции. На протяжении длительного времени фиксация собственно лингвистических терминов наблюдалась исключительно в источниках широкого употребления. В толковых словарях термины

рассматривались в контексте общей лексики, как правило, с акцентом на их общеупотребительное значение и широкую семантическую палитру. Такой подход обеспечивал доступность терминологических описаний для всех людей, не зависимо от их увлечения наукой о языке. Однако это приводило к размыванию границ между научным и обыденным пониманием понятий. Ярким примером широкого лексикографического подхода служит «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова.

В современной лингвистике наблюдается тенденция к узкоспециализированной фиксации терминов. Это связано с углублением и расширением научных исследований и появлением новых направлений. С возникновением терминографии в словарных статьях научных понятий акцент стал смещаться на точность, однозначность и системность толкований. В ряду подобных источников особое место занимают труды О.С. Ахмановой, Д.Э. Розенталя и Т.В. Жеребило.

На материале указанных лексикографических тезаурусов мы будем анализировать трансформацию словарного описания лингвистических терминов.

Толковый словарь С.И. Ожегова впервые был издан в 1949 году и содержит около 100 000 слов. Его особенность состоит в том, что лингвистические термины представлены в окружении общеупотребительных слов, что способствует их усвоению широкой аудиторией, а также формированию базовой лингвистической компетенции – от школьника начальных классов до студента вуза.

Анализ терминологического состава показал, что в словнике, преимущественно включающем общеупотребительные лексемы, есть достаточное количество терминов, среди них более двухсот лингвистических. Кроме того, важно отметить, что словарь С.И. Ожегова не содержит этимологических справок и специальных помет, которые позволяют точно относить данное слово к определенной научной отрасли. Однако в дефиниции нередко используются уточнения — «в языкознании», «в фонетике» и т.д., например: «АНТОНИМИЯ, -и, ж. В языкознании: отношения, существующие между антонимами. II прил. антонимический, -ая, -ое»[1]

С.И. Ожегов вводит только помету *спец.,* но она не дает нам четкого представления о принадлежности слова к определенной отрасли знания, в подобном случае стоит или ориентироваться на семантику слова, или воспользоваться специальным словарем лингвистических терминов.

Перейдем к рассмотрению узкоспециальных источников. Издание О.С. Ахмановой «Словарь лингвистических терминов» (1966 г.) представляет собой фундаментальный труд, ориентированный на широкий круг филологов. В нем содержатся около 7 000 терминов, охватывающих все основные дисциплины лингвистики. В словарных статьях содержатся толкования, иллюстрации употребления, перевод термина на английский язык и соответствующие понятия во французском, в немецком и испанском языках.

Следующий по хронологии – «Словарь-справочник лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (1976), включающий около двух тысяч слов. Этот тезаурус отличается от предыдущего, о чем говорится в предисловии к изданию. По словам самих авторов, данный труд носит более прикладной характер, поскольку полезен при выполнении каких-либо учебных заданий или написании научных работ. Иными словами, этот словарь сфокусирован на потребностях людей, которые только начинают изучать лингвистику или в процессе ее изучения.

И, наконец, обратимся к более современному лексикографическому источнику – к «Словарю лингвистических терминов» Т.В. Жеребило. В предисловии к первому изданию данного тезауруса сказано о том, что он содержит всего 917 понятий, а уже в пятом издании объем лексем увеличивается до 5000 слов.

Несмотря на то, что словарь XXI века количественно уступает изданию О.С. Ахмановой, с точки зрения актуальности он все же является более полезным для

[1] *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2000. – С.789.

современных школьников и студентов, поскольку в состав его словника входят терминолексемы новых направлений лингвистики, которые не отмечены в источнике прошлого столетия.

Например, только у Т.В. Жеребило дается толкование терминам *когнитивная грамматика, прагматика, интенция, когезия, диахроническая социолингвистика* и т.д.

В целях более детального изучения трансформации терминосистем в составе словарей рассмотрим во всех четырех источниках словарные статьи лексемы *язык*.

С.И. Ожегов выделяет 3 омонима: *язык как орган*, *язык как система общения*, *язык как нация* (с пометой, что это устаревшее значение). В целом, каждое из этих определений охватывает множество значений (*язык 2* имеет аж 6 толкований), включая переносные с культурной коннотацией. Поскольку данный источник представляет собой систему лексем, которые используют рядовые пользователи, каждое определение *языка* является следствием «мышления человека, его биологическими предпосылками и способностью к классифицирующей и обобщающей деятельности»[1].

О.С. Ахманова дает точное, строго научное определение. Здесь не выделяются омонимы, но представлено два значения:

«ЯЗЫК англ. language, фр. langue, нем. Sprache, исп. lengua. 1. Одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т. п. 2. Совокупность телодвижений, звуков и т. п., используемых животными в общении друг с другом (предупреждение об опасности, сообщение об обнаружении пищи и др.). Язык животных. Язык пчел.»[2]

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя также представлена группа омонимов, но выделяется два значения: язык как «система фонетических, лексических и грамматических средств, являющаяся орудием выражения мыслей, чувств, волеизъявлений и служащая важнейшим средством общения людей»[3] и язык как разновидность речи. Помимо основного определения, автор разбирает соотношение понятий *язык* и *речь* с приведением цитат и научных позиций, что выходит за рамки привычных толкований, расширяя кругозор пользователя.

В словаре Т.В. Жеребило выделяется два омонима с использованием специальных помет:

«ЯЗЫК 1 (анат.). Орган, участвующий в образовании звуков речи, в частности, язычных согласных – самых распространенных в языках мира.

ЯЗЫК 2 (линг.). Важнейшее средство общения, знаковый механизм общения; совокупность и система знаковых единиц общения в отвлечении от многообразия конкретных высказываний отдельных людей. Я. включает пять основных уровней: фонетику, лексику, словообразование, морфологию, синтаксис. Стилистика – это особый «уровень» языка, который как бы проходит по всему срезу его структуры. (Г.О. Винокур).»[4]

В лингвистическом значении автор подчеркивает знаковый характер языка и выделяет его уровни, однако, структура словарной статьи представлена довольно кратко и лаконично, практически без использования примеров употребления.

---

[1] *Чумак-Жунь, И. И.* Влияние внешних факторов на изменение семантики слова: дискурс и полисемия / И. И. Чумак-Жунь // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2018. – № 6. – С. 545.

[2] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов: [лингвостилистика, синтаксис, морфология, фономорфология, фонетика, лексикология: около 7000 терминов] / О. С. Ахманова. — Изд. 5-е — Москва: Либроком, 2009. — С. 534.

[3] *Розенталь Д. Э.,* Теленкова М.А., Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. — 3-е изд., испр. и доп.— М.: Просвещение, 1985. — С. 355.

[4] *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — С. 475.

Таким образом, приведенный анализ эволюции словарного описания лингвистических терминов четырех ключевых источников-словарей позволяет сделать некоторые выводы о трансформации отечественной лингвистической мысли и ее отражении в фиксации терминолексем.

Если С.И. Ожегов интегрировал лингвистические термины в общеупотребительный контекст, тем самым формируя базу научных понятий для рядового пользователя, то труды О.С. Ахмановой, Д.Э. Розенталя и Т.В. Жеребило отражают потребность научного сообщества в точности, однозначности и системности определений.

Современные лексикографические источники выступают уже не просто фиксаторами информации, а активными инструментами формирования и развития научного знания.

TRANSFORMATION OF THE DICTIONARY DESCRIPTION OF LINGUISTIC TERMS: FROM A BROAD LEXICOGRAPHICAL APPROACH TO A NARROW SPECIALIST FIXATION

V.V. Zubkova
Belgorod State National Research University

The article examines the evolution of the dictionary description of linguistic terms in the Russian lexicographic tradition. The study reveals a transition from the broad lexicographic coverage typical of general-purpose explanatory dictionaries to a highly specialized fixation aimed at the scientific community. Special attention is paid to a comparative analysis of the structure of dictionary entries using the example of the polysemantic lexeme "language," which allows us to trace the change in the principles of definition: from cultural and figurative meanings to strict scientific definitions and a systematic description of the conceptual framework.

Key words: linguistics, dictionary, terminology, linguistic terms.

УДК 81’42:811.161.1

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА БАСНИ И.А. КРЫЛОВА «ВОРОНА И ЛИСИЦА» В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ (НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ У СТУДЕНТОВ ИЗ КИТАЯ)

З.В. Кузнецова
Н. рук. – д. филол. н., проф. И.И. Чумак-Жунь
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
1132221627@rudn.ru

Межнациональная коммуникация занимает особое место в современном образовательном процессе, поскольку наряду с языковым барьером серьезным препятствующим фактором к получению профессиональных знаний выступают несовпадения в общекультурном и лингвокультурном фоне участников общения. Это особенно актуально в отношении китайских студентов, число которых в последние несколько лет в российских образовательных заведениях заметно возросло и которые нередко сталкиваются с трудностями во время культурной адаптации из-за различия русского и китайского менталитетов.

В связи с этим обучение русскому языку как иностранному необходимо строить таким образом, чтобы у студентов-иностранцев, помимо формирования знаний лексики и грамматики изучаемого языка, развивалась и межкультурная компетенция, позволяющая осмысленно интерпретировать русскую языковую картину мира. Работа с художественными текстами, в полной мере отражающими национально-культурную специфику, эффективно способствует погружению иностранцев в русскую культуру и пониманию характерных модусов русского менталитета.

В данном контексте наиболее продуктивным представляется когнитивно-дискурсивный анализ текстов, поскольку «все, что человек воспринимает и понимает,

помещено для него в определенные рамки значений, подвергается своего рода “априорному означиванию”; нечто воспринимается и понимается человеком всегда уже из какой-то “предвосхищающей” схемы, позволяющей обрабатывать информацию тем или иным образом»[1]. С этой точки зрения, «дискурс развертывается по принципу адекватной ориентации языковой личности в каждой конкретной ситуации и обстоятельствах»[2].

В данной статье мы рассмотрим особенности интерпретации текста басни И.А. Крылова «Ворона и Лисица» в когнитивно-дискурсивном аспекте, включая его роль в формировании у иностранных студентов языковой картины русского мира и межкультурной компетенции.

Басня – жанр, возникший ещё в древности и проделавший огромный путь, чтобы стать настоящим литературным достоянием. «Басня принадлежит к так называемому животному эпосу, в котором действующими лицами были животные, а не боги и люди. Общее в басне воплощается в частном случае, а человеческие отношения переводятся в картины из жизни животных»[3]. Основной функцией басни был и остается поучительный урок, отсюда и неизменная структура басни (рассказ и поучение). Как писал Коровин В.И.: «Двучленность басни – рассказ и моральный вывод – образуют соединение двух начал в жанре – эстетического и логического. Одно выражается в форме картины, образов, а другое – в форме мысли, идеи. Однако рассказ непременно содержит в себе “идею”, а “мысль” как бы хранит следы своего произрастания из рассказа»[4]. И тем не менее каждый из великих баснописцев (Эзоп, Жан де Лафонтен, И.А. Крылов) так или иначе привносил в свои басни детали, свойственные культуре и менталитету его народа, поэтому басни отражают национальную специфику того или иного народа. У студентов-китайцев басни могут вызвать особый интерес, поскольку китайской системе образования свойственно обучение через тексты нравоучительного характера[5].

Прежде всего стоит сказать, что басня Крылова «Ворона и Лисица» – перевод басни французского баснописца Лафонтена. В ней рассказывается о том, как Ворона, обманутая льстивыми речами Лисицы, лишилась еды – сыра. Выбор животных на «главные роли» в данном случае неслучаен. В русской культуре *лиса* означает хитрого человека и символизирует хитрость, ловкость, обман (*хитрая как лиса*[6]). *Ворона* же, согласно славянской мифологии, – мудрая птица-предсказательница. Однако с течением времени в русской языковой картине мира она приобрела негативное значение: превратилась в символ нерасторопности, глупости, наивности, стала олицетворением чрезмерно шумного или странного человека, не такого, как все (отсюда, например, русские фразеологизмы *белая ворона*[7]*, ворона в павлиньих перьях* и глагол *проворонил* – ‘потерял то, что имел или мог бы иметь’). Таким образом, казалось бы, перед нами классический сюжет, в котором «злодей» обманывает «жертву», но на деле все не совсем так. Крылов видоизменяет оригинал, тем самым придавая своему варианту басни несколько иное значение.

Баснописец направляет сатирический смех не на Лисицу (как это было в оригинале), а на Ворону, то есть осуждает именно её, хотя должно быть наоборот, ведь кажется, что именно Лисица в этой истории выступает злодейкой. Однако она, в свою очередь, убегает,

---

[1] *Дубровская О. Г.* Когнитивно-дискурсивное направление когнитивной лингвистики как парадигма знания для интерпретации контекста [Электронный ресурс] // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-diskursivnoe-napravlenie-kognitivnoy-lingvistiki-kak-paradigma-znaniya-dlya-interpretatsii-konteksta (дата обращения: 6.04.2026)

[2] *Карманова З. Я.* Феноменология контекста // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – Вып. 38. – 2009. №39 (177). – С. 77.

[3] *Коровин В.И.* Басни Ивана Крылова. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 3.

[4] Там же, С. 3.

[5] *Балыхина Т.М.,* Чжао Юйцзян От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. Монография / 2-е изд. – М.: РУДН, 2010. – С. 39.

[6] *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – М., 2019. – С. 495

[7] Там же, С. 157

не получив никакого наказания, в отличие от Вороны, оставшейся ни с чем. Конечно, это не значит, что Крылов одобряет действия Лисицы, он лишь признает тот факт, что такие льстецы, как Лисица, очень убедительны и, как правило, всегда получают желаемое, поскольку видят слабые стороны других. Если посмотреть на текст басни, становится ясна позиция Крылова. Он называет Ворону *"вещуньей"*, то есть намеренно акцентирует внимание на том, что Ворона по натуре своей не глупая птица, но из-за своего самомнения ведет себя глупо (*вскружилась голова, от радости в зобу дыханье сперло, каркнула*). Речь Лисицы Крылов также намеренно делает «сладкой» и развернутой настолько, что становится очевидной лесть. Таким образом, речь Лисицы по задумке автора превращается в своего рода издевку:

Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица![1]

Стоит обратить внимание на обилие диминутивов в обращении лисицы – *перушки, носок, голосок, светик, сестрица*.

Тщеславная Ворона же оказывается настолько ослеплена лестью, что пренебрегает нравственным правилом ("Уж сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна…") и получает наказание.

В китайской языковой картине мира *лисица* и *ворона* имеют приблизительно то же значение, что в русской, поэтому у студентов из Китая на этапе интерпретации текста басни трудностей возникнуть не должно.

Если рассматривать басню как модель речевой ситуации, то мы можем увидеть, что Лисица в ходе обстоятельств (ей нужно получить сыр), зная, что *в сердце льстец всегда отыщет уголок*, берет на себя роль льстеца и, легко «вычислив» тщеславие, самомнение и амбиции Вороны, ловко манипулирует, играя на этих её качествах. Ворона, в свою очередь, проявляет глупость в тот момент, когда позволяет льстивым речам обмануть себя. То есть, Лисица не всегда льстива, а Ворона не всегда глупа. Они обе проявили себя так из-за того, что оказались в определенных обстоятельствах. Таким образом, Крылов создал ситуацию максимально приближенную к суровой реальности.

Поскольку в Китае большое значение придается этикету (умению красиво выражаться в том числе), можно предположить, что у студентов возникнут сложности с улавливанием лести и ее оттенков. Поэтому одним из вариантов закрепления материала может стать воссоздание вышеприведенной модели речевой ситуации на практике с предварительно составленным планом диалога.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что интерпретация текста басни Крылова «Ворона и Лисица» в когнитивно-дискурсивном аспекте способствует более глубокому пониманию русской языковой картины мира студентами из Китая, развитию у них навыков интерпретации русской художественной литературы, а также повышению уровня языковой и культурной компетенций.

INTERPRETATION OF I.A. KRYLOV'S FABLE «THE CROW AND THE FOX» IN THE COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT IN RUSSIAN LANGUAGE CLASSES FOR CHINESE STUDENTS

Z.V. Kuznetsova
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article presents an interpretation of I.A. Krylov's fable «The Crow and the Fox» from a cognitive-discursive perspective. It offers a description of the characters of the crow and the fox and examines key moments of the text. This interpretation can be used in Russian language classes for Chinese students.

Key words: fables, I.A. Krylov, Russian as a foreign language, cognitive-discursive analysis.

[1] *Крылов И.А*. Басни: сборник. / Иван Андреевич Крылов. – М., 2023. – С. 3.

УДК 82

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ОППОЗИЦИИ «СВОЁ – ЧУЖОЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ А.И. КУПРИНА

М.К. Мироненко
Н. рук. – д. филол. н., проф. И.И. Чумак-Жунь
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
masha.mironenko.27@mail.ru

Оппозиция «своё – чужое» относится к числу фундаментальных бинарных структур, рассматриваемых в различных сферах научной деятельности – от социологии и социальной философии до культурологии и лингвистики. Более того, данная категория выходит за рамки исследовательской работы, пронизывая все сферы бытия человека и определяя свойства находящихся в пространстве объектов по отношению к самому себе или своему личному пространству. Об универсальности концепта «Своё-чужое» писал Ю.М. Лотман: «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («своё») пространство и внешнее («их»)»[1]. Филолог В.Г. Зусман отмечал, что «в основе всякого сравнения и сопоставления лежат механизмы тождества и различения своего и чужого»[2].

В лингвистике оппозиция «свой – чужой» может быть представлена различными вариантами, например, «мы – они», «мы – те», «я – другой», «свой – иной», «я – он» и др. Терминологическая вариативность подчёркивает прежде всего неоднозначность, многоплановость и сложность данной категории. К ядерным средствам языкового выражения «своё – чужое» относятся собственно единицы *свой* и *чужой.* Одним из ключевых маркеров представленной оппозиции в художественном тексте является хронотоп, содержащий в себе две категории: время, как условная и организованная автором модель мира, отличная от реальных временных рамок, и пространство, определяемое как «структурная модель, передающая мир, воспринятый и переосмысленный художественным сознанием»[3]. Пространственно-временной континуум представляет собой внутреннюю семантическую категорию, не имеющую чётких очертаний в тексте. Он конструируется всеми языковыми средствами (лексическими и грамматическими) и выражает индивидуально-авторскую художественную картину мира.

В том случае, когда оппозиция *свой/чужой* базируется на национальном признаке, «своего» нередко маркируют такие лексические средства, как историзмы, архаизмы, диминутивы, топонимы-символы, лексемы с положительной оценочной семантикой. Маркеры «чужого» включают: варваризмы, экзотизмы, иноязычные вкрапления, экспрессивные этнонимы и лексемы с отрицательной коннотацией со значением отчуждения и неприятия.

Бинарная оппозиция «своё-чужое» встречается у авторов разных эпох и течений. Изображение своей земли, своего места приобретает исключительное значение в творчестве писателей-эмигрантов. Так, особенно ярко прослеживается противостояние «своего» и «чужого» в художественных текстах А.И. Куприна в период пребывания вдали от Родины. Ключевыми произведениями для выявления и лингвистической интерпретации лексических маркеров, объективирующих бинарное противопоставление двух категорий в нашей работе, станут роман «Юнкера» (1928-1932) и повесть «Купол Св. Исаакия Далматского».

Роман «Юнкера», завершённый писателем в эмиграции в 1932 году, представляет собой уникальный материал для исследования бинарной оппозиции «своё-чужое». Как

[1] *Лотман Ю.М*. Семиосфера // Искусство-СПб. – СПб., 2005. – С. 257.
[2] *Зусман В.Г.* Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. – М., 2003. – № 2. – С. 17.
[3] *Черкашина Е.В., Чумак-Жунь И.И.* «Языковые знаки» пространства как средство репрезентации национальной картины мира в художественном тексте // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – №18(113), вып.11. – С. 59.

отмечают исследователи Я.К. Иконникова и Н.Ю. Желтова, данная категория «отражает ретроспективность творческого поиска писателя, своеобразную эволюцию его взглядов на содержание и приоритеты русской национальной жизни»[1]. Оппозиция «своё-чужое» реализуется на стыке мотивационных полей концептов *«дом»*, *«родина»*, *семья», «любовь», совесть»* и сочетает в себе их ядерные признаки. Основным способом репрезентации выступает изображение пространственных образов, таких как *дом*, *училище*, *Москва*, *Петербург*.

Центральной в романе является оппозиция двух городов, где *Москва* репрезентирует концепт «своего», а *Петербург* – «чужого». Данное противопоставление реализуется через развёрнутую систему лексических маркеров.

Москва в художественном тексте встречается 83 раза. Этот топоним и его локусы упоминаются при описании досуга юнкеров: «На дачном танцевальном кругу***, в Химках, под Москвою*** …»[2]; «… Он должен ждать ***в Зоологическом саду***…»; «…Вечером знаменитая ёлка в Благородном собрании, на которую съезжается вся молодая ***Москва***…»; «…Наряжены на бал, имеющий быть ***в Екатерининском женском институте***…»[3]. Более того, существительное *Москва* в художественном тексте нередко употребляется с местоимением *вся.* Под формулой *вся Москва* подразумевается социальная общность «своих», разделяющая единые поведенческие паттерны и ценностные установки: «***вся Москва*** смотрит», «***вся Москва*** – Москва, которая так пристрастно и ревниво любит всё своё», «***вся Москва*** кричит и звонит от радости», «***вся*** огромная, многолюдная, крепкая, старая царева ***Москва***».

Таким образом, *Москва*, как «своё» пространство репрезентируется посредством следующих лексических маркеров: *крепкая, многолюдная, горда, знатна, ревнива, пристрастна, самолюбива, широка, независима, оппозиционна.*

Противоположную, бинарную оппозицию представляет пространство *Петербурга* (встречается в художественном тексте 17 раз). Локус характеризуется через лексику с резко отрицательной оценочной семантикой: «Бюрократический ***Петербург***, с его сухостью, узостью и европейской мелочностью, не существовал для неё», «чиновному и холодному ***Петербургу***», «это вам не жидкий, золотушный ***Петербург***», «…***Петербург*** все безмолвствует»[4]. Лексические единицы *бюрократический, сухость, узость, золотушный, жидкий, холодный, чиновный* выступают маркером «чужого» и антитезой русской самобытности.

Дихотомия «своё-чужое» также представлена в повести «Купол св. Исаакия Далматского». В центре повествования — события, предшествующие отъезду писателя из России: Гражданская война, борьба Северо-Западной армии, военное положение в городе Гатчине, редакторская работа А.И. Куприна в белогвардейской газете «Приневский край». Художественное пространство в произведении по-особому маркирует оппозицию «своё-чужое», передавая индивидуально-авторскую картину мира писателя, его отношение к происходящим событиям. Я.В. Иконникова подчёркивает, что «малый круг «своего» расширяется, вбирая в себя всё больше чужеродного, и это чужеродное выталкивает писателя из родной ему страны, которая в результате описанных событий только в прошедшем времени может считаться «своей», поскольку после поражения белой гвардии Россия перестает существовать»[5]. То есть прошедшее время (воспоминания, мемуары, записки) содержит концепт «своего», родного и близкого, а настоящее – выступает чужеродным и далёким.

---

[1] *Иконникова Я.В., Желтова Н.Ю*. Художественное пространство романа А.И. Куприна «Юнкера» как маркер концепта «своё-чужое» // Казанская наука. – Казань, 2018. – № 10. – С. 39.

[2] *Куприн А.И*. Собрание сочинений: в 9 т. // Правда, – М., 1964. Т.8. – С. 22.

[3] *Куприн А.И.* Собрание сочинений: в 9 т. // Правда, – М., 1964. Т.8. – С. 118-119.

[4] *Куприн А.И.* Собрание сочинений: в 9 т. // Правда, – М., 1964. Т.8. – С. 45-46.

[5] *Иконникова Я.В*. Хронотоп как маркер оппозиции «Свои-чужие» в прозе А. И. Куприна (на материале повестей «Купол св. Исаакия Далматского», «Колесо времени») // Вестник ТГУ. 2012. №10. – С. 53.

Прежде всего, репрезентация «своего» неразрывно связана с локусами *огорода* (упоминание лексемы встречается 5 раз) и *дома* (30 раз). Описывая осенний урожай, А.И. Куприн использует ряды однородных членов и перечислительные конструкции, выполняющие кумулятивную функцию: «Но ***мой*** малый ***огородишко***, ***мои*** яблони, ***мой*** крошечный благоуханный цветник, ***моя*** клубника Виктория и парниковые дыни-канталупы Женни Линд – вспоминаю о них, и в сердце у меня острая горечь» [1]. Притяжательные местоимения *мой, мои* формируют семантическое поле со значением интимно-близкого, а использование диминутива *огородишко* подчёркивает нежность и личную ценность малого мира. Лексема *дом* часто используется в произведении совместно с притяжательными местоимениями: *мой дом, наш дом*. Этот образ особенно важен именно в контексте эмигрантского творчества писателя. Мотив своего дома встречается только в повести «Купол св. Исаакия Далматского», в других художественных текстах периода изгнания будет сформирован уже образ утраченного дома.

Пространство «чужого» (Советской России, голода, всеобщего страха) создаётся при помощи экспрессивной, сниженной и метафорической лексики. Так, пространственным символом чужого становится *нора*: «Поэтому старались мы сидеть ***в своих норах*** тихо, как мыши, чующие близость голодного кота»[2]. Здесь актуализируется зооморфная метафора, разворачивающая оппозицию «своё – чужое» через бинарный код «жертва / хищник». Местоимение *своих* в сочетании с лексемой *нора* создаёт оксюморонный эффект: «своё» пространство одновременно является «чужим» по своей сути, поскольку оно навязано извне и ассоциируется с униженным, животным существованием.

Ещё один маркер «чужого» – образ могилы: «Днём гатчинские улицы бывали совершенно пусты: точно всеобщий ***мор*** пронесся по городу. А ночи были страшны. Лежишь без сна. Тишина и темнота, ***как в могиле***»[3]. Сравнительный оборот «как в могиле» выполняет функцию предиката состояния, а лексический повтор семемы смерти (*мор, могила*) создаёт кумулятивный эффект. В данном примере категория «своё-чужое» выражается через оппозицию «живой-мёртвый».

Таким образом, лексические маркеры оппозиции «своё – чужое» в художественных текстах А. И. Куприна эмигрантского периода (на примере романа «Юнкера и повести «Купол св. Исаакия Далматского») формируют бинарную структуру, где «своё» репрезентируется через образ дома, дореволюционной России, Москвы, а «чужое» – через военные события, настоящее время, бытовую реальность эмигрантского быта. Единая сквозная линия, выраженная в противопоставлении двух категорий, отражает ретроспективность творческого поиска писателя, своеобразную эволюцию его взглядов на содержание и приоритеты русской национальной жизни.

LEXICAL MARKERS OF THE OPPOSITION "OURS – ANOTHER'S" IN THE LITERARY TEXTS OF A.I. KUPRIN

M.K. Mironenko
Belgorod State National Research University

The article examines lexical means of representing the binary opposition of «self – other» in the works of A. I. Kuprin written during his emigration period. Based on the material of the novel «Junkers» and the short novel «The Dome of St. Isaac of Dalmatia», the study identifies and systematizes lexical markers that objectify the concepts of «self» and «other». It is established that «self» is represented through the image of home, pre-revolutionary Russia, and Moscow, while «other» is represented through military events, the present time, and the everyday reality of émigré life. Special attention is paid to the phenomenon of ambivalence, which reflects the borderline state of consciousness of the writer in exile.

Key words: emigration; Kuprin; one's own-another's; chronotope.

[1] *Куприн А.И*. Колесо времени. Гранатовый браслет: повести, рассказы, очерки // Правда, – М., 2011. – С 201.
[2] *Куприн А.И*. Колесо времени. Гранатовый браслет: повести, рассказы, очерки // Правда, – М., 2011.– С 203.
[3] *Куприн А.И*. Колесо времени. Гранатовый браслет: повести, рассказы, очерки // Правда, – М., 2011. – С 202.

УДК 81

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦВЕТОВЫХ ЭПИТЕТОВ В ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКЕ А.А. БЛОКА И Н.С. ГУМИЛЕВА: ОТ ЦВЕТА К ОБРАЗУ

Ю.А. Степаненко
Н. рук. – д. филол. н., проф. И.И. Чумак-Жунь
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Stepanenko_yu@bsuedu.ru

Символика цвета, которая уходит корнями в глубокую древность, продолжает развиваться в художественном творчестве, особенно активно в поэтическом, вплоть до современности.

Цветообозначение в поэтическом тексте практически никогда не является констатацией физического свойства предмета. В системе художественного языка оно является важным инструментом формирования идиостиля, выступая связующим звеном между чувственным восприятием и ментальным образом. В эпоху Серебряного века, отмеченную борьбой и преемственностью литературных направлений, цветопись приобрела статус философской категории. Особенно ярко это проявилось в пейзажной лирике Александра Блока и Николая Гумилева – лидеров символизма и акмеизма.

В исследовании мы опираемся не только на работы, посвященные изучению цветообозначений в творчестве поэтов-классиков, но и на общетеоретические изыскания по поэтике текста — в частности, на фундаментальный труд В.М. Жирмунского «Преодолевшие символизм[1]», где ученый анализирует переход от «текучих» образов символистов к «геометрически четким» формам акмеистов. Анализ цветовых эпитетов как маркеров идиостиля опирается на теорию Ю.М. Лотмана о структуре художественного текста[2], где цвет рассматривается как элемент знаковой системы, моделирующий авторскую картину мира.

Семантику цвета в поэзии А. Блока глубоко исследовала З.Г. Минц, подчеркивая мифопоэтическую природу его колоративов. Изучению цветовой палитры Н. Гумилева посвящены работы Ю.В. Зобнина[3] и И.В. Кочетовой[4], которые отмечали «живописность» и «предметность» его пейзажный зарисовок. Цветописи в поэтическом тексте посвящены исследования И.И. Чумак-Жунь[5][6].

Для символиста Александра Блока пейзаж – это всегда зеркало души, а цвет – это своеобразный код, который нужен для создания дополнительных красок при описании внутреннего состояния лирического героя. Цветовая палитра Блока проходит сложную эволюцию от лазурных, «световых» тонов в ранней лирике к болезненно-желтым и трагически-черным краскам «Страшного мира».

В цикле «Стихов о Прекрасной Даме», который относится к раннему периоду творчества поэта (1904 год), доминируют эпитеты *белый, золотой, лазурный.* В стихотворении «Мы встречались с тобой на закате…»:

---

[1] *Жирмунский В.М*. Преодолевшие символизм / В.М. Жирмунский. – Л.: Советский писатель, 1910. – 285 с.

[2] *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва: Искусство, 1970. – 384 с. – (Семиотические исследования по теории искусства).

[3] *Зобнин Ю.В*. Николай Гумилев / Юрий Зобнин. – М.: Вече, 2013 – 480 с.: ил. – (Великие исторические персоны).

[4] *Кочетова, И. В.* О динамике цветообозначений в поэтической картине мира Н. Гумилёва / И. В. Кочетова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2008. – № 2(76). – С. 52-56.

[5] *Чумак-Жунь И. И*. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина: состав, структура, функционирование: автореф. дисс.на соискание уч. степени канд. филол. наук. – Киев, 1996. – 24 с

[6] *Чумак-Жунь И. И., Сычева И. И.* Прагматика обозначений красного цвета в детской поэзии (на материале журнальных публикаций советского времени) // Медиалингвистика. Санкт-Петербург: С –ПбГУ, 2017. – С. 117-118. *Чумак-Жунь И. И., Акифьева О. О*. Цветообраз в индивидуально-авторской картине мира поэта: внутренняя форма знака и поэтический контекст // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности. – Белгород: Эпицентр, 2021. – С. 277-282.

«Приближений, сближений, сгораний –
*Не приемлет **лазурная тишь…***
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш» [1]

Лазурь здесь не является прямым обозначением неба, а создаёт образ тишины, лишённой тревог и суеты. На фоне динамичных образов начала строфы (*приближений, сближений, сгораний…*) *лазурная тишь* выступает как что-то вечное и статичное, то, что неподвластно течению времен, сакральное пространство, куда не проникают земные страсти и порывы. Этот цветовой эпитет подчеркивает мимолетность человеческих встреч по сравнению с неизменной природной гармонией и спокойствием.

С развитием творчества блоковский пейзаж становится мрачнее и тревожнее. Обратимся к его поздней поэме «Соловьиный сад» (1914 год).

«И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
*Опускается **синяя мгла**»* [2]

Примечательно, что синий цвет здесь уже не символ чистоты и умиротворения, а цвет бездны, которая вот-вот поглотит лирического героя. Можно сказать, что цветовой эпитет *синяя (мгла)* становится суггестивным, так как он не рисует картинку, а внушает настроение читателю и задает дальнейший тон стихотворению.

Особый интерес в поэтике А. А. Блока представляет цветообозначение *желтый*:

«Медлительной чредой нисходит день осенний,
*Медлительно крутится **желтый лист**,*
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист –
Душа не избежит невидимого тленья.
Так, каждый день стареется она,
*И каждый год, как **желтый лист**, кружится,*
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна» [3]

Желтый цвет у Блока, участвуя в создании фигуры психологического параллелизма, проходит несколько стадий поэтической трансформации: эпитет-метафора, символ (старение, угасание, одиночество) и сравнение. Желтый в стихотворении «Медлительной чредой нисходит день осенний…» – это ключевой образ, создающий определенное настроение, связанное с темой осени как угасания природы.

Для Александра Блока пейзаж – это всегда некая арена, где происходит борьба света и тьмы. Если в лирике Блока цветовой эпитет уводит читателя в сферу смутных предчувствий и мистических озарений, то в творчестве другого яркого представителя Серебряного века, Николая Гумилева, мы наблюдаем совсем противоположную тенденцию.

По справедливому замечанию Грязновой А.Т., «цветовые прилагательные – одна из характернейших примет стиля Гумилёва» [4]. Особая, на первый взгляд, ничем не примечательная роль цвета проявляется в каждом сборнике автора: это и незабываемая фантастичность «Пути конквистадоров», и насыщенный зелёный цвет «Романтических цветов», и многоцветность сборника «Жемчуга» с использованием белого и чёрного, золотого и розового, а также голубого цветов. Огромная палитра цветных оттенков представлена в сборниках «Чужое небо», «Колчан», «Костёр», «Фарфоровый павильон» и

[1] *Блок А.А.* Стихи о Прекрасной Даме: [стихотворения, поэмы] / Александр Блок. – Санкт-Петербург: Амфора; Москва: ИД Комсомольская правда, 2012. – С. 12.
[2] Там же. С. 53.
[3] Там же. С. 89.
[4] *Грязнова А.Т.* Возвращение к истокам // Русский язык в школе. – 2002. – № 4.

«Огненный столп», а сборник «Шатёр» – один из самых красивых в описании незабываемых стран («Египет», «Абиссиния») и пустыни («Сахара»).

В поэтических текстах Н.С. Гумилева, в отличие от произведений А.А. Блока, *синий цвет* и его оттенки чаще всего используются при описании неба. Обратимся к стихотворению «Дева Солнца».

«Я пел и солнцу и лазури,
Я плакал в ужасе глухом,
Когда безрадостные бури
Царили в ***небе голубом»*** [1]

Эпитет *голубое (небо)* контрастирует со страданиями лирического героя (*я плакал в ужасе глухом…*). Природа здесь не является отражением внутреннего состояния героя, она находится с ним в сложном сосуществовании — передавая и надежду, и отчаянье.

Для творчества Николая Гумилева характерно употребление сложных, так называемых «ювелирных» эпитетов: *золотисто-огненное солнце, медно-красные закаты.* Можно сказать, что в поэтическом языке поэта эпитет обладает плотностью, мы его как будто ощущаем. Один из примеров из сборника «Костер»:

«Глубокой осенью в полях пустых
Закаты медно-красные*, восходы*
Янтарные окраске учат их, —
Свободные, зеленые народы» [2]

Вне контекста кажется, что сложный цветовой эпитет *медно-красные закаты* несет мрачную тональность, однако это не так. Эпитет в стихотворении Николая Гумилёва «Деревья» используется для создания яркого визуального образа закатов глубокой осенью. Этот образ передаёт красоту и величие природы, подчёркивает её насыщенность и эмоциональную выразительность. Эпитет помогает читателю визуализировать картину, что усиливает эмоциональное воздействие поэтического текста.

Таким образом, цветопись является яркой характеристикой идиостиля каждого из поэтов, но особенности ее использования определяется как направлением их творчества в целом, так и особым взглядом на мир. Если для творчества символиста А.А. Блока зыбкий, переливающийся цвет — знак многомирия, то в поэзии акмеиста Н. С. Гумилёва цвет — вполне определенный знак жизни и природы, которую он знает и любит.

THE USE OF COLOR EPITHETS IN THE LANDSCAPE LYRICS OF A.A. BLOK AND N.S. GUMILYOV: FROM COLOR TO IMAGE

Yu.A. Stepanenko
Belgorod State National Research University

The article examines the use of color epithets in the descriptions of landscapes by two prominent representatives of the Silver Age: Alexander Alexandrovich Blok and Nikolai StepanovichGumilyov. It provides specific examples that illustrate the functions of color epithets in each author's work. The article concludes that color functions differently in the poetic languages of these authors.

Key words: epithet, color, symbolism, acmeism, landscape.

[1] *Гумилев Н.С.* Жемчуга: [стихотворения] / Николай Гумилев. – Санкт-Петербург: Амфора; Москва: ИД Комсомольская правда, 2012. – с. 75.
[2] Там же, С. 93.

ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИЯ СЛОВА И ТЕКСТА

УДК 81’373

ЛЕКСЕМА «ЮБКА» И ЕЕ ДЕРИВАТЫ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Л.М. Варданян
Н. рук. – к. филол. н., доц. Д.А. Черемохина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
lidokchernyanka@rambler.ru

Лексика языка представляет собой динамичную и активно функционирующую систему, которая оперативно реагирует на все изменения в обществе, отражая социальные, культурные и исторические трансформации. Как сложная сеть взаимосвязей, она характеризуется многообразными отношениями между словами: синонимией, антонимией, гипо-гиперонимией и др. Значения слов эволюционируют, обогащаясь новыми оттенками, а сами лексемы возникают, трансформируются или уходят из употребления, обеспечивая адаптивность языка к реальности.

Предметом настоящего исследования выступает лексико-семантическая группа (ЛСГ) с номинантом *юбка*, входящая в более широкое объединение слов – лексико-семантическое поле «Одежда» в русском языке. Под лексико-семантической группой мы, вслед за Э.В. Кузнецовой, понимаем объединение слов одной части речи с общим основным компонентом значения[1].

Исследуемая ЛСГ имеет древние корни, восходящие к эпохе формирования славянской лексики, и продолжает активно функционировать в современном русском языке, отражая лингвокультурные особенности: от бытовых реалий до символических коннотаций женственности, моды и социального статуса.

Цель нашего исследования – изучение эволюции лексики, используемой для номинации юбки в русском языке, выявление ключевых тенденций номинации и установление их связей с культурой и историей русского народа.

Достижение данной цели определило решение следующих задач:

1) провести исторический анализ семантической эволюции номинанта юбка и сопутствующих лексем;

2) выделить и классифицировать лексико-семантическую группу с номинантом юбка в структуре ЛСП «Одежда»;

3) выявить лингвокультурные коннотации и культурно-исторические факторы, влияющие на номинацию;

4) проанализировать современные тенденции употребления и возможные перспективы развития группы.

История юбки как предмета одежды на Руси уходит корнями в глубокую древность, однако само слово *юбка* фиксируется в лексиконе лишь с XVI- XVII в. [2]

Прообразом юбки служила *панева* – традиционная женская одежда восточных славян X–XVII вв., представлявшая собой сборчатую запашную юбку из двух полотнищ, символизирующую семейный и социальный статус невесты. Как отдельный предмет гардероба юбки вошли в широкую моду в XVIII в. при Петре I, в эпоху европеизации русского костюма. Реформы царя способствовали переходу от поневы к французским и немецким моделям, что отразилось в семантическом расширении ЛСГ и появлении как

---

[1] *Кузнецова Э.В.* Части речи и лексико-семантические группы слов // Вопросы языкознания. – 1975. – №5. – С.79.

[2] *Этимологический словарь современного русского языка* / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т.2. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 567.

дериватов вроде *юбочка, юбчонка*[1], так и неологизмов – заимствований из французского языка. Например, язык придворной моды пополнился лексемой *панье* – *от* фр. panier «корзина» – так назывался каркас для юбки, позволяющий сделать ее более пышной. Если в начале XVIII в. силуэт юбки характеризовался круглой колоколообразной формой, то уже к середине века под влиянием французской моды произошли значительные изменения: юбка существенно расширились и фиксировались на каркасе (панье), который делал ее более широкой по бокам и плоской спереди и сзади.

XIX век характеризовался разнообразием фасонов и элементов юбок. Активными были и процессы в составе исследуемой лексико-семантической группы. Этот век по праву можно назвать «эпохой кринолина». Кринолин (от франц. Crinoline) – в женской одежде XVII-XIX веков это широкая юбка с вшитыми в неё обручами из китового уса. Кринолин придавал женской юбке вид большого купола и мог достигать в объеме 3 метров, что делало его не очень удобным. Популярность модели отразилась в языке новыми лексемами: наравне с кринолинной юбкой распространилась метафорическая номинация юбка-колокол, образованная способом сложения. Интересно, что в форме сложного существительного название данной модели зафиксировано в НКРЯ только на рубеже XIX века, а уже к середине XX века наблюдается тенденция к употреблению существительного колокол в форме несогласованного определения: «И вот вижу, от речки по склону летит ко мне быстро, и ножками не перебирает под своей пестрой ***юбкой колоколом***, старушонка с желтыми волосами…»[2] [М. А. Булгаков. Морфий (1927)]; Эта девочка вдруг в ***юбке колоколом***, и туфельки-гвоздики. [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961] и пр.

В начале XXI век появляется еще один вариант названия – юбка-колокольчик и юбка колокольчиком, которые, как отмечается в НКРЯ, имеют равноправное употребление.

В 1870 – 1880-х годах в моду вошел турнюр (от фр. tournure – осанка, манера держаться) — подушечка или каркас, прикрепленный сзади на талии. Весьма необычное определение лексеме *турнюр* дано в «Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» 1907 года: «Турнюр – это накладка, при помощи которой наши дамы, повинуясь веяниям капризной моды, круто оттопыривали у себя назади ниже пояса платье или юбку; и такое уродство считалось красивым». А.П. Чехов, упоминая этот элемент женской юбки, писал: «Походка утичья, с перевальцем и виляньем ***турнюра*** есть признак добродушия, податливости и иногда тупости».[3] Тем не менее отметим, что турнюр долгое время занимал вершину модного олимпа и сдал позиции лишь к концу XIX века.

В XX веке на историю моды и состав ЛСГ с номинантом *юбка* оказали влияние исторические события в России. Революция 1917 года и последующая советская эпоха привели к упрощению силуэтов – от революционных мини-юбок 1920-х, символизирующих эмансипацию, до строгих макси-моделей 1930–1950-х, вдохновленных народными традициями и идеологией равенства. Великая Отечественная война усилила практичность: юбки стали короче и функциональнее, а послевоенный период 1950-х вернул грацию с влиянием элегантного стиля, адаптированного к российским реалиям. Эти события не только изменили длину и крои, но и ввели номинации: язык пополнился лексемами юбка-трапеция, плиссе, юбка-клеш, юбка-карандаш, юбка А-силуэта и пр.

Номинации, вошедшие в язык моды в XX веке (юбка-трапеция, плиссе, карандаш и пр.) активно функционируют и сегодня, в XXI веке, отличающемся глобализацией и быстрым обменом трендами. Несмотря на то что эти лексемы остаются основой профессионального языка дизайнеров и стилистов, они трансформируются к новым

---

[1] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Том 1, Господство царевны Софии. – СПб., 1858–1863. – С. 45 – 47.

[2] Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru)

[3] *Чехов А.П.* Руководство для желающих жениться: (Секретно) // Полное собрание сочинений и писем: Т. 4. [Рассказы, юморески]. – М., 1885 -1886. – С. 195 -198.

реалиям и трендам экологичности и цифровизации. В периферию изучаемой ЛСГ можно отнести такие номинации, как металлик-плиссе, двухуровневая юбка с разрезом, юбка из экокожи с разрезом, ассиметричная юбка и пр.

Структуру лексико-семантического поля (ЛСГ) с номинантом «юбка» в современном русском языке можно представить как полевую модель. В ядре находится гипероним «юбка» — центральный элемент, вокруг которого группируются лексемы периферийных и приядерных зон по семантическим признакам (форма, длина, крой). Слова приядерной зоны делятся на подгруппы, отражающие ключевые дифференциальные характеристики.

Первая подгруппа «По силуэту и форме» в современном русском языке состоит из 8 лексем: карандаш (футляр), А-силуэт (трапеция), солнце, полусолнце, колокол, баллон (бочонок), годе (рыбка), хромая юбка.

Вторая подгруппа «По длине» состоит из 3 лексем: мини, миди, макси.

Третья подгруппа «По особенностям кроя и деталям» включает в себя 10 лексем: плиссе, гофре, с запахом, пачка (Tutu), многоярусная, юбка-шорты, юбка-брюки, килт, саронг, татьянка.

Периферийная зона состоит из менее употребительных, контекстно-ограниченных или стилистически окрашенных номинаций, часто с уточняющими модификаторами:

По длине и объему: микро-мини, макси-баллон, экстра-объемная макси;

Стилистически окрашенные и гибридные формы: скорп (Skorp), карго-юбка, юбка-преппи, бохо-макси;

Контекстно-ограниченные: деконструированная юбка, юбка-панье, слип-юбка (Skirt-slip);

Функционально-модифицированные: трансформер, спортивная мини (Skirt).

Лексема «юбка» глубоко вошла в русскую лингвокультуру как символ женственности и стиля, несмотря на исторический факт, что юбки изначально были частью мужского гардероба (например, у римлян или славян до XVI века). Сегодня номинации юбок ассоциируются исключительно с женской грацией, элегантностью и социальным статусом, отражая гендерные стереотипы и эволюцию моды. В русском языке «юбка» активно функционирует в коллокациях, подчеркивающих женский облик или иронию над гендерными ролями. Например, во фразеологизмах:

Бегать за юбками – иронично о мужчинах.

Быть под юбкой – быть зависимым от женщины.

Часто лексема *юбка* выступает метонимическим маркером женщины вообще, особенно в разговорной и публицистической речи: «в юбке» – вместо женщина, «мужчина в юбке» – для номинации женщины, выполняющей мужскую работу.

Таким образом, анализ структуры ЛСГ показал, что в русском языке существует множество лексем для обозначения видов юбок, классифицируемых по силуэту (карандаш, трапеция, солнце, баллон, годе), длине (мини, миди, макси) и особенностям кроя (плиссе, с запахом, пачка, шорты). Основные лексемы описывают форму, прилегание и стиль изделия. Лексема *юбка* вступает в различные отношения с другими словами и образует многоуровневую систему с ядром и периферией. В лингвокультуре юбка становится символом женственности и используется для ироничных гендерных номинаций.

THE LEXEME «SKIRT» AND ITS DERIVATIVES IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

L.M. Vardanyan
Belgorod State National Research University

The article studies the evolution of the vocabulary used to nominate skirts in the Russian language, identifies key nomination trends, and establishes their connection with the culture and history of the Russian people. It concludes that the Russian language has a variety of lexemes for denoting different types of skirts, which are classified based on their silhouette, length, and cut features.

Key words: Lexeme, Vocabulary, Semantic group, Evolution of vocabulary.

УДК 81

РЕПРЕЗЕНТАНТЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО СЛОВАРЯ МОДЫ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

А.П. Уренкова
Н. рук. – д. филол. н., проф. С.А. Кошарная
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
urenkova-a@mail.ru

В современном мире локальные коммуникативные процессы сферы моды преобразовались в полноценный институциональный дискурс моды. Его, вслед за Фаиной Леонидовной Косицкой, мы понимаем как «продукт сознательного творчества людей мира моды, являющийся вестиментарным кодом и включающий в себя совокупность значимых оппозиций и правил сочетания элементов одежды»[1].

В рамках дискурса моды сформировалась особая форма информационного взаимодействия – язык моды. Как отмечает Ролан Барт, «при наблюдении Моды оказывается, что письмо – ее конститутивный элемент, <…> как целостность, как сущность Мода не существует вне слова»[2]. Лексический состав этого языка варьируется в зависимости от характеристик той или иной лингвокультуры.

Способы номинации схожих атрибутов моды в разных языках соотносятся этимологически, что обеспечивает универсальность моды. Так проявляется двойственный характер этого культурного явления, с одной стороны, уникального, с другой – универсального канала связи различных культур.

Словарь моды – результат работы механизма концептуализации, который одним из первых реагирует на социальные трансформации. Они происходят в соответствующем современному развитию темпе, актуальные номинации могут быстро потерять релевантность вследствие радикальной смены приоритетов модной индустрии.

Анализ лингвокультурных источников современного словаря моды выявил генетическую неоднородность его состава. Обобщенно его можно представить как трехуровневую структуру: исконные (включая русские и общеславянские) наименования, устоявшиеся заимствования, иноязычные новации.

Анализ графиков частотности употребления лексем-репрезентантов каждого уровня на портале Национального корпуса русского языка показал, что исконные и общеславянские наименования отличаются высокой употребительностью и продолжительностью функционирования, несмотря на ограниченный состав; далее следуют устоявшиеся заимствования, реже всего употребляются и быстро деактуализируются иноязычные новации, так как и слово, и реалия существенно более ограничены такими параметрами, как возрастная группа, социальный статус, сезон, уместность и т.д.

Основная задача нашего исследования – описание лексико-тематических групп словаря моды и систематизация их репрезентантов с точки зрения этимологических и семантических характеристик. Анализируемый материал представлен лексико-тематическими группами «Одежда», «Аксессуары», «Обувь», «Стили и эстетические направления».

Фактический материал исследования был отобран в специальных медиа- и интернет-изданиях так называемых «глянцевых журналов моды»: The Blueprint[3], «MarieClaire»[4], «The Symbol»[5].

---

[1] *Косицкая Ф.Л. Дискурс моды и его жанровая дифференциация // Вестник ТГПУ. 2014. Вып. 4. С. 22-26.*
[2] *Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003.*
[3] *The Blueprint: https://theblueprint.ru/fashion*
[4] *Marie Claire: https://www.marieclaire.ru*
[5] *The Symbol: https://www.thesymbol.ru*

В тематическую группу «Одежда» вошли 147 лексем, из которых исконные (русские и общеславянские) наименования составили 25%, заимствованные – 75%. Самым продуктивным источником заимствованных номинаций в данной тематической группе выступает английский язык.

Из 187 репрезентантов тематической группы «Аксессуары» 81% составили заимствованные номинации, исконно русские и общеславянские – 19%. В данной группе самым продуктивным источником оказывается французский язык, что объясняется возникновением массовой моды на аксессуары именно во Франции с последующим ее распространением по всему миру в XVIII- начале XIX вв.

Из 80 наименований тематической группы «Обувь» исконно русские и общеславянские наименования составили 18%, а заимствования – 82%. Англицизмы вбирают больше половины объема представленных лексем – 54%, таким образом, английский здесь снова выступает самым продуктивным языком-источником.

В группе «Стили и эстетические направления» нами выявлено 83 англицизма из 96 зафиксированных лексем, что составило 86% от общего массива. Языковое разнообразие в данной тематической группе минимально, исконные наименования представлены только двумя языковыми фактами. Это преобладание объясняться тем, что индустрия моды в современном мире активнее всего развивается именно в США. В соответствии с этим, большая часть структурирующих и обобщающих номинаций, которыми являются названия стилей и сопровождающих модный процесс реалий, разрабатывается именно в контексте американской моды.

Всего нами проанализировано 511 лексем, из которых исконные (русские и общеславянские) номинации составили 17%, заимствования из английского – 45%, из французского – 19%, из немецкого – 4%, из тюркских языков – 2%, из прочих языков – 13%.

Несмотря на доминирующую позицию английского языка как источника заимствований, в современном словаре моды сохраняется языковое разнообразие, в частности, представлены прошлые масштабные периоды культурного взаимодействия России с европейскими странами. Устойчивая база исконных, русских и общеславянских, наименований и заимствований древнерусского периода из тюркских языков сохраняет самобытность русского лексикона моды, репрезентирует особенности развития языка и быта русского народа.

Разнообразие источников и частотных заимствований, и малочастотных включений подтверждает интернациональный характер моды. Однако явно определяется сегодняшняя доминанта, репрезентируемая количеством американизмов в словаре моды, что указывает на культурную и территориальную ориентированность мировых модных тенденций.

Можно полагать, что словарь моды – это динамический, исторически и национально детерминированный феномен, который обеспечивает функционирование семиотических систем различных культур в определенной национальной картине мира, в нашем случае – в русской лингвокультуре.

REPRESENTATIVES OF THE MODERN RUSSIAN FASHION DICTIONARY IN THE ASPECT OF LINGUISTIC CULTURE

A.P.Urenkova
Belgorod State National Research University

In the modern world, local fashion communication processes have transformed into a full-fledged institutional fashion discourse. Within the framework of the fashion discourse, a special form of information interaction has been formed – the fashion language. The fashion vocabulary is the result of the conceptualization mechanism, which is one of the first to respond to social transformations. The fashion dictionary is a dynamic, historically and nationally determined phenomenon that ensures the functioning of semiotic systems of various cultures in a certain national picture of the world, in our case, in Russian linguistic culture.

Key words: fashion discourse, fashion language, dictionary, vocabulary, linguistic culture.

КОНЦЕПТ «ВРАГ»: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И КУЛЬТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

В.В. Хачатурова
Н. рук. – к. филол. н., доц. Д.А. Черемохина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1955965@bsu.edu.ru

Язык и культура неразрывно связаны. Культура заключает в себе все знания, опыт, традиции и обычаи, которые накопил этнос. В связи с развитием идей антропоцентрической и когнитивной лингвистики в науке появилось понимание языка как средства передачи культурно и индивидуально значимых знаний о мире. В сознании носителей языка все знания и смыслы концептуализируются и категоризируются, формируя такие ментальные феномены, как концепты. Д.С. Лихачев в работе «Концептосфера русского языка» определяет концепт как «представление о слове, то значение, которое подразумевают, используя данное слово».[1] Исследователь говорит о том, что значения слов сливаются с жизненным опытом, приобретенным говорящим в обществе, и образуют концепт. Н.Ф.Алефиренко представил одно из наиболее полных определений: «Концепт – когнитивная (мыслительная) категория, оперативная единица «памяти культуры», квант знания, сложное, жестко неструктурированное смысловое образование описательно-образного и ценностно-ориентированного характера».[2] Таким образом, концепт – многомерное менательное понятие, которое является продуктом мышления, хранится в коллективной памяти, имеет образную основу и несет в себе ценностные смыслы.

Концепт «Враг», оставаясь универсальным для культуры всех народов, в настоящее время всё чаще становится объектом лингвистических исследований. Первые упоминания врагов встречаются в классической греческой литературе, датированной V веком до нашей эры. Ярким примером этого является книга древнегреческого историка Геродота «История», где автор описывает межэтнические и межгосударственные конфликты. Здесь враги – это чужеземцы и поклонники огня: *«Персы — народ, который поклоняется огню и носит длинные волосы; они не занимаются земледелием и не имеют собственных городов, а живут в шатрах и обитают в степях»*[3]; они жестокие и воинственные:

«Скифы — народ, живущий по степям; они — дикари, не имеют городов и не занимаются земледелием, они — воинственные и жестокие люди, нападающие на соседние земли и грабящие их»; а также сильные: *«Мидийцы — народ, обладающий большой военной силой и жестокостью, они — враги персов, и в войнах между ними много крови»*[4]. Универсальность семантики вражды можно проанализировать и на примерах латинских пословиц, в которых семы ‘противопоставление’, ‘подчинение’ и ‘полезность’ перекликаются с русской паремиологией и фразеологией: **In hostem omnia licita** — *«По отношению к врагу всё дозволено» (ср. На войне все средства хороши);* **Victoria nulla est, quam quae confessos animo quoque subjugat hostes** — *«Настоящая победа только та, когда сами враги признают себя побеждёнными».* Мы делаем вывод, что исторические корни концепта «Враг» уходят в античность, где складывалось его понятийное ядро, в котором враг понимался как чужеземный народ и противник государства, нарушающий его территориальную целостность.

Долгое время, вплоть до начала XX века, значение лексемы *враг* как внешнего неприятеля сохраняется, что и отражается в пословицах, которые собрал В.И. Даль в

[1] *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка / Русская словесность. – М., 1997. – С. 3-9.
[2] *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – С. 394.
[3] *Геродот*. История в девяти книгах. – Ленинград, 1972. – С.165-166.
[4] *Геродот*. История в девяти книгах. – Ленинград, 1972. – С.165-166.

сборнике 1862 года «Пословицы и поговорки русского народа»: «*Враг змея, верить ему нельзя*»,[1] «*Враг у ворот*»,[2] «*От врага не спрячешься*».[3]

Обратившись к данным НКРЯ, мы выявили, что к концу XIX века враг эволюционирует: помимо ассоциаций с внешними неприятелями, в его структуре появляются семы, связанные с личной враждебностью моральным осуждением. Это отражается в ассоциативных рядах, подобранных корпусом: *изменник, злодей, недруг, противник, притеснитель, угнетатель, недоброжелатель* – те синонимы, в которых акцент смещается с территориальных смыслов на этическое восприятие вражды. Враг теперь не просто угрожает, но и причиняет зло, нарушает обещания, предает ожидания. Такой переход от внешнего к внутреннему врагу отчетливо виден в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1835). Сначала враг — это *«бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства»*[4]. Затем он превращается в изменника, предавшего свой народ: *«Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!...Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье».* [5]

Под влиянием исторического контекста, связанного с образованием СССР, образ врага претерпел изменения и приобрел гипертрофированное значение: например, у М.А. Булгакова в романе «Белая гвардия» (1925): *«Враги — это те, кто стоит на пути перемен, кто готов разрушать всё ради новой жизни, ради власти и идеологии»*[6] [Булгаков,1955: 60]. Тема вражды поднимается и в романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака: *«Вся страна, как и весь мир, разделилась на два лагеря: одни — за революцию, другие — против. В каждом человеке боролись два начала: вера в светлое будущее и страх перед неизвестностью. Враги стали не просто политическими оппонентами, а символами разлома, разрушения и опасности».*[7] Именно в этот период появляются новые смыслы концепта «Враг», значение которого связано с номинацией не только чужих, но и своих. Иллюстрацией этого могут служить лозунги, распространяющиеся в советское время. Д.А. Черемохина в диссертации «Когнитивно-прагматические факторы междискурсного конфликта (дискурс власти и дискурс В.С. Высоцкого) анализирует тексты советских плакатов. Лексема «Враг» является одной из наиболее частотной в них: «*Товарищи, помните: между нами орудует классовый враг!*», «*Охраняй свои поля от классовых врагов – воров и лодырей, расхищающих социалистический урожай!*».[8]

В концептуальном поле исследуемого концепта в XX веке обнаруживаются новые смыслы: «классовый враг», «лодырь», «заговорщик», «тунеядец», «лентяй», «фашист», «захватчик», «гитлеровец», «варвар». Приведённые примеры показывают, что если ранее, в античные времена, «враг» имел значение чего-то внешнего, то в XX веке исследуемый концепт пополняется новыми смыслами, окрашенными политическими и идеологическими признаками, связанными с непослушанием и отхождением от общественного порядка, а также отражающими военный дискурс ВОВ: враг, в первую очередь, – носитель чужой и враждебной цивилизации.

Концепт «Враг» репрезентируется и в текстах XXI века, но его структура усложняется за счет приращения новых смыслов, обусловленных техническим

---

[1] *Даль, В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Художественная литература, 1989. – С.252.
[2] Там же. – С.355.
[3] Там же. – С.350.
[4] *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба. – Миргород, 1835. – С. 74.
[5] *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба. – Миргород, 1835. – С. 74.
[6] *Булгаков М.А.* Белая гвардия. – Москва: Современник, 1991. – С.686
[7] *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго. – Москва: Изд-во АСТ, 2006 (Минск: ОАО Полиграфкомбинат им. Я. Коласа), 2006. – С.539
[8] *Черемохина Д.А.* Когнитивно-прагматические факторы междискурсного конфликта (дискурс власти и дискурс В.С. Высоцкого): автореферат дис. ... кандидата филолгических наук: 10.02.01, – Белгород, 2015. – С. 66.

прогрессом: враг – вирусы, киберпреступник, дезинформация, технологи в целом. Например, в романе Виктора Пелевина («Empire V») (2006) читатель встречается с новым врагом – тоталитарной системой, которая производит контроль с помощью цифровых технологий. В литературном произведении врагом выступает уже не собирательный образ, не государство, а целая система, искажающая реальное восприятие мира, а также подчиняющее себе человечество.

В настоящее время мы можем отметить, что происходит консолидация общества: население объединяется против внешнего врага. Это говорит о том, что понимание вражды среди «своих» уходит на периферию концепта, в ядерную часть снова возвращаются традиционные смыслы, которые зародились еще в античный период. Ярким примером, подтверждающим этот тезис, являются устойчивые выражения, которые повторяются в риторике современных СМИ и в речи главы государства: «враг за стеной», «враг в лице западных стран». Эти фразы указывают на то, что противник и исходящая от него опасность находятся за пределами страны. При этом, периферия дополняется новыми смыслами, не связанными с политическим значением, хотя и сохраняющими базовую оппозицию «свои-чужие», но уже в виртуальной плоскости. Например, в статье «Вирусы: свои среди чужих, чужие среди своих» П.М. Чумаков пишет о том, что вирусы – наши враги, но в условиях борьбы с болезнями могут выступать в качестве друзей.[1] Следовательно, в начале XXI века образа врага является многослойным: личный неприятель, предатель в идеологическом и политическом смыслах, террорист в рамках глобальной угрозы.

Подводя итоги, можно сказать, что содержание и структура концепта «Враг» видоизменяется в зависимости от социальных, политических и технологических особенностей, но не утрачивает традиционные смыслы. Корни концепта «враг» уходят в античность, где он обозначал преимущественно внешнего противника — чужеземный народ или политического соперника. Современное восприятие дополняется новой семантикой: враг эволюционирует в личного неприятеля, предавшего договоренности; чужака среди своих, нарушителя моральных норм; даже природного врага, под которым подразумеваются вирусы и другие угрозы.

THE CONCEPT OF “ENEMY”: HISTORICAL ROOTS AND CULTURAL-SEMANTIC TRANSFORMATIONS

V.V. Khachaturova
Belgorod State National Research University

The article examines the historical roots of the concept of “enemy” and traces its evolution from ancient times to the present day. It analyses the cultural-semantic transformations of the notion in various socio-historical contexts, including the influence of political, religious, and ideological factors. Special attention is given to the linguistic representation of the concept and its role in shaping collective perceptions of the “enemy”.

Key words: concept, enemy, historical roots, semantic transformations, ethno-cultural specificity.

СИМВОЛИКА «НИЖНИХ» СОМАТИЗМОВ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

А.И. Чистилина
Н. рук. – д.ф.н., проф. С.А. Кошарная
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1555929@bsuedu.ru

Фразеологизмы, включающие в себя название нижней части человеческого тела («ноги», «пятки», «колени»), образуют в русском языке особый семантический комплекс, существенно отличающийся от фразеологизмов с компонентами верхней части («голова», «руки», «сердце»). Если последние часто связаны с интеллектуальной, эмоциональной и

[1] *Чумаков П.М.* Вирусы: свои среди чужих, чужие среди своих // Наука и жизнь. – М., 2021. – С.2-8.

волевой сферами, то соматизмы нижней части тела актуализируют преимущественно пространственно-динамические, оценочные и социально-иерархические модели. Анализ, выполненный в русле антропоцентрической парадигмы современной лингвистики, позволяет выявить базовые метафоры стабильности, мобильности, подчинённости и бегства, закреплённые в русской языковой картине мира. Как отмечает В.В. Красных, «телесный код является одним из базовых в системе культуры, поскольку само восприятие мира человеком соматично»[1].

Согласно толковому словарю В.И. Даля, нога – «один из членов, одна из конечностей животного, на которой оно стоит и ходит: одна из нижних конечностей человека, состоящая из лядвеи (ляжки, стегна, бедра), голени (берца, будыли) и ступни (плюсны, стопы, лапы) с перстами» [2].

В русском языке довольно большой ряд СФ, содержащих компонент «нога». Например, во фразеологическом словаре А. И. Молоткова приведены примерно 80 ФЕ, которые содержат данный соматизм, как, например: вертеться (путаться) под ногами, встать с левой ноги (не с той ноги), стоять одной ногой в могиле (во гробе) (в гробу) и др[3].

«Основой фразеологизации соматизма «нога» являются в русском языке функции, выполняемые этой частью тела – «‘передвижение тела в пространстве’, ‘стояние, удержание тела в горизонтальном положении’, а также ‘движение’»[4]. «Стояние» и «движение» на ногах являются выразителями активности человека (ср.: ставить (поставить, поднимать, поднять) на ноги (кого-либо)), а также признаком здоровья ног. «Усталость или болезненное состояние» раскрывается в выражениях *валиться с ног, сбиться (сбиваться) с ног, едва держаться на ногах, не держат ноги* (кого-либо). Дадим подробную классификацию рассматриваемым фразеосоматизмам:

1. Лексема «нога/ноги» входит в состав фразеосоматизмов со значением опоры, движения, социального статуса, а также выступает как наиболее продуктивный соматизм так называемого нижнего семантического комплекса.

Рассмотрим модель «ноги – основание/опора». Здесь телесный опыт вертикального положения проецируется на социальную и жизненную устойчивость. Например, фразеологизм *встать на ноги* имеет несколько значений: 1) выздороветь; 2) достичь материальной и социальной самостоятельности. Также в этом примере обнаруживается метафора здоровья и успеха. Переход из горизонтального (лежачего, зависимого) положения в вертикальное (активное, самостоятельное) маркирует позитивное изменение статуса.

Обратимся к модели «ноги – инструмент передвижения и активности», в которой присутствует акцент на динамике, скорости. Например, *со всех ног* – ‘очень быстро’. Использование максимального ресурса («всех ног») обозначает предельную скорость.

Ноги кормят – ‘о занятии, требующем постоянного перемещения для заработка’. В основе фразеологизма лежит метафора инструментальности, способа добывания ресурса.

Пуститься наутёк – ‘быстро убежать’. Метафора бегства как спасительной, инстинктивной активности ног имплицирует ситуацию опасности.

Наступать на пятки – ‘догонять, напрямую угрожать чьему-то положению’. Здесь прослеживается пространственная метафора конкуренции и давления. Близкое расположение к пятке (самой уязвимой задней части опоры) впереди идущего символизирует непосредственную угрозу.

Обратимся к модели «ноги – символ бремени, покорности, помехи».

---

[1] Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – Москва, 2002.

[2] В работе использован словарь: Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. – Т. 3: П / Владимир Даль. – Москва, 1998. – 555 с.

[3] В работе использован словарь: Фразеологический словарь русского языка / / Сост.: Л. А. Войнова [и др.]; под ред. А. И. Молоткова. – 6. изд., испр. и доп. – Москва, 2001. – 510 с.

[4] Горды М. Человеческое тело: окультуренная телесность во фразеологии современных русского и польского языков // Слово. Фраза. Текст / отв. ред. В. М. Мокиенко. – Москва, 2002. – 297 с.

Сесть на шею (свесив ноги) – ‘стать обузой, позволить себя содержать’. *В* данном случае прослеживается метафора эксплуатации. «Сидящий» использует «идущего» как транспортное средство, а свешенные ноги подчёркивают комфортную, наглую пассивность.

Путаться под ногами – ‘мешать, находиться без дела там, где люди заняты работой’. Эта фразеологическая единица выражает пространственную метафору помехи, поэтому нахождение в зоне активного перемещения (под ногами) маркируется как нежелательное, раздражающее.

Падать в ноги – ‘униженно молить о чём-либо’. Такое положение демонстрирует ритуальный жест подчинения. Добровольный переход в горизонтальное положение ниже ступней другого человека – акт экстремального самоуничижения и мольбы.

Так, соматизм «ноги» в русской фразеологии амбивалентен: он кодирует как позитивную вертикаль (здоровье, самостоятельность), так и негативный низ (подчинение, помеха).

2. Лексема «колено/колени» обладает семантикой подчинения, слабости. Физиологически она связана с суставом, позволяющим сгибать ногу, что ассоциируется с покорностью, мольбой или незрелостью.

Стать на колени – ‘признать себя побеждённым, покориться’. Перед нами ритуальный жест капитуляции и мольбы. Добровольное принятие положения ниже собеседника, утрата вертикали (ср. *встать на ноги*).

Коленки дрожат/подкашиваются – ‘о состоянии сильного страха, слабости’. *Перед нами* соматическая метафора неконтролируемого страха, которая описывает непроизвольную физиологическую реакцию (дрожь, подкашивание) организма, лишающую устойчивости.

Таким образом, лексема «колено», отталкиваясь от анатомической функции сустава, обеспечивающего сгибание, формирует символический спектр значений, связанных с добровольным или вынужденным отказом от вертикального положения (покорность, слабость).

3. Лексема «пятка» имеет семантику уязвимости, преследования, реже – основания, ассоциируется с самой нижней точкой опоры[1]. Рассмотрим несколько примеров.

Пятки засверкали – ‘очень быстро убежать’. Здесь просматривается визуальная метафора быстрого движения. Наблюдатель как бы видит лишь мелькающие вдали пятки убегающего. В итоге мы получаем гиперболу скорости, окрашенную иронией.

Ахиллесова пята – ‘уязвимое место’. Перед нами культурологически обусловленный фразеологизм-мифологема, который восходит к греческому мифу об Ахиллесе. Закрепляет в языке универсальную концепцию «слабого звена».

Чувствовать почву под ногами/пятками – ‘быть уверенным в своих позициях’. Данная идиома демонстрирует тактильную метафору устойчивости. Контакт пятки (как основной точки опоры при стоянии) с твёрдой почвой – символ надёжности положения, наличия фундамента.

Так, лексема «пятка» в русском языке, отталкиваясь от своего прямого анатомического значения (задняя часть стопы), формирует многозначный символический ряд, который колеблется между полюсами уязвимости и устойчивости.

Таким образом, соматический код нижней части тела в русской языковой картине мира служит для концептуализации базовых категорий бытия: устойчивости/неустойчивости, иерархии/подчинения, скорости/статики, что подтверждает тезис о телесной природе культурного восприятия мира.

[1] В работе использован словарь: Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – Санкт-Петербург, Москва, 2008. – 1534 с.

SYMBOLISM OF "LOWER" SOMATISMS IN RUSSIAN PHRASEOLOGY

A.I. Chistilina

Belgorod State National Research University

The article examines Russian phraseological units that include somatisms of the lower body ("legs", "heels", "knees"). Based on the material of phraseological dictionaries and within the framework of the anthropocentric paradigm, the article analyzes semantic groups that reflect spatial-dynamic, evaluative, and socio-hierarchical meanings. The article identifies basic metaphorical models: legs as a support and a means of locomotion; heels as a symbol of vulnerability and stability; and knees as a marker of submission and weakness. It is substantiated that the somatic code of the lower body in the Russian linguistic worldview participates in the conceptualization of stability, mobility, social status, and emotional states, forming an ambivalent system of meanings related to verticality and horizontality.

Key words: phraseological units, somatisms, lower body, Russian language, linguistic worldview, bodily code, metaphor, legs, heels, knees.

ЛИНГВИСТИКА И СТИЛИСТИКА ТЕКСТА

УДК 81’38

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ТЕКСТА

И.О. Лифинцева
Н. рук. – д. филол. н., профессор Е.Г. Озерова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1300321@bsuedu.ru

Условия современной жизни требуют от человека вовлеченности в различные институциональные дискурсы, предполагающие наличие особенностей коммуникации, регламентов, общепринятых норм взаимодействия. Современный официально-деловой дискурс формировался под влиянием различных условий, прежде всего, требований советской номенклатуры, царских канцелярий, коллежского и приказного делопроизводства. На данном этапе язык официально-деловых текстов объединяет в себе исторические традиции деловой коммуникации и требования цифровой действительности. Официально-деловой дискурс сегодня претерпевает значительные изменения, связанные с ускорением делового взаимодействия, обусловленным развитием программного обеспечения систем электронного документооборота, упрощения и снижения формальности ведомственного взаимодействия, масштабной цифровизацией процессов. Происходящие изменения требуют системного лингвистического анализа.

Особую актуальность в этой связи приобретают вопросы обусловленности языкового облика официальных писем экстралингвистическими факторами. Коммуникативная ситуация в сфере делового взаимодействия являет собой сложный комплекс социально-ролевых, институциональных и ситуативных параметров, определяющих особенности языка деловых писем.

М.Н. Кожина, развивая функциональное направление в лингвистике, обращает внимание на центральное значение проблемы лингвистического и экстралингвистического в стилистике, а также отмечает неравномерный характер влияния неязыковых факторов на разные уровни языка[1].

В.Г. Костомаров в масштабной работе «Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики» делает акцент на необходимости выхода за пределы сугубо лингвистического подхода: «Ускользающее от нашего внимания обстоятельство, что, пользуясь языком, мы думаем отнюдь не о языке, а лишь о том, ради чего мы им пользуемся, меняет или должно менять перспективу исследования в стилистике как науке с иным объектом, нежели собственно лингвистика»[2]. Труды В.Г. Костомарова, в которых термин-понятие стиль заменяется «текстом», обозначили произошедший переход к стилистике текста.

Переходя к исследованиям специфики официально-делового текста, отметим справедливое замечание Л.А. Булаховского о том, что этот стиль долго оставался «нелюбимым ребенком русской стилистики»[3]. Сегодня же лингвистика предлагает обширный спектр подходов к исследованию официально-деловых текстов.

Развитие функциональной стилистики и коммуникативной лингвистики предопределило сдвиг научного фокуса с изолированного изучения языковых средств на

[1] Кожина, М.Н., Дускаева, Л.Р., Салимовская, В.А. Стилистика русского языка. – Москва: «Флинта»: «Наука», 2008.
[2] Костомаров, В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. – Москва: Гардарики, 2005. – С. 36.
[3] Булаховский, Л.А. Исторический комментарий к литературному русскому языку. – Харьков, Киев: «Радянська школа», 1937. – С. 34.

анализ целостных текстов и дискурсивных практик. С.П. Кушнерук в диссертации «Теория современного документного текста» предлагает многогранный системный подход к изучению официально-деловых текстов как научного феномена. В фундаментальной работе «Документная лингвистика» С.П. Кушнерук констатирует, что «результатом унификации становится обоснованный отбор и системное представление рекомендуемых языковых средств. При этом обеспечивается компактность и управляемость состава языковых единиц, их однозначное и одинаковое понимание членами документной коммуникации, отсутствие нарушений, связанных со стилевыми требованиями, предъявляемыми к документным текстам»[1].

Начиная с М.Н. Кожиной, исследователи официально-деловых текстов связывали их языковые особенности и внешнеязыковые факторы. На языковом уровне документные тексты отличает высокая терминологизированность, клишированность, нормированность и нейтральность.

Современные исследования в области документной лингвистики свидетельствуют о недостаточной изученности того, как выбор языковых средств коррелирует с функциональными задачами текста, статусом адресата, целью общения, нормами. В данной связи обнаруживается необходимость комплексно изучить, как внешние факторы детерминируют внутриязыковые характеристики официальных писем в условиях цифровизации и изменяющихся коммуникативных практик.

Диапазон жанров официально-делового стиля широк: от государственных законов до канцелярских документов. Материалом исследования были выбраны тексты исходящих писем органа исполнительной власти, ввиду их репрезентативности, коммуникативной специфики и институционального характера.

Оценка системы взаимосвязей между внешними факторами и языковым воплощением определяет комплексный подход к исследованию отобранного корпуса текстов. Массив текстов был сформирован методом случайной выборки и составил 75 текстов писем органа исполнительной власти в сфере образования за 2024 – 2025 гг. Выбор методологии исследования и материала продиктован необходимостью выявить закономерности взаимодействия экстралингвистических и лингвистических факторов, проанализировать большой объем текстов, обеспечить достоверность и проверяемость результатов.

С целью количественной оценки текстовых показателей, выявления частотности языковых единиц, определения структурных особенностей текстов, а также выявления статистически значимых корреляций был выполнен контент-анализ массива текстов. Специфика контент-анализа по сравнению с другими методами исследования содержания документов заключается в том, что его процедура предусматривает подсчет частоты (и объема) упоминаний тех или иных смысловых единиц изучаемого текста. Полученные таким образом количественные характеристики текста дают возможность сделать вывод о взаимосвязи экстралингвистических факторов коммуникативной ситуации (статус адресата, цель письма, канал коммуникации) и лингвистических характеристик официально-делового текста.

Обратимся к результатам проведенного контент-анализа корпуса исходящих писем органа исполнительной власти.

В ходе работы над корпусом текстов были выделены группы текстов на основе статуса адресата (статус адресата выше, адресат и адресант находятся на соответствующем уровне, статус адресата ниже или адресат подчинён адресанту), цели письма (информирование, запрос, согласование) и канала коммуникации (письмо в бумажном формате или письмо в системе электронного документооборота). Кроме того, в ходе изучения оценивалась частотность использования терминов, аббревиатур,

[1] Кушнерук, С.П. Документная лингвистика. – Москва: Флинта, 2016. – С. 13.

отраслевой и специальной лексики, стандартизированных формул, формул вежливости, пассивных конструкций, модальности глаголов, структура и композиция текста.

Полученные результаты оценки частотности и концентрированности данных признаков соотносились с экстралингвистическими параметрами и условиями функционирования официально-деловых текстов. Комплексный анализ собранных материалов исследования позволил выявить следующие закономерности взаимодействия экстралингвистических и лингвистических факторов в формировании официально-делового текста.

Собранный корпус текстов, состоящий из 75 уникальных текстов, был обезличен и размечен по таким экстралингвистическим параметрам, как тема, цель, статус адресата, срочность, канал передачи. Сведения о текстах были внесены в сводную таблицу, где относительно каждого текста корпуса оценивались языковые параметры: объем слов, средняя длина предложений, доля осложнённых предложений (%), придаточные предложения на 100 слов, пассивные конструкции на 1 000 слов, безличные конструкции на 1 000 слов, количество терминов на 1 000 слов, число клише на текст, доля клише (%), отглагольные сущ. на 1 000 слов, доля отглагольных сущ. (%), императивы на 1 000 слов, доля императивов (%). Анализ данных сводной таблицы позволил выявить статистически значимый эффект влияния факторов внеязыковой действительности на языковые характеристики.

В процессе исследования было выявлено, что срочность документа оказывает статистически значимое влияние на его синтаксическую организацию. Средняя длина предложения в срочных письмах сокращается до 12 слов при 18 в текстах писем без указанного срока исполнения. Доля императивных конструкций возрастает до 65% против 35% в обычных документах. Положительная корреляция между срочностью и синтаксической организацией подтверждается статистически.

Статусно-ролевые отношения между адресатом и адресантом являются неотъемлемым фактором внешнеязыковой среды, сказывающейся на языковой организации текста. Письма вышестоящим адресатам содержат больше клише (9-10 клише на текст), терминов (70-82 на 1 000 слов), безличных конструкций (20-25 на 1 000 слов) в сравнении с письмами нижестоящим адресатам, в которых больше императивов (33-38 на 1 000 слов), предложение содержит 20-24 слова в среднем, меньше осложнённых конструкций (45–55%). Настоящее наблюдение свидетельствует о том, что статус адресата усиливает распространение маркеров субординации и выражается в формализации стиля текста.

При определении тематических блоков исследуемого корпуса официально-деловых текстов была выявлена зависимость показателя терминологической насыщенности от отнесенности текста к тому или иному тематическому блоку. К темам с высокой терминологичностью (80-85 терминов на 1 000 слов) относятся финансы и закупки, государственное управление, умеренная терминологическая насыщенность наблюдается в текстах информационных запросов, а также в организационных, мониторинговых и контрольных вопросах.

Кроме того, выявлена корреляция между целевой направленностью и рядом лингвистических параметров, среди которых терминологическая насыщенность, показатель синтаксической сложности, доля императивных форм, пассивных конструкций и т.д. Так, терминологическая плотность (75-85 на 1 000 слов) и синтаксическая усложнённость (доля сложных предложений – 73%) возрастают в информативных текстах, доля императивных форм и пассивных конструкций – в текстах запросов.

Системный анализ текстов исходящих писем органа исполнительной власти показал, что экстралингвистические факторы определяют общую стратегию текстообразования. Языковая форма служит воплощением коммуникативных целей документного текста, следует прагматической направленности. Экстралингвистические факторы

детерминируют выбор языковых средств. В результате взаимодействия факторов функционирования рождается стилевая специфика официально-делового текста.

EXTRALINGUISTIC AND LINGUISTIC FACTORS OF FUNCTIONING OF OFFICIAL BUSINESS TEXT

I.O. Lifintseva
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the study of the influence of extralinguistic factors on the formation of the linguistic characteristics of official business discourse in modern conditions. Using content analysis, the texts of outgoing letters from an executive authority are examined in order to trace the connection between the external circumstances of communication and the features of the language of business texts. Extralinguistic parameters such as the status of the addressee, the purpose of the message, and other conditions of interaction significantly determine the choice of linguistic means. As a result, it is emphasized that the stylistic specificity of official business text is born at the intersection of communicative tasks and external factors of its functioning.

Key words: official business discourse, extralinguistic factors, linguistic characteristics, content analysis, text formation.

УДК 81’42

СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КОЛОРАТИВОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ С.А. ЕСЕНИНА 1918-1922 гг.

А.И. Радомская
Н. рук. – д. филол. н., проф. Е.Г. Озерова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1642308@bsuedu.ru

Символика цвета уходит корнями в глубокую древность, поскольку декодирование языка красок репрезентирует индивидуально-авторские предпочтения, эксплицирует чувственное восприятие и переживания создателя текста. Как справедливо отмечает О.В. Лысова, «цветообозначения как компонент культуры <...> опираются не только на особенности психофизиологического восприятия, но и на систему смыслов, ценностей и знаний о цветовой среде»[1].

Поэтические тексты Сергея Есенина представляют богатый материал для изучения цветовой семантики, предметом нашего рассмотрения стали стихотворения, написанные в период с 1918 по 1922 год, среди них «Инония» (1918), «Сорокоуст» (1920), «Я последний поэт деревни…» (1920), «Не жалею, не зову, не плачу…» (1921), «Мир таинственный, мир мой древний…» (1921) и другие.

Символическая роль цвета у С. Есенина связана с православной и древней культурой, так поэт использует иконописные колоративы: золотой, голубой, белый и др.

Анализ колоративной лексики в текстах С.А. Есенина послереволюционного периода позволяет говорить о формировании особого смыслового пространства, в котором каждый цвет обретает символическое значение.

Стоит отметить, что у поэта окрашиваются разными цветами не только предметы, но и звуки, единицы времени.

Синий и голубой являются доминантными для писателя. Гегель считал, что «синий цвет соответствует кротости, уму и сентиментальности»[2], но если говорить о периоде 1918-1922 гг., то в поэтических текстах С. Есенина преобладает золотой цвет, который употребляется 31 раз.

---

[1] *Лысова О.В.* Гармония цветообраза в поэзии С. Есенина как визуализация теории цвета / О.В. Лысова, А.Ш. Абдуллина, М.Ю. Сайсанова // Международный научно-исследовательский журнал. – Бирск, 2021. – №3 (105). – С. 144.

[2] Психологические тесты. Под / ред. Карелина А. А. – Москва: Владос, 2001. – С. 204.

Синий (синь – 3) встречается 14 раз, *голубой* – 11. Это цвета духовного, возвышенного, цвета мудрости, неба. В 1918 году С. Есенин пишет: «*Я покинул родимый дом, / **Голубую** оставил Русь <...> Стережет **голубую** Русь / Старый клен на одной ноге*»[1].

Используя эпитет «*голубую*», поэт подчеркивает необъятность просторов России. В «Небесном барабанщике» возникает «***голубой** край*», родной, олицетворяющий спокойствие, как «***голубого** покоя нити*», которые говорят о внутреннем духовном равновесии.

Синий цвет для поэта – вечность, он восхищается им, это зафиксировано в строчках стихотворения «Исповедь хулигана»: «***Синий** цвет, он такой **синий**. / В эту **синь** даже умереть не жаль*»[2]. «Есенин также усиливает данный цветовой образ при помощи существительного «синь», которое обозначает конкретный цветовой признак»[3], заключающий значение предметности и значимости.

В поэме «Инония» *синий* репрезентирует небесную истину, духовность, благословенность и очищение мира: «*Как овцу от поганой шерсти, я / Остригу **голубую** твердь*»[4]; «***Синие** забрезжут реки, / Просверлив все преграды глыб*»[5] – передает всю бесконечность Руси «***синие** затоны*», «***синие** реки*». Метафора «***синее** счастье*» указывает на безвозвратно ушедшие лучшие годы, которые уже в другом тексте у лирического героя ассоциируются с маем и июнем: «*Что-то всеми навек утрачено. Май мой **синий**! Июнь **голубой**!*»[6].

Частотно всплеск цвета зафиксирован нами именно в этой поэме «(и это характерно, ведь страна Инония для С. Есенина является образом Небесного града) – в тексте частотно используется весь золотой спектр, охряная краска (образ Фаворского света, «цвета вечности, величия, совершенства»[7].

Золото – божественный свет, который пронизывает мрак: «*Чтобы зерна под крышей небесною / **Озлащали**, как пчелы мрак»; «И вспашу я черные щеки / Нив твоих новой сохой; / **Золотой** пролетит сорокой / Урожай над твоей страной»; «Пополам нашу землю-матерь / Разломлю, как **златой** калач*»[8].

Золотой и желтый у Сергея Есенина амбивалентен: с одной стороны, это символ божественного света, начала, величия «***золотая** моя голова*», с другой – цвет осени, увядания и прощания: «*увяданья **золотом** охваченный, / Я не буду больше молодым*». Отметим, что номинации желтого цвета (7 фиксаций) в текстах может выступать определением тоски, приобретая значение болезненности и надрыва. Желтый ветер в «Сорокоусте» – ветер перемен, несущих смерть привычному деревенскому укладу, столкновение уходящего мира патриархальной деревни и нового мира города.

Белый колоратив используется 14 раз, означает чистоту, радость, невинность: это и «*глупое счастье, / С **белыми** окнами в сад», и «нежная девушка в **белом**», поющая нежную песню, и «**белый** путь», «**белые** снеги*».

---

[1] *Есенин.СА.* «Я более всего весну люблю...»: Стихотворения. Поэмы. Проза / [сост., авт. послесл. и примеч. Ю. Л. Прокушев]. – Ленинград : Лениздат, 1984. – С. 43.

[2] Тами же. – С. 130.

[3] *Волкова, А.А*. Функция цветообраза в поэзии Сергея Александровича Есенина // Молодой ученый. – Казань, 2016. – № 6.4 (110.4). – С. 10.

[4] *Есенин С.А.* Собрание сочинений [Текст]: В 3 т. / Под общ. ред. Е. А. Есениной [и др.] ; [Сост. и примеч. А. А. Козловского и Ю. Л. Прокушева] ; [Вступ. статья Ю. Л. Прокушева, с. 3-32]. – Москва: Правда, 1970. – Том 2. – С. 63.

[5] Там же. – С. 68.

[6] Там же. – С. 154.

[7] *Михаленко Н.В.* Иконописная цветопись в библейских поэмах С.А. Есенина //Проблемы исторической поэтики. – Москва, 2014. – С. 460.

[8] *Есенин С.А.* Собрание сочинений [Текст]: В 3 т. / Под общ. ред. Е. А. Есениной [и др.]; [Сост. и примеч. А. А. Козловского и Ю. Л. Прокушева] ; [Вступ. статья Ю. Л. Прокушева, с. 3-32]. – Москва: Правда, 1970. – Том 2. – С. 65-66.

Контрастом белому выступает черный цвет (8 фиксаций), который эксплицирует отрицательную коннотацию и ассоциируется с несчастьем, страданиями и смертью: «*Здравствуй ты, моя* ***черная*** *гибель. / Я навстречу тебе выхожу»*[1] *или «Бродит* ***черная*** *жуть по холмам/ Злобу вора струит в наш сад*»[2]. В данном контексте пейоративная коннотация усиливается лексемой *жуть*, которая содержит стилистическую помету разг. и в словаре В.И. Даля поясняется посредством таких слов, как *ужас, страх, испуг.*

В послереволюционные годы количество *красного* (6) и его оттенков увеличивается, появляется кровавый цвет. Художественные тексты Сергея Есенина осветило «*Зарево* ***красных*** *зарниц*», возникают образы «***красного*** *коня*» и «***красногривого*** *жеребенка*», являющиеся символом революции, больших перемен, впоследствии в текстах поэта появляется номинация «***кровавый*** *дождь*».

Как разновидность красного, розовый колоратив встречается 4 раза, отражая состояние души Сергея Есенина. Розовый цвет ассоциируется с чем-то нежным, светлым благодаря своим теплым, приглушенным тонам, которые вызывают ощущение уюта: «*Хорошо бы, как ветками ива, / Опрокинуться в* ***розовость*** *вод*» от лучей вечерней зари, или же символизирует хорошее настроение и жизненную силу: «*Глупое, милое счастье, / Свежая* ***розовость*** *щек*». Спустя три года в поэтическом тексте возникает образ «***розового*** *коня*», который уносит ничем не омраченную юность и то прекрасное, что чувствует автор текста.

Таким образом, колоративная лексика в лирике С.А. Есенина 1918-1922 гг. образует особое смысловое пространство, отражая внутренний мир поэта.

«Каждый цвет у Есенина имеет определённый смысл. Он способен вызывать ощущения и представления, тем самым создавая целостный образ лирического героя»[3] и интегративный поэтический мир. Голубой и синий неразрывно связаны с родной Русью, ее небом, простором и покоем; золотой – с божественным светом, осенью, грустью; красный – с тревогой и переломными событиями страны. Контраст белого и черного подчеркивает и усиливает ощущение борьбы противоположностей – жизни и смерти, великого светлого и мрачного тайного.

Меняется не только мир, но и сам поэт, что и проявляется в его текстах, а колоративы, формирующие смысловое пространство есенинской лирики, помогают читателю расшифровать и декодировать авторские интенции порождения поэтических текстов Сергеем Александровичем Есениным.

THE SEMANTIC SPACE OF COLORATIVES IN S.A. YESENIN'S POETIC TEXTS OF 1918-1922

A.I. Radomskaya
Belgorod State National Research University

The article analyzes the semantic space of coloratives in S.A. Yesenin's poetic texts of 1918-1922. The focus is on the artistic texts "Inonia", "Sorokoust", "I am the last poet of the village ...", "I do not regret, I do not call, I do not cry..." and others. The article examines the frequency of use of color terms (blue, light blue, gold, white, black, red, pink) and their connection with Orthodox and Ancient Russian culture. Quotations from Yesenin's texts are provided as illustrative material.

Key words: color painting, coloratives, linguoculturology, symbolism

[1] *Есенин.СА.* «Я более всего весну люблю...»: Стихотворения. Поэмы. Проза / [сост., авт. послесл. и примеч. Ю. Л. Прокушев]. – Ленинград : Лениздат, 1984. – С.49.

[2] *Есенин С.А.* Собрание сочинений [Текст]: В 3 т. / Под общ. ред. Е. А. Есениной [и др.]; [Сост. и примеч. А. А. Козловского и Ю. Л. Прокушева] ; [Вступ. статья Ю. Л. Прокушева, с. 3-32]. – Москва: Правда, 1970. – Том 3. – С. 140.

[3] *Волкова, А.А*. Функция цветообраза в поэзии Сергея Александровича Есенина // Молодой ученый. – Казань, 2016. – № 6.4 (110.4). – С. 10.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ОНОМАСТИКИ

УДК 94.37

ИСТОРИЗМЫ В ПОВЕСТЯХ Н. В. ГОГОЛЯ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И ИХ РОЛЬ В ВОССОЗДАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ

Е.Е. Литвиненко
Н. рук. – канд. филол. н., доц. Э.М. Левина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1625561@bsuedu.ru

Неотъемлемой частью словарного состава языка является устаревшая лексика, представляющая собой слова, не используемые в широком употреблении в силу каких-либо причин. Разумеется, эта лексика не является базовым лингвистическим ресурсом, который необходим для повседневной коммуникации. Но она служит ценным дополнением к нормативному языку, особенно в художественной литературе и публицистике. Одним из ярких примеров стали художественные тексты Н. В. Гоголя, «отмеченные глубоким реализмом и вместе психологической проницательностью, горячей любовью к человеку и полусознанным, но сильным общественным чувством»[1].

Лингвистическая традиция предусматривает деление устаревших слов на две категории, из которых нас интересует первая – историзмы, также выделяют архаизмы. При изучении историзмов возникает трудность, связанная с тем, что в науке до сих пор не выработано единое толкование этого понятия. Одни лингвисты рассматривают историзмы как самостоятельный лексико-семантический разряд устаревшей лексики, другие (А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова) – как разновидность архаизмов. Однако, придерживаясь мнения, что обе группы – это подвиды устаревшей лексики, можем утверждать, историзмы – «слова, обозначающие исчезнувшие из современной жизни предметы, явления, ставшие неактуальными понятия»[2].

На сегодняшний день в научной среде единая классификация историзмов пока не сформирована, поэтому подходы к их рассмотрению варьируются. Так, А. Р. Калинин в учебном пособии «Лексика русского языка» предлагает распределение историзмов по группам, исходя из того к какой области человеческой жизнедеятельности относится обозначаемое ими явление:

1. Бытовые или хозяйственные (*светец, соха, торба, погребец* и т.д.);

2. Военные (*забрало, пищаль, булава, бердыш, кистень, алебарда, дружина, колчан* и т.д.);

3. Общественно – политические (*боярин, воевода, волость, земство, великий князь, регент, царь, бурлак, оброк, закуп* и т.д.)[3].

С точки зрения универсальности и полноты самой подходящей считается тематическая классификация. Она показывает, в каких сферах жизни человека возникают лексические единицы, ставшие на сегодняшний момент устаревшими и требующие разъяснения. Нами были рассмотрены повести Н. В. Гоголя, из которых выделены историзмы следующих групп:

1. Устаревшие профессии, гражданские и военные чины

Городничий выполнял функцию главы уездного города в Российской Империи *(«Прежде бывало в Миргороде один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные»[1]).*

[1] *Пыпин А. Н.* История русской литературы. Т. 4 Санкт –Петербург. С. 501.
[2] Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е и доп. / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – С. 139.
[3] *Калинин А. В.* Лексика русского языка / А. В. Калинин. – Москва: Издательство Московского университета, 1978. – С. 111-121.

Подкоморий ведал судебными делами, связанными с проведением границ земельных владений *(«Теперь же и заседатель и подкоморий отсмалили себе новые шубы из решетиловских смушек с суконною покрышкою»[2]).*

Должность ***полицмейстера*** была учреждена Екатериной II в «Уставе благочиния» и подразумевала руководство городской полицией и обеспечение «благочиния, добронравия и порядка» *(«Коллежский асессор Ковалев вскочил с кровати: нет носа! <…> Он велел подать себе одеться и полетел прямо к обер - полицмейстеру»[3]).*

Сотник – офицерский чин в казачьих войсках *(«Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо»[4]).*

Столоначальник – чиновник среднего звена, возглавлявший центральные и местные государственные учреждения (*«Помощник столоначальника жил на большую ногу: на лестнице светил фонарь, квартира была на втором этаже»*[5]).

2. Наименования, обозначающие социальный статус (титулы, сословная принадлежность)

Сословная система деления общества прекратила своё существование 23 ноября 1917 года с принятием «Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов», упразднившем существовавшие в Российской Империи все сословия и гражданские чины. С его выходом установилось общее наименование для населения – гражданин Российской Республики. Многие формы обращений перестали использоваться и могут быть не знакомы современному читателю.

Знатного и богатого сановника (чиновника) называли ***вельможей*** (*«Она была наполнена вся сидевшими в разных положениях у стен солдатами, слугами, псарями, виночерпиями и прочей дворней, необходимою для показания сана польского вельможи как военного»*[6]).

Титул ***графа*** был введён Петром Великим и передавался по наследству (*«Может быть я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником?»*[7]).

Купец представлял лицо, занимающееся торговыми делами (*«Постой, брат, не так скоро, – сказал очнувшийся художник, видя, что уж проворный купец принялся не в шутку их связывать вместе»*[8]).

3. Предметы гардероба

Время не стоит на месте, как и мода, многое: из того, что считалось в прошлом изысканным, на сегодняшний день выглядит устаревшим и не подходит под современные стандарты. Наименований большое количество, поэтому выделим часть из них.

Гражданские чиновники носили форменный фрак называвшийся ***вицмундиром*** (*«На Невском проспекте вдруг настаёт весна: он покрывается весь чиновниками в зелёных вицмундирах»*[9]).

---

[1] *Гоголь Н. В.*Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.

[2] Там же.

[3] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 3: Повести / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.

[4] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.

[5] *Гоголь Н. В.*Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 3: Повести / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.

[6] *Гоголь Н. В.*Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.

[7] *Гоголь Н. В.*Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 3: Повести / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с

[8] *Гоголь Н. В.*Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 3: Повести / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.

[9] Там же.

Ливрею носили швейцары, лакеи при дворах или в буржуазных домах (*«Дверь отворилась, и вошёл лакей в богатой ливрее»*[1]). ***Кобеняк*** подразумевал под собой разновидность мужского плаща с капюшоном, надеваемый зимой (*«Но впереди были дворяне и простые мужики с усами, с чубами, с толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, все большею частию в кобеняках, из под которых выказывалась белая, а у иных и синяя свитка»*[2]). ***Свитка*** – название верхней распашной одежды из домотканого сукна, разновидность кафтана (*«Оглянулась – и парубок в белой свитке, с яркими глазами стоял перед нею»*[3]).

Шемизетка представляла нижнюю рубашку, богато украшенную на груди (*«Около него с обеих сторон стояли также на коленях два молодые клирошанина в лиловых мантиях с белыми кружевными шемизетками сверх их и с кадилами в руках»*[4]).

Девушки всегда любили принарядиться, подчеркнуть свою природную красоту изысканными деталями. Одним из ярких украшений было ***монисто***, богато украшенное монетами (***дукатами***) и разноцветными камнями, служившее своеобразным «неприкосновенным запасом» (*«Левко посмотрел на берег: в тонком серебряном тумане мелькали лёгкие, как будто тени, девушки в белых, как луг, убранный ландышами, рубашках; золотые ожерелья, монисты, дукаты блистали на их шеях»*[5]).

4. Наименования денежных единиц

Развитие правовых и экономических механизмов в разные исторические периоды закономерно вело к вытеснению ряда денежных знаков новыми формами. Приведём примеры:

В период правления Екатерины II были введены ***ассигнации*** – бумажные денежные знаки, прекратившие своё обращение с появлением кредитных билетов (*«Менее заглядывайте в окна магазинов: безделушки в них выставленные, прекрасны, но пахнут страшным количеством ассигнаций»*[6]). Долговая бумага, называвшаяся ***векселем***, подтверждала обязательство одной стороны в определённый срок выплатить установленную сумму (*«Два месяца не получал он никакого ответа, ни даже обычных векселей, которые давно следовало ему получить»*[7]).

В результате денежной реформы 1897 года в качестве основной единицы был введён ***золотой*** рубль (*«Слушай, бабуся!... теперь пост; а я такой человек, что и за тысячу золотых не захочу оскоромиться»*[8]). ***Синенькой*** называли купюру номиналом в пять рублей («*Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вот тебе и синица в задаток!*»[9]). ***Червонец*** приравнивался к десятирублевой монете (*«В нем были червонцы, все до одного новые, жаркие, как огонь»*[10]).

5. Территориально-административная структура и единицы измерения

При Петре I началось территориально-административное деление, где основной единицей системы была ***губерния*** («*наш парубок отправился по рядам с красными товарами, в которых находились купцы даже из Гадяча и Миргорода – двух знаменитых*

---

[1] Там же.
[2] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.
[6] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 3: Повести / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.
[7] Там же.
[8] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.
[9] Там же.
[10] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 3: Повести / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.

городов Полтавской губернии»[1]). ***Уезд*** состоял из ***волостей*** (низших административно-территориальных единиц), примыкавших к городу (*«Вообще вёл себя по-барски, как выражаются в уездах и губерниях...»*[2]).

В XVIII века система мер была приведена к строгим числовым значениям, однако на смену ей пришло метрическое исчисление и многие меры устарели. Верста соответствовала 1,06 километрам (*«Яркая зелень их темнела по мере отдаления, и целые ряды селений синели вдали, хотя расстояние их было более нежели на двадцать верст»*[3]). ***Аршин*** был равен 0,71 метр (*«Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли»*[4]). Значение сажени равнялось 2,13 метрам.

6. Предметы быта и частные сооружения

Привычные когда-то вещи и наименования сооружений в наше время мало узнаваемы. ***Табакерка*** предназначалась для хранения табака или махорки (*«За ними остановился и открыл табакерку высокий гайдук с большими бакенбардами и целой дюжиной воротников»*[5]). ***Чубук*** – стержень курительной трубки (*«После обеда все встали с приятною тяжестью в желудках и, закурив трубки с длинными и короткими чубуками, вышли с чашками кофею в руках на крыльцо»*[6]).

Плетень представлял изгородь из веток и прутьев (*«Деревянный плетень между домами весь был усеян висевшими на солнце солдатскими фуражками»*[7]). ***Сени*** отделяли крыльцо и жилую часть деревенской избы (*«Философ остановился на минуту в сенях высморкаться и с каким-то безотчётным страхом переступил через порог»*[8]). В передней части дома располагалась парадная светлая комната – ***светлица*** (*«Сотник отворил дверь в другую светлицу, бывшую насупротив первой»*[9]). Питейное заведение, в котором производилась продажа спиртных напитков называлось ***шинком*** (*«Родная тётка моего деда, содержавшая в то время шинок по нынешней Опошнянской дороге, в котором часто разгульничал Басаврюк»*[10]).

Рассмотрев все перечисленные группы историзмов, содержащихся в повестях Н. В. Гоголя, отметим, что они выполняют собственно-номинативную функцию, то есть слово не только называет, но и вызывает соответствующее понятие в сознании читателя. Автор редко применяет данную лексику как словесную характеристику персонажа. Историзмы в основном выступают в роли исторических маркеров, отражая особенности быта и языка того времени.

HISTORICISMS IN THE STORIES OF N. V. GOGOL: THEMATIC GROUPS AND THEIR ROLE IN THE RECREATION OF THE HISTORICAL PICTURE

E. E. Litvinenko
Belgorod State University

This article explores the specific use of historicisms in the stories of Nikolai Gogol. The author's collected works were used as research material, and thematic groups of these lexical units were analyzed

[1] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.
[2] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 3: Повести / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.
[3] Там же.
[4] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.
[5] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 3: Повести / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.
[6] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 3: Повести / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений и писем в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 664 с.
[10] Там же.

and systematized. Particular attention is paid to the role of these lexical units in recreating the historical flavor of the era and the peculiarities of everyday life.

Key words: historicism, obsolete vocabulary, function, artistic speech.

УДК 94.37

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Ш.Б. Шадыева
Н. рук. – канд. филол. н., доц. Э.М. Левина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1390629@bsuedu.ru

Ономастика (от греч. *ὀνομαστική* – в русском «искусство давать имена») как наука об имени исследует имена собственные (онимы), их историю возникновения и изменения в результате долгого использования в языке, а также их связи с другими языками. Обратившись к словарю Н.В. Подольской**,** также можно убедиться, что ономастика рассматривается «как раздел языкознания, изучающий любые имена собственные»[1].

Однако главная функция имени собственного не ограничивается только лингвистическим описанием. О.Н. Трубачев отмечал: «…Имя собственное – визитная карточка, с нее приличествует начинать знакомство со страной, ее регионами, городами, селениями и, главное, с населяющими и населявшими ее людьми»[2].

В литературе наука об именах собственных – ономастика – играет особую роль в раскрытии авторского замысла в художественном тексте, что позволяет глубже понять идейное содержание произведения, идиостиль автора и его видение мира. Кроме того, отметим, что имена собственные в художественных текстах выполняют не только номинативную, но и характеризующую, стилистическую, идеологическую функции. Эти единицы связаны с текстовыми категориями (когезия, когерентность, цельность, подтекст), с универсалиями художественного текста (человек, событие, время, пространство) и с другими именами в произведении.

Сказанное выше подтверждается на примере творчества конкретных писателей. Так, говоря об особенностях творчества И.А. Гончарова, Ю.Г. Ивашева и Д.И. Устюжина отмечают, что И.А. Гончаров часто использует «говорящие» и символические имена, и это является не случайностью, а частью продуманной системы, которая помогает раскрыть художественные идеи произведения, характеры персонажей и его философский подтекст[3]. Это в полной мере относится и к роману «Обломов», который написан в жанре социально-психологического романа, и текст произведения наполнен обилием различных онимов, раскрывающих авторский замысел И.А. Гончарова. Остановимся подробнее на ключевом из них.

Центральным антропонимом романа (в нашем случае – фамилией главного героя Ильи) является *Обломов* – оним, который имеет прозрачную и многозначную семантику. Например, корень *«обл-»* отсылает к таким глаголам, как «обломать», «обломить», «обломиться», а также к существительным «обломок» и «облом». Это указывает на то, что героя «обломала» жизнь, то есть человек-обломок прежней, патриархальной и усадебной России. В то же время в фамилии слышится отголосок слова «облый» (то есть «круглый», «полный» или «округлый»), что соответствует и внешности героя («полнота», «мягкость»), и его характеру – замкнутому, ленивому, но самодостаточному, однако

[1] *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1998. – С. 7.
[2] *Трубачев О.Н.* Русская ономастика и ономастика России. – М., 1994. – С 5.
[3] *Ивашева Ю.Г., Устюжанина Д.И.* «Говорящие» имена в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Язык. Текст. Культура. – 2024. – №2. – С. 10.

лишённому острых углов. Совокупность этих черт хорошо продемонстрирована в следующих отрывках из романа:

«Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки, но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением...»[1].

«Вообще же тело его, судя по матовому, чересчур белому свету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины»[2].

«Движения его, когда он был даже встревожен, сдерживались также мягкостью и не лишенною своего рода грации ленью»[3].

Однако смысл фамилии не исчерпывается только этими значениями. Помимо этого, *Обломов* ассоциируется со словом «облом» («уступ», «обрыв»). Эта значимое уточнение, поскольку персонаж останавливается перед любой возникшей переменой в своей жизни, как перед пропастью в никуда. Он анализирует свои действия, но его лень, апатия и боязнь перемен не дают «прыгнуть в пропасть» (в смысле в неизвестное будущее).

Следом можно рассмотреть имя и отчество *Обломова – Илья Ильич* – имеющие удвоенный корень, который подчёркивает неизменность его сущности: сын *Ильи*, внук *Ильи*, повторяющий судьбу предков. Отсылка к Илье Муромцу создаёт иронический контраст: былинный богатырь тридцать три года просидел на печи, а затем совершил подвиги; *Обломов* же так и не поднимается с дивана. Хотя эпическая сила в нём заложена, но она остаётся нереализованной, поскольку И.А. Гончаров использует ономастическую параллель, чтобы показать трагедию невостребованного потенциала.

В качестве оппозиции *Обломову* противопоставлен другой герой романа – *Андрей Иванович Штольц* (персонаж с противоположным характером: весёлый, «живой», энергичный, амбициозный, близкий друг *Ильи*). *Штольц* имеет немецкое происхождение: от слово “Stolz”, которое в переводе с немецкого означает «гордость»[4, а также] от созвучного слово “Stuhl” – «стул»[5], обозначающий устойчивость, вертикальность опору.

Также *Штольц* как человек прямой, деятельный, рациональный, его немецкая фамилия подчёркивает своего рода «чуждость» русскому патриархальному миру и тем самым он выступает оппозицией *Обломову.* Следует подчеркнуть, что Гончаров не идеализирует *Штольца*, так как в некоторых случаях его «гордость» часто оборачивается душевной сухостью и неспособностью понять *Обломова*. Иноязычная фамилия маркирует разрыв: *Штольц* – не русский тип, а западный, импортированный. *Обломов* – свой, родной, русский.

Кроме рассмотренных мужских антропонимов, в романе также встречаются женские имена, которые глубоко мотивированы. В первую очередь, целесообразным будет отметить *Ольгу Ильинскую* (бывшею возлюбленную *Обломова* после ставшая женой *Штольца*). Фамилия данного женского персонажа происходит от слово «ильинский», то есть «принадлежащий Илье». Этим символическим именем И.А. Гончаров пытался сказать, что *Ольга* буквально «принадлежит» *Илье Обломову*, поскольку она была связана с ним судьбой. Её ключевой задачей как персонажа и как женщины являлась «зажечь» *Илью*, пробудить его к жизни и заставить «двигаться». Фамилия *Ильинская* происходит от мужского имени *Илья*, которое имеет древнееврейские корни и переводится как «мой Бог» или «Бог Яхве». Имя *Илья* производное от библейского имени *Eliyahu* (от имени пророка *Илии*, живший в IX век до н. э.)[6].

---

[1] *Гончаров И.А.* Обломов. – М., 2024. – С. 3.
[2] Там же. – С. 4
[3] Там же.
[4] Русско-немецкий тематический словарь. 9000 слов – М., – 2014 – С. 73.
[5] Там же. – С. 94.
[6] *Клайн О.* Биография Илии, ветхозаветного пророка [Электронный ресурс]. – URL: https://www.learnreligions.com/elijah-profile-and-biography-248833 (дата обращения: 10.04.2026).

Отметим, что *Ольга* пытается дать *Обломову* силу (зажечь его), однако не может этого сделать. Интересным является то, что её имя также звучит как слово «огонь». *Ольга* происходит от скандинавского *Helga*[1], иначе говоря, «святая», но в русской традиции ассоциируется со светом, горением. Это можно трактовать, как «Ольга – несгоревший огонь, который не смог растопить обломовского льда».

Одним из самых ярких топонимов в романе является оним *Обломовка* (родовое гнездо главного героя), которого можно считать ключевым элементом ономастического пространства всего художественного текста романа. Анализируя данный топоним, можно отметить, что суффикс «*-овк(а)»* придаёт ониму уменьшительно-ласкательный оттенок, как, например, в слове «обломочек» (маленький обломок мира). В мире романа *Обломовка* является неким замкнутым, идиллическим, но в то же время мёртвым пространством, где ничего никогда не случается. Название имения не просто указывает на владельца, но и становится символом целого уклада русской жизни, так как писатель создал «говорящий» топоним, который объясняет, почему герой стал таким, какой он есть. Другие топонимы в романе встречаются реже, но тоже заслуживают внимания. В романе можно также встретить такие топонимы, как *Гороховая улица, Америка, Англия, Египет* и другие. Однако ключевым среди них остаётся *Обломовка*.

Обобщив анализ, можно сказать, что ономастическое пространство в романе И.А. Гончарова «Обломов» представляет собой цельную и хорошо продуманную систему, состоящую из ярких имен собственных. Каждый оним у писателя несёт смысловую, характерологическую и сюжетообразующую нагрузку. В связи с этим, исследование «говорящих» имён позволяет увидеть роман не только как социально-психологическую драму, но и как художественный текст, в котором сама языковая материя работает на авторский замысел. В романе И.А. Гончаров создаёт модель России через имена собственные, куда входят: обломовское ядро (*Илья Ильич, Обломовка*), суетливые *«тарантьевы»,* механические *«штольцы»* и вечно-женская *«ильинская».*

ONOMASTIC SPACE IN I.A. GONCHAROV'S NOVEL “OBLOMOV”

Sh.B. Shadyyeva
Belgorod State National Research University

This article examines the onomastic space of the Russian writer I.A. Goncharov and his novel “Oblomov”. The paper provides a brief overview of the materials, which include well-known anthroponyms (first names, surnames, patronymics) and place names from Goncharov's “Oblomov”. The proper names discussed in the article are “talking” names that reveal not only the characters of the heroes, but also determine their fate and place in the novel, and they can also express the author's intention. It should be noted that the key attention in the article is paid to the semantic core of the surname of the main character Ilya Ilyich Oblomov. Stolz was chosen as the opposition to Oblomov. The article also analyzes the semantics of several female images.

Key words: I.A. Goncharov, Oblomov, onomastics, anthroponym, artistic text.

[1] *Грот Л.Д.* О древнерусских именах Олег и Ольга // История: факты и символы. – 2015. – №1. – С. 10.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

УДК 81.42

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»

Ю.В. Быкова
Н. рук. – к.филол.н, доц. Е.М. Якимова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1730357@bsuedu.ru

Темпоральная организация художественного дискурса представляет собой многомерный лингвофилософский конструкт, выходящий за пределы линейной хронологии и репрезентирующий индивидуально-авторскую картину мира через систему языковых единиц. В современной филологии художественное время рассматривается как субъективно-перцептивная категория, обладающая особым онтологическим статусом и реализуемая в тексте посредством функционально-семантических полей темпоральности[1]. Ключевым исследователем в области теории функциональных полей является А.В. Бондарко[2], его научные труды стали основой для понимания темпорального аспекта языковой системы. В работах Н.С. Валгиной[3] нашло отражение комплексное исследование темпоральных аспектов художественного текста, включая выявление особенностей языковых средств передачи временного измерения. Также важно обратиться к научным трудам Н.Д. Арутюновой[4], которая внесла значительный вклад в изучение способов категоризации времени в языке, описала механизмы вербализации времени и выявила закономерности функционирования темпоральных конструкций в разных типах речи.

Осмысление времени в языке представлено сложной системой средств: от морфологических парадигм видовременных форм глагола и лексических маркеров временной позиции до синтаксических конструкций, определяющих ритмико-интонационный рисунок текста. Изучение языкового представления времени в романе Е. Водолазкина «Чагин» предполагает обращение к когнитивным аспектам текста, где время выступает не только как фон событий, но и как ведущий концепт, который включает конкретно-исторические и вневременные репрезентации.

Продуктивным средством репрезентации «надвременной» реальности выступает архаизированный лексический пласт. Писатель использует устаревшую лексику для воссоздания колорита того или иного времени, достижения максимальной точности при описании предметов, событий, эмоций, чувств, выражении авторской оценки происходящего[5]. Использование таких лексем, как *благовременье*[6], *ведать*[7], *диссидентство*[8], маркирует прошлое как живую реальность. Примечательно, что автор намеренно актуализирует слова, находящиеся на периферии активного словаря. Такие союзы, как *ибо* и *дабы*, реализуя стилистическую функцию устаревших слов, придают

[1] *Голубева Т.И., Фирсова С.В.* Художественное время. // ТЯиМК. – 2023. – №3 (50). – С. 29.
[2] *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Ленинград. – 1990. – 262 с.
[3] *Валгина Н.С.* Теория текста. Москва. – 2003. – 173 с.
[4] Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко – Москва. – 1997. – 352 с.
[5] *Быкова Ю.В.* Функционирование устаревшей лексики в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» // Белгородский диалог-2024: проблемы истории и филологии: сборник материалов XVI Международного молодежного научного форума. – Белгород. – 2024. – С. 316-318.
[6] *Водолазкин Е.Г.* Чагин: роман. – Москва. – 2022. – С. 56.
[7] Там же. – С. 68.
[8] Там же. – С. 126.

репликам персонажа тон наставления, что вызывает ассоциации с пословицами*: «Говоря о себе, всегда предпочитаю проявлять скромность,* ***ибо****, по слову народному, скромность учит, а гордость пучит*»[1]*, «Поджечь в испытательных целях,* ***дабы*** *стали очевидны истинные качества каждого: пожар – он всякого человека насквозь просвечивает»*[2]. Через обращение к пословицам в тексте выстраивается сквозная связь между далёким прошлым и современностью: народная мудрость становится той нитью, которая объединяет разные эпохи.

Также важно отметить использование автором устойчивых выражений, характерных для определенного периода и неуместных в современной коммуникативной ситуации: *«Когда же в потоке ненормативной лексики стали проскакивать* ***милостивые государи****, окружение Николая Ивановича почувствовало ветер перемен»*[3]. Архаизмы, выступающие в роли наименований исторических реалий, продуктивно вводятся автором в языковое полотно произведения: «*Всякий раз профессором предъявлялись* ***контрамарки****: его знакомства в театральном мире были безграничны»*[4]. Данная лексема является маркером прошлого для читателя и отражением современной реальности для главного героя. Время в романе предстает перед читателем как связь эпох, отражённая в многослойных аллюзиях и реминисценциях. Языковая организация романа способствует созданию пространства, в пределах которого личное воспоминание героя и общее прошлое нации сливаются в единое смысловое поле.

Темпоральность в романе тесно связана с категорией языковой игры, которая становится способом деконструкции временной логики. Наиболее ярко это проявляется в речевом портрете Николая Ивановича, чьи каламбуры и окказионализмы служат инструментом интерпретации реальности. Можно заметить использование фразеологизмов, которые включаются в ироничные высказывания: *«Он называл меня своей* ***правой рукой*** *<…> Николай Петрович рожден был* ***левшой****»*[5]*, «Вы* ***сняли*** *это у меня* ***с языка****. <…> А то так бы оно там и* ***висело****»*[6]*, «…если вы не подготовите сего мнемониста для работы за границей, то* ***грош вам цена****. <…> –* ***В базарный день****, – добавил я случайно забытое уточнение»*[7] (устойчивое оценочное выражение, которое указывает на то, что кто-либо или что-либо ничего не стоит или стоит слишком мало[8]). Использование слов в прямом и переносном значениях позволяют автору создать эффект совмещения времени, когда одна и та же языковая единица становится отражением нескольких эпох.

Также в тексте встречаются пословицы: *«Поскольку знания каждого из них по отдельности не были еще совершенны, занимались они с Чагиным бригадным методом, вдохновясь пословицей: «****Один горюет, а артель – воюет****»*[9] (делать какое-нибудь дело, работать лучше всем вместе[10]). Выбор подобных единиц обусловлен их аксиологическим и культурологическим потенциалом: в них зафиксированы установки конкретных эпох, которые Е. Водолазкин мастерски инкрустирует в современный контекст, создавая эффект временного наслоения. В романе игровое начало реализуется не только как стилистический приём, но и как способ сближения диахронии с синхронией.

Особое внимание стоит уделить трансформации речевого поведения героя во второй части романа, которая наглядно иллюстрирует изменение его мировоззрения, что

---

[1] *Водолазкин Е.Г.* Чагин: роман. – Москва. – 2022. – С. 156.
[2] Там же. – С. 169.
[3] Там же. – С. 125.
[4] Там же. – С. 260.
[5] Там же. – С. 159.
[6] Там же. – С. 163.
[7] Там же. – С. 159.
[8] Большой фразеологический словарь русского языка значение, употребление, культурологический коммент. / [авт.-сост. И.С. Брилева и др.]; отв. ред. В.Н. Телия. – Москва. – 2006. – С. 246.
[9] Там же. – С. 177.
[10] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусскаго языка. Ч. 1: А-З. – Санкт-Петербург. – 1863. – С. 21.

проявляется в активном использовании религиозной лексики: *«бранит ближнего своего», «и мздоимец-де он, и лжец, и сладострастник», «поведай мне, брате», «не нового жития взыскую», «Не впадая в смирение паче гордыни, о себе скажу, что не оскорблял ближних своих ни словом, ни делом, ни помышлением»*[1]. Последние фразы персонажа о себе, включающие религиозную лексику и фрагменты библейских текстов, придают речи характер исповеди. Личное прошлое персонажа здесь накладывается на непреходящие духовные смыслы, превращая текст в пространство, где сиюминутное и вневременное сосуществуют. Время в романе представлено не последовательностью событий, а сложной структурой, где финал жизни героя становится точкой соприкосновения с вечностью.

Специфика репрезентации времени в романе заключается в использовании цитат, реминисценций, а также имён собственных. Одной из центральных фигур романа становится немецкий археолог Генрих Шлиман, который выступает в качестве сюжетного двойника Исидора Чагина в первых частях романа. Автор последовательно выстраивает параллели между жизненным путем главного героя и биографией первооткрывателя Трои. Обращение к имени Генриха Шлимана определяет специфику репрезентации времени: оно представлено не в хронологической плоскости, а во вневременном пространстве. В этом смысле Шлиман в романе является персонажем, который связывает события глубокой древности и современный мир, объединяя тем самым разные эпохи.

Анализ языковых единиц, функционирующих в романе Е. Водолазкина «Чагин», позволяет сделать вывод о том, что категория времени в произведении не только находит отражение на уровне сюжета, но и репрезентируется посредством конкретных языковых единиц и механизмов. Ключевым средством становится лексическая стратификация: использование архаичной лексики позволяет автору сократить дистанцию между историческими эпохами. Благодаря этому в тексте возникает эффект временной диффузии, при котором слово из прошлого органично встраивается в речь персонажей, формируя эффект палимпсеста. Важное значение в построении нелинейного временного пространства имеет языковая игра, основанная на трансформации фразеологизмов и пословиц, что определяет специфику репрезентации времени в романе. В текстовом пространстве романа индивидуальная и общекультурная память соединяются в единую смысловую систему, создавая особое временное измерение.

THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF TIME IN THE NOVEL BY E. VODOLAZKIN «CHAGIN»

Y.V. Bykova
Belgorod State National Research University

The article analyzes the linguistic representation of time in the novel by E. Vodolazkin «Chagin» as a multidimensional linguistic and philosophical construct that goes beyond linear chronology. The author shows that archaic vocabulary, outdated conjunctions and phraseological units that shorten the distance between epochs are key means of creating the effect of temporal diffusion. A special role in the novel is played by language play, religious vocabulary and proper names, which makes it possible to combine the momentary with the timeless. As a result, time in the novel appears not as a sequence of events, but as a complex structure where the hero's personal memory merges with a common cultural and spiritual tradition.

Key words: archaic vocabulary, language game, E. Vodolazkin, «Chagin», artistic discourse, palimpsest.

[1] Там же. – С. 230.

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ IX-XXI ВЕКОВ

УДК 82

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ОТ УТОПИИ К АНТИУТОПИИ В ТВОРЧЕСТВЕ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Д.Г. Курусь
Н.рук. – к.филол.н., доцент С.В. Полторацкая
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1445800@bsuedu.ru

Творческое наследие Аркадия и Бориса Стругацких представляет собой уникальное явление в истории не только русской, но и мировой фантастики. Их путь в литературе, охвативший более трёх десятилетий советской эпохи, демонстрирует ярко выраженную художественную и идейную эволюцию, суть которой можно определить как постепенный, но неуклонный переход от утопического проекта к антиутопической рефлексии. Эта эволюция была обусловлена сложным переплетением внутренних творческих поисков авторов и внешних историко-политических обстоятельств, превративших братьев из писателей «светлого будущего» в глубоких и бескомпромиссных диагностов социальных и экзистенциальных проблем современности.

Начало творческого пути Стругацких в конце 1950-х – начале 1960-х годов совпало с периодом «оттепели» и искренней веры части советской интеллигенции в возможность построения «социализма с человеческим лицом». Как отмечал Борис Стругацкий[1], они искренне верили в коммунизм как высшую стадию развития. Это мировоззрение легло в основу их ранних произведений, которые можно охарактеризовать как «научно-технические утопии». Повести «Страна багровых туч» (1959), «Путь на Амальтею» (1960), а затем и цикл «Полдень, XXII век» (1962) были ориентированы на традиции «твёрдой» научной фантастики, сочетая научную гипотезу с приключенческим сюжетом.

Центральным достижением этого периода стало создание единого фантастического метамира – «Мира Полудня». Это был детально проработанный образ коммунистического будущего, где главными ценностями стали познание, труд ученых и космонавтов, покорение космоса и всеобщее благополучие. Конфликт в этих произведениях, как и требовала парадигма социалистического реализма, был вынесен вовне: герои противостояли враждебной природе иным планет, а не социальным противоречиям. «Художественная форма в утопии не только вторична по отношению к социально-философскому содержанию, но зачастую оказывается просто служебной».[2]

Однако уже в ранних работах, как отмечает исследовательница Т. А. Чернышева[3], наметился «бунт» против умозрительности и нежизненности классической утопии. Стругацкие интуитивно искали способ «закрепиться в сфере искусства»[4], для чего утопия должна была стать романом с живыми характерами и драматизмом. Их будущее не просто описывалось, а постепенно «проявлялось» через детали быта, нравов и недоговоренностей, которые дописывались читательским опытом.

Первым явным признаком перелома стала повесть «Попытка к бегству» (1962), которую сами авторы считали поворотной. В идиллическую футуристическую картину вторгается мрачная реальность – тема концлагерей, пусть и завуалированная инопланетным антуражем. Этот шаг совпал с ужесточением идеологического климата

[1] Стругацкий А., Стругацкий Б. От авторов // Полдень. XXII век. Возвращение. – Москва,1967. – С. 6.
[2] Чернышева Т.А. Природа фантастики. – Иркутск, 1985. – С. 308.
[3] Там же. – С. 322.
[4] Стругацкий А., Стругацкий Б. От авторов // Полдень. XXII век. Возвращение. – Москва,1967. – С. 10.

после 1962 года, разочарованием в «оттепели» и болезненной реакцией писателей на нападки власти на творческую интеллигенцию.

С середины 1960-х годов начинается «зрелый» период, отмеченный сознательным выбором разнообразных тем и манер. Стругацкие решительно уходят от конвенций «твёрдой» научной фантастики в сторону социальной и философской прозы. Фантастический элемент превращается из цели в художественный приём, средство для укрупнения и обострения общечеловеческих проблем. Их творчество сближается с популярной на тот момент реалистической литературой своего времени.

В этот период формируется ключевая для позднего творчества братьев тема «прогрессорства» – вмешательства более развитой цивилизации в жизнь менее развитой, которое чаще всего оборачивается трагическими или аморальными последствиями («Трудно быть богом», 1964). Утопический «Мир Полудня» начинает демонстрировать трещины: в «Далёкой Радуге» (1963) возникает мысль о неизбежном расколе человечества, а в «Хищных вещах века» (1965) авторы напрямую обращаются к критике потребительского общества, сталкивая его с моральным императивом коммунистического посланника.

Апогеем эволюции становится переход к откровенно антиутопическим, пессимистическим и сложно-символическим произведениям. Повесть «Улитка на склоне» (1965) знаменует кардинальный пересмотр литературной стратегии. Как вспоминал Борис Стругацкий, в процессе работы авторы решили «убрать будущее и вставить настоящее»[1]. Лес в повести – это уже не научно-фантастический ландшафт, а кафкианский символ абсурдной и тоталитарной бюрократической системы. Фантастика здесь окончательно становится языком для описания экзистенциальных тупиков и социальных кошмаров.

В таких произведениях, как «Гадкие лебеди» (1967, опубликована позже) и «За миллиард лет до конца света» (1974), фантастический сюжет (вторжение иной расы, давление непостижимых сил, останавливающих научный прогресс) используется для моделирования давления тоталитарной системы на личность, творчество и свободу мысли. Повседневность, наполненная застольями, разговорами и мелкими бытовыми деталями, сочетается с ощущением глобальной безысходности и эксперимента, проводимого над человечеством неясными силами (государством, системой, абстрактным Злом).

Творчество Стругацких этого периода вступает в прямой диалог с «другой» и реалистической прозой своего времени (Ю. Трифонов, В. Маканин, А. Битов, Вен. Ерофеев), решая схожие проблемы отчуждения, несвободы и экзистенциального кризиса в условиях позднего социализма. Их тексты становятся паттерном позднесоветской литературы, где фантастическая условность служит единственно возможным способом говорить о запретном.

Таким образом, эволюция жанра в творчестве братьев Стругацких представляет собой траекторию от искренней веры в коммунистическую утопию к глубоко пессимистической антиутопии. Этот путь отражал не только личную творческую и мировоззренческую трансформацию авторов, но и общую траекторию разочарования советской интеллигенции в утопическом проекте. От производственного романа и «твёрдой» научной фантастики они пришли к сложной философской прозе, где фантастика стала не способом бегства от реальности, а самым острым инструментом её анализа.

Их утопический «Мир Полудня» постепенно превратился в «Зону отчуждения» – пространство несвободы, абсурда и моральных дилемм. Стругацкие прошли путь от изображения конфликта «человек – природа» к исследованию конфликта «человек – система», «личность – тоталитарное общество». Их наследие – это не просто собрание фантастических сюжетов, а детальная художественная летопись духовных поисков и разочарований целой эпохи, выполненная эзоповым языком, но от того не менее мощная и пронзительная. Эволюция их творчества от утопии к антиутопии есть, по сути, эволюция от надежды к диагнозу, сделанному с беспрецедентной для советской литературы честностью и художественной силой.

[1] Стругацкий А., Стругацкий Б. От авторов // Полдень. XXII век. Возвращение. – Москва,1967. – С. 15.

THE EVOLUTION OF THE GENRE FROM UTOPIA TO DYSTOPIA IN THE WORKS OF THE STRUGATSKY BROTHERS

D.G. Kurus
Belgorod State National Research University

This article traces the key creative evolution of the Strugatsky brothers, from their sincere belief in a communist utopia to the creation of dark dystopias. Starting with the construction of an ideal «Midday World» within the framework of «hard» science fiction, they gradually shifted towards social satire and criticism of the system. Under the influence of the political reality of the USSR, their work transformed, and science fiction became not a goal but a tool for analyzing totalitarianism and existential crises. In their later complexly symbolic works («The Snail on the Slope», «A Billion Years Before the End of the World»), the authors explore the pressure of the system on the individual. Strugatsky's journey from utopia to dystopia became an artistic chronicle of the disillusionment of an entire era.

Key words: science fiction, evolution, utopia, dystopia.

УДК 821.161.1.09

СКАЗОЧНЫЙ КОД РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОТ ЖИТИЙНОГО ЧУДА К НРАВСТВЕННОЙ МЕТАФОРЕ (ПО «ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ» ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА И «АЛЕНЬКОМУ ЦВЕТОЧКУ» С.Т. АКСАКОВА)

С.В. Ларкина
Н. рук. – к. филол. н., доц. В.И. Абрамова
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
sonyamotoooor@gmail.com

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» (XVI в.) и «Аленький цветочек» Аксакова (1858) разделяют три столетия, но в обоих текстах активно используются сказочные мотивы. При внешнем сходстве этих элементов их функция в произведениях принципиально различна. В древнерусской повести сказочный код встроен в агиографический канон: чудо здесь не волшебство, а знак божественной благодати; мудрость героини – проявление святости, а не хитрости. У Аксакова те же архетипы (красавица, чудовище, верность слову, любовь как преображающая сила) лишены сакральности, они превращаются в нравственную метафору и инструмент нравственной рефлексии. Задача статьи – проследить эту трансформацию на трёх уровнях: статус чуда, тип героини и цель сказочного кода.

«Повесть о Петре и Февронии…» написана Ермолаем-Еразмом на основе устных преданий и формально является житием, но значительно отступает от канона[1]. В отличие от традиционных для агиографии подвигов благочестия и посмертного чуда, сюжет разворачивается по подобию волшебной сказки. Можно выделить три сказочных элемента: мотив змееборчества, архетип мудрой девы, испытание героя и чудесное исцеление[2].

Мотив змееборчества показан через князя Петра, побеждающего огненного змея, который является к жене его брата в образе мужа. (Мотив змееборчества распространён в фольклоре – в быличках, сказках о Змее Горыныче). Пётр, «взем мечь, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносе своей, …и удари его мечем…»[3] Примечательно, что Пётр находит меч в алтарной стене храма, что переводит событие из плоскости героического эпоса в сакральную: победа происходит благодаря не столько силе, сколько Божьей воле.

---

[1] *Скрипиль М. О.* Повесть о Петре и Февронии // История русской литературы: В 10 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – Т. II, ч. 1. – С. 361.
[2] Там же. – С. 362–363.
[3] Повесть о Петре и Февронии Муромских // Сказки русских писателей. – М.: Школьная библиотека, 2011. – С. 9.

Мудрая дева-отшельница – второй сказочный элемент повести. Феврония, дочь бортника, живёт в простой избе, лечит людей и демонстрирует свою мудрость прежде всего иносказаниями и загадками. Посланный Петром слуга застаёт её за ткацким делом: «седяше бо едина девица и ткаше красна»[1]. Девушка не отвечает ему прямо; на вопрос, где её родители, Феврония отвечает: «Отець мой и мати моя поидоша взаим плаката, брат же мой иде чрез ноги в нави зрети»[2]. Затем поясняет: родители на похоронах (плакать «взаймы» – по умершему), а брат собирает с высоких деревьев мёд, а «аще ли кто урвется, сей живота гонькнет»[3]. На вопрос, почему слугу Петра никто не встречает, Феврония иносказательно говорит, что не слышала его прихода: «Нелепо есть быта дому без ушии и храму безо очию!»[4] (под ушами дома она подразумевает пса, а под глазами – ребёнка). Этими загадками Феврония демонстрирует недюжинный ум, присущий сказочной мудрой деве.

Третий сказочный элемент – испытание и чудесное исцеление героя. Пётр был покрыт струпьями от крови убитого змея и искал исцелителя. Ему указали на Февронию, которая передала целебную мазь: «Да учредят князю вашему баню и да помазует сим по телу своему, иде же суть струпы и язвы, и един струп да оставит не помазан. И будет здрав!»[5]. Она ставит условие, с которым Пётр поначалу соглашается: «аще бо не имам быти супруга ему, не требе ми есть врачевати его»[6]. Сначала Пётр не выполняет обещания жениться, и благодарит деву дарами. Но непомазанный струп провоцирует болезнь снова. Это вынуждает Петра вернуться и выполнить обещание по-настоящему.

Сказочные мотивы работают на агиографию. Каждый элемент связан с Богом: Агриков меч находится в алтарной стене, целительный дар Февронии достаётся от Бога, выполнение Петром обещания – Божье испытание героя. Феврония предстаёт не своенравной волшебницей, а кроткой святой. Когда Пётр обманывает её, она не мстит, а терпеливо ждёт, что князь образумится: знает, что болезнь вернётся.

«Аленький цветочек» Аксакова – литературная сказка, записанная со слов ключницы и значительно переработанная. В основе – европейский сюжет «Красавица и чудовище» (по классификации сказочных сюжетов Аарне–Томпсона–Утера – номер 425C)[7], восходящий к античному мифу об Амуре и Психее[8]. Аксаков сохраняет сказочные элементы: невидимых слуг, мгновенные перемещения, говорящие зеркала, чудесные угощения. Но их функция иная, чем в древнерусской повести.

В отличие от повести, в сказке нет намёка на религию: чудеса не воспринимаются персонажами как вмешательство высших сил. Отец Настеньки удивляется, входя во дворец, но не начинает молиться; Настенька привыкает к чудесам как к данности. Сказочный код здесь – метафора, а не реальность. Чувства Настеньки преображают чудище не магически, а нравственно: девушка учится видеть душу за безобразной внешностью, а превращение в принца – условность.

Если Феврония – архетипическая «мудрая дева», наделённая сакральным знанием изначально, то Настенька – обычная купеческая дочь. Её доброта формируется через сострадание и нравственный выбор. Подробно описан её внутренний мир: она тоскует по отцу, сомневается. Постепенно она привыкает к жизни во дворце: «Так и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная»[9]. Чудище позволяет Настеньке поехать к отцу с условием вернуться через три дня, но она задерживается из-за уговоров

---

[1] Повесть о Петре и Февронии Муромских // Сказки русских писателей. – М.: Школьная библиотека, 2011. – С. 9-10.
[2] Там же. – С. 10.
[3] Там же. – С. 11.
[4] Там же. – С. 10.
[5] Там же. – С. 11.
[6] Там же. – С. 12.
[7] *Аарне А., Томпсон С.* Типы фольклорной сказки: классификация и библиография. 2-е изд. – Хельсинки: Академия наук Финляндии, 1961. – С. 141–143.
[8] *Апулей Л.* Амур и Психея : из книги Апулея "Метаморфозы" / пер. с лат. М. Кузьмина. – Калининград : Янтарный сказ, 2001.
[9] *Аксаков С. Т.* Аленький цветочек // Сказки русских писателей. – М.: Школьная библиотека, 2012. – С. 95.

сестёр. Это психологически объяснимый поступок – слабость, а не злой умысел. Вернувшись, девушка находит чудище еле живым и говорит: «Ты встань, пробудись, мой сердечный друг, я люблю тебя как жениха желанного!»[1] Чудище превращается в прекрасного королевича («Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, в образе чудища безобразного, за мою добрую душу и любовь к тебе; полюби же меня теперь в образе человеческом, будь моею невестою желанною»[2]). Таким образом, любовь в сказке – не магия, а сострадание и верность слову.

Цель сказочного кода у Аксакова этическая и воспитательная. Сказка учит, что истинная красота внутри, что обещания дороже жизни. В отличие от житийного чуда, обращённого к вере и требующего религиозного осмысления, сказка прямо воздействует на разум и чувство читателя. Так, в «Аленьком цветочке» сказочный код сохраняет лишь внешние признаки волшебной сказки, но наполняется глубоким нравственным содержанием.

При внешнем сходстве сюжетных схем рассмотренных произведений их наполнение различно. Так, в повести чудо онтологично и является знаком Божьего промысла, в сказке – условностью и метафорой. Феврония – архетипическая мудрая дева, безгрешная и наделённая даром святости; Настенька – психологизированный персонаж с «неидеальными» чертами: она ошибается и боится, а её добродетель – результат выбора, а не Божьего провидения. Как упоминалось ранее, цель сказочного кода в произведениях различна. В повести он воспевает Божий промысел и святость, а в сказке преподаёт нравственный урок. В повести сказочное становится инструментом христианской этики, а в «Аленьком цветочке» – светской морали. Это отражает сдвиг от средневекового религиозного сознания к антропоцентрическому.

Таким образом, сказочный код в русской литературе статичен только отчасти: набор мотивов сохраняется, но меняется их функция. В «Повести о Петре и Февронии Муромских» демонстрируется фольклоризация жития, где чудо работает на сакрализацию. В «Аленьком цветочке» архаические структуры используются для создания светской нравственной метафоры. Предложенный подход помогает видеть в литературном использовании фольклора не просто набор заимствованных элементов, а трансформацию способов создания смыслов.

THE FAIRY-TALE CODE OF RUSSIAN LITERATURE: FROM A HAGIOGRAPHIC MIRACLE TO A MORAL METAPHOR (BASED ON ERMOLAI-ERAZM'S "THE TALE OF PETER AND FEVRONIA OF MUROM" AND S.T. AKSAKOV'S "THE LITTLE SCARLET FLOWER")

S.V. Larkina
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

The article examines the transformation of the fairy-tale code in Russian literature of the 16th–19th centuries. Based on the “Tale of Peter and Fevronia of Murom” and S. T. Aksakov’s “The Little Scarlet Flower”, the author shows how the same folklore motifs (serpent-fighting, a wise maiden, miraculous healing) change their function: from sacralization of a miracle in the hagiographic text to a moral metaphor in the literary fairy tale. The comparative analysis focuses on the status of the miracle, the type of heroine, and the purpose of the fairy-tale code.

Key words: fairy-tale code, hagiography, literary fairy tale, “The Tale of Peter and Fevronia”, “The Little Scarlet Flower”.

[1] *Аксаков С. Т.* Аленький цветочек // Сказки русских писателей. – М.: Школьная библиотека, 2012. – С. 105.
[2] Там же. – С. 106.

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА РУССКОЙ КЛАСИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

УДК 82.09

ОБРАЗ ПОЭТА В СБОРНИКЕ СТИХОВ Е.А. БАРАТЫНСКОГО «СУМЕРКИ»

К. Л. Закирченко
Н. рук. – д. филол. н., доц. Э. И. Коптева
Омский государственный педагогический университет
wiizakirchenko@gmail.com

Сборник «Сумерки» (1842) фиксирует глубокий кризис взаимоотношений поэта и общества. Е. А. Баратынский использует понятие «железный век», подчеркивая, что гармоничный образ поэта-творца невозможен в таких реалиях.

Стихотворение «Последний поэт» (1835) занимает ключевое место в сборнике «Сумерки». Баратынский выстраивает собственную историософию, в основе которой лежит идея «цикличности: циклична человеческая история, циклично движение времени (сутки, год)»[1].

Первая строка задаёт ведущий мотив всего сборника: «Век шествует путём своим железным»[2]. «Железный век» в понимании Баратынского – это духовное состояние человечества, характеризующееся тотальным торжеством материального:

В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчётливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны [3].

Просвещение и прогресс уничтожают поэзию. То, что в просветительской парадигме считалось благом, Баратынский переворачивает: наука, промышленность, торговля и всё то, чем гордится XIX век, становится некой могилой истинного творчества. Далее Баратынский обращается к античности как к вневременному образцу, с которым необходимо сверять настоящее, «образ Эллады, данный, казалось бы, в ауре античных преданий, выступает здесь не символом прошедшего, а необходимостью для сопоставления, скрытого в содержании, с мигом настоящего»[4]. Внешне Эллада возрождается: «Для ликующей свободы / Вновь Эллада ожила // <…> // В ней опять цветут науки //»[5]. Но именно там, в «первобытном рае муз», «не слышны лиры звуки»[6]. Прогресс, которого достигло человечество, окончательно разрушает гармонию.

В этом историософском контексте появляется поэт – «нежданный сын последних сил природы»[7]. Поэт приходит в мир, который его не ждал и не нуждается в нём. Он – анахронизм, запоздалое порождение умирающей природы. Как отмечает М. Н. Дарвин, «поэтические образы Баратынского почти всегда наделены каким-то возрастом,

---

[1] *Анохина Ю. Ю*. Поэтика пространства и времени в книге стихов «Сумерки» Е. А. Боратынского : автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2021. – С.12.
[2] *Баратынский Е. А*. Полное собрание стихотворений – Л., 1957. – С. 173.
[3] Там же.
[4] *Рудакова С. В*. Пространственно-временная организация книги «Сумерки» Е. А. Боратынского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. №22. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvenno-vremennaya-organizatsiya-knigi-sumerki-e-a-boratynskogo (дата обращения: 16.04.2026).
[5] *Баратынский Е. А.* Указ. соч. – С. 174.
[6] *Баратынский Е. А.* Указ. соч. – С. 174.
[7] Там же. – С. 174.

определенным моментом развития, в пределе – от рождения до смерти»[1]. Возраст этого поэта – предсмертный. Он «последний» не только хронологически, но и сущностно: последний носитель уходящей гармонии: «Воспевает, простодушный, / Он любовь и красоту//»[2]. Он говорит на языке «золотого века», «поэт в этом произведении демонстрирует свою способность беспристрастно смотреть на мир, подвергая жестокому анализу все, на чем фокусируется его внимание»[3], но в «железном веке» этот язык никто не понимает. Толпа, «поклонникам Урании холодной», отвечает ему «суровым смехом». Поэт и толпа говорят на разных языках, и компромисс невозможен.

Кульминация стихотворения – бегство поэта к морю. Баратынский разворачивает романтический топос: отверженный творец ищет уединения в лоне природы, но вносит трагическую поправку:

Человеку непокорно
Море синее одно:
И свободно, и просторно,
И приветливо оно;
И лица не изменило
С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон [4].

Море – единственное, что сохранило верность «золотому веку». Оно не изменилось со времён Аполлона. Но именно эта неизменность и пугает современного человека: «Но в смущение приводит / Человека вал морской //»[5]. Человек «железного века» не может вынести встречи с вечностью, с тем, что не подчинено корысти и пользе и Поэт отходит от моря «с тоскующей душой»[6].

Финал стихотворения безысходен. Баратынский не оставляет поэту никакого убежища: ни в обществе, ни в природе, ни в собственном творчестве. Историософия Баратынского не оставляет места для иллюзий: «железный век» не просто враждебен поэзии – он делает её невозможной. «Последний поэт» умирает, и никто не приходит ему на смену. Однако, как покажет финал всего сборника, эта смерть не окончательная. Цикл, начавшийся золотым веком, может замкнуться, и поэт может вернуться.

Стихотворение «Рифма» (1840) выполняет функцию замыкания. Баратынский не оставляет читателя в безысходности, потому что цикличность предполагает и возможность возрождения. В начале стихотворения Баратынский к живому действию – выступлению оратора на Олимпийских играх:

Когда на играх Олимпийских,
На стогнах греческих недавних городов,
Он пел, питомец муз, он пел среди валов
Народа, жадного восторгов мусикийских,–
В нем вера полная в сочувствие жила [7].

Это идеальная модель отношений поэта и общества, характерная для «золотого века». Поэт «питомец муз», его слово обладает властью: «И силой слова своего / Вития

[1] *Дарвин М.Н*. Художественный мир «Сумерек» Е.А. Баратынского // Дарвин М.Н.Русский лирический цикл: Проблемы истории и теории. – Красноярск, 1988. – С. 10.
[2] *Баратынский Е. А.* Указ. соч. – С.174.
[3] *Рудакова С. В.* «Филлида с каждою зимою» в контексте книги стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского // Дергачевские чтения-2011. 2012. Т. 2. № 10. С. 323-328. [Электронный ресурс]. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/20257/1/dc2-2011-52.pdf
[4] *Баратынский Е. А*. Указ. соч. – С.175.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же. – С.193.

властвовал народным произволом//»[1]. Между поэтом и народом существует взаимопонимание. Затем Баратынский резко переносит читателя в современность, используя характерный для него приём контраста:

Но нашей мысли торжищ нет,
Но нашей мысли нет форума![2]

«Торжище» и «форум» ключевые понятия античной общественной жизни, где слово имело вес и силу. В «железном веке» у мысли поэта нет подобного места, где его речи услышат, где слово может что-то изменить. Мысли поэта оказываются в вакууме: «Меж нас не ведает поэт, / Высок полет его иль нет, / Велика ль творческая дума//»[3]. Баратынский «раскрывает такие неприглядные черты, как неумение быть оригинальным в выражении своих идей, результатов духовно-творческих исканий» современными поэтами[4]. Поэт уже не может отличить истинное вдохновение от «смешного недуга». Кризис зашёл так глубоко, что даже самосознание поэта нарушено.

Чтобы создать перспективу возрождения, Баратынский вводит образ голубя из ковчега, который отсылает к библейскому сюжету о всемирном потопе:

Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного брега,
Живую ветвь приносишь ты; [5]

Как голубь принёс Ною весть о том, что вода отступила и земля снова пригодна для жизни, так и Рифма может стать вестником нового «золотого века», «образ птицы выполняет здесь чисто художественную функцию, оказываясь элементом поэтики, участвует в создании развернутой метафоры»[6]. Рифма, как один из важнейших элементов стихосложения, наделяется онтологическими свойствами и становится единственным орудием и посредником для связывания двух противоположных миров, поэта и толпы.

«Рифма» замыкает сборник. Если в начале Баратынский констатирует смерть поэзии в «железном веке», то в финале он допускает возможность её воскрешения. Как писал сам поэт в письмах: «Время поэзии индивидуальной прошло, другой еще не созрело»[7]. «Сумерки» фиксируют момент между закатом одного века и рассветом другого. Потребность толпы в поэзии может на время отойти на второй план, но призвание поэта, его талант остаются вечными категориями, независимо от времени.

THE IMAGE OF THE POET IN E. A. BARATYNSKY'S POETRY COLLECTION "TWILIGHT"

K. L. Zakirchenko
Omsk State Pedagogical University

The article examines the image of the poet in Yevgeny Baratynsky’s collection Twilight (1842), focusing on the deep crisis in the relationship between the poet and society during the “Iron Age.” In the key poem “The Last Poet,” Baratynsky presents the poet as an anachronism—a belated child of nature whose language of harmony and beauty is rejected by a materialistic, utilitarian civilization. The study shows that while the poem “Rhyme” initially laments the lack of public space for poetic speech in the modern era, it ultimately introduces hope for rebirth through the image of a dove bringing a living branch. Baratynsky’s historiosophy is cyclical: the death of poetry in the Iron Age may be followed by a new Golden Age, with rhyme serving as a possible bridge between the poet and the crowd. Thus, the collection captures a transitional moment between the decline of one age and the potential dawn of another, affirming that the poet’s vocation remains an eternal category independent of historical time.

Key words: E. A. Baratynsky, "Twilight", image of the poet, Hesiod, historiosophy, romanticism, poet and the crowd

---

[1] Там же. – С.194.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Анохина Ю. Ю*. Указ. Соч. – С.13.
[5] *Баратынский Е. А*. Указ. соч. – С.194.
[6] *Анохина Ю. Ю.* Указ. соч. – С.13.
[7] *Баратынский Е.А*. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. – М., 1987. – С.247.

УДК 82-141

САТАНА МИЛЬТОНА И ДЕМОН ЛЕРМОНТОВА: К ТИПОЛОГИИ ОБРАЗОВ

В.В. Звонков
Н. рук. – д. филол. н., проф. В.В. Липич
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1955972@bsuedu.ru

Демонический образ в искусстве проделал долгий путь от плоского злодея до неоднозначного антигероя, воплощающего в себе романтическую диалектику добра и зла. Итальянский писатель и литературовед Марио Прац писал: «С Мильтоном Зло определенно стало обладать ореолом красоты, великолепия, покрытого тенью грусти и смерти <…> исчезли последние намеки на мрачную фигуру средневекового злодея»[1]. Именно с поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» (1657) начинается восходящий путь Сатаны от абсолютного зла до противоречивого антигероя, каковым является Демон в одноименной поэме М.Ю. Лермонтова 1839 года.

Джон Мильтон далек от романтизма, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что средневековый религиозный образ Сатаны и романтический образ Демона связывает вполне конкретная родственная связь. Постараемся выяснить, какие же сходства образуют эту родственную связь, и каковы различия между этими двумя образами, которые не позволяют назвать Сатану из «Потерянного рая» романтическим.

Говоря о типологии образов, стоит отметить, что литературный тип – понятие, часто употребляемое очень неконкретно, как говорит об этом Л.В. Чернец[2]. Мы будем придерживаться ее определения: «*Типология*[3] <…> созданных образов, или персонажей, – это группировка их в типы на основании определенных сходных свойств характеров»[4].

Говорить о Сатане Джона Мильтона как о сугубо злом образе нам позволяет то, какую роль в поэме ему отводит сам автор. Заявляя о протесте против «несправедливости», после падения в Ад Сатана выстраивает пародию на ангельскую иерархию, ставя себя во главу:

«… в Аду ж являлся
Он грозным повелителем; великой
Он окружен был пышностью и Богу
Своим величьем подражал…»[5].

Сатана Мильтона индивидуалист. Это сближает его с лермонтовским образом. Романтическая особенность индивидуализма заключена в том, на что направлен акт бунта: «Несовершенство мироздания Демон воспринимает как личную обиду, свой бунт против Творца – как акт справедливой мести за это несовершенство. Такой максимализм – органическая черта романтического мировосприятия, и Лермонтов в поэме сосредоточен на своей коренной проблеме: раскрытии самого «механизма» судьбы, бунте личности <…> против мира»[6].

Сатана Мильтона прямолинеен, но есть в его образе два несколько противоречивых злой сущности момента: первый – это романтический по своей природе протест: «Царем в Аду быть лучше, чем слугою / На Небесах…»[7], так, романтический герой другой поэмы Лермонтова – Мцыри, тоже предпочел монастырскому заточению свободу и гибель; второй – сожаление, ненадолго вспыхнувшее наедине с собой в Сатане при виде Солнца:

---

[1] *Mario Praz.* The Romantic Agony / trans. Angus Davidson. – London, 1951. – p. 56.
[2] *Чернец Л.В.* О типологическом изучении персонажей // Stephanos. – М., 2016. – № 1. – С. 80-90.
[3] Здесь и далее курсив автора цитаты.
[4] *Чернец Л.В.* О типологическом изучении персонажей // Stephanos. – М., 2016. – № 1. – С. 80-90.
[5] *Джон Мильтон*. Потерянный рай = Paradise Lost / перевод с англ. Н.А. Холодковского. – М, 2025. – С. 63.
[6] *Журавлева А.И.* Поэма «Демон» // М.Ю. Лермнотов: pro et contra. – Санкт-Петербург, 2014. – том 2. – С. 864.
[7] *Джон Мильтон*. Потерянный рай = Paradise Lost / перевод с англ. Н.А. Холодковского. – М, 2025. – С. 19.

«… гордостью и честолюбьем злым
Я увлечен был на борьбу с великим,
<…>
И для чего? Ничем не заслужил
Он от меня подобного поступка…»[1].

Сожаление о содеянном посещает и Демона Лермонтова:

«Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой
<…>
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья…»[2].

Это сближает двух героев. Данные строчки, по мнению А.И. Журавлевой, сразу определяют доминанту лермонтовского образа: «Печальный» и «изгнанье» – вот центральные словообразы лермонтовского героя, <…> доминанты его характера <…> Лермонтовский Демон изгнан – и это с самого начала некое абсолютное изгнание: из рая, но и не в ад, а вообще из организованного, божественного миропорядка в «эфир», в пустоту, в бесконечные просторы Вселенной»[3]. Далее мы узнаем, что зло, не встречая никакого сопротивления, давно наскучило Демону. Романтическое разочарование настигло героя поэмы: «Он отпал от Бога, и в его лице – от «Божьего мира»[4]. Бог в наказание лишил Демона всяких чувств – божий мир не впечатляет его:

«…гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего»[5].

Прежние чувства в герое пробуждает прекрасная Тамара:

«Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг,
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук –
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!»[6].

Так и Сатану из «Потерянного рая» на мгновение красота Евы отнимает у него всю решимость:

«Он, Зло само, от собственного зла
Как будто отрешился и на время,
Остолбенев, стал добр, обезоружен»[7].

Чувства к Тамаре вызывают у героя воспоминания о прошлом и вселяют надежду на возвращение. Если Сатана хочет вернуться, чтобы властвовать в Раю, то Демон хочет вернуть скорее ощущение рая, хочет вернуть чувство жизни, отнятое у него в наказание: «видит ли автор в своем Демоне безусловного <…> носителя зла или только мятежную

[1]Там же – С. 19.
[2]*Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух томах. Том первый / Сост. и комм. И.С. Чистовой. – М., 1988 – С. 555.
[3]*Журавлева А.И.* Поэма «Демон» // М.Ю. Лермнотов: pro et contra. – Санкт-Петербург, 2014. – том 2. – С. 859.
[4]*Манн Ю.В.* «Над бездной адскою блуждая» (Романтические поэмы Лермонтова) // М.Ю. Лермнотов: pro et contra. – Санкт-Петербург, 2014. – том 2. – С. 937.
[5]*Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух томах. Том первый / Сост. и комм. И.С. Чистовой. – М., 1988 – С. 556.
[6]Там же – С. 556.
[7]*Джон Мильтон*. Потерянный рай = Paradise Lost / перевод с англ. Н.А. Холодковского. – М, 2025. – С. 312.

жертву «несправедливого приговора»; в какой мере свободна воля героя – предопределена ли извне его трагич.[1] неудача или он все-таки несет личную ответственность за смерть героини; <…> просит ли Демон Тамару возвратить его небу или стать его «небом», разделить <…> его прежнюю участь»[2].

Любовь Демона – один из главных диалектических романтических аспектов поэмы, а также и главный отличительный аспект образа от милтоновоского Сатаны. Зло рождается в Демоне из добра[3], ведь оно рождается из любви, он вкладывает в свою любовь к Тамаре «надежды на спасение и обновление»[4], но натыкается на слепое непринятие. Отсюда мы можем чувствовать некоторую несправедливость, проявленную по отношению к Демону. Д.Е. Максимов, исследуя тему мести в лирике Лермонтова, писал о персонажах его «Демона», «Азраила» и «Ангела смерти»: «Они способны к любви и отдаются ей со страстной надеждой найти в любовном союзе утраченную гармонию и связь с жизнью. Но надежда их оказывается тщетной: преодолеть свое одиночество они не могут»[5]. Сатана же Мильтона действует согласно логике зла. Никакого романтического противоречия в его образе не наблюдается. Противоречие же лермонтовского образа выливается и в противоречивую общую философскую систему поэмы: «Философская сторона поэмы вообще меньше всего может быть истолкована как некая стройная система рассуждений, как логически непротиворечивый ответ на коренные вопросы бытия»[6].

Демон признается Тамаре в своей безумной любви, и когда видит рядом с ней ангела-защитника, проявляет ревность и свою собственническую натуру, провозглашая ее своей по праву любви. Обвиняет ее в том, что ей невозможно постичь подобной любви: «О! если б ты могла понять»[7]. Оправдания и жалость к своей судьбе также присущи милтоновскому Сатане:

«О, если б, по Его могучей воле,
Одним из низших Ангелов я был,
Счастливей был бы я…
<…>
…вы должны благодарить Того,
Кем приведен я к этому возмездью»[8]

Подобные попытки снять с себя всякую ответственность за собственные поступки и переложить их на плечи «судьбы», «злого рока» и проч., Мильтон называет «доводом всех тиранов»[9]. Сатана понимает все отчаяние своего положения и не рассчитывает на прощение. Влюбленный Демон Лермонтова видит надежду именно в истинном прощении, поскольку снова познал, как ему кажется, любовь. Это характерная черта романтического образа – идеалистическая надежда, которая должна потерпеть крах.

Может показаться, что Сатана куда более персонифицированный персонаж, чем какой-то неназванный Демон, однако, Лермонтов называет его «счастливый первенец творенья!»[10], что вполне явно говорит нам о том, что это и есть тот падший Люцифер, первый из ангелов[11].

---

[1] Сокращение автора цитаты.
[2] *Роднянская И.Б.* «Демон» как художественное целое // Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М., 1981. – С. 132-137.
[3] *Максимов, Д.Е.* Поэзия Лермонтова – Ленинград, 1959. – С. 48.
[4] Там же – С. 67.
[5] *Максимов, Д.Е.* Поэзия Лермонтова – Ленинград, 1959. – С. 48.
[6] *Журавлева А.И.* Поэма «Демон» // М.Ю. Лермнотов: pro et contra. – Санкт-Петербург, 2014. – том 2. – С. 869.
[7] *Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух томах. Том первый / сост. и комм. И.С. Чистовой. – М., 1988 – С. 572.
[8] *Джон Мильтон*. Потерянный рай = Paradise Lost / перевод с англ. Н.А. Холодковского. – М, 2025. – С. 121, 134.
[9] Там же – С. 135.
[10] *Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух томах. Том первый / сост. и комм. И.С. Чистовой. – М., 1988 – С. 555.
[11] *Виноградова О.Н.* Апокалиптические мотивы в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2022. – Том 15. – Вып. 2. – С. 236-240.

О.Н. Виноградова, исследуя апокалиптические мотивы в поэме Лермонтова, говорит о Тамаре как о символе, изображающем Церковь: «Тамара представляет для злого духа <…> особый интерес, так как она обладает прекрасной душой, изначально принадлежащей небесному, божьему миру»[1]. И Демон, подобно Иуде, отравляет Тамару своим поцелуем:

«Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник»[2].

Разный мотив, но сам механизм поступка и у Демона и у Сатаны схожи: отравить чистую душу, дабы властвовать над ней.

Романтический индивидуализм, который отличается скорее даже не трепетным отношением к себе, но особым отношением к миру как к враждебной середе – противопоставление себя не просто своему врагу, а всему миру; диалектическая природа зла, рождающегося из любви, и наоборот, мотив любви как обольщения и искушения и «романтическая идея любви как спасения от одиночества и изгнания»[3]; бессмысленные, идеалистические надежды на возвращение к чувственной жизни и неизбежность разочарования – таковы отличительные черты лермонтовского Демона, и таковы черты «демоничности» романтического образа, воплощенные и самим Лермонтовым в разных своих героях: «Человек чувствовал себя бесконечно одиноким во враждебном мире, противостоящем всему человечеству, могучим и в то же время бессильным что-либо совершить. Вот такое состояние ума, такой психологический комплекс и принято называть демонизмом. <…> Для демонического героя мир разделен на «Я» и все остальное человечество»[4].

Таким образом, мы, обнаруживая хоть и немногочисленные, но явные сходства, можем с уверенностью сказать, что, милтоновский образ становится одним из импульсов для множества демонических образов в литературе, в том числе в романтической, но при этом типологические особенности Сатаны Мильтона и романтического лермонтовского образа Демона, не позволяют поставить их в один ряд.

MILTON'S SATAN AND LERMONTOV'S DEMON: TOUCHING UPON TYPOLOGY

V.V. Zvonkov
Belgorod State National Research University

The article touches upon the problem of typological classification of romantic image of a demon in Mikhail Lermontov poem "The Demon". The image of demon plays a special role in romanticism that is better than any literature movement reveals demonic side due to its dialectical nature. During the comparative typological analysis of John Milton's Satan from "Paradise lost" and the Demon from "The Demon" by Mikhail Lermontov, this article describes those distinctive features that make the image of demon a romantic one and help us to distinguish it from a typical image of absolute evil.

Key words: demon, satan, Milton, Lermontov, typology, image, paradise lost, romanticism, poem

[1]Там же – С. 236-240.
[2]*Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух томах. Том первый / сост. и комм. И.С. Чистовой. – М., 1988 – С. 578.
[3]*Журавлева А.И.* Поэма «Демон» // М.Ю. Лермнотов: pro et contra. – Санкт-Петербург, 2014. – том 2. – С. 862.
[4] Там же – С. 864.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЧУТКОСТЬ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

Э.Е. Литвинова
Н. рук. – к. филол. н., доц. М.В. Половнева
Белгородский государственный национальныйисследовательский университет
1730067@bsuedu.ru

Роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» опубликован в 1859 году в журнале «Современник». Произведение было встречено читающей публикой с восторгом, а критики отметили поэтичность языка и глубину философского замысла. Успех романа во многом был обусловлен уникальной манерой Тургенева передавать внутреннее состояние героев, «тайным психологизмом» автора, где каждое чувство и каждое молчание оказываются значимы. Чуткий художник не выворачивает души героев наизнанку, а помогает понять их состояние через жесты, пейзаж, эстетическую чуткость, проявляющуюся в отношении персонажа к искусству. Говоря о психологизме писателя, Г.Б. Курляндская замечает: «И.С. Тургенев относится до некоторой степени к числу писателей, которые “заботятся преимущественно о результатах, проявлениях внутренней жизни <…>, а не о таинственном процессе, посредством которого вырабатывается мысль или чувство”. И.С. Тургенев был сознательным противником четкого обозначения тех частиц духовной жизни, которые составляют глубинную основу человеческой личности»[1]. В романе «Дворянское гнездо» писатель проверяет героев на искренность, глубину чувств и способность к духовному постижению мира, при этом отношение к искусству становится одним из главных критериев характеристики личности.

Например, Владимир Паншин относится к музыке как к светскому развлечению, способу продемонстрировать свой «блеск», мастерство, создать о себе благоприятное впечатление. Его игра на фортепьяно искусна, но не подкреплена чувством. Автор подчёркивает демонстративность «таланта» Паншина, используя эпитеты «мило»[2], «премило»[3].

Появление Варвары Павловны, «настоящей, заграничной львицы»[4], привлекло внимание Паншина. Их совместная игра напоминает состязание в изящности и лоске. Особенно показателен выбор репертуара – это легкие французские романсы, полные внешнего блеска, но лишенные драматизма: «Варвара Павловна села за фортепьяно. Паншин стал возле нее. Они спели вполголоса дуэт, причем Варвара Павловна несколько раз его поправляла, потом спели громко, потом два раза повторили: Mira la bianca lu… u... una. Голос у Варвары Павловны утратил свежесть, но она владела им очень ловко. Паншин сперва робел и слегка фальшивил, потом вошел в азарт, и если пел не безукоризненно, то шевелил плечами, покачивал всем туловищем и поднимал по временам руку, как настоящий певец. Варвара Павловна сыграла две-три тальберговские вещицы и кокетливо «сказала» французскую ариетку»[5]. Искусство для них – это салонная игра, где каждый жест выверен и театрален.

Лиза Калитина воспринимает музыку как молитву. Для неё это сфера высокого, чистого, почти религиозного переживания. Музыка для Лизы – это не столько эстетическое удовольствие, сколько способ прикоснуться к вечности. Интересен эпизод исполнения романса Паншиным и реакция на него окружающих: «Второй куплет был спет Паншиным с особенным выражением и силой; в бурном аккомпанементе

[1] *Курляндская Г.Б.* И.С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции. – Тула, 2001. – С. 205.
[2] *Тургенев И.С.* Отцы и дети: романы / Иван Тургенев. – СПб., 2020. – С. 24.
[3] *Там же*. – С. 151.
[4] *Там же*. – С. 156.
[5] *Тургенев И.С.* Отцы и дети: романы / Иван Тургенев. – СПб., 2020. – С. 156.

слышались переливы волн. После слов: «Мне тяжело…» – он вздохнул слегка, опустил глаза и понизил голос – morendo. Когда он кончил, Лиза похвалила мотив, Марья Дмитриевна сказала: «Прелестно», а Гедеоновский даже крикнул: «Восхитительно! и поэзия и гармония одинаково восхитительны!..» Леночка с детским благоговением посмотрела на певца. Словом, всем присутствовавшим очень понравилось произведение молодого дилетанта; но за дверью гостиной в передней стоял только что пришедший, уже старый человек, которому, судя по выражению его потупленного лица и движениям плечей, романс Паншина, хотя и премиленький, не доставил удовольствия»[1]. Лиза слушает романс, хвалит мотив, но её подлинное музыкальное «я» раскрывается в общении со старым немцем Леммом, обладающим профессиональной и нравственной чуткостью, взгляд которого в данном случае очень важен.

Тургенев противопоставляет образы Лемма и Паншина. Если для Паншина музыка – это инструмент кокетства, то для Лемма – это трагическая глубина звука. Лиза интуитивно тянется к Лемму, потому что в его музыке слышит отголоски вечности, а не сиюминутного успеха.

Таким образом, музыкальные способности героев пропорциональны их способности к глубокому чувству. В мелодиях, которые исполняет Паншин, в самой манере его игры, громкой и решительной, отзывается уверенность в себе, «ловкость» светского человека, в то время как чистота Лизы находит отклик в строгом искусстве Лемма.

Тургенев сталкивает два типа музыкального сознания: поверхностно-салонное и глубоко-духовное.

В этой связи интересно мнение Ю.В. Лебедева о Лаврецком: «Возрождающийся к новой жизни Лаврецкий вместе с заново обретаемым чувством родины переживает и новое чувство чистой, одухотворенной любви. Лиза является перед ним как продолжение глубоко пережитого, сыновнего слияния с животворной тишиной деревенской Руси. “Тишина обнимает его со всех сторон, солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывут по нем”. Ту же самую исцеляющую тишину ловит Лаврецкий в “тихом движении Лизиных глаз”, когда “красноватый камыш тихо шелестел вокруг них, впереди тихо сияла неподвижная вода и разговор у них шел тихий”»[2]. Так, через мотивы «тихого» созерцания и спокойствия автор показывает процесс «возвращения» Лаврецкого к самому себе: общение с Лизой, родная природа исцеляют героя от хаоса светской жизни и отчуждения, он обретает душевный покой, утраченную цельность души. А эпизод, когда Лаврецкий, окрыленный надеждой на любовь после разговора с Лизой, возвращается домой и слышит игру Лемма, является высшей точкой «музыкального психологизма» И.С. Тургенева. Музыка Лемма в этот момент становится отражением душевного состояния героя: «Давно Лаврецкий не слышал ничего подобного: сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце; она вся сияла, вся томилась вдохновением, счастьем, красотою, она росла и таяла; она касалась всего, что есть на земле дорогого, тайного, святого; она дышала бессмертной грустью и уходила умирать в небеса. Лаврецкий выпрямился и стоял, похолоделый и бледный от восторга. Эти звуки так впивались в его душу, только что потрясенную счастьем любви; они сами пылали любовью»[3]. Таким образом, мелодия Лемма служит мостом между внутренним миром Лаврецкого и миром идеальным, выступает здесь как высшая форма правды.

Спустя восемь лет Лаврецкий посещает дом Марьи Дмитриевны и чувствует перемены в нем: «…дом Марьи Дмитриевны как будто помолодел: его недавно выкрашенные стены белели приветно, и стекла раскрытых окон румянились и блестели на заходившем солнце; из этих окон неслись на улицу радостные, легкие звуки молодых

[1] Там же – С. 18.
[2] *Лебедев Ю.В.* Тургенев. – М., 1990.
[3] *Тургенев И.С.* Отцы и дети: романы / Иван Тургенев. – СПб., 2020. – С. 128.

голосов, беспрерывного смеха; весь дом, казалось, кипел жизнью и переливался весельем через край»[1], «…молодежь оглашала смехом и говором стены калитинского дома»[2]. Если раньше дом Лизы был для героя пространством тихих разговоров и духовного единения, то теперь он полон шума и смеха, теперь здесь слышится иная жизнь – молодая, шумная. Этот шум становится символом смены поколений.

Особое значение имеет эпизод, когда Лаврецкий садится за фортепиано, на котором когда-то играла Лиза: «А Лаврецкий вернулся в дом, вошел в столовую, приблизился к фортепьяно и коснулся одной из клавиш; раздался слабый, но чистый звук и тайно задрожал у него в сердце: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодия, которой, давно тому назад, в ту же самую счастливую ночь, Лемм, покойный Лемм, привел его в такой восторг»[3]. Этот единственный «слабый, но чистый звук» – всё, что осталось от его прошлого.

Тихий и незаметный уход Лаврецкого из дома Калитиных усиливает трагизм его одиночества: «Лаврецкий тихо встал и тихо удалился; его никто не заметил, никто не удерживал; веселые клики сильнее прежнего раздавались в саду за зеленой сплошной стеной высоких лип. Он сел в тарантас и велел кучеру ехать домой и не гнать лошадей»[4]. Его просьба «не гнать лошадей» – это не просто медленная езда, это метафора его замедленной, созерцательной жизни, лишенной прежних стремлений и страстей, но полной горькой мудрости.

Таким образом, у И.С. Тургенева эстетическая чуткость является одним из средств создания психологического портрета персонажа. Читатель не просто узнает о чувствах того или иного героя, он их «слышит». Так, для Паншина музыка – это внешнее украшение, лишенное души. Для Лизы и Лемма – это способ служения идеалу и выражение сокровенных молитв. Для Лаврецкого – это средство самопознания и способ сохранить связь с утраченным счастьем. Благодаря музыкальному фону в произведении И.С. Тургенева создается настроение «светлой печали», которое делает роман глубоким философским размышлением о хрупкости человеческого счастья, о необходимости следовать долгу, о скоротечности времени.

AESTHETIC SENSITIVITY AS A MEANS OF CREATING A PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE CHARACTER IN THE NOVEL OF I.S. TURGENEV «NOBLE NEST»

The article examines aesthetic sensitivity as one of the tools for creating a psychological portrait of a character and revealing their inner world. The focus is on the contrast between two types of attitude towards music: a deeply spiritual one (the old teacher Lemm and Liza Kalitina) and a superficial, salon-like one (Panshin). An attempt is made to show how the heroes' attitude towards music becomes a criterion of their spiritual consistency and authenticity of feelings.

Key words: aesthetic sensitivity, art, music, psychological portrait.

[1] Там же – С. 183.
[2] Там же – С. 183.
[3] Там же. – С. 186.
[4] *Тургенев И.С.* Отцы и дети: романы / Иван Тургенев. – СПб., 2020. – С. 187.

УДК 94.37

ТРАДИЦИИ ИСПОВЕДАЛЬНОГО ЖАНРА И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПОЭТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Е.Н. Свиридова
Н. рук. – д. филол. н., проф. В.В. Липич
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1296853@bsuedu.ru

Исповедальный жанр на протяжении столетий служил одной из главных форм литературной рефлексии о личности, вине, истине и спасении. В русской литературе XIX века он получил мощное развитие, однако именно у Ф. М. Достоевского традиция исповеди претерпела радикальную художественную и философскую трансформацию. Отказ от линейной автобиографичности, введение полифонической структуры и превращение исповеди в форму экзистенциального диалога позволили писателю сделать его лабораторией нравственно-онтологического поиска.[1]

Классическая исповедь оформляется в раннехристианской традиции. «Исповедь» Августина Блаженного (кон. IV – нач. V в.) закладывает канон: обращение к Богу как к абсолютному адресату, хронологическое движение от греха к обращению, установка на предельную искренность и нравственное преображение.[2] Исповедь здесь — акт духовного очищения, где прошлое осмысляется сквозь призму божественной благодати.[3]

В эпоху Просвещения жанр секуляризируется. «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо (1782) смещает акцент с теологического на антропологический: ценность приобретает индивидуальность, внутренняя свобода, право на субъективную правду, даже если она противоречит общественным нормам. Руссо вводит мотив социальной отчуждённости и делает исповедь инструментом критики лицемерия цивилизации.[4]

В русской литературе первой половины XIX века исповедальные мотивы проникают в прозу, но носят фрагментарный или стилизованный характер. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова использует форму дневника и письма, однако исповедь Печорина остаётся эгоцентричной, лишённой вектора преображения.[5] Н. В. Гоголь в повести «Записки сумасшедшего» демонстрирует распад сознания, но исповедальность здесь подчинена сатирико-гротескной задаче, а не нравственному поиску.

К 1860-м годам в условиях кризиса традиционных ценностей, роста нигилистических настроений и интереса к «подпольному» человеку исповедь перестаёт быть просто формой самовыражения. Она становится полем столкновения идеологий, психологических комплексов и социальных противоречий. Именно в этом контексте Достоевский приступает к радикальному переосмыслению жанра.

Трансформация исповедального жанра у Достоевского осуществляется по нескольким взаимосвязанным направлениям:

1. Уход от автобиографической достоверности к художественной условности. Достоевский сознательно отдаляет исповедь от фактографической автобиографии. Его «исповедники» — вымышленные персонажи, чьи признания часто содержат самообман, иронию, риторические уловки. Искренность становится проблемой, а не данностью.

2. Полифония и диалогизм. Как показал М. М. Бахтин, проза Достоевского полифонична: голоса персонажей не подчинены авторской доминанте, а существуют в

[1] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества // Искусство. – 1979. – С. 11.
[2] *Августин Блаженный*. Исповедь // Изд-во Сретенского монастыря. – 2010. – С. 416.
[3] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. // Наука. – 1971. – С. 368.
[4] *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь // Художественная литература. – 1982. – С. 576.
[5] *Эйхенбаум Б. М.* О прозе. О поэзии // Советский писатель. – 1969. – С. 210.

равноправном диалоге.[1] Исповедь у писателя не замыкается в себе и рождается в столкновении знаний, а не в монологе.

3. Экзистенциальный и философский поворот. Исповедь перестаёт быть обращенным отчётом о прошлом. Она превращается в акт пограничного переживания, где решаются вопросы свободы, вины, смысла страдания. Нравственное преображение не гарантировано сюжетом; оно часто остаётся открытым, проблемным, требующим дальнейшего усилия.

4. Жанровая гибридизация и фрагментарность. Ф.М. Достоевский использует форму «записок», дневников, судебных показаний, писем, внутренних монологов, снов и бредовых видений. Исповедь дробится, становится нелинейной, включается в сложный нарративный каркас. Это отражает фрагментированность современного сознания.

«Записки из подполья» (1864) часто рассматривают как манифест новой исповедальной эстетики. Подпольный человек одновременно кается и оправдывается, обращается к безликим «господам», высмеивает саму идею «разумного эгоизма», но не может выйти за пределы собственной рефлексии. Его исповедь — это анти-исповедь: она демонстрирует, как сознание, лишённое живого действия и веры, превращается в самопоглощающий лабиринт[2].[3]

«Преступление и наказание» (1866) показывает исповедь как процесс, растянутый во времени. Раскольников не признаётся сразу; он колеблется между гордыней теоретика и потребностью в искуплении. Ключевой момент — исповедь перед Соней Мармеладовой, где теория сталкивается с живой жалостью. Даже официальное признание на площади не приносит освобождения; подлинный поворот намечен лишь в эпилоге, через чтение Евангелия. Исповедь здесь не завершает конфликт, а открывает путь к возможному преображению.[4]

«Братья Карамазовы» (1880) представляет собой вершинный пример полифонической исповеди. Каждый из братьев исповедуется по-своему:

- Дмитрий — экстатически, телесно, через страдание и любовь к «дитяти».
- Иван — интеллектуально, в форме бунта и поэмы «Великий инквизитор», где исповедь сливается с философским трактатом.
- Алёша — не через признание греха, а через молчаливое сострадание и принятие завета старца Зосимы.[5]

Сам Зосима в «Житии» даёт исповеди новый духовный вектор: это не перечисление проступков, а свидетельство о благодати, действующей в мире. Достоевский показывает, что исповедь может быть не только разоблачением, но и формой любви, памяти и ответственности за «всех и за всё».

Достоевский не отменяет исповедальную традицию, а выводит её на качественно новый уровень. От линейного саморазоблачения, ориентированного на нравственную определённость, он переходит к открытой, диалогической, часто противоречивой форме, в которой сознание исследует собственные пределы. Исповедь у Достоевского становится жанром кризиса, где истина не декларируется, а добывается в напряжённом внутреннем и внешнем диалоге. Эта трансформация отразила глубинные сдвиги в европейской культуре второй половины XIX века: утрату метафизической уверенности, интерес к подсознательному, экзистенциальную постановку вопроса о свободе и вине.[6]

Художественные открытия Достоевского оказали определяющее влияние на литературу XX–XXI веков. Мотивы фрагментированной исповеди, ненадёжного

---

[1] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества // Искусство. – 1979. – С. 11.
[2] *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // Наука. – 1973. – С. 488.
[3] *Фридлендер Г. М.* Достоевский и русские писатели-современники // Наука. – 1979. С. – 304.
[4] *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // Азбука. – 2018. С. – 504.
[5] *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Альпина Паблишер. – 2025. С. – 848.
[6] *Холквист М.* Диалогизм и его границы. О Достоевском, Бахтине и современной теории // Языки славянской культуры. – 2002. С. – 256.

повествователя, экзистенциального признания и полифонического диалога прослеживаются у Кафки, Камю, Сартра, Набокова, Солженицына, современных авторов автобиографической прозы. Трансформируя исповедальный жанр, Достоевский превратил его из формы ретроспективного отчёта в инструмент онтологического вопрошания, что навсегда изменило ландшафт мировой литературы.

TRADITIONS OF THE CONFESSIONAL GENRE AND THEIR TRANSFORMATION IN THE POETICS OF F.M. DOSTOYEVSKY

E.N. Sviridova
Belgorod State National Research University

This article examines the origins of the confessional canon, its adaptation in Russian prose before Dostoevsky, and the specifics of the author's transformation of the genre based on the key works of the writer.

Key words: confession, polyphony, genre, Dostoevsky.

УДК 94.37

ХРОНОТОП «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» В РОМАННОЙ ТРИЛОГИИ И.А. ГОНЧАРОВА

Е.А. Шелухина
Н.рук. – к.филол.н., доц. М.В. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553123@bsu.edu.ru

Художественное единство романной трилогии И.А. Гончарова обеспечивается не только общностью темы, но и устойчивой системой поэтических средств, которая последовательно развивается от романа к роману. В центре этой системы находится ключевой для писателя хронотоп «дворянское гнездо», раскрываемый через пространственно-временную организацию произведений и комплекс взаимосвязанных образов-символов.

С точки зрения репрезентации указанного художественного пространства важна такая лексическая единица, как «уголок». Впервые эта номинация встречается в романе «Обыкновенная история». Анна Павловна, узнав об отъезде сына, спрашивает: «...и тебе не жаль покинуть такой уголок?»[1]. Данная характеристика подчеркивает и пространственную, и общественную замкнутость «гнезда». Отмеченная особенность хронотопа «дворянское гнездо» дополняется в романе понятием «амфитеатр»: «А там нивы с волнующимися, разноцветными хлебами шли амфитеатром...»[2]. В словаре «Архитектурные термины» А.С. Партиной найдем следующее определение этого понятия: «Амфитеатр (гр. с обеих сторон, круговое) – открытое круглое или эллипсовидное сооружение с ареной для публичных выступлений…»[3]. Так, происхождение и значение этого определения вновь актуализируют представление о замкнутости ритма жизни в «дворянских гнездах», цикличности протекания времени в них.

В усадебной культуре XIX века традиционно присутствует пейзаж: растительный и животный мир, действие стихий, погоды и прочих элементов окружающей среды влияли на мировоззрение и темп жизни дворянского сословия.

В «Обыкновенной истории» И.А. Гончаров часто акцентирует внимание читателей на растущих вокруг имения липах, на них обращает внимание сына и Анна Павловна: «Вот эти липы, – говорила она, указывая на сад, – сажал твой отец. Я была беременна тобой»[4]. Репрезентация данного образа в структуре художественного пространства романа

[1] *Гончаров И.А*. Обыкновенная история. – Москва, 1997. – С. 178.
[2] Там же. – С. 178.
[3] *Партина А.С.* Архитектурные термины: иллюстрированный словарь. – Москва, 1994. – С. 12.
[4] *Гончаров И.А*. Обыкновенная история. – Москва, 1997. – С. 446.

важна с точки зрения сюжетной символики. Занимая обширную часть территории усадьбы, они не только создают прекрасный пейзаж, но и помогают увидеть перемену в характере главного героя. Именно на лоне природы, глядя на посаженные отцом липы, Адуев открывает у себя в душе тоску по Петербургу: «Он <...> уже равнодушно глядел на отцовские липы, с досадой слушал плеск озера. Он начал размышлять о причине этой новой тоски и открыл, что ему было скучно – по Петербургу?!»[1]

Важным природным атрибутом «дворянского гнезда» является в романе озеро, которое также расположено в непосредственной близости к усадьбе. Окруженное липами, оно становится символом усадебной жизни. Однако не менее важна и та репрезентация этого объекта, которая раскрывается в речах Анны Павловны. Желая предотвратить отъезд Александра в Петербург, она говорит: «И ты хочешь бежать от такой благодати, еще не знаешь куда, в омут, может быть, прости господи...»[2]. Образ омута возникает и в беседе с Антоном Иванычем. Ожидая возвращение сына, она рассказывает о своем сне: «"Да откуда ты взялся, голубчик?" – будто спрашиваю я опять. А он, сердечный, вздохнул и опять указал на озеро. "Из омута, – молвил чуть слышно, – от водяных"»[3]. В сознании матери пространственный объект, озеро, превращается в зловещий символ – омут, ассоциирующийся с Петербургом. Так И.А. Гончаров отражает восприятие городской, светской жизни человеком патриархального, дворянского уклада – Анна Павловна видит в нем отрицательный потенциал.

Роман «Обломов» является, на наш взгляд, самым ярким произведением с точки зрения раскрытия хронотопа «дворянское гнездо» и его влияния на характер человека. Нагляднее всего это отражается в главе «Сон Обломова», которую в критике называют «увертюрой» ко всему роману. В этой главе представлены практически все мотивы и символы, которые уже отразились в «Обыкновенной истории» и впоследствии нашли продолжение в «Обрыве».

Для описания пространства Обломовки И.А. Гончаров вновь обращается к определению «уголок»: «В какой благословенный уголок земли перенес нас сон Обломова?»[4]. Так, художник в очередной раз подчеркивает замкнутость пространства деревни, где проходило детство героя.

Характеризуя образ жизни обломовцев, автор пишет: «Правильно и невозмутимо совершается там годовой круг»[5]. Лексема «круг» в данном случае в очередной раз подчеркивает цикличность протекания времени в пространстве «дворянского гнезда». Не раз И.А. Гончаров сравнивает ритм жизни Обломовки со сном: «Это был какой-то всепоглощающий, ничем непобедимый сон, истинное подобие смерти»[6]. Время в «Обломовке» не только цикличное, но и статичное. Есть здесь и упоминание об овраге, который в Обломовке имел «дурную репутацию»: «Мать <...> отпускала гулять в сад с строгим подтверждением няньке <...> не пускать его в овраг, как самое страшное место в околотке».[7] Этот, казалось бы, периферийный эпизод является ключевым для понимания пространственной модели Обломовки и её влияния на психику Ильи Ильича. Овраг играет роль последней границы безопасного мира, за которой начинается «не своё» пространство. Запрет на его посещение становится важнейшим элементом воспитания: он прививает не просто осторожность, а глубинный страх перед неизвестным.

В романе «Обрыв» эти образы продолжают свое закономерное развитие. И.А. Гончаров снова акцентирует внимание на определенной замкнутости пространства, упоминая такую лексическую единицу, как «уголок»: «Какой эдем распахнулся ему в этом

[1] *Гончаров И.А*. Обыкновенная история. – Москва, 1997. – С. 448.
[2] Там же. – С. 178.
[3] Там же. – С. 430.
[4] *Гончаров И.А*. Обломов. – Москва, 1998. – С. 98.
[5] Там же. – С. 100.
[6] Там же. – С. 116.
[7] *Гончаров И.А*. Обломов. – Москва, 1998. – С. 111.

уголке, откуда его увезли в детстве и где потом он гостил мальчиком иногда, в летние каникулы»[1].

Образ обрыва, вынесенный в заглавие романа, восходит к омуту, отраженному в «Обыкновенной истории», и к оврагу, упомянутому в описании Обломовки: все эти географические объекты сопровождаются отрицательным отношением героев, о них ходят страшные слухи. Однако в последнем романе образ обрыва получает новое символическое значение. Анна Павловна связывает омут с Петербургом; Илюше Обломову строго запрещено приближаться к оврагу, а герои «Обрыва» уже не боятся спускаться на дно оврага, отвергая слухи об этом «проклятом месте». Такая трактовка образа позволяет И.А. Гончарову не только расширить пространство Малиновки, но и символически отразить выход из исторически сложившихся рамок воспитания и бытовых условностей.

Важно в этой связи и то, что в итоговой части трилогии автор уделяет большое внимание Волге – именно в ее близости расположено имение, где находится Райский, многие пейзажи украшены ее могущественным видом, ею любуются персонажи романа. Если в «Обыкновенной истории» мы наблюдали озеро – водоем со стоячей водой, то в «Обрыве» его место занимает река, символизирующая постоянное движение, течение жизни и времени. Однако следует заметить, что время не динамично на протяжении повествования, а иногда Райский замечает и его статичность: «...здесь – картина теплого летнего сна, на зелени, среди цветов, под чистым небом, но всё сна, непробудного сна!»[2]. И.А. Гончарову удается изобразить Малиновку, находящуюся на пороге социальных изменений: она все еще «дворянское гнездо» с присущими ему пространственно-временными атрибутами, но этот усадебный мир заметно отходит от традиционных патриархальных устоев, характерных для его культуры.

Таким образом, во всех трех романах усадьба – это лоно патриархальной жизни. Ей свойственна ограниченность, замкнутость, как пространственная, так и социальная, что подчеркивают используемые художником сквозные образы. Время в «дворянском гнезде» циклично, подобно беспробудному сну. Однако в романе «Обрыв» хронотоп «дворянское гнездо» приобретает новые свойства, отражающие динамику общественного развития.

THE CHRONOTOPE «THE NOBILITY'S NEST» IN I.A. GONCHAROV'S NOVEL TRILOGY

E. A. Sheluhina
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the analysis of the chronotope of the «nobleman's nest» in I.A. Goncharov's novel trilogy. The study draws attention to the representation of this chronotope through the lexeme «corner», as well as through landscape descriptions that create a sense of spatial enclosure and the cyclical nature of time within the estate world of the «nobleman's nest».

Key words: novel trilogy, chronotope, «nobleman's nest», cyclic nature, enclosure, landscape.

УДК 94.37

ОБРАЗЫ «НОВЫХ ЛЮДЕЙ» В РОМАНЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Т.И. Юрченко
Н. рук. – к.филол.н, доц. М. В. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1532685@bsuedu.ru

Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» представляет собой художественное произведение, которое отразило духовные поиски и социальную активность молодёжи 1860-х годов. Одной из ключевых особенностей романа является реалистическая

[1] *Гончаров И.А.* Обрыв. – Москва, 2004. – С. 58.
[2] Там же. – С. 184.

убедительность образов героев, принадлежащих к новому общественному типу, – «новым людям».

«Новые люди» – это тип разночинной демократической интеллигенции 1860-х годов. В основе их характера и поступков лежит теория «разумного эгоизма»: личное счастье человека неразрывно связано с благополучием окружающих, поэтому герои сознательно строят свою жизнь на принципах труда, равноправия, честности и взаимопомощи, видя своё призвание в преобразовании общества. Примечательно, что в романе представлены два типа «новых людей». К «обыкновенным» писатель относит Лопухова, Кирсанова и Веру Павловну. А «особенным» человеком в произведении является Рахметов.

Центральное место среди «обыкновенных людей» занимает образ Веры Павловны. Её история становится движущей силой сюжета. Героиня наделена острым умом, душевной добротой, твердым характером и выдающейся внешностью. Даже Марья Алексеевна понимает, что ее дочь красива: «Как бы не за рожу ее он ее брал, в кровь бы ее всю избить, а теперь как тронуть? Изуродует себя, проклятая!»[1]. Внешняя привлекательность Веры Павловны также получает подтверждение в сдержанной характеристике Лопухова: «Глаза хорошие, даже очень хорошие», с южным типом лица...очень красивое лицо... Когда войдет в свет, будет производить эффект»[2].

Однако в мире, где всё подчинено принципам собственности, её красота теряет свою эстетическую и нравственную ценность, становясь товаром и источником страданий. Мать Веры Павловны, Марья Алексеевна, не задумывается о чувствах дочери, для неё брак – это просто выгодная сделка. Но Верочка противостоит семейному деспотизму, её борьба за независимость – осознанная позиция. Выйдя замуж за Лопухова, она отвергает привычный семейный уклад, основанный на деньгах. Для неё брак становится не готовым шаблоном, а пространством для поиска, основанном на уважении, полном равноправии и взаимном доверии. В этой связи показательна перемена имени героини: «Ведь я уж Вера Павловна; веселиться, как Верочка, приятно по временам, но не всегда же»[3]. Этот переход от «Верочки» к «Вере Павловне» символизирует переход от наивной девушки к самостоятельной взрослой женщине, которая сама управляет своей жизнью.

Яркими представителями «новых людей» являются в романе Дмитрий Сергеич Лопухов и Александр Матвеич Кирсанов.

Лопухов обладает высокой нравственностью, интеллектом и самостоятельностью. Увлечённый естественными науками, герой видит в них средство для изменения жизни. Именно он освобождает Верочку от тирании семьи, предоставляя ей полную свободу. Для Лопухова любовь и брак – равноправный союз, основанный на взаимоуважении. Не случайно Вера Павловна называет его «умным, благородным и добрым».

Кирсанов – выходец из небогатой семьи, с двенадцати лет помогал отцу переписывать бумаги. Целеустремлённость и трудолюбие стали главными чертами его характера. Кирсанов окончил Медицинскую академию, возглавил кафедру и работал в госпитале, бесплатно лечил бедных больных. Он честен, порядочен, ценит искусство, в браке с Верой Павловной поддерживает жену в ее стремлении изучать медицину, становится для нее другом и наставником. В образе Кирсанова Н.Г. Чернышевский воплотил веру в прогресс и справедливость.

Автор подчёркивает разное социальное происхождение Лопухова и Кирсанова, но отмечает схожесть их судеб: «оба грудью, без связей, без знакомств пролагали себе дорогу»[4]. Привычка к труду, привитая с юных лет, превратилась для героев в жизненную школу, где они научились быть самостоятельными, уважать себя и стойко справляться с любыми испытаниями. Как отмечает Н.Н. Наумова, «новые люди» «отдают себя делу

[1] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? – Москва, 1969. – С. 10.
[2] *Там же*. – С. 13.
[3] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? – Москва, 1969. – С. 55.
[4] *Там же.* – С. 44.

развития передовой науки и общественной борьбе и не видят в этом никакой жертвы»[1]. Например, Лопухов сознательно отказывается от житейских выгод ради работы на пользу другим, находя в этом наслаждение. Такой отказ осмысляется героем не как жертва, а как осознанный выбор, приносящий глубочайшее внутреннее удовлетворение, что составляет суть «разумного эгоизма».

Особое место в системе персонажей занимает Рахметов. Образ «особенного человека» чрезвычайно важен в реализации авторского замысла. Н.Г. Чернышевский раскрывает его характер через рассказ со стороны. Емкость и лаконизм описаний героя создают ощущение весомости и значимости каждой детали в биографии Рахметова. Он с юности работал над собой: занимался гимнастикой, был чернорабочим. Ужасы крепостного быта в деревне оставили неизгладимый след в его душе: «Отец его был человек деспотического характера, очень умный, образованный и ультраконсерватор, – в том же смысле, как Марья Алексевна, ультраконсерватор, но честный. Ему, конечно, было тяжело. Это одно еще ничего бы. Но мать его, женщина довольно деликатная, страдала от тяжелого характера мужа, да и видел он, что в деревне»[2]. Революционные взгляды Рахметова окончательно сформировались благодаря знакомству с «новыми людьми». Этот опыт дал ему глубокое понимание народной жизни. «Невесёлые вещи», которые он увидел, окончательно убедили его в том, что изменить эту действительность можно только через последовательную и упорную борьбу.

В словах Веры Павловны о том, что герои «сливаются с общим делом так, что оно для них необходимость, наполняющая их жизнь...», заключается ключ к пониманию натуры Рахметова. Для него революционная борьба – это не долг или жертва, а способ жизни, где личное и общественное становятся одним целым.

Чернышевский изобразил «особенного человека» как человека сурового, требовательного к себе и окружающим. Но при этом с обычными людьми и теми, кто разделяет его взгляды, он удивительно мягок и добр. Сочетание доброты и суровой непримиримости было не просто личной чертой героя – это качество отличало революционеров того времени. Готовясь к революции, Рахметов отказался от бытового комфорта и гастрономических изысков, занимался тяжелым физическим трудом, спал на гвоздях, чтобы подготовить тело и дух к предстоящим трудностям. Именно благодаря этой внутренней силе образ Рахметова приобрел огромное влияние, став эталоном и ориентиром для революционно настроенной молодежи. В данном случае Чернышевский проявил себя как проницательный писатель, который не только предсказал появление нового социального типа, но и воплотил его в выразительном и завершенном художественном образе.

Таким образом, через эволюцию образа Веры Павловны, практику «новых людей» и образ Рахметова писатель воплотил мысль о том, что подлинная свобода и счастье достигаются только через осознанное служение обществу, основанное на разуме, труде и непримиримости к несправедливости.

IMAGES OF "NEW PEOPLE" IN N.G. CHERNYSHEVSKY'S NOVEL "WHAT TO DO?"

T. I. Yurchenko
Belgorod State National Research University

The article examines the images of "new people" in N.G. Chernyshevsky's novel "What to Do?". Attention is focused on the image of Vera Pavlovna, on the personal qualities of Lopukhov, Kirsanov and Rakhmetov, on the theory of "reasonable egoism" as the basis of the life of "new people", as well as on the role played by the "special man" Rakhmetov in the realization of the author's idea.

Key words: "new people", "reasonable egoism", "special person", revolutionary views, service to society.

[1] *Наумова Н.Н.* Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» – Ленинград, 1972. – С. 35.
[2] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? – Москва, 1969. – С. 65.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

УДК 087.5:17.022.1

ЭТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ФЭНТЕЗИ Д. ЕМЦА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ СЕРИИ «МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ»)

Д.А. Губина
Н. рук. – к.ф.н., доцент Е.А. Ширина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1462852@bsuedu.ru

Изучение литературы в современном литературоведении немыслимо вне аксиологического подхода, рассматривающего художественный текст как сложную систему смысловых ориентиров. Понятие «этическая доминанта» в данном контексте выступает не просто как тематический элемент произведения, но как фундаментальный структурообразующий фактор, определяющий идейное единство текста и логику развития художественного мира. В жанре фэнтези, характеризующемся высокой степенью метафоричности и явным противопоставлением ценностных полюсов, выявление таких доминант становится ключом к пониманию авторской концепции бытия.

Жанр фэнтези один из самых популярных жанров массовой литературы, особенно среди подростков и молодёжи. Отсюда следует необходимость изучения этических установок, которые может почерпнуть подрастающий читатель в произведениях данного жанре. Именно этой проблеме мы ходим посвятить нашу работу и сделать краткий обзор этических доминант в творчестве Д. Емца, а точнее – в серии романов о Мефодии Буслаеве.

Цикл романов Дмитрия Емца о Мефодии Буслаеве (19 томов) представляет собой уникальное явление в отечественной подростковой литературе. Внешне следуя канонам фэнтези о противостоянии Света и Тьмы, писатель выстраивает сложную этическую вселенную, в которой традиционные бинарные оппозиции последовательно размываются, уступая место многомерному исследованию природы нравственного выбора. Опираясь на теоретические работы М.М. Бахтина, Л.Я. Гинзбург и Д.С. Лихачёва, заложившими фундамент изучения морально-этических аспектов в литературе, можно проследить, как от книги к книге кристаллизуются ключевые этические доминанты, организующие художественный мир цикла и определяющие траекторию духовного становления героев.

Уже в первом романе, «Маг полуночи», задаётся центральная проблема свободы воли, осмысленная в духе бахтинской философии поступка. Мефодий Буслаев, рождённый в момент солнечного затмения, оказывается в ситуации, где его решение имеет онтологический вес. М.М. Бахтин писал о «не-алиби в бытии» – невозможности уклониться от ответственного поступка, и юный герой вынужден определить позицию в мире, где и Свет, и Тьма претендуют на его дар. Как отмечал философ, «только признание моей единственной причастности с моего единственного места даёт действительный центр исхождения поступка и делает не случайным начало»[1], и именно эта единственность места Мефодия: между враждующими мирами, но не принадлежащего до конца ни одному, превращает каждое его решение в поступок с необратимыми последствиями. Показательно, что ни одна из сторон не является однозначно привлекательной: стражи Света порой предстают жестокими бюрократами, а страж Мрака Арей обладает кодексом чести.

Центральным символом становится эйдос – «искра вечности», душа, которую нельзя отнять силой, но можно потерять через обман или сделку. Утрата эйдоса означает потерю вечности, свободы, индивидуальности, и вокруг защиты этой ценности вращаются все конфликты цикла. Здесь уместно вспомнить бахтинскую категорию «другого»: именно через отношение к другому, через признание его безусловной ценности осуществляется подлинно

[1] *Бахтин М.М.* К философии поступка// Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. – М., 2003. Т. 1. – С. 41.

нравственный акт. Стражи Мрака, охотящиеся за эйдосами, лишают «другого» его сущности, превращая в пустую оболочку, тогда как любовь утверждает другого в его уникальности. Как пишет Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности», «только в соотнесении с другим возможна полнота многообразия»[1], и эта формула точно описывает отношения Мефодия и Дафны – двух маргиналов из враждующих миров, находящих опору друг в друге.

Второй роман «Свиток желаний» переводит глобальное противостояние в интимную плоскость запретной любви. Арей формулирует абсолютный закон: «Страж мрака не имеет права полюбить стража света. За это наказание бывает самым суровым. Тебя лишают сущности, оставляют только боль и страх»[2]. Однако именно это чувство между Мефодием и Дафной становится главным двигателем сюжета и источником трагического напряжения. Здесь впервые в полной мере раскрывается тема жертвенности: Дафна, играя для Мефодия маголодию любви и верности, передаёт ему часть своей вечности, делая себя уязвимой.

В четвертой книге «Билет на Лысую гору» разворачивается история Улиты, стоящей перед выбором получить обратно свой эйдос или выторговать свободу Арея. Её отказ от личного спасения ради другого знаменует переход от любви-обладания к любви-служению. Как замечает Эссиорх в «Карте Хаоса»: «Исправиться может человек, если захочет, причём не сам, но прося помощи у света и получая её, но не темный страж»[3]. Однако поступки Улиты, а затем и самого Арея постепенно опровергают этот приговор, показывая, что даже во тьме возможны проблески света.

В серии последовательно развенчивается романтизация зла. В «Лестнице в Эдем» вводится различение между подлинным добром и «добренькостью»: «Добрый человек добр всегда и ко всем – к врагам и друзьям в равной мере. Добренький же добр по настроению, с истеричными всплесками, в основном к друзьям, и то с какой ноги встанет»[4]. Мрак может быть «добреньким» или сентиментальным, но на подлинное добро не способен. Романтизация зла часто оперирует к этому мимолётному добру, однако автор отказывается признавать это стремление истинно светлым.

Кульминацией этического развития цикла становится книга «Танец меча», где Арей, всю жизнь бывший орудием мрака, осознанно подставляет себя под удар ученика. Его смерть – не поражение, а акт освобождения, как поясняет Эссиорх: «Арей понял, что для него это единственный путь. Ты стал только орудием»[5]. Мефодий же отбрасывает меч, ставший чуждым: «Просто заточенная железка, если разобраться. Их связь нарушилась, лопнула, как пуповина»[6]. Это разрыв с наследием мрака, ставший возможным только через внутреннее изменение.

«Огненные врата» и «Книга Семи Дорог» поднимают проблематику на метафизический уровень. В «Книге Семи Дорог» герои оказываются в иллюзорном мире, созданном некромагами, возомнившими себя богами. Этический прорыв происходит, когда семеро отказываются играть по правилам взаимного уничтожения. Мефодий кладёт руку ладонью вверх и обещает: «Не знаю, как там что сложится, но обещаю, что никого из вас не убью. Даже если книга очень этого захочет![7]. Этот жест метафизического неповиновения разрушает ткань иллюзорного мира, утверждая, что свобода сказать «нет» убийству остаётся у человека даже в абсурдном и жестоком пространстве.

В последней книге серии «Самый лучший враг» путь Арея завершается: мечник, некогда изгнанный из Эдема, приходит к искуплению через слезу сострадания: «Арей почувствовал, что до мгновения, пока в нем не родилась эта одинокая слеза, артефакт даже не считал его живым»[8]. Его посмертие – «запечатанное мгновение» с женой и дочерью,

---

[1] *Бахтин М.М.* Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб., 2000. – С. 176.
[2] *Емец Д.А.* Свиток желаний. – М., 2017. – С. 321.
[3] *Емец Д.А.* Карта хаоса. – М., 2018. – С. 386.
[4] *Емец Д.А.* Лестница в Эдем. – М., 2009. – С. 387.
[5] *Емец Д.А.* Танец меча. – М., 2011. – С. 401.
[6] Там же. С. 399.
[7] *Емец Д.А*. Книга семи дорог. – М., 2019. – С. 389.
[8] *Емец Д.А.* Самый лучший враг. – М., 2016. – С. 402.

становится не наказанием и не наградой, а актом высшей справедливости: вечность в одном мгновении счастья, где нет времени для новых падений, но есть полнота любви.

Л.Я. Гинзбург в книге «О психологической прозе» показала, как литература XIX века преодолевала романтическую антитезу добра и зла, вводя психологическую обусловленность и множественность мотиваций. Д. Емец, работая в жанре подросткового фэнтези, следует этой традиции: его персонажи не укладываются в однозначные моральные схемы. Как отмечала в своих работах Л.Я. Гинзбург: «художественное созидание образа человека есть в то же время его оценка, строящая образ изнутри»[1], именно это создает морально-этическое напряжение в героях, заставляя читателя внимательно оценивать их поступки.

Таким образом, при анализе этических норм во вселенной цикла «Мефодий Буслаев», нами были выявлены основные доминанты: свобода выбора, которая влечет не абстрактрыне, а вполне конкретные и необратимые последвия действий героев; ценность эйдоса, или души, как символа вечности и абстраткного блага; жертвенность и любовь, преодолевающая древние запреты и даже смерть; развенчивание романтики зла, которое не имеет собственной сущности, а лишь паразитирует на свете; и наконец, идея постепенного духовного перерождения, для которого необходим не единичный героический поступок, а медленный ежедневный труд, честноть и открытость. Об этом говорит Дафна, в романе «Стеклянный страж»: «Просто человек пропитывается светом медленно. И меняется тоже медленно...»[2]. В этом, пожалуй, и заключается главный этический урок цикла, адресованный взрослеющему читателю: путь к свету – не мгновенное озарение, а долгая, полная сомнений и падений дорога, на которой единственным надёжным компасом остаётся способность любить и жертвовать собой ради другого.

ETHICAL DOMINANTS OF FANTASY EMCA (BASED ON THE NOVELS OF THE METHODIUS BUSLAEV SERIES)

D.A. Gubina
Belgorod State National Research University

The article examines the problem of the ethical content of modern Russian teenage fantasy based on the example of the cycle of novels by D. Yemts "Methodius Buslaev". The author draws a conclusion about the positive value content of the studied works, noting such ethical dominants as freedom of choice, the value of the soul, love and self-sacrifice. The work will be interesting for teachers and anyone interested in the fantasy genre.

Key words: axiology, ethical dominants, D.Yemets, teenage fantasy, "Methodius Buslaev".

УДК 82.14

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ДЕТСТВА В ПОЭЗИИ XX ВЕКА

О.М. Прохорова
Н. рук. – к. филол. н., доц. Е.Н. Семыкина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
olesya_mikh_2002@mail.ru

Феномен детства на протяжении многих десятилетий привлекал внимание писателей, философов, психологов, педагогов. В русской литературе XX века тема детства приобрела особое звучание, став не только объектом изображения, но и специфической оптикой восприятия мира, способом философского осмысления действительности. Эта двойственная природа темы ставит вопрос о различении адресата и ракурса поэтического видения. Принципиальным для нашего исследования является разграничение двух типов поэтического высказывания: поэзии, адресованной детской аудитории, и поэзии о детстве,

[1] *Гринзбург Л.Я.* О психологической прозе. – М., 1999. – С. 358.
[2] *Емец Д.А.* Стеклянный страж. – М., 2009. – С. 363.

представляющей собой ретроспективную рефлексию взрослого человека о собственном детском опыте.

Еще в XIX веке В.Г. Белинский настаивал на том, что детским писателем «надобно родиться»[1], а в XX веке А.Т. Твардовский в статье «О поэзии Маршака» развивал мысль о детской поэзии как особой области искусства. Неспособность писать для детей классик определял словом «бездетность»: «Здесь нужен <...> особый склад дарования и отчасти педагогического мышления, знание психологии ребёнка и подростка <...> Трудно даже вообразить в детской поэзии голос таких талантливейших сверстников Маршака <...> как Ахматова, Цветаева или Пастернак. Высокая культура стиха, мастерство их поэзии неоспоримы в истории нашей литературы. Но эта поэзия отмечена <...> некоторым традиционным знаком «бездетности» ее лирических героев»[2].

Литературоведческое осмысление феномена детства опирается на достижения философии, психологии, культурологии, но обладает собственной спецификой. В работах отечественных исследователей детской литературы – И.Н. Арзамасцевой, С.А. Николаевой, М.Н. Липовецкого, Е.О. Путиловой и других – разрабатываются критерии выделения детской литературы как особой литературной подсистемы: адресат (ориентация на детского читателя), тематика (изображение детей и мира детства), поэтика (использование специфических художественных средств, доступных детскому восприятию), функции (воспитательная, образовательная, развлекательная). Адресат-читатель детской литературы обладает «совершенно особенной интенсивностью восприятия»[3]. Однако граница между детской и взрослой литературой не является жесткой: существуют тексты двойной адресации, произведения, написанные для детей, но ставшие частью взрослого литературного канона, и наоборот: «Детские стихи Маяковского, Маршака, Чуковского, Барто, Михалкова и других талантливых поэтов, пишущих для детей, живут в сознании народа как произведения большой русской поэзии»[4].

Анализ принципов поэтики детского стиха показал, что ритмика, звукопись и игровое начало выполняют, прежде всего, мнемоническую и развивающую функции. Корней Чуковский в теоретической работе «От двух до пяти» так сформулировал основные принципы детского стиха: динамизм, музыкальность, образность, конкретность, игровое начало. Самуил Маршак представляет более рациональный, упорядоченный тип детской поэзии, где ритмика безупречна, а дидактическое начало смягчено интеллектуальной игрой. Сергей Михалков демонстрирует советскую линию детской поэзии с отчетливо выраженной воспитательной функцией.

В отличие от поэзии о детстве, где взрослый субъект речи вспоминает собственное детство, рефлексирует о нем, наделяет его символическими смыслами, в детской поэзии взрослый обращен к ребенку, находящемуся здесь и сейчас. У Марины Цветаевой в автобиографической прозе и поэзии взрослый вспоминает себя ребенком, конструирует миф о собственном детстве, который служит основой для понимания собственной идентичности. Это ретроспективная, рефлексивная позиция, где детство – объект осмысления, а не субъект, к которому обращена речь. В детской поэзии ребенок – активный участник коммуникации, адресат, чье развитие является целью текста.

Осмысление феномена детства в поэзии обэриутов – Даниила Хармса, Александра Введенского и др. — представляет собой уникальное двуадресное явление. Причина обращения обэриутов к детской литературе состоит в сближении их исканий с алогизмом детской жизни, которая вся – сдвиг и неточность. Абсурд, нарушение причинно-следственных связей у обэриутов функционируют как форма инфантильной оптики,

---

[1] *Арзамасцева И.Н.* Детская литература. – М., 2005. – С. 5.

[2] *Твардовский А.Т.* О поэзии Маршака // Твардовский А.Т. Собр. соч.: в 6 т. – М., 1980. – Т. 5. – С. 169.

[3] *Лойтер С.М.* Русская детская литература XX в. и детский фольклор (Проблемы взаимодействия): диссертация. – Петрозаводск, 2002. – С. 38.

[4] *Петровский М.С.* Книга о Корнее Чуковском. – М., 1962. – С. 114.

способ выразить ребяческий взгляд на мир, позволяющий «остранить» действительность, вернуться к первичному столкновению с языком и реальностью. Соединение детского восприятия мира, ассоциативности мышления и алогизма действий создают особый эффект праздника в творчестве обэриутов, и этот эффект оказался как нельзя более кстати в детской литературе.

Вообще движение, веселая путаница, игра составляют основу творчества для детей, принадлежащего обэриутам. Абсолютно любые бытовые ситуации Даниил Хармс превращает в игру, фарс (праздничный марш, охоту на хорька, поход в театр, чаепитие). Не менее новаторскими на фоне абсурдных стихов Д. Хармса выглядят детские стихи другого поэта-обериута – А. Введенского. Его стихи, адресованные детям, простые, понятные, игровые, лёгкие для запоминания. Поэт заимствует абсурдный по своей структуре детский язык и изображает жизненные реалии с точки зрения детской психологии. При этом важно отметить, что абсурд у Д. Хармса имеет философскую основу. Подтекст скороговорки «Иван Торопышкин» серьезен: если человек занимается не своим делом, может произойти непоправимое. Современный мир может быть не только алогичен, но и страшен:

Из дома вышел человек...
И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез...

«Из дома вышел человек…», 1937[1].

«Детские» стихи Д. Хармса оказываются наполнены философскими смыслами и экзистенциальной проблематикой, которые проходят мимо детского восприятия, но становятся предметом интерпретации для взрослого читателя. Он знаком с контекстом творчества обэриутов, с репрессиями 1930-х годов, с судьбой самого Д. Хармса, для взрослого это стихотворение наполняется трагическими смыслами. Человек, вышедший из дома и исчезнувший, – метафора исчезновения людей в сталинскую эпоху, образ жертвы репрессий.

«Детская» поэзия обэриутов оказывается двуадресной, выступает своеобразным мостом к поэзии о детстве, поскольку их тексты ставят под вопрос саму возможность различения детского и взрослого, наивного и рефлексивного, игры и серьезности. Читая произведения Д. Хармса или А. Введенского, невозможно точно определить, кому адресовано их сочинение – детям или взрослым, шутка это или философия, игра или отчаяние. Эта амбивалентность делает поэзию обэриутов уникальным явлением, где «детское» перестает быть маркером адресата или темы. Исследователями отмечено, что «конечной целью таких экспериментов является воспроизведение своего особого мира – праздничного и трагического, логичного и абсурдного одновременно, веселого и игрового, но главное – противостоящего страшной и алогичной действительности»[2].

Поэзия минувшего столетия демонстрирует многообразие художественных стратегий выражения детского опыта – от дидактичных стихотворений для детской аудитории до сложных лирических произведений о детстве как об утраченном рае и пространстве памяти.

ARTISTIC INTERPRETATION OF CHILDHOODIN 20TH CENTURY POETRY

O.M. Prokhorova
Belgorod State National Research University

The article examines the artistic interpretation of the childhood phenomenon in 20th-century Russian poetry. A distinction is drawn between poetry for children, aimed at a specific audience with

[1] Хармс Д. Полн. собр. соч. – СПб., 1997. – С. 57.
[2] Левченкова О.С. Пути развития русской детской литературы XX века. – М., 2010. – С. 68.

educational and developmental purposes, and poetry about childhood, which constitutes a retrospective reflection of an adult lyrical subject. Special attention is paid to the phenomenon of dual address in the works of the OBERIU poets (D. Kharms, A. Vvedensky), where playful absurdity and infantile optics serve as a means of expressing existential issues and philosophical subtext.

Key words: childhood, 20th-century poetry, children's literature, poetics, OBERIU, absurd, retrospective reflection.

УДК 82-3

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Н. КРУПИНА

В.В. Хоркина
Н. рук. – к. филол. н., доц. Е.Н. Семыкина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553208@bsu.edu.ru

Рассмотрение проблемы духовного здоровья человека в современную эпоху неизбежно обращает нас к исцеляющей силе русской литературы, которая на протяжении истории служила проводником вечных ценностей, формировавших нравственность и человеческую душу. Как отмечали А.П. Платонов и В.Н. Крупин, подлинное искусство сближает людей и держит на себе нравственность эпохи. Об этом же размышляли современные авторы, принадлежащие к русскому патриотическому движению (В.И. Белов, В.Г. Распутин, Л.И. Бородин). Среди них особого внимания заслуживает Владимир Николаевич Крупин – писатель, для которого православие стало основой мировоззрения и поэтики.

Изучение творчества Владимира Крупина представлено в работах Л.Н. Скаковской, Н.Л. Федченко, М.М. Дунаева, Е.Н. Семыкиной. Из недавних исследований отмечаем монографию А.А. Кабылковой («Творчество В.Н. Крупина 2000-2010–х годов: аксиология, проблематика, образная система, жанровый диапазон»). Все эти исследователи обращают внимание на то, что православное мировоззрение писателя сформировалось еще в родительском доме в окружении природы и литературы, пронизанной духом православия. Впоследствии православное мировоззрение писателя выразилось в его творчестве.

В книге М.М. Дунаева отмечены следующие произведения, в которых, по словам Владимира Крупина «главной была мысль, что возрождение России может быть только на пути Православия»: «Великорецкая купель», «Крестный ход», «Слава Богу за всё», «Прощай, Россия, встретимся в раю», «Как только, так сразу», «Люби меня, как я тебя». Это повести последнего десятилетия, однако даже в ранних работах (например, «Живая вода», «Сороковой день» и др.) говорилось «о стремлении человека к Богу, о его одиночестве в обезбоженном мире»[1]. Множество статей и рассказов Крупина также отражают эту тему.

Истоки православного мировоззрения находим в интервью писателя. Существенными шагами на пути объединения публицистики В.Н. Крупина под одной обложкой стало издание книг «Книга для своих» (2012) и «Последний бастион святости…» (2013). В них собраны рассуждения о вере и неверии, об образовании, о душе русского человека и судьбе России в мире. Сам писатель неоднократно подчеркивает, что его приход к вере был не результатом драматического обращения, а естественным продолжением семейной традиции, заложенной с детства. В интервью Любови Акелиной для телеканала «Доверие» в 2009 году он признается, что в его доме всегда была икона. Для Крупина вера не есть результат интеллектуального выбора, но глубинная, генетическая память, укоренённая в народном быте и семейном укладе.

[1] *Дунаев М.М.* Православие и русская литература. В 6-ти частях. – М., 2000. Ч. VI. – С. 394.

При рассмотрении православных мотивов в творчестве Владимира Крупина мы отталкиваемся от теоретических работ, в которых представлено толкование мотива. Изучив существующие в теории литературы подходы к определению термина мотив, ключевым мы определили мнение Б.М. Гаспарова: «В роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое “пятно” – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д. Единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте...»[1]. Таким образом, рассмотрение мотивов предполагает выявление очень широкого спектра явлений, связанных содержательной стороной и с формой литературного произведения. В связи с этим рассмотрение православных мотивов в творчестве Крупина связано с выявлением тематического диапазоны прозы, имеющего выход на основы православной жизни человека, проблемного поля, комплекса идей. Вторая сторона – форма – изучение сюжетной наполненности. Сюжеты произведений Владимира Крупина основаны на правилах православной жизни, даже если прямой отсылки на религию в тексте нет. Это, конечно, связано с глубокой религиозностью автора, для которого православие – не традиция, а образ жизни.

Православное наполнение прозы проявляется в системе образов. Герои Крупина так же, как в жизни, могут грешить, совершать ошибки и каяться. Писатель не боится показывать неприглядные стороны своих персонажей, – чтобы затем тем ярче и убедительнее представить их преображение. Православные мотивы рассматриваем на примерах произведений малой прозы, повестей и публицистки, и выделяем мотивы вины, покаяния, очищения и прощения. Они репрезентированы через систему образов. Прежде всего это герои произведений: дети («Первая исповедь», «Сушеная малина», «Женя Касаткин»), молодежь («Люби меня, как я тебя»), пожилые люди («Марусины платки», «Великорецкая купель», «Крестный ход»). Православные мотивы отражаются и в сюжетах: в них есть и молитва, и исповедь, и крестный ход.

Отметим, что в прозе Крупина показательны образы Дома, Храма и Иконы. «Храм» и «Дом» можем рассматривать не только в прямом их значении, но и в духовном – как храм души человеческой.

Опорной точкой художественного пространства прозы Крупина становится Дом, прообразом которого стал его собственный дом в Кильмези (что отражено в произведениях «Господь посетил» и «Вечер на дворе»).

Исследователь А.А. Кабылкова отмечает, что творчестве Крупина выстраиваются различные смысловые модели Дома: «дом-семья» (повесть «Варвара»), «дом-Родина» (очерк «Последний дом»), «дом-внутренняя гармония» (рассказ «Упрямый старик»), «дом-истоки» (очерк «Господь посетил»), причём особо значимой среди них оказывается модель «храм-дом». Образ храма или монастыря есть и в художественной прозе, и в публицистике. Писатель убежден, что «каждый монастырь хранит в себе населенность многовековыми молитвами, что именно здесь очищаются наши души и здесь мы обретаем силы для дальнейшей жизни»[2].

Образ иконы возникает в русской литературе, так как она является значимой частью жизни православного человека. Эту традицию продолжает и Крупин, обязательно отмечая или прямое присутствие икон в жизни героев («Люби меня, как я тебя», «Первая исповедь»), или их отсутствие (как в повести «Варвара»). Икона – живописная или словесная (молитва) – как символ веры, духовности, православия является одним из важнейших образов во всем творчестве Крупина.

Говоря о православных мотивах, важно упомянуть сквозной мотив произведений Владимира Николаевича Крупина – мотив пути. Более всего он реализуется в повестях 90–х годов: «Великорецкая купель», «Крестный ход» и «Люби меня, как я тебя». «Путь к

[1] *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. – Москва, 1993. – С. 30.

[2] *Крупин В.Н.* Ввысь к небесам: история России в рассказах о святых. – Москва, 2014. – С. 447.

Богу» в буквальном смысле показан в первых двух повестях, а мотив пути в повести «Люби меня, как я тебя» выражен прежде всего как духовная эволюция героини (Саши): её движение от земной любви к Александру через любовь к ближним – к высшей любви к Господу. Этот путь осмысляется как «подступ к любви Божией», постепенное восхождение по «длинной лестнице», приближающей человека к Богу.

Важно сказать о сквозной идее в творчестве Крупина – идее соборности. Прежде всего, соборность у Крупина раскрывается через образы крестного хода и паломничества, где физическое движение к святыне становится метафорой духовного единства народа. В повестях «Великорецкая купель» и «Крестный ход», писатель показывает, что в совместном шествии, в общей молитве стираются социальные и возрастные границы: рядом идут и легендарный Прокопий Иванович, и пережившие гонения верующие, и девяностолетняя Маргаритушка. Крупин – наследник лучших традиций русской классической литературы, которая всегда видела в соборности залог духовной цельности человека и народа.

Отдельное внимание следует обратить на публицистику Владимира Крупина, так как она способствует осмыслению православных мотивов в его художественном творчестве. Здесь В. Н. Крупин предстаёт не только как православный верующий, но и как знаток христианской религии, её истории и теории. Главный идейный стержень его статей выражен в названии одной из них: «Россия спасет мир, а Россию спасет святость». Среди множества публицистических работ, опубликованных на портале «Русская народная линия», выделяются следующие: «Русские монастыри: заметки на скрижалях», «Великорецкий крестный ход», «Богом хранимая Вятка», «Соловецкая обитель», «Послесловие к Крестному ходу», и др. Крупин затрагивает волнующие его темы: значимость паломничеств, жизнь и быт монастырей, православных икон.

Владимир Крупин считает, что цель литературы – вести человека к вере. По его мнению, русская классическая литература служила воспитанию души на основе православия, уча добру, правде и отличая ложь от истины. Писатель называет литературу мостиком между читателем и Церковью.

ORTHODOX MOTIFS IN THE WORKS OF V.N. KRUPIN

V.V. Khorkina
Belgorod State National Research University

The article examines Orthodox motifs in the works of Vladimir Nikolaevich Krupin, for whom Orthodoxy is the foundation of his worldview and poetics. Based on the theoretical approach of B.M. Gasparov, the author analyzes such recurring motifs as guilt, repentance, purification, and forgiveness, as well as the key images of the House, the Church, and the Icon in the writer's fiction and essays.

Key words: Orthodox motifs, motifs, conciliarity, House, Temple, Icon, journalism.

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕМЫ, ИДЕИ, ОБРАЗЫ

УДК 82

ПОТЕРЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И АБСУРД БЫТИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОБО АБЭ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ЧУЖОЕ ЛИЦО», «ЧЕЛОВЕК-ЯЩИК»)

Д.П. Игонина
Н. рук. – к. филол. н., доцент В.С. Морщинский
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1730432@bsuedu.ru

В романе Кобо Абэ «Чужое лицо» лицо выступает не просто как анатомическая часть тела, а как фундаментальное условие социального существования, утрата которого ведёт к разрушению идентичности и необратимой изоляции. Повествование демонстрирует, что отсутствие лица упраздняет саму возможность «быть» в обществе. Герой констатирует: «Окруженный непреодолимой стеной приветливости, я всегда был совершенно одинок»[1]. Эта «приветливость» оказывается формой отчуждения: окружающие избегают прямого взгляда и строят коммуникацию на лицемерной услужливости, которая становится для него «стеной». Социальное взаимодействие возможно только при наличии «правильного» лица; в его отсутствие даже бытовой контакт обнажает разрыв между субъектом и обществом[2].

В тексте подчёркивается, что лицо — условие узнавания и признания со стороны «Другого». С точки зрения экзистенциализма эта ситуация описывается в категориях сартровского анализа взгляда. Для Сартра взгляд — инструмент, посредством которого «Другой» сообщает сознанию, что оно познано в качестве объекта. Появление «Другого» преобразует бытие-для-себя в бытие-для-другого, делая индивида объектом. Это переживание может быть источником стыда, отчуждения или признания, но всегда означает, что существование формируется не только самим человеком, но и тем, как его воспринимают другие[3]. Герой Абэ оказывается именно в таком положении: его лицо не подлежит узнаванию, а значит, утрачивается возможность быть субъектом для «Другого». Потеря лица означает разрыв связи с другими.

Пытаясь преодолеть разрыв, герой ошибочно полагает, что отсутствие лица можно компенсировать интеллектуальным трудом. Его установка декларируется как сознательная позиция: «Значимость человека в конечном счете нужно измерять содержанием выполняемой им работы... лицо же тут ни при чем»[4]. Однако повествование опровергает этот тезис. Восприятие музыки Баха превращается в «бесформенный ком глины», и герой делает пугающее открытие: «Неужели изуродованное лицо способно влиять на восприятие музыки?.. Моя философия нуждалась в коренном пересмотре»[5]. Потеря лица, таким образом, влечет деформацию глубинных, чувственных основ личности, подрывая устойчивость «я».

Можно выделить три фундаментальных свойства лица, проблематизированных в романе. Первое — самоотчуждение: герой не принимает изуродованное лицо как «своё», воспринимая его чуждым «обиталищем пиявок». Второе — связь с духом: потеря лица деформирует глубинные структуры личности. Третье — интерактивность: лицо формируется в пространстве между людьми и носит не естественный, а социальный

[1] Абэ К. Чужое лицо. – СПб., 2017. – С. 285.
[2] Степнова К.В. Сопоставление экзистенциальных тенденций в японской и французской литературах (Кобо Абэ «Чужое лицо» и Альбер Камю «Посторонний»): дипломная работа / БГУ. – Минск, 2021.
[3] Абэ К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Сожженная карта; Человек-ящик. – СПб., 2009. – С. 415.
[4] Абэ К. Чужое лицо. – СПб., 2017.
[5] Там же.

характер. Именно это свойство становится центральным: лицо героя существует лишь в той мере, в какой оно признано «Другим».

Наиболее отчётливо связь лица с условиями бытия обнажается в сцене попытки восстановить близость с женой. Герой стремится доказать, «что барьер, воздвигнутый между нами моим лицом, призрачен, что его не существует»[1]. Однако результат оказывается противоположным: отсутствие лица делает невозможным и интимный контакт. Итогом становится телесная реакция героя: «Внезапно на моем лице разверзлась глубокая дыра... засочилась жидкость, похожая на гной... зловоние... ползло, будто полчища тараканов». В этом фрагменте лицо превращается в «дыру», извергающую телесную глубину. Внутреннее необратимо изливается вовне, заполняя пространство совместного бытия. Диалог становится невозможным: «Я не мог вымолвить ни слова». Лицо — граница, позволяющая вступать в диалог. Сцена с рисунком Клее «Фальшивое лицо» иллюстрирует кризис: герой видит в рисунке собственное отражение в глазах другого — «"Фальшивое лицо", видное другим, но само неспособное посмотреть...»[2].

Будучи химиком-исследователем, герой подходит к созданию гиперреалистичной маски как к технологической задаче. Однако техническое описание изготовления маски в дневниковых записях постоянно пересекается с рефлексией экзистенциального порядка. Момент завершения работы фиксируется не как физическое надевание, а как метафизическое слияние: «Это было чужое лицо... я стал чувствовать, мыслить этим лицом... Мы мгновенно слились, и я стал им»[3]. Обретая новое лицо, герой получает возможность выйти за пределы изоляции. Однако эта свобода оказывается глубоко проблематичной. С точки зрения экзистенциализма, описанная ситуация может быть осмыслена как форма дурной веры. Согласно Сартру, дурная вера — это самообман, при котором человек отказывается от свободы выбора, определяя себя через внешние обстоятельства[4]. Герой, надевая маску, пытается избежать ответственности за свою искалеченную идентичность. Экзистенциальная ловушка раскрывается в тот момент, когда герой обнаруживает, что его подлинное «я» вытеснено: «Моё настоящее "я" с подлинным лицом пыталось что-то пропищать тоненьким голоском, забившись глубоко между кишками»[1]. Носителем социального бытия становится маска, в то время как подлинная субъективность оказывается замурованной внутри. Маска даёт иллюзию свободы, но одновременно подавляет возможность подлинного самовыражения.

Кульминацией романа становится «Письмо жены», деконструирующее иллюзии протагониста. Жена с первых строк разрушает опору его самоощущения: «С самой первой минуты я поняла все». Герой полагал, что находится в безопасной позиции невидимки, но реальность оказывается противоположной: за ним наблюдали, его видели насквозь. Более того, жена раскрывает подлинную природу их взаимодействия: «Ты прекрасно знал, что я вижу тебя насквозь. И, зная, ты все равно настаивал на том, чтобы мы продолжали этот спектакль». Главный удар наносит вывод жены: «Вначале с помощью маски ты хотел вернуть себя, но с какого-то момента ты стал смотреть на нее лишь как на шапку-невидимку, чтобы убежать от себя... она стала другим твоим настоящим лицом». Герой сам признаётся: «Не настоящее ли лицо то, которое ты считал маской, не маска ли то, что ты считал настоящим лицом»[5].

В этой точке конфликт героя с реальностью обнаруживает родство с абсурдом, как он осмыслен в философском эссе Альбера Камю «Миф о Сизифе». Камю определяет абсурд как конфронтацию между человеческой жаждой осмысленности и безмолвной холодностью мира[6]. В романе Абэ структура абсурда удваивается. Жена обнажает этот

[1] Там же.
[2] Абэ К. Чужое лицо. – СПб., 2017.
[3] Там же.
[4] Абэ К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Сожженная карта; Человек-ящик. – СПб., 2009. – С. 415. 2
[5] Абэ К. Чужое лицо. – СПб., 2017.
[6] Камю А. Миф о Сизифе: эссе об абсурде. – М., 2011. – С. 224.

механизм: «Ты пишешь, будто я оттолкнула тебя, — это ложь. Разве не ты сам себя оттолкнул»? Герой, стремясь к подлинной встрече, своими руками возводит преграду. Жена фиксирует итог: «Хотя ты и надел маску, всё равно ничего не смог сделать. Не смог сделать ни хорошего, ни плохого. Лишь бродил по улицам, а потом написал эти признания, бесконечные, как змея, ухватившая себя за хвост». Стратегия преодоления отчуждения привела к его углублению. Герой Абэ не обретает в осознании абсурда устойчивости, в отличие от Сизифа у Камю. Жена формулирует упрёк: «Тебе нужно зеркало»[1].

Если герой «Чужого лица» пытается вернуть себе лицо, чтобы вновь войти в социальное пространство, то в романе «Человек-ящик» центральный персонаж совершает противоположное действие: он отказывается от лица, имени и социальной роли. Герой поселяется в картонном ящике: «В тот миг как человек влезает в ничем не примечательный, обычный картонный ящик и выходит на улицу, исчезают и ящик и человек и появляется совершенно новое существо». Ящик выполняет несколько функций. Во-первых, это физическое убежище. Во-вторых, оптический инструмент: «Когда смотришь на неё через окошко, прорезанное в ящике, всё выглядит по-иному. Любые подробности пейзажа становятся однородными». В-третьих, это способ существования, который герой осмысливает в экзистенциальных категориях: «Ящик для меня не тупик, в который я в конце концов забрёл, а широко распахнутая дверь в иной мир»[2].

Существенное отличие «Человека-ящика» от «Чужого лица» заключается в характере отношения героя к социальному миру. Герой «Чужого лица» остаётся в поле социального. Герой «Человека-ящика», напротив, осуществляет выход из социального пространства. Он фиксирует особое положение человека-ящика в социальной иерархии: «Человек-ящик — явление не такое уж редкое... Но я также хорошо понимаю твое нежелание признать это... я ещё ни разу не слышал, чтобы нищий стал человеком-ящиком. Для нищих стать человеком-ящиком означает опуститься еще ниже уровня нищего». Анонимность становится сознательно избранным принципом. Герой не становится «меньше человека»; он отказывается от той версии человеческого, которую навязывает общество.

В «Человеке-ящике» абсурд проявляется иначе. Герой не пытается быть понятым — он отказывается от потребности в понимании. Однако мир продолжает навязывать правила: «Человек-ящик заходит, например, в продовольственную лавку. Высовывает из дырки руку и начинает тащить все подряд... Но вот что смешно: ни покупатели, ни продавцы... не только не ругают, но даже не замечают его. Человек-невидимка, да и только». Абсурд здесь в том, что мир делает вид, будто героя не существует, и герой отвечает взаимностью.

Оба романа объединяет проблематизация идентичности через искусственные конструкции и мотив наблюдения. С точки зрения Сартра, человек «осужден быть свободным». Герои Абэ сталкиваются с этой свободой в её предельном выражении. Однако стратегии принципиально расходятся. Герой «Чужого лица» стремится к восстановлению социальной идентичности. Герой «Человека-ящика» выходит за пределы оппозиции «идентичность – анонимность»: «Я бы покинул его лишь в том случае, если бы смог, как насекомое, с которым произошла метаморфоза, сбросить кожу в другом мире». В «Чужом лице» абсурд принимает форму неразрешимого противоречия, и герой приходит к парадоксу: «Одно то, что я понял: настоящее лицо всего лишь несовершенная маска, — разве это не колоссальное приобретение». В «Человеке-ящике» абсурд преодолевается через отказ от потребности в признании. Таким образом, отказ от социальной субъектности оказывается условием возможности аутентичного существования.

[1] Абэ К. Чужое лицо. – СПб., 2017.
[2] Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М., 2004. – С. 639.

THE LOSS OF IDENTITY AND THE ABSURD OF EXISTENCE IN THE NOVELS BY KOBO ABE («THE FACE OF ANOTHER», «THE BOX MAN»)

D.P. Igonina
Belgorod State National Research University

The article examines identity crisis in Kobo Abe's novels. It focuses on alienation and the absurd. The mask and the box deepen the protagonist's isolation. Authenticity emerges only through rejecting social subjectivity.

Key words: Kobo Abe, identity, alienation, social subjectivity.

УДК 82

ОБРАЗ РУСАЛОЧКИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГАНСА ХРИСТИАНА АНДЕРСЕНА

А. А. Чучерова
Н. рук. – к.ф.н., доц. В. С. Морщинский
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
alexsandrachycherova@gmail.com

В эпоху романтизма возникает большой интерес к сюжету о русалках. Наиболее яркие образы мы встречаем в произведениях К. Брентано, Й. Эйхендорфа, Г. Гейне, Ф. де ла Мотт Фуке, Г. Х. Андерсена, В. А. Жуковского, А С. Пушкина, Н. В. Гоголя, О. М. Сомова и др. Интерес к образу водной девы в эту эпоху объясняется тем, что фабульная конструкция сказаний о русалках наиболее близка мироощущению романтиков, так как позволяет обобщить и выявить философские, мистические, личностные и социальные проблемы. В числе прочего мифологическая символика воды связана как с идеей смерти и разрушения, так одновременно и с новым рождением. Дуальность образа воды в мифологиях разных народов отражает архаические представления об одновременно и животворящем, и губительном начале этой стихии[1].

Ганс Христиан Андерсен (1805–1875) — датский писатель, автор всемирно известных сказок для детей и взрослых. «Русалочка» (1837) одно из самых известных и любимых, как читателями, так и самим автором произведений.

По мнению Екатерины Алексеевны Шкурской, «Творчество Г. Х. Андерсена совмещает в себе идеи общеевропейского процесса развития романтизма: заимствование и творческая переработка фольклорных легенд и преданий сочетаются с разработкой собственных сюжетов и образов и созданием собственной романтической поэтики»[2].

В литературоведении существует множество типологизаций творчества Андерсена и по одной из самых известных, под авторством Александра Васильевича Сергеева, по хронологии «Русалочка» относится ко второму этапу сказок, однако по своему смысловому наполнению она открыла третий этап в сказочном творчестве Андерсена. О «Русалочке» Андерсен писал так: «ее скрытый смысл способен понять только взрослый человек, хотя, смею думать, и ребенку она доставит удовольствие»[3], – что характеризует сказки третьего этапа творчества писателя.

Обращаясь к образу Русалочки, стоит отметить, что он сочетает в себе следующие компоненты:

- фольклорно-мифологические;

[1] *Прощина Е. Г.* Романтическая концепция мифа и ее отражение в малой прозе Фридриха Де Ла Мотт Фуке : автореф. дисс. Прощиной Елены Геннадьевны на соиск. уч. степ. к.ф.н.: 10.01.03/ Е. Г. Прощина. – Нижний Новгород, 2004. – С. 14

[2] *Шкурская Е. А*. Образ русалки в датской романтической прозе первой половины XIX века // Евразийский Союз Ученых.– Элиста, 2020. С. 58–61

[3] цит. по *Сергеев А. В.* Эволюция жанра сказки в творчестве Х. К. Андерсена // «По небесной радуге за пределы мира»: к 200-летнему юбилею Х. К. Андерсена. – Москва: Наука, 2008. – С. 15.

• романтические;
• христианские.

И в каждой из них можно выделить 2 вида черт:

1. заимствованные автором
2. модифицированные автором черты образа.

Далее остановимся на каждой из них подробнее. К фольклорно-мифологическим компонентам образа следует отнести:

– внешний облик русалочки, который соответствует языческим представлениям о водных девах в западной Европе: прекрасная внешность, чарующее и манящее пение, рыбий хвост, а также продолжительность жизни русалок в 300 лет. Однако у Андерсена индивидуально-авторская модификация образных характеристик проявляется в невозможности русалок появляться на суше, а также в том, что по достижению пятнадцати лет всем русалкам позволялось всплывать на поверхность моря и любоваться земным миром.

Проанализировав фольклорно-мифологические сюжеты о водных девах из культур 12 народов Европы периодов Древности, Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени вплоть до XIX века включительно, можно отметить, что

1) мотив прекрасной внешности и чарующего пения восходит к образу древнегреческих сирен;

2) отличительная черта в виде рыбьего хвоста может восходить как к кельтским мерроу, так и к позднетрансформировавшемуся образу сирен;

3) продолжительность жизни русалок в 300 лет может восходить к кельтским легендам о Муиргейн, урожденной Ли Бан, так как впервые это встречается именно там.

– внутренний мир водной девы в фольклорно-мифологической традиции обычно характеризуется коварством, жесткостью, а также стремлением погубить человека, заманив его на морское дно чарующим пением. В авторской же интерпретации Андерсен наделяет свою героиню противоположными, положительными чертами, которые при этом присущи романтическим героям.

К романтическим компонентам образа Русалочки следует отнести:

1) исключительность героини. Русалочка непохожа на своих родителей и сестер;

2) характер изображен в общих чертах, выделяются только несколько отличительных характеристик;

3) конфликт между героем и действительностью, характеризующийся постепенным нарастанием интереса у русалочки к людям и их миру и попыткой обрести душу в отношениях с принцем;

4) двухмерность пространства отражена в самой природе русалочки: наполовину человек, наполовину рыба, которая мечется между морским и земным царством.

Индивидуально-авторским модификациям подверглось романтическое двоемирие: романтические черты смешиваются с христианскими мотивами, вследствие чего романтическое двоемирие преобразуется в иерархическое троичное пространство: вода, земля, воздух, которое некоторые исследователи считают проявлением христианства.

По созданной нами типологизации образов водных дев и связанных с ними сюжетов по их религиозно-мировоззренческой основе Русалочку Андерсена следует отнести в группу христиано-языческих образов и пути осветления демонических представлений о водных девах.

В пользу данной теории рассмотрим христианские компоненты образа Русалочки:

1) доминирующей характеристикой героини становится жертвенная любовь к человеку

2) мотив поцелуя преобразуется. В христианской традиции семантика поцелуя имеет двойственный характер. В свою очередь Андерсен снимает неоднозначное прочтение этого мотива (предательство/благословение), оставляя лучшее смысловое наполнение. «Для Русалочки поцелуй оказывается прощальным, это поцелуй любви перед конечным выбором пожертвовать своей жизнью ради жизни возлюбленного»[1].

3) появляется мотив бессмертной души и стремления ее получить.

Также считаем возможным выделить еще одну группу компонентов образа Русалочки – заимствование у других авторов, поскольку наблюдаем явное сходство образа главной героини и сюжета со сказочной повестью Ф. де ла М. Фуке «Ундина». В свою очередь, Джульетта Леоновна Чванидзе в своей работе «Романтическая сказка Фуке» утверждает, что: «отвечая на вопрос об источниках сюжета “Ундины”, Фуке называл книгу Парацельса в издании Конрада Вальдкирха: “Книга о нимфах, сильфах, карликах, саламандрах и подобных им духах” (1590)»[2].

Подводя итоги, мы наблюдаем в андерсеновском образе Русалочки сочетание мифологических, романтических и христианских компонентов, которые были подвергнуты авторской модификации, а ценностное пространство сказки выстроено в соответствии с христианской аксиологией.

THE IMAGE OF THE LITTLE MERMAID IN THE WORKS OF HANS CHRISTIAN ANDERSEN

A.A. Chucherova
Belgorod State National Research University

The article examines the main groups of components of the image of the Little Mermaid from Hans Christian Andersen's fairy tale of the same name, such as folklore and mythological, romantic, and religious and Christian. In each of these groups, the author's borrowed and modified artistic elements are analyzed. The article also suggests the possibility of creating a separate group of components by borrowing from other authors, such as F. de la M. Fouquet and Paracelsus. It is concluded that the image of the Little Mermaid is a complex synthesis of these motifs, which creates a new and interesting interpretation of the story.

Key words: mermaid, water maiden, fairy tale, mythology, romanticism, Andersen, christianity

УДК 82-343

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ ИКАРА В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ XIX–XXI ВЕКОВ

М.А. Щербаченко
Научный руководитель – к.филол.н., доц. В.С. Морщинский
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1912418@bsuedu.ru

«Вечные образы» и их функционирование в культуре занимают центральное место в целом ряде гуманитарных дисциплин. Обращение к мифологемам как к устойчивым семиотическим конструктам позволяет проследить динамику культурных смыслов, выявить механизмы адаптации архаических нарративов к запросам конкретной исторической эпохи. В свете этой тенденции особое значение приобретает образ Икара, чья траектория развития в европейской культуре показывает трансформацию от персонажа античного мифа с фиксированной фабулой — до абстрактного символа,

[1] *Шкурская Е. А*. Образ русалки в датской романтической прозе первой половины XIX века // Евразийский Союз Ученых. – Элиста, 2020. С. 58–61

[2] *Д. Л. Чванидзе* Романтическая сказка Фуке// Фридрих де ла Мотт Фуке «Ундина». – Москва: Наука, 1990. – С. 452

способного репрезентировать политическое диссидентство, научно-технический прогресс или даже враждебный человеку ландшафт. Анализ механизмов трансформации мифологемы Икара даёт ключ к пониманию более общих процессов, происходящих в современной культуре: от деконструкции классического канона до формирования новых форм репрезентации мифа в цифровую эпоху, где традиционная антропоморфность образа может замещаться топографическими кодами.

Путь образа Икара от античного мифа до современных компьютерных игр демонстрирует семиотическую трансформацию. Как отмечал А.Н. Веселовский, «вечные образы живут в культуре именно благодаря способности к варьированию мотивов при сохранении инвариантного ядра»[1]. В случае Икара таким ядром выступает диада «дерзость–расплата», которая в каждую эпоху получает новую аксиологическую окраску.

Первая и наиболее влиятельная литературная фиксация мифа о Дедале и Икаре принадлежит Овидию. В «Метаморфозах» (книги VIII–IX) сюжет обретает классическую нарративную структуру: предупреждение отца («срединным путем лети»), экстаз полета, гибель от солнечного жара и этимологическое закрепление в топонимике (Икарийское море и остров Икария)[2]. Как подчеркивает А.А. Тахо-Годи: *«именно овидиевская версия, с её психологизмом и вниманием к деталям, стала архетипической основой для всех последующих интерпретаций в европейской литературе»*[3].

В XIX веке поэты-романтики, разрабатывавшие концепцию «поэта-изгоя» и трагической судьбы творческой личности, актуализируют фигуру Икара, переакцентируя смыслы: наказание за дерзость перестает быть справедливым возмездием и становится метафорой неизбежной гибели искусства в столкновении с прозой жизни. Александр Блок в рецензии на «„Фауст“ Холодковского» (1920 г.) обращает внимание на разночтения в переводе возгласа хора «Ikarus! Ikarus! Jammer genug!». Если дословно это означает «Икар! Икар! Довольно стенаний!», а в переводах А.А. Фета и Н.А. Холодковского передает трагическую ноту («Все погубил!» или «Горе тебе!»), то поэт предлагает видеть здесь не только страдание, но и двойственный смысл – «крик освобождения, крик радости, хотя и болезненный»[4]. По мысли Блока, это восклицание, как и все великое произведение искусства, должно нести в себе двойственность, где «предел стенаний» имеет и символический смысл освобождения**.**

Французский поэт Шарль Бодлер в стихотворении «Жалобы Икара» («Les Plaintes d’Icare») подвергает миф декадентской ревизии. Его лирический герой сожалеет не о гибели как таковой, а о том, что, сожженный любовью к прекрасному, он не удостоился даже чести дать имя пучине, ставшей его могилой: *«Паду с сияющих высот, Сожженный солнечною силой;И тот мне выроет могилу, Кто мое имя проклянет!»*[5]. Тем самым Бодлер переводит миф из плана физического в план символического: подлинная трагедия Икара – не падение, а забвение.

В русской литературе уникальный случай представляет повесть Константина Масальского «Русский Икар» (1833). Исследователь В.Н. Топоров интерпретирует это произведение не просто как патриотический курьез (доказательство первенства русского крестьянина в идее воздухоплавания: *«Итак, первоначальная мысль -летать по воздуху - должна быть приписана древним грекам. Мы представим неопровержимые доказательства, и досада ваша тем более увеличится, что пальму первенства в воздухоплавании принуждены вы будете вручить — не эдинбургскому доктору Блаку,* -

[1] Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989. – С. 300–307.
[2] Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Перевод с латинского С.В. Шервинского. – М., Художественная литература, 1983. – Книга восьмая.
[3] Тахо-Годи А.А. Античная литература. – М., Просвещение, 1986. – С. 364–365.
[4] Блок А.А. «Фауст» Холодковского [Электронный ресурс] // Русская литература – URL: https://rus-lit.ru/lit/text/17/40471/Blok/faust-holodkovskogo.htm (дата обращения: 28.02.2026).
[5]Бодлер Ш. Жалобы Икара // Бодлер Ш. Цветы зла / издание подготовили Н.И. Балашов [и др.]. – М., Наука, 1970. – С. 182.

русскому крестьянину Емельяну Иванову»[1].), а как попытку создания национального мифа о полете, противостоящего западному – рациональному и книжному[2].

В академической музыке рубежа XX–XXI веков образ Икара используется как метафора, выходящая за рамки древнегреческого сюжета. Опера Икар (Icarus) композитора Дэвида Блейка и либреттиста Кита Уорнера (постановка 2016 года) переносит действие в наши дни. В аннотации к либретто отмечается: «*Скульптура Икара, которую создаёт его бывшая жена, становится символом идеалистических политических устремлений, обреченных на крах*[3]».

Наиболее концептуальным современным прочтением представляется российская рок-опера «Икар» Антона Круглова (Сарумана). Её уникальность – в контаминации античного мифа с антиутопическим романом Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». Сюжет разворачивается в закрытом куполом городе-государстве Полисе, где полеты строжайше запрещены тоталитарной системой: *«Люди до крыльев Уже доросли –Так пусть же летают, Недалеко от земли! Давайте не будем так строги! Пускай не забывают смотреть под ноги, Метр от земли – и не боле!»*[4]. Сюжет разворачивается в закрытом куполом городе-государстве Полисе, где полеты строжайше запрещены тоталитарной системой. Молодой ученый, вдохновленный общением с «дикарями» извне, конструирует крылья, бросая вызов власти. Здесь Икар становится фигурой ученого-диссидента, а миф обретает отчетливое политическое звучание, чего не было ни в античной, ни в романтической традиции.

В кино и массовой литературе последних десятилетий наблюдается две тенденции: эксплуатация имени и психологическая деконструкция мифа. В фильме «Икар» (2010) с Дольфом Лундгреном имя героя используется как оперативный псевдоним киллера, пытающегося уйти от прошлого. Мифологический подтекст (рок, невозможность скрыться от судьбы) редуцируется до клише шпионского боевика, что можно рассматривать как пример десемантизации классического образа в массовой культуре.

Противоположный полюс представляет анимационный фильм «Икар» (2022), где миф подвергается ревизии через введение фигуры Минотавра как друга главного героя. Юный Икар пытается спасти Астериона (так назван Минотавр) из Лабиринта. В ключевой сцене юный Икар произносит: *«Я не боюсь ни Миноса, ни богов, Я спасу Астериона!»*. Такой поворот вписывается в общемировой тренд молодёжной литературы на гуманизацию «монстров» и переписывание канона с позиции эмпатии.

Этот тренд находит прямое продолжение в романе «Падение Икара: Гордыня и трагедия» (The Fall of Icarus: Hubris and Tragedy, 2024). Книга, написанная от первого лица Икара, фокусируется на психологическом напряжении от необходимости соответствовать гению отца – Дедала. Герой признается: «*Я чувствовал, что должен доказать отцу и всем, что я – не просто сын гения, но сам способен на нечто большее*». Здесь Икар обретает голос и субъектность, утраченную в классическом нарративе.

Наиболее радикальное переосмысление образ получил в игровой индустрии, где мифологема подвергается деконструкции на уровне базовых оппозиций. Игра «*ICARUS: Console Edition*» (и её обновленная версия 2026 года) полностью инвертирует оптимистичный пафос мифа о полете. Устройство мира игры: действие происходит на планете Икар, которую человечество безуспешно пыталось терраформировать. Вместо «райского сада» образовался враждебный мир с ядовитой атмосферой и мутировавшими хищниками. Как справедливо отмечает М.Б. Ямпольский, подобная инверсия знаменует

---

[1] Масальский К. П. Русский Икар. – Мультимедийное Издательство Стрельбицкого, 2022. – С. 10

[2]Топоров В.Н. из истории петербургского аполлинизма: его золотые годы и его крушение // Петербургский текст русской литературы – СПб., Искусство-СПБ, 2003.

[3] Blake D. ICARUS [Электронный ресурс] // University of York Music Press. – URL: https://www.uymp.co.uk/publications/david-blake-icarus (дата обращения: 02.03.2026).

[4] Либретто рок-оперы «Икар» [Электронный ресурс] // Рок-опера «Икар». – URL https://vk.com/topic-6656160_46298961 (дата обращения: 02.03.2026).

смену парадигмы: «*Если в мифе Икар стремился вверх, к Солнцу, то в симулякре посткультуры "Икаром" именуется сама земля, которая "восстает" против человека. Полёт невозможен, главная задача – выживание на поверхности*»[1].

Символика меняется на противоположную: дерзость человека, попытавшегося переделать природу (терраформирование), обернулась катастрофой. Таким образом, «Икар» перестает быть именем героя и становится именем «*топоса*» - места наказания за гордыню. Это высшая точка абстрагирования мифа, когда конкретный антропоморфный образ растворяется в ландшафте.

Эволюция образа Икара в культуре – это путь от конкретного мифологического персонажа с жестко заданной фабулой (Овидий) к универсальной семиотической матрице. Пройдя стадии романтического бунтаря (Гёте, Бодлер) и символа технического прогресса (Масальский), в культуре XX–XXI веков «Икар» превращается в чистый означающий, способный присоединяться к самым разным феноменам: от политического диссидентства (рок-опера Круглова) до инопланетного ландшафта (видеоигра *ICARUS*).

Объединяющим началом всех реинкарнаций образа остается инвариантный мотив риска, запретного знания и неизбежной расплаты за превышение пределов человеческих возможностей. Однако форма этой расплаты и её оценка кардинально меняются: от божественного возмездия в античности до экологической катастрофы в современной культуре. Тем самым миф об Икаре демонстрирует удивительную пластичность, подтверждая тезис Ю.М. Лотмана о том, что «вечные образы» суть механизмы порождения новых смыслов в диалоге с меняющейся реальностью[2].

THE TRANSFORMATION OF THE ICARUS MYTHOLOGEME IN THE LITERATURE AND CULTURE OF THE 19TH–21ST CENTURIES

M.A. Shcherbachenko
Belgorod State National Research University

The article examines the evolution of the Icarus image as an "eternal plot" of world culture. Tracing the trajectory from the ancient narrative foundation established by Ovid, through the romantic conceptualization of the 19th century, to the radical reinterpretation in contemporary media (rock opera, video games, retellings), the study aims to identify the mechanisms underlying the transformation of this mythologeme and to define the boundaries of its identity within modern culture. The relevance of the research is determined by the need to systematize the numerous interpretations of the image and to introduce the most recent material (from the 2010s to the 2020s) into scholarly discourse.

Keywords: Icarus, mythologeme, eternal image, retelling

[1] Ямпольский М.Б. Формы реальности : очерки теоретической антропологии. – М., Новое литературное обозрение, 2022. – С. 156.
[2] Лотман Ю.М. Статьи и исследования // Семиосфера. – СПб., Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

УДК 811.161.1

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗБОРА

К.Н. Адонина
Н. рук. – ст. преподаватель А.В. Болгова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
adoninakarina323@gmail.com

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС), обучение должно обеспечивать развитие у школьников не только предметных навыков, но и личностных качеств, а также метапредметных универсальных учебных действий (УУД).[1]

По определению советского и российского психолога и педагога А.Г. Асмолова, познавательные УУД представляют собой совокупность методов, позволяющих познавать окружающий мир. Это включает самостоятельное инициирование поиска, проведение исследований и выполнение целого ряда операций: от обработки и систематизации до обобщения и применения полученной информации. Такая трактовка соответствует характеристикам познавательных УУД, изложенным в ФГОС НОО, и подтверждает возможность их успешного формирования на уроках русского языка и в ходе освоения других учебных дисциплин. А.Г. Асмолов выделяет три ключевые группы познавательных УУД: общеучебные, логические и навыки постановки и решения проблем.

В состав общеучебных универсальных учебных действий (УУД) входят следующие умения: умение самостоятельно ставить и формулировать познавательные цели; способность осуществлять поиск, выделять необходимую информацию и применять разнообразные методы информационного поиска, в том числе с помощью компьютерных средств. Сюда же относится умение осознанно и произвольно выстраивать устные и письменные речевые высказывания. Важным аспектом является выбор наиболее эффективных подходов к решению задач, адаптированных под конкретные условия; способность к рефлексии способов и условий деятельности, а также к контролю и объективной оценке ее процесса и результатов. В рамках общеучебных УУД формируется умение ставить и формулировать проблемы, самостоятельно разрабатывать алгоритмы для их решения творческого и поискового характера; а также использовать знаково-символические средства, такие как таблицы, графики, схемы и модели.

Логические УУД охватывают ряд следующих умений: анализ объектов для определения их признаков (как ключевых, так и второстепенных); синтез, предполагающий сборку целого из частей, в том числе путём самостоятельного дополнения недостающих компонентов; умение выбирать критерии для сопоставления и классификации объектов; способность подводить под понятия и выводить следствия; выявлять причинно-следственные взаимосвязи; выстраивать последовательные логические рассуждения; осуществлять доказательства; а также формулировать гипотезы и давать им обоснование.

Что касается УУД постановки и решения проблем, они включают в себя: корректное формулирование проблемы; и создание собственных алгоритмов для решения задач, носящих творческий или поисковый характер.[2]

---

[1] *Ковалева Г.С.* Программа формирования универсальных учебных действий: Планируемые результаты начального общего образования / под ред. Г. С. Ковалевой, О. Б. Логиновой. – М., Линка-Пресс, 2022. – С. 277.

[2] *Асмолов А.Г.* Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к

Грамматический разбор относится к числу важнейших упражнений в начальной школе, так как он способствует усвоению знаний, их обобщению и систематизации.

Внесенные изменения в содержание учебных программ, форм, методов и принципов работы на уроке, способствуют активности и самостоятельности детей, создают условия развития аналитического мышления, которому способствует работа над грамматическим разбором.

Звуко-буквенный анализ слова предполагает определение количества слогов, выполнение транскрипции, определение ударных и безударных слогов, определение соотношения количества и порядка расположения букв и звуков, написание характеристики согласных и гласных звуков.

Морфемный разбор предполагает выделение частей, из которых состоит слово. Разобрать слово по составу, обозначает выделить в нем морфемы: приставку, корень, суффикс, окончание, соединительную морфему, постфикс.

Морфологический анализ предполагает разбор слова, как части речи, то есть определение его начальной формы, его постоянных и непостоянных признаков, а также его роли в предложении.

Синтаксический разбор обозначает выполнение характеристики предложения по структуре, типу, членам предложения и частям речи.[1]

Грамматический разбор в начальных классах проводится на различных этапах урока: при актуализации знаний и фиксировании индивидуального затруднения: индивидуальная работа у доски, в тетради, на карточке (например, перед знакомством с однородными членами предложения необходимо повторение синтаксического анализа); при закреплении полученных знаний в ходе урока; при самостоятельной работе и ее дальнейшей самопроверке по эталону (для проверки сформированности знаний); при проверке домашнего задания. Также выполнение грамматических разборов возможно при проведении уроков не только открытия нового знания, но и уроков рефлексии, уроков общеметодологической направленности, а также уроков развивающего контроля.

Современный век – это мир технологий, поэтому при обучении школьников грамматическому анализу будет рациональным и верным решением применение информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Например, объяснение теоретического материала по выполнению грамматического разбора можно осуществить с помощью образовательной платформы «Российская электронная школа» (РЭШ), а закрепление и проверку полученных знаний можно реализовать на интерактивных платформах «LearningApps» и «Online Test Pad», на которых педагог может создать собственное упражнение по любой теме и предмету, включая задания по грамматическому анализу; организовать разнообразные формы работы в дистанционном формате можно на платформе «SMART Learning Suite Online», позволяющую использовать презентацию совместного доступа, групповое рабочее пространство, поле для самостоятельной работы в ходе одного урока.[2]

Рассмотрим подробнее дидактические игры с применением интерактивных средств для развития познавательных универсальных учебных действий при выполнении различных видов грамматического разбора.

Дидактическая игра «Найди лишнее».

Цель: развитие логических операций анализа, сравнения, обобщения; совершенствование умений определять слова, в которых количество звуков больше, чем букв, а также слова, в которых количество букв больше, чем звуков.

мысли: пособие для учителя // А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др. – М., Просвещение, 2023. – С. 162.

[1] *Колычева Г.Ю.* Русский язык. Все виды разбора: фонетический, морфологический, по составу, разбор предложения // Начальная школа. М., 2024. – Вып. 34. – С. 134-139.

[2] *Иванова Н.А.* Игровые технологии как средство развития познавательной активности младшего школьника // Научный электронный журнал Меридиан. – М., 2022. – Вып. № 3 (14). – С. 63-65.

Инструкция: прочитай слова, выбери лишнее слово, напечатай его. Объясни, почему оно лишнее. Если не сможешь объяснить, воспользуйся подсказкой.

Текст задания:

1) Чашка, чайка, пять, Юля. 2) Останется, рояль, красивая, известная.

3) Поляна, ягода, котята. 4) Грустный, лень, класс, ёлка.

Ответ на задание:

1) Пять, т.к. в слове звуков меньше, чем букв. 2) Рояль, т.к. в слове звуков меньше, чем букв. 3) Ягода, т.к. в слове звуков больше, чем букв. 4) Ёлка, т.к. в слове звуков больше, чем букв.

Примечание: данную игру можно использовать на этапе первичного закрепления с проговариванием во внешней речи для успешного усвоения нового материала, а также на этапе включения нового знания в систему знаний и повторения для систематизации имеющихся знаний.[1]

Дидактическая игра «Какое это предложение?»

Цель: совершенствование умения отличать распространенное предложение от нераспространенного; развитие умения осуществлять классификацию по заданным объектам.

Инструкция: определи, какие предложения являются распространенными, а какие не распространенными. Обоснуй свой ответ.

Текст задания:

1. Настала весна. 2. Дождались наступления весны. 3. Я хочу стать геологом.

4. Маша идет.

Ответ на задание:

1. Настала весна. – нераспространенное предложение. 2. Дождались наступления весны. – распространенное предложение. 3. Я хочу стать геологом. – распространенное предложение. 4. Маша идет. – нераспространенное предложение.

Примечание: данную игру можно использовать практически на всех этапах урока, как и для закрепления изученного материала, так и для проверки сформированности знаний. Высказывая свои предположения, у обучающихся формируется умение строить логическую цепочку рассуждений, а также делать выводы, обобщать.

Таким образом, перечисленные виды грамматического разбора способствуют формированию познавательных универсальных учебных действий, так как их выполнение предполагает осуществление анализа определённых грамматических явлений, описание грамматических характеристик разбиваемого предложения или отдельного слова. На уроках русского языка любой вид разбора предполагает повторение, систематизацию и углубление изученного грамматического материала; развивает умение сравнивать, классифицировать, рассуждать, обобщать факты языка, а также делать выводы. Эти и другие умения, приобретаемые и развивающиеся в ходе выполнения грамматического анализа, способствуют формированию познавательных универсальных учебных действий.

DEVELOPMENT OF COGNITIVE UNIVERSAL LEARNING ACTIONS OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS WHEN PERFORMING VARIOUS TYPES OF GRAMMATICAL ANALYSIS

K.N. Adonina

MOU «Severnaya Secondary School № 3 «Bolshaya Medveditsa»

This article examines the potential of grammatical analysis in the process of forming cognitive universal educational actions in primary school according to the requirements of the Federal State Educational Standard. It provides a detailed description of cognitive universal educational actions in the interpretation of A.G. Asmolov. The article also describes the methodology of using different types of linguistic analysis in different types of lessons, and presents relevant interactive tools (RASH,

[1] *Федосова Н.А.* Формирование познавательного интереса младших школьников при изучении русского языка //В мире науки и инноваций: сборник статей международной научно-практической конференции. – М., 2024. – С. 76.

LearningApps, and SMART Suite Online) and didactic games that promote increased cognitive activity among students.

Key words: cognitive universal educational actions, grammatical analysis, didactic game, interactive tools, Federal State Educational Standard.

УДК 31.091.3

СИСТЕМА РАБОТЫ НАД МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРОЙ СЛОВА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

А.С. Белых
Научный руководитель – к. филол. н. К.К. Ли
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
МОУ «Майская гимназия Белгородского муниципального округа Белгородской области»
1572001 @bsu.edu.ru

На сегодняшний день современная школа должна обеспечить ученика определенным уровнем знаний, научить самостоятельно приобретать и анализировать информацию. По мнению многих исследователей, для решения этой задачи более успешным и результативным является такой раздел русского языка, как морфемика. В частности, аналитические навыки формируются в процессе анализа морфемной структуры слова.

Под морфемной структурой слова понимается структура слова, обладающая «последовательностями морфем, соответствующих законам словообразования того или иного языка»[1]. Анализ морфемного состава слова осуществляется в ходе морфемного разбора слова.

Под морфемным разбором (морфемным анализом) лингвисты Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова понимают «выделение в слове всех живых с точки зрения современного языка морфем»[2]. Цель морфемного разбора – определить морфемную структуру слова, т.е. узнать, из каких морфем оно состоит.

Исследователями было отмечено, что осмысление структуры слова позволяет глубже понять его лексическое значение и точнее употреблять в речи – в частности, через понимание семантики аффиксов, входящих в лексему. Благодаря знаниям об особенностях образования слов различных частей речи, учащиеся в состоянии понять способы пополнения языка новыми словами. Важно, что осознанное понимание обучающимися морфемной структуры слова является необходимой базой для усвоения многих лингвистических разделов.

В качестве одного из векторов нашей работы мы определяем анализ основных учебников по русскому языку и выделение в них различных типов упражнений, касающихся отработки морфемного анализа.

В процессе сравнительного анализа учебников[3][4][5], входящих в федеральный перечень, было выявлено, что темы, связанные с морфемным анализом, представлены там достаточно скудно. В 5-6 классах ему отводятся самостоятельные разделы, а в 7-9 классах

[1] *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп.– Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

[2] *Розенталь Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

[3] Русский язык. 5-9 кл.: учеб. для общеобразоват. организации. В 2 ч. Ч.1 / [М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова и др.; науч. ред. Н.М. Шанский]. – 5-е изд. – М.: Просвещение, 2015.

[4] Русский язык. 5-9 кл.: учебник в 2-х частях / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос, В. В. Львов; под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. – 9-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2020.

[5] Русский язык. Теория. 5-9 классы. Углубл. изуч.: учеб. для общеобразоват. учреждений/ В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2012. – 415 с.

вся работа, связанная с данной темой, проводится внутри тем, посвященных другим разделам языка. Это можно увидеть как в формулировках тем, например, «Орфограммы в корне», так и в материалах упражнений.

Приведем пример с разделами «Морфемика» и «Морфология»: чтобы учащийся выработал умение определять морфологические признаки разных частей речи, например, прошедшего времени глагола, ему следует научиться находить суффикс прошедшего времени -л-. Упражнения для 5-6 классов, направленные на отработку навыков морфемного анализа, достаточно ограничены. В учебниках за 7-9 класс они только дублируются. Представим часто встречаемые типы упражнений:

- упражнения, направленные на выделение морфем в словах (выделить все или конкретные морфемы; объяснить написание в месте, где пропущена буква);
- упражнения, направленные на деление слов на группы (в зависимости от того, в какой морфеме была пропущена буква или с помощью какого способа было образовано слово);
- упражнения, направленные на работу с корнем слова (выделить однокоренные слова или общий корень; выделить орфограммы в корне; подобрать проверочные слова и т.д.);
- упражнения, направленные на обозначение условий выбора написания букв в морфемах;
- упражнения, направленные на умение образовывать с помощью морфем слова других частей речи;
- упражнения, направленные на осуществление морфемного анализа.

Минимализация информации, недостаточность разнообразия подходов и упражнений могут привести к ряду ошибок у обучающихся при выполнении морфемного анализа. Они могут объясняться недостаточной развитостью абстрактного мышления, низкой степенью рефлексии, отсутствием опорных знаний из начальной школы. Среди таких ошибок – смешение родственных слов и форм слова, определение границ той или иной морфемы, неспособность увидеть чередования согласных в корне, а также неспособность учесть многозначность, омонимию, синонимию и антонимию корней и аффиксов.

Чтобы предотвратить данные ошибки, по нашему мнению, следует определить четкий алгоритм морфемного анализа, прорабатывать материал не клишированными заданиями, а используя разнообразные подходы.

Мы видим основным направлением нашей работы создание комплекса упражнений, направленных на разностороннее и более глубокое изучение рассматриваемой нами темы. Представим некоторые из наших разработок.

Проект «Иностранцы в русском языке» направлен на то, чтобы изучить, как заимствованные морфемы проникали в русский язык, какие значения привнесли и насколько активно используются в наши дни. Мы определяем ряд задач:

1. Распределить иноязычные морфы по группам (корни, приставки, суффиксы);
2. Привести 5-10 примеров слов с употребляемыми морфемами;
3. Определить, какую роль выполняют морфемы;
4. Проанализировать, в каких сферах речи чаще встречаются приведенные слова с данными морфемами (наука, технологии, мода, спорт);
5. Сделать вывод о влиянии иноязычных морфем на развитие русского словообразования.

Для достижения поставленных задач мы предлагаем следующие пути решений:

1. Чтобы выделить группы иноязычных морфем, следует обратиться к морфемно-орфографическому словарю А.Н. Тихонова. Например, выделяем *иноязычные приставки супер- и суб-*.

2. Чтобы привести слова с такими же морфемами, можно использовать морфемный словарь. *Слова с приставкой суб-: субтропики, субклеточный, субмикронный; с приставкой супер- – супергерой, супермен, суперэлита и т. д.*

3. Значение приставок: *супер-* – высшая степень чего-либо, *суб-* – располагаться внизу, находится под чем-то.

4. Приставка *супер-* в данном значении чаще всего встречается в разговорной речи, связанной с темами моды, отдыха и развлечений: приставка *суб-* в данном значении встречается в различных стилевых сферах: научной и технической.

5. Иноязычные приставки *супер-* и *суб-* оказали значительное влияние на словообразование в русском языке, расширив возможности формирования новых слов и изменив семантические и грамматические свойства словообразовательных моделей. Приставка *супер-* придаёт словам значение высокой степени признака, превышения нормы, превосходства качества, размера или усиленного действия. В современном языке *супер-* может употребляться не только как приставка, но и как самостоятельное слово. Приставка *суб-* вносит в значение слов компоненты, связанные с расположенностью внизу, под чем-либо, ниже или около чего-либо.

Продуктами проекта могут являться буклет «Иностранцы в русском языке», видео-экскурсия или презентация «По следам заимствованных морфем».

Следующим немаловажным и эффективным методом в нашей методической разработке являются кейс-задания. Мы предлагаем учащимся применить свои навыки и умения во время решения проблемной ситуации.

Кейс 1. Один знаменитый писатель для своей книги решил записывать детскую речь. И как-то он услышал: «Дверь *заключена*; Бабушка *заключила* буфет; *Отключи* сундук».[1] Подумайте над данными выражениями и ответьте на вопросы:

1. Каково лексическое значение выделенных слов?
2. Как образованы эти слова? От какого общего слова?
3. Существуют ли похожие словообразовательные модели?

Для решения проблемной ситуации мы предлагаем для начала определить лексическое значение слова. Выделим общую морфему – корень *ключ*. Существительное *ключ* само по себя обозначает предмет, которые закрывает и открывает предметы. Понять конкретное лексическое значение нам помогают приставка *за-* в значении действия, направленного на полное перекрытие чего-либо, и приставка *от-*, указывающая на действие, связанное с удалением, отделением или снятием чего-либо. Таким образом, в первых предложениях значение выделенного слова – *закрыть*: дверь закрыта, бабушка закрыла буфет. Во втором – открыть: открыть сундук. Слова образованны приставочным способом. В русском языке существуют слова с похожими словообразовательными моделями: *забежать* и *отбежать*, *заехать* и *отъехать*.

Игровая деятельность является той формой учебной деятельности, которая делает процесс обучения увлекательным и эффективным. Рассмотрим игру «Путешествие в страну Морфемику». Ее основные цели – отработать навыки морфемного анализа в нестандартной игровой форме, развить лингвистическую зоркость и аналитическое мышление, продолжить работу по формированию и закреплению знаний о морфемной структуре слова. Игровой процесс состоит из 7 заданий-ситуаций, которые командам предстоит пройти. В нашей разработке представлены следующие типы заданий:

1. «Следы». Задача: Восстановите слово по «следам» морфем - даны только первые буквы каждой морфемы.

Пример: р-с-ч - рассказчик (рас-сказ-чик).

2. «Паутинка». Задача: из набора морфем соберите как можно больше реальных слов.

Набор: под-, -ход-, -к-, -вш-, пере-, -ива-, -а, -ий, -и-, -ть.

[1] *Чуковский К. И.* От двух до пяти: 3 изд. "Маленьких детей" / К. Чуковский — Ленинград : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. — 202 с.

Ответы: *подход, переходить, подходить, переход, подходивший, переходивший* и т.д.

3. «Тайна двойника». Задача: рассмотрите следующие слова: *побегать, поблагодарить, погнать, поиграть, понести, познакомиться, повеять, поговорить*. Скажите, что у них общего? Распределите слова по группы. По какому принципу вы их делили?

Пример решения: 1 группа – приставка *по-* со значением начала действия: *погнать, повеять, понести.*

2 группа – приставка *по-* со значением непродолжительности какого-либо действия: *побегать, поиграть, поговорить.*

3 группа – приставка *по-* со значением достижения результата действия: *поблагодарить, познакомиться.*

4. «Лингвистический шифр». Задача: расшифруйте «зашифрованное» слово, где каждая морфема заменена условным знаком.

Стоит сказать, что учитель может зашифровать код различными способами: цифрами, значками, фигурками разного цвета. Мы предлагаем свой вариант: ◄ – за, ֍– и, ⸸ – мороз, ☼ – к.

Пример задания:

Шифр: ◄⸸☼֍- за-мороз-к-и.

5. «Борьба с ошибкой». Задача: найдите и исправьте ошибки в морфемном разборе, составленном неопытным учеником.

Пример с ошибкой: рас-сказ-чи-ки (неверно выделены суффикс и окончание).

Правильный ответ: рас-сказ-чик-и, окончание -и.

Важно отметить, что данный этап можно усложнить. Для этого следует выделить несколько ошибок в одном разборе.

6. «Гнездышко». Задача: составьте словообразовательное гнездо от исходного корня, используя заданные морфемы.

Пример задания: дано исходное: уч-.

Представлены морфемы: -и-, -тель, -ниц-, -а, пере-, -ск-, -ива-, -ий.

Получившееся гнездо: *учить – учитель – учительница: учить – переучить – переучивать; учить – учитель – учительский.*

7. «Секретики». Задача: по описанию значения морфемы назовите её и приведите 3 примера слов.

Пример задания: «Эта приставка состоит из двух звуков – гласного и согласного – и означает «вокруг», «со всех сторон»».

Ответ: приставка об- (облететь, обвести, обнять).

Игра может проводиться как в урочной, так и во внеурочной деятельности. Для адаптации под разные классы можно варьировать сложность слов и количество морфем в заданиях.

Таким образом, рассматривая актуальные учебники и принимая во внимание современные педагогические технологии, мы разработали методический комплекс, где все задания направлены на различные аспекты изучения морфемной структуры слова в различных формах: проект – на уроке проектной деятельности, «Путешествие в страну «Морфемика» - во внеурочной деятельности, кейс-задания – на уроке повторения и закрепления материала.

SYSTEM OF WORKING ON THE MORPHOLOGICAL STRUCTURE OF WORDS IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS AT SECONDARY SCHOOLS

A.S. Belyh
Belgorod State University

The article proposes to consider a part of the development of a methodological complex for studying the morphemic analysis of words in school in Russian language lessons in 5-6 grades. New modern approaches to studying the material will increase the effectiveness of obtaining knowledge, motivate the child to study Russian.

Keywords: Russian language, exercises, methodology, morpheme analysis

УДК 37.091.3

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ

У.С. Борзунова
Н. рук. – к. филол.н., доцент Е.А. Ширина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638004@bsuedu.ru

Актуальность выбранной темы продиктована фундаментальной ролью, которую речевое развитие играет в становлении личности старшеклассника. Современный ФГОС СОО особое внимание уделяет формированию коммуникативных универсальных учебных действий, смысловому чтению и способности к аргументированному высказыванию. Однако на практике мы сталкиваемся с парадоксом: обладая достаточно развитым абстрактным мышлением, ученики 10-11 классов зачастую испытывают значительные трудности в построении связного монолога, логичной аргументации, адаптации своей речи к собеседнику и ситуации. Эти трудности усугубляются влиянием клипового мышления и фрагментарного цифрового общения. Очевидна острая потребность в таких моделях обучения, которые бы не просто передавали знания по предмету, но и целенаправленно развивали речевую деятельность как инструмент мышления и коммуникации.

Коммуникативные навыки как ключевая метапредметная компетенция формируются на всех школьных уроках. На всех школьных уроках учащиеся учатся строить монологическую речь и, вступая в диалог, точно отвечать на вопросы, приводить доказательства, на многих уроках школьники дают письменные ответы на вопрос. Но прежде всего развитие речи происходит на уроках литературы, уроках русского языка.

Вопросы речевой деятельности старшеклассников рассматривались в труде И.А. Зимней, которая подробно описывает когнитивную и коммуникативную природу речи; исследования Л.С. Выготского и А.А. Леонтьева стали основой понимания речевой деятельности как сложного психологического процесса. Однако методы, приемы и модели обучения речевой деятельности в литературном образовании изучены фрагментарно: большинство работ касается либо методик анализа художественного текста, либо общих вопросов коммуникативной компетентности.

По М.А. Алексеевой, суть монологической – традиционной – модели обучения устной и письменной речи состоит в воспроизведении готовых образцов, движении по заданному учителем алгоритму (пересказ по плану, анализ эпизода по схеме, ответ на заранее сформулированный вопрос)[1]. Ядро диалогической – инновационной – модели – учебный диалог, полилог, совместное с учениками открытие смыслов художественного

[1] *Алексеева М.А.* Преподавание литературы: образовательные технологии. – Екатеринбург, 2014. – С. 7.

текста. Как отмечает М.А. Ариян, в таком случае «задача учителя – не дать готовый вывод, а создать ситуацию, провоцирующую мысль и её речевое оформление»[1].

Обратимся к методам и приемам формирования навыков устной речи в процессе изучения поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на уроках литературы в 10 классе.

Работая с текстом поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», мы убедились, что беседа – необходимый первый шаг на вводных уроках. Именно она «дает учащимся возможность озвучить первые впечатления от текста, сформулировать собственные вопросы». Хороший результат речевой активности дает упражнение «Один вопрос – два ответа», когда ученики формулируют два разных объяснения, например, клятвы героев, а затем класс обсуждает, какие аргументы звучали убедительнее. Это активизирует гибкость и аргументированность спонтанной речи.

Далее, занимаясь образами поэмы, продуктивно использовать диалогическое обсуждение. Вслед за **З.С.М.** Биджиевой отметим, что «оно позволяет строить работу «вокруг сопоставления различных точек зрения на персонажей, например, на священника из главы «Поп»[2]. Для развития устной импровизации предлагается упражнение «Мини-диспут: кто ближе к счастью?», где две группы коротко защищают разные позиции. Этот прием, относящийся к инновационной модели, учит быстро формулировать и отстаивать аргументы в живом обмене мнениями.

Особую роль в рамках традиционной модели играет пересказ, который в 10 классе эволюционирует. Он выполняет «роль переходного звена между первичным чтением и развернутым аналитическим высказыванием». Полагаем, что следует разнообразить пересказ, усложнять задачу рассказчика, например, через прием «Перескажи с акцентом»: ученик выбирает одну эмоциональную доминанту (например, «безысходность» или «надежду») и пересказывает фрагмент главы «Сельская ярмарка» так, чтобы эта эмоция передалась через интонацию и отбор деталей. Это уже не репродукция, а интерпретация, требующая осознанного выбора языковых средств.

Кульминацией работы с устной речью становится монолог и доклад. Отметим, что монолог позволяет ученику «выстраивать речь «внутри» собственной мысли». Для тренировки этого умения на примере романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» считаем целесообразным использовать упражнение «Монолог одной идеи»: за 40-50 секунд сформулировать одно утверждение о герое (например, о Павле Петровиче как антиподе Базарова) и подкрепить его одним доказательством. Это учит фокусировке, точности и структурированности высказывания. Подготовка же полноценных докладов, например, по теме «Исторический контекст реформ и их отражение в поэме Некрасова», развивает «устойчивую монологическую речь, умение аргументировать, ссылаться на текст», что является квинтэссенцией традиционной модели.

Эффективными методами развития письменной речи старшеклассников являются сочинение, ответ на вопрос и мини-сочинение.

Например, работа с повестью А.И. Куприна «Гранатовый браслет» начинается с письменного ответа на вопрос: «В чем заключается смысл любви Желткова и как автор раскрывает его через образ героя?». Выполнение данного задания требует ясности формулировок и строгого следования сути. Для развития этого навыка предлагается упражнение «Точное слово»: учащийся выбирает одно ключевое слово из повести (например, «чистота» или «жалость») и включает его в ответ так, чтобы оно стало смысловым центром рассуждения. Этот прием учит осознанному отбору лексики.

При изучении пьесы М. Горького «На дне» для развития навыка лаконичной аргументации стоит обратиться к мини-сочинению. Оно позволяет удерживать «гвоздь

[1]*Ариян М.А.* Формирование ценностно-смысловой основы речемыслительной деятельности старшеклассников // Наука и школа. – 2024. – № 1. – С. 250.

[2]*Биджиева З.С.М.* Поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в школьном прочтении // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 78-2. – С. 53.

мысли, не уходя в пересказ». Примером такой темы может быть тема «Почему монолог Сатина становится смысловым центром пьесы?» Для развития связности и образности на этом же материале считаем необходимым использовать упражнение «Цитата-опора»: ученик должен выбрать реплику из текста (например, Луки или Сатина) и выстроить свой ответ, отталкиваясь именно от неё, что учит строить мысль непосредственно от текста.

Итак, монологическая модель развития речи на уроках литературы в старших классах обеспечивает формирование структурированной, логически выстроенной устной и письменной речи, развивает навыки аргументации, последовательного изложения и самостоятельного развертывания мысли. В то же время диалогическая модель создает условия для смыслового открытия художественного текста, активизирует речевую инициативу учащихся, формирует гибкость мышления и способность к спонтанной аргументированной реплике. Наиболее эффективным является сочетание обеих моделей обучения, при котором традиционная алгоритмическая основа дополняется инновационными проблемно-диалогическими формами работы, обеспечивающими полноценное развитие речевой деятельности старшеклассников.

MODELS OF TEACHING HIGH SCHOOL STUDENTS SPEECH ACTIVITIES IN LITERATURE LESSONS

U.S. Borzunova
Belgorod State National Research University

The article examines models for teaching speech activity to senior high school students in literature classes, aimed at developing oral and written, as well as monologic and dialogic speech. The study shows that effective development of speech competence in students of grades 10–11 requires a flexible combination of structured traditional methods and dialogic, problem-oriented forms of instruction. The article provides examples of tasks and exercises that may be useful for students and novice teachers.

Key words: speech activity; literature education; dialogic learning; monologic speech; high school students

УДК 37.091.3

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УУД НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 6 КЛАССЕ С ПОМОЩЬЮ ИНТЕРАКТИВНОЙ ИГРЫ-ПУТЕШЕСТВИЯ «УДИВИТЕЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ»

П.Г. Королёва
Н. рук. – к. филол. н., доцент Г.Ю. Мальцева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1483253@bsuedu.ru

В современном школьном образовании фразеология занимает важное место как инструмент развития языковой личности учащихся. Она позволяет ученикам расширять словарный запас, точно подбирать устойчивые сочетания в зависимости от контекста, понимать культурные коды речи и формировать навык стилистически грамотного письма и выразительной речи. Овладение фразеологизмами требует системности, грамотного подхода и учета возрастных особенностей обучающихся. Это связано с тем, что «фразеология из всех творений языкового гения человека – наиболее самобытное, сложное и компликативное явление»[1].

Для учеников 6 класса целесообразно применять разнообразные методические приёмы как в рамках уроков русского языка, так и во внеурочной деятельности. Использование современных интерактивных методов обучения в этой возрастной группе имеет принципиальное значение. С этой целью разработана интерактивная игра

[1] Снитка Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. – Пятигорск, 1999. – С. 69.

«Удивительная фразеология», включающая ряд конкретных методических приёмов, представленных ниже.

Игра представляет собой уже известную технологию станций, предполагающих смену активностей, расположенных отдельными блоками, требующих перемещения от одного к другому. Такой формат позволяет задействовать разные виды деятельности, внести элемент соревновательности, углубить знания по предмету, в частности, расширить словарный запас в области фразеологизмов. Это позволит не только лучше понимать образные средства русского языка, но и осознанно применять фразеологизмы в устной и письменной речи, делая речь более выразительной. В игре предполагаются следующие станции: «Этимология», «Словарная», «Синонимия», «Антонимия», «Иллюстративная», «Жестовая», «Прятки», «Пазловая», «Переводная», «Редакторская», «Писательская», «Линейная», «Сказочная», «Гостевая». О некоторых из них расскажем подробнее.

1. Станция «Этимология».

Здесь обучающиеся могут выяснить не только значение фразеологического оборота, но и его происхождение. Главная цель – познакомить школьников с устойчивыми словосочетаниями и их семантикой. Целесообразно использовать такие упражнения:

«1. Прочитайте фразеологизмы. Подумайте, как они появились?

Хлеб-соль, яблоко раздора, Филькина грамота, хлеб насущный, работа Пенелопы, развесистая клюква, Фома неверующий, первая леди страны.

Используя фразеологический онлайн-словарь, подробнее познакомьтесь с устойчивыми сочетаниями.

2. Распределите данные фразеологизмы по этимологическим группам: исконно-русские, заимствованные, церковно-славянские, мифологические.

В ходе работы обучающиеся обращаются к этимологическому словарю фразеологизмов, что способствует совершенствованию навыков самостоятельной работы со справочной литературой; пониманию исторических процессов в развитии языка; умению распределять образные выражения на конкретные этимологические группы.

2. Станция «Словарная».

Станция способствует пополнению словарного запаса школьников и пониманию лексического значения фразеологизмов. Она состоит из двух этапов:

1. Ознакомительный этап: ребята знакомятся со значением конкретных языковых единиц, а затем самостоятельно обогащают свои знания по теме с помощью фразеологического словаря: «Перед вами фразеологизмы с расшифровкой их значений. Познакомьтесь с ними: б*елая ворона – человек, резко отличающийся от других; выносить сор из избы– разглашать ссоры, происходящие между близкими; глухая тетеря – человек, который плохо слышит, держать за семью печатями – хранить в глубокой тайне; по горячим следам – действовать быстро, незамедлительно.*

Больше фразеологизмов можно найти в онлайн-словаре»[1].

2. Практический этап: учащимся предлагается задание на выявление понимания значения того или иного выражения. Проверим, насколько хорошо вам удалось запомнить значения фразеологизмов? Нажимайте на фразеологизм, чтобы увидеть его значение: п*рикусить язык, клевать носом, считать ворон, бежать сломя голову, глаза разбегаются, заблудиться в трёх соснах, медведь на ухо наступил*.

Такое задание формирует навык работы со справочной литературой и развивает информационную грамотность; углубляет понимание семантики фразеологических единиц и их стилистических особенностей; воспитывает познавательную самостоятельность и интерес к изучению родного языка.

[1] Фразеологизмы, пословицы, афоризмы, мифы [Электронный ресурс]. – URL: https://frazeologia.ru/frazeologizmy (Дата обращения: 02.04.2026)

3. Станция «Синонимия».

Данная станция предполагает подбор синонимов. Это один из простейших приёмов, целесообразных при изучении фразеологии. Для обучающихся заготовлены два упражнения: 1) К предложенным фразеологизмам подберите синоним-фразеологизм: *бить баклуши; заливаться смехом и т.д.*; 2) К предложенным фразеологизмам подберите слово-синоним: *темная лошадка, гол как сокол.*

В ходе выполнения заданий учащиеся убеждаются, что синонимические отношения возможны как между фразеологизмами, так и между фразеологизмами и отдельными словами. У участников образовательного процесса будет отмечено развитие таких навыков: понимание многозначности и синонимичности языковых единиц; анализа и сопоставления значений.

4. Станция «Антонимия».

Цель – сформировать у обучающихся представление о противопоставленности значений фразеологизмов и развить навыки работы с антонимами.

Станция «Иллюстративная».

Это приём позволяет увидеть качество усвоения школьниками значения фразеологизмов на уроках русского языка. Здесь ребятам предлагается сначала найти 10 отличий на изображениях, после определить значение представленного фразеологизма.

Иллюстрации помогают увидеть разницу между прямым и переносным значением. Например, изображение человека, «витающего в облаках», наглядно показывает состояние мечтательности, а не физическое парение в небе. Дети учатся «видеть» метафору, представлять абстрактные понятия через зрительные образы. Это тренирует воображение и языковую интуицию. Визуальная ассоциация работает как мнемонический приём: связь слова и картинки помогает надолго сохранить фразеологизм в памяти. Мозг легче воспроизводит информацию, если к ней «прикреплён» образ. На **станции «Прятки»** обучающийся ищет спрятанные фразеологизмы.

5. Станция «Жестовая».

Для следующей станции учитель заранее готовит интерактивные карточки с устойчивыми сочетаниями слов. Каждый обучающийся выбирает себе карточку. Задача ученика – описать с помощью жестов, движений и мимики попавшийся фразеологизм. Остальные ребята должны отгадать, что показывает сверстник, и объяснить значение выражения.

Этот приём важен активизирует невербальные средства коммуникации и развивает эмоциональную выразительность; способствует глубокому запоминанию фразеологизмов за счёт мультисенсорного восприятия; формирует умение интерпретировать образные выражения и переводить их в невербальную форму; повышает вовлечённость учащихся и мотивацию к изучению языковых единиц через игровую форму.

6. Станция «Пазловая».

Интересным для современных учеников станет следующий приём. Вначале ребятам нужно собрать интерактивный пазл следующим образом: во время демонстрации видеофрагмента обучающиеся «ловят» полноценную картинку, делая скриншот экрана. Затем они рассматривают итоговые изображения и сопоставляют с определенный фразеологизмом, опираясь на ранее полученные знания.

Этот приём развивает активность обучающихся, что способствует наиболее успешному усвоению материала, а также формирует навыки работы с цифровыми инструментами (скриншоты, обработка визуальной информации); активизирует ассоциативное и образное мышление при интерпретации изображений; способствует закреплению учебного материала через визуальные образы; повышает мотивацию к изучению темы за счёт игровой и интерактивной форм.

На последующих станциях задания усложняются, что способствует не только усвоению фразеологических единиц и их значений, но и формированию навыков осознанного употребления фразеологизмов в речевой практике школьников.

Обучающимся предлагается осуществить замену конкретных слов фразеологизмами, отредактировать или составить текст с использованием фразеологических единиц по заданному плану, посетить дом Алисы с целью совершенствования изученного материала. С помощью данных заданий можно диагностировать уровень освоения фразеологии и выявить типичные трудности учащихся, совершенствовать их коммуникативные компетенции как на уроках русского языка, так и во внеурочной деятельности.

Таким образом, изучение фразеологии с помощью интерактивной игры предполагает совершенствование коммуникативных навыков обучающихся, создание условий для восприятия классических произведений. Фразеологические обороты делают речь живой, красочной, эмоциональной и экспрессивной. Знакомство детей с единицами фразеологии способствует формированию научного мировоззрения. Используя эффективные методы и приёмы знакомства обучающихся с фразеологией русского языка, учитель способен достичь высокого результата: знание детьми фразеологических единиц, умение находить их в тексте и определять значения, уместное употребление фразеологизмов в своей речи.

IMPROVING COMMUNICATIVE UNIVERSAL LEARNING ACTIONS IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS FOR 6THGRADE STUDENTS USING THE INTERACTIVE TRAVEL GAME «AMAZING PHRASEOLOGY»

P.G. Korolyova
Belgorod State National Research University

The article examines methods of studying phraseology in schoolchildren’s speech practice and their impact on the development of communicative competence. The emphasis is placed on interactive tasks that help students master phraseological units and use them in both oral and written speech. The author emphasises that incorporating the interactive educational journey game «Amazing Phraseology» into the learning process expands schoolchildren’s speech practice. The station-based game format allows learners to enrich their vocabulary and learn to adapt their speech to achieve greater expressiveness.

Key words: phraseology, phraseological units, communicative competence, interactive game, teaching methods.

УДК 372.881

ОРФОЭПИЯ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

М.А. Куриленко
Н. рук. – к. филол. н., доцент Мальцева Г.Ю.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553246@bsu.edu.ru

Орфоэпия как раздел языкознания, регулирующий нормы литературного произношения, занимает важное место в школьном курсе русского языка. Владение орфоэпическими нормами является необходимым условием формирования коммуникативной компетенции учащихся, поскольку обеспечивает правильность и выразительность устной речи. При этом значимость орфоэпии не ограничивается сферой устного общения: нормативное произношение и правильная постановка ударения непосредственно влияют на написание ряда слов, в частности, при выборе безударной гласной в корне, написании окончаний после шипящих, а также при разграничении омографов, различающихся как по звучанию, так и по значению.

Однако анализ рабочих программ, учебно-методических комплексов и экзаменационных материалов обнаруживает значительное расхождение между заявленными в нормативных документах требованиями и реальным объёмом учебного материала, отводимого на формирование произносительных навыков.

В Федеральной рабочей программе по русскому языку для 5–9 классов (далее ФРП) орфоэпия представлена в составе раздела «Фонетика. Орфоэпия. Графика». Объём учебного времени, выделенный на изучение раздела «Фонетика. Графика. Орфоэпия», составляет примерно 10–15 часов на весь курс. Программа определяет следующие результаты обучения: «Употреблять в речи слова и их формы в соответствии с нормами ударения. Находить необходимую информацию в орфоэпическом словаре и использовать её. Правильно интонировать разные по цели и эмоциональной окраске высказывания. Оценивать собственную и чужую речь с точки зрения соблюдения орфоэпических норм»[1]. Формирование таких умений требует не эпизодической, а систематической работы, что предполагает значительно больший объём практики, чем заявлено в тематическом планировании.

В ФРП для 10–11 классов выделен раздел «Язык и речь. Культура речи», в котором предусмотрены изучение и повторение фонетических понятий, а также закрепление произносительных и акцентологических норм. На орфоэпию отводится определённое учебное время (3 часа) и предусмотрены конкретные виды деятельности: фонетический анализ слова, постановка ударений в соответствии с нормами современного русского языка, работа с произношением грамматических форм и иноязычных слов[2].

Таким образом, можно сделать вывод, что нормативно заявленные результаты освоения орфоэпии, представленные в ФГОС, несоразмерны фактическому количеству часов, предусмотренных программой. Орфоэпия требует регулярных тренировок, поскольку навыки правильной постановки ударения и нормативного произношения быстро утрачиваются без практики.

Орфоэпия во всех нормативных документах признаётся значимой, но в экзаменационной практике акцент делается преимущественно на нормах ударения.

В школьных рабочих программах нормы постановки ударения не рассматриваются в полной мере. В ФРП 5–9 классов акцентологические нормы фактически упоминаются лишь как часть общей орфоэпической подготовки, а в ФРП 10–11 классов – как частное умение, связанное с освоением раздела «Культура речи». Систематической работы с акцентологией, необходимой для подготовки к ЕГЭ, программы не предусматривают. Тем не менее экзаменационная модель предполагает глубокое понимание акцентологических норм, тогда как школа формирует их преимущественно эпизодическим образом, что подтверждается анализом учебников.

Навигатор ЕГЭ подчёркивает необходимость работы с иноязычными словами. А для этого требуется знание моделей произношения заимствований, правил редукции, нормативного ударения, сочетаний согласных, непроизносимых фонем. В школьной программе это направление практически не представлено. В ФРП 10–11 классов есть пункт о необходимости «анализировать особенности произношения иноязычных слов»[2], однако ни количество учебного времени, ни конкретное содержание работы не соответствуют экзаменационным требованиям. Таким образом, выявляется существенный пробел в школьной подготовке: системная работа с иноязычной лексикой отсутствует, хотя экзамен предполагает довольно высокий уровень её освоения.

Особенно важно отметить, что такие нормативные документы, как Кодификатор, Спецификация и Навигатор требуют от выпускника умения не только соблюдать орфоэпические нормы, но и объяснять их, интерпретировать, анализировать языковую ситуацию, распознавать варианты произношения и оценивать их с точки зрения нормы. Это совпадает с общей концепцией ФГОС, предполагающей развитие метапредметных и коммуникативных компетенций, однако значительно превосходит то, что фактически реализуется в школьной практике.

---

[1] Федеральная рабочая программа по русскому языку для 5–9 классов / Министерство просвещения Российской Федерации. – М., 2022. – 120 с.

[2] Федеральная рабочая программа по русскому языку для 10–11 классов / Министерство просвещения Российской Федерации. – М., 2023. – 132 с.

Экзаменационная модель строится на уровне требований, который существенно превышает ту подготовку, что определяется школьными программами. В результате педагогам необходимо включать в учебный процесс дополнительные практические задания, постоянную тренировку произношения, активное использование орфоэпического словаря и аудиоматериалов. На выпускников также ложится необходимость самостоятельного освоения значительной части орфоэпического материала, особенно в части акцентологии.

Проведённый анализ учебно-методического обеспечения позволяет дополнить выявленное ранее противоречие между нормативными требованиями и реальной практикой обучения конкретным содержательным наполнением школьного курса. Обращение к учебникам разных ступеней образования демонстрирует, каким образом орфоэпия фактически реализуется в учебном процессе.

Анализ федеральной рабочей программы для 1–4 классов (УМК под редакцией В. П. Канакиной и В. Г. Горецкого)[1] показывает, что орфоэпия не оформляется как самостоятельный раздел курса, однако её элементы систематически включаются в содержание обучения через изучение слога и ударения, фонетический анализ слова, работу с формами слов, орфографическими правилами и развитие навыков устной речи. Начальная школа выполняет важную пропедевтическую функцию, однако уже на этом этапе проявляется ключевая проблема: отсутствие системности. Орфоэпические умения формируются фрагментарно, что создаёт риск закрепления ненормативного произношения и недостаточной готовности к дальнейшему осознанному освоению норм.

На уровне основной школы орфоэпия получает более чёткое теоретическое оформление, однако анализ учебников показывает, что системность её изучения остаётся недостаточной.

В 5 классе (УМК под редакцией Т. А. Ладыженской)[2] закладываются основы орфоэпической компетенции: вводится понятие нормы, осуществляется работа с ударением, формируется навык использования орфоэпического словаря. Упражнения направлены на: осмысление смыслоразличительной роли ударения, исправление типичных произносительных ошибок, развитие речевого слуха.

Тем не менее задания носят эпизодический характер и не образуют устойчивой системы тренировок.

В 6–8 классах наблюдается смещение акцента с орфоэпии на фонетику и орфографию. Хотя такие задания способствуют развитию фонематического слуха и пониманию соотношения звука и буквы, целенаправленная работа над произносительными нормами фактически ослабевает. Это приводит к разрыву в формировании орфоэпической компетенции: начатая в 5 классе работа не получает последовательного продолжения.

В 9 классе орфоэпия возвращается в рамках повторения, однако представлена минимальным количеством упражнений, что не позволяет сформировать устойчивые навыки.

Лишь в старшей школе (10–11 классы, учебник Л. М. Рыбченковой)[3] реализуется более системный подход. Орфоэпия здесь рассматривается не только как совокупность норм, но и как динамическое явление языка. Учебник включает теоретическое осмысление природы нормы и её вариативности, анализ трудных случаев произношения и ударения, работу с заимствованной лексикой, упражнения на формирование акцентологической парадигмы слова.

---

[1] Канакина В.П., Горецкий В.Г. Русский язык. 1 класс: учебник для общеобразовательных организаций: в 2 ч. – М., 2022.

[2] Ладыженская Т.А., Баранов М.Т., Тростенцова Л.А. и др. Русский язык. 5 класс: учебник: в 2 ч. – М., 2024.

[3] Рыбченкова Л.М., Александрова О.М., Нарушевич А.Г. и др. Русский язык. 10–11 классы: базовый уровень: учебник. – 6-е изд. – М., 2024.

Данный этап обеспечивает развитие метаязыкового сознания и формирует умение анализировать языковые явления, однако фактически выполняет компенсаторную функцию, восполняя пробелы предыдущих лет обучения.

Проведённый анализ нормативных требований, учебных программ и учебно-методического обеспечения на разных ступенях образования позволяет сопоставить теоретическую модель формирования орфоэпической компетенции с её реальными результатами. Наиболее объективным показателем в данном случае выступают данные единого государственного экзамена.

Задание № 4 ЕГЭ по русскому языку направлено на проверку владения акцентологическими нормами современного русского литературного языка и относится к базовому уровню сложности. Однако статистика выполнения данного задания демонстрирует устойчиво низкий уровень сформированности орфоэпических умений у выпускников: средний процент успешности в 2025 году составил 53 %, что на 5 % ниже показателя предыдущего года (58 %).

Факторы, определяющие низкий уровень выполнения задания, носят комплексный характер. К ним относятся: недостаточное усвоение орфоэпических норм в процессе обучения, влияние разговорной речевой среды, диалектного и просторечного произношения, воздействие медиапространства, несформированность метапредметных умений.

Учитывая то, что орфоэпические нормы систематически представлены в школьных учебниках, а перечень проверяемых слов стабилен и закреплён в открытом «Орфоэпическом словнике» ФИПИ, уровень выполнения задания остаётся невысоким. Это свидетельствует о формальном характере усвоения материала и недостаточном развитии речевого слуха как базового механизма орфоэпической компетенции.

В связи с этим особую актуальность приобретают методические выводы, направленные на совершенствование орфоэпической подготовки учащихся. Эффективная работа должна строиться на принципах системности, регулярности и практической направленности и включать: систематическое использование «Орфоэпического словника» ФИПИ, введение регулярных орфоэпических разминок, ориентированных на проговаривание слов, целенаправленное развитие речевого слуха, включение орфоэпических заданий в различные этапы урока, а не только в рамках раздела «Фонетика».

Включение данных подходов в образовательную практику позволит преодолеть разрыв между нормативными требованиями и реальным уровнем подготовки учащихся, обеспечив более эффективное формирование орфоэпической компетенции как важнейшей составляющей культуры речи выпускника.

ORTHOEPY IN THE SCHOOL COURSE OF THE RUSSIAN LANGUAGE: ANALYSIS OF REGULATORY REQUIREMENTS AND EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL SUPPORT

M.A. Kurilenko
Belgorod State National Research University

The article studies orthoepy in school education and highlights a gap between curriculum requirements and the limited classroom time devoted to pronunciation practice. Based on analyses of educational standards, textbooks, and Unified State Exam materials, it shows that orthoepic competence is developed inconsistently and insufficiently. The study identifies common pronunciation and stress errors among students and examines their causes, noting particularly low results in stress-related tasks on the exam. The author concludes that improving orthoepic competence requires a systematic approach, including regular practice, phonemic awareness development, and the use of orthoepic dictionaries.

Key words: orthoepy, Russian language teaching, pronunciation norms, accentology, Unified State Exam.

УДК 31.091.3

ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

С.С. Маслова
Научный руководитель – к. филол. н. К.К. Ли
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
МБОУ «Гимназия №2» г. Белгорода
1553239 @bsu.edu.ru

В контексте обучения русскому языку изучение словообразования способствует развитию языковой компетенции школьников. Так, понимание принципов словообразования способствует формированию орфографической грамотности, поскольку позволяет применять знания о морфемном составе слов при написании.

Под словообразовательной компетенцией мы будем понимать знания, умения, навыки, способности по овладению разными способами словообразования, которые формируются и развиваются в процессе обучения и воспитания.

Одной из составляющих особенностей словообразовательной компетенции является морфемный анализ, в ходе которого обучающийся должен уметь выделять морфемы в составе слова, определять их значение и функцию. Далее необходимо назвать словообразовательный анализ, который предполагает определение способа словообразования, установление производящей основы и словообразовательного аффикса, построение словообразовательной цепочки и определение словообразовательного значения.

Таким образом, основным направлением нашего исследования является разработка комплекса упражнений, направленных на формирование словообразовательной компетенции на уроках русского языка в средней школе. Рассмотрим одно из таких упражнений – м**орфемные агенты: миссия «Раздели и отличи».**

Упражнение предназначено для учеников 5 класса, оно способствует формированию умения отличать словообразовательные морфемы от формообразовательных. Формат упражнения — командная игра, сюжет которой заключается в том, что ученики — это агенты секретной службы, которым нужно классифицировать «морфемные элементы» по их функциям. Игра проходит в несколько этапов:

Этап 1. «База данных: теория в действии». Ученики получают памятку-шпаргалку:

Тип морфем	Функция	Примеры
Приставки, суффиксы	Создают новые слова	*читать* → *прочитать* (*про-*), *читатель* (*-тель*)
Окончания	Меняют форму слова	*книга* → *книгу* (*-у*, винительный падеж), *книги* (*-и*, мн. ч.)

Этап 2. «Сортировка файлов». Ученикам даётся задание: разделите слова на две группы: где есть морфемы, которые создают новые слова, и где те морфемы, которые меняют форму слова. Выделите их. Слова для работы: столы, домик, читать, читает, подводный, окно, оконный, руки, ручка, бегут.

После выполнения задания проверяем его и делаем вывод, вводя понятия «словообразовательные морфемы» и «формообразовательные морфемы».

Этап 3. «Конструктор слов». Ученикам необходимо составить новые слова и выделить в них морфемы: словообразовательные – зелёным цветом,

формообразовательные – красным. Слова для работы: вода, свет, игра, дом, снег, лес, звук, ход.

Этап 4. «Ловушка: найди ошибку». Ученикам необходимо определить какие из утверждений являются верными, а какие – ошибочными и исправить ошибки:

1. В слове подводный морфема под- — это приставка, она служит для образования формы слова.
2. В слове столы окончание -ы — это словообразовательная морфема, с её помощью образовано новое слово.
3. В слове читатель суффикс -тель — это формообразующая морфема: она меняет форму глагола читать.
4. В слове бегут окончание -ут — это формообразующая морфема: она меняет форму глагола бежать
5. В слове домишко суффикс -ишк- — это словообразовательная морфема, с её помощью образовано новое слово.
6. В слове приехать приставка при- — это формообразующая морфема, она нужна для образования новой формы слова.
7. В слове снежок морфема -ок — это суффикс, с помощью которого образовано новое слово от снег.
8. В слове поездка приставка по- — это словообразующая морфема.

Этап 5. «Код доступа». Ученикам необходимо расшифровать слова по числовой последовательности (каждой цифре соответствует определённая морфема) и выделить в них морфемы: словообразовательные – зелёным цветом, формообразовательные – красным. Ключи к шифру:

-под- = 1;
-про- = 2;
-по- = 3;
-при- = 4;
-пере- = 5;
-вод- = 6;
-ход- = 7;
-бег- = 8;
-город- = 9;
-лес- = 10;
-н- = 11;
-к- = 12;
-щик- = 13;
-ок- = 14;
-ишк- = 15;
-ый = 16;
-а = 17;
-о = 18;
нулевое
окончание = 0.

Задания для расшифровки

1. 1–6–11–16 →
2. 3–7–12–17 →
3. 2–8–12–0 →
4. 4–9–11–16 →
5. 5–10–14–0 →
6. 5–8–13–0 →
7. 9-15-18→

Таким образом, формирование словообразовательной компетенции является важной задачей обучения русскому языку в средней школе. Её успешное решение способствует развитию языковой культуры учащихся, расширению их словарного запаса, повышению орфографической грамотности и развитию логического мышления. Только комплексный подход к формированию данной компетенции, включающий использование разнообразных методов и приемов обучения, а также активизацию познавательной деятельности учащихся, является основой ее успешного освоения.

WORD-FORMATION COMPETENCE IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS IN SECONDARY SCHOOL

S.S. Maslova
Belgorod State University

The article proposes to consider a part of the development of a methodological complex aimed at the formation of word-formation competence in Russian language lessons in secondary schools. The use of various teaching methods and techniques, as well as the activation of cognitive activity of students can increase motivation and improve student academic performance.

Keywords: Russian language, exercises, word formation analysis.

УДК 82-1

ОБРАЗЫ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ И КАМНЕЙ В АСПЕКТЕ АНАЛИЗА СИМВОЛИСТКОЙ ПОЭЗИИ В.Я. БРЮСОВА

А.И. Панютчева
Н. рук. – к. филол. н., доц. С.В. Полторацкая
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553178@bsuedu.ru

Символизм как литературное направление вмещает в себя многозначные образы, призванные передать иррациональное, мистическое, скрытое от поверхностного взгляда. Это художественное течение стремится выразить потустороннее и духовное содержание действительности. Драгоценные металлы и камни играют важную роль в поэтическом творчестве русских символистов, поскольку именно они способны передать глубокую внутреннюю сущность явлений, идеи красоты и совершенства, вечности и абсолютной истины.

В.Я. Брюсов, один из основоположников русского символизма, использует драгоценные металлы и камни, которые воплощают эстетические и философские идеи автора. При этом, давая оценку сборников К.Д. Бальмонта, поэт заявлял, что частое использование таких образов только искажает пафос: «Видеть поэзию Бальмонта, украшенною этими дешёвыми и фальшивыми побрякушками, – горько и обидно. Словно

встретил гордую красавицу, которая захотела помолодить себя рыночными румянами и поддельными бриллиантами»[1].

Однако в частоте использования В.Я. Брюсов нередко опережает К.Д. Бальмонта. Согласно «Национальному корпусу русского языка» за период лирики 1895-1910 г. лемма «золото» в творчестве первого поэта повторяется в 16 текстах 23 раза, когда у второго – в 9 текстах 10 раз. Подобные наблюдения могут возникнуть при исследовании «серебра»: Брюсов – 10 текстов и 13 примеров, Бальмонт – 5 текстов и 5 примеров[2].

Поэтика обоих поэтов предполагает разную реализацию образов драгоценных металлов и камней. В отличие от Бальмонта, у Брюсова обращение к древнегреческой мифологии меняет их окраску. В стихотворении «Пифия» поэтически осмысляется судьба жрицы-прорицательницы, которая представлена и как рабыня, и как владычица тайного знания. Золото здесь упоминается один раз: «Горе! Былое — как светлая сказка! / Статуи, ***золото***, стены, колонны!»[3]. Этим подчеркивается величие архитектуры, божественное начало, великолепие и мудрость[4].

Свое представление о золоте В.Я. Брюсов иллюстрирует в стихотворении «К металлам» (1899): «***Золото***, убранство тайного ковчега, / Где хранят издревле благостные мощи, / ***Золото***, добыча хищного набега, / ***Золото***, ты символ сладострастной мощи, / И в твоем сверканьи медленная нега…»[5]. Благородный металл показан в большей степени в соответствии с пониманием символа в культуре. Вместе с таинством и ценностью Брюсов вкладывает субъективное осмысление в стихе: «И в твоем сверканьи медленная нега…» Поэт приравнивает золото к состоянию полного наслаждения.

В этом же стихотворении представляет интерес обращение к другому металлу – серебру. Еще с древних времен оно является знаком чистоты, целомудрия, красноречия, а также надежды и мудрости. Такое же восприятие отражено и у Брюсова: серебро сплетается с христианским подтекстом («***Серебро*** сияет тихо на иконе…»), с прозрачностью и разумным словом: «***Серебро*** так ясно в перелетном звоне, / Голос ***серебристый*** мне звучал предтечей…»[6].

В ранней лирике бронза прослеживается на уровне названий. В стихотворении «Жрец (Бронзовая статуэтка)» (1895) лирический герой обращается к Сириусу, перед алтарем которого зажигают фимиам. Через мистическую атмосферу пробивается величие, мощь и стойкость, выраженное уже в названии.

В упомянутом стихотворении «К металлам» доминирующим пафосом остается тайна, вечер и холод, что взаимосвязывает представление Брюсова о символике бронзы в обоих произведениях: «И люблю я ***бронзу***: сумрачные тени / Томной баядерки в роскоши вечерней. / В твердости изгибов столько легкой лени, / Отблески так чисты на холодной черни! / Да, люблю я в ***бронзе*** тайну отражений...»[7].

Образы металлов искусно дополняют драгоценные камни. Одним из ключевых становится алмаз или его ограненная форма – бриллиант. В программном стихотворении «Сонет к форме» (1894) лирический герой убежден в трудности стихосложения, навык которого необходимо оттачивать: «Есть тонкие властительные связи / Меж контуром и запахом цветка. / Так ***бриллиант*** невидим нам, пока / Под гранями не оживёт в ***алмазе***…»[8]. Упомянутый в произведении бриллиант символизирует целостность, а алмаз

---

[1] Парочкина, М. М. Мифопоэтические и фольклорные корни поэзии К. Бальмонта / М. М. Парочкина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 28(240). – С. 20-27.

[2] Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 22.03.2026.

[3] Брюсов, В.Я. Хвала человеку / Валерий Брюсов. – М.: Эксмо, 2023. – С. 31.

[4] Трессидер, Дж. Словарь символов / Дж. Трессидер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – С. 448.

[5] Брюсов, В.Я. Хвала человеку / Валерий Брюсов. – М.: Эксмо, 2023. – С. 39.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же. – С. 11.

– воплощение «моральных и интеллектуальных ценностей»[1]. Таким образом, одно состояние камня переходит в другое, рисуя нелегкий творческий процесс поэта.

Другой оттенок приобретает алмаз в «Мгновении» (1896). Лирический герой проводит параллель между привлекательностью возлюбленной и красотой природы. От ее взгляда, под которым «***алмазные*** отсветы так не горят», даже он «померк в венце ***золотом***»[2]. Так, два образа – алмаз и золото – смешиваются. Блеск камня, связанный с любимой женщиной лирического героя, побеждает благородный металл, или власть человека над собой и совершенство слова и мечты.

Свет золота и бриллианта акцентируют момент страсти в стихотворении «Вал» (1907). Романтический эпизод наполнен деталями интерьера и портретов. Благородный металл и камень на этом фоне – «вспышки ***золота*** и ***бриллиантов***»[3]. Эротический подтекст по-особенному окрашивает то, что драгоценности лежат «на ***изумруде***». В традициях оккультизма данный камень отождествлялся с плодовитостью. В этом контексте заключительная строфа приобретает особый оттенок: «нити, чары дряхлого соблазна», которые «вяжут души неотвязно», могут трактоваться как зачатие новой жизни, которое скрепляет людей на вечность.

Если у В.Я. Брюсова вместе встречаются алмаз и золото, то еще одно соотношение имеют жемчуг и янтарь. В произведении «Я – упоен! Мне ничего не надо!..» (1905) янтарь из-за цвета связывается с солнечной энергией. Лирический герой обращает внимание на переливы цветов, их чередование. От лилового, красного, желтого и затем золотого колоратив получает свою высшую точку в янтаре. После этого сияние тусклеет. Небо, «проблистав над синью ***янтарями***», сгущает «свой ***жемчужный*** дым». Жемчуг издревле получил широкую известность как отражение полной луны, тайны, эзотерического знания. Тем самым эпитет передает переход от дня к ночи, который считался мистическим временем суток: «И падало безумье белой ночи, / Прозрачной, призрачной, чужой — и ты, / Моим глазам свои вверяя очи, / Смущаясь и томясь, искала б темноты!»[4]. В последних строках открывается другой смысл жемчуга. Камень в древности считался символом женственности, невинности и девичьей красоты. Возлюбленная лирического героя показана отчужденной и смущенной. Вероятно, близость с любимым оказывается для нее первой: «***жемчужный*** дым» здесь переходный этап от природных образов, характерного пейзажа, к чистоте женщины.

Этот камень появляется в стихотворениях В.Я. Брюсова «Приветствие» (1904) и «В склепе» (1905) в сочетании с серебром, так как они связаны с лунной символикой. В первом «***жемчужные*** звезды повисли» на «нитях ***серебряно***-тонких», а во втором – лунный луч «***жемчуг серебрит***»[5]. Камень в «Приветствии» усиливает не только красоту мира, в который приходит человек после рождения, но и драматизм стихотворения «В склепе», где лирический герой прощается с умершей возлюбленной. Важно отметить, что «феномен преобразования материи в небесный камень – жемчужину – сделал последнюю широко распространенным символом возрождения»[6]. В Древнем Египте существовал похоронный обычай вкладывания жемчуга в рот умершим, а также украшения с помощью него саркофагов и могил. Так, жемчуг и серебро, через призму личного понимания В.Я. Брюсова, склоняются и к теме смерти.

Итак, повторяющимися образами в символистской лирике В.Я. Брюсова являются золото, серебро, бронза, алмаз и бриллиант, жемчуг, янтарь, изумруд. Драгоценные металлы и камни чаще всего согласовываются с их символикой, установившейся культурными традициями, мифологией и фольклором. При этом поэт фрагментарно

[1] Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. – М.: Высш. шк., 1994. – С. 546.
[2] Брюсов, В.Я. Хвала человеку / Валерий Брюсов. – М.: Эксмо, 2023. – С. 44.
[3] Там же. – С. 60.
[4] Там же. – С. 66.
[5] Там же. – С. 71.
[6] Трессидер, Дж. Словарь символов / Дж. Трессидер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – С. 448.

окрашивает их субъективными представлениями, что характерно для художественного направления, которого тот придерживается.

IMAGES OF PRECIOUS METALS AND STONES IN THE ASPECT OF THE ANALYSIS OF V.Y. BRYUSOV'S SYMBOLIST POETRY

A.I. Panyutcheva
Belgorod State National Research University

The article offers an analysis of precious metals and stones in the poetry of symbolist V.Y. Bryusov. These images contain philosophical and aesthetic overtones. The poet refers to precious metals and stones in accordance with the cultural traditions of the symbols of different countries. V.Y. Bryusov sometimes gives them a subjective meaning characteristic of his artistic direction.

Key words: artistic image, precious metals, precious stones, semantics, poetics.

УДК 372.882

АНАЛИЗ ФРАГМЕНТОВ РОМАНА-ЭПОПЕИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

А. А. Фирсанова
Н. рук. – к. филол. н., доц. Е. А. Ширина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1638103@bsuedu.ru

Изучение романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» в старших классах традиционно вызывает у школьников значительные трудности. Они связаны со множеством сюжетных линий, обилием персонажей и своеобразием авторской трактовки исторических событий. Эффективным методическим приемом, позволяющим сделать чтение осмысленным, является детальная работа с фрагментами эпопеи на уроках. Этот прием дает возможность учащимся перейти к постижению авторского замысла, сосредоточив внимание на ключевых эпизодах, где наиболее ярко проявляются характеры героев и раскрывается авторское понимание проблематики.

В школьной практике целесообразно отбирать сцены, которые раскрывают эволюцию главных героев, основные конфликты и ключевые авторские идеи. Это позволяет учащимся освоить содержание романа и сформировать устойчивые навыки анализа фрагмента эпического текста. Логика изучения романа через призму ключевых эпизодов соотносится с Федеральной рабочей программой по литературе базового уровня и рекомендуемым в ней тематическим планированием (на изучение жизни и творчества Л.Н. Толстого в ФРП 2025года отводится 15 часов).

Первые уроки по творчеству Л. Н. Толстого и последний урок в системе занятий не предполагают обращения к тексту романа-эпопеи, а вот с четвертого по четырнадцатое занятия включают обязательную работу с эпизодами. Приведенная таблица демонстрирует преемственность методических подходов в пособиях для учителя за последние тридцать лет – от работ И. А. Фогельсона (в Литература учит: 10-й класс: книга для учащихся, 1990) до С. А. Зинина (в «Литература: 10 класс, 2 часть», 2012) и Ю. В. Лебедева (в «Литература: 10-й класс: базовый уровень: учебник», 2022), отражая устойчивость отбора фрагментов для развернутого анализа.

Таблица – Эпизоды, предлагаемые для анализа

	Тема урока	**Эпизод для анализа, предлагаемый методистами И. А. Фогельсоном, С.А. Зининым, Ю. В. Лебедевым**
	Нравственные устои и жизнь дворянства.	**«Вечер в салоне Анны Павловны Шерер»** (т. 1, ч. 1, гл. I–IV)
	«Мысль семейная»: Ростовы и Болконские.	**«Именины в доме Ростовых»** (т. 1, ч. 1, гл. VII–XI, XV–XVII)

	Женские образы в романе. Нравственно-философские взгляды Толстого.	**«Первый бал Наташи Ростовой»** (т. 2, ч. 3, гл. XV–XVII)
	Духовные искания Андрея Болконского.	**«Небо Аустерлица»** (т. 1, ч. 3, гл. XVI, XIX)
	Духовные искания Пьера Безухова.	**«Дуэль Пьера с Долоховым»** (т. 2, ч. 1, гл. IV–VI)
	Отечественная война 1812 года в изображении Толстого.	**«Переход французской армии через Неман»** (т. 3, ч. 1, гл. I–IV). *Эпизод дается только в пособии И.А. Фогельсона*
0	Бородинское сражение как идейно-композиционный центр.	**«Пьер Безухов на Бородинском поле»** (т. 3, ч. 2, гл. XX–XXI, XXX–XXXI)
1	«Мысль семейная» и «мысль народная» в условиях кризиса. Нравственный выбор.	**«Ростовы спасают раненых»** (т. 3, ч. 3, гл. XV–XVII)
2	Образы Кутузова и Наполеона.	**«Совет в Филях»** (т. 3, ч. 3, гл. IV)
3	«Мысль народная». Образ Платона Каратаева.	**«Знакомство Пьера с Платоном Каратаевым в плену»** (т. 4, ч. 1, гл. XII–XIII)
4	Психологизм прозы Толстого: «диалектика души».	**«Внутренний монолог князя Андрея ночью в Отрадном»** (т. 2, ч. 3, гл. I–III)

Эпизод «Ростовы спасают раненых» важен для понимания эволюции образов членов семьи Ростовых и философских антитез романа. «Роль данного эпизода для целостного восприятия и понимания произведения огромна. Содержание его помогает глубже осмыслить основную идею романа»[1].

Сцена отъезда из Москвы ставит семью Ростовых перед нравственным выбором. Графиня, олицетворяющая практическую заботу о детях, настаивает на вывозе имущества. Ей противопоставлен граф Ильи Андреевич, не желающий бросить раненых. Такой семейный спор становится отражением главного противоречия времени. Л. Н. Толстой представляет семью как основу русской общности, источник нравственных и моральных ориентиров, и данный эпизод становится проверкой этой основы на прочность.

Кульминационным моментом становится вмешательство Наташи. Её возмущение – это акт морального пробуждения. Обвиняя родителей в «мерзости и гадости», она защищает живую человеческую жизнь. Её поступок коренится в сути семьи, где «фундаментом идеальной, «неслучайной», семьи являются духовные ценности, поддержка, опора, любовь и взаимопонимание»[2]. Поэтому важно подвести учащихся к выводу, что такой протест – это проявление естественной жизни, которая противопоставляется искусственности светского общества. Решение Ростовых отдать подводы раненым контрастно поведению Берга, который в тот же день приезжает к тестю, чтобы купить за бесценок шифоньерочку с аглицким секретом. Этот цинизм обнажает нравственную глухоту человека, живущего лишь личными интересами. «Именно в моменты, наиболее тяжёлые для членов семьи, испытываются их взаимопонимание и поддержка»[3]. Тем самым подтверждается тезис о том, что именно преодоление конфликтов через нравственный выбор и делает семью истинной.

В современной школе анализ фрагмента должен быть встроен в систему формирования навыков, проверяемых в ходе итоговой аттестации. В связи с этим

[1] *Нескашина Т.А.* Ростовы спасают раненых: анализ эпизода романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (т. 3, Ч. 3, гл. 15) х класс // Литература в школе. – 2011. – № 4. – С. 29.

[2] *Сафронова В. А.* "Случайные" и "неслучайные" семьи в романе Л.Н. Толстого "Война и мир" // Язык и культура: взгляд молодых. – М., 2024. – С. 771.

[3] *Мельникова, В. Е.* Проблема идеала семьи в романе Л. Н. Толстого "Война и мир" // Утренняя заря. – М., 2018. – Вып. VIII. – С. 60.

технология анализа существенно корректируется, помимо беседы необходимо организовать записи.

Методика анализа может строиться на универсальном плане, включающем определение границ, темы и идеи, системы образов, логики развития чувств героев, изобразительно-выразительных средств и роли фрагмента в произведении. План должен быть дополнен акцентом на выявлении «сопряжений». Нужно научить школьника видеть, как конкретный эпизод встраивается в общую композицию романа. Матрица может стать хорошим инструментом в этом процессе. По вертикали в ней располагают элементы анализа сцены (персонажи, детали, конфликт, ключевые слова), а по горизонтали – темы и идеи, проходящие через весь роман. Так удается сформировать целостное видение текста, избавившись от фрагментарности его восприятия.

Современные образовательные технологии также могут быть полезны. Цифровой сервис «Живые страницы» хорошо показывает себя при работе с большим объемом текста. «Приложение Quizlet позволяет создавать тексты и карточки, которые помогут легко на слух и визуально запомнить любой материал. <…> Ученики по желанию могут организовывать свои блоки вопрос для самостоятельного изучения и повторения текста»[1]. Благодаря этим сервисам можно сэкономить время и силы и сосредоточиться на анализе и развитии критического мышления.

Важно развивать умение письменного высказывания, опираясь на проделанную устную работу. Следует придерживаться «лестничного» принципа: начать с формулировки тезиса и комментария к одной детали и постепенно перейти к составлению полноценного связного текста. На устном этапе полезно использовать технологию коллективного анализа с краткой записью ключевых идей. Учитель организует диалог по готовым вопросам, дети находят ответы, и наиболее точные формулировки и важные наблюдения преподаватель рекомендует записывать. К концу обсуждения у каждого обучающегося формируется опорный конспект: основные тезисы, аргументы, ключевые слова – всё это легко можно перевести в развёрнутый письменный анализ эпизода.

Итогом такой работы может стать сочинение-миниатюра или ответ на проблемный вопрос итоговой аттестации. Ученик, уже имея на руках записанные материалы, может сосредоточиться не на поиске материала, а на выстраивании логики своего ответа и его речевом оформлении. Такой подход, связывающий устный анализ конкретного фрагмента с письменной фиксацией его результатов, позволяет проверить умение ученика ясно формулировать мысли и аргументировать их, опираясь на текст художественного произведения.

Таким образом, продуманная система анализа ключевых эпизодов с привлечением современных технологий позволяет превратить изучение «Войны и мира» в увлекательный процесс открытия глубоких смыслов и формирования важнейших предметных компетенций.

ANALYSIS OF EXCERPTS FROM L.N. TOLSTOY'S EPIC NOVEL “WAR AND PEACE” IN SCHOOL LITERATURE CLASSES

A. A. Firsanova
Belgorod State National Research University

The article tackles the problem of teaching the epic novel "War and Peace" by L.N. Tolstoy in school. Based on the many years of experience of methodologists and in accordance with the Federal Working Curriculum, the key episodes recommended for detailed analysis during the study of the epic text are identified. Using the episode "The Rostovs Save the Wounded" as an example, the author reflects on the evolution of the characters of the Rostov family members, the philosophical antitheses of the work, and the embodiment of the “family idea.” The article defines the techniques for working with an episode

[1] *Курбанова Ф. Р.* Классика и поколение «Z»: «Война и мир» Л. Н. Толстого на уроке литературы в 10 классе // Педагог-словесник XXI столетия. – М., 2022. – С. 94.

in light of modern technologies and within the context of the requirements for the final Unified State Exam.

Key words: analysis of an episode, "War and Peace", methodological technique, preparation for the Unified State Exam in Literature.

УДК 82-3

МЕТОДИЧЕСКАЯ КОПИЛКА УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.Н. КРУПИНА)

В.В. Хоркина, А.И. Панютчева, Т.И. Юрченко
Научный руководитель – к. филол. н., доц. Е.Н. Семыкина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553208@bsu.edu.ru, 1532685@bsuedu.ru, 1553178@bsuedu.ru

Современный этап развития школьного образования определяется требованиями Федерального государственного образовательного стандарта. В требованиях к результатам освоения образовательной программы основного общего образования – в разделе «11.1. Русский язык и литература» – указано, что изучение данной предметной области должно обеспечить «осознание тесной связи между языковым, литературным, интеллектуальным, духовно-нравственным развитием личности и ее социальным ростом»[1]. Этот аспект может быть реализован с помощью современной отечественной литературы, которая включена в учебный процесс. В этом контексте творчество Владимира Николаевича Крупина приобретает особое значение, поскольку «произведения этого современного прозаика несут в себе тот нравственный заряд, который так важен для возделывания души ребенка, подростка, взрослого человека»[2]. Произведения В.Н. Крупина – это плодородная почва для формирования духовно-нравственных основ подрастающей личности.

Несмотря на то, что действующими образовательными программами изучение литературы рубежа XX-XXI веков предусмотрено, вопросы методики её преподавания остаются неразработанными. Между тем, проза В.Н. Крупина не только соотносится с задачами духовно-нравственного воспитания молодёжи, но и открывает широкие возможности для формирования универсальных учебных действий, включая подготовку к государственной итоговой аттестации (ОГЭ, ЕГЭ). Поднимаемые писателем проблемы входят в число тех, которые ежегодно предлагают составители экзаменационных заданий, ориентированных на проверку умения аргументированно рассуждать с опорой на художественный текст.

Предлагаемая методическая копилка, подготовленная на материале произведений В.Н. Крупина, призвана содействовать реализации поставленных задач. Она включает четыре формы работы при подготовке к урокам литературы и внеклассного чтения, развития речи и «Разговоров о важном». Диапазон возможностей применения методических материалов связан как с их использованием при обсуждении духовно-нравственных вопросов, поднимаемых современным автором, так и с развитием навыков литературоведческого анализа, востребованных в ходе текущей работы и на этапе государственной итоговой аттестации.

Первый формат методической копилки – презентационный материал. Учитель-словесник часто испытывает нехватку времени на создание качественного визуального

[1] Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. Приказ Министерства образования и науки РФ от 31.12.2015 № 1577 Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/ (дата обращения: 25.04.2026).

[2] *Семыкина Е.Н.* «Душеполезное чтение» на уроках литературы: о прозе В.Н. Крупина // Литература в школе. – 2017. – № 2. – С. 17-23.

ряда, отвечающего современным дидактическим требованиям. Готовые презентации по ключевым темам творчества В.Н. Крупина решают эту проблему, позволяя педагогу сосредоточиться на организации обсуждения произведений. Темы презентаций отобраны с учетом сквозных мотивов прозы писателя: «Образ вятской земли в прозе В.Н. Крупина», «Произведения В.Н. Крупина о детях и для детей», «Тема юности в творчестве В.Н. Крупина», «Творчество В.Н. Крупина в свете православной традиции». Они являются ключевыми для понимания художественного мира писателя. Презентации могут быть полезны как на уроках литературы, так и в процессе внеклассного чтения. Важно, что они включают не только иллюстративный материал, но и систему упражнений: на слайдах предусмотрены проблемные вопросы для фронтального обсуждения, задания, нацеленные на проверку знания текста, творческие задачи, а также подборки цитат для комментированного чтения и написания мини-сочинения. Актуальность и методическая ценность такого формата заключается, во-первых, в том, что он освобождает учителя от работы по созданию слайдов; во-вторых, материал легко адаптируется под разные возрастные группы за счет варьирования глубины вопросов и сложности заданий; в-третьих, единая логика всех презентаций позволяет выстраивать систему работы над сквозными темами творчества В.Н. Крупина на протяжении нескольких лет обучения. Таким образом, предложенный визуальный ряд служит средством включения школьников в пошаговый разбор текста, а готовые слайды позволяют сосредоточиться на живом взаимодействии с классом.

Второй формат – набор из пятнадцати карточек, на которых расположены ключевые цитаты из произведений В.Н. Крупина и репродукции картин, созвучных содержанию или настроению цитаты. Такой материал может быть назван «дидактическими парами». Они призваны помочь организации образовательного процесса на уроках русского языка и литературы. Произведения В.Н. Крупина условно распределены по нескольким темам, из произведений подобраны цитаты о Родине, природе, детстве, любви. Этот формат дает возможность по-ращному применять карточки на уроках. Например, «пары» можно использовать для написания сочинений-описаний и рассуждений. Объединение на одной карточке цитаты из произведения В.Н. Крупина и картины известного или малоизвестного художника дает возможность рассуждать, сравнивать, визуализировать, интерпретировать информацию. Важнейшая функция «пар» – помощь в выработке навыка внедрения цитаты в письменное и устное высказывание, что окажется полезным на государственных экзаменах по русскому языку (ОГЭ и ЕГЭ) в устной и письменной форме. Например, на одной из карточек помещена репродукция картины И.И. Шишкина «Ручей в березовом лесу» и цитата из рассказа В.Н. Крупина «В заливных лугах»: «Вода в вятских родниках и колодцах круглый год пахнет цветами. Пьют эту воду кони и люди, птицы и звери, цветы и травы, дает эта вода жизнь всему сущему, всему живому». Учитель может предложить написать небольшое сочинение-описание картины И.И. Шишкина или сочинение-рассуждение о природе, подумать, как интегрировать в него цитату, сделав отсылку на В.Н. Крупина. Так, через знакомство с произведениями формируется интерес к творчеству современного автора.

Третий формат в методической копилке – планы бесед для «Разговоров о важном». Занятия в рамках программы направлены на достижение результатов в таких сферах, как гражданско-патриотическое, духовно-нравственное, эстетическое воспитание, однако зачастую школьники не понимают их значимости. Официальный сайт «Разговоров о важном» предоставляет комплект методических материалов для педагогов, указывая на их рекомендательный характер. Это дает возможность анализировать с учащимися основные аспекты жизни человека в современной России и вовлекать их в обсуждение «вечных» тем на материале прозы В.Н. Крупина. Разработанный перечень вопросов позволит учителю-словеснику подойти к внеурочному занятию творчески, учитывая основные требования программы.

Рассмотрим работу с такой карточкой на конкретном примере. В программе «Разговоров о важном» на 2025-2026 год для уроков в 5-9 классах предусмотрена тема «Как понять друг друга разным поколениям?». Она рождает важнейшие для подрастающего поколения размышления о семье как основе любого общества. Цель педагога – раскрыть вопрос формирования общих семейных ценностей, преодоления конфликтов и проблем за счет взаимоуважения и обмена опытом. В представленной методической копилке на таком занятии с учениками 5-6 классов имеет значение карточка по фрагменту рассказа В.Н. Крупина «Босиком по голубому небу»: «Вы у меня не избалованные были, не ленивые. Иду на сенокос или куда, кого позову, тот и пойдет. Другие тоже просятся. Говорю: а огород на ком? А кто корову встретит, кто кур загорит, кто грядки польет? Распределю всех, сама хлебушка возьму, молока бутылку, и идем с тобой. Ты на сенокос всегда просился. Терпеливые вы были. Жара, комарьё, идти далеко, тащить надо и вилы, и грабли, и косы, вы хоть бы что. Совсем мал, лет пять-шесть, а идешь…». Учителю-словеснику открывается возможность продемонстрировать, как совместный труд становится не только необходимостью, но и инструментом укрепления уважения и единства в семье. Именно об этом рассказывает героиня В.Н. Крупина. Слова матери («кого позову, тот и пойдет») и её упоминание о том, что «другие тоже просятся», доказывают, что труд не навязывается, а является выражением желания быть полезным семье. В ходе обсуждения можно обратиться к смыслу словосочетания «терпеливый ребенок», к размышлению о важности выдержки, умения доводить начатое до конца, справляться с трудностями. Сравнение с современными реалиями подводит к тому, что совместная деятельность остается одним из самых эффективных способов построения доверительных отношений между близкими, между поколениями. Заключительный вопрос об уроке, извлеченном из истории матери, о распределении обязанностей подведет к мысли о необходимости семейного труда, терпения и взаимной поддержки, которые и становятся прочной основой для взаимопонимания. Цитаты могут служить эпиграфом к уроку, материалом для сопоставительного анализа, основой для сочинения. Они побуждают к обсуждению «болевых» вопросов, актуальных для современного подростка.

Заключительный формат копилки – карточки с прозаическими «акростихами», составленными из цитат В.Н. Крупина. Такой материал обладает богатым методическим потенциалом и может по-разному использоваться на уроках. Для акростихов выделены двенадцать ключевых слов, связанных с творчеством В.Н. Крупина (жизнь, дом, душа, вера, служение, любовь, юность, труд и др.). Акростих к слову «дом» включает следующие цитаты из произведений писателя: «Да и я помню: свой дом потеряла, чего уж страшнее?», «Одухотворенное слово не отыщешь листанием словарей, оно в тебе с детства…», «Мастерство дымковских мастериц идет из глубины веков. Ведь это не просто игрушки – это начало знания для ребенка о жизни». Этими цитатами подчёркивается особое значение *дома* для человека, которое выражается по-разному. Карточки можно использовать на этапе введения в творчество писателя или в идейный мир конкретного произведения, для сравнения лексического значения слова и его авторского понимания. На этапе подведения итогов формат акростиха тоже может оказаться продуктивным: учитель может предложить сформулировать основные тезисы урока, привлекая материал карточек, составить свой акростих по данной теме, сравнить его с имеющимся, порассуждать о том, как наполнение карточки отражается в содержании изучаемого произведения. Такой формат может стать стартом для беседы о важнейших смыслах, имеющих не только образовательный, но и развивающий, воспитательный потенциал, инициировать творческую и проектную деятельность учеников.

Отметим, что материалы методической копилки универсальны, могут использоваться не только в предложенном формате, но и как инструмент учебной, внеурочной, воспитательной работы учителя-словесника. Он, несомненно, будет способствовать развитию мотивации учеников к изучению творчества современного русского писателя В.Н. Крупина.

METHODOLOGICAL TREASURY FOR TEACHING LITERATURE AND RUSSIAN BASED ON THE WORKS OF V.N. KRUPIN

V.V. Khorkina, A.I. Panyutcheva, T.I. Yurchenko
Belgorod State National Research University

The article is a methodological collection for working with V.N. Krupin's prose, which includes four formats: presentations, didactic pairs "quote-picture", conversation plans for "Talking about Important Things", and acrostics. The materials are universal, meet the requirements of the Federal State Educational Standard, and can be used in literature, Russian language, and extracurricular reading classes in grades 5-11. These materials save teachers' time on preparation, contribute to the spiritual and moral education of students, and develop their text analysis skills.

Keywords: methodology of teaching literature and Russian language, methodological resources for language teachers, spiritual and moral education of students, and discussions on important topics.

УДК 372.881.161.1

РОЛЬ МОРФЕМАТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СУФФИКСОВ С ПОСТОЯННЫМ НАПИСАНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ СУФФИКОВ *-ЧИВ-/-ЛИВ-*)

М.А. Шепеленко
Н. рук. – к. филол. н., доц. Г.Ю. Мальцева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1553147@bsuedu.ru

Русская орфография, при всей кажущейся сложности и обилии исключений, базируется на нескольких фундаментальных принципах, среди которых ведущим и системообразующим является морфематический принцип. Суть этого принципа, по определению Н.С. Валгиной, состоит в том, что «при написании сохраняется то буквенное обозначение фонем, которое свойственно им в сильной позиции»[1]. Иными словами, значимая часть слова – морфема (корень, приставка, суффикс, окончание) – должна сохранять на письме единое графическое начертание независимо от её произношения в разных словах и формах. Именно этот принцип регулирует более 90% всех написаний в русском языке, создавая ту системность, которая позволяет пишущему и читающему быстро опознавать слова по их морфемному составу, а не по случайному звучанию.

Особенно ярко действие морфематического принципа проявляется в правописании суффиксов имён прилагательных **-чив-** и **-лив-**. Согласно орфографическому правилу, эти суффиксы всегда, без каких-либо исключений, пишутся с гласной буквой **и**. Приведём примеры: *доверчивый, заботливый, причудливый, уступчивый, счастливый, опрометчивый, участливый*. Правило носит абсолютный характер: «в русском языке суффиксов *«-чев-», «-лев-»* нет»[2]. Именно постоянство написания суффикса – вне зависимости от ударения, соседних звуков или каких-либо иных факторов – делает это правило идеальной иллюстрацией морфематического принципа. Морфема *-чив-/-лив-* сохраняет свой графический облик всегда, и пишущий не должен обращать внимания на то, как этот суффикс произносится в реальной речи.

Однако практика проведения Единого государственного экзамена по русскому языку показывает, что задание 11, проверяющее правописание суффиксов (в том числе *-чив-/-лив-*), традиционно вызывает у выпускников значительные трудности. Как отмечает Т.А. Савицкая, «одним из распространенных источников ошибок является слабое

[1] *Валгина Н.С.* Современный русский язык. Учебник / под ред. Н. С. Валгина 6-е изд., перераб. и доп. – М., 2002. – С. 350.
[2] *Валгина Н.С., Светлышева В.Н.* Орфография и пунктуация. Справочник – М., 2001. – С. 319.

владение морфемным анализом», а также «подмена условий конкретного выбора написания внешне схожими правилами»[1].

Какие же типичные ошибки допускают школьники? Во-первых, неумение разграничить суффиксы *-чив-/-лив-* и суффиксы *-ив-/-ев-*, которые подчиняются ударному/безударному правилу. Ученик видит безударную гласную в суффиксе, вспоминает правило о том, что в безударной позиции пишется *-ев-*, и ошибочно пишет *заботлевый* или *доверчевый*. Во-вторых, ошибки, связанные с неумением отличить суффикс от части корня (например, в слове *гуттаперчевый* буква *-ч-* входит в корень *гуттаперч-*, а суффикс здесь *-ев-*; ошибочное выделение суффикса *-чев-* приводит к ложному применению правила о правописании суффикса *-чив-*). Истинная причина всех этих ошибок кроется не в незнании правила как такового, а в несформированности навыков морфемного анализа. Учащийся не может безошибочно выделить в слове суффикс, определить его границы и отличить от корня или окончания, а следовательно, не может и применить нужное орфографическое правило.

Этот вывод подтверждается и официальными методическими рекомендациями ФИПИ, подготовленными по итогам анализа ЕГЭ 2025 года. В документе прямо указывается: «причинами ошибок при выполнении этих заданий являются несформированность навыков языкового анализа (морфемного, словообразовательного, морфологического), дифференциации орфограмм, регулирующих правописание, установления логической связи между значением слова (морфемы), его формой и написанием, неспособность усвоить алгоритм действий по применению правила, невладение навыками самоконтроля»[2]. Таким образом, ключевая проблема лежит не в области орфографии как таковой, а в области аналитической работы со словом.

Из этого анализа вытекает и стратегия преодоления трудностей. Формирование орфографической грамотности при изучении суффиксов *-чив-/-лив-* должно начинаться не с заучивания правила «пиши И», а с освоения алгоритма морфемного членения слова. Предложим учащимся чёткую последовательность действий. Первый шаг: найти окончание, изменив слово по падежам или числам (например, *заботливый – заботливого – заботливому*; окончание *-ый*). Второй шаг: выделить основу *заботлив-*. Третий шаг: подобрать однокоренные слова, чтобы найти корень (*забота, заботиться*; корень *-забот-*). Четвёртый шаг: определить, какая часть основы осталась между корнем и окончанием, – это и есть суффикс (*-лив-*). Пятый шаг: установить, что слово является прилагательным, и вспомнить, какие суффиксы характерны для этой части речи. Шестой шаг: применить правило о правописании суффикса *-лив-* (всегда с **и**). Только после прохождения этого алгоритма ученик может уверенно написать слово без ошибки. Важно также систематически выполнять упражнения на группировку слов по типам суффиксов, на разграничение *-чив-/-лив-* и *-ив-/-ев-*, а также морфемный разбор с обязательным комментированием. Эффективным приёмом является составление «морфемных карточек», где для каждого трудного слова даётся его разбор по составу, лексическое значение и визуальная опора.

Особого внимания заслуживают слова-исключения, которые также могут встретиться в экзаменационных вариантах. Речь идёт о прилагательных *милостивый* и *юродивый*. В этих словах нет суффиксов *-чив-/-лив-*; в них выделяется суффикс *-ив-* в безударной позиции, который по общему правилу должен был бы писаться через **е**, однако исторически закрепилось написание с буквой **и**. Эти два слова фиксируются в орфографических словарях как исключения из правила о суффиксах *-ив-/-ев-* и требуют запоминания. Парадоксально, но сами исключения также могут служить

[1] *Савицкая Т.А.* Задания орфографического блока ЕГЭ по русскому языку. Трудности и пути решения // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». – 2025. – №3 (27)/сентябрь. – С. 146-154

[2] Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2025 года по русскому языку. – М.: ФГБНУ «ФИПИ», 2025. – С. 40

иллюстрацией морфематического принципа: они показывают, что написание морфемы не всегда определяется фонетической позицией, а может быть закреплено традицией, и это ещё раз подчёркивает необходимость осознанного, а не механического подхода к орфографии.

Таким образом, правописание суффиксов *-чив-/-лив-* представляет собой классический пример реализации морфематического принципа русской орфографии. Абсолютное постоянство написания этих суффиксов делает их идеальной моделью для демонстрации действия ведущего принципа письма: единообразие морфемы сильнее требований фонетики. Ошибки, которые допускают учащиеся, имеют не столько орфографическую, сколько аналитическую природу: они возникают от несформированности навыков морфемного анализа, а не от незнания правила. Следовательно, работа по формированию орфографической грамотности в старших классах, особенно в рамках подготовки к ЕГЭ, должна начинаться с систематического повторения морфемики и словообразования, с освоения алгоритмов морфемного членения слова. Только тогда ученик сможет не механически заучивать правила, а осознанно применять их, опираясь на понимание морфемной структуры слова и ведущего морфематического принципа русской орфографии.

THE ROLE OF THE MORPHEMATIC PRINCIPLE IN THE STUDY OF SUFFIXES WITH CONSTANT WRITINGS (ON THE EXAMPLE OF THE SUFFIXES-CHIV-/-LIV-)

M.A. Shepelenko
Belgorod State National Research University

The article reveals the essence of the morphemic principle of Russian orthography as the leading and system-forming principle that regulates the vast majority of spellings. The article analyzes the implementation of this principle in a specific spelling rule using the example of the spelling of the adjectival suffixes -chiv-/-liv-. The article discusses typical mistakes made by students due to their inability to identify morphemes and distinguish between suffixes, and provides methodologically sound ways to overcome these difficulties in preparation for the Russian Language Unified State Exam (Task 11).

Key words: morphemic principle, Russian spelling, Russian language exam, morphemic analysis, typical mistakes.

ФИЛОЛОГИЯ ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

УДК 81

ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОНЯТИЯ «ОСЕНЬ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «НИВЫ СЖАТЫ, РОЩИ ГОЛЫ…»)

П.В. Сидельникова
Н. рук. – учитель русского языка и литературы Ю.В. Алейник
МОУ «Северная средняя общеобразовательная школа №1
Белгородского муниципального округа Белгородской области»
aleynikahsoka2002@yandex.ru

Концепт как лингвистическая категория представляет собой сложное, многомерное образование, стоящее на стыке языка, культуры и сознания. В современной науке он трактуется неоднозначно: от ментальной единицы, отражающей ключевые смыслы культуры (В. А. Маслова, Ю. С. Степанов), до динамической структуры, варьирующейся в зависимости от индивидуального и коллективного опыта (Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова). Вариативность концепта проявляется в его способности аккумулировать разнородные ассоциации, оценки и образы, что делает его универсальным инструментом для анализа художественного текста.

Осень всегда играла особую роль в человеческой культуре и, как следствие, в искусстве. Её многогранный образ, сочетающий в себе красоту и увядание, зрелость и начало забвения, сбор урожая и подготовку к зимнему покою, издревле служил источником вдохновения для художников, музыкантов и, прежде всего, поэтов. Особенно значимой является роль осенней тематики в русской поэзии. Русская душа, тесно связанная с природой, всегда чутко реагировала на её смену. Осенние мотивы в русской литературе часто приобретают особый, глубинный смысл, отражая национальное мировосприятие, его созерцательность и склонность к философскому осмыслению действительности.

Сергей Александрович Есенин, один из ярчайших представителей «новокрестьянской» поэзии и «серебряного века», обладал уникальным лирическим даром. Его поэзия неразрывно связана с образами русской природы, которая для него не просто фон, а полноправный участник эмоциональной жизни лирического героя, его *alter ego.* Есенинское восприятие природы отличается исключительной сенсорной насыщенностью, способностью видеть глубокие метафоры в самых обыденных явлениях. Осень в его творчестве – это не только время года, но и одно из ключевых понятий, окрашенное сложным спектром чувств и ассоциаций, отражающее как красоту русского пейзажа, так и внутренние переживания поэта. Изучение образной составляющей этого понятия является важнейшим инструментом для понимания глубины и многослойности поэзии Есенина. В связи с этим основной целью настоящей работы становится выявление, систематизация и анализ образной составляющей концепта «осень» в поэтическом творчестве С.А. Есенина. Мы предполагаем, что исследуемая образная сторона понятия «Осень» в творчестве Есенина находит выражение в языковых средствах разных уровней, ***создающих зрительную, слуховую и тактильную характеристики*** этого времени года. Чтобы доказать нашу теорию мы обратимся к анализу стихотворения «Нивы сжаты, рощи голы…»[1].

[1] *Есенин С.А*. Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 1. Стихотворения. – Москва, «Наука, 1995. – С. 123.

*Нивы **сжаты**, рощи **голы**,*
*От воды туман и **сырость**.*
*Колесом за **сини** горы*
*Солнце **тихое** скатилось.*
Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
*Ждать зимы **седой** осталось.*
*Ах, и сам я в чаще **звонкой***
Увидал вчера в тумане:
***Рыжий** месяц жеребенком*
Запрягался в наши сани.

«Нивы сжаты, рощи голы…», 1917

Осенняя палитра в поэзии С.А. Есенина поражает своей живописной экспрессивностью и цветовым многообразием. Мастер слова создаёт динамичные образы природы через насыщенные цветовые эпитеты: *«колесом за **синь** горы», «ждать зимы **седой** осталось», «**рыжий** месяц жеребенком»*. Эта визуальная выразительность достигается благодаря умелому применению поэтом колоративной лексики.

Семантическое наполнение цветообозначений определяется их символической нагрузкой. В толковом словаре С.И. Ожегова приводится двоякое толкование прилагательного «рыжий»:

«*Рыжий*[1] – 1. Цвета меди, красно-жёлтый. *Р. белка. 2. С волосами такого цвета, рыжеволосый».* В есенинском контексте данный эпитет сохраняет своё прямое значение, характеризующее окраску жеребёнка. Примечательно, что поэт усиливает образность через оригинальную метафору, уподобляя небесное светило молодому скакуну.

В художественной системе Есенина определение «*седой*» вызывает устойчивые ассоциации с белоснежным зимним покровом, готовящимся укутать землю. Лексема «*синий*» в поэтическом мире автора становится многозначным символом, передающим не только внешнюю характеристику горного пейзажа, но и сложную гамму лирических переживаний – от умиротворённого созерцания до щемящей грусти, запечатлённой в душевном мире поэтического героя.

Осенняя пора в поэтическом изображении предстаёт не просто визуальным полотном, но сложной симфонией природных звучаний. Акустическая партитура анализируемого стихотворения складывается из контрастных элементов: резонирующего лесного звона *(«Ах, и сам я в чаще **звонкой**»*) и предвечерней безмолвной паузы («*солнце **тихое** скатилось*»).

Это звуковое молчание обретает глубокую философскую нагрузку, трансформируясь в метафору утрат и глубоких размышлений. Такая трактовка тишины укоренилась в национальном менталитете, что подтверждается устойчивыми языковыми формулами – «*тихая грусть*», *«тоскливая тишина»,* где отсутствие звуков становится выразителем сложных душевных состояний. Поэт мастерски использует акустические контрасты, создавая многомерный образ осени, где зрительные образы дополняются богатой звуковой палитрой.

Завершающим элементом в художественном воплощении осеннего образа выступает его тактильная составляющая. В поэтическом тексте холод становится вестником приближающейся зимней поры, природы, погружающейся в длительный сон *(«нивы **сжаты**, рощи **голы**»), («от воды туман и **сырость**»)*. В славянской мифологической традиции зима персонифицировалась как суровая владычица, облачённая в белоснежные одеяния, чье леденящее дыхание заставляло прятаться даже потусторонние силы. Это

[1] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/read/ogegov_s/tolkoviy_slovar_russkogo_yazika.html#0 (Дата обращения: 20.03.2026)

мифопоэтическое представление находит отражение в исследуемом тексте через образ обнажённых рощ.

Обращаясь к словарной дефиниции С.И. Ожегова, находим многозначную трактовку слова *голый*[1]: «*Голый* – 1. Не имеющий на себе одежды, покровов, нагой. *Г. стены*. 2. О местности: лишённый растительности. *Г. степь.* 3. перен. Взятый сам по себе, без добавлений, без прикрас. *Г. истина*. 4. полн. ф. Чистый, без всяких примесей (разг.). *Есть голую соль*». Есть голую соль». В поэтическом контексте это прилагательное, используясь во втором значении, приобретает метафорическую глубину – оголённый пейзаж становится зеркалом душевного состояния лирического героя, передавая его незащищённость перед надвигающимися холодами. Таким образом, через призму тактильных ощущений осенний период осмысляется как переходное состояние между жизнью и смертью природы, наполненное ощущением тоски и экзистенциального одиночества. Художественная образность достигается за счёт сложного взаимодействия мифологических представлений, словарных значений и их поэтической трансформации.

Итак, анализ позволяет заключить, что художественное воплощение концепта «Осень» в поэтическом тексте достигается через комплексное использование разноуровневых языковых средств, формирующих многогранный образ. Важно подчеркнуть, что в творчестве С.А. Есенина осенняя тематика выходит за рамки простого пейзажного описания, приобретая глубоко личностное философское звучание. Для поэта осень становится временем осмысления, своеобразным рубежом, когда природа готовится к зимнему покою, а человек – к подведению жизненных итогов.

THE FIGURATIVE COMPONENT OF THE CONCEPT "AUTUMN" IN THE POETRY OF S.A. ESENIN (BASED ON THE POEM "THE FIELDS ARE GROWN, THE GROVES ARE BARE...")

P.V. Sidelnikova
North School No. 1

The paper examines the figurative component of the concept of "autumn" in the poetry of Sergei Yesenin, based on the poem "The Fields Are Grown, the Groves Are Bare." Autumn is analyzed as a significant cultural and artistic phenomenon with complex symbolism, reflecting the peculiarities of Russian worldview. Special attention is given to the role of nature in the poet's lyrics, where it serves not only as a backdrop but also as an expression of the protagonist's inner state.

Key words: image, poetic text, individual author's concept, S.A. Esenin, autumn

УДК 81

ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА В КИММЕРИЙСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ М. А. ВОЛОШИНА

А.С. Скубанович
Н. рук. – учитель русского языка и литературы Ю.В. Алейник
МОУ «Северная средняя общеобразовательная школа №1
Белгородского муниципального округа Белгородской области»
aleynikahsoka2002@yandex.ru

Основным изобразительным средством создания живописных поэтических образов в творчестве М.А. Волошина выступает цветовая палитра. Как справедливо отмечает в своем исследовании О.В. Курбанова, цвет помогает киммерийскому поэту «охарактеризовать эмоциональный строй художественного образа», который «продиктован авторским восприятием окружающего мира».

Будучи художником-акварелистом, М.А. Волошин органично переносит на поэтическую почву свое колористическое видение мира. Его лирике присуще богатство

[1] Там же.

цветовых решений – от ярких, экспрессивных красок до мягких, почти неуловимых полутонов. Обилие цветовых эпитетов, образных сравнений и сложных ассоциативных рядов формирует тот уникальный «язык красочных мазков» (В.Т. Захарова), который стал отличительной чертой творческой манеры киммерийского затворника.

Цветовые эпитеты и олицетворения в циклах «Киммерийские сумерки» и «Киммерийская весна» можно разделить на группы по оттенкам:

1) красный и его оттенки ассоциируются у автора с образом земли, жухлой травой: ***«Зардели, красны, буры,*** */ Клоки косматых трав, как пряди* ***рыжей*** *шкуры»* («Старинным золотом и желчью напитал»);

2) розовый ассоциативно соотносим с цветами миндаля, тенями и бликами на воде: *«По долинам тонким дымом* ***розовеет*** *внизу миндаль»* («Я иду дорогой скорбной…»), «*И сбегают тени с гор обнаженных / Цвета* ***роз*** *и меда*» и *«Отливают волны* ***розовым*** *глянцем*» («Облака клубятся в безднах зеленых»);

3) желтый (золотой) соотносим с солнечными лучами и яростным валом: *«Встал дыбом вал, ярясь и споря, / И* ***желтым*** *ширится пятном*» («Над синевой зубчатых чащ»);

4) синий (голубой) – это цвет воды или неба, а в некоторых случаях и горных массивов: *«Над тусклою водой / Зарницы* ***синие*** *трепещут беглой дрожью»* («Запал багровый день»);

5) лиловый соотносится с тучами и горами: «А выше за холмом ***лиловые*** вершины» («Полдень»), «***Лиловых*** туч карниз» («Зеленый вал отпрянул и пугливо»);

6) зеленый ассоциируется с цветом морских вод и воздуха: «Облака клубятся в безднах зеленых» («Облака клубятся в безднах зеленых»);

7) черный – с мраком: *«И лежит земля страстная в* ***черных*** *ризах и орарях»* («Я иду дорогой скорбной…»);

8) серый (серебро, седой) цвет автор связывает с горами, облаками и увядающими травами: «*Седым* и низким облаком дол повит» («Седым и низким облаком дол повит…»);

9) Пурпурной цвет и перламутр – это красочные пятна на мрачной картине Киммерии: «Скрыты горы синью пятен и линий — / Переливами ***перламутра***...» («Облака клубятся в безднах зеленых»).

Л.А. Лисина и А.А. Дурягина отмечают, что М.А. Волошину «как неординарной личности и талантливому поэту, принадлежит индивидуальная цветовая символика, что говорит о том, что подтекст и множественность смыслов стоят на первом месте в его творчестве»[1]. Примечательна в этом отношении символика зеленого цвета. Он, традиционно «соотносящийся с молодость, весной, расцветом природы»[2] у киммерийского затворника вызывает новые ассоциации. В сознании М.А. Волошина этот цвет соотносится не только с цветом морских волн (*«****зеленый*** *вал отпрянул и пугливо»)* и растительности, но и с воздухом («*В* ***зеленых*** *сумерках таинственно-печален*»). Доподлинно известно, что какое-то время поэт увлекался иконописью, поэтому можно предположить, что на мировоззрение поэта повлияли славянские колористических традиции, что привело к частичной замене черного/синего на зеленый.

Цветовая палитра Киммерии меняется вместе с изменением времени суток и временем года, которые изображает поэт. Это четко можно проследить в циклах «Киммерийские сумерки» и «Киммерийская весна».

В стихотворении «Облака клубятся в безднах зеленых…» (1910) цветовая палитра, передаваемая через эпитеты и метафоры, становится проводником читателя через последовательные фазы утреннего пробуждения природы. Изначально перед нами лишь *«облака клубятся в безднах* ***зелёных*** */ Лучезарных лучей восхода*», однако постепенно исчезающие тени открывают взору скалы, приобретающие оттенки «***цвета роз и меда».***

[1] Дурягина, А.А., Лисина, Л.А. Колоративы в поэзии Максимилиана Волошина // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – Комсомольск-на-Амуре, 2018. – С. 155.

[2] Морщинский, В.С. Цветообозначения как смыслообразующие элементы индивидуально-авторской картины мира в ранней прозе Л.Н. Андреева: дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2019. – С. 121.

Цветовая гамма становится мягче: перед мысленным взором возникает «***белый стеклярус*** */ За Киик-Атламой костистой»*, сопровождаемый почти слышимым шумом того, как *«плещет в* ***синем*** *ветре* ***дымчатый*** *парус».* Дальнейшее преображение природы проявляется в *«****алеющих*** *щебнях»* и волнах, играющих *«****розовым*** *глянцем*». Поэт мастерски оперирует тонкими цветовыми переходами, благодаря чему утро раскрывается подобно *«кисть* ***лиловых бледных*** *глициний»*, а горные очертания растворяются в *«****синью*** *пятен и линий – / Переливами* ***перламутра****…».* Волошинская поэтическая манера оживляет рассвет, чему в немалой степени способствуют многочисленные олицетворения и метафор: «*И* ***сбегают*** *тени с гор обнаженных», «И* ***звенит*** *и* ***блещет*** *белый стеклярус», «****Плещет*** *синем ветре дымчатый парус», «****Скрыты*** *горы синью пятен и линий».*

Смена дня и ночи ярко отражена в стихотворении «Заката алого заржавели лучи…» (1913). В первых строках – «*Заката* ***алого заржавели*** *лучи / По склонам* ***рыжих*** *гор... и облачной галеры / Погасли паруса»* – закатное солнце, опускаясь за горизонт, заливает горные склоны багрянцем, постепенно «*растет ночная* ***тень***», а краски мира меркнут: «*Луга полынные нагорий* ***тускло-серы***». Олицетворения – «***заржавели*** *лучи*», угасшие «паруса» (отсылка к солнечной ладье Ра из египетских мифов), разрастающаяся тень и трепещущий «серп Венеры» – создают образ природы, засыпающей после дневного бодрствования, словно угасающее пламя.

При сопоставлении этих образов в двух стихотворениях заметно, что М.А. Волошин изображает закат через насыщенные оттенки – рыжий, алый, ржавый, – которые постепенно переходят в приглушенный серый цвет ночи. В описании же рассвета наблюдается обратое: ночная тьма сменяется мягкими переливами розового, медового, белого, бледно-лилового и перламутрового. Таким образом, динамика дня и ночи у Волошина строится на контрасте: ослепительная яркость дня уступает место ночной темноте, за которой следует утренний свет, окутанный нежными пастельными тонами.

Противоположны по своей цветовой гамме и времена года. Например, осень в стихотворении «Осенью» (1907) представлена в «рдыных красках» *(«****Рдяны*** *краски, / Воздух чист»)*, в пляске красного листа *(«Вьется в пляске / **Красный** лист»),* червленым (багряным) солнечным диском и миллионом алых морских брызг *(«Ввысь, в* ***червленый*** */ Солнца диск — / Миллионы* ***Алых*** *брызг!»).* Однако ранняя весна М.А. Волошина имеет «темный лик». Ее поэт рисует в темно-серой цветовой гамме, которая создается колоративами *серый, серебро, седой* и *черный*, и полнится нежно-розовыми и лиловыми оттенками.

Образ весны визуализируется посредством использования таких цветовых метафор и эпитетов как *«По долинам тонким дымом* ***розовеет*** *внизу миндаль»* («Я иду дорогой скорбной…»), *«Отливают волны* ***розовым*** *глянцем*» («Облака клубятся в безднах зеленых»), *«Точно кисть* ***лиловых*** *бледных глициний»* («Облака клубятся в безднах зеленых»), *«Так* ***бледны*** *дали* ***серых*** *гор!»* («Опять бреду я босоногий»), «*Обведена* ***серебряной*** *каймой*» («Равнина вод колышется широко»), *«По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре»* («Я иду дорогой скорбной…»). Весна наполнена нежными цветами и оттенками благодаря имеющимся в лирике красочным эпитетам и метафорам, которые соответствуют бледным акварельным тонам, поэтому можно говорить о том, что в поэзии М.А. Волошина отразилась его любимая акварельная техника в живописи.

В качестве особой группы цветовых эпитетов можно выделить драгоценные самоцветы: *«Тонкий снежный* ***хрусталь*** *опрозрачил дальние горы»* («Темны лики весны»), *«Земных пустынь, ни жидкие* ***топазы****»* («Явь наших снов земля не истребит»), *«От* ***изумрудно****-синих взморий»* («Пустыня»), *«Излом волны / Сияет* ***аметистом***» («Священных стран...»), *«Заливы черные сияют, как* ***оникс****»* («Mare internum»), *«Озер* ***агатовых*** *колдующие очи»* («Города в пустыне»), *«И радугами* ***бриллиантов****»* («Над черно-золотым стеклом…»). Уместно здесь упомянуть отзыв В.Я. Брюсова о первом сборнике стихов М.А. Волошина, где автор сравнивает молодого поэта с настоящем

ювелирным мастером, который «не знает жалости к алмазу», превращающегося после обработки в сверкающий бриллиант.

В результате исследования эпитетов данной группы Л.А. Лисина и А.А. Дурягина приходят к выводу, что «минерализация цвета в лирике М.А. Волошина имеет дополнительную изобразительно-выразительную функцию – уточнение цвета, его интенсивности и прозрачности»[1]. Это утверждение можно дополнить словами С.В. Таран о том, что использование минеральных эпитетов есть способ «перехода от изображения к образно-смысловой игре, средствам выражения многочисленных подтекстов, инструментам кодировки смыслов, выражения авторской позиции»[2].

Итак, исследование цветовой палитры киммерийской лирики показало, что для поэтической манеры М.А. Волошина свойственно использование приглушенных полутонов и оттенков. Киммерийские пейзажи размыты, нечетки, однако поэт подчеркивает их «широту» и «пустоту». Палитра цветов в стихотворениях непостоянна – она меняется в зависимости от времени суток и времени года, каждому из этих периодов киммерийский поэт приписывает свои цвета и оттенки.

THE COLOR PALETTE IN THE CIMMERIAN WORKS OF M. A. VOLOSHIN

A.S. Skubanovich
North School No. 1

The article explores the role of color as the main visual means of creating picturesque poetic images in the works of M. A. Voloshin. It analyzes how the color palette helps the poet to characterize the emotional structure of an artistic image and convey his perception of the world around him (including through the prism of the experience of a watercolor artist).

Key words: image, poetic text, A.M. Voloshin, color palette, Kimmeria.

УДК 81

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ В.В. МАЯКОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ «СТИХОВ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ»)

А.А. Сычева
Н. рук. – д. филол. н., проф. И.И. Чумак-Жунь
ОГАОУ ОК «Алгоритм Успеха» Белгородской области
Dottore16@yandex.ru

Кто такой писатель-классик? Почему его искусство доходит до читателя через века?

Принято считать, что, во-первых, он поднимает в своих произведениях вечные проблемы (например, в таких произведениях как «Что делать?», «Кто виноват?», «Отцы и дети», «Война и мир»), а, во-вторых, для творчества писателя-классика характерен идиостиль – языковые характеристики, по которым мы узнаем писателя.

И сегодня мы познакомимся поближе с индивидуальным стилем В.В. Маяковского, который заключается в использовании определенных художественных средств, характерных для его произведений, обратившись к стихотворению «Стихи о советском паспорте».

В стихотворении Маяковского используется огромное количество самых разнообразных образных средств. Здесь и термины – *бюрократизм, мандат;* метафоры – *глазами доброго дядю выев*; эпитеты – *учтивый чиновник*; сравнения – *берут, как будто берут чаевые, паспорт американца*; окказионализмы – *серпастый, молоткастый*.

[1] Дурягина, А.А., Лисина, Л.А. Колоративы в поэзии Максимилиана Волошина // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – Комсомольск-на-Амуре, 2018. – С. 156.

[2] Таран, С.В. Функциональная роль минералогической лексики в идиостиле М. Волошина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2015 – с. 9-10.

На первый взгляд, сложно определить, какие из них являются доминирующими в поэзии Маяковского и в чём именно заключаются особенности его идиостиля.

Мы попытаемся доказать, проанализировав текст данного произведения, что совокупность образных средств в поэзии Маяковского создает своеобразный кинематографический эффект.

В тексте чередуются размышления лирического героя и описания его взгляда, который, как камера, фокусируется на определенном событийном ракурсе.

Сначала кадр с самим Маяковским (или лирическим героем), небольшая подводка к самой теме рассказа и главному элементу в нем.

Я волком бы // выгрыз // бюрократизм. //К мандатам //почтения нету. //К любым //чертям с матерями // катись // любая бумажка. //Но эту…

Начинается этот фрагмент (да и весь текст) с личного местоимения Я. Герой очень энергично (с помощью фразеологизмов *выгрызть волком* и *катись к чертям с матерями*) доказывает свою нелюбовь к процветающему в то время в СССР бюрократизму. Противительный союз *но* переводит рассказ в другую плоскость – оказывается, есть «бумажка», к которой он относится с почтением, но что это за «бумажка»?...

Первый кинематографический прием – камера следует за учтивым чиновником, который, двигаясь *по длинному фронту купе и кают*, выполняет свою рутинную работу – проверяет паспорта у пересекающих границу граждан разных стран.

И пока пурпурная книжица остается лишь элементом на общем фоне (стоит отметить первое появление красного цвета в ахроматической палитре).

Вдруг общий однообразный фон меняется, приближающаяся камера показывает разные чувства, появляющиеся у *учтивого чиновника*. В соответствии со словарным толкованием: «Учтивый – это почтительно-вежливый»[1].

Благодаря ряду неопределенно-личных предложений (*с почтеньем берут паспорта; берут чаевые; глядят, как в афишу коза; берут, не моргнув, паспорта датчан*) создается представление о типичности и одинаковой предвзятости представителей чиновничьего класса. В кадре прекрасно отражаются эмоции и их причины. Описываются они с возрастающей отрицательной окрашенностью: сначала чиновник смотрит с *почтением*, затем *глазами доброго дядю выев*, потом его поведение характеризуется как *тупая полицейская слоновость* и, наконец, поэт уподобляет его голову кочану. Оказывается, *учтивый чиновник* – лицемер.

Камера, в соответствии эмоциям, крупным планом выхватывает паспорта. Почтение вызывает паспорт с *двухспальным английским левою.* Вспомним, что «…на английском паспорте изображен вальяжный, привыкший путешествовать в вагоне первого класса (двуспальное купе) английский лев (В.В. Маяковский называет его лёва) – устоявшийся образ соединённого королевства, символ королевской власти Англии, к которой в мире относились с большим благоговением (Сычева 2025)[2].

А вот паспорт американца вызывает что-то, подобное подобострастию: *глазами доброго дядю выев, не переставая кланяться, берут, как будто берут чаевые, паспорт американца*.

Так же ярко поэт представляет и другие геополитические объекты – появившуюся после революции на карте Польшу и недостойные внимания чиновника скандинавские страны[3].

---

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1984. – С.735.

[2] Сычева А.А. Советская поэзия как отражение великой исторической эпохи: о Маяковском, паспорте и широких штанах // Путь юного историка. – Т. 1. – № 2 (2025). – С.81 – 89

[3] Чумак-Жунь, И. И., Сычева, И. И. Идеология и фразеология: вторичный семиозис как «живое явление» // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы международной научной конференции, Тула, 17–19 мая 2018 года. – Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. – С. 417-421.

Кульминацией повествования является появление *краснокожей паспортины*, которую камера выхватывает в кадре. В этот же момент крупным планом показано лицо *господина чиновника*. Его мимика выражает гамму эмоций: от отвращения (*как будто ожогом рот скривило господину*) до ужаса, который вызван у него самыми мерзкими ассоциациями. Передает их ряд сравнительных оборотов: *И вдруг, // как будто // ожогом, // рот // скривило // господину. // Это // господин чиновник // берет // мою // краснокожую // паспортину. // Берет – // как бомбу, // берет – // как ежа, // как бритву // обоюдоострую, // берет, // как гремучую // в 20 жал // змею // двухметроворостую.*

Ни одного слова не произнесено участниками описанного события, но камера переходит с лица на лицо на заднем плане, где стоят другие служащие парохода, и мы видим отношение разных людей к гражданину Советского Союза.

Если мимика носильщика показывает, что он готов *и вещи снести задаром*, то переглядывания жандарма и сыщика лирический герой расшифровывает таким образом: *С каким наслажденьем // жандармской кастой // я был бы // исхлестан и распят за то, //что в руках у меня // молоткастый, //серпастый // советский паспорт.*

Последний фрагмент стихотворения это обобщение, в котором лирический герой ещё раз определяет ценность «бумажки», которая находится у него в руках. Это *серпастый, молоткастый* паспорт Советского Союза, которого так боятся капиталистические страны.

В заключении отметим, что анализ «Стихов о советском паспорте» привлек наше внимание к некоторым интересным языковым фактам:

° *фронт купе и кают* – передняя часть купе и кают,

° окказионализмы *серпастый* и *молоткастый* дают представление о гербе на обложке советского паспорта,

° Маяковский ходил в соответствии с модой того времени в широких штанах,

° и, наконец, если мы предполагаем, что Маяковский плывет в Америку на пароходе («по длинному фронту купе и кают»), то слово «краснокожий» приобретает особое значение: в Америке так называли индейцев, которые тоже подлежали уничтожению, так как мешали «господам» переселенцам.

°

The text is about the cinematic effect, which is characteristic of the idiosyncrasy of V.V. Mayakovsky. When analyzing the "Poems about the Soviet Passport," the poetic text makes it possible to trace the events of the early 20th century. The variety of language tools used by the author creates a vivid panorama of the surrounding reality. The hero's gaze is like a camera, which conveys the dynamics not so much of the action as of the characters of that era.

Key words: idiostyle, V.V. Mayakovsky, cinematic effect, linguistic means.

УДК 94.37

РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Д.А. Шаталова
Н. рук. – учитель русского языка и литературы С.Н. Кива
ОГАОУ ОК «Алгоритм Успеха» Белгородской области
kseniya_shatalova@rambler.ru

Рецептивный подход к художественному творчеству в современном литературоведении занимает одно из значимых мест. Он позволяет проследить характер взаимодействия сознаний автора и читателя как представителей одной или разных эпох, приверженцев родственных либо удаленных друг от друга культур. В «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова рецепцией называется «усвоение и приспособление данным обществом

социологических и культурных форм, возникших в другой общественной среде»[1]. Немецкий учёный Х.Р. Яусс полагает, что читатель воспринимает произведение с учётом опыта и исторических условий. Его точку зрения развивает Е.Г. Метельникова, которая указывает на то, что рецептивный подход позволяет изучать произведение как «исторически открытое явление, ценность и смысл которого исторически подвижны, изменчивы и поддаются переосмыслению»[2].

В настоящее время вопрос рецепции русской классической литературы в Китае приобретает особую значимость в условиях расширения связей, порождающих диалог столь разных культур. Заметим, что знакомство жителей Поднебесной с русской классической литературой началось более ста лет назад. Исследователь В. Третьяков отмечает, что в 1900 году на китайский язык были переведены басни И.А. Крылова, а в 1903 году издан роман А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (в переводах – «Русская романтическая история» («俄国情史») и «Записки сна бабочки среди цветов» («花心蝶梦录»)[3]. Сегодня русская литература составляет треть переводной литературы Китая (в числе произведений – сочинения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Островского, других писателей). Она рассматривается как «близкая» по системе духовно-нравственных ценностей, «достойная подражания». Китайский русист Ли Синьмей в статье «Современная русская литература в Китае: обзор исследований» приводит статистику переводов русских текстов за тридцать лет: «В Китае постепенно складывается группа специалистов по современной русской литературе общей численностью не меньше 40 человек, в которую входят представители разных поколений русистов»[4]. Он называет таких мастеров перевода, как Лу Синь (А.П. Чехов), Линь Шу (Л.Н. Толстой), Чжан Бин (В.П. Астафьев). Русская литература как обязательный компонент школьной программы Китая подвергается анализу в статье Ли Ли инь «Русская литература в школьной программе КНР», что свидетельствует об актуальности темы[5].

Рассматривая вопросы рецепции русской литературы, необходимо учитывать, что иностранный читатель (особенно школьник) – носитель другого культурного кода, поэтому важно, как интерпретируются произведения русской классики в учебниках китайской словесности и в факультативных приложениях (книга «Иностранная литература»). Очень часто текст, предложенный учащимся, претерпевает несколько переводов, то есть несколько адаптаций. Варианты, специально изданные для базовой китайской школы, имеют качественное оформление, яркие иллюстрации, а иероглифический текст снабжён транскрипцией пиньинь (наиболее распространённый способ транскрипции китайских иероглифов), чтобы знакомство школьников с произведением было максимально продуктивным. Обязательны краткие вступительные статьи об авторе, словарь многозначной лексики и комментарии к словам национально-культурного компонента. Так, к рассказу А.П. Чехова «Человек в футляре» («Человек, замаскированный в футляр») китайским школьникам предлагаются следующие словарные статьи:

1. Фуфайка – это мягкая ткань с начёсом или ворсом, поскольку фуфайка – это тёплая нательная одежда («*Он носил тёмные очки**, фуфайку**, уши закладывал ватой, и когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх*»)[6].

---

[1] *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М., 2005. – С. 450.

[2] *Мельникова Е.Г.* Понятие рецепции: современные исследовательские подходы к анализу текстов культуры // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. – С. 237.

[3] *Третьяков В.* Русская литература в Китае [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – № 110. – 2011. – URL: ttp://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/tr39.html (дата обращения: 07.08.2025).

[4] *Ли Синьмэй*. Современная русская литература в Китае: обзор исследований // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2020. – № 4. – С. 69.

[5] *Ли Линьинь, Маркасова Е., Чжан Жухань, Цао Юйтин*. Русская литература в школьной программе КНР // Детские чтения. – 2017. – № 11. – С. 119.

[6] *Чехов А.П.* Дама с собачкой: рассказы. – М., 2006. – С. 192.

2. Замша («оленья кожа») – это кожа из отборного сырья жирового метода дубления, изготавливается из шкуры оленя *(«Часы в чехле из серой **замши**»)*[1].

Полюбившийся китайцам роман А.С. Пушкина «Капитанская дочка» («Записки сна бабочки среди цветов» («花心蝶梦录») очень близок классическому китайскому роману «Путешествие на Запад». В адаптированном переводе действие происходит в Сибири, а не в Оренбургских степях: «*По бескрайней Сибирской земле России редко ступает человеческая стопа: всюду мы видим обрывистый горный рельеф, густые деревья, утром слышим крик оленя, вечером раздается пение птиц, зимой мы видим только мертвый лес, озябших ворон, а летом – бурно распускающиеся цветы…*», а присутствие в названии символа бабочки свидетельствует о том, что исторический роман превратился в любовный. «Бабочка» – метафора женской красоты, семейного счастья. Таким образом, в сознании китайских читателей Маша Миронова (Ма Ли [玛丽]) – это Джульетта, смелая, активная и любящая девушка, способная на необычные поступки, а Пётр Гринев (Ми Ши [弥士]), как и Ромео, честный, принципиальный молодой человек, готовый на самопожертвование ради любви[2]. Изменение сюжетной канвы влечёт изменения в осмыслении произведения китайскими реципиентами. Они воспринимают героев русской классической литературы по-другому, авторская идея искажается или замещается иными умозаключениями. Переводчик знакомит читателя лишь с сюжетом, а не с глубоким посылом автора.

Рецепция творчества русских авторов является частью воспитательного процесса в китайском школьном образовании и часто несёт идеологическую нагрузку. С 1940 года до настоящего времени самым популярным среди китайских школьников является роман Н.А. Островского «Как закалялась сталь». Образ Павла Корчагина повлиял на целое поколение китайских учеников, сыграл важную роль в истории страны. В период гражданской войны роман читали раненые в госпиталях, была создана боевая рота имени Павла Корчагина. В современной школьной программе произведение Н.А. Островского предлагается без сокращений, так как, по мнению Министерства образования КНР, оно воспитывает в молодёжи мужество, героизм, волю.

В 1950-е годы обязательной для чтения в школе стала «Песня о Буревестнике» М. Горького. Лозунг-плакат «Пусть сильнее грянет буря» вывешивался в учебных заведениях для пропаганды идей китайской революции. В эти годы в факультативных учебниках китайской словесности появляется и несколько глав романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия», герои которого символизируют образец «прекрасного, сильного, добродушного нового человека». Ли Минбинь отмечает, что «вот эти, казалось бы, несовместимые качества составили своеобразный образ того поколения китайской молодёжи»[3].

В 2000-е годы в китайских учебниках печатают главы из романов Л.Н. Толстого «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», анализируют женские образы через осмысление «правильности» или «неправильности» поведения героинь. Образ Наташи Ростовой предстаёт как воплощение русского национального женского характера, антиподом которому является образ Анны Карениной. Семейственность, нравственная чистота, материнство как высшая ценность – основы конфуцианства, на которых воспитываются юные китайцы.

Можно утверждать, что особенности восприятия произведений русских классиков, вошедших в школьную программу КНР, во многом зависят от социально-исторических, культурных условий реципиентов. Сочинения А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, Н.А. Островского, других авторов – это

[1] Там же. – С. 193.
[2] *У Чэн-энь*. Путешествие на Запад. Т. 1 / пер. с кит. А.П. Рогачева. – СПб., 2015. – С. 760.
[3] *Ли Минбинь*. Изучение Пушкина в Китае // Русская литература и искусство. – М., 1999. – № 2. – С. 50.

обязательный элемент в образовательном пространстве Китая, участвующий в становлении мировоззрения юношества.

RECEPTION OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN THE CHINESE EDUCATION SYSTEM

D.A. Shatalova
OGAOU OK «Algorithm of Success» of Belgorod region

The article examines the peculiarities of the reception of Russian classical literature in the Chinese education system. The works of Russian classics included in the Chinese school curriculum were reinterpreted by readers depending on receptive factors, but so far it is an obligatory element in the educational space of China, participating in the formation of the worldview of youth.

Key words: reception, Russian literature, Chinese education system.